

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

К 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне

РАТНЫЙ И ТРУДОВОЙ ПОДВИГ УЧЕНЫХ- ЭКОНОМИСТОВ: ОЧЕРКИ И СТАТЬИ

Москва, 2025

УДК 330.8
ББК 65.02

Составители:

А.В. Петриков, член Президиума ВЭО России, академик РАН, д-р экон. наук, профессор

М.И. Воейков, член Правления ВЭО России, заведующий сектором политической экономики Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор

С.В. Котеев, канд. экон. наук, доцент

Ратный и трудовой подвиг ученых-экономистов: очерки и статьи / Москва: ВЭО России, 2025 — 528 с.

Вольное экономическое общество России (ВЭО России) к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне публикует сборник «Ратный и трудовой подвиг ученых-экономистов: очерки и статьи». В сборник вошли статьи из выпусков серии «Война и мир в судьбах ученых-экономистов», опубликованной в 2003–2014 гг. Волгоградским государственным университетом и Институтом экономики Российской академии наук.

ISBN 978-5-94160-240-7

© Коллектив авторов, 2003–2014 гг.

© Издательство Волгоградского государственного университета, 2003–2014 гг.

© Институт экономики РАН, 2003–2014 гг.

Содержание

8	Предисловие <i>С.Д. Бодрунов</i>
11	Николай Алексеевич ВОЗНЕСЕНСКИЙ Стратег экономической победы СССР в Великой Отечественной войне и восстановления народного хозяйства <i>Л.А. Вознесенский</i>
40	Николай Константинович БАЙБАКОВ Патриарх нефтяной промышленности России <i>И.О. Тюменцев, В.В. Булатов</i>
53	Дмитрий Трофимович ШЕПИЛОВ Человек и гражданин, ученый и дипломат, политик и воин <i>С.Г. Сидоров</i>
73	Георгий Аркадьевич АРБАТОВ <i>А.Г. Арбатов</i>
89	Анушаван Агафонович АРЗУМАНЯН Жизнь науке <i>В.А. Мартынов</i>
104	Владимир Алексеевич ВИНОГРАДОВ История мировой экономики в актуальном измерении <i>Ю.С. Пивоваров, Л.В. Скворцов, А.А. Фурсенко</i>
112	Абрам Герасимович МИЛЕЙКОВСКИЙ <i>И.М. Осадчая</i>
120	Николай Николаевич ИНОЗЕМЦЕВ «Жизнь! Какое прекрасное слово!..» <i>М.М. Максимова</i>
129	Александр Александрович НИКОНОВ Жизнь и творческий путь академика <i>А.В. Петриков</i>
143	Николай Прокофьевич ФЕДОРЕНКО Ученый, гражданин, человек <i>А.В. Летенко, Р.М. Качалов</i>

- 154   **Лев Маркович ГАТОВСКИЙ**
Творческий путь и научное наследие
*В.П. Логинов, Е.Л. Беляева, Е.И. Александрова,
В.Г. Ионин*
- 167   **Евгений Иванович КАПУСТИН**
Видный ученый-экономист
И.С. Маслова
- 179   **Виктор Леонидович ТЯГУНЕНКО**
Ученый, лидер, человек
Л.В. Тягуненко
- 187   **Яков Григорьевич ФЕЙГИН**
Путь ученого
Е.И. Александрова, В.Г. Ионин
- 203   **Василий Романович БОЕВ**
Солдат Великой Отечественной
Р.П. Харебава, В.Р. Боева
- 211   **Сергей Степанович СЕРГЕЕВ**
Всегда на передовой: агроном, воин, педагог,
академик
А.П. Зинченко
- 226   **Михаил Иванович СИНЮКОВ**
Воин, ученый. Руководитель
Ф.К. Шакиров
- 232   **Иван Васильевич КОТОВ**
Н.А. Медведев
- 238   **Николай Никифорович МОРОЗ**
Герой войны. Труженик мирного времени
Т.В. Березовская
- 245   **Иван Александрович АНЧИШКИН**
Боевой и научный путь
Н.К. Фигуровская
- 258   **Рэм Александрович БЕЛОУСОВ**
Война имеет разные формы
Р.А. Белоусов

- 282   **Дмитрий Васильевич ВАЛОВОЙ**
Борец с вульгаризацией экономической
науки
Н.К. Фигуровская, И.А. Благих
- 291   **Александр Алексеевич ВОЗНЕСЕНСКИЙ**
Человек, ученый и педагог, государственный
и общественный деятель
Л.А. Вознесенский
- 310   **Евгений Семенович ГОРОДЕЦКИЙ**
Человек. Ученый, воин
Е.Я. Ефремова, С.И. Половенко
- 318   **Виталий Алексеевич ЖАМИН**
Памяти воина и ученого
И.М. Владимирова
- 334   **Максим Матвеевич ЗАГОРУЛЬКО**
Портрет солдата, ученого, человека
И.О. Тюменцев
- 343   **Клементий Германович КАМУШЕР**
Мужество в жизни, просветленность в науке
Н.К. Фигуровская, Т.К. Дзокаева
- 348   **Владимир Александрович КАРАВАЕВ**
Ученый и подводник
И.В. Караваева
- 354   **Адольф Иосифович КАЦ**
Ученый-интернационалист
Н.К. Фигуровская
- 357   **Яков Абрамович КРОНРОД**
С фронта военного на фронт теоретический.
Эпоха и личность
М.И. Воейков
- 369   **Владимир Федорович МАЙЕР**
Жизнь в науке
В.Ф. Майер

- 378   **Алексей Николаевич МАЛАФЕЕВ**
Командир стрелковой роты и профессор
политической экономии
П.И. Гребенников, О.А. Малафеев
- 392   **Ефим Львович МАНЕВИЧ**
Боевой и научный путь
Т.А. Бараненкова
- 402   **Абрам Аронович МЕЙЛАХС**
Дорогами трех войн и послевоенного
мирного строительства
В.Д. Калинин, Э.Д. Матвиевская
- 411   **Игорь Иванович ОРЛИК**
Партизан, фронтовик, профессор
С.П. Глинкина, М.П. Стрепетова
- 423   **Анатолий Карпович ПОКРЫТАН**
Испытание
Александр Данилов
- 441   **Анатолий Карпович ПОКРЫТАН**
Подвижник отечественной экономической
науки и образования
М.И. Зверяков
- 446   **Михаил Васильевич СОЛОДКОВ**
Солдат, ученый и учитель
В.М. Солодков
- 456   **Владимир Францевич СТАНИС**
Воин, ученый, педагог, политик, ректор
М.Д. Рогатов
- 462   **Николай Владимирович ХЕССИН**
Бескомпромиссная политическая экономия
марксизма
А.В. Бузгалин, А.И. Колганов
- 476   **Георгий Николаевич ХУДОКОРМОВ**
Человек и ученый
А.Г. Худокормов

- 489   **Николай Анатольевич ЧЕКАНСКИЙ**
Красная нить
А.Н. Чеканский
- 499   **Натан Иосифович ШЕХЕТ**
Всегда на передовой
А.Н. Чеканский, Г.А. Котова, Б.З. Торлин
- 506   **Владимир Петрович ШКРЕДОВ**
А.Ю. Чепуренко
- 516   **Николай Дмитриевич КОЛЕСОВ**
Речка впадает в историю
М.М. Загорулько, Г.Г. Богомазов, В.Б. Смирнов

Предисловие

Уважаемый читатель! Все дальше вглубь истории уходит Великая Отечественная война, но не меркнет подвиг нашего народа, победившего фашизм, — несмотря на многие попытки отдельных политиков и «экспертов» переписать историю, исказить суть событий 80-летней давности. Наша задача — сохранить память и правду о войне и тех людях, кто приближал победу.

Представляемая вниманию читателя публикация рассказывает о военном и трудовом пути ученых-экономистов. Она составлена из очерков о них и статей самих фронтовиков, собранных и опубликованных в 2003–2014 годах в рамках проекта Института экономики Российской академии наук и НИИ проблем экономической истории XX века Волгоградского государственного университета «Война и мир в судьбах ученых-экономистов». Участники проекта проделали огромную работу по подготовке и изданию материалов. В 11 выпусках серии, выходивших в свет в преддверии 60-летия и 70-летия Великой Победы, представлено более 140 очерков и статей. Их авторами являются коллеги, ученики, члены семей фронтовиков, а также сами ветераны.

Вольное экономическое общество России признательно руководству Волгоградского государственного университета и Института экономики РАН за предоставленную возможность использовать в новом издании часть упомянутых материалов в год 80-летия Великой Победы. Но прежде всего мы благодарны авторам сборника, совместными усилиями которых было подготовлено данное уникальное издание, представляющее собой, по сути, коллективный портрет военного поколения ученых-экономистов.

Главной трудностью, стоявшей перед редакционным советом ВЭО России и составителями настоящей книги, был отбор материалов для публикации. Мы заранее просим извинения у читателей, уже знакомых со сборниками 2003–2014 гг., которые могут не согласиться с перечнем переиздаваемых статей, включенных нами в нынешний сборник, а также настоятельно рекомендуем всем, кто интересуется историей отечественной экономики и экономической науки, познакомиться со всеми материалами серии — на наш взгляд, они весьма познавательны и дополняют палитру впечатлений по предмету сборника.

Чем, на наш взгляд, ценна настоящая книга и все выпуски серии «Война и мир в судьбах ученых-экономистов»?

Прежде всего, они имеют мемориальное значение. Это еще одно свидетельство массового героизма советских людей, проявленного в годы войны. Почти в каждом очерке сообщается, что их герои добровольно ушли на фронт, были отмечены многими боевыми наградами. Именно их самопожертвование и верность воинскому долгу и стали залогом одержанной Победы.

Эти качества они сохранили и в мирное время, на «исследовательском фронте», что позволило большинству из них продвинуть экономическую науку вперед, добиться блистательных творческих побед. По очеркам, представленным в сборнике, можно изучать историю послевоенной советской экономики и советской экономической мысли вплоть до конца XX века. Через призму творческой судьбы героев очерков читатель легко может разглядеть основные периоды развития советской

экономической системы — от сталинизма к хрущевской оттепели, брежневское время с попыткой косыгинских реформ, период горбачевской перестройки и перехода к рынку. Уникальность представленных материалов состоит в том, что многие ученые-экономисты, о которых рассказано в книге, и возглавляемые ими творческие коллективы непосредственно работали с лидерами государства или готовили экспертные доклады для директивных органов. То есть — знали систему принятия решений в области экономической политики изнутри. Их оценки и суждения дают возможность понять внутренние причины событий советской экономической истории.

Сегодня, с высоты нынешних знаний и полученного опыта, остается только сожалеть, что многие предложения ученых-экономистов того времени оказались нереализованными, а экономические реформы — неосуществленными. При чтении книги возникает мысль, что развал советской экономической системы не был внутренне предопределен, а вызван, главным образом, нежеланием лиц, принимающих стратегические решения, прислушиваться к рекомендациям ученых.

Что касается истории экономической науки, сборник содержит сведения об основных ее школах и центрах экономической мысли — экономических факультетах Московского и Ленинградского университетов, Институте экономики Академии наук СССР, Институте мировой экономики и международных отношений и других, а также об истории послевоенного экономического образования. Ценно, что в сборнике представлены очерки об аграрниках-экономистах, ведь сельское хозяйство традиционно занимало и занимает значимое место в структуре российской экономики. Вольное экономическое общество России, начиная со времен своего «императорского» прошлого и поныне, уделяло этой теме всегда особое внимание.

Из текстов следует, что среди советских ученых-экономистов, вышедших, как правило, из марксистско-ленинской политэкономической «шинели», тем не менее, отнюдь не наблюдалось схоластики и теоретического «единомыслия», как сегодня многие полагают, особенно молодые ученые. На кафедрах и факультетах, на страницах научных журналов и конференциях разворачивались острые дискуссии о путях развития марксистско-ленинского экономического учения, построения общества.

Не будет преувеличением сказать, что накал этих дискуссий был, пожалуй, сильнее, чем в современное время, а многие положения советской экономической школы актуальны и сегодня: о соотношении плана и рынка, о роли и месте государства и хозяйствующих субъектов в экономической системе, о хозрасчете как форме реализации экономических интересов, об административных и экономических методах управления народным хозяйством, о социальных гарантиях экономического развития и др.

Отдельно следует сказать об очерках, посвященных Николаю Алексеевичу Вознесенскому и Николаю Константиновичу Байбакову. Н.А. Вознесенского часто называют стратегом экономической победы СССР в Великой Отечественной войне и восстановления народного хозяйства. В 1938–1941 гг. и в 1942–1949 гг. он возглавлял Госплан СССР, а в 1942–1945 гг. являлся членом Государственного Комитета Обороны. Свой опыт руководства экономикой в военное время он изложил в монографии «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», удостоен-

ной в 1947 г. Сталинской (государственной) премии. Именем Н.А. Вознесенского названы учебные заведения и улицы ряда городов. В частности, глубоко символично, что в Санкт-Петербурге сегодня Комитет экономики городского Правительства размещается в здании, расположенном на улице Н.А. Вознесенского (автору этого очерка довелось работать в этом здании в качестве Председателя этого Комитета в бытность губернатором Санкт-Петербурга нынешнего Председателя Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко.)

Н.К. Байбаков с сентября 1940 г. — заместитель наркома, а с ноября 1944 г. — нарком нефтяной промышленности СССР, отвечавший за обеспечение армии и тыла горючим.

Эти экономисты не были фронтовиками, но их вклад в Великую Победу трудно переоценить. Их имена неразрывно связаны с «экономикой Победы».

В заключение — об одном, на наш взгляд, важном выводе, который невольно напрашивается при чтении книги. Речь идет о социальной ответственности ученых (в данном случае — экономистов) перед обществом. В очерках часто сопоставляется и одинаково высоко оцениваются как их ратный подвиг, так и их научная деятельность, их вклад в развитие экономической науки и практики. Вот какими словами закончил свой фронтовой дневник в июне 1945 года будущий академик Николай Николаевич Иноземцев: «Жить — это значит действовать, это — бороться, это — мыслить о новом... сознавать, что только ты сам можешь сделать жизнь нужной и интересной, сознавать, что в жизни основное — борьба. Борьба за себя самого, за свои принципы, за свое будущее, за будущее своей Родины... Родина — это не только „сегодня“, но и „завтра“»¹.

Как афористично и правильно сказано! История этой борьбы, достижений, проблем, усилий и труда ученых-экономистов нашей страны, в преломлении «света Победы» — перед Вами, уважаемый читатель.

*С.Д. Бодрунов,
президент Вольного экономического
общества России, член-корреспондент
РАН, д.э.н., профессор*

¹ Максимова М.М. Николай Николаевич Иноземцев. «Жизнь! Какое прекрасное слово!...» / Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 2. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 17.

**Николай
Алексеевич
Вознесенский**

СТРАТЕГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОБЕДЫ СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА²

Именно так на научно-практической конференции³, посвященной 100-летию со дня его рождения, в изданной к этой дате и в связи с приближающимся 60-летием всемирно-исторической по своему значению Победы над гитлеровским фашизмом книге⁴, в журнальных статьях была охарактеризована роль в истории нашей страны выдающегося советского ученого-экономиста, академика Николая Алексеевича Вознесенского. Он не служил в армии, не был фронтовиком, но его личный вклад в Победу советского народа, в важнейшую и в конечном счете решающую организационно-экономическую ее составляющую был столь значителен, что не рассказывать об этом человеке в книге, отдающей дань благодарной памяти экономистам, прошедшим сквозь огонь беспримерной войны, просто невозможно. Теперь, через шесть десятилетий после ее окончания, для новых поколений читателей придется, очевидно, сначала обозначить вкратце основные этапы недолгого и вместе с тем поразительно насыщенного работой, творчеством его жизненного пути.

Николай Алексеевич Вознесенский (01.12.1903 — 01.10.1950) родился в селе Большое Теплое Чернского уезда Тульской губернии. Работать он начал с 14 лет, после смерти отца, мелкого служащего лесной базы, став, как говорится, кормильцем семьи. В 16 организовал и возглавил в Черни первую комсомольскую уездную ячейку и тогда же, в 1919 году, вступил в ряды РКП(б). В 1920–1921 годах он заведует экономическо-правовым отделом Тульского губкома комсомола, по путевке которого направляется на учебу в Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова. Однако Николаю отказывают в приеме ввиду юного возраста и зачисляют студентом только после его письма В.И. Ленину. По окончании университета Н.А. Вознесенский на партийной работе в Донбассе (1924–1928 гг.), а затем снова учеба: в 1928–1931 годах являлся слушателем Экономического Института Красной профессуры, а с 1931 по 1934 год — преподавателем там же. В 1934–1938 годах — руководитель группы планирования и учета, член ЦКК — РКИ.

В 1935–1937 годах — председатель Плановой комиссии и заместитель председателя исполкома Ленинградского Горсовета депутатов трудящихся. В 1937 году — заместитель председателя, а в 1938–1941 и в 1942–1949 годах — председатель Госплана СССР. В 1938–1939 годах — член Бюро Комиссии советского контроля. С 1939 года член ЦК ВКП(б), член Комиссии по изменению Программы партии. В 1939–1941 годах — заместитель Председателя Совета народных комиссаров (СНК) СССР, заместитель председателя Комитета Обороны. С 1940 года — председатель

² Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 4. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. — С. 5–49.

³ Конференция «Николай Алексеевич Вознесенский: его эпоха и современность» была организована Российской академией наук, Министерством экономического развития и торговли РФ, Российским государственным архивом экономики и проходила в Москве 1 декабря 2003 года.

⁴ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Изд. дом «Экономическая газета», 2003 (Серия «Русская классическая библиотека. Экономика и духовность»). Книга дополнена статьями о ее авторе.

Совета по оборонной промышленности при СНК СССР. В 1941 году — заместитель председателя Комиссии по военным и военно-морским делам при Бюро СНК СССР.

В 1941–1946 годах Н.А. Вознесенский — первый заместитель Председателя СНК СССР. В 1941–1945 годах — член Бюро СНК, председатель Комиссии Бюро СНК по текущим делам. В 1941–1947 годах — кандидат в члены Политбюро.

В 1941 году представляет в Куйбышеве СНК СССР, руководит работой перемещенных туда наркоматов, прежде всего, оборонной промышленности, решая задачу в кратчайший срок пустить в ход заводы, эвакуированные на Волгу, Урал и в Сибирь. Во время Великой Отечественной войны Н.А. Вознесенский персонально отвечал за производство вооружений и боеприпасов. В 1942–1945 годах он член ГКО. С 1943 по 1944 год — член Комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации. С 1944 года заместитель председателя Оперативного Бюро ГКО и заместитель председателя Бюро Совнаркома СССР. С 1945 года заместитель председателя одного и член другого Оперативных бюро СНК для повседневного руководства деятельностью наркоматов и ведомств, член Специального комитета при ГКО (СНК, Совмине) СССР (по использованию внутриатомной энергии урана).

С 1946 по 1949 год Н.А. Вознесенский — заместитель Председателя Совета Министров СССР, заместитель председателя Бюро Совмина СССР, член Комиссии по внешним делам Политбюро, рассматривавшей также и вопросы внутренней жизни страны. С 1947 года — председатель Бюро по металлургии и химии при Совмине СССР. В 1947–1949 годах — член Политбюро ЦК ВКП(б). После войны — заместитель председателя Комиссии по изменению Программы ВКП(б), разрабатывавший этот документ (так и не увидевший света), исходя из необходимости срочных и крупнейших социально-экономических и глубоко демократических перемен в жизни советского общества. Депутат Верховного Совета РСФСР первого созыва и Верховного Совета СССР второго созыва.

Скорее всего, названия некоторых постов, доверенных Н.А. Вознесенскому, мало что говорят современным читателям, но их реальное значение можно оценить хотя бы по тому факту, что председателем многих из этих высших звеньев государственного управления был или считался Сталин. Под руководством Николая Алексеевича разрабатывались планы развития народного хозяйства СССР: третий пятилетний (1938–1942), на 1941 год, мобилизационный, военно-хозяйственный, квартальные и другие в течение всей Отечественной войны, на четвертую (1946–1950) пятилетку, Генеральный (на 15–20 лет), осуществлялось централизованное государственное управление предвоенной, военной и послевоенной экономикой страны. На протяжении всей войны он возглавлял работу Совета народных комиссаров СССР. В 1941 году был награжден орденом Ленина за успехи в развитии народного хозяйства, а в 1944 году получил второй орден Ленина за успешное выполнение заданий ГКО в области планирования и материально-технического обеспечения военного хозяйства в период Отечественной войны.

Н.А. Вознесенский — один из первопроходцев и создателей политической экономики социализма как научной дисциплины. С 1935 года доктор экономических наук, с 1943 — действительный член Академии наук СССР. За книгу «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» в 1947 году удостоен Сталинской премии I степени.

В 1949 году арестован и в 1950-м расстрелян по сфальсифицированному «ленинградскому делу». В 1954 году за отсутствием состава преступления полностью реабилитирован.

В связи с этим последним обстоятельством — трагической гибелью Н.А. Вознесенского — расскажу о маленьком, но чуть ли не символическом, как потом оказалось, эпизоде. Мой брат, будущий доктор экономических наук и профессор, а тогда школьник, и я, студент, вместе с нашим отцом — старшим братом Николая Алексеевича — в одно зимнее воскресенье 1948 или 1949 года были на его даче в Горках-Х, под Москвой. Все вышли из дома подышать морозным воздухом. Настроение у гостеприимного хозяина было отличным (впрочем, в плохом состоянии духа видеть его мне, пожалуй, не довелось вообще), мы шли с ним рядом по заснеженной дорожке, разговаривая и подшучивая друг над другом, и он стал по-мальчишески «задираться», то и дело пытаясь столкнуть меня в сугробы. В конце концов я сам напал на него и подножкой свалил в снег. И хотя он был явно сильнее и тяжелее меня, этот коварный прием оказался для него совершенно неожиданным и увенчался полным успехом. Мы все от души хохотали над таким поворотом событий, а года через два, уже после гибели Николая Алексеевича, да и позднее, я не раз вспоминал об этом эпизоде, потому что увидел в нем какую-то зловещую аналогию: вот так же, с помощью подножки, но уже не в игре, а в реальной жизни одержали над ним победу люди, которых вряд ли кто-нибудь рискнул по их интеллектуальным и моральным качествам поставить рядом с этой яркой, талантливой личностью.

Даже противники называли его «глыбой ума», а я бы добавил — постоянно самообучающейся «глыбой». На той же даче вдоль стен в кабинете стояли небольшие квадратные столы. На каждом из них — стопки свежих книг и журналов по самым различным отраслям знаний: математике, астрономии, металлургии, эпизоотологии и т.д., и т.д. А на последнем лежала только что вышедшая в свет художественная литература.

Увидев это тематическое разнообразие, я спросил Николая Алексеевича, зачем ему книги по столь широкому спектру научных и практических проблем, и в ответ услышал:

— Я нахожусь на такой работе, что постоянно должен быть в курсе новейших достижений науки и практики во всех сферах жизни, иначе не смогу правильно планировать развитие народного хозяйства.

— Да, но ведь все это невозможно даже просто прочитать!

— А я и не читаю. Я эти книги просматриваю.

— Но что может дать такой просмотр?

— Ну, давай проведем эксперимент. Пойдем. Так, математику ты не любишь и не знаешь... Физику и химию тоже особенно не жалуешь... Биологию... А вот художественную литературу любишь и знаешь. Ты читал этот роман? — Николай Алексеевич взял книгу, лежавшую сверху стопки на последнем столе.

— Читал.

— Что ты можешь сказать о нем?

Я изложил свое мнение о романе, автор которого недавно получил за него Сталинскую премию.

— Хороший анализ. А заметил ли ты?.. — и Николай Алексеевич почти процитировал пространное описание природы и обратил внимание на ряд других пренебрежительно пропущенных мной деталей.

— Так, значит, ты все же книгу прочитал? — продолжал упорствовать я.

— Нет, я только пролистал ее. На это ушло минут 10–15, больше времени у меня не было...

К слову, несколько лет назад мне преподнесли подарок — брошюру Н. Тихонова с весьма любопытным анализом состояния советской литературы в 1944–1945 годах. Судя по формуляру научной библиотеки Госплана СССР, единственным читателем этого издания оказался Николай Алексеевич.

Действительно, он обладал редкостной, можно сказать, фотографической памятью: буквально за несколько секунд он мог запомнить чуть ли не дословно текст страницы прежде, чем успевал перевернуть ее. Но главное, в то же время в его сознании с необыкновенной скоростью происходил и многогранный анализ прочитанного или, точнее сказать, просмотренного. (Надо думать, в какой-то мере с помощью этого навыка, хотя он, конечно, не всегда был применим, председатель Госплана и заместитель Председателя Совета Министров СССР ежедневно прорабатывал примерно 400 страниц печатного текста.)

Уже после снятия со всех постов, а может быть, даже и ареста Николая Алексеевича, в лекции на экономическом факультете Московского университета будущий начальник Центрального статистического управления, входившего тогда в Госплан, доктор экономических наук Л.М. Володарский, не скрывая восхищения, рассказывал о своем руководителе, правда, не называя его по имени. Впоследствии Лев Маркович в одной из своих брошюр, изданной на английском языке, посвятил Николаю Алексеевичу отдельную главу «В школе Вознесенского». А тогда, обращаясь к нам, студентам, говорил: «Как мы работали с председателем Госплана? Вызывает он „творчески заряженных“ сотрудников и дает поручение подготовить материал по сложнейшему вопросу. Мы работаем не покладая рук, не считаясь со временем, и являемся к нему с готовым документом. Он прямо при нас пролистывает его, откладывает в сторону и экспромтом до глубокой ночи читает нам шестичасовую лекцию. Теория в ней опирается на практику и перемежается с нею, выводы выходят далеко за пределы, вроде бы, относительно узкой темы полученного задания, и перед нами открываются не только ближайшие, но и отдаленные, не только экономические, но и социальные, политические и даже нравственные последствия предложенных в документе решений. „Идите и работайте!“ — напутствует он нас. Казалось бы, результат наших усилий перечеркнут, а мы уходили с крыльями за плечами, потому что перед нами открывались совершенно новые горизонты мышления».

Не знаю, часто ли происходили подобные сцены, но этот фрагмент лекции запомнился навсегда: ведь в то время он был равносителен моральному подвигу, который очень просто могли приравнять к государственному преступлению нашего, теперь уже светлой памяти, лектора. Кстати, Льва Марковича позднее раз десять допрашивали, пытались получить показания против Н.А. Вознесенского. Однако ему, по рассказам, удалось отбиться от следователя, сославшись на то, что никаких указаний, которые хотели приписать бывшему председателю Госплана, от него не получал. В конце концов Л.М. Володарского с должности заместителя начальника ЦСУ от-

правили рядовым редактором в статистическое издательство... Много позже в одной из своих публикаций он так охарактеризовал руководителя, с которым проработал немало лет: «Беспредельно преданный своей стране, народу и партии, человек огромных знаний, фантастической работоспособности».

Но не только незаурядным интеллектом и профессиональными качествами притягивал к себе людей Николай Алексеевич. Ему были присущи исключительная жизнерадостность, а потому и непосредственность, он любил шутку, независимо от того, в чужой или его собственный огород она направлялась. Помню, переправившись на лодке через Москву-реку на противоположный, низкий берег, где перед Николиной горой простирался большой луг, мы оторвались от сопровождающих, и я рассказал ему какие-то студенческие анекдоты. Они были достаточно смешны, и все-таки его аналитический ум сказался и в такой ситуации: во многих случаях он находил глубинный смысл даже в этой форме «народного творчества». А потом, дойдя до дороги, поехали на велосипедах... И еще одна встреча запомнилась — тогда он так плясал в деревянной беседке на краю обрыва, что я, грешным делом, побаивался, не рухнет ли она вместе с нами вниз.

Ограничусь пока этими неформальными деталями, дающими в какой-то мере, на мой взгляд, представление о человеческой сущности Николая Алексеевича, не растерявшего даже на вершине власти естественности и простоты, свойственных по-настоящему крупным личностям.

Для того чтобы подойти к еще одной принципиально важной теме, которую я просто обязан затронуть, придется сделать небольшое то ли отступление, то ли вступление.

Многим читателям известно, а многие, наверное, догадываются, что в сталинские времена в большинстве случаев даже имена репрессированных людей вычеркивались из истории страны и той сферы жизни, где они подвизались. Конечно, те, кого «пропустили» через широко разрекламированные «процессы», упоминались и через десятки лет, но в сугубо негативном ключе, об их заслугах уже никогда не упоминалось, а письменные свидетельства их деятельности в виде научных работ, политических выступлений и т.п. в соответствии со специальными циркулярами, поступавшими в библиотеки, сжигались (удивительно, но подобная практика существовала еще в Древнем Риме, 2000 лет тому назад!) или направлялись в так называемые «спецхраны». Все это относилось и к тем, кто был уничтожен без широкой огласки, как и произошло, в частности, с Николаем Алексеевичем, его братом и сестрой. К тому же их официальная реабилитация прошла, можно сказать, келейно, без оповещения общественности, и задавленные страхом люди еще несколько лет говорили о них с оглядкой и сомнением относительно того, действительно ли им посмертно возвращены «права гражданства». Так что имя Николая Алексеевича и его научные труды лишь постепенно стали возвращаться в научный оборот и политическую жизнь.

Сейчас о нем, о его разносторонней деятельности существует обширная литература. Одной из наиболее заметных таких публикаций стала книга В.В. Колотова «Н.А. Вознесенский». Ее второе издание (1976 г.), в значительной мере избавленное от неточностей и фактических ошибок первого, хотелось бы порекомендовать читателям, интересующимся советским периодом истории нашей страны.

Василий Васильевич Колотов, заведующий секретариатом Николая Алексеевича, пережил свою долю испытаний в связи с его собственным арестом, и после возвращения в Москву решил написать книгу о человеке, с которым работал долгие годы. Она появилась в такое время, когда каждое слово контролировалось цензурой. Автор хотел назвать свою работу «Устремленный в будущее», но этого ему не разрешили. Не мог он добиться и публикации небольшого сюжета о том, как Николаю Алексеевичу в первый и единственный раз принесли на подпись список арестованных, намеченных на расстрел... Об этом эпизоде Василий Васильевич рассказал мне так (начало первой фразы прозвучало шутливо): «Как начальник секретариата, я должен был, среди других обязанностей, решать, кого из министров пускать, как принято теперь говорить, к шефу, а кого — нет, вскрывать поступающую почту, даже секретную, и докладывать о ней председателю.

И вот вскоре после того, как Николай Алексеевич возглавил Госплан, мне принесли пакет из Госбезопасности. Я расписался за него и, сломав сургучные печати, обнаружил в нем большой список людей, которых предлагалось расстрелять. Никаких данных о них, никаких сведений об их вине там не было — только номера по порядку, фамилии, имена и отчества.

У Николая Алексеевича в это время проходило совещание, однако на пакете были грифы не только особой секретности, но и особой срочности, и я понес список в кабинет. Взглянув на документ, Николай Алексеевич прервал заседание и попросил присутствовавших и меня вместе с ними удалиться.

Прошло несколько часов, в течение которых я в тревоге из-за его молчания несколько раз потихоньку приоткрывал дверь и смотрел, что он делает. А председатель, оказывается, все это время ходил по кабинету вокруг стола, останавливался около него, снова и снова вглядывался в зловещий перечень имен и, наконец, вызвав меня, сказал: „Верни список туда, откуда ты его получил, и скажи там, что я не прокурор и не знаю ни этих людей, ни их вины, ни мер наказания, которые в таких случаях применяются, и пусть мне никогда и ни при каких условиях подобных документов не присылают“. Я, конечно, это немедленно исполнил, и с тех пор мы никогда ни одного подобного списка не получали. Думаю, однако, что такая позиция дорого обошлась ему, когда он сам был арестован».

Скорее всего, этот эпизод был своеобразным пробным шаром, попыткой сделать Н.А. Вознесенского соучастником репрессий, «замазать» его имя. Но тут коса смерти нашла на камень порядочности. Арест работников министерств и других центральных учреждений, как правило, предварительно согласовывался с их главами, а между тем, по словам профессора Ш.Я. Турецкого, в те годы сотрудника Госплана, за все время, когда им руководил Николай Алексеевич, оттуда не был «изъят» ни один человек! «Были за ним, — рассказывал Шамай Яковлевич, — как за каменной стеной. Аппарат был сохранен. Он отстаивал работников». Кроме того, составлявшиеся в 1937–1938 годах списки на массовые расстрелы подписывались Сталиным и другими членами Политбюро, Николай Алексеевич же вошел в его состав в качестве кандидата только в 1941, а члена — еще позднее, в 1947 году. Так что, остается неясным, о каком списке рассказывал В.В. Колотов. Но все же я тщательнейшим образом просмотрел все без исключения расстрельные списки, сохранившиеся в бывшем Архиве Политбюро, и убедился в том, что ни на одном

из них нет подписи Н.А. Вознесенского. Последнее обстоятельство хочу подчеркнуть особо, так как до сих пор даже от по должности очень осведомленных людей можно услышать: «Все подписывали...», «Сталин списки пускал по кругу прямо на заседаниях Политбюро — попробуй, не подпиши!». Однако при проверке подобные суждения в отношении Николая Алексеевича оказались ошибочными, и я могу с полной уверенностью утверждать, что он ушел из жизни, не запятнав своей совестью участием в кровавых сталинских преступлениях против человечности или, как принято их деликатно называть, репрессиях.

Ему было органически присуще такое качество, как порядочность, оно настолько доминировало в нравственном облике Николая Алексеевича, что во многом определяло его поведение и на государственных постах. Приведу лишь один пример, взятый из опубликованной несколько лет тому назад стенограммы июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС: «Жуков. <...> У нас было в плену в Германии 126 тыс. офицеров, которые возвратились из плена. И Молотов по представлению Булганина, вопреки существующему закону, лишил этих офицеров воинских званий и согласно этому решению послал их в административном порядке на поселение в концентрационные лагеря на 6 лет. <...> Материалы эти были посланы Вознесенскому тов. Булганиным. Тов. Вознесенский не считал возможным подписать этот документ, а Молотов, не читая, подписал».

Что касается научной деятельности Н.А. Вознесенского, то прежде всего нужно отметить ее теснейшую связь с его, можно сказать, повседневной государственной работой. Большинство опубликованных трудов Николая Алексеевича представляют собой своеобразный сплав экономической теории и практики планирования народного хозяйства. В этих работах отчетливо просматриваются творческий, во многом новаторский подход автора к анализу социально-экономических процессов, осмысление накопленного опыта строительства материальной основы глубоких преобразований всех сторон жизни общества. Со страниц этих произведений встает суровая действительность первых пятилеток, Великой Отечественной войны, периода послевоенного восстановления экономики страны, в них отражены проблемы, трудности и достижения плановой работы и народного хозяйства. Представляя определенный этап развития политической экономики в нашей стране, они принадлежат как ее неотъемлемая и существенная часть истории экономической науки в СССР.

Понятно, что объективность историко-научных оценок трудов ученых прошлого обеспечивается только в том случае, если анализ этих работ строится на их сопоставлении с реалиями тогдашней жизни, с задачами, которые в то время решало общество, и, конечно, с достижениями творческой мысли предшественников и современников в соответствующей сфере исследований. На этих принципах и построена предлагаемая современному читателю краткая и без выходов на нынешние проблемы экономической теории и практики характеристика трудов академика Н.А. Вознесенского, в которых речь идет о социализме, каким он виделся полвека назад, о создании, защите и развитии олицетворявшего его общества. Эта позиция позволит нам, живущим в совершенно иное время, справедливо судить и о значении для той эпохи идей автора рассматриваемых работ, и об эволюции его научных взглядов.

К сожалению, условия для теоретической работы в области обществоведения уже с конца 1929 года стали быстро и резко ухудшаться. Пожалуй, в первую очередь это относится к политической экономии, которая начала испытывать на себе жесткое давление, а вскоре и полностью попала в шоры сталинских установок, во многом примитивных в научном плане, односторонних и догматизированных, к тому же крайне агрессивных по отношению к иным точкам зрения и, что было особенно чудовищно, к их сторонникам. Приходится только удивляться, как в этой губительной для живой мысли атмосфере она все же время от времени пробивалась сквозь коросту привнесённых Сталиным волюнтаристских установок и, порой причудливо сочетаясь с ними, в конце концов даже приобретала право на существование.

В полной мере это относится и к научному творчеству Н.А. Вознесенского. Образованнейший марксист, он был безусловным сторонником диалектического и исторического материализма. Именно в борьбе за последовательное применение этой методологии и теории Маркса — Энгельса — Ленина к анализу социально-экономических процессов в 20-х — начале 30-х годов рождалась политическая экономия социализма как целостная система взглядов, как наука. Николай Алексеевич принял в этом активное участие. Фундаментальная научная подготовка позволила ему уже в первой опубликованной работе (1931 г.) напомнить о ряде важных проблем теории и практики, в том числе об общественном характере потребительной стоимости, о ее месте, а также о месте производительных сил в экономике. Можно только сожалеть, что к этой проблематике и ученые, и хозяйственники сумели всерьез вернуться лишь в 60-х годах.

В начале 30-х Н.А. Вознесенский опубликовал большую статью «К вопросу об экономике социализма», которую он рассматривал как «начало, приступ» к коллективной работе по созданию политической экономии социализма (именно в ней впервые и появился термин «политическая экономия социализма»). Статья содержала не только наброски плана исследования важнейших проблем экономической теории социалистического общества, но и принципиальные положения методологического характера. Особенно существенно то, что во главу угла автор поставил изучение внутренних противоречий в экономике, закономерностей их развития и разрешения. Самое общее их выражение он видел в противоречии между производительными силами и производственными отношениями общества, между уровнем материального производства и потребностями социалистически организованных производителей. Увы, эта проблема в довоенные годы так и не исследовалась, поскольку через некоторое время Сталин обнародовал свою точку зрения, согласно которой при социализме «производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил». Такая антидиалектическая, метафизическая установка привела к тому, что наше общество стало рассматриваться как вообще свободное от внутренних противоречий, а это, в свою очередь, самым отрицательным образом сказалось и на развитии науки, и на социальной практике.

В этой и в ряде последующих публикаций Николай Алексеевич разрабатывал концепцию, противостоявшую как утверждениям о том, что в социалистическом обществе не может быть объективных экономических законов, ибо оно базируется на сознательно, планомерно управляемой общественной собственности на средства производства, так и утверждениям о том, что в нем действуют, подобно капита-

лизму, экономические законы, имеющие стихийный характер. Николай Алексеевич буквально в самых первых своих работах дал новую и весьма прогрессивную для того времени трактовку этой проблемы. Он полагал, что социализм, во-первых, имеет экономические законы своего движения; во-вторых, ему свойственны законы не стихийные, а «плановые»; и в-третьих, они опираются на реально существующие социалистические производственные отношения.

Правда, в одной из самых ранних его работ содержится положение о том, что «социалистический план является законом развития советской экономики». Это и некоторые другие, более поздние высказывания, в которых не всегда проводилась четкая грань между экономическим и юридическим законами, дали формальный повод, когда после гибели автора настало время бросать камни в его творчество, обвинять Н.А. Вознесенского в волюнтаристской характеристике природы и роли плана в социалистическом обществе. И, как всегда в таких случаях, для «доказательства» желаемого фразы вырывались из контекста, а эволюция взглядов ученого просто игнорировалась. Между тем в последующих его работах содержались новые, все более точные повороты в анализе природы плана и его роли в народном хозяйстве, а в книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» он прямо говорит о законах расширенного социалистического воспроизводства, об экономических законах производства и распределения, на которых, разумно используя и применяя их, базируется планирование, и без учета которых оно обречено на провал. При этом планирование в отличие от экономических законов он рассматривает как общественный закон развития.

Таким образом, настойчивая и целенаправленная защита Н.А. Вознесенским тезиса о существовании экономических законов социализма, взятых в их эволюции, его взгляды на объективную основу плана, на роль планирования в социалистическом обществе даже при недостаточно четком в ряде случаев разграничении экономического содержания и юридической формы этого процесса, были важными ступеньками в движении научной мысли по коренным вопросам теории.

Творческое следование принципам диалектического и исторического материализма позволило Николаю Алексеевичу сделать существенные шаги и в анализе весьма сложной научной и вместе с тем чрезвычайно важной практической проблемы товарно-денежных отношений при социализме. Уже в 1931 году он прямо и недвусмысленно писал о наличии в нашем обществе товарно-денежной формы продукта труда, о ее природе и особенностях внутри каждого из секторов советской экономики и в сравнении с капиталистическим хозяйством. Эти вопросы в той или иной мере освещаются им во многих работах и, естественно, его взгляды на некоторые проблемы претерпели с годами определенные изменения, но главные выводы при этом лишь получали новые теоретические подтверждения и обоснования.

К числу таких выводов надо отнести, прежде всего, положение о единстве плана и хозяйственного расчета, всех товарно-денежных форм, неразрывной связи планирования с законом стоимости и с другими экономическими законами социализма. Он считал грубейшей ошибкой противопоставление плана хозяйственному расчету, рассматривал его как рычаг планирования, а советские деньги — как необходимое орудие социалистического строительства. Мощное средство повышения уровня хо-

зяйствования, роста производительности труда, рентабельности производства он видел в ценах, в правильном соотношении их на различные виды продукции.

Позднее, выступая на первой сессии Верховного Совета СССР в марте 1946 года с докладом «Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы», Н.А. Вознесенский отмечал: «Послевоенная перестройка народного хозяйства требует укрепления роли экономических рычагов в организации производства и распределения, какими являются цена, деньги, кредит, прибыль, премия. Государственное планирование народного хозяйства СССР использует в интересах укрепления и развития социалистического производства закон стоимости с той особенностью, что в советской экономике исключено превращение стоимости в капитал, эксплуатирующий труд». И в появившейся в конце следующего 1947 года книге «Военная экономика...» он настойчиво проводил ту же линию: «Научный социализм не отрицает значения в социалистической экономике закона стоимости, рыночных цен, счета прибылей и убытков», и именно этот закон является «наиболее элементарным законом издержек производства, распределения и обмена продуктов».

Явно выходящим за рамки сложившейся в те годы системы взглядов было утверждение Николая Алексеевича о том, что закон стоимости «действует не только в распределении продуктов (производства. — Л.В.), но также и в распределении самого (характернейший акцент! — Л.В.) труда между отраслями народного хозяйства СССР». Такая формула приоткрывала возможность более глубокого научного осмысления табуированной, по существу, проблемы взаимосвязи стоимости и рабочей силы при социализме, ибо официально считалось, что в его условиях она перестала быть товаром. А если это так, то, по логике вещей, она не может быть соотнесена, по крайней мере напрямую, и с законом стоимости.

И еще об одной исключительно важной стороне дела хотелось бы сказать в связи с трактовкой Н.А. Вознесенским роли стоимости в социалистической экономике. Сделаю это словами Н.К. Байбакова: «Главным <...> в его (Николая Алексеевича. — Л.В.) работе было то, что он обосновал необходимость опережающих темпов роста производительности труда по отношению к заработной плате как важнейшее условие социалистического накопления и расширенного воспроизводства». И сам Н.К. Байбаков, и А.Н. Косыгин, чутко воспринимавшие биение экономического пульса страны, придерживались этого обязательного условия сохранения стабильности в развитии народного хозяйства. Ну а позднее, когда под давлением главным образом политических обстоятельств начался отход от этого принципа, оно, как известно, пошло вразнос... Н.А. Вознесенский всегда подчеркивал, что стоимостные рычаги — это средство укрепления планового руководства народным хозяйством, что во взаимосвязи плана и закона стоимости второй используется первым, поставлен ему на службу и тем самым потерял свой стихийный характер. Именно поэтому он полагал, что «закон стоимости в социалистической экономике является преобразованным». Оставляя в данном случае в стороне вопрос о степени правильности или неправильности такой трактовки, отмечу лишь, что она была дана Сталиным 29 января 1941 года в беседе с составителями учебника по политической экономии. Тогда он заявил, может быть, в порядке компромисса между теорией и жизнью, что закон стоимости в нашем хозяйстве еще (! — Л.В.) не преодолен, он сохранил-

ся, правда, в преобразованной (! — Л.В.) форме. А в 1947 году, тщательно редактируя книгу Н.А. Вознесенского о военной экономике, оставил в неприкосновенности приведенную выше формулу, то есть и тогда считал ее достаточно верной. Так что сталинская вроде бы безадресная критика этого положения через пять лет после публикации упомянутой книги должна была бы быть самокритикой.

В своей теоретической и практической деятельности Н.А. Вознесенский неизменно учитывал ведущую роль научно-технического прогресса в развитии экономики и всего общества. Еще в 1932 году он отмечал, что важнейшей составляющей народно-хозяйственного плана должен быть план технический, что именно Госплан призван быть центром технического планирования, что планирование производства необходимо серьезно обосновывать с технико-экономической точки зрения, «изыскивать все возможности развития новой техники и производительности труда».

Никогда не выпуская проблем научно-технического прогресса из поля зрения, Николай Алексеевич особенно настойчиво говорил о них в послевоенное время. Так, выступая на уже упомянутой сессии Верховного Совета СССР, он совершенно справедливо отмечал, что для обеспечения мощного подъема производства и повышения производительности труда «необходимо не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами СССР. Ускорение темпов социалистического воспроизводства во всех отраслях народного хозяйства все в большей и большей мере будет определяться техническим прогрессом и использованием его в интересах народа». И там же: «При оказании должной помощи нашим ученым советская наука сумеет превзойти последние достижения науки за пределами Советского Союза». Как известно, за прошедшие с тех пор полвека наши ученые занимали ведущие позиции во многих отраслях знания, но все же проблема создания оптимальных условий для всестороннего, во всех отраслях народного хозяйства научно-технического прогресса так и не была решена, а за годы нынешней «демократизации» она вообще переросла в общенациональное бедствие.

Еще ярче проявились эти мотивы в «Военной экономике...» и в лично подготовленной Н.А. Вознесенским, по свидетельству его коллег, вступительной главе к послевоенному фундаментальному докладу Госплана Центральному комитету партии и Правительству страны о предварительном проекте Генерального плана СССР на двадцатилетнюю перспективу.

В первой из этих работ Николай Алексеевич выдвигал для послевоенной экономики задачу «организовать дальнейший технический прогресс в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве СССР на основе высокой механизации трудоемких отраслей производства, дальнейшей электрификации народного хозяйства и газификации городского быта и промышленности. Необходимо обеспечить широкое развитие передовой современной техники для народного хозяйства: передача постоянного тока большой мощности на дальние расстояния, внедрение кислорода и электрического тока в технологические процессы производства, использование и развитие реактивной и атомной техники, всемерное развитие радиолокации и телевидения, использование и применение инфракрасной техники, развитие синтетических видов производства». Перечитываешь этот фрагмент и невольно думаешь: да, не напрасно он постоянно «просматривал» самую свежую научную и техниче-

скую литературу — ведь в этом перечне обозначены такие направления развития, которые в то время еще только-только прорисовывались на горизонте — и привлекал к работе в Госплане или к сотрудничеству с ним лучших ученых страны.

А во вступительной главе доклада отмечалось, в частности, что в проекте плана ставится «огромной важности задача создать новый производственный аппарат, в несколько раз превышающий по своей мощности довоенный производственный аппарат СССР. Новый производственный аппарат должен быть создан на базе новейшей передовой науки и техники. <...> Социалистическая экономика имеет возможность по единому плану в масштабе всего народного хозяйства внедрить новейшую передовую технику, основанную на последнем слове современной науки. Этим самым СССР сможет с наименьшими затратами создать совершенные орудия производства и будет иметь передовую технику одновременно во всех отраслях народного хозяйства». Особое значение придавалось при этом завершению механизации трудоемких и тяжелых работ и ликвидации ручного труда. Универсальным средством его механизации во всех отраслях народного хозяйства, могучим средством рассредоточения промышленности по территории страны является, сказано в докладе, электрификация. Революционизирующее влияние на технический уровень социалистического производства должна была оказать химизация всех его отраслей.

Тенденции, которые с нарастающей очевидностью проявлялись в научном творчестве Н.А. Вознесенского, наиболее полно были раскрыты в его последнем труде «Политическая экономия коммунизма». Такое название Николай Алексеевич дал своей работе не случайно: еще в конце 1931 — начале 1932 года он писал о том, что должна быть создана «теоретическая экономия коммунизма», частью которой будет «политическая экономия социализма». Законченная перед арестом книга, по-видимому, и представляла собой воплощение мечты, плана, который он наметил 18 лет тому назад. Она была самой крупной его работой — на пишущей машинке с портативным шрифтом она составила более 40 печатных листов. Николай Алексеевич полагал, что его труд будет способствовать формированию экономического раздела новой партийной Программы.

О своей работе над книгой он рассказал мне еще в 1948 году. А на вопрос, когда же ее завершит, ответил: «Через несколько лет, не раньше: при моей служебной нагрузке я могу заниматься ею только урывками». Но жизнь повернулась по-другому: освобожденный от этой нагрузки и не получавший назначения на новую работу, появившееся у него время Николай Алексеевич отдал книге и закончил ее за несколько месяцев — с марта по октябрь 1949 года (несмотря на проходившие тогда же его допросы в прокуратуре, где, выполняя соответствующее поручение, создавали против него и ряда других работников Госплана дело об утере в нем секретных документов). Поставив последнюю точку, Николай Алексеевич сказал домашним: «Вот мое кредо ученого и коммуниста. Я пошлю книгу Сталину». В тот момент от этого шага его в семье отговорили, а чуть ли не через несколько дней он был арестован. Рукопись, вернее, машинопись, во время обыска была занесена под номером 2 в «Опись особо важных изъятий», которую позднее я видел в Комитете партийного контроля. Под номером же 1 числилась рукопись (машинопись) книги «Военная экономика...» с редакторской правкой Сталина.

К слову, вкратце об этой его работе. Закончив ее, Николай Алексеевич отправил рукопись на отзыв членам Политбюро и, конечно, Сталину вместе с таким письмом:

«Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Мной написана работа „Военная экономика СССР“, в которой сделана попытка подвести итоги экономической победы СССР в период Отечественной войны.

Работа состоит из следующих разделов: (...)

Не считая возможным издание этой работы без Вашего ведома, очень прошу Вас с ней ознакомиться.

Н. Вознесенский»

От членов Политбюро — естественная для того времени деталь! — ни одного замечания не поступило, а Сталин, продержав у себя рукопись почти год, внес в нее поправки более чем в ста местах и оставил на полях ряд замечаний. Все поправки и замечания, независимо от того, насколько они были точными, автор практически безоговорочно учел (иначе и быть не могло), а некоторые места переписал заново.

Приведу лишь один пример. В первоначальном тексте рукописи отмечалось: «Бесспорно, что вооружение, стратегические материалы и продовольствие, полученные Советским Союзом от союзников, содействовали успешному завершению войны против общего врага — гитлеровской Германии. Однако разгром гитлеровской Германии Советской Армией осуществлен в основном отечественным советским оружием и отечественной военной техникой». Сталин вымарывает упоминание о продовольствии, а затем подчеркивает весь текст, посвященный этой проблеме, и пишет на полях: «Не — то». В результате автор вынужден был вообще исключить из этого фрагмента указания на помощь со стороны союзников. Хорошо еще в другом месте, в главе о балансе народного хозяйства, осталась информация о том, что во время войны импорт товаров — «преимущественно сырья и материалов» — увеличился в пять раз, и произошло это «за счет поставок союзников СССР в войне против Германии и Японии», хотя удельный вес поставок промышленных товаров по отношению к их отечественному производству составил «всего лишь около 4%».

Да, так о судьбе «Политической экономии коммунизма». Я неоднократно пытался найти эту рукопись или хотя бы ее следы, и только в 1989 году заместитель председателя КГБ В.П. Пирожков сообщил, что наконец-то найдена запись, согласно которой 23 января 1952 года А.Н. Поскребышеву (как известно, ближайшему помощнику Сталина) был направлен макет книги Николая Алексеевича под грифом «Совершенно секретно». Недавно эту информацию, еще раз ее проверив, подтвердили и в Архиве ФСБ. И все же оставалась неясность: о какой же книге шла речь, поскольку в сопроводительном письме министра ее название указано не было. Точку в этом вопросе поставили сотрудники бывшего Архива Политбюро, ныне Архива Президента РФ, установившие, что это был макет книги «Военная экономика СССР...».

Упоминания же о «Политической экономии...» нашлись в следственном «Деле №... по обвинению...», заведенном на нескольких человек, в том числе и на Николая Алексеевича. Вместо виденного мной в Комитете партийного контроля документа там находились протокол обыска от 27 октября 1949 года, где записано: «48. Материал Вознесенского Н.А. „Политическая экономия коммунизма“ печатный на 822-х листах», постановление от 6 октября 1950 года об уничтожении вместе с прочими его документами этой рукописи «путем сожжения», и два акта о совершении такового (возможно, по одному на каждый экземпляр), причем оба без даты. Добавлю, что расследовавший в Комитете партийного контроля «ленинградское дело» А.И. Кузнецов сообщил мне, что он допрашивал следователей, фабриковавших обвинения против Николая Алексеевича, и они подтвердили, что рукопись была ими уничтожена.

Рассказываю об этом для того, чтобы будущие исследователи истории советской обществоведческой мысли представляли себе реальное положение дел вокруг исчезнувшей рукописи Н.А. Вознесенского, судьба которой до сих пор интересует многих экономистов, историков, философов, поскольку они уверены в том, что столь фундаментальная работа именно этого автора в случае ее обнаружения и публикации могла бы способствовать лучшему пониманию хода научного поиска тех лет в области экономической теории и ряда других гуманитарных дисциплин, а также адекватной оценке уровня исследований тогдашней действительности.

Отвечая на мои вопросы о его будущей книге, Николай Алексеевич в общей форме обозначил круг проблем, которые она должна была охватить. Помнится, в частности, речь шла об экономических законах коммунистической формации, в том числе и о законе стоимости на первой, социалистической ее стадии, об объективном характере этих законов и особенностях их действия, о путях и формах движения экономики и общества в целом к стадии второй. Он предполагал всесторонне обосновать необходимость создания принципиально новой материально-технической базы и соответствующих изменений производственных отношений социализма, ликвидации классовых и иных социальных различий. Все это являлось, как выяснилось позднее, когда мне довелось собирать и готовить к переизданию избранные сочинения Н.А. Вознесенского, прямым продолжением и развитием идей, высказанных автором в работах, предшествовавших «Политической экономии...».

Нельзя не сказать, конечно же, и о применении его научных воззрений в практической работе по руководству Госпланом СССР и в целом развитием народного хозяйства страны. Итак, в самом начале 1938 года, говоря словами итальянского автора двухтомной «Истории Советского Союза» Д. Боффа, «Госплан доверили блистательному 34-летнему экономисту Вознесенскому». Прошло всего несколько лет (но каких!), и послевоенное зарубежное радио — тогда чуть ли не единственный источник альтернативной информации — стало называть Николая Алексеевича «экономическим диктатором России». Конечно, слово «диктатор» режет слух, но все же я вспоминаю об этом не только потому, что даже в то время оно звучало в весьма уважительном контексте по отношению и к человеку, и к государству, но и потому, что в какой-то мере отражало реальное положение вещей. Госплан действительно был, используя выражение тех лет, экономическим штабом страны, и, соответственно, велика была роль и его главы, чьи распоряжения основывались

на четком представлении о фактическом состоянии дел в том или ином звене народного хозяйства в каждый конкретный момент.

Вот маленький эпизод. В 1944 или 45-м году я был у Николая Алексеевича дома, в Москве, на улице Грановского, и в это время раздался телефонный звонок. Он снял трубку, через какие-то мгновения четко произнес, почти скомандовал: «Один — в Донбасс, другой — в Ленинград!» и вернул трубку на место. Заинтригованный предельной краткостью разговора, я спросил, о чем шла речь. «Мне сообщили, — ответил он, — что к Москве подходят два эшелона с лесом. Я распорядился отправить их туда, где в нем сейчас самая острая нужда».

Думаю, в этом микроэпизоде, как в капле воды, отразились и тяжелое, напряженнейшее состояние экономики страны, выдержавшей чудовищную войну, и степень централизации, а в какой-то мере и методы управления народным хозяйством. Может быть, не так уж неправо было зарубежное радио?! Но если даже в чем-то и согласиться с ним (говоря серьезно, в истории централизованного управления экономикой есть немало таких моментов, которые заслуживают вдумчивого анализа и в современных условиях), то следовало бы добавить, что то была «диктатура» разума, «диктатура» науки. Вся разносторонняя работа Госплана СССР строилась на глубоко научном фундаменте. Сам же Н.А. Вознесенский являл собой прочное, высокоэффективное единство экономиста-ученого, теоретика и экономиста-практика. Но самым важным было, конечно, то, что в работе Госплана в разных формах, как уже упоминалось, участвовали лучшие научные силы страны. Планы разрабатывались исключительно тщательно, проекты всесторонне анализировались, уточнялись, насколько это было возможно при тогдашнем уровне развития прогнозтики и счетной техники.

Николай Алексеевич, будучи человеком исключительной научной добросовестности, выступал против волюнтаризма в плановой работе, который, как он писал еще в 1933 году, ведет к авантюризму. Опять-таки небольшой пример. Предлогом для снятия Н.А. Вознесенского со всех постов было обвинение в том, что он распорядился по каким-то показателям уменьшить задания на I квартал 1949 года. Действительно, так и было, прежде всего потому, что в зимние месяцы начала каждого года снижались реальные производственные возможности, как их называли, сезонных отраслей, и план не мог не учитывать этот неизбежный факт. Недобор же предполагалось перекрыть чуть позже, в более благоприятных условиях. С этими соображениями Сталин не посчитался, тем более что председатель Госплана принял самостоятельное решение, без согласования с ним. От работы он его освободил, задания были повышены, но когда ближе к осени в печати появились хозяйственные итоги I квартала, Николай Алексеевич их просчитал и с удовлетворением сказал домашним: «План выполнен точно так, как я его предлагал. Моя совесть ученого абсолютно чиста». Он крайне отрицательно относился к любой профанации экономической науки ради каких-либо конъюнктурных обстоятельств и соображений, и описанный случай — далеко не единственное тому свидетельство.

Приведу еще один эпизод более чем полувековой давности, о котором рассказывал профессор Ш.Я. Турецкий. Дело происходило вскоре после Отечественной войны. Однажды председатель Госплана, вызвав к себе начальника Сводного отдела С-го, показал тому жесткую резолюцию Сталина на документе, который незадолго перед

тем был ему направлен. Он представлял собой аргументированные, подкрепленные расчетами соображения Госплана о нецелесообразности дополнительного и весьма значительного налогообложения крестьян, идею которого выдвинул Сталин. Позиция Госплана и его председателя вызвала явное раздражение у «корифея», и он своей резолюцией потребовал немедленно исполнить его первоначальное указание.

— Что будем делать, товарищ С-й? — спросил председатель у своего, по аппаратным слухам, любимца, которого всячески поддерживал.

— Как что? Выполнять указание товарища Сталина, — бодро ответил тот.

— Но ведь документ, над которым мы с Вами так основательно работали, не формально-бюрократическое послание: в него вложен наш разум ученых, приведены неопровержимые доказательства того, что вступить на предложенный путь, значит окончательно погубить деревню. И теперь мы должны написать нечто прямо противоречащее нашим аргументам и выводам? — удивился Николай Алексеевич.

— Да, и сделать это можно.

— Каким образом?

— Надо взять за исходный пункт наших размышлений позицию, диаметрально противоположную той, которая была у нас, и логически ее развернуть.

— И Вы можете это сделать?

— Конечно.

И С-й изложил свою новую концепцию, которая формально полностью оправдывала идею Сталина. Председатель молча выслушал своего сотрудника, подошел к окну, открыл его, несколько раз глубоко вдохнул морозный воздух Моховой улицы и произнес:

— Ну и б... же Вы, С-й! Вон из кабинета!

К сожалению, жизнь очень скоро показала, что эта нелицеприятная характеристика была совершенно точной: С-й предал своего шефа, подтвердив ложные обвинения, использованные при фабрикации так называемого ленинградского дела. Эта роль С-го была хорошо известна старожилам Госплана, которые рассказывали о ней приходившей туда на работу молодежи, и презируемый поколениями сотрудников бывший начальник Сводного отдела в здании на Моховой, говорят, уже никогда не появлялся. «Герой» этих строк прямо назван в воспоминаниях Д.Т. Шепилова, давшего ему такую же, самую отрицательную с позиций элементарной нравственности характеристику.

Что же касается налогов на крестьян, то, по сообщениям старых экономистов, Сталин через некоторое время убедился в ошибочности своего требования: постоянное увеличение налогового пресса не только окончательно разоряло деревню, но и делало шатким положение всей экономики, опиравшейся, можно сказать, на два столпа: промышленность и сельское хозяйство. И если один из них «усыхает» или разрушается, возникает опасность падения всей конструкции, всего народно-хозяйственного комплекса.

Именно потому, что Госплан был центром экономической практики и экономической теории в их единстве, и удавалось обеспечивать постоянное укрепление научной обоснованности планов. Во внимание при этом принимались выводы исследований не только обществоведческих, но и всего комплекса естественных наук. Например, уже третий пятилетний план был разработан как план химизации народного

хозяйства (к чему из-за войны и связанных с нею обстоятельств смогли вернуться лишь через двадцать лет). Перед войной и после нее в Госплане велась большая работа по комплексному планированию развития экономических районов страны, по сочетанию отраслевого и территориального планирования, по разработке балансового метода в планировании.

При Н.А. Вознесенском и по предложенной им схеме Госплан впервые стал разрабатывать баланс народного хозяйства как самостоятельный раздел и органическую часть народно-хозяйственного плана. Значительно возросло в это время, уже с конца 30-х годов, количество материальных (натуральных, как тогда их называли) балансов, основательнее рассчитывались стоимостные и синтетические (стоимостные и натуральные в их увязке) балансы: производство и распределение общественного продукта, производство и распределение народного дохода, денежных доходов и расходов населения, роста заработной платы и ее товарного обеспечения и другие. Разработка балансов явилась важным условием соблюдения внутриотраслевых, межотраслевых и территориальных пропорций, совершенствования структуры всего общественного производства, его гармоничного развития. В подготовленном Николаем Алексеевичем еще в 1941 году Положении о Госплане сказано, что его главнейшая задача — обеспечение «правильных соотношений в развитии различных отраслей и необходимых мероприятий по недопущению диспропорций в народном хозяйстве». Именно в те годы балансовый метод не только прочно вошел в планирование, но и стал его основным инструментом. Все это сыграло важную роль в реализации идеи пропорционального развития народного хозяйства, значительно повысило научный уровень государственного планирования экономики страны.

Трудно переоценить роль, которую сыграла в совершенствовании народно-хозяйственного планирования горячо отстаиваемая Н.А. Вознесенским идея создания Генерального плана развития экономики, рассчитанного примерно на 15 лет. Только с учетом перспектив развития всего народного хозяйства, отмечал Николай Алексеевич еще в предвоенной записке на имя Сталина и Молотова, могут быть правильно решены такие крупнейшие вопросы, как строительство новых заводов черной и цветной металлургии, завершение реконструкции железнодорожного транспорта, сооружение Куйбышевского, Соликамского и Ангарского гидроузлов, Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, создание топливной и металлургической базы в северных районах европейской части СССР, развитие отдельных экономических районов. Предполагалось завершить подготовку такого плана к концу 1941 года, однако война помешала довести ее до конца.

После войны Н.А. Вознесенский вернулся к этой идее и, как уже сказано, предложил создать Генеральный план на 20-летнюю перспективу (первоначально предполагалось на 1946–1965, а позднее — на 1951–1970 годы). К сожалению, работа и над этим планом была прекращена — на этот раз в связи с отстранением Николая Алексеевича от должности председателя Госплана и, соответственно, Центральной комиссии по его, плана, подготовке. Обратиться к решению такой задачи удалось лишь много лет спустя.

В свете всего сказанного проблема, которая может возникнуть перед исследователем истории плановой работы, состоит скорее не в том, было ли научно обосновано планирование в 30–40-е годы, ибо положительный ответ здесь очевиден,

а в том, почему тщательно составлявшиеся планы далеко не всегда и не по всем позициям выполнялись на практике, что именно и как в реальной действительности приводило к отклонению итоговых показателей от намеченных. Ответ, думаю, будет лежать далеко за пределами только экономики. Но и хозяйственные результаты тех 11 лет⁵, в течение которых Николай Алексеевич возглавлял Госплан СССР, весьма впечатляющи. «Никто не сделал так много для развития экономики, как Н.А. Вознесенский, — писал Д.А. Волкогонов в книге „Триумф и трагедия“». Не привлекая к рассказу существующий огромный статистический материал, напомним лишь, что среднегодовые темпы прироста валовой продукции промышленности СССР за три предвоенных (1938–1940) года третьей пятилетки и в послевоенной, четвертой (1946–1950) пятилетке составили свыше 13(!) процентов, а национальный доход увеличился только за эту, последнюю в жизни Николая Алексеевича, пятилетку более чем вдвое. И это при том, что мы потеряли в Великой Отечественной войне около трети национального богатства. Вот бы снились каждую ночь подобные цифры тем, под чьим руководством за последнее десятилетие прошлого века темпы, объем производства и уровень жизни народа не просто снизились, а буквально рухнули до глубин, каких страна не знала даже в годы фашистского нашествия.

Н.А. Вознесенский задал такой тон и так поднял качество работы Госплана, его авторитет и значение в обществе и государстве, собрал настолько мощный коллектив специалистов самого высокого класса, что преемники Николая Алексеевича старались прежде всего сохранить, а уж затем добавить и свои «накопления» к доставшемуся им богатству традиций и кадров. Удивительно тепло и содержательно рассказал об этом в своей книге «От Сталина до Ельцина» Н.К. Байбаков, в 1955 году назначенный председателем Госплана, многие годы проработавший на этом посту и сам обладавший уникальным опытом планирования и управления народным хозяйством. Хотелось бы предложить вниманию читателя несколько отрывков из нее (да не посетует он на меня за их обилие!).

«Прежде всего требовалось овладеть огромным теоретическим наследием Н.А. Вознесенского и, конечно же, его учением о планировании народного хозяйства. Я знал, что это был умный человек, я бы сказал, тонкий „психолог экономики“ <...> Я и раньше внимательно следил за практической и научной деятельностью Николая

⁵ Во всех официальных изданиях и воспоминаниях о Н.А. Вознесенском, где говорится о времени, в течение которого он возглавлял Госплан, указывается одна и та же цифра — 11 лет. Между тем в последнее время выяснилось, что с марта 1941 по декабрь 1942 года формально он Госпланом не управлял. Поразительно, но абсолютно все: и заместители Николая Алексеевича, и другие его сотрудники, и наркомы — такого перерыва даже не заметили. Единственный вывод, который напрашивается и подкрепляется множеством фактов, состоит в том, что в этот отрезок времени он практически продолжал непосредственно руководить Госпланом. Например, ему было поручено возглавить разработку планов на III квартал 1941 года, на IV квартал того же года и на 1942 год; тогда же он менял структуру Госплана в соответствии с задачами военного времени, назначал новых сотрудников в центре и на местах; наркомы оборонных отраслей промышленности в 9 утра 22 июня прибыли к нему на совещание не в кремлевский кабинет первого заместителя Председателя СНК, а в Госплан; при создании ГКО Берия, добиваясь своих целей, предлагал Сталину: «Пусть Микоян и Вознесенский занимаются работой в правительстве и Госплане». Таким образом, эти и другие подобные сведения подтверждают правильность представлений участников тогдашних событий о сплошном 11-летнем периоде его фактического руководства Госпланом СССР.

Алексеевича, особенно в годы войны, когда он с предельной точностью и оперативностью руководил важнейшими экономическими процессами: переключением гражданских отраслей на нужды обороны, перераспределением всех экономических и трудовых ресурсов страны в интересах фронта, созданием системы снабжения фронта и тыла.

Одиннадцать лет Николай Алексеевич был Председателем Госплана СССР. Основные принципы его — научная, всесторонняя обоснованность планов экономики, высококвалифицированные кадры в каждой отрасли. Он ценил в своих помощниках опыт и ум, знание сложной науки планирования. <...>

Теперь мне пришлось занять место Н.А. Вознесенского. Я убедился, что здесь его помнят, ценят и любят, что стиль и методы его работы сохранились и четко проводятся в жизнь. Это, конечно, радовало меня и облегчало мое „врастание“ в коллектив: не нужно было перестраивать и перенастраивать людей, надо было только продолжать и совершенствовать прежние наработки. <...>

Люди откровенно делились со мною своими воспоминаниями, имевшими для меня неоценимое практическое значение. И я старался, как когда-то при Вознесенском, проводить заседания Госплана так, чтобы были воедино увязаны вопросы практики и теории, не топить теорию в отвлеченностях, а практические вопросы — во второстепенных частностях. Стратегия экономики — в „чувстве направления“, нахождении и обосновании решающих течений в экономике и жизни.

Н.А. Вознесенский был непреклонно строг и последователен, требуя от работников дисциплины, ясной логики и гибкости мышления. Важна была не внешняя дисциплина, не столько она, сколько дисциплина как внутренняя организация ума и характера. И поэтому он добивался обязательно того, чтобы все его поручения выполнялись не по приказу, а по убеждению. <...>

Стремясь освоить и сохранить стиль Вознесенского, я часто вспоминал встречи с Николаем Алексеевичем в годы войны. И передо мной вновь предстал спокойный, внутренне сосредоточенный человек с осунувшимся лицом и складками под глазами — требовательное время рождало и требовательных людей. Да, он был подчас резок в суждениях, решительно настаивал на своих требованиях, даже во время встреч со Сталиным. Он без личных амбиций, а строго ради дела мог возразить и Сталину, и Берии. Особенно резкие стычки были у него с Кагановичем. Это отсутствие дистанции, сосредоточенность на государственных интересах невольно вызывали уважение у тех, кто имел с ним дело...

Пусть он был резок и жесток (точнее — жёсток. — Л.В.) в своих оценках людей и поступков, но всегда оставался интеллигентным, душевным, отзывчивым человеком. Вознесенский умел терпеливо и тонко вникать в текущие вопросы планирования, не пренебрегая никакими мелочами, где одно упущение, даже, казалось бы, незначительное, способно нанести непоправимый ущерб. И никакие частности при этом не заслоняли ему масштабное видение экономических вопросов, он всегда мог сделать нужные выводы. Экономика — это корабль со сложным управлением, а он был его дальновидным капитаном».

Эти фрагменты из книги Николая Константиновича невольно заставили подумывать о том, что именно война выковала целую когорту людей, для которых беззаветное служение Отчизне было внутренним долгом, помноженным, возведенным

в степень их гигантской ответственностью за принимаемые, порой вынужденно молниеносные и часто неординарные, решения, способных создавать условия для их выполнения, накопивших богатейший опыт управления, волевых, талантливых организаторов. Однако конечный результат, естественно, достигался не в кабинете руководителя, а в окопе, у станка, на колхозном поле, в лаборатории многомиллионной армией солдат и работников тыла, своими руками творивших Победу.

И все же на любом фронте нужны и штаб, и полководец. На экономическом фронте в годы войны ими были, как об этом прямо говорится в многочисленных публикациях, Госплан и его председатель Н.А. Вознесенский. «Госплан СССР, — по словам заместителя его председателя А.П. Ковалева, — превратился в оперативный штаб военной экономики. И не будет преувеличением, если скажем, что именно Вознесенский держал в эти годы всю экономику страны в своих руках. Он работал часто почти целыми сутками, забыв о личном, обо всем, что не относилось к делам фронта, к делам войны». Д.А. Волкогонов, отмечая, что роль Н.А. Вознесенского в организации военной экономики пока, к сожалению, описана недостаточно, «еще по-настоящему не оценена», так и назвал его подлинным полководцем экономики в годы Великой Отечественной войны.

В «Военной экономике...» есть небольшая глава «Перестройка народного хозяйства». В ней Николай Алексеевич дает даже сейчас поражающий воображение спрессованный перечень основных мероприятий, осуществленных в течение года после начала войны для мобилизации всех сил и средств страны на нужды фронта и тыла и заложивших основу будущей экономической победы СССР над фашистской Германией. Не повторяя сказанного в книге и опираясь не только на этот источник, назову здесь лишь малую часть из бесчисленных проблем, которыми занимались в годы войны он, его прекрасно подготовленные заместители, весь коллектив Госплана СССР.

Уже на следующий день после начала войны, 23 июня, был введен в действие разработанный при непосредственном участии Н.А. Вознесенского мобилизационный план по производству боеприпасов и вооружения. Через шесть дней был подготовлен мобилизационный народно-хозяйственный план на III квартал 1941 года, а в августе — военно-хозяйственный план на IV квартал этого года и на 1942 год по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Вместе с заинтересованными министерствами готовились и отраслевые планы: форсированного строительства и ускоренного наращивания производственных мощностей на металлургических заводах в восточной части СССР, такой же план по добыче нефти, план восстановления угольных шахт Донбасса.

На протяжении всей войны разрабатывались не только годовые и квартальные, но и месячные планы. Вот уж когда план воистину был законом — независимо от его экономической природы и юридического статуса: для каждого коллектива предприятия и каждого человека он был, прежде всего, безусловным нравственным законом. Добавим к этому жесткий оперативный контроль за состоянием материально-технического обеспечения производства и за выполнением плановых заданий как со стороны Госплана, куда поступали ежедневные сводки о выпуске военной продукции и выполнении распоряжений ГКО, так и со стороны местных партийных и советских органов — и тогда, может быть, мы даже сейчас ощутим значимость го-

сударственного планирования — исходного пункта и решающей силы в организации процесса создания материальной, в том числе технической базы разгрома врага. Все это вместе взятое привело к тому, что уже к концу 1942 года выпуск боевой техники и вооружений в СССР по всем показателям превысил их производство в Германии и у ее сателлитов. (Любопытная деталь: в своем докладе на XVIII Всесоюзной партконференции Николай Алексеевич, характеризуя особенности современной войны, очень точно отметил, в частности, что с технико-экономической точки зрения она является «войной моторов».)

Член Государственного Комитета Обороны Н.А. Вознесенский, наряду с другими обязанностями, персонально отвечал за производство вооружений и боеприпасов (в связи с этим вопросом, как и при создании ГКО, не обошлось без интриг Берии, что весьма выразительно описал А.И. Микоян в своих воспоминаниях). В любой момент Николай Алексеевич досконально знал о положении дел с производством всего, в чем нуждались и фронт, и тыл. Маршал А.М. Василевский вспоминал, что когда на Политбюро обсуждались запросы Генерального штаба в связи с подготовкой тех или иных военных операций, «самым авторитетным являлось слово члена ГКО, председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского. Он нередко не соглашался с мнением И.В. Сталина, других членов Политбюро и точно называл количество материально-технических средств, которые может дать промышленность для рассматриваемой операции. Его мнение являлось решающим. Н.А. Вознесенский прекрасно знал народное хозяйство, имел точные сведения о его работе, и в своих суждениях, оценках почти никогда не ошибался. Я сохранил о Н.А. Вознесенском самые лучшие воспоминания». И в другом месте: «Во время войны кто напрямую выступал против некоторых предложений Сталина, главным образом по планированию хозяйства, по вопросам промышленности, так это Вознесенский. Ну, сплошь и рядом. Берия, Маленков его страшно ненавидели. А Сталин частенько к нему прислушивался. Очень умный был человек. А после войны им все-таки удалось Вознесенского погубить».

С этими словами перекликаются свидетельства и В.М. Молотова: «Берия боялся Вознесенского и очень был против него», и Н.С. Хрущева, который характеризовал Н.А. Вознесенского как человека «умного, резкого, прямого и смелого. Именно смелость его и погубила, потому что он часто схватывался с Берией, когда составлялся очередной народно-хозяйственный план. Берия имел много подшефных наркоматов и требовал лавиной доли средств для них, а Вознесенский как председатель Госплана хотел равномерного развития экономики страны».

Поскольку в последнее время появилось слишком много литературы, лживо апологетической по отношению к одним и лживо уничижительной по отношению к другим фигурам прошлого, приведу еще одно авторитетное свидетельство — маршала Г.К. Жукова. На заседании Ставки Верховного Главнокомандования присутствовавшие полностью поддерживали предложения Сталина о развертывании наступательных действий сразу на всех основных фронтах и Тимошенко — о нанесении нашими войсками упреждающего удара на юго-западном направлении, «и лишь ВОЗНЕСЕНСКИЙ высказал свое сомнение в возможности материально-технического обеспечения широких наступательных операций. <...> БЕРИЯ бросил реплику: „Вы что же, товарищ Вознесенский, сомневаетесь в расчетах и планах товарища СТАЛИНА?“ ВОЗНЕСЕНСКИЙ ответил: “Нас здесь собрали для того, чтобы серьез-

но обсудить обстановку и наши мероприятия, <...> а Ваша реплика мне непонятна". СТАЛИН отошел от стола, не сказав ни одного слова. Но мне показалось, что он благосклонно отнесся к словам ВОЗНЕСЕНСКОГО, которого он в то тяжелое время высоко ценил как умного, расчетливого и способного организатора всех экономических мероприятий».

А тонкий наблюдательный писатель К.М. Симонов, вспоминая, как проходило заседание по обсуждению работ, выдвинутых на Сталинские премии, где докладчиком по разделу науки и техники был Н.А. Вознесенский, писал: «Это было бы неправдой, если бы я сказал, что этот человек, которого я видел впервые, мне понравился, как говорится, лег на душу. Было другое: он запомнился мне не потому, что понравился, а потому, что чем-то удивил меня, видимо, тем, как резковато и вольно он говорил, с какой твердостью объяснял, отвечая на вопросы Сталина, разные изменения, по тем или иным причинам внесенные в первоначальные решения Комитета по премиям в области науки и техники, как несколько раз настаивал на своей точке зрения — решительно и резковато. Словом, в том, как он себя вел там, был некий диссонанс с тональностями того, что произносилось другими, — и это мне запомнилось».

Обязанности Николая Алексеевича (что видно и из биографической справки, открывающей эту статью) отнюдь не замыкались на решении задач, стоявших перед Госпланом СССР. Скажем, в 1940–1941 годах, еще до начала войны, он только по государственной линии являлся заместителем и первым заместителем Председателя Совета народных комиссаров СССР, членом Бюро СНК, председателем Госплана, заместителем председателя Комитета Обороны, председателем Совета по оборонной промышленности при СНК СССР, заместителем председателя Комиссии по военным и военно-морским делам при Бюро СНК СССР, председателем Комиссии Бюро по текущим делам.

В середине октября 1941 года, когда над Москвой нависла непосредственная угроза со стороны немцев, часть Правительства должна была временно эвакуироваться в Куйбышев (ныне — Самара). В связи с этим 25 октября Политбюро приняло решение «О работе т. Вознесенского в г. Куйбышеве»: «ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили поручить заместителю Председателя Совнаркома т. ВОЗНЕСЕНСКОМУ представлять в г. Куйбышеве Совет народных комиссаров СССР, руководить работой эвакуируемых на Восток наркоматов и прежде всего Наркоматов Авиапром, Танкопром, Вооружения, Черной металлургии, Боеприпасов и добиться того, чтобы в кратчайший срок были пущены в ход заводы, эвакуированные на Волгу, Урал и Сибирь, и чтобы Наркоматы Авиапром, Танкопром, Вооружения, Черной металлургии, Боеприпасов заработали в ближайшие недели полным темпом.

Тов. Вознесенский обязывается через каждые 5–6 дней представлять в Москву сводки о выполнении изложенной выше задачи».

И благодаря подлинному массовому героизму людей невероятной сложности план ввода в строй на новых местах эвакуированных предприятий был выполнен в фантастически короткие сроки.

В годы войны Советом народных комиссаров практически руководило его Бюро, в состав которого входил и Н.А. Вознесенский, а оперативным решением вопросов занималась образованная уже 23 июня 1941 года Комиссия Бюро СНК СССР по текущим делам, и он был ее председателем (В.М. Молотов и Н.С. Хрущев рассказывали, что

и после войны Николай Алексеевич вместо Сталина председательствовал на заседаниях Совета Министров СССР). С 1943 года он стал, выполняя все другие свои обязанности, и членом Комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков.

Как написал о Н.А. Вознесенском в своих воспоминаниях министр финансов А.Г. Зверев, он «был очень сильным руководителем Госплана, мыслил масштабно и смело, глядел далеко вперед. Настоящий государственный деятель».

Такая характеристика в полной мере относится и к деятельности Николая Алексеевича в послевоенное время. По разработанному под его руководством четвертому пятилетнему плану восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы страна сумела в невиданно короткие сроки не только достичь довоенного уровня производства, но и значительно превзойти его.

Большой общественный резонанс получила вышедшая в 1947 году и упоминавшаяся уже книга Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Языком цифр и фактов, языком политико-экономического анализа рассказано в ней о беспримерном подвиге советского народа, спасшего свою Родину в самой ожесточенной битве в истории человечества. Этот труд Николая Алексеевича был отмечен Государственной — тогда она именовалась Сталинской — премией первой степени (которую, премию, как и все свое академическое содержание, он передал детским домам; к слову, еще с довоенных времен по его распоряжению гонорары за публикации перечислялись в фонд государства). И по сей день без богатейшего материала, собранного и обобщенного в работе Николая Алексеевича, невозможно полноценное изучение истории Великой Отечественной войны. Книга эта оставила глубокий след и в истории нашей экономической науки, продвинула вперед теоретический анализ закономерностей развития социалистической системы хозяйства.

Приведу отрывок из выступления секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева на XXI съезде партии в 1961 году. Говоря о книге Н.А. Вознесенского, он отметил, что «в ней были новые мысли и важные выводы. <...> Книгу стали изучать, но затем ее вдруг изъяли как антимарксистскую и антинаучную. Жизнь автора закончилась трагически.

Что же случилось? А случилось то, что к неудовольствию „теоретического бога“ книга Н.А. Вознесенского стала популярной в кругах экономистов и студенчества. Некоторые экономисты даже усердно хвалили ее, находили в ней что-то новое, творческое. Этого было достаточно для того, чтобы книгу изъять и таким путем закончить “выяснение” теоретических истин в области советской экономики, создания политической экономии социализма».

В тексте странное противоречие: в книге «были новые мысли и важные выводы», с одной стороны, и кто-то находил «в ней что-то новое, творческое» — с другой. Такая двойственность позиции была непонятной до появления «Воспоминаний» Д.Т. Шепилова. А там, в частности, сказано, что защитник права на свободную научную мысль Л.Ф. Ильичев за несколько лет до этого выступления активно содействовал П.Н. Федосееву, писавшему «клеветнические, грязные доносы на члена Политбюро ЦК, академика Н.А. Вознесенского, и на целую группу советских ученых-экономистов». Эти люди знали, что «в те времена при патологической подозрительности Сталина это могло стоить жизни ни в чем не повинным ученым, на которых они

доносили. Но от них этого требовали, так как это нужно было для осуществления замыслов Берии. Им посулили за это соответствующую оплату. И они со всем рвением играли порученные им роли».

Назвав свою книгу «Военная экономика СССР», Николай Алексеевич дал ей подзаголовок «Политическая экономия Отечественной войны». Сталин, однако, указание на теоретический характер работы убрал (хотя в первом абзаце текста эта формулировка сохранилась) и дал ей иное, не лучшее наименование — «Военная экономика... в период... войны», под которым она и увидела свет. Почему? Не исключено, что один из возможных ответов содержится в упомянутых «Воспоминаниях» Д.Т. Шепилова: «Книга Вознесенского „Военная экономика“ была хорошо встречена партийными пропагандистами, научными работниками, преподавателями. Судя по тем рассказам, которые дошли до меня через несколько лет, опубликование книги и послужило для Берии и его сообщников сигналом для перехода к активным действиям. К этому времени давнишняя подозрительность Сталина приобрела ультрапатологические формы. Эта подозрительность сочеталась с гипертрофированным самомнением Сталина: только он может выдвигать новые предложения, новые идеи, все остальные могут и должны эти идеи пропагандировать, популяризировать, аранжировать». Если это так, то уж следующая книга — «Политическая экономия коммунизма» — вызвала бы еще большее недовольство и «корифея всех наук», и его ближайшего окружения.

Да, не во всякую эпоху и не в каждой стране можно ревностно служить Науке, тем более — общественной, не рискуя свободой, а то и жизнью... Многое, слишком многое здесь зависело не от действительной ценности конкретной работы или даже целого научного направления, а от уровня понимания Сталиным этой проблематики (зачастую достаточно примитивного — вспомним хотя бы судьбу генетики, демографии, социальной медицины и ряда других дисциплин) и его субъективного отношения к тому или иному ученому. А рядом с ним всегда была группа холуствующих соратников, ничего в науке не понимающих, но зато всегда держащих наготове ведро с дегтем.

Приведу в связи с этим небольшой фрагмент из книги Ю. Борева «Сталиниада», содержащий рассказ М.Б. Храпченко, председателя Комитета по делам искусств, вспоминавшего о «Военной экономике...», ее авторе и полученной им Сталинской премии: «На правительственном банкете в честь новых лауреатов присутствовал Сталин и все члены Политбюро. В конце банкета его участники выстроились полукругом, чтобы сфотографироваться. В этот момент Берия подошел к Вознесенскому, обнял его за плечи и сказал: „Молодец, хорошую книгу написал. Смотрите, товарищ Сталин, какие у нас есть молодые члены правительства. Книги пишут. Хорошие книги, умные, ученые книги. Премии получают. Вот только на товарища Сталина мало ссылаются в своих ученых книгах“. Все застыли. Сталин помрачнел, резко повернулся и на глазах у всех ушел в узкую потаенную дверь, скрытую в стене. Установившаяся тишина несколько минут держала всех в оцепенении, потом все стали тихо расходиться. Все ощутили обреченность Вознесенского. Через некоторое время он был арестован».

В книге В. Логинова «Тени Сталина» в главе «За что был расстрелян Вознесенский» приведены воспоминания Г.А. Эгнаташвили, бывшего свидетелем беседы

присутствовавших у Сталина в день его рождения на ужине в Волынском председателе Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверника и заместителя председателя Комиссии партийного контроля М. Шкирятова, вскоре ставшего активным участником организации ареста и гибели Николая Алексеевича: «Берия пристегнул его (Н.А. Вознесенского. — Л.В.) к „ленинградскому делу“, чтобы убрать с дороги, а основная причина состояла в том, что Сталин хотел сделать его своим преемником. <...>

В разгар застолья Сталин неожиданно заговорил о том, что он уже довольно старый человек и руководить государством ему осталось не так уж много времени. Поэтому надо бы сейчас выбрать человека, который бы сменил его на этом высоком посту, и начинать потихоньку готовить его к этой должности. <...> Надо выдвинуть такую личность, которая могла бы руководить государством, как минимум, лет двадцать-двадцать пять (великолепная деталь, говорящая о том, как „вождь“ понимал демократию, не правда ли? — Л.В.). <...>

Сталин <...> сказал: „<...> я предложу вам человека, который может и должен возглавить государство после меня. Имейте в виду, что этот человек должен быть из нашего круга, хорошо знающий нашу школу управления и которого не надо ничему учить заново. Он должен быть хорошо натаскан во всех государственных вопросах. И поэтому я считаю таким человеком Вознесенского. <...> Экономист он блестящий, государственную экономику знает отлично и управление знает хорошо. Я считаю, что лучше его кандидатуры у нас нет“.

В ответ, как я понял из разговора, было гробовое молчание (членов Политбюро. — Л.В.). Сталин оглядел всех присутствующих и неожиданно спросил: „Может, кто-то хочет сказать что-либо против? Или у кого-нибудь есть какие-то возражения?“

И опять никто не проронил ни слова. <...>

Николай Алексеевич был большим умницей, и под его руководством страна бы далеко шагнула вперед, по крайней мере в экономическом отношении. Уж его дела никак не шли бы в сравнение с тем, что наворотил Хрущев.

<...> Могу утверждать однозначно: Вознесенского убрали Берия с Маленковым, расчищая себе дорогу к высшей власти в стране».

Интересно, что с совершенно других, теоретико-экономических позиций к подобному выводу приходит в своей книге «Ослепленные властью» и Д.В. Валовой, называя при этом иную комбинацию действовавших лиц: «Если бы Маленков с Хрущевым (? — Л.В.) не сгубили Н.А. Вознесенского и после смерти Сталина он стал у руля государства, развитие социалистической системы могло пойти совсем по-иному».

Моя тетушка Лидия Васильевна Судакова, вспоминая о Николае Алексеевиче, рассказывает: «Я приехала на Фонтанку (семьи Александра Алексеевича и его младшей сестры вместе с их матерью до войны жили в Ленинграде на этой набережной. — Л.В.) и застала в комнате двоих мужчин: тебя (мне было лет пять-семь, видимо. — Л.В.) и его. Вы сидели на диване и увлеченно беседовали. Николай Алексеевич: „Если ты начал дело, то на половине не бросай, доводи его до конца“. Ты: „А если начатое дело — плохое?“ Он: „А плохое дело и начинать не надо“».

Сам Н.А. Вознесенский всю жизнь следовал этим правилам. Не щадя себя (по словам его жены Марии Андреевны, он одиннадцать лет не был в отпуске и выкраивал для отдыха всего 3–4 часа в сутки, а недостаток сна «восполнял» ледяным

душем), Николай Алексеевич не только неустанно работал над проблемами экономической стратегии страны, но и с железной настойчивостью добивался выполнения принятых решений и планов как в мирное, так и в военное время.

В современной литературе наряду со множеством упоминаний о его внимательном и уважительном отношении к людям, помощи многим в решении трудных для них вопросов есть и замечания о фактах его грубости. Очевидно, было и это, хотя бы потому, что такая манера шла от Сталина, которому и во внешнем рисунке поведения (белую ворону тут же заклевали бы) подражало его ближайшее окружение.

Руководители высокого и прочих рангов широко использовали язык приказов и распоряжений, не пренебрегая при этом «ненормативной лексикой» как простейшим средством психологического давления на людей в условиях административно-командной, сугубо иерархической системы управления. К тому же для немалого числа тогдашних высокопоставленных руководителей, приобретших командный опыт в гражданской войне, но не отягощенных специальными знаниями, это был главный из доступных им способов воздействия на людей. Да и среди тех, кто был чуть помоложе, далеко не все получили мало-мальски приличное образование. Пожалуй, самый памятный в этом отношении пример — деятельность Берии по управлению атомным проектом. В воспоминаниях его участников нередко рассказывается о том, как, ничего не понимая в существе дела, он, наряду с использованием материальных и организационных факторов достижения успеха, не в последнюю очередь именно угрозами расправы над людьми добивался от них нужных результатов в кратчайшие сроки.

Было в основе такого поведения высших руководителей, по-моему, и ощущение себя как всемогущих творцов истории, ускоряющих и направляющих ее ход. «Время, вперед!» назывался роман-хроника В.П. Катаева, «Течет вода Кубань-реки, куда велят большевики!» — таков был один из рифмованных лозунгов эпохи. В этой ситуации крупные руководители, может быть, и чувствовали себя, как подметил П.Л. Капица, «сверхчеловеками», которым якобы подвластны не только люди, но и законы, и не только общества, но и природы. Представление ложное, однако не совсем беспочвенное. Когда, например, у того же Сталина или его соратника возникало впечатление, что он лично вращает колесо истории, это зачастую влекло за собой практический вывод: нельзя, дескать, терять драгоценное время на всякие там психологические изыски, на интеллигентские сантименты, просто надо кратко отдать приказ и вовремя убедиться в его исполнении.

Думаю, все же, что в случае с Николаем Алексеевичем есть и другой, более существенный момент. Однажды я спросил его: «Говорят, ты бываешь жестким с людьми». И тут же получил ответ настолько резкий, что он и поныне звучит в моей памяти: «Не люблю дураков и лентяев! Ты знаешь, с каким напряжением я работаю, и все, кто хочет работать вместе со мной, должны делать свое дело так же».

Нужно сказать, что Николай Алексеевич был очень отходчив, переживал даже за справедливо отчитанного им человека не меньше, наверное, чем тот сам, и во многих случаях находил возможным в той или иной форме загладить свою резкость, если она оказывалась чрезмерной. «И не было случая, чтобы он прошел мимо какой-нибудь трудности или беды у своих подчиненных. Любой из нас всегда мог рассчитывать на его помощь и поддержку», — писал Н.П. Лебединский.

В заключение и этой темы и всего очерка приведу еще несколько высказываний тех, кто непосредственно сталкивался с Николаем Алексеевичем в деловой обстановке.

Вот что отмечает К.Ф. Виноградов, работавший в аппарате Бюро Совнаркома (затем Совмина) СССР по металлургии и химии, которым руководил, наряду с другими обязанностями, Н.А. Вознесенский (текст приводится по книге В.И. Демидова и В.А. Кутузова «Ленинградское дело»): «До моего назначения заместителем заведующего его секретариата (в этом Бюро. — Л.В.) я Николая Алексеевича ни разу не видел. А слышал разное. Говорили, что он был умнейшим человеком в Совете Министров СССР (и не только там), что суров до грубости и требователен до жесткости, что ему завидовали и его побаивались все другие заместители предсовмина, что он терпеть не мог болтунов, а уж вранья не переносил вовсе. <...> В справедливости и того, и другого, и третьего я убедился в первые же дни работы с ним».

«„Да, он не был простым, спокойным, уравновешенным государственным деятелем“, — пишет работавший с Николаем Алексеевичем и критиковавший его за некоторые черты характера, формы поведения управляющий делами Совета Министров СССР Я.Е. Чадаев, воспоминания которого опубликованы в книге Г.А. Куманева „Рядом со Сталиным“. — Он часто „взрывался“, мог сказать много резких, порой обидных слов. И все же Вознесенский обладал большой человечностью, высоко ценил в людях честность, аккуратность, исполнительность, помогал своим сотрудникам. Николай Алексеевич не признавал никаких компромиссов, и его слова никогда не расходились с делами. Это был человек с чистой душой, у которого отсутствовали иные интересы, кроме интересов нашей Родины, народа и партии».

«Н.А. Вознесенский брал на себя наиболее тяжелую работу, отдавался ей без остатка, трудился страстно, вдохновенно. В нем всегда горел огонь исканий. Нельзя было без восхищения наблюдать его работу во время Отечественной войны. Сознание ответственности перед страной, полное забвение всего личного, высокие требования к себе и другим и работа, работа напряженная и в то же время радостная, проникнутая идейностью и научным творчеством. Как много и какие разнообразные задачи приходилось решать в планах военных лет! Военная перестройка народного хозяйства, эвакуация промышленности на Восток, строительство военно-экономической базы на Урале, в Западной Сибири, Поволжье и Казахстане, создание прочного фундамента военной экономики путем развития металлургии, угольной промышленности, электроэнергетики и тяжелого машиностроения, восстановление хозяйства освобожденных районов — вот те вопросы, которыми занимались тогда Госплан и Государственный Комитет Обороны», — пишет Г.М. Сорокин.

Д.С. Бужин отмечает: «Образованнейший и талантливый марксист-ленинец, человек огромной работоспособности, предельной собранности, железной самодисциплины, высокой требовательности к себе, нередко граничащей во имя и на пользу дела с аскетизмом, — Н.А. Вознесенский только при этих своих качествах и недюжинных способностях мог успешно выполнять сложнейшую и многогранную работу государственного деятеля его масштаба».

Так пишут о своем непосредственном руководителе сотрудники Госплана СССР.

Работа, Дело — вот что действительно было главным в жизни Николая Алексеевича, этому подчинялось все остальное. И совершенно заслуженно в официальной

биографической справке о нем, подготовленной для Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов, сказано: «Внес большой вклад в организацию разгрома гитлеровской Германии, в обеспечение победы советского народа в Великой Отечественной войне, а затем в восстановление и развитие народного хозяйства страны. Крупнейший ученый-экономист...». В этом качестве Н.А. Вознесенский и вошел в историю экономической науки и нашего государства.

Основные труды академика Н.А. Вознесенского

1. *Хозрасчет и планирование на современном этапе* // *Большевик*. 1931. № 9.
2. *К вопросу об экономике социализма* // *Большевик*. 1931. № 23, 24; 1932. № 1, 2.
3. *О социалистическом расширенном воспроизводстве в первой пятилетке* // *Большевик*. 1933. № 4.
4. *Диктатура пролетариата и экономика социализма* // *Большевик*. 1933. № 20, 21.
5. *О советских деньгах* // *Большевик*. 1935. № 2.
6. *Об уничтожении противоположности умственного и физического труда* // *Большевик*. 1936. № 4.
7. *К итогам социалистического воспроизводства во второй пятилетке* // *Большевик*. 1938. № 2.
8. *Речь на XVIII съезде ВКП(б) // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г.: Стенографический отчет*. М.: Госполитиздат, 1939.
9. *Итоги второй пятилетки и основные задачи третьего пятилетнего плана* // *Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР*. М.: Госпланиздат, 1939.
10. *Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства СССР на 1941 год* // *Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства СССР на 1941 год: Доклад на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). 18 февраля 1941 г.* М.: Госполитиздат, 1941.
11. *Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.* // *Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.: Доклад и заключительное слово на первой сессии Верховного Совета СССР. 15–18 марта 1946 г.* М.: Госполитиздат, 1946.
12. *Военная экономика СССР в период Отечественной войны*. М.: Госполитиздат, 1947, 1948; М.: Изд. дом «Экономическая газета», 2003.

Л.А. Вознесенский

**Николай
Константинович
Байбаков**

ПАТРИАРХ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ⁶

Николаю Константиновичу Байбакову — одному из создателей нефтегазового комплекса в нашей стране, доктору технических наук, главному научному сотруднику Института проблем нефти и газа РАН в марте 2006 года исполнилось 95 лет. Н.К. Байбаков родился 6 марта 1911 года в селе Сабунчи (ныне оно вошло в городскую черту Баку) в многодетной семье рабочего-кузнеца. Отец приехал в Баку на работы из Белоруссии, поселился в Балахановском районе, да так там и остался. В семье было одиннадцать детей. Заработков отца не хватало, поэтому с ранних лет все дети подрабатывали, стараясь по мере сил помочь родителям. Рядом были нефтяные промыслы, где всегда находилась черновая работа. Именно в это время Николай Константинович приобщился к нефтяному делу и сделал выбор своего дальнейшего жизненного пути.

Это было трудное, бурное, но чрезвычайно интересное время. Все силы молодой советской республики направлялись на восстановление важнейших отраслей народного хозяйства. Гражданская война и интервенция пагубно отразились на состоянии нефтепромыслов: оборудование пришло в негодность, не хватало металла, инструментов, материалов, буровые работы фактически прекратились, остро стояла проблема обводнения скважин. В России объем добычи нефти упал до 42,7% от его довоенного уровня. Катастрофическое сужение емкости внутреннего рынка, фактическое разрушение денежной системы, отсутствие хозрасчета, жесткая централизация снабжения и производства — все это привело к тому, что в самом начале 20-х годов XX века в стране был взят курс на проведение новой экономической политики.

В тот период было ясно, что использование естественных богатств страны должно служить источником получения средств, необходимых для ее восстановления и последующей индустриализации. В нефтяной промышленности создаются крупные государственные предприятия, действующие на началах коммерческого расчета, — тресты. С иностранными нефтяными компаниями заключается несколько концессионных договоров, которые распространяются на разведку и эксплуатацию нефтепромыслов, а также строительство различных сооружений в восточной части Каспия, на Сахалине, в Баку, Батуми. Широко используется в отрасли и такая форма привлечения иностранного технического и интеллектуального опыта в национальную экономику, как договоры технической помощи, что в немалой степени способствовало и подготовке отечественных квалифицированных кадров рабочих, инженеров и техников. Все эти события, кажущиеся сегодня невероятно далекими, происходили на глазах вступающего во взрослую жизнь Н.К. Байбакова — нашего современника!

Советская власть открыла широкие перспективы для рабочей молодежи, стремясь подготовить новую техническую интеллигенцию. Н.К. Байбаков и два его брата смогли получить высшее образование. В 1931 году, будучи на четвертом курсе самого престижного в Баку Азербайджанского нефтяного института, Николай

⁶ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 7. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. — С. 4–22.

Константинович начал работать на промысле треста «Лениннефть» в должности инженера. Окончание института в 1932 году позволило ему официально оформиться на должность инженера. Почти сразу же Н.К. Байбаков столкнулся с проблемой, которую нефтяникам в то время никак не удавалось решить — обводнение скважин. Молодой инженер не ступался и неожиданно для всех нашел решение этой сложной проблемы. Разработанный им метод был назван в СССР «Методом Байбакова». Но из-за режима секретности не был запатентован и ныне за рубежом известен как «Метод Скотта». Были и другие новаторские предложения, которые позволили Николаю Константиновичу уже через считанные месяцы стать заведующим промыслом «Лениннефть».

Отслужив срочную службу в рядах Красной армии на Дальнем Востоке (1935–1937 годы), Н.К. Байбаков вернулся к любимой работе в тресте «Лениннефть». В 1937–1938 годах он трудился начальником промысла, главным инженером, управляющим треста. Крутой поворот в карьере Николая Константиновича произошел в 1938 году, когда на совещании нефтяников, посвященном созданию в СССР нового района нефтедобычи на Средней Волге — «Второго Баку», он в своем выступлении внес конструктивные предложения по организации дела. Его заметил нарком тяжелой промышленности Л. Каганович и предложил назначить управляющим объединением «Востокнефтедобыча», которое должно было начать разработку нефтяных месторождений на Средней Волге и в Приуралье. Объединение включало только что созданные тресты «Башнефть», «Сызраньнефть», «Эмбанефть», работу которых еще предстояло наладить. И это оказалось по силам Николаю Константиновичу. В 1939–1940 годах он уже работал в Москве начальником главка Наркомтопа Главнефтедобычи Востока, а с 1940 года — заместителем наркома Наркомтопа, который возглавлял один из создателей советской промышленности Л. Каганович. Менее чем за десять лет вчерашний выпускник Азербайджанского нефтяного института прошел путь от рядового инженера до заместителя наркома. Такое в 30-е годы XX века было возможно только благодаря его выдающимся способностям и таланту организатора.

Все работы по созданию нового нефтеносного района, имевшего стратегическое значение для страны, контролировал И.В. Сталин. В 1940 году состоялось личное знакомство Н.К. Байбакова с вождем. На Николая Константиновича произвело сильное впечатление умение Сталина внимательно выслушать собеседника, разговорить его, выбрать из многих мнений, потока информации «главное звено», докопаться до сути и только потом принимать решение, которое оказывалось единственно верным. Он впоследствии не скрывал, что этому и многому другому он старался учиться у вождя. И.В. Сталин сразу же обратил внимание на «молодого генерала» нефтяной промышленности, поскольку высоко ценил в людях ответственность, компетентность, умение ставить вопросы и, несмотря на обстоятельства, добиваться их решения. Подлинный экзамен в этой сталинской школе управления Николаю Константиновичу пришлось выдержать в годы Великой Отечественной войны.

Н.К. Байбаков, уже заместитель наркома Наркомтопа, был назначен уполномоченным Государственного комитета обороны (ГКО) СССР по обеспечению фронта и тыла горючим. В то время главными центрами нефтедобычи СССР являлись Баку,

Грозный и Майкоп. Причем нефтяники «Майнефти», благодаря самоотверженному труду, смогли выйти на второе место по объемам нефтедобычи в стране. Именно сюда был командирован в конце 1941 года Н.К. Байбаков. В нашем распоряжении имеются мемуары Ф.С. Готьвана — секретаря Нефтегорского райкома ВКП(б) Краснодарского края, начальника штаба партизанских отрядов Нефтегорского района в 1941–1943 годы. В них содержатся интересные свидетельства о деятельности Н.К. Байбакова в этот еще не описанный в литературе период его жизни. Важно отметить, что чувства, переживаемые мемуаристом, во многом совпадают с тем, что рассказывает об этом периоде своей жизни сам Н.К. Байбаков.

Федор Степанович Готьван вспоминал: «Когда немецкие полчища в 1941 году заняли город Ростов-на-Дону — ворота к кавказской нефти, был получен приказ ГКО приступить к ликвидации нефтяных скважин и начать эвакуацию нефтяного оборудования в восточные районы страны. Уполномоченным комитета обороны по ликвидации нефтяных скважин был товарищ Байбаков Николай Константинович. Под его руководством проводились все работы. Сначала приступили к ликвидации маломощных скважин. Таких скважин на всех промыслах насчитывались сотни, и вестимо, что ликвидация скважин, хотя и маломощных, отрицательно влияла на рост добычи нефти. Несмотря на это, в результате титанического труда нефтяников добыча нефти изо дня в день росла. Работы по вывозке бурового и промыслового оборудования происходили в тяжелых зимних условиях. Но зимняя распутица, снег, дожди, непролазная грязь не могли снизить желания людей сохранить дорогостоящее оборудование и выполнить задания. Тракторы по перевозке тяжелых грузов работали от настроения трактористов и поднимали нагрузку во много раз превышающую их мощность.

Тяжело было работать не только потому, что условия были тяжелы в такую непогоду и нагрузка была большая. Этого нефтяники не боялись. Хуже всего то, что их угнетала душевная тяжесть. Приходилось уничтожать свои собственные труды, свое детище. Уничтожать все то, что создано своими руками, на что положено много сил и средств. В короткий срок много оборудования уже было вывезено, много маломощных скважин было выведено из строя. Настало время приниматься за ликвидацию высокодебетных скважин. В это время получили радостную весть. Наши войска освободили Ростов-на-Дону. Значит, угроза оккупации Краснодарского края как будто миновала. Но приказа об отмене ликвидации скважин и эвакуации всего оборудования не было... Мы получили указание продолжать выполнение постановления Комитета обороны.

Как же так — продолжать выполнение постановления Комитета обороны в то время, когда наши войска крепко долбят немцев под Ростовом-на-Дону? Это не укладывалось в моей голове. «Значит, взятие Ростова нашими войсками — это бои местного значения, — проносится в моей голове мысль, — не дающие гарантий на изменение положения на фронте в нашу пользу». Такое я сделал заключение...

На другой день часов в десять утра мы приехали в Хадыженск, не заходя домой, я пошел в трест «Хадыженнефть» к Байбакову. Николай Константинович был у себя и разговаривал с управляющим треста «Хадыженнефть» Владимиром Николаевичем Анисимовым. Анисимов — член партии с большим партстажем и большим

опытом работы. Несмотря на свой преклонный возраст, был энергичным, непоседливым, шумливым, но и опытным руководителем. Поздоровавшись, я не стал вмешиваться. Прислушался. Речь шла о возвращении отправленного оборудования и восстановлении промыслов. Байбаков, давая указания управляющему, чего-то, по-моему, не договаривал. Что-то эти указания не соответствовали его решительному характеру. И я вмешался.

— Николай Константинович, ознакомь, пожалуй, с указанием по этому вопросу. Ведь я в крайкоме все пороги оббил, добиваясь отмены ликвидации промыслов, и так ничего и не добился...

— Вчера после нашего совещания, — говорит Байбаков, — когда люди разъехались по своим местам, я получаю телеграмму от Наркома: «Ликвидация промыслов отменяется, приступайте восстановлению. Железным дорогам дано указание возврат всего оборудования». Вот и приходится нам разворачиваться в работе на сто восемьдесят градусов.

— Это же прекрасно! Это то, чего мы и добивались! Народ на восстановлении будет работать куда лучше, чем на ликвидации. Но вы, Николай Константинович, о чем-то думаете, что-то вам мешает решительно приступить к восстановлению, хотя ваши указания Владимиру Николаевичу соответствуют телеграмме! — сказал я, пытливо глядя на Байбакова.

Байбаков встал, подошел к окну, немного подумал, глядя в окно, и, как будто ни к кому не обращаясь, тихо заговорил:

— Телеграмма хороша, народ будет с радостью выполнять работы по восстановлению, но мне кажется, нам придется делать двойную работу.

— Мне непонятно, почему двойную работу, Николай Константинович?

— Мне кажется, что взятие Ростова-на-Дону нашими войсками еще далеко не перелом хода войны. Как бы нам не пришлось еще раз восстанавливать, а потом ликвидировать промысла.

— Вы думаете, Николай Константинович, что успехи наших войск в Ростове — это временный успех и лучше бы было ограничиться только приостановкой ликвидации промыслов?

— Да ты, Федор Степанович, угадал мои мысли!

— А может быть там, в верхах, им лучше видно, какое положение на фронте, сообразуясь с ним, и дали такое указание, — вставляет свою мысль Анисимов.

— Может быть и так, — говорит Байбаков. — Я бы рад ошибиться в своих мыслях. Наше дело — выполнять распоряжение, так и будем делать.

Нефтяники с большой радостью и надеждой приняли извещение об изменении направления в работе. И с еще большим энтузиазмом принялись за разгрузку эшелонов, прибывающих с оборудованием, и перевозку его к буровым скважинам. Трактористы и шоферы транспортных контор нефтяников работали без усталости. Радость победы наших войск в сражении за Ростов-на-Дону придавала людям столько сил, что они пошли в наступление по восстановлению промыслов с таким натиском, что этот удар не могли остановить невзгоды зимнего периода — снег, грязь или холод. Рабочие и инженеры по нескольку суток не спали, и в короткий срок все оборудование было возвращено и установлено. Бурение скважин и добыча нефти уже в феврале 1942 года вошли в свой нормальный ритм

военного времени. Райком партии с руководством трестов «Хадыженнефть» (товарищ Анисимов) и «Апшероннефть» (товарищ Лаврентьев) приняли необходимые меры к повышению добычи нефти, зная, что нефть для нашего хозяйства и армии нужна как кровь для человека... С каждым днем нефтяные промыслы наращивали добычу нефти и неуклонно шли вперед. К июлю 1942 года промыслы трестов «Хадыженнефть» и «Апшероннефть» пришли с суточной добычей в 7300 т первосортной майкопской нефти!»

Летом 1942 года, после Харьковской катастрофы, обстановка на юге СССР резко ухудшилась, и вновь возникла реальная угроза захвата фашистами кавказских месторождений нефти. В один из жарких июльских дней И.В. Сталин вызвал Н.К. Байбакова в Кремль. Вождь без обиняков заявил:

— Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Он объявил, что если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам. Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем. Но если вы уничтожите промыслы преждевременно, а немец их так и не захватит, и мы останемся без горючего, то мы вас тоже расстреляем.

— Но вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин, — сказал Н.К. Байбаков.

Сталин остановился возле меня, медленно поднял руку и слегка постучал по виску.

— Здесь выбор, товарищ Байбаков. Летите. И с Буденным думайте, решайте вопрос на месте.

С таким напутствием Н.К. Байбаков вновь оказался на нефтяных промыслах Майкопского месторождения, так как именно им в первую очередь угрожал немецкий прорыв.

Ф.С. Готьван впоследствии вспоминал: «После сообщения об оставлении нашими войсками Ростова-на-Дону ко мне в райком пришел Николай Константинович. Поздоровался и сел в кресло.

— Слышал? — не глядя на меня, спросил Байбаков.

— Да, Николай Константинович, слышал.

— Я получил приказ.

— Все понятно и так, Николай Константинович, и без приказа. Вы, оказываетесь, как в воду смотрели. Приходится теперь двойную работу вести. Помните наш разговор в прошлом году?

— Да, помню. К великому моему огорчению, я не ошибся. А как бы хотелось, чтобы это была ошибка. К сожалению, это была горькая правда.

— Ну что же, Федор Степанович, — тяжело вздохнув, приподнимаясь с кресла, проговорил Байбаков, — надо приниматься за дело. Надо успеть закончить работу ко времени. Я к тебе зашел вот зачем. Надо создать на каждом предприятии оперативные ответственные тройки по организации работ по демонтажу и вывозке оборудования, по выводу из строя скважин.

— Не мало будет три человека, Николай Константинович?

— Чем меньше, тем лучше. Меньше будет неразберихи, будет больше оперативности. В тройку должны войти директор предприятия, секретарь парторганизации и работник НКВД.

Я с ним согласился и сейчас же вызвал к себе начальника РОНКВД Рябинина Федора Ивановича. Тут же наметили кандидатуры. Во время подбора кандидатов в тройки собрали членов бюро РК и постановлением бюро РК тройки были тут же утверждены.

— Чтобы не было разнобоя в работе этих троек, необходимо провести с ними инструктаж, — обратился я к Байбакову.

— Да, это необходимо, — согласился он со мной, — я дал указание своему помощнику, чтобы через час люди были в райкоме.

Инструктаж длился всего один час. Товарищ Байбаков очень коротко и ясно изложил очередность работ:

— Я дал указание секретарям парторганизаций довести до сведения людей важность работы. На самые ответственные работы поставить коммунистов и кадровых рабочих, надежных людей из беспартийных.

— У нас все надежные, — подал реплику парторг ЦК при комитете бурения, он же секретарь парторганизации Рождественский.

— Ну и хорошо, а теперь товарищи, не будем терять дорогое время. По местам, —скомандовал Байбаков.

— Что будет непонятно в процессе работы, какую помощь надо оказать, звоните товарищу Байбакову или мне, — добавил я и отпустил людей.

Прошло много времени с тех пор, но я с благодарностью вспоминаю Николая Константиновича Байбакова, который проделал колоссальную работу, выполняя задания ГКО по ликвидации промыслов. Это человек с большим кругозором и отличный организатор. Это большой души человек. Несмотря на огромные трудности в работе по ликвидации промыслов, я ни разу не слышал, чтобы он с кем-то разговаривал в повышенном тоне. Но если уж что сказал — будет сделано! Он пользовался среди нефтяников большим уважением и симпатией. Какую бы должность ни занимал человек, Байбаков считался с его мнением. Своим отношением Николай Константинович как бы притягивал к себе, чего не было у тогдашнего наркома нефтяной промышленности. Не буду называть его фамилии.

Я вспомнил один случай — как-то зимой с 1941 на 1942 год я выезжал на своей райкомовской автомашине из города Краснодара. Николай Константинович выехал со мной. То ли у него машины не было или была на ремонте, точно не знаю. Но, во всяком случае, выехали мы из Краснодара вместе. Дело было уже к вечеру. Еще засветло мы переправились на пароме через Кубань. Когда мы добрались до села Николаевского, уже наступили синие сумерки, а когда проехали село, стало совсем темно. Мы выехали на равнину и попали в метель. Дорогу занесло. Мы то и дело должны были выходить из машины и проталкивать ее через сугробы. И так пробирались переменным аллюром — то мы ехали на машине, то машина на нас. В конце концов, мы с Николаем Константиновичем совсем выбились из сил. Вспотели и стали совершенно мокрые. К тому же залезли машиной в такой сугроб, что она ни назад, ни вперед — ни на сантиметр. А темнота — не видать наш ГАЗ. На что уж снег белый — и его не видать.

— Николай Константинович, — обратился я к нему, вытирая пот рукавом, — по-моему, здесь должно быть село Преображенское. Надо идти ночевать в село, иначе мы здесь мокрые пропадем. Смотри, какая пурга, а мы насквозь мокрые.

— Куда нам идти, — начал возражать Байбаков, — ты посмотри, какая темнота, и метет, ничего не видно, чего доброго собьемся с направления и машину потеряем, тогда нам совсем капут.

Я все-таки настоял на своем. Мы отдали шоферу свои полушубки, велели ему посветить нам фарами, чтобы не заплутаться и не потерять машину, если не найдем село.

И вот мы двинулись в темноту. Вой и свист пурги; не отрываясь друг от друга, прошли мы от машины не больше метров ста пятидесяти. Я шел впереди и вдруг провалился в сугроб, в какую-то канаву. Кое-как я выкарабкался из канавы и попал в тын. Это была ограда двора. Мы пошли по-над тыном и попали на улицу. Подошли к хатке.

— Ну, теперь мы дома, — воскликнул я.

— Рановато радоваться, нас ведь могут и не пустить в дом, — усмехаясь, сказал Николай Константинович.

— Этого быть не может, — возразил я. — Неужели хватит совести у людей оставить нас замерзать на снегу.

С этими словами я постучал в окно. Один раз. Потом еще один раз. Наконец после третьего раза в окне показалась кудлатая голова женщины и сонным голосом спросила: «Кто тут и чего надо?»

— Пустите нас переночевать, нас двое, вот, замерзаем, — начал я упрашивать ее.

— И рада бы я помочь, но не могу. Дома одна я с детишками. Не могу.

Как я ни просил, кудлатая голова не приняла нас под покров своей хатки. Такой же результат был и во втором, и третьем дворе.

— Вот ведь, черт возьми, в селении, а придется замерзать. Люди какие бессердечные, — возмущался я.

— Ты не ругайся, а разберись, как следует, в чем дело. Ты пойми, — говорит Николай Константинович, — в самом деле, мужчин дома нет, все на фронте. Как может беззащитная женщина пустить ночью в дом каких-то проходящих людей. А может быть, мы какие проходимцы. Разве мало таких подлецов, которые, пользуясь моментом, стремятся поживиться за счет других. Вот ты бы был на их месте. Как бы ты поступил?

«Против таких доводов никак не возражишь», — подумал я и постучал опять в окно. Когда у окна появилась женщина-старушка, я попросил ее рассказать нам, как найти сельсовет. Она нам подробно растолковала. Я ее поблагодарил, мы двинулись по указанному пути и кое-как добрались до здания сельсовета.

Страхнув с себя снег на крыльце, мы вошли в большую комнату. Помещение было вместительное, но на полу лежали люди так, что ногой негде стать. В углу на столе сидели четверо вооруженных автоматами бойцов.

— Как можно нам видеть председателя Совета? — обратился я к конвоирам.

— Я председатель Совета, — закрывая за собой дверь позади нас, отозвался человек среднего роста, прихрамывающий на одну ногу.

Мы ему рассказали, кто мы и почему очутились здесь, и попросили устроить нас на ночлег.

— Вот, застала нас в пути ночь и метель, застряли в сугробах, и получилась у нас вынужденная посадка. Машину оставили в сугробе, а сами решили просить

у вас приюта. Я секретарь Нефтегорского райкома партии, — представился я, поздоровавшись с председателем. — А это — заместитель народного комиссара нефтяной промышленности товарищ Байбаков Николай Константинович.

— Ваши документы! — послышался повелительный голос одного конвоира, направлявшегося к нам.

— Благодарю за бдительность, но вы то кто такой, чтобы я показывал вам свои документы? — сказал я, доставая из бокового кармана свое удостоверение.

— Вот, прошу, товарищ председатель, — подал ему свое удостоверение, — а вас, гражданин, прошу занять свое место, — обратился я к ретивому конвоиру.

Проверив наши документы, председатель попросил нас немного подождать. Когда он минут через пятнадцать справился со своими делами, то мы тронулись в путь. Куда он вел нас, мы не знали, а спросить было как-то неловко. Шли мы молча, председатель шел впереди по тропинке, припадая на правую ногу, и тоже молчал.

Подошли мы к домику, в котором светился огонек.

— Хозяйка поджидает нас, — проговорил председатель.

— Почему нас? — спросил Николай Константинович.

Председатель, не ответив на вопрос Байбакова, открыл дверь, ведущую в коридор. Мы вошли следом, отряхнули снег, и только потом оказались в чистой, светлой комнате. Хозяйка миловидная, лет так под сорок. Приветливо встретила нас. Поздоровались, рассказали, кто мы и какими судьбами очутились здесь, попросили прощения за беспокойство.

— Ой, что вы, не беспокойтесь, дорогие, — заговорила приятным голосом хозяйка, — да разве можно в такое время, в такую стужу не оказать помощь людям, попавшим в беду.

Николай Константинович тут же рассказал ей о наших попытках получить приют на ночь в селе.

— Ну, то простительно, ведь и в самом деле мужчин дома нет, как может женщина пустить в дом неизвестных людей. Был у нас тут такой случай, обобрали семью, да и были таковы. Хорошо, что хоть живых оставили. Вот через таких подлецов и приходится хорошему человеку отказывать в приюте.

Хозяйка оказалась разговорчивой, а тут мы еще дали ей тему, ну она и пошла тараторить. Сама хлопочет над ужином и без перерыва разговаривает, голос, как звонок, разливается по комнате. Накрыла стол. Мы стали было отказываться, соблюдая вежливость, хотя были голодны, как волки, да не тут-то было. Пришлось с удовольствием откусать на славу сваренного кубанского борща.

Николай Константинович похвалил борщ и кулинарные способности хозяйки, и она пуще прежнего замолела языком. А хозяин посматривает на нее с хитрецей и потихоньку посмеивается в ус.

В комнате было тепло, и нас после холода, да еще после горячего борща, начало клонить в сон.

Николаю Константиновичу постелили в отдельной комнате. Он тут же разделся и лег спать. Мне постелила хозяйка в той же комнате, где спали они с мужем. Потушили свет. Хозяйка еще долго не могла уgomониться, все еще разговаривала, лежа с мужем на кровати. А я кое-как ей поддакивал, пока не уснул под ее воркотню.

Проснулись утром. На дворе было уже светло. Хозяин ушел в Совет, а хозяйка возилась у печки, приготавливая завтрак. Когда мы умылись, стол был уже накрыт. Подан был суп, и вместо чая — по чайной чашке вина домашнего изготовления.

Мы не стали отказываться от завтрака. Быстренько управились с супом и вином, поблагодарили хозяйку и вышли из дома. Она нас провожала со двора и на прощание начала извиняться:

— Вы уж простите, если, может, что не так. Если будете в наших местах — прошу заходить, как домой.

Попрощавшись с хозяйкой, мы вышли со двора. Николай Константинович ухмыльнулся и говорит:

— Вот ведь русская натура: приютила, накормила, чистую постель постелила, опять накормила, да еще вина подала, и после всего этого извиняться. Хм! «Может быть, что не так». Какой там черт не так. Нам надо их благодарить да благодарить, а она со своими извинениями.

Так мы, рассуждая, дошли до машины, которая была совсем занесена снегом. Шофер, закутавшись в полушубки, еще сладко спал.

Кое-как вытащив машину из-под снега, метров сто мы еще проталкивали ее по сугробам, а дальше оказалась чистая дорога. Мы сели в машину и спокойно тронулись, продолжая свой путь.

К 11 августа работа по ликвидации скважин на промыслах в основном была закончена. Много оборудования в короткий срок было вывезено в восточные нефтяные районы страны. Но все демонтировать и отправить не успели. Фронт уже подпирал. Уже был сдан Краснодар. И Армавир. Несколько компрессорных станций, электростанция в Апшеронске взрывом были выведены из строя оперативными тройками на месте. Очень тяжело душевно было выполнять операции по уничтожению производственных зданий и машин.

Чего стоили нам и государству красавицы компрессорные станции. Я присутствовал при взрыве компрессорной станции № 3 на промысле № 4 «Широкая балка». Это было 10 августа в 14 часов дня. К взрыву все уже было подготовлено: заложена взрывчатка, проведены детонаторные шнуры, все люди были удалены с территории на безопасное расстояние. Председатель тройки, заведующий промыслом и секретарь парторганизации еще раз проверили — не остался ли кто на территории станции. Все оказалось в порядке, и только тогда подал команду подрывнику:

— Приготовиться!

— Есть приготовиться! — ответил подрывник. Я не мог смотреть на эту картину уничтожения труда людей. Прозвучавшая команда как будто хлыстом стеганула меня. Я отвернулся и не стал смотреть в сторону компрессорной.

— Дать контакт!

— Есть дать контакт!

И одновременно со страшным гулом задрожала земля. Вверх полетели части машин, пыль, камни и обломки зданий. Когда дым и пыль рассеялись, вместо красивого здания громоздилась груда металлолома, бетона и дерева...

Всю эту работу провели нефтяники под руководством уполномоченного Комитета обороны товарища Байбакова. К 12 августа все было закончено...».

На восток страны было отправлено до 600 вагонов с оборудованием, в Грозный и Туапсе была вывезена вся добытая нефть.

Необходимо отметить, что ликвидация промыслов проводилась одновременно с формированием партизанских отрядов и подполья, ядро которых составили нефтяники. Именно этой малоизвестной странице истории Великой Отечественной войны посвящены мемуары Ф.С. Готьвана. Оставшиеся в тылу врага советские патриоты диверсиями и саботажем сорвали все попытки гитлеровцев наладить добычу майкопской нефти.

В середине августа 1942 года пути Н.К. Байбакова и Ф.С. Готьвана разошлись. Но тот факт, что вплоть до 12 августа 1942 года Н.К. Байбаков находился в районе пос. Хадыженский (ныне г. Хадыженск), позволяет понять, как Николай Константинович оказался в списках погибших и его семья получила похоронку. По данным краеведческих исследований, 9–14 августа 1942 года наши части вели арьергардные бои в районе Апшеронска — Хадыженска — Горячего Ключа, пытаясь создать линию обороны в горах и преградить путь на Туапсе. Немецкие части, двигаясь вдоль рек Пшеха, Пшиш, Псекупс, вышли к предгорьям главного Кавказского хребта и в нескольких местах перерезали единственную в то время шоссейную дорогу Майкоп — Туапсе. Выходить к морю Н.К. Байбакову и его товарищам пришлось в неразберихе отступления. В штабе С.М. Буденного они узнали, что их успели «похоронить».

Перелом в ходе Великой Отечественной войны привел к смене приоритетов в работе нефтяной промышленности. «Мы имели перед собой как бы два фронта, — вспоминает Н.К. Байбаков, — настоящий, огнедышащий, и другой, пока холодный, возможный в недалеком будущем. Мы должны были закончить войну, сохранив весь потенциал страны для быстрого и решающего послевоенного роста экономики». В ноябре 1944 года И.В. Сталин назначил Николая Константиновича наркомом нефтяной промышленности СССР. Он проработал в этой должности до мая 1955 года. В это время бурно развивалась нефтяная промышленность на Кавказе. Было завершено освоение месторождений на Средней Волге и в Приуралье, активно велась разведка месторождений в Западной Сибири. Началась разработка газовых месторождений. Была создана современная топливно-энергетическая база, позволившая СССР превратиться в крупную мировую державу, успешно конкурировавшую с другой супердержавой — США.

С приходом к руководству страной Н.С. Хрущева Н.К. Байбакову было поручено возглавить Государственную комиссию Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства (1955–1957 годы). Впервые он был вне нефтяной отрасли, разрабатывая приоритетные направления экономического развития страны. Казалось, что его деятельность приобретает новые, более масштабные черты. В 1957–1958 годах он уже работал первым заместителем председателя правительства РСФСР, председателем Госплана РСФСР. Однако жизнь распорядилась иначе.

Возглавляемое Н.С. Хрущевым руководство страны взяло курс на проведение хозяйственной реформы. Были упразднены министерства, а вместо них образованы совнархозы. В 1958–1963 годах Н.К. Байбаков возглавлял совнархозы Краснодарского и Северо-Кавказского экономических районов. В те годы ему пришлось выполнять

огромную работу по развитию производительных сил, по подъему добычи нефти и газа и особенно по строительству сахарных заводов. Здесь как раз и пригодился его опыт работы в нефтяной промышленности, когда приходилось строить промыслы фактически на голом месте. В 1963 году Николай Константинович вернулся в Москву, где он возглавил Госкомитет СССР по химии, а в 1964 году был назначен председателем Госкомитета по нефтяной промышленности при Госплане СССР.

В августе 1965 года Н.К. Байбакова вызвали в ЦК КПСС в кабинет нового Генерального секретаря Л.И. Брежнева, где уже находился председатель правительства А.Н. Косыгин. Брежнев сразу же решительно объявил:

— Возвращайся в Госплан!

Николай Константинович сначала отказался, сославшись на то, что в этой должности уже работал и был освобожден, как не справившийся.

— Иди и работай! — повторил с нажимом Брежнев и дружески добавил: — А о твоих способностях не тебе судить.

Так, с подачи А.Н. Косыгина, в течение 20 лет (с 1965 по 1985 год) Байбаков трудился на должностях заместителя председателя Совета Министров СССР и председателя Госплана СССР. Академик РАН и президент Торгово-промышленной палаты Е.М. Примаков так характеризует его личность и его деятельность на посту руководителя главного планового органа Советского Союза: «Н.К. Байбаков не только родоначальник отечественной нефтяной и газовой промышленности, он принадлежит к плеяде тех настоящих хозяйственников-экономистов, которые не замыкались интересами своей отрасли, как бы важна она ни была, понимая, что будущее России в диверсификации экономики, в развитии наукоемкой обрабатывающей промышленности. Все это он доказал, особенно в те годы, когда возглавлял экономический штаб страны — Госплан».

Но и после выхода на пенсию в октябре 1985 года Николай Константинович продолжает плодотворно трудиться, используя любую возможность применить свои глубокие знания, свой жизненный, производственно-управленческий и научный опыт. В 1986–1988 годы он советник Кабинета министров СССР, а с 1988 года Н.К. Байбаков становится главным научным сотрудником Института проблем нефти и газа РАН, где трудится до сих пор над проблемами увеличения нефтеотдачи пластов, является председателем газовой секции Научного совета по комплексным проблемам энергетики РАН и почетным членом Международной топливно-энергетической ассоциации, которая учредила премию имени Н.К. Байбакова. Он почетный член Академии естественных наук России, академик Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, президент Международного фонда содействия экономическому развитию и президент Российского общества дружбы с Азербайджаном.

Николай Константинович Байбаков — автор около 200 публикаций. Его научные труды по комплексному решению проблем разработки нефтяных и газовых месторождений ныне особо актуальны для производителей-практиков.

Н.К. Байбаковым написано несколько книг: «Сорок лет в Правительстве», «Записки нефтяника», «Нефтяной фронт», «От Сталина до Ельцина», «Моя родина — Азербайджан». В них отражены его воспоминания, его производственный, научный и управленческий опыт, его оценка того, что происходило и происходит с нашей Родиной.

Николай Константинович Байбаков — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, награжден шестью орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Октябрьской Революции, медалями СССР, правительственными наградами ряда зарубежных государств. Он лауреат премии Москвы «Легенда века», лауреат премии «Российский национальный Олимп» — «Человек-эпоха».

Огромный опыт Н.К. Байбакова, его активная жизненная позиция заставляют нас размышлять над настоящим и будущим нашей Родины, определять поиски путей ее экономического развития, искать ответы в нашей великой истории. В одной из книг Николай Константинович обратился к своим младшим современникам: «Как и где искать выход? У наших сегодняшних заокеанских наставников? У кабинетных экономистов-перевертышей? У лидеров разных партий, занятых своей политической судьбой?.. Нет, выход следует искать в нашем прошлом — героическом и трагическом, в самой сути нашего исторического пути. В мыслях и раздумьях великих русских людей, определивших наш духовный путь. В том, что сделано было нами, построившими великую державу. И каждый должен искать выход, раздумывая о самом себе, наедине со своей совестью и правдой».

Основные публикации академика Н.К. Байбакова

1. *Дело жизни: Записки нефтяника*. М.: Советская Россия, 1984. 350 с.
2. *Тепловые методы разработки нефтяных месторождений*. 3-е изд. М.: Недра, 1988. 342 с.
3. *Сорок лет в правительстве*. М.: Республика, 1993. 317 с.
4. *Вчера, сегодня, завтра нефтяной и газовой промышленности России*. М.: Институт геологии и разработки горючих ископаемых, 1995. 447 с. (В соавторстве с Н.М. Байбачевым, К.С. Басиевым и др.)
5. *Термические методы добычи нефти в России и за рубежом*. М.: ВНИИОЭНТ, 1995. 180 с. (В соавторстве с А.Р. Гарушевым, Д.Г. Антониади, В.Г. Шихановым.)
6. *От Сталина до Ельцина*. М.: ГазОйлпресс, 1998. 351 с.
7. *Моя Родина — Азербайджан*. М.: ГазОйлпресс, 2001. 158 с.
8. *Кубань — колыбель нефтегазовой промышленности России*. Краснодар: Центр информационного и экономического развития печати, телевидения и радио Краснодарского края, 2004. 306 с.
9. *Байбаков Н.К. Нефтяной фронт: Мемуары*. М.: ГазОйлпресс, 2006. 91 с.

И.О. Тюменцев,

доктор исторических наук, профессор

В.В. Булатов,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник НИИ проблем экономической истории России XX в.

**Дмитрий
Трофимович
Шепилов**

ЧЕЛОВЕК И ГРАЖДАНИН, УЧЕНЫЙ И ДИПЛОМАТ, ПОЛИТИК И ВОИН⁷

Дмитрий Трофимович Шепилов родился 23 октября (5 ноября) 1905 года в Ашхабаде. Он принадлежал к поколению революционной молодежи, вышедшей из недр рабочего класса, которое получило затем в советской литературе именование «комсомольцев двадцатых годов». Его юность прошла в героической атмосфере Гражданской войны. Уже с 12-летнего возраста он вынужден был зарабатывать на хлеб насущный. Сначала по утрам в табачной мастерской делал гильзы для папирос, а затем был на побегушках в Квартальном комитете, который управлял всеми национализированными Революцией жилыми домами. После обеда занимался в Школе второй ступени. Очень уставал, однако наступал вечер, и его неодолимо тянуло в оперный театр, куда он частенько и отправлялся.

Д.Т. Шепилов всю жизнь был горячим поклонником классической музыки. И это было не случайным. Отец его⁸ обладал красивым голосом и постоянно исполнял дома старинные русские песни, а иногда и церковные песнопения. Все братья музицировали на слух: кто на балалайке, кто на мандолине, кто на гитаре и скрипке. О себе Дмитрий Трофимович Шепилов вспоминал:

«С 11 лет я сдружился со своим однокашником Юрием Николаевичем Остроумовым, и эта дружба длится уже более 50 лет. Дома у Юрия было пианино, а его мать Татьяна Федоровна была большой любительницей музыки. Под ее аккомпанемент мы разучивали и пели романсы Чайковского, Рахманинова, Аренинского, Глинки, Даргомыжского, арии из опер, старинные романсы и песни русских композиторов: Варламова, Гурилева.

Голоса у нас в эту переходную пору ломались. Но все же у Юрия уже тогда определился тенор, у меня — баритон. И мы частенько пели дуэты: глинкавский „Не искушай“, „Нелюдимо наше море“ Вильбоа и другие. К нашей музыкальной компании скоро присоединился тоже наш однокашник Женя Поленский. У него рано сформировался бас. Теперь открылась возможность для пения трио. Мы недурно исполняли „Ночевала тучка...“, „На севере диком“ и другие произведения. Именно тогда музыка покорила меня, стала моей любовью, моей радостью, моим счастьем, моей страстью на всю жизнь.

В 1918 году в Ташкенте, где я (после Ашхабада) жил и учился, образовался школьно-театральный коллектив. Юра, Женя, я и несколько девочек-школьниц с самого основания стали его „премьерами“ и „премьершами“. Мы ставили в различных школах города, в казармах, в кишлаках, в „Колизее“ (оперном театре им. Я.М. Свердлова), в Народном доме, в Городском саду — на подмостках летних кинотеатров „Модерн“ и „Хива“ — музыкальные пьесы. Давали старую гимназиче-

⁷ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 8. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. — С. 4–34. При подготовке очерка были использованы следующие материалы: Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001; Кузнецова Т.Е. «...И примкнувший к ним...» — непримкнувший: (К 100-летию со дня рождения Д.Т. Шепилова). М., 2005.

⁸ Отец Д.Т. Шепилова работал токарем в Ташкентских железнодорожных мастерских, после революции в свободное от работы время учился в общеобразовательной вечерней рабочей школе.

скую пьесу „Иванов Павел“, детские оперы „Кот в сапогах“, „Кот, козел и баран“, „Люли-музыканты“ и другие. Ставили отдельные сцены из классических опер („Евгений Онегин“ и прочие), проводили концерты с исполнением романсов и песен русских и западных композиторов-классиков. Вскоре из девочек сформировалась великолепная балетная труппа. Чем больше проникал я в душу музыки, тем неодоливей становилась моя потребность слушать, слушать и слушать ее. В годы Гражданской войны Ташкент был „городом хлебным“. Сюда съехались великолепные певцы и певицы, и ташкентская опера тогда славилась своим высоким мастерством. Нам же, юным певцам, открылась возможность проходить в оперный театр бесплатно, на свободные места. И мы пользовались этой возможностью чрезвычайно широко — почти ежедневно⁹.

Влечение к музыке было настолько неодолимым, что вскоре Д.Т. Шепилов оставил Квартальный комитет и поступил помощником гримера в оперный театр, как только раздавался третий звонок, он бросал все свои дела, мчался за кулисы или в партер и погружался в волшебный мир звуков. Через 2–3 года он мог безошибочно, очень ритмично и точно напеть около дюжины опер, включая все хоровые, женские и оркестровые партии: «Русалка», «Демон», «Евгений Онегин», «Фауст», «Кармен», «Пиковая дама», «Травиата», «Риголетто», «Корневильские колокола», «Аида», «Борис Годунов», «Паяцы», «Князь Игорь».

Не меньшей страстью, чем оперная музыка, для Д.Т. Шепилова стала музыка камерная. Непревзойденными он считал произведения П.И. Чайковского и С.В. Рахманинова. «Это неотразимой силы будоражащее воздействие музыки на разум, на душу, на каждую клеточку существа моего, — подчеркивал Шепилов, — осталось на всю жизнь. И всю жизнь я относился к музыке, к настоящей музыке, благоговейно, как истый христианин к своему божеству»¹⁰.

В 15-летнем возрасте Д. Шепилов вступил в комсомол. В 1922 году он приехал из Ташкента в Москву и поступил в МГУ. Участь в Московском университете, зарабатывая себе на пропитание тяжелым физическим трудом, разгружая дрова на железной дороге, сортируя вонючую жирную шерсть на кожевенном заводе. О годах учебы в университете Д.Т. Шепилов вспоминал:

«Мы жили интереснейшей идейно насыщенной жизнью. Фанатически верили в скорую победу мировой революции. С жадностью штудировали работы Маркса, Энгельса, Ленина, Гегеля, Плеханова, Лассалю, Каутского, Гильфердинга, Фурье. <...> Бегали на лекции А. Богданова по политической экономии, И. Бухарина — по историческому материализму, М.Н. Покровского — по русской истории, М. Рейснера — по государственному праву. Слушали жаркие схватки А.В. Луначарского с протоиереем — „живоцерковником“ Введенским. Прорывались в аудитории Политехнического музея, Плехановки или Колонного зала на выступления Маяковского, Есенина, Вересаева. Всеми правдами и неправдами проскальзывали на галерку Большого театра или Театра Зимина слушать в „Лоэнгрина“ Собинова и Нежданову или Григория Пирогова в „Фаусте“, а во МХАТе и его студиях — Качалова, Москвина, М. Чехова, Станиславского, Хмелева. <...> Порой до самого рассвета горячо

⁹ Шепилов Д.Т. Указ. соч. С. 100–101.

¹⁰ Там же. С. 104.

спорили друг с другом, подкрепляясь лишь морковным чаем да сухарями. Спорили о смысле жизни, о революции в Германии, о „сменовеховцах“, о новых вещах Алексея Толстого, о Фрейде и, конечно, о любви. В условиях большой нужды, хронического недоедания, тяжелого физического труда, интенсивной учебной работы мы были с головы до пят пропитаны революционной романтикой. Мы не носили модной одежды и даже галстуков, считая это признаком презренной буржуазности. Мы также не танцевали модных западных танцев, но жили весело. Отношения между девушками и парнями были в подавляющем большинстве случаев по существу строгими и чистыми, хотя порой внешне и носили характер нарочитого панибратства и даже некоторой грубоватости, чтобы опять-таки не быть похожими на проклятую „аристократию“. Мы влюблялись, пели, в каникулы исхаживали пешком сотни километров где-нибудь в Крыму, на Кавказе или в Средней Азии и были бесконечно счастливы»¹¹.

В период учебы в МГУ Д.Т. Шепилов становится сначала кандидатом, а в 1926 году — членом ВКП(б). После окончания в 1926 году судебного отделения факультета советского права МГУ Шепилову на выбор предложили работу в Волоколамском уезде Московской губернии или в Чувашии, однако он по доброй воле, без всякого принуждения, принял решение отправиться на практическую работу в самую глушь — в Якутию, куда только добираться приходилось больше тридцати дней.

В этой самой отдаленной республике страны он проработал более трех лет прокурором Главного суда, заместителем прокурора, а затем исполняющим обязанности прокурора Якутской АССР.

В 1928 году Д.Т. Шепилов был направлен на работу помощником прокурора в Западную область, а в 1929 году назначен старшим научным сотрудником Института техники управления Наркомата РКП СССР.

С 1931 по 1933 год он обучался в Институте красной профессуры. В период обучения одновременно являлся ответственным секретарем редакции журнала «На аграрном фронте», научным редактором Большой Советской Энциклопедии, преподавателем Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева¹².

В 1933 году Д.Т. Шепилов окончил Аграрный институт красной профессуры и добровольно покинул Москву — вместе с женой и ребенком уехал в сибирскую глушь, в политотдел деревни. В течение двух лет работал начальником политотдела крупного животноводческого совхоза в Чулымском районе Западно-Сибирского края. Здесь, в Сибири, на краевой партийной конференции он впервые в жизни был избран в состав краевого комитета партии, первым секретарем которого был Роберт Индрикович Эйхе.

В 1935 году, с преобразованием политотделов в деревне в обычные партийные органы, Д.Т. Шепилов был назначен заместителем заведующего сектором науки Сельхозотдела ЦК ВКП(б). Отделом заведовал талантливый большевистский организатор и пропагандист, член партии с 1913 года Яков Аркадьевич Яковлев. В 1935 году Д.Т. Шепилов в качестве работника Сельскохозяйственного отдела ЦК

¹¹ Там же. С. 76–77.

¹² Россия-2000: Современная политическая история (1985–1999). Т. 2: Лица России. М., 2000. С. 1035.

участвовал в проведении проходившего в Кремле 2-го Съезда колхозников-ударников, принявшего Примерный устав сельскохозяйственной артели.

Вскоре сектор сельскохозяйственной науки был передан в Отдел науки ЦК. Заведующим отделом стал тоже старый большевик, член партии с 1907 года Карл Яковлевич Бауман.

В своих воспоминаниях Шепилов с большой теплотой отзывался о своих старших партийных товарищах-наставниках:

«Когда я вспоминаю свои встречи, беседы, свои деловые отношения с такими людьми, как Г. Крумин, Я. Яковлев, Р. Эйхе, К. Бауман и многими, многими другими из старой большевистской гвардии, я думаю: никакие революции, никакие полосы подъема во всемирной истории человечества не выдвигали столько талантливейших профессиональных революционеров, народных трибунов, блестящих ученых, дипломатов, хозяйственников, полководцев, литераторов, инженеров, конструкторов, как Великая русская революция. Эти кадры — самый драгоценный фонд партии и народа, их неоценимый идейный капитал. Это та животворящая сила, которая сцементировала энергию и волю десятков миллионов людей из класса угнетенных и гонимых и вывела их на столбовую дорожку истории. И великая трагедия последующего развития революции состояла в том, что большинство этой прославленной гвардии были затем истреблены в ежовско-бериевских застенках»¹³.

В условиях разгула репрессий в 1937 году с Д.Т. Шепиловым произошел случай, который характеризует его честную принципиальную позицию. В ЦК ВКП(б) пришло письмо, в котором указывалось, что в Астраханском рыбном и Кавказском заповедниках окопались бывшие князья и белые офицеры и укрываются там под личиной научных работников. Дальше следовали несколько фамилий таких сотрудников заповедников и биографические сведения о них. В левом углу на письме черным карандашом было написано: «Тов. Ежову — очистить от мусора. И. Сталин». Разобраться было поручено Отделу науки ЦК, который и направил Д.Т. Шепилова для выполнения данной работы. Казалось, чего проще, есть прямое указание самого Сталина. Достаточно было обратиться в обком ВКП(б) — и дело бы сделали другие. Однако Шепилов лично проверил изложенные в письме факты. Донос не подтвердился. Никаких оснований для чистки научных работников не оказалось. О своем выводе Шепилов сообщил в Астраханский обком ВКП(б), а чтобы указание Сталина об «очистке от мусора» из заповедников было выполнено, из заповедников уволили и привлекли к ответственности нечистых на руку людей¹⁴.

Волна репрессий 1937–1938 годов не обошла стороной и семью Шепилова. Первым был арестован в ноябре 1937 года работник Госплана СССР муж сестры жены Эммануил Ратнер. В январе 1938 года был арестован отчим жены Г.И. Крумин¹⁵. Вслед

¹³ Шепилов Д.Т. Указ. соч. С. 41–43.

¹⁴ Там же. С. 48–49.

¹⁵ Крумин Гаральд Иванович, член ВКП(б) с 1909 г., превосходно образованный марксист, был главным редактором газеты «Экономическая жизнь», а затем «Известий». Общеизвестна его переписка с В.И. Лениным. Незадолго до ареста был исключен из партии за связь с «врагами народа» — бывшими членами Политбюро Я. Рудзутаком и Р. Эйхе, казненными Сталиным.

за ним исключили из партии мать жены А.Н. Ункову¹⁶, через несколько дней арестовали сестру жены — работника Госплана СССР ГМ. Паушкину.

Начались безысходные муки члена семьи «врага народа». Д.Т. Шепилов был снят с работы в Отделе науки ЦК ВКП(б) и как научный работник (профессор, доктор экономических наук) назначен ученым секретарем Института экономики Академии наук СССР, заменив на этом посту будущего дипломата А.А. Громыко. В период работы ученым секретарем Д.Т. Шепилов одновременно читал курс лекций в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) и в Институте советской торговли, регулярно печатался и вел большую редакторскую и пропагандистскую работу.

В сентябре 1938 года Д.Т. Шепилову вновь пришлось проявить свою принципиальность. Он был вызван на Лубянку в НКВД. Там ему было сказано, что им давно интересуются органы. «Мы хорошо понимаем ваше состояние, — заявил работник НКВД. — Вы работали в ЦК, вас сняли. Вы, конечно, не могли не ожесточиться. После снятия из ЦК все товарищи от вас отвернулись...». И Шепилову было предложено сотрудничество с органами по «выкорчевыванию врагов народа». От этого предложения он категорически отказался, хорошо представляя, что может быть за подобный отказ. Случилось чудо, после отказа Шепилов остался на свободе. Возможно, не нашли достаточных зацепок для возбуждения дела.

Началась война. К этому времени Д.Т. Шепилов возглавлял Сектор экономики, был титулованным научным работником, опытным педагогом, автором многочисленных исследований, имел диплом профессора. От мобилизации на фронт его защищала бронь. Но в минуту грозной опасности, когда встал вопрос о жизни или смерти Отчизны, он точно знал, что делать. Отбросив бронь, оставив благоустроенную московскую квартиру, профессорскую кафедру, семью, он добровольно в июле 1941 года ушел на фронт рядовым солдатом и вернулся под родной кров почти через пять лет, только весной 1946-го, в звании генерал-майора.

6 июля 1941 года во дворе Института экономики АН СССР на Волхонке собрались те, кто добровольно решил воевать в ополчении. Уже 8 июля 21-я дивизия Народного ополчения Киевского района Москвы покинула столицу и направилась на фронт. Дивизия долго называлась профессорской, поскольку в ее составе было много научных работников различных институтов Академии наук. До октября шла учеба, в ходе которой Д.Т. Шепилов в течение двух месяцев был рядовым, затем назначен инструктором политотдела, а вскоре и заместителем начальника политотдела дивизии¹⁷.

¹⁶ Ункова Анна Николаева работала секретарем Воскресенского райкома партии в Московской области. Будучи дворянкой и врачом по профессии, она в 1918 году вступила в Коммунистическую партию и с этого времени с какой-то фанатической одержимостью служила ей, своему народу, идеалам марксизма-ленинизма и мировой социалистической революции. И А.Н. Ункова, и Г.И. Крумин, по свидетельству Д.Т. Шепилова, «принадлежали к тому изумительному поколению большевиков, воспитанных Лениным, которые шли в авангарде Великой Октябрьской революции: «Я всегда поражался и преклонялся перед их бескомпромиссной преданностью идеям революционного марксизма и самоотверженностью в труде. Оба были совершенно лишены каких-либо личных материальных интересов. Вечно в творческой работе, вечно с какой-то романтической приподнятостью, горением, безграничной влюбленностью в жизнь».

¹⁷ Кузнецова Т.Е. Указ. соч. С. 50–51.

3 октября дивизия вступила в бой. Вооружена она была очень плохо, стареньким оружием времен Первой мировой войны, но бойцы показывали чудеса стойкости духа своего. Дивизия приняла первый бой на Десне западнее города Кирова. В течение октября — ноября 1941 года она вела тяжелые кровопролитные сражения с ударной танковой группировкой генерала Гудериана, которая имела задачу, захватив Тулу и Каширу, ворваться в Москву через ее южные подступы. Дивизия понесла огромные потери, как и другие соединения, оборонявшие Москву, но танковые полчища врага к Москве не прорвались. В ходе напряженных боев за Москву Д.Т. Шепилов был назначен начальником политотдела 21-й дивизии, преобразованной впоследствии в 173-ю стрелковую дивизию.

В Сталинградской битве Д.Т. Шепилов участвовал уже в должности начальника политотдела 24-й армии Сталинградского фронта, преобразованной 16 апреля 1943 года в 4-ю Гвардейскую армию. В марте 1943 года в торжественной обстановке в Свердловском зале Кремля Всесоюзный староста М.И. Калинин вручил Д.Т. Шепилову, отличившемуся в боях на Волге, орден Красного Знамени.

После Сталинградской битвы 4-я Гвардейская армия была выведена в район Воронежа на пополнение. В августе 1943 года германское командование предприняло мощное наступление против Воронежского и Степного фронтов, пытаясь взять реванш за поражение под Курском, Орлом и Белгородом и удержать Харьков. В Ахтырскую и Колонтаевскую группировки противника входили, в числе других, 7-я и 11-я танковые дивизии, 10-я мотодивизия, дивизии СС «Великая Германия», «Мертвая голова» и многие другие соединения. В боевой арсенал врага только что были введены новые мощные танки «Тигр» и самоходные орудия «Фердинанд», на которые Верховное командование Германии возлагало большие надежды.

По приказу Верховного главнокомандования 4-я Гвардейская армия, пополнившаяся людьми и новой техникой, форсированно была переброшена в район восточнее Ахтырки на стыке Воронежского и Степного фронтов и вошла в состав Воронежского фронта. Командовать армией в апреле 1943 года прислали Г.И. Кулика, разжалованного из маршалов в генерал-лейтенанты, некоторое время обитавшего где-то в недрах военного министерства, а потом упросившего Сталина дать ему возможность загладить свою вину на фронте. Предпринятые Г.И. Куликом необдуманные действия вынудили полковника Д.Т. Шепилова обратиться с рапортом в Военный совет фронта о полном несоответствии Г.И. Кулика занимаемому посту командующего армией. 21 сентября 1943 года на командный пункт армии прибыл представитель Ставки маршал Г.К. Жуков. На наблюдательном пункте собрали нескольких командиров корпусов и дивизий. Выслушав краткие доклады командиров, Г.К. Жуков оценил обстановку, внес коррективы в дислокацию частей и в план операции, дал суровую отповедь поведению и методам командования Г.И. Кулика. Он приказал Кулику не вмешиваться больше в командование боевой операцией, возложив эти функции на заместителя командующего. Вскоре Г.И. Кулик был отстранен от занимаемой должности.

Впоследствии Д.Т. Шепилов так вспоминал о боевых действиях армии в эти и последующие дни:

«В кровопролитных боях на Левобережной Украине противник был разгромлен. Мы успешно форсировали Днепр. В Корсунь-Шевченковской операции устроили немцам второй „Сталинградский котел“, великолепно осуществили Уманьско-Христи-

новскую операцию, форсировали реки Южный Буг и Днестр и вышли на Государственную границу СССР. Дальше началась блестящая Яско-Кишиневская операция, а затем наша прославленная 4-я Гвардейская армия, в которой я стал первым членом Военного совета, вела успешные освободительные бои в Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии, завершив их взятием Вены»¹⁸.

Начиная с апреля 1943 года и до конца войны в 4-й армии сменилось семь командующих. В этих условиях Дмитрий Трофимович Шепилов многие месяцы играл роль фактического командующего армией. После взятия Вены 19 апреля 1945 года Д.Т. Шепилову было присвоено звание гвардии генерал-майора. К этому времени на его кителе укрепилось уже около двух десятков орденских ленточек, отражавших тяжелый путь, пройденный за годы войны: два боевых ордена Красного Знамени, полководческие ордена Кутузова I степени, Богдана Хмельницкого I степени, Суворова II степени, ордена Отечественной войны I степени, Красной Звезды, боевые медали «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», американский, венгерский ордена и много других боевых наград. После окончания войны войска 4-й Гвардейской армии были расквартированы в Австрии. Объем работы Д.Т. Шепилова как первого члена Военного совета армии с окончанием войны не только не уменьшился, а напротив того — возрос.

«Армия была дислоцирована в нескольких провинциях Австрии, в том числе в столице — Вене, — вспоминал Шепилов. — Шла напряженная работа по переводу частей и соединений армии на новые условия жизни и деятельности в качестве оккупационной армии в мирное время. Часть личного состава нужно было демобилизовать и со всеми почестями и сердечностью отправить на Родину. Нужно было принять пополнение, хорошо расквартировать и экипировать его. Шла боевая подготовка. Политическая работа в своих войсках и среди мирного населения перестраивалась, приобретала новые формы и новое содержание. Кроме этой привычной армейской работы появились совершенно новые области работы — политическая, хозяйственная, дипломатическая, культурная. Круг моих обязанностей и забот был безграничен, начиная от участия в формировании органов власти Республики во главе с лидером правых социалистов президентом Карлом Реннером и председателем Народной партии канцлером Фиглем и кончая вопросами просвещения, здравоохранения, продовольствия»¹⁹.

В этот момент Д.Т. Шепилов фактически исполнял обязанности военного коменданта части Австрии. В последующем благодарные австрийцы избрали его почетным гражданином Вены.

В декабре 1945 года Д.Т. Шепилова вызвали для переговоров в Москву. В Центральном Комитете ему предложили пост директора Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС). Однако генерал отказался и сказал, что если уже настало время его ухода из армии, то он просит вернуть его туда, откуда он добровольно пошел на фронт — научным сотрудником в Академию наук СССР.

Через несколько дней Д.Т. Шепилова вызвали к А.Н. Косыгину, который в то время был Председателем Совета Министров РСФСР. Косыгин принял его поздно ночью и предложил пост Народного комиссара технических культур РСФСР. Д.Т. Шепилов

¹⁸ Шепилов Д.Т. Указ. соч. С. 63.

¹⁹ Там же. С. 83.

ответил, что давно уже не занимался вопросами сельского хозяйства и вряд ли будет полезен на таком посту. На этом переговоры о будущей работе закончились.

В феврале 1946 года Д.Т. Шепилова отозвали из оккупационных войск в Австрии в Москву, где он был назначен заместителем начальника Управления пропаганды и агитации Главного политического управления Вооруженных сил СССР. А 2 августа 1946 года ЦК ВКП(б) утвердил его редактором газеты «Правда» по отделу пропаганды. Впоследствии Д.Т. Шепилов вспоминал:

«Началась самая трудная, ни с чем не сравнимая, буквально испепеляющая человека газетная работа. Она отнимала большую часть дня и почти всю ночь: в те времена „Правда“ выходила поздно, в 6–9 утра. Мы не знали выходных и праздничных дней. От частых недосыпаний появились головные боли, отеки лица. С переходом в „Правду“ я написал и опубликовал ряд крупных пропагандистских статей: „Новая эра в истории человечества“, „Великий советский народ“ (позже под таким заголовком вышло три издания моей брошюры), „Тайная война против Советской России“, „Советский патриотизм“, „Создание обилия сельскохозяйственных продуктов — важнейшая задача советского государства“ и другие»²⁰.

Эти работы не остались незамеченными. В сентябре 1947 года Дмитрия Трофимовича вызвал в ЦК А.А. Жданов и сказал, что в Агитпропе ЦК сложилось неблагоприятное положение и есть мнение назначить Шепилова первым заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК, начальником которого предполагалось оформить М.А. Суслова. Но так как Суслов будет отвлечен другими делами, то фактически Шепилову придется вести все дела.

Так с 18 сентября 1947 года началась новая полоса в жизни Д.Т. Шепилова.

«Агитпроп ЦК в те времена по своим задачам, функциям и масштабам представлял собой гигантскую империю, которая охватывала все стороны духовной жизни советского общества, — вспоминал Д.Т. Шепилов. — В ведение Агитпропа входило все — от ликвидации неграмотности до тончайших вопросов религии, эстетики, философии. Вся система народного образования — от школ и курсов по ликвидации неграмотности до высших учебных заведений. Вся печать — от заводских многотиражек и до „Правды“, „Известий“ и „Печатного двора“. Огромная сеть научных учреждений — от заводских лабораторий до Академии наук СССР. Физкультура и спорт. Музеи и библиотеки. Литература и союзы писателей. Музыка и союзы композиторов. Живопись, скульптура и союзы художников. Все вообще искусства — от заводской и колхозной самодеятельности до Большого театра, Всесоюзного ансамбля народного танца, Хора им. Пятницкого, Государственного оркестра СССР. Гигантская сеть партийного просвещения — от политкружков до Университета марксизма-ленинизма, Высшей партийной школы и Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). И многое, многое другое. Нужно было постоянно держать все эти участки идеологического фронта в поле зрения. Знать по существу суть идейной жизни в каждой ячейке общества. Правильно расставлять руководящие кадры, с тем чтобы обеспечить проведение линии партии в идеологических вопросах»²¹.

²⁰ Там же. С. 86.

²¹ Там же. С. 91–92.

Все это требовало больших познаний, хорошо поставленной информации, необходимости самому много читать, много видеть, много слушать. Работа требовала огромного напряжения физических и духовных сил. Д.Т. Шепилов искренне стремился способствовать развитию советской науки и культуры. Именно поэтому он жаждал конца «лысенковщины» и без колебаний поддержал намерение Юрия Жданова выступить с критикой Лысенко на семинаре лекторов. Критика Лысенко велась в строго научном плане. Доклад встречен был на семинаре с большим сочувствием. А на следующий вечер А. Жданова, М. Сулова, Д. Шепилова и Ю. Жданова вызвали на заседание Политбюро в кабинет Сталина. Вот как об этом вспоминал сам Шепилов:

«Заседание началось с вопроса о докладе Ю. Жданова на семинаре лекторов. Сталин был хмур. В руках он держал стенограмму ждановского доклада.

— Все прочитали доклад Жданова, молодого Жданова?

— Прочитали.

— Это неслыханное дело. Без ведома ЦК поставили на сборе лекторов доклад молодого Жданова. Разделали под орех Лысенко. На каком основании? Кто разрешил?

Все молчали. Мне казалось, что ответ на этот вопрос должен дать Сулов, как начальник Управления, которому я письменно доложил о всей программе семинара. Но он молчал. Молчание становилось тягостным и невыносимым. Тогда поднялся со стула я и сказал:

— Я разрешил, товарищ Сталин.

В комнате повисла свинцовая тишина. Сталин круто остановился против меня, и я встретился с его испытующим тяжелым взглядом.

— На каком основании? Вы что, не знаете, что на Лысенко держится все наше сельское хозяйство?

В какие-то доли секунды у меня в мозгу пронеслись картины прихода ко мне многих ученых, стариков селекционеров с жалобами на свою затравленность лысенковской камарильей. Я вспомнил делавшиеся мне многочисленные сообщения о дутом характере лысенковских «великих открытий» и достижений.

И я сказал:

— Товарищ Сталин, вам неправильно докладывали о работах Лысенко. Я недавно назначен в Агитпроп. Но за эти месяцы ко мне приходили наши выдающиеся ученые-селекционеры. Их сортами засеваются десятки миллионов гектаров пшеницы, ржи, клевера, гречихи. Но все они заклеены Лысенко и его сподвижниками кличками „вейсманисты“, „морганисты“, „антимичуринцы“. Ученые не могли назвать мне ни одного нового сорта, действительно выведенного Лысенко, ни одной крупной научной рекомендации, поднимающей наше земледелие. Я готов понести любое наказание. Но я убедительно прошу поручить специальной комиссии разобраться с работами Лысенко. Без комиссии из ЦК никто не осмелится решить это дело правильно»²².

На этот раз судьба пощадила Д.Т. Шепилова. В вышедшем решении не было никаких организационных мер ни в отношении него, ни в отношении А.А. Жданова. Однако Ю.А. Жданову 10 июля пришлось послать письмо Сталину и заявить, что, выступив на семинаре лекторов со своим докладом, он «совершил целый ряд серьезных ошибок». Вместе с тем он повторил, что «не согласен с некоторыми теоретически-

²² Там же. С. 130–131.

ми положениями академика Лысенко». Через месяц это письмо было опубликовано в «Правде». Позже Юрий Андреевич показал Д.Т. Шепилову письмо И. Сталина к нему, в котором безоговорочно осуждался «менделизм — морганизм».

В июле 1948 года прошла реорганизация аппарата ЦК. Управление пропаганды и агитации было преобразовано в Отдел. Сталин сказал, что слово «управление» больше подходит для хозяйственных организаций. Функции и объем работы Агитпропа остались теми же, то есть безбрежными. Д.Т. Шепилов был назначен заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Четыре года на фронтах в тяжких условиях, потом буквально испепеляющая человека ночная работа в «Правде», сверхчеловеческое напряжение в Агитпропе «под аккомпанемент восклицаний, недоумений, понуканий, предупреждений» в условиях «сверкающе-отчетного стиля работы Маленкова» не прошли бесследно для здоровья. Как-то, возвращаясь к себе в кабинет с пятого этажа, Д.Т. Шепилов упал в коридоре в глубоком обмороке и очнулся только в Кремлевской больнице. 31 августа 1948 года не стало А.А. Жданова, которого Шепилов искренне уважал. «Думаю, — отмечал он, — что в будущем история воздаст должное талантливому большевику-романтику за тот вклад, который он внес в дело Великой пролетарской революции»²³. Д.Т. Шепилову, который находился в больнице, не разрешили проводить Жданова в последний путь. На Пленуме ЦК партии Сталин с волнением и большой силой убежденности говорил, что Жданова убили врачи, что они сознательно ставили ему неправильный диагноз и лечили умышленно неправильно.

Вскоре над головой Д.Т. Шепилова сгустились тучи. Председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский был объявлен государственным преступником. В числе группы ученых-экономистов, «сторонником» и «последователем» Вознесенского был назван и Шепилов. На самом деле Шепилов с Вознесенским лично знаком не был и встречался с ним лишь несколько раз²⁴. П.Н. Федосеев, редактор журнала «Большевик», на стра-

²³ Там же. С. 134.

²⁴ Сам Д.Т. Шепилов отмечал:

«Читал теоретические статьи Н. Вознесенского тридцатых годов и оценивал их положительно. Но лично с Николаем Алексеевичем знаком не был. В самом начале 1941 года несколько старших научных сотрудников Института экономики Академии наук СССР, я в том числе, вызваны были к нему, и он предложил нам работу в Госплане СССР. Некоторые из вызванных согласились. Я же сказал, что вполне удовлетворен своей нынешней работой и считаю, что принесу больше пользы партии на научной стезе. Он не настаивал.

По возвращении с фронта, работая в „Правде“, я опубликовал ряд теоретических и пропагандистских статей, которые, кажется, встречены были интеллигенцией положительно. В 1946 году Н. Вознесенский попросил меня заехать к нему в Госплан. Он хорошо отзывался о моих статьях и предложил перейти на работу к нему в качестве его заместителя и начальника Центрального статистического управления:

— В вашем распоряжении будет вся государственная статистика. Пожалуйста, пишите свои научные работы вволю. Вам будет на новом месте лучше заниматься наукой, и все работы смогут опереться на солидную статистическую базу.

Я снова привел все доводы за то, чтобы такой переход в Госплан не состоялся. С помощью ЦК я добился своего.

Наконец, когда Вознесенский приступил с аппаратом Госплана к разработке основных проблем Генерального плана развития народного хозяйства СССР, рассчитанного на 20 лет, он как-то пригласил в Госплан и меня, как экономиста и главу Агитпропа ЦК, на одно из совещаний по вопросам Госплана. Но уже работать у него не предлагал». (Шепилов Д.Т. Указ. соч. С. 145–146).

ницах которого довольно широко пропагандировалась книга Н.А. Вознесенского «Военная экономика», чтобы спасти свою шкуру, принимает на себя постыдную роль клеветника и доносчика. С помощью Л.Ф. Ильичева, который тоже входил в редколлекцию «Большевика» и был заместителем Шепилова по Агитпропу, Федосеев начинает писать заведомо ложные доносы в ЦК.

«В них он, — подчеркивает в своих воспоминаниях Д.Т. Шепилов, — сочиняет версию, что среди ученых — экономистов в редакции подчиненного ему журнала „Большевик“ и в Агитпропе ЦК существовала „школа Вознесенского“. Он оговаривает большую группу академиков, членкоров, профессоров: К. Островитянова, Л. Гатовского, И. Кузмина, Ф. Кошелева, меня и других, видимо, только по тому внешнему признаку, что мы — экономисты. В своем холуйском рвении угодить и выслужиться Федосеев заявляет, что на созванном Агитпропом ЦК семинаре лекторов труды классиков марксизма — ленинизма стали дополнительной литературой, а книга Вознесенского — основной, что тон на семинаре задавал академик Островитянов — „сторонник“ Вознесенского. Что в книгах „Политграмота“ и „Наша Родина“, в главах о планировании в угоду Вознесенскому, „преувеличена роль Госплана“».

Теперь все это может показаться мелким и нелепым, но в те времена таких обвинений было достаточно, чтобы отправить людей на плаху. Знал ли Федосеев, что в своих доносах он пишет заведомую ложь? Он не только знал, он изобретал эту ложь и хорошо понимал, что чем более изощренной она будет, тем больше политических дивидендов он получит за свое иудино дело.

Знал ли Федосеев, что по его доносам полетят головы целого ряда известных советских экономистов, абсолютно ни в чем не повинных? Да, знал. Но все же шел на это, чтобы амнистировать себя и даже получить за это с бериевского стола возможно более жирный кусок»²⁵.

13 июля 1949 года состоялось решение Политбюро ЦК «О журнале „Большевик“». В нем Д.Т. Шепилову были инкриминированы два обвинения:

«Первое: отметить, что т. Шепилов, как зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), оказался не на высоте в деле контроля за журналом „Большевик“. И второе: указать т. Шепилову на то, что он совершил грубую ошибку, допустив рекомендацию Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) книжки Н. Вознесенского в качестве учебника для работы с секретарями райкомов партии и пропагандистскими кадрами. Отменить эти указания как ошибочные»²⁶.

Участь Д.Т. Шепилова как работника аппарата ЦК была предрешена. 20 июля 1949 года он был отстранен от руководства Отделом и более полугода оставался безработным. Многие изощренные в придворных делах чиновники с опаской обходили его, при встречах на улице не узнавали.

В эти тяжелые дни Д.Т. Шепилов не смирился с судьбой. Он нашел в себе силы для того, чтобы работать: собирал и обрабатывал материалы по истории коллективизации сельского хозяйства СССР. Тренировался в английском языке, штудировал «Науку логики» Гегеля, читал Чехова, Блока, Есенина. Особенно много радости доставляли «Угрюм-река» и «Емельян Пугачев» Вячеслава Шишкова.

²⁵ Там же. С. 147.

²⁶ Там же. С. 148.

Д.Т. Шепилов неоднократно просил ЦК дать ему какую-нибудь, хотя бы временную, работу. После настойчивых просьб ему разрешили оказать помощь в редактировании материалов в том же злополучном журнале «Большевик». Изголодавшись по делу, Шепилов погрузился в черновую редакционную работу, не имея в редакции никакой формальной должности. Переворочил груды работ публицистов США и написал большую полемическую статью «Оруженосцы американского империализма». Рецензировал и правил поступавшие в редакцию материалы. Работал запоем, без отдыха, и старался гнать от себя тяжелые думы и мрачные предчувствия.

Однако в его жизни происходит крутой поворот. На очередном заседании Политбюро Сталин совершенно неожиданно для всех, как это не раз бывало по другим случаям, спросил:

«А где у нас Шепилов? Что он делает? Чем занят?.. Мы покритиковали Шепилова. Но он марксистски образованный человек. Нельзя разбрасываться такими людьми».

31 января 1950 года Д.Т. Шепилова вызвали в ЦК, на 5-й этаж, в зал заседаний Оргбюро, где ему была предложена должность инспектора ЦК ВКП(б).

Дальше все пошло с магической быстротой. На следующий же день Д.Т. Шепилов был назначен инспектором ЦК. В ту пору инспекторами назначались, как правило, бывшие первые секретари обкомов, крайкомов, члены ЦК партии. Еще через несколько дней Сталин пригласил Шепилова к себе на длительную беседу с глазу на глаз по вопросу о создании учебника политической экономии.

В феврале началась кампания по выборам в Верховный Совет СССР. Д.Т. Шепилов был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР рабочими, колхозниками, интеллигенцией Каменск-Уральского избирательного округа.

12 марта 1950 года состоялись очередные выборы в Верховный Совет СССР. Д.Т. Шепилова впервые избрали депутатом советского парламента. Вместе с ним депутатами от Свердловской области стали маршал Советского Союза Г.К. Жуков, знаменитый физик-атомщик И.В. Курчатов, уральский писатель-сказочник П.Т. Бажов и другие.

Д.Т. Шепилов как инспектор Центрального Комитета партии получил маленький кабинет с приемной и секретарем на третьем этаже, окно которого выходило на Ильинку. Выполняя отдельные поручения, Шепилов все свободное время посвящает работе над новым учебником по политической экономии.

Работа над учебником, которая по указанию Сталина была поручена члену-корреспонденту Академии наук СССР Л.А. Леонтьеву, началась еще до войны и была возобновлена после ее окончания. Л.А. Леонтьев за это время подготовил более десятка вариантов учебника, последний из которых 22 февраля 1950 года по указанию Сталина было поручено Комиссии под председательством секретаря ЦК Г. Маленкова в месячный срок доработать и представить в Политбюро.

Комиссия выполнила данное ей поручение и через месяц представила доработанный текст учебника. Так как в Комиссии возникли некоторые разногласия по отдельным категориям политической экономии, учебник был представлен в двух вариантах, отражавших две точки зрения, хотя на самом деле различия между ними были небольшими. Однако Сталин остался недоволен результатами работы Комиссии. Он пригласил Л. Леонтьева, К. Островитянова, П. Юдина и Д. Шепилова

к себе на беседу и снова подверг обстоятельной критике макет, подготовленный Комиссией Маленкова.

Вскоре состоялось формальное решение Президиума ЦК, которым группе советских ученых-экономистов поручено было написать учебник политической экономики. В группу были включены академик К.В. Островитянов, академик П.Ф. Юдин, член-корреспондент Академии наук Д.Т. Шепилов, член-корреспондент Л.А. Леонтьев, а несколько позже — действительный член Академии сельскохозяйственных наук И.Д. Лаптев и член-корреспондент АН СССР А.И. Пашков.

По указанию Сталина в мае 1950 года их освободили от всех работ и общественных обязанностей и направили за город «со строгой изоляцией», чтобы они не отвлекались ни на какие побочные дела и в течение одного года подготовили текст учебника. Сталин предложил создать авторскому коллективу «все условия», чтобы «они ни в чем не нуждались и ни о чем не заботились, кроме работы над учебником».

Экономистам отвели под Москвой, в Горках, прекрасный особняк, который был построен когда-то Саввой Морозовым и в котором с июля 1931 по июнь 1936 года жил и работал Алексей Максимович Горький.

В Горках авторский коллектив прожил целый год, периодически выезжая на беседу со Сталиным. По мере подготовки главы о предмете политической экономики и о докапиталистических способах производства посылались Сталину на редактирование. «Редактировал он с поражающей тщательностью. Никаких мелочей для него не существовало, он „придирался“ ко всему. Совершенно невозможно передать здесь те редакционные поправки, которые Сталин внес в написанные нами главы», — писал Д.Т. Шепилов²⁷.

Сталин таким образом отредактировал только введение и три из 42 глав учебника, а затем предложил представить макет учебника в целом, а не по главам.

Через год работа была завершена, набросан новый макет, который и был представлен в Политбюро ЦК.

В ноябре 1951 года состоялась Всесоюзная экономическая дискуссия в связи с разосланным проектом Учебника политической экономики. Дискуссия была организована в клубе ЦК. Был привлечен весь цвет общественных наук. Дискуссия проходила очень горячо и показывала большую заинтересованность всех научных работников — экономистов и не только экономистов, а также преподавателей в создании квалифицированного учебника.

Подавляющее большинство участников одобрили подготовленный макет, но были внесены поправки, даны советы по структуре учебника и по отдельным формулировкам. 1 февраля 1952 года Сталин откликнулся на прошедшую экономическую дискуссию большой теоретической работой «Замечания по экономическим вопросам, связанные с ноябрьской дискуссией 1951 года». В целом Сталин, весьма скупой на похвалы, дал высокую оценку проекту учебника.

15 февраля 1952 года в Кремле состоялось широкое совещание, в котором приняли участие члены Политбюро ЦК, авторы учебника и наиболее видные экономисты страны. На этом совещании было принято решение реализовать все разумные замечания и предложения, сделанные в ходе экономической дискуссии, а также ука-

²⁷ Там же. С. 189.

зания Сталина по проекту учебника. Для доработки учебника авторам решением Политбюро ЦК был предоставлен еще один год работы. Вновь морозным февральским утром 1952 года авторы учебника были направлены в Подмосковье, где им предоставили комнаты в Доме отдыха ЦК партии «Нагорное», позднее перевели в «Пушкино» по Северной дороге, где поселили в «партизанском домике»²⁸ на территории Санатория ЦК.

«У нас — железный распорядок, — вспоминал Д.Т. Шепилов. — Время подъема, приема пищи, работы, прогулок нами же самими строго регламентировано. Питание легкое, разумное, никаких излишеств. Абсолютный “сухой закон”. За год предстоит проделать огромную работу: капитально переработать проект учебника. И мы трудимся с полным напряжением сил. Рабочий день длился у каждого из нас не менее 10 часов. Проект очередной подготовленной главы учебника подвергался авторским коллективом всестороннему обсуждению и критике. В дни обсуждений мы засиживались часто допоздна. Словесные баталии порой бывали очень жаркими»²⁹.

В октябре 1952 года в Большом Кремлевском дворце на XIX Съезде Коммунистической партии Советского Союза Д.Т. Шепилова избрали членом Центрального Комитета ВКП(б) и вскоре назначили председателем Постоянной комиссии по идеологическим вопросам ЦК КПСС. Ему на пятом этаже в ЦК отвели кабинет, который числился за Сталиным, но все время пустовал.

Началась новая полоса в жизни Д.Т. Шепилова. Он по-прежнему жил в «партизанском домике» в Пушкино и занимался учебником политической экономии. Но теперь часто приходилось отлучаться в Москву для организации аппарата Комиссии и проведения ее текущей работы. А в ноябре 1952 года Д. Шепилова, вместо Л. Ильичева, назначили еще и главным редактором газеты «Правда», и он со всей добросовестностью принялся за налаживание дел в газете. Вскоре на рассмотрение Президиума ЦК КПСС был представлен проект Постановления ЦК о «Правде»: задачи, структуры, персональные назначения членов редколлегии и редакторов по отделам. Вопрос на Президиуме прошел легко и быстро.

С того времени жизнь Д.Т. Шепилова стала состоять из ночной работы в качестве главного редактора «Правды» и дневной, урывками, работы над учебником, которому огромную роль отводил Сталин. Пока был жив Сталин, на совмещение не обращали внимание. Однако вскоре после его смерти дело осложнилось. По решению Президиума ЦК Шепилову было предложено целиком сосредоточиться на работе в «Правде».

К тому времени авторская и редакторская работа над учебником подходила к концу.

«В 1954 году, — с гордостью писал Д.Т. Шепилов, — миллионы томов в синих переплетах с тиснением „Политическая экономия. Учебник“ устремились по бесчисленным каналам в квартиры рабочих, студентов, учителей, инженеров, врачей, артистов, воинов, пропагандистов. А затем десятки и сотни тысяч экземпляров учебника начали переводиться и издаваться в Чехословакии, Болгарии, Японии, ГДР, Польше, Англии, Китае, Дании, Франции, Норвегии, Италии...»³⁰.

²⁸ Во время войны в этом здании помещался Главный штаб Партизанского движения, руководимый П.К. Пономаренко.

²⁹ Шепилов Д.Т. Указ. соч. С. 223.

³⁰ Там же. С. 246.

Большая научная работа не осталась незамеченной. 23 октября 1953 года Д.Т. Шепилов был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению экономических и правовых наук (политическая экономия).

Летом 1953 года Д.Т. Шепилова вызвал Н.С. Хрущев и сказал, что готовится Пленум ЦК, посвященный вопросам сельского хозяйства, и что было бы хорошо, если бы он с группой ученых — экономистов и работников аппарата ЦК взялся за подготовку резолюции по его докладу на Пленуме.

«Созданная группа, — по словам Шепилова, — с полной научной добросовестностью проделала большую аналитическую работу. В разработанном проекте документа дан был всесторонний марксистский анализ социалистического сельского хозяйства: его преимуществ и достижений, трудностей и противоречий развития. Мы пытались сформулировать в этом проекте и основные задачи дальнейшего подъема сельского хозяйства. Основное внимание при этом уделялось решению следующих задач. Всесторонняя комплексная механизация (и электрификация) сельского хозяйства. Химизация земледелия (в том числе проблема удобрений). Перевод всех отраслей сельского хозяйства на научные основы ведения (агротехника, зоотехника). Подъем зернового хозяйства — базы всех отраслей сельскохозяйственного производства. Повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства как центральная задача. Материальная заинтересованность коллективов (совхозов, МТС, колхозов и работников), вопросы организации труда и повышения его производительности. Проблемы улучшения руководства сельским хозяйством»³¹.

Однако проект, подготовленный группой ученых во главе с Д.Т. Шепиловым, почти не был использован. На сентябрьском пленуме ЦК КПСС была принята резолюция, которая представляла собой слегка сокращенный доклад Хрущева и занимала четыре полные полосы «Правды».

Вскоре Хрущев полностью встал на путь экстенсивного развития сельского хозяйства за счет освоения новых земель. Позднее Д.Т. Шепилов с горечью отмечал:

«Увы, ни в 1954 году, ни в последующие годы я не выступал с критикой целинно-кукурузных проектов Хрущева. Как экономист-аграрник, я, конечно, не мог не понимать глубочайших пороков этих проектов. Но я, как и все мое поколение коммунистов, воспитывался в духе партийной одержимости и строжайшей дисциплины, и всякие сомнения в отношении директив партии я считал бы святотатством. Поэтому, будучи главным редактором „Правды“, я со всей обстоятельностью освещал и популяризировал на страницах газеты все решения партии по вопросам сельского хозяйства, в том числе и об освоении целины. Более того, как член ЦК и главный редактор „Правды“, я присутствовал на всех Пленумах ЦК, многократно бывал и на заседаниях Президиума ЦК. Но я ни разу не был свидетелем „яростной борьбы“ или „отчаянной борьбы“ со стороны кого бы то ни было по вопросу о распахке целинных и залежных земель»³².

Осенью 1954 года Д.Т. Шепилов в составе Правительственной делегации СССР во главе с Н.С. Хрущевым по случаю празднования пятой годовщины Китайской Народной Республики посетил Китай.

³¹ Там же. С. 277.

³² Там же. С. 292.

Хрущев в тот период очень часто брал Д.Т. Шепилова с собой. В составе партийно-правительственной делегации он ездил в Югославию с целью восстановления отношений. Хрущев вел переговоры с Тито, у Шепилова были встречи с Карделем, который считался идеологом, лидером еврокоммунизма. Готовился он к этим беседам тщательно. В ходе переговоров с Карделем была написана Декларация о нормализации отношений. Шепилов советовал Хрущеву, что не нужно СССР претендовать на руководящую роль в коммунистическом мире.

12 июля 1955 года Д.Т. Шепилов избран секретарем ЦК КПСС, 27 февраля 1956 года — кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

Перед ответным визитом Югославской делегации в СССР Хрущев принял решение снять В.М. Молотова, который поддерживал Сталина в отношении Югославии, с поста министра иностранных дел. По предложению Хрущева 1 июня 1956 года Д.Т. Шепилова назначили министром иностранных дел СССР. На этом посту он пробыл до 15 февраля 1957 года. 14 февраля он вновь был избран секретарем ЦК КПСС.

Чуть более полугода пробыл Д.Т. Шепилов на должности министра иностранных дел. В этот период наиболее значимым из совершенных им дел было разрешение международного конфликта по Суэцкому каналу, когда провалился «план Даллеса». При этом Шепилов, вопреки указанию Булганина и Хрущева: «Перед отъездом дать по мордам этим империалистам», не стал ссориться с Англией, США и Францией, ведь вопрос решился в пользу Египта. Самостоятельные действия министра вызвали недовольство Хрущева, который начинает раздражаться ученостью и интеллектом Шепилова.

Д.Т. Шепилов действительно не боялся высказывать свое мнение, которое шло вразрез с мнением Хрущева. Вот один из примеров. Как-то на одном из заседаний Президиума Н. Хрущев неожиданно предложил назначить на должность Председателя Госплана СССР И.И. Кузьмина, который в молодые годы был учеником столяра, слесарем, затем окончил Военно-электротехническую академию, работал на Пржекторном заводе и в Комиссии партийного контроля, затем перешел в Совет Министров СССР курировать вопросы сельского хозяйства и заготовок, а оттуда — в ЦК партии — заниматься вопросами машиностроения. Это был очень юркий и пробивной человек, не обремененный высокими морально-этическими принципами.

Д.Т. Шепилов высказался против назначения Кузьмина, сказав при этом:

«С момента организации Госплана и на протяжении трети века во главе Госплана стояли выдающиеся деятели Коммунистической партии, образованные марксисты-экономисты, такие как Глеб Максимилианович Кржижановский, Валериан Владимирович Куйбышев, Валерий Иванович Межлаук, Николай Алексеевич Вознесенский и другие. Теперь предлагается — Кузьмин. Ведь он же совершенно невежественный человек в вопросах экономической теории. Как же может человек, девственный в политической экономии, руководить составлением народнохозяйственного баланса, добиваться предупреждения диспропорций, возглавлять работы по составлению генплана? Ведь он же понятия не имеет, с чем это едят. Над нашим госаппаратом пронеслось немало бурь. Было немало всяких, в том числе и скоропелых, реорганизаций. Но, к счастью, сохранялся незыблемо Госплан — мозговой центр экономической жизни страны. И это предохраняло нас от многих бед. Назна-

чить Кузьмина на Госплан — это значит загубить все дело народнохозяйственного планирования»³³.

Хрущев не прислушался к мнению Шепилова и назначил Кузьмина Председателем Госплана СССР. Но прошло немного времени, и Хрущев на одном из заседаний Президиума заявил: «Я бы Кузьмину не то что Госплан или народное хозяйство, я бы ему кухни своей не доверил».

Накануне XX съезда Д.Т. Шепилов заболел. У него открылось язвенное кровотечение, и его положили в Кремлевку. Однако работа не оставляла времени болеть. Для ускорения процесса выздоровления ему назначили голодовку. После восьми дней голодания анализ крови показал, что дальше этого делать нельзя, однако кровотечение остановили, и Шепилов вернулся к своим обязанностям и начал готовить международную часть к докладу Хрущева на съезде. К этой работе было привлечено несколько человек, в том числе и экономист Леонтьев.

На съезде Д.Т. Шепилов, когда начались прения после доклада Н.С. Хрущева, выступил со своим докладом, в котором призывал к насильственному экспорту социализма за пределы СССР. В ходе съезда к Шепилову подошел Хрущев и попросил его выйти из зала для разговора. Хрущев заявил Шепилову о своем желании выступить на съезде с разоблачением культа Сталина и попросил его помочь в написании доклада. Они ушли со съезда, и каждый в своем кабинете остаток дня и весь последующий день готовили доклад. Д.Т. Шепилов решил осветить два вопроса — международный и военный. Впоследствии Шепилов вспоминал:

«Когда Хрущев стал читать доклад, я улавливал только некоторые абзацы, которые я сделал. Фразы, раздельчики... Ну и по стилю если взять, то можно найти сходство... Кто писал ему этот доклад, я до сих пор не знаю, говорят, Пospelов, но я сомневаюсь, потому что не найти более лютого сталиниста, для него Сталин был иконой»³⁴.

Летом 1957 года произошел коренной поворот в жизни Д.Т. Шепилова. В июне состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором Маленков, Молотов и Каганович попытались сместить Хрущева с занимаемой должности. Маленков в начале заседания предложил, прежде чем перейти к текущим вопросам, обсудить вопрос о нарушении Хрущевым коллективности руководства и в связи с этим назначить председателем заседания не Хрущева, а Булганина.

Булганин занял председательский стол и сказал, что присутствующие знают все факты, что стало невыносимо, что все идет к катастрофе, все стало решаться единолично и возвращается в прежние времена. Позднее Д.Т. Шепилов так вспоминал об этом заседании:

«Стали по цепочке выступать. Я выступил действительно резко. Начал я так: советский народ и наша партия заплатили большой кровью за „культ личности“. И вот прошло время, и мы снова оказались перед фактом нового, формирующегося культа. Хрущев надел валенки Сталина и начал в них топтать, осваивать их и так далее. Он — знаток всех вопросов, он — докладчик на пленумах и прочее по всем вопросам; промышленность ли, сельское ли хозяйство, международные дела, идеология — все

³³ Там же. С. 297–298.

³⁴ Там же. С. 391.

решает он. Причем неграмотно, неправильно... Когда разгорелись эти прения, Жуков тоже выступил критически. А потом Жуков толкает меня локтем и показывает свою записку Булганину. Дословно она была такая: „Николай Александрович, предлагаю на этом обсуждение вопроса закончить. Объявить Хрущеву за нарушение принципа коллективности руководства строгий выговор и пока все оставить по-старому, а дальше посмотрим“»³⁵.

Однако Пленум ЦК КПСС не поддержал тех, кто критиковал Хрущева. Началась пора репрессий. Хрущев снимал с должностей, порочил тех, кто был не согласен с проводимой им линией. Так, он отправил на работу в совнархоз Краснодарского экономического района первого заместителя Председателя Совета Министров РСФСР Н.А. Байбакова, обозвав его публично в Колонном зале активным шепиловцем. После пленума Хрущев больше всего обрушился именно на Шепилова, а не на остальных выступавших на Президиуме и пленуме. Как вспоминал Д.Т. Шепилов, Хрущев ему с обидой высказал: «„Вы мне самый большой урон нанесли. Молотова, Ворошилова и прочих я задвигал, критиковал, а вас-то я выдвигал, вас мы приподнимали, и уж если вы выступили против меня, то, по-видимому, это по принципиальным соображениям...“ Я ему: „Конечно, не по беспринципным...“»³⁶. С этого момента в жизни Д.Т. Шепилова начались черные дни. Его лишили звания кандидата в члены Политбюро, исключили из ЦК, сняли с работы и отправили в Киргизию директором Института экономики Академии наук. Руководители Киргизии хорошо относились к Шепилову, на что из Москвы последовало замечание, что киргизская партийная организация заискивает перед Шепиловым, который находится в Киргизии как политический ссыльный. И Д.Т. Шепилова переводят на должность заместителя директора Института экономики Академии наук Киргизской ССР. В 1960 году Шепилова снимают с занимаемой должности и разрешают вернуться в Москву на работу ученым-археографом, а затем старшим археографом Главного архивного управления при Совете Министров СССР.

Вот как о том тяжелом времени вспоминал сам Д.Т. Шепилов:

«Тогда еще я был членом партии, я был профессором, я был генералом. Хрущев же следил все время за мной и мелко мстил. Проходит республиканский съезд — всех директоров пригласили, пригласили и меня. Приезжает инструктор ЦК из Москвы, вызывает меня и говорит: простите, вышла ошибка, случайно, чисто техническая, не имелось в виду вас приглашать на съезд. И у меня отобрали приглашительный билет... После этого — операция, мне уже разрешили остаться в Москве, работаю в Архиве Совмина. Старался ничем не отличаться от других. Приходил вовремя, напряженно работал, подготовил за время работы 68 томов. Это биография Ленина, история СССР, Отечественной войны и так далее. Это за 22 года, что я просидел в архиве; там нигде моей фамилии нет, это документальные издания.

Так вот, пять лет прошло после Пленума 1957 года, я безупречно работаю, я международный обозреватель на собраниях, и вот XXII съезд, Хрущев, видя, что ничего не получается, дела не идут, снова вытащил вопрос об антипартийной группировке. Звонок Ильичева секретарю парторганизации Абрамову: „Сегодня у вас

³⁵ Там же. С. 393–394.

³⁶ Там же. С. 397.

партсобрание? Исключите Шепилова из партии“. Тот: „За что, мы не имеем к Д.Т. никаких претензий, кроме того, он сейчас болен...“ — „Выполняйте указание ЦК“. Причем мне даже не сказали, что будет партсобрание, я узнал ночью — приходит одна из сотрудниц и говорит: “Вас сейчас исключили из партии”.

Через какое-то время тот же Ильичев, звонит Скрябину, ученому секретарю Академии наук СССР, и еще Несмеянову, президенту: „У вас общее собрание сейчас? Лишите Шепилова звания члена-корреспондента“. (Это все мне Несмеянов рассказывал.) И опять я даже не был поставлен в известность.

И, как у нас тогда полагалось, в обоих случаях все решалось единогласно»³⁷.

Накануне последней поездки в Пицунду в 1964 году Хрущев проводил заседание Политбюро, на котором, по воспоминаниям заведующего общим отделом ЦК Я. Малика, сказал:

«[В 1957 году]... Шепилова мы зря присобачили к этому делу. Шепилов- то не имел никакого отношения к репрессиям. Поэтому я его хочу принять, выслушать и назначить его ректором Академии общественных наук».

Однако этому не суждено было сбыться. Осенью 1964 году Хрущев был освобожден от занимаемой должности.

В результате несправедливых действий Хрущева и его окружения знания Д.Т. Шепилова, его интеллект и талант оказались потерянными для Родины. Только через 14 лет по решению КПК при ЦК КПСС 18 февраля 1976 года Д.Т. Шепилов был восстановлен в партии. В 1982 году он вышел на пенсию. И лишь 22 марта 1991 года восстановлен в звании члена-корреспондента Академии наук СССР.

Как справедливо отмечает Т.Е. Кузнецова, «Д.Т. Шепилов был совершенно нетипичным представителем советской номенклатуры. Он получил хорошее образование. Четко мыслил и говорил. Владел пером, <...> притягивал к себе людей не только внешней красотой, но, главное, своим внутренним богатством, доброжелательностью, благородством, открытостью, искренностью, интересом к человеку. <...> При всем этом Дмитрий Трофимович был, как принято говорить, человеком своего времени. Он много раз подчеркивал свою преданность партии, делу советского строительства, не мог отрешиться от принятых тогда идеологических представлений. Он участвовал во многих событиях и делах страны, стараясь честно трудиться на ее благо»³⁸. Вся жизнь Шепилова свидетельствовала о том, что он не уклонялся от ответственности и всегда брал ее на себя.

Дмитрий Трофимович Шепилов умер 18 августа 1995 года в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище. Стараниями его друзей и близких в издательстве «Звонница» вышла книга его воспоминаний.

С.Г. Сидоров,
доктор исторических наук, профессор
Волгоградского государственного
университета

³⁷ Там же. С. 398.

³⁸ Кузнецова Т.Е. Указ. соч. С. 11–12.

**Георгий
Аркадьевич
Арбатов³⁹**

---

³⁹

Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 11. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. — С. 5–29.

Семья и детство. Отец Георгия Арбатова, Аркадий Михайлович, ушел из жизни в 1954 году, за несколько дней до того, как ему должно было исполниться 54 года. Он родился в 1900 году в бедняцкой семье в одной из захолустных сельских волостей тогдашней Екатеринославской губернии (в советские времена — Днепропетровская область Украинской ССР). Это была довольно редкая для тех времен семья колонистов-евреев — крестьян настолько бедных, что с радостью пристроили Аркадия в благотворительное ремесленное училище «Труд» в Одессе, где он и начал самостоятельную жизнь семи лет от роду.

Окончив училище, он трудился рабочим-металлистом (модельщиком) на одном из заводов в Одессе. В феврале 1918 года вступил в коммунистическую партию (в политической деятельности он, как и многие его сверстники, в эти бурные годы начал участвовать очень рано — в 17 лет). Потом участвовал в гражданской войне. А когда она окончилась, жил обычной для коммунистов тех лет жизнью — его перебрасывали то на партийную, то на хозяйственную работу. Какое-то время он трудился на селе, потом судьба забросила его в Херсон, где он женился и где потом родился Георгий.

В 1930 году Аркадий Михайлович с семьей был направлен на зарубежную работу по линии Наркомвнешторга — в торгпредство СССР в Германии. Там, в Берлине, а затем в Гамбурге работал до 1935 года, потом несколько месяцев в Париже. Когда командировка окончилась, он вернулся в Москву на работу в аппарат Внешторга. Несмотря на отсутствие сколько-нибудь серьезного образования, А.М. Арбатов от природы был очень одаренным человеком. Он без труда осваивал все новые специальности и считался хорошим работником, удивительно быстро изучал иностранные языки (немецкий и французский), когда его посылали в заграничные командировки. Ему были свойственны широта мышления, наблюдательность, свой собственный и продуманный взгляд на проблемы.

Мать, Анна Васильевна, была годом моложе отца, а пережила его на двадцать три года. Ее родители были крестьяне. Бабушка в молодости батрачила в имении Аскания-Нова у знаменитых немецких колонистов-помещиков Фальц-Фейнов. Дед родился в Гродненской губернии, крестьянствовал, потом был солдатом, отслужив, подался на юг Украины, где они и встретились. Потом дедушка и бабушка переехали в Херсон, обосновались на окраине в деревенской хате, жили очень скромно, до конца жизни остались неграмотными, но всех детей выучили — дали гимназическое образование. Это позволило матери впоследствии учительствовать в начальной школе. Несколько лет работала с беспризорниками в так называемом приемнике, куда свозили беспризорных ребят с улицы — отмывали, проводили медицинское обследование, а затем распределяли по детдомам.

Мать была умной женщиной, имела сильный, твердый, даже суровый характер, а отец, наоборот, был человеком мягким. Во времена, когда под напором обрушивавшихся на него проблем отец падал духом, терялся, мать его поддерживала, возвращала ему веру в себя, мужество. Иногда он оказывался без работы все по тем же причинам: как бывший репрессированный и как еврей, и это его абсолютно деморализовало. И тогда она бралась за любую работу, чтобы содержать семью, не теряла бодрости и силы духа, что благотворно действовало и на отца.

Все это помогло ей выдержать удары судьбы и, я думаю, даже спасти семью. Самый тяжкий для нее год — 1942-й. Георгий на фронте, муж в тюрьме по пресло-

вutoй 58-й статье. Ему по тем временам еще повезло — отсидел «всего» год. Трибунал его осудил на восемь лет за «контрреволюционный саботаж», но дело передали на новое расследование, и на очередном слушании Аркадия Михайловича оправдали за отсутствием состава преступления. А мать тем временем с трехлетним младшим сыном Сашей была в эвакуации в Ульяновске, ездила в окрестные села выменивать какие-то оставшиеся вещи на продукты, чтобы прокормить сына и собрать передачу мужу.

Мать очень любила мужа, тяжело перенесла его смерть, но не сломалась. Надо было еще вывести в люди младшего сына Сашу, он тогда учился в школе. Потом он стал геологом и экономистом, доктором наук, заместителем директора одного из старейших экономических институтов Академии наук. Георгий Аркадьевич был с нею очень близок до самой ее смерти в 1977 году.

В 1930–1935 годы Георгий, в то время школьник, жил с родителями в Германии. Приезд в Германию совпал с началом разрушительного мирового экономического кризиса (в США его прозвали Великой депрессией). Георгий своими глазами видел горящий Рейхстаг — политическую провокацию нацистов. Так его детство оказалось сильно политизированным. Когда в Германии к власти пришли фашисты, немедленно началась «нацификация» страны. В Гамбурге Георгий увидел Гитлера, пробравшись на переполненную людьми площадь. Его поразило, что Гитлер оказался маленьким и с виду невзрачным человечком, и мальчик никак не мог понять, как ему удастся «раскачать» огромную толпу.

В своих мемуарах Г.А. Арбатов писал о том, что пятилетняя жизнь за рубежом в детстве немало дала ему в смысле раннего политического опыта. Во-первых, трезвое представление о Западе, а если говорить идеологическим языком — о капитализме. Он на всю жизнь получил иммунитет от двух крайностей. Первая — сугубо негативные представления о капитализме, о западном обществе, включая «обнищание» пролетариата, якобы «имманентно присущее» этому обществу, презрение к гуманистическим идеалам и духовности и т.д. Вторая — идиллическое представление об этом обществе как о царстве всеобщего благосостояния, свободы и справедливости, к тому же гуманного и миролюбивого. Отвержение этих двух крайностей где-то отложилось, и когда уже взрослым с 1960 года он начал часто ездить на Запад в командировки, ему ничего не надо было «переосмысливать», он не приходил в беспочвенные восторги и вместе с тем не имел поводов для глубоких разочарований, ибо в общем и целом представлял себе, что такое «другое» общество, знал его свет и тени, принимал его как реальность.

Во-вторых, Г.А. Арбатов своими глазами увидел фашизм, причем абсолютно предметно — озверевший милитаризм и фашистские сборища, митинги и факельные шествия сотен тысяч людей, потерявших человеческий облик, видел антисемитские бойкоты, а потом и погромы принадлежавших евреям лавок и многое другое. И тогда он твердо и на всю жизнь усвоил, что фашизм — в какие бы одежды он ни рядился, какими бы лозунгами ни прикрывался и какую бы символику ни использовал — это самое отвратительное и страшное, что может породить современная политика и общественная жизнь. Приходит он не сразу, не вдруг, а постепенно, тихой сапой: сначала как идея защиты угнетенных и обездоленных наций от богатых и алчных инородцев, как театрализованный и отчасти клоун-

ский ритуал, потом как все более массовое и агрессивное политическое движение и, наконец, превращается в мощную разрушительную лавину. На фоне политического разброда, бедности, мздоимства и моральной опустошенности фанатики-патриоты и шовинисты-демагоги поначалу для многих выглядят привлекательно. Однако, придя к власти, они неизбежно приводят народ к еще худшей альтернативе: террору внутри и войне вовне.

Если фашизм не остановить в самом начале, обманывая себя ссылками на его несерьезность, выискивая в нем какие-то полезные начала (патриотизм, укрепление государства, коллективизм, отвлечение молодежи от безделья, создание рабочих мест, строительство дорог и т.д.), то потом будет поздно. Если с ним заигрывать, чтобы набрать лишние политические очки или использовать против политических оппонентов, то очень быстро вдруг оказывается, что «джинн вырвался из бутылки», стал самодовлеющей силой, разорвал все приводные ремни контроля и подмял под себя все общество, включая своих прежних творцов и покровителей.

От этого не застраховано ни одно даже самое культурное, благопристойное и процветающее общество, если оно попадет в серию политических кризисов и социальных потрясений. Фашизм нужно давить в зародыше и постоянно укреплять против него политические, нравственные и правовые предохранители. Всемирное и неустанное укрепление демократии во всех ее институтах и нормах — единственная надежная гарантия от фашизма. Если упустить момент, проявить малодушие или политическую близорукость, то фашизм, движимый своей непреодолимой диалектикой, обязательно приведет страну к вражде с окружающим миром, к войне и общенациональной катастрофе.

Домой, в Советский Союз, семья Арбатовых возвращалась в 1935 году в весьма сложное время. Правда, позади остались времена всеобщего испуга в связи с убийством Кирова и появились некоторые надежды на демократизацию, даже известная эйфория (обсуждение новой Конституции и т.д.), несколько улучшилось материальное положение.

Отчизна встретила семью Арбатовых сурово. В то время существовала практика, согласно которой уезжавший в длительную командировку оставлял свою квартиру (или часть ее, если кто-то из членов семьи оставался в Москве) для «бесквартирных». В Москве был дом Наркоминдела и Наркомвнешторга (Каляевская, 5), который сплошь был заселен такими временными жильцами. Дом этот в 1937–1938 годы обрел дурную славу, как и знаменитый «дом на набережной». Каждую ночь там производилось несколько арестов. Наступила пора массовых репрессий, а проще говоря, террора.

Выходя утром в школу, Георгий каждый раз видел припозднившиеся МГБэшные машины с дежурившим рядом охранником (затянули с обыском — думал он об этом страшном, но ставшем таким обыденным зрелище). А по приходу в школу постыдная драма продолжалась. Собирался пионерский отряд, и несчастных мальчиков и девочек, у которых ночью арестовали родителей, вынуждали отрекаться от них как от «врагов народа». В школе были свои «осведомители», и двоих учеников арестовали: Отара Гасилаву, мальчика-инвалида, ходившего на костылях, и его друга, сына известной деятельницы искусств Наталии Сац. Такой, в общем, была тогда

жизнь, несмотря на успехи индустриализации и пафос созидания, хотя и они были, и на них тоже держался монстр сталинского самовластья.

Все общество оказалось насквозь пропитано страхом, и каждый человек, с низу до самого верха социальной иерархии, оказался один на один с огромным молохом террора. Первоначально согласившись с уничтожением во имя великой идеи «социально чуждых», потом пришлось принять ликвидацию недовольных и обиженных новой властью, затем — устранение сомневающихся, а потом и истребление твердых приверженцев нового строя, включая бывших кумиров революции, а также своих собственных соратников, друзей и родственников. Сначала многие искренне верили в необходимость репрессий как вынужденной и временной политики, а когда верить стало уже невозможно — было поздно сопротивляться. Пришлось принимать террор из страха за свою жизнь и судьбу своих близких, обманывать себя наличием каких-то скрытых высших государственных интересов или цинично признать для себя крах идей революции и спасти собственную шкуру.

Как все это сказалось на Георгии Арбатове? Он сам позднее вспоминал: «Прежде всего, это сделало меня абсолютно убежденным в том, что так жить нельзя, что такая жизнь недостойна человека и нормального общества. В то же время, наверняка, это сделало меня также более осторожным, выработав не только адекватные формы поведения, но и определенные политические инстинкты. Но я не сломался, не утратил способности самостоятельно мыслить (впрочем, способность эта развилась по-настоящему много позже). И хотя не мог не позволить себя в какой-то мере оглупить, все-таки не стал идиотом, не дал полностью забить себе голову идеологическим мусором. И главное, как я считаю (да не примет это читатель за нескромность), сохранил честь. Я никого — ни тогда, ни после, на протяжении всей жизни — никого не предал, ни на кого не донес, ни в одной проработочной кампании, травле людей не участвовал. Быть нормальным, порядочным человеком — это, конечно, не такая уж большая заслуга. Но все же, не такая уж малая, во всяком случае, по меркам тех времен».

Такова была гнетущая, мрачная обстановка в стране, над которой все тяжелее сгущались тучи неотвратимой войны.

Война. Юность Георгия Арбатова кончилась внезапно, в один день — 22 июня 1941 года, когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз.

Вступать в сознательную жизнь Арбатову пришлось в очень трудный период истории страны, и то, что он был на войне, помогло ему сделать это с чувством выполненного долга, без какого-либо комплекса неполноценности. Он был спокоен, уверен в себе, понимал цену многим вещам, поскольку уже с восемнадцати лет воочию видел отвагу и трусость, смерть и кровь, товарищескую преданность и предательство, честность и подлость в их предельно обнаженном и остром проявлении, какое бывает только на войне.

При этом он писал впоследствии: «Мне с „моей войной“ очень повезло. И не только потому, что остался жив, хотя и в моем случае это чудо, выигрыш по лотерейному билету... Мне повезло, во-первых, потому, что риск, а также физические лишения были в ракетной артиллерии все же меньшими, чем в танковых войсках, в противотанковой или полковой артиллерии, не говоря уж о пехоте. Правда, у себя в полку я ходил в весьма смелых и рискованных: большую часть фронтовой жизни

провел в артиллерийской разведке, а это значит — на передовой, часто в боевых порядках пехоты, при наступлении порой и впереди нее, пока не наткнешься на оставленную немцами засаду. Но тем не менее, в ракетной артиллерии было менее опасно, чаще выживали, хотя и у нас многие погибли или были ранены.

Во-вторых, по-настоящему воевать мне довелось не в 1941 году, когда шло, в основном, беспорядочное отступление, всегда сопровождаемое колоссальными потерями за счет убитых, пропавших без вести или попавших в плен. Мне пришлось воевать уже тогда, когда ситуация была взята под контроль и мы уже умели более или менее упорядочено как отступать, так и наступать, причем пришло уже время преимущественно наступать, что не всегда безопасней, но всегда радостней.

Словом, воевать мне пришлось не в самое плохое, хотя и не в самое хорошее для Советской Армии время. В частности, не пришлось пережить больших отступлений, паники, окружений и сокрушительных поражений. У многих чуть старше меня офицеров, с которыми я воевал, они надломили или совсем сломали психику. Я не был непосредственным свидетелем чудовищного позора нашей армии, государства, строя, который некоторые ревнители старого упорно пытаются отмыть до сих пор.

Я оплакиваю вместе со всеми своими согражданами эту трагедию — она отнюдь не из тех, которых нельзя было избежать... Но я благодарен судьбе, что она меня избавила от всех страшных испытаний первых месяцев войны.

И в то же время, не скрою, горжусь тем, что мне не пришлось собирать одни лавры в виде множества взятых городов и освобожденных стран, а также щедрого дождя наград, посыпавшегося к концу войны. Я видел войну все-таки в ее очень тяжелых моментах — от Москвы осени 1941-го и очень трудного, полного риска 1942-го, до 1943 года, когда большой, часто неоправданно большой кровью, тяжело, но все более уверенно мы начали наступать. Вернее, контрнаступать, освобождая страну — от Курской дуги до Днепра, а потом за Днепр до границы, а затем и до фашистского логова — Германии».

Без советов и влияния семьи, друзей Георгий Арбатов уже с осени 1940-го — зимы 1941-го пришел к выводу, что дело идет к войне и ему надо думать о своем будущем в соответствии с этой реальностью. Георгий подал документы в 1-е Московское артиллерийское училище имени Красина и был принят буквально в самый канун войны — 21 июня 1941 года. На следующий день в воскресенье вся семья пришла его навестить. У входа из репродуктора, окруженного людьми, они и услышали сообщение Молотова о начале войны...

Училище имени Красина, в которое он поступил, сначала специализировалось на тяжелой (корпусной) артиллерии, а уже в ходе войны было перепрофилировано на гвардейские минометы, то есть на реактивную артиллерию, получившую в народе название «катюши». В середине октября 1941 года обстановка в Москве обострилась. Курсанты тушили пожары от бомбежек, стояли в оцеплениях, ловили «ракетчиков», якобы указывавших немецким пилотам цели, а то и просто спасались в траншеях. В конце месяца несколько сформированных в училище батарей катюш выехали по Волоколамскому шоссе на позиции и дали два первых залпа.

7 ноября курсанты рано встали, пошли на завтрак, он был праздничным, дали даже белый хлеб и масло. Потом по тревоге построились и пошли прямо на Красную

площадь — училище открывало парад. Георгий Арбатов был правофланговым где-то в середине батальона, волновался, даже немножко сбился с шага, но быстро исправил ошибку еще до прохождения мимо Мавзолея. Мало кому из участников парада ноября 1941-го посчастливилось дожить до Победы, многие части прямо с Васильевского спуска отправлялись на передовую.

Утром был получен приказ перевезти училище в Миасс, на Урал, и там под новый, 1942 год Арбатов окончил его лейтенантом с рекомендацией на должность начальника разведки дивизиона. После формирования части в стенах того же училища на Беговой в марте 1942 года, наконец, эшелоном — на фронт. По дороге состав дважды бомбили, и именно здесь, на железнодорожных путях, часть понесла первые потери. Убитых похоронили прямо около железнодорожной насыпи. Выгрузились в Торопце, Калининский фронт, 4-я Ударная армия. Потом — Степной и Воронежский фронты, 1-й и 2-й украинские фронты.

Началом был долгий тяжкий год оборонительных и отвлекающих наступательных боев в Смоленской области. Здесь, по пути на наблюдательный пункт, Арбатов был ранен в ногу пулей немецкого снайпера, к счастью, легко — кость не была задета. В медсанбате рану иссекли, прочистили и за неделю поставили его на ноги.

Георгий Арбатов вспоминал, что его нередко выводил из себя низкий профессиональный уровень некоторых командиров. Главное в артиллерии — это правильно подготовить данные для стрельбы. Но, к сожалению, этим простым ремеслом не все владели. В результате снаряды попадали мимо цели. А однажды, того хуже, командиры крепко выпили в штабе и дали неправильные данные, после чего залп дивизиона (четыре пятитонных грузовика снарядов) обрушился на позиции наших войск. Цена профессиональной неграмотности, небрежности или просто ошибки на войне бывала очень высокой. Как и цена пьянства, которое, пусть и по понятным причинам, стало нормой на фронте и стоило немало лишних потерь и эксцессов.

Весна 1942 года еще запомнилась голодом. Дороги развезло, подвоз всего, включая продовольствие, фактически прекратился. До некоторой степени выручали «подснежники» — так прозвали вытаивавшие из снега трупы убитых поздней осенью предыдущего года или зимой лошадей. Их рубили на куски и варили.

В мае 1942 года Арбатова назначили командиром батареи. Впервые в жизни он получил подчиненных — всего около 50 человек. При этом он был самый молодой в батарее (младше 19 лет), все остальные старше, некоторые в отцы годились. Но проблем во взаимоотношениях это не создавало. Он ко всем, тем более старшим, относился с уважением и сверх того, что предписывал устав, не требовал. Специально показывать власть, самоутверждаться, самодурствовать ему никогда не приходило в голову. Он уже был вполне уверен в себе, хорошо считал (все-таки был в школе отличником), нормально стрелял, имел для своего возраста довольно широкий кругозор. (Тот юношеский опыт очень пригодился в дальнейшей мирной жизни, когда пришлось руководить большими коллективами.) А солдаты ценили такое человеческое отношение и служили не за страх, а за совесть.

В конце лета того же года Арбатова снова повысили — назначили заместителем командира дивизиона по строевой части и присвоили звание старшего лейтенанта. Обстановка на фронте была спокойной, хотя время от времени предпринимались небольшие операции местного, отвлекающего характера.

Почему часть держали весь 1942 год в бездействии, они поняли в следующем, 1943 году, когда их весной через Москву перебросили в Воронежскую область — ближний тыл войск, сражавшихся позднее на Курской дуге. После формирования часть оказалась в составе Воронежского фронта. Во время страшных боев на Курской дуге в июле 1943 года фронт стоял в резерве, а после того, как натиск немецких танковых армий был остановлен, двинулся вперед, развивая наступление до Днепра. Тогда же, после Курской дуги, Арбатов получил звание капитана и новое назначение: помначштаба полка по разведке.

Это была уже не позиционная война, и она, конечно, не давала скучать. Но и потерь приносила куда больше. Наступали по гоголевским местам: Диканька, Миргород, Великие и Малые Сорочинцы. Освобождаемые деревни и городки были разорены, часто сожжены дотла, население подавлено, доведено просто до какого-то первобытного образа жизни. Наступали довольно быстро, что, впрочем, создавало подчас свои проблемы. Связаны они были прежде всего с разрывами в боевых порядках наступающих. И артиллерия могла вдруг оказаться без всяких войск впереди, натываясь напрямик на немецкие засады. Так теряли машины и людей.

Однажды под хутором Борбликив разведка на четырех машинах напоролась на мобильную немецкую засаду на броневике и мотоциклах и была обстреляна. Одна машина загорелась, люди были убиты или ранены. Дождавшись вечера, Арбатов и несколько его разведчиков поползли через поле и вытащили раненых на плащ-палатках. Одного из них немцы пытались добить выстрелом в голову, но попали в руку, а потом еще и переехали броневиком. Но он чудом выжил и много лет спустя на одной из встреч ветеранов бросился к Арбатову с объятиями.

В конце концов добрались до Днепра и успешно форсировали его. Первый раз южнее города Канева ночью на лодках переправились через реку, но тот берег оказался непригодным для плацдарма, пришлось плыть назад. Второй раз форсировали Днепр в декабре 1943 года — у Черкасс (в 1985-м Арбатову присвоили звание почетного гражданина этого города).

Вот там при взятии Черкасс он тяжело заболел. Переправа через сам Днепр работала исправно, но до Днепра надо было еще преодолеть вброд или вплавь несколько протоков, а потом высидеть во всем мокром ночь на НП. Отсюда воспаление легких, которое потом перешло в туберкулез.

Он был отправлен в полевой госпиталь, а из него на санлетучке в тыл. Добрались до пригорода Харькова, где находился госпиталь, в котором их должны были рассортировать и отправить на дальнейшее лечение по различным госпиталям. Но этот сортировочный госпиталь оказался переполненным, и вновь прибывшим предстояло ждать очереди в теплушках.

Вместе с другими ходячими офицерами решили самостоятельно добираться домой. После этого на пригородном поезде доехали до Харькова. И здесь, в полуразрушенном здании вокзала Арбатов случайно встретил своих полковых разведчиков, которых отправили в Москву учиться на офицеров. Они помогли Георгию добраться до Москвы и поделились продуктами, а в Москве даже проводили строем до самой квартиры.

Дверь открыла мама: «Юра! Ты надолго?» Ответил: «Не знаю, надолго ли — я болен. Туберкулез». Она: «Какое счастье!» Так могла сказать только мать,

со страхом и тоской два года изо дня в день ждавшая похоронку, а когда, наконец, увидела живого сына, решила, что самое страшное позади. Отец пришел домой, конечно, его радости и гордости не было предела. На следующий день отец пошел с историей болезни к военному коменданту, а тот выдал направление в офицерский туберкулезный госпиталь.

Там произошла еще одна счастливая случайность. Заведующая отделением доктор П. Бонгард оказалась матерью одноклассника Георгия, который в то время был на фронте. И она принялась за лечение так, будто лечила собственного сына. Конечно, радость Анны Васильевны была преждевременной. Тогда шансов вылечиться от туберкулеза было очень мало. Арбатова спасли только пневмоторакс (создание воздушного пузыря между плеврами, сжимающего легкое), особый уход врача и, конечно, забота семьи. В те тяжелые времена семья отдавала последнее, чтобы снабжать больного калорийными продуктами. Потянулись долгие и нудные госпитальные месяцы. Доктор Бонгард была известным специалистом по туберкулезу горла и как консультант раз в месяц ездила в единственный в те годы офицерский туберкулезный санаторий в Болдино (в Горьковской области). Раз в месяц она могла привезти в санаторий больного туберкулезом офицера. В этом качестве туда и попал Арбатов в мае 1944 года. После непродолжительного лечения летом 1944-го он был демобилизован как инвалид Отечественной войны II группы.

После войны будущий академик никогда не хвастался своим фронтовым прошлым, не представлял себя героем и вообще не любил вспоминать и рассказывать о войне. Лучше всего о его военной жизни говорят боевые характеристики того времени. Вот, например, отрывок из боевой характеристики, представленной командованием дивизиона 25 августа 1942 года: «Батарея, которой командует т. Арбатов, за период действий по борьбе с немецкими оккупантами показала хорошие результаты. Не было случая, чтобы фашистские гады уходили из-под огня батареи. Организацию, распоряжение и руководство при выполнении боевых задач т. Арбатов проделявает грамотно и культурно. 6 августа его батарея уничтожила свыше роты пехоты противника и одну минометную батарею. Личным примером храбрости учит подчиненных в бою».

Из боевой характеристики от 22 октября 1942 года: «За время своего пребывания в дивизионе т. Арбатов проявил себя как храбрый, стойкий, дисциплинированный, подтянутый, культурный командир. В боях с немецкими захватчиками т. Арбатов показал образцы мужества, при выполнении дивизионом боевых задач по уничтожению гитлеровских бандитов лично руководил дивизионным огнем. Культурный, знающий командир-артиллерист, владеющий в совершенстве своим делом, требовательный к себе и своим подчиненным, пользуется огромным авторитетом среди всего личного состава дивизиона. Тов. Арбатов рекомендуется на должность командира дивизиона». Это было лестное представление — в его девятнадцать лет! Но назначения этого Арбатов тогда не получил, как узнал потом, из-за того, что в тюрьме как «враг народа» сидел его отец (он был реабилитирован месяцем позже).

Военная характеристика с представлением к награде, наградной лист от 10 сентября 1943 года: «Энергичный, смелый и бесстрашный разведчик. За период пребывания в этой должности дал много ценных данных о противнике, по которым

полк вел огонь... 5 сентября Арбатов под сильным огнем противника, на открытой местности, презирая смерть, пренебрег опасностью, точно установил передний край обороны, после чего был дан залп. Наши части после залпа овладели высотой и продолжали продвигаться вперед».

Конечно, эти характеристики написаны с пафосом, своеобразным стилем того времени, но по ним видно, что на фронте Георгий Арбатов выполнял свой долг честно, грамотно и храбро. И такой подход к делу остался у него на всю последующую жизнь.

Для Арбатова война закончилась в ноябре 1943-го — ровно через два года после ноябрьского парада 1941 года на Красной площади. А полк после Черкасс уже без него участвовал в Корсунь-Шевченковской операции, пошел на Бельцы и Яссы, Бухарест и Клуж, Сегед, Будапешт, Брно. И стал он Черкасским Краснознаменным, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого 17-м гвардейским минометным полком.

Конечно, те годы имели для последующей жизни Арбатова огромное значение. Они сформировали эмоциональное, даже иногда сентиментальное отношение ко многому, с чем была связана военная служба в те годы: верности долгу, боевому товариществу, готовности бороться, пока хватает сил. И в то же время они для него демистифицировали армию, военную службу, да и Отечественную войну, лишили их культивировавшегося потом в стране сверхромантического ореола. Ибо в армии он хорошо узнал и неприглядные стороны военных порядков, в частности, какой простор они открывают для самодурства, унижения старшим по званию младшего, солдафонства, процветания серых, бездарных людей, протекционизма и т.д. Он достоверно узнал, какими командными кадрами страна вела войну (до полковника — с более высокими чинами у него контактов не было, хотя там дело, видимо, обстояло не лучше), какие из-за этого несли лишние потери, вообще во что обходились победы.

Итак, в июле 1944 года он был выписан из военного госпиталя, стал инвалидом войны II группы, получал продовольственные карточки и пенсию около 900 рублей в месяц. Это было 90 рублей по деньгам до 1992 года — в те времена достаточно, чтобы выкупать то, что полагалось по карточкам, а по рыночным ценам недостаточно, чтобы купить бутылку водки. И встал вопрос: что делать дальше? Семья жила небогато, но поддержать могла, и все вместе они решили — учиться.

Собственно, об этом он думал давно, даже подобрал себе институт (точнее, факультет Московского университета). Еще на фронте, осенью 1943 года, сидя как-то в землянке, прочитал в газете «Известия» объявление, что в университете открывается факультет международных отношений, и вслух, при товарищах, сказал: «Вот куда я после войны пойду». Они подняли его на смех, по-дружески, конечно, — такими далекими казались и конец войны, и учеба, да и само выживание.

Однако сложилось все так, что всего год спустя он подал документы на этот факультет. Через несколько месяцев факультет стал самостоятельным институтом при Министерстве иностранных дел СССР. И Арбатов был принят. На этом закончилась его военная биография — наступил новый, гражданский этап жизни.

Горькие плоды Победы. Победа в Великой Отечественной войне не только для ее участников, но и для всего народа была долгожданным великим праздником

и таким останется навеки. Но праздник праздником, а после него наступают будни, для Георгия Арбатова — университетские.

Начались студенческие годы, и для него, как для большинства студентов, они связаны с приятными воспоминаниями, хотя годы были довольно голодные и бедные. Послевоенная разруха, усугубленная неурожаем 1946 года и прекращением поставок из США по ленд-лизу, не позволили заметно улучшить материальное положение. Не оправдались и надежды на то, что уж после такой войны, после такой проверки народа на верность Сталин пойдет на какие-то послабления в экономической, политической и культурной сферах. Вопреки этим надеждам очень скоро после Великой Победы, увы, началось еще более жесткое закручивание гаек, новые кампании проработок и репрессий.

В институте, куда поступил Георгий Арбатов, это ощущалось с особой силой — их готовили для работы в области внешней политики, за рубежом или с иностранцами. Потому и надзор за ними был свирепейший. «Вольные» разговоры на политические темы или слишком откровенный дневник, найденный осведомителем в общежитии, даже случайный контакт и беседа в метро с иностранцем, невзначай затеянная студентом, по юношеской неосмотрительности пожелавшим проверить, достаточно ли он уже знает язык, — всего этого было вполне достаточно для исключения, а в ином случае и ареста.

Началось с кампании против «низкопоклонства перед Западом». На деле это была шовинистическая антизападная кампания. Потом последовали другие. Был начат поход и против многих самых передовых естественных наук (генетики, кибернетики, на волоске висела эйнштейновская физика). И, конечно же, попытались втиснуть в жесткие, уродующие ее рамки великую культуру великого народа: литературу, театр, изобразительное искусство, даже музыку.

В такой сложной обстановке оказалось его поколение после возвращения с фронта. При этом образование Арбатов и его однокашники получили весьма хорошее. Он вспоминал, что в его институте таких профессоров, как тогда, никогда больше не появлялось. Это были лучшие из сохранившихся представителей старой, блестящей плеяды российских ученых (профессора Тарле, Витвер, Баранский, Дурдиневский и др.). Многие из них вскоре подверглись гонениям.

Став студентом осенью 1944 года, Георгий Арбатов должен был выбрать специализацию и выбрал США. Он рано понял, что США и СССР будут играть особую роль в послевоенном мире, то ли как враги, то ли как соперники, то ли как сотрудничающие по необходимости державы. Правда, на дружбу уже вскоре после окончания войны надежд было мало. Но и страна сама по себе казалась очень интересной.

Тогда же жизнь преподнесла ему самый драгоценный личный подарок. В конце декабря 1944 года он познакомился со своей будущей женой Светланой. Они поженились в 1948 году, раньше было нельзя — Георгий должен был окончательно излечиться от туберкулеза.

После окончания МГИМО (в него был преобразован международный факультет университета) при распределении на работу в полной мере дала себя знать репрессивно-бюрократическая система, в которую он был встроен. Хотя Арбатов был одним из лучших студентов на курсе — получил диплом с отличием, за все пять лет на экзаменах удостоивался только высшей оценки да еще был фронтовиком, офи-

цером, имел боевые награды, никакой работы ему не предложили. Председатель комиссии прямо дал понять — загвоздка в том, что в прошлом был арестован отец, хотя он был еще в 1942 году освобожден и реабилитирован.

Наука и политика после Сталина. Арбатов сам устроился в Издательство иностранной литературы и никогда после об этом не жалел. Главной его обязанностью было читать американскую, английскую и немецкую политическую, экономическую и философскую литературу, чтобы отобрать наиболее интересное для перевода и реферирования в «закрытых» (предназначенных для руководства) изданиях. За всю свою остальную жизнь он не прочел столько политических книг, сколько за эти четыре года.

Там он работал до 1953 года. В январе того года арестовали одного из работников подчиненной Арбатову группы, и у него начались неприятности, тем более серьезные и опасные, что происходило все на фоне очередной репрессивной кампании, связанной с «делом врачей». Над Георгием висела угроза как минимум исключения из партии и увольнения с работы. Учитывая, что отец только оправлялся от инфаркта, жена не работала — нянчила двух годовалого сына, это была весьма мрачная перспектива. Его друзья посоветовали взять на несколько дней бюллетень, посидеть дома, пока страсти поулягутся. Так он и сделал, а вышел на работу в день смерти Сталина, когда все репрессии разом прекратились.

Свое вполне сформировавшееся мировоззрение того времени Арбатов оценивал так: он не был фанатиком или карьеристом, не стал и циником. Не был «тайным» инакомыслящим, хотя многие иллюзии полностью утратил. «Был я, — вспоминал он, — скорее всего, как и многие другие, „разумно верующим“». Веру эту я получил в семье и в обществе, возшла она на дрожжах очень хороших, добротных идеалов социализма, восходящих своими корнями аж к раннему христианству... Ранние непосредственные впечатления от Запада и фашизма, равно как от сталинских „чисток“, задевших и нашу семью, война, неплохое образование, основательное знакомство с послевоенной зарубежной общественно-политической литературой, — может быть, лишь заложило какие-то основы, благоприятные для последующей эволюции моих взглядов в либеральном направлении, которое вполне можно охарактеризовать как социал-демократическое».

Конечно, имело значение и то, что ему позднее довелось поработать с интересными людьми, в сильных творческих коллективах. Огромную роль в его жизни сыграл Отто Вильгельмович Куусинен, с которым он познакомился, когда работал в журнале «Новое время», куда перешел после Издательства иностранной литературы. Куусинен пригласил его в авторский коллектив учебника «Основы марксизма-ленинизма», который сам возглавлял, затем Арбатов сотрудничал с ним и при написании других работ, вплоть до его смерти в 1962 году.

Сразу после XX Съезда КПСС в 1956 году руководство партии, видимо, поняло, что речь Хрущева, решения этого съезда, вся обстановка после смерти Сталина требовали известного обновления общественно-политической теории и идеологии.

Куусинен стал набирать для этого коллектив, пользуясь своим положением после июньского пленума ЦК (1957 год), на котором он был избран Секретарем ЦК и членом Политбюро. В новый коллектив были привлечены считавшиеся не очень «благонадежными» ученые старшего поколения (такие как В.Ф. Асмус и М. Мен-

дельсон), а также молодые ученые и публицисты (среди них наряду с Арбатовым были Л.М. Шейдин, Ю.Н. Семенов, Ф.М. Бурлацкий, А.С. Беляков, Ю.К. Мельвиль). В куусиненском «оазисе» творческой мысли была написана новаторская по тем временам основательная книга, которая сыграла определенную роль в просвещении политиков и общественности.

Еще одним островком творческой мысли был международный марксистский журнал «Проблемы мира и социализма», издававшийся в Праге, его основателем и первым шеф-редактором был А.М. Румянцев. Он выдвигал творческую молодежь, создавал условия для ее воспитания и роста. Достаточно назвать хотя бы несколько имен людей, работавших с ним. Это Н.Н. Иноземцев, Ю. Карякин, А.С. Черняев, К.Н. Брутенц, В.В. Загладин, Г.Х. Шахназаров, К.А. Амбарцумов, В.П. Лукин, Г.И. Герасимов, Е. Яковлев и многие другие. Арбатов там работал в 1960–1963 годы. Как он сам писал позднее, в журнале он не только прошел путь становления как специалист в ряде сфер политики, но и понял, что нужно для создания действительно творческого коллектива: необходимо собрать «критическую массу мозгов», то есть достаточное число умных, творческих людей, а также создать в коллективе атмосферу свободного творчества, соревновательности и вместе с тем сотрудничества.

Другим оазисом творческой мысли, прежде всего теоретическим, но в какой-то мере и политическим, суждено было стать Институту мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР, также созданному после XX Съезда КПСС. И в этом случае большую роль сыграла личность создателя и руководителя творческого коллектива — А.А. Арзуманяна. Поскольку сам академик Арзуманян был вхож в верхние эшелоны власти уже с конца 50-х — начала 60-х годов, этот научный центр оказывал влияние на создание новых теоретических основ политики, на размывание старых догматических взглядов руководства партии и страны на мировую экономику, на возможности улучшения отношений не только с Западом, но и с третьим миром, на представления о важнейших экономических и социально-политических процессах в мире. В ИМЭМО Арбатов работал с 1963 года после возвращения из Праги.

Вслед за ИМЭМО, как правило, либо отпочковываясь от него, либо складываясь вокруг людей, работавших там, начали возникать другие институты (Латинской Америки, Африки, Дальнего Востока, США и Канады, Европы, Международного рабочего и коммунистического движения), в 80-е годы объединившиеся в Академии наук в Отделение проблем мировой экономики и международных отношений.

Большой школой для Арбатова была работа с Юрием Владимировичем Андроповым. Заметной «кузницей кадров» разрушителей тоталитарного догматизма стали группы консультантов ЦК, созданные на рубеже 50–60-х годов в обоих международных отделах ЦК КПСС. Новыми здесь были не только названия (группы) и функции (по сути, исследовательские), но и то, что впервые за многие годы в аппарат ЦК пригласили значительную группу представителей интеллигенции. Поскольку потребность в создании групп консультантов была большой и острой и оба заведующих отделами (соответственно Б.Н. Пономарев и Ю.В. Андропов) хотели взять людей ярких, среди них оказалось и немало «вольнодумцев».

Арбатов был приглашен консультантом в отдел Андропова в мае 1964 года и проработал там до конца 1967 года. Собранная группа консультантов была одной

из самых выдающихся по творческой мысли того времени: ставший позже академиком О.Т. Богомолов, один из самых знающих китаистов Л.П. Делюсин, уже упоминавшиеся Ф.М. Бурлацкий и Г.Х. Шахназаров и, конечно, А.Е. Бовин — один из самых ярких и одаренных людей в этой группе, впоследствии ставший нашим лучшим политическим публицистом, а затем послом в Израиле.

Опыт работы в Праге, ИМЭМО и ЦК КПСС оказался для самого Арбатова исключительно полезным, когда с конца 1967 года ему пришлось уже самому основывать и быть в течение более чем 27 лет первым руководителем другого творческого коллектива — Института США и Канады АН СССР (а потом РАН). В коллективе института выросло немало профессионалов, занявших потом видное место в науке и политике: известный ученый и журналист В.С. Зорин, основатель и директор Института Европы РАН академик В.В. Журкин, заместители директоров академических институтов А.К. Кислов, И.Ф. Иванов, Б.З. Мильнер, С.А. Караганов. Среди них также бывший председатель Комитета по иностранным делам и вице-спикер Думы, а ныне Уполномоченный по правам человека в России В.П. Лукин; первый гражданский заместитель министра обороны России А.А. Кокошин, который был в 1998–1999 годы секретарем Совета безопасности РФ, а сейчас заместитель председателя думского Комитета по науке; глава ВГТРК Н.К. Сванидзе; заместитель министра иностранных дел Ю.Э. Мамедов и другие.

Оценивая роль этих «оазисов», Арбатов впоследствии писал: «Нельзя утверждать, что под их благотворным воздействием ожила, превратилась в благоухающий цветущий сад наша общественно-политическая жизнь, обращенная Сталиным в пустыню. Так, к сожалению, не произошло и не могло произойти... Но, тем не менее, их роль нельзя и недооценивать. Получившие толчок идеи продолжали развиваться, хотя и не смогли полностью осовременить интеллектуальную атмосферу в политических “верхах” нашего общества. Но, главное, они успели бросить семена, которые взойшли много лет спустя, чтобы сыграть заметную, может быть даже существенную, роль в годы перестройки».

Еще один человек, оказавший большое влияние на судьбу Арбатова, — это Михаил Сергеевич Горбачев. Он обладал острым умом и незаурядным талантом политика, был открыт новым идеям, быстро их усваивал и развивал. Окончание «холодной войны» — прежде всего его заслуга, он решительно и умело воспользовался открывшимися (во многом тоже благодаря его стараниям) объективными возможностями. При этом, конечно, Горбачев — неоднозначная, противоречивая личность, неотделимая от породившей его системы.

Начало его правления было блестящим, а конец — разочаровывающим. Сейчас только ленивый не бросит камень в Горбачева, в том числе многие из тех, кто в период его руководства взалхл пели ему дифирамбы и изо всех сил проталкивались поближе к трону. У Арбатова как раз в последние несколько лет руководства Горбачева отношения с ним совершенно разладились. Поэтому Арбатов впоследствии мог с чистой совестью и полной уверенностью писать: «Горбачев останется в мировой истории как крупнейший политический деятель XX века, а облаивающих его ныне шавок забудут, как и не было».

После августа 1991 года с фактическим приходом к власти Б.Н. Ельцина у Арбатова, как и у очень многих других, были связаны большие надежды. Импонировала

его, как казалось, твердая линия на честность и чистоту в политике, против коррупции и привилегий. За это ему были готовы простить многое, включая не очень большой политический опыт и слабую эрудицию. Ельцин поначалу отличался скромностью, в том числе и в оценке своих возможностей, старался окружить себя знающими людьми.

Так возникла идея Совета консультантов, названного, правда, несколько выспренно — Высший координационный и консультативный совет (сначала при Председателе Президиума Верховного Совета РСФСР, затем при Президенте России, а в феврале 1993 года преобразованного в Президентский совет). Еще летом 1990 года Арбатов был приглашен работать в нем вместе с группой видных специалистов, таких как академики О.Т. Богомолов и Т.И. Заславская, известный офтальмолог и ученый С.Н. Федоров, академики ВАСХНИЛ В.А. Тихонов и А.М. Емельянов, Ю.А. Левада, члены-корреспонденты РАН П.Г. Бунич, Н.П. Шмелев, видные деятели науки и культуры Ю. Карякин, М. Захаров, Д. Гранин, мэры Москвы и Ленинграда Г.Х. Попов и А.А. Собчак.

Такой состав был, видимо, продиктован желанием импонировать общественности, создавая впечатление, что российский лидер действительно хочет иметь около себя мозговой центр, который помог бы нарастить интеллектуальную силу его политике. Но очень скоро выяснилось, что Совет — скорее украшение, призванное сделать более привлекательными в глазах публики новую власть и лично президента. Собирался он редко, Ельцин внимательно выслушивал что говорилось, благодарил, и на этом все кончалось.

Очевидно, «настоящие» советы ему давали и дела делали совсем другие люди. В результате страна сбилась с мучительно трудной дороги от тоталитарной диктатуры к демократическому обществу, разумно сочетающему рыночную основу хозяйствования с обоснованным государственным регулированием и заботой о социальном обеспечении, занятости населения, развитии передовых отраслей экономики, здравоохранении, науке, культуре и безопасности. Как писал Арбатов, «мы трудно, ошибаясь и сбываясь с пути, все же двигались по верной дороге, особенно в первые четыре года перестройки. Но потом с этой дороги начали уходить, а после путча 1991 года круто свернули».

Это сопровождалось неподготовленным, обвальным роспуском Союза ССР, движением назад к дикому «до адама-смитовскому» капитализму с изрядным привкусом феодально-абсолютистских порядков, хотя и круто замешанных на вполне современных финансовых махинациях, преступности и коррупции. «Шоковая терапия» привела к невиданному падению производства, упадку экономики, обнищанию большей части населения, наряду с фантастическим обогащением ничтожной горстки людей, небывалому росту преступности и коррупции, разграблению страны. Далее — к конфронтации с парламентом, завершившейся расстрелом Белого дома из танковых пушек, человеческими жертвами, так и не подсчитанными. Наконец, как политическое следствие — преступная война-бойня в Чечне, которая была проиграна, повлекла потом вторую, не менее кровавую войну, превратила Северный Кавказ в зону постоянно тлеющего и периодически вспыхивающего (как пожар торфяников) терроризма, преступности и исламского радикализма.

Естественно, что государству, вступившему на такой путь, его лидерам и его политике настоящая наука не нужна. Но хочется выглядеть современными и пристойными, поэтому создается видимость опоры на науку. Ситуация сложилась просто удивительная — года за два вокруг ельцинского политического руководства сложилась псевдонаука со своими так называемыми аналитическими центрами, политологами и аналитиками, институтами и даже «академиями». Эта псевдонаука, ее представители беспрерывно роились вокруг тех, кто делал политику. Ее использовали в качестве фигового листка, прикрывающего срам невежества и бездумья власти. Отдельные ученые сами ушли в политику, но в индивидуальном качестве они вряд ли могли серьезно на нее влиять, оказавшись «винтиками» в плохо организованной, но все более громоздкой и коррумпированной государственной системе. И обращались чиновники прежде всего к тем, кто себя наиболее настойчиво предлагал. А утвердившаяся, завоевавшая признание и видное место в обществе наука имеет чувство собственного достоинства, требует к себе уважения и не будет лезть к государству с предложением своих услуг, ожидая приглашения от заинтересованных в научной экспертизе ведомств.

Небывалый упадок науки, в том числе общественной, в 90-е годы практически парализовал академические институты, включая Институт США и Канады РАН. В такой обстановке академик Георгий Арбатов в 1995 году оставил пост директора.

В следующем десятилетии положение немного изменилось к лучшему, высокие доходы бюджета от роста мировых цен на нефть и газ позволили увеличить финансирование Академии наук и академических институтов, помочь им через гранты вновь созданных научных фондов. Но этого было далеко не достаточно. В целом, как отмечал Арбатов, «финансирование и естественной и общественной науки остается на жалком для современного цивилизованного государства уровне, тем более в свете необходимости перестройки российской экономики от экспортно-сырьевой на высокотехнологичную, инновационную модель, что без науки вообще невозможно. Это отражает, в первую очередь, недостаточно высокий уровень государственного руководства в этой, как и во многих других сферах».

Уйдя на пенсию, Георгий Арбатов много размышлял об ответственности ученых за развитие общественной науки и практической государственной политики. «Ученые у нас были и есть разные, — писал он. — И несут они разную ответственность за грубые ошибки послевоенного полувекового периода. Но что касается внешней политики и экономики в периоды, на которые приходится больше всего политических просчетов и ошибок, к науке и ученым обращались редко, если вообще обращались. В иные периоды не всем нашим ученым было что ответить на запросы политики. Но с 60-х годов политическая и экономическая науки развивались, и наиболее передовая часть ученых, как правило, шла все же впереди политиков. Несмотря на неизбежные отдельные ошибки, роль их была хотя и не очень большой, но в основном позитивной».

А.Г. Арбатов

**Анушаван
Агафонович
Арзуманян**

ЖИЗНЬ НАУКЕ⁴⁰

Академик Анушаван Агафонович Арзуманян. Это имя в настоящее время мало знакомо не только молодым, но и зрелым экономистам. Можно, разумеется, вслед за поэтом повторить «другие времена, другие песни». Но, весьма многозначительное но...

Убежден, что труды А.А. Арзуманяна, его деятельность как организатора науки сыграли значительную роль в концептуальном развитии отечественной экономической мысли в 50–60-е годы XX века. Именно с его именем, а также с именами двух других великих экономистов — академиков Е.С. Варги и В.С. Немчинова — связано возрождение экономической науки из «пепла», в который ее превратили догмы сталинизма. Это были годы так называемой хрущевской оттепели, когда, с одной стороны, возникла острая потребность в теоретическом обобщении и понимании новых явлений и процессов мирового общественного развития, а с другой — была выявлена беспомощность и бесплодность научных экономических институтов, превращенных в слуг партийного аппарата. Естественно, это возрождение проходило под лозунгом восстановления творческого марксизма-ленинизма. Но это была лишь лицевая сторона того сложного процесса, другая, обратная его сторона состояла в том, что именно в те годы А.А. Арзуманян, его сподвижники и ученики вольно или чаще всего невольно посеяли на ниве экономической науки семена сомнения в справедливости марксистского экономического учения и всей основанной на нем марксистско-ленинской идеологии, которые дали всходы в 80-е годы.

Академик А.А. Арзуманян принадлежал к той немногочисленной когорте переживших сталинские репрессии образованных марксистов, которая пришла в коммунистическое движение в молодые годы и всю жизнь хранила романтическую веру в идеи коммунизма, открывавшие, по их представлениям, безграничные возможности развития нового, справедливого общества. А.А. Арзуманян был коммунистом, как говорится, «до мозга костей», но он был честным ученым и, отстаивая, как мы бы сказали сегодня, идеи «социализма с человеческим лицом», не уходил от объяснения «проклятых» фактов жизни, которые никак не вписывались в цепочку теоретических построений марксизма.

А.А. Арзуманян родился 4 февраля 1904 года в селении Каварт в Армении, в семье рабочего, ставшего десятником, а затем и мелким подрядчиком Кафанских медных рудников. 16-летним юношей Анушаван стал комсомольцем, а в 17 лет — членом Коммунистической партии Армении. Для того поколения молодых коммунистов он был весьма образованным человеком (с 1912 по 1918 год он учился в реальном училище), что позволило ему сразу же выдвинуться в число организаторов комсомола Армении, стать секретарем РК и членом ЦКЛКСМ. Но молодого

⁴⁰ Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Вып. 3. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004, с. 5–24. В статье об академике А.А. Арзуманяне автором использованы доклад академика Н.Н. Иноземцева «Научная деятельность А.А. Арзуманяна и актуальные задачи исследования мировой экономики и международных отношений» на научной сессии, посвященной памяти академика А.А. Арзуманяна в связи с 70-летием со дня его рождения; выступление академика Н.П. Федоренко на этой же сессии и его же воспоминания об А.А. Арзуманяне, опубликованные в книге «Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее», а также материалы, любезно предоставленные автору д-ром ист. наук С.Н. Наделем, д-ром экон. наук С.М. Никитиным, д-ром экон. наук В.В. Рымаловым.

Арзуманяна всегда тянуло к учебе. В 1923-м на год его отпускают учиться в Закавказский коммунистический университет в Тбилиси, в 1928-м, опять же на год, — в Москву, в Институт им. Г.В. Плеханова. Но доучиться ему не давали, регулярно отзывая на работу в Армению.

С 1929 года А.А. Арзуманян на ответственной партийной работе: первый секретарь райкома, заведующий Отделом ЦК КП(б) Армении. С 1931 по 1937 год он член ЦК КП(б) Армении. По его настойчивой просьбе в 1933 году Анушавана Агафоновича опять отпускают на учебу в престижный тогда Аграрный институт красной профессуры в Москве, который он окончил в 1935 году. После возвращения в Ереван молодого специалиста вновь избирают первым секретарем одного из райкомов КП(б) армянской столицы.

В августе 1937 года, в разгар массовых репрессий, А.А. Арзуманяна назначают ректором Ереванского государственного университета, основного средоточия армянской интеллигенции того времени. Но и он не избежал ареста. В ноябре 1937 года его сажают в подвалы ереванской Лубянки. Как пишет сам Анушаван Агафонович в краткой автобиографии: «...был оклеветан врагами народа, привлечен к следствию». В начале 1939 года, когда волна репрессий спала, он был освобожден и «полностью реабилитирован». Однако путь возвращения к партийной и государственной работе был, по существовавшим тогда правилам, для него закрыт. Ему разрешили лишь остаться преподавателем политэкономии Ереванского университета.

А.А. Арзуманяна как личность характеризует его поведение «под следствием» в тюрьме. Он не подписал ни одного выбиваемого из него признания или раскаяния, вообще ни одного документа, хотя уже в первый день ареста его провели мимо тел двух его расстрелянных друзей. Он никому не говорил о пытках или избиениях, но родственники Анушавана Агафоновича рассказывают, что когда в апреле 1939 года в одну из ужасных тюремных ночей его вызвали из камеры, он простился со всеми, кто был в ней, будучи уверен, что его ведут на расстрел. Когда же его привели к начальнику тюрьмы и объявили об освобождении, он потребовал немедленно, здесь же в тюрьме, возвратить партийный билет. Выйдя из тюрьмы, Анушаван Агафонович, по словам родственников, десять дней молча пролежал на диване, отвернувшись к стене.

В июле 1941 года А.А. Арзуманян добровольно ушел на фронт и все годы войны был на политработе в действующей армии. Награжден орденами Боевого Красного Знамени, Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды. О том, как проявил себя майор Арзуманян на фронте, свидетельствует, например, характеристика, выданная ему после демобилизации.

СЛУЖЕБНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на лектора Политотдела 18-й армии майора АРЗУМАНЯНА Анушавана Агафоновича

Майор тов. Арзуманян Анушаван Агафонович за время работы в Политическом отделе 18 армии в качестве лектора проявил себя честным, скромным, добросовестным большевиком, беспредельно преданным делу большевистской партии. <...>

Арзуманян принимал непосредственное участие в подготовке и осуществлении важнейших боевых операций: Новороссийской, Житомирской, Бердичевской, Карпатской и др. В период фронтовой жизни наибольшую часть времени он находился в войсках, оказывал практическую помощь политорганам и партийным организациям в мобилизации, личного состава на решение боевых задач. Принимал непосредственное участие в боях, он проявил себя достойные большевику качества (так в тексте): мужество, смелость и отвагу, словом и делом, личным примером воодушевлял людей на подвиги.

Особенно следует подчеркнуть ту большую работу, которую провел тов. Арзуманян в период действий нашей армии в районах Закарпатской Украины и Чехословакии. Умение правильно ориентироваться в обстановке, в новых условиях позволило ему подготовить серию важнейших политических документов (манифеста о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине, решения 1-й конференции компартии Закарпатской Украины об очередных задачах, подобного решения профсоюзной конференции и др. писем, телеграмм и обращений), сыгравших известную роль в организации движения народов Закарпатской Украины и присоединению к Советской Украине. <...>

*Заместитель начальника Политического
отдела 18 армии подполковник Пахомов.
28 декабря 1945 г.⁴¹*

После демобилизации с 1946 по 1952 год Анушаван Агафонович Арзуманян работал деканом и проректором Азербайджанского государственного университета в Баку. Там же в 1947 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Аграрный кризис 80–90-х гг. XIX века в России». По этой проблематике и в царской России, да и в 20-е годы в СССР было написано немало серьезных работ. Тем не менее диссертация А.А. Арзуманяна, опубликованная лишь после его кончины, была серьезным научным исследованием: в ней на основе оригинальных работ конца XIX века автором были проанализированы малоизученные аспекты послереформенного строя хозяйств помещиков, вопросы мобилизации земельной собственности до начала аграрного кризиса перепроизводства и ряд других.

В конце 1952 года А.А. Арзуманян по рекомендации Е.С. Варги был приглашен на должность заведующего сектором империализма в Институт экономики АН СССР, где после смерти И.В. Сталина становится заместителем директора. Конечно, в этом назначении сыграли свою роль его родственные отношения с А.И. Микояном (они были свояками), но главным было то, что со смертью И.В. Сталина для А.А. Арзуманяна и многих других ученых срок изгнания из политической жизни закончился.

В 1956 году, после XX съезда КПСС, создается Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО). Собственно говоря, речь шла

⁴¹ Текст характеристики из Архива Российской академии наук (1556. Оп. 1. Ед. хр. 180. Л. 1) приводится по изданию: Черкасов П. Как создавался ИМЭМО // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 6. С. 100.

о воссоздании закрытого в 1948 году по указанию И.В. Сталина Института мирового хозяйства и мировой политики, который более двух десятилетий возглавлял Е.С. Варга. При его поддержке первым директором ИМЭМО назначается А.А. Арзуманян. На этом посту он остается вплоть до своей смерти в 1965 году. В 1958 году А.А. Арзуманяна избирают членом-корреспондентом АН СССР, в 1963 году — академиком. В это время ученый вел большую партийную и общественно-политическую работу. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР и активно работал в Комиссии по иностранным делам. Он непреременный участник встреч с делегациями коммунистических и рабочих партий западных стран, входил в состав коллектива, работавшего над подготовкой важнейших партийных документов того времени. За свою научную и общественную деятельность был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета».

Эти годы стали апогеем, звездным часом его жизни, позволили полностью реализовать творческие и организаторские способности. Те, кто имел счастье общаться с А.А. Арзуманяном, знали его не только как ученого, пытавшегося осмыслить происходившие в стране и мире события и связанные с ними перемены в научной жизни, Анушаван Агафонович был очень добрым человеком, руководителем, который терпеливо и заботливо, что называется, «взрачивал» молодых ученых. Он покорял всех, кто с ним работал, и своим ясным умом, и пониманием обстановки в стране, и масштабностью философского видения общественных процессов, и умением определить истинные государственные интересы.

Большая заслуга академика А.А. Арзуманяна состояла в организации ИМЭМО как научно-исследовательского центра. И ИМЭМО уже в первые годы своего существования получил международное признание. Это была нелегкая задача. В общественных науках господствовала атмосфера «пережевывания» тех или иных положений классиков марксизма-ленинизма. Практически отсутствовали научные школы, в которых могли бы «расти» молодые ученые. Все надо было создавать заново. Именно поэтому в основу организации научной работы института А.А. Арзуманяном положены два принципа-требования:

- во-первых, обязательность изучения зарубежной буржуазной литературы и статистики для всех, тогда сотен молодых ученых, принятых в институт. Стоит заметить, что только в ИМЭМО всем без исключения научным сотрудникам разрешалось пользоваться литературой спецхрана, куда в то время поступало более половины всей иностранной литературы;
- во-вторых, организация обсуждений и дискуссий в подразделениях института с обязательным участием в них молодых ученых. Сам А.А. Арзуманян проводил практически еженедельно обсуждения тех или иных вопросов в узком кругу с приглашением молодых специалистов⁴². Так обычно готовились и материалы «наверх», и тезисы выступлений и докладов самого А.А. Арзуманяна.

⁴² Автор статьи начал свою научную жизнь в ИМЭМО в далеком 1957 году в качестве младшего научного сотрудника. Затем был избран старшим научным сотрудником и заведующим сектором, и с 1960 года нередко принимал участие в такого рода обсуждениях в кабинете директора («у Анушавана»), где надо было выступать по существу, что называется, с фактами в руках и со своим собственным видением проблемы.

Такая организация работы дала свои плоды: уже в 50–60-е годы ученые ИМЭМО, в первую очередь молодые, обогатили науку не одним десятком крупных исследований в области мировой экономики, социологии и международных отношений.

Разумеется — и это, видимо, надо сказать, — в институте соблюдались принятые «правила игры». Издаваемые институтом книги, естественно, были снабжены соответствующими цитатами из трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, а работы, в которых содержались реальное сопоставление СССР с другими странами и тем более рекомендации для высших органов власти, выходили под грифом «Для служебного пользования» и даже «Секретно». Сейчас приходится только сожалеть, что глубокие и весьма полезные для страны исследования оказались за «семью печатями» даже для научной общественности СССР.

Перу самого А.А. Арзуманяна принадлежит около 100 научных работ. Среди них нет «толстых» монографий. У него на это не было времени. Однако научные доклады академика, его выступления на Ученом совете ИМЭМО, международных конференциях и симпозиумах, его статьи, опубликованные в «Коммунисте», «Правде», в журнале «Мировая экономика и международные отношения», становились важными вехами в научной жизни и определяли направления исследовательской работы по международно-политической проблематике.

В своих работах А.А. Арзуманян анализировал практически весь спектр проблем развития мировой капиталистической системы середины XX века. В них исследовались вопросы теории и практики государственно-монополистического капитализма, особенности послевоенного цикла, западноевропейская интеграция, положение и борьба рабочего класса, экономическое соревнование двух систем, развитие рабочего и национально-освободительного движений, международные отношения.

Как справедливо заметил академик Н.Н. Иноземцев в докладе на научной сессии, посвященной 70-летию со дня рождения А.А. Арзуманяна, большое место в исследовательской и научно-организационной деятельности первого директора ИМЭМО занимали экономические проблемы, связанные с «объективной оценкой возможностей и перспектив хозяйственного развития основных стран капитализма»⁴³. Решение этих проблем имело немаловажное значение с точки зрения соревнования двух систем и реальной оценки перспектив революционного движения в капиталистических странах. Но для этого надо было прежде всего покончить с догматическими представлениями об исторической обреченности капитализма и его автоматическом крахе⁴⁴. Опираясь на исследования, проводимые в институте, А.А. Арзуманян первым выдвинул положение о приспособлении капитализма к новой исторической обстановке: с одной стороны, к новым условиям соревнования и борьбы двух противоположных систем, а с другой — к развернувшейся научно-технической революции и обусловленным ею новым закономерностям развития производительных сил.

⁴³ См.: МЭМО. 1974. № 5, май. С. 120.

⁴⁴ В научной литературе того времени господствовал выдвинутый И.В. Сталиным тезис о том, что циклический рост производства в главных капиталистических странах (США, Англия, Франция) «будет происходить на суженной базе, ибо объем производства в этих странах будет сокращаться». Цит. по: И.В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1953. С. 133.

Уже тогда, во второй половине 50-х годов, стало очевидным, что капитализм ставит себе на службу достижения научно-технической революции, обеспечивает благодаря этому существенное повышение эффективности производства и жизненного уровня населения. И главной силой такого приспособления стало послевоенное развитие государственно-монополистического капитализма. Указывая на новую роль буржуазного государства в экономической жизни капиталистических стран, А.А. Арзуманян писал: «То качественно новое, что характеризует его (государство. — В. М.) деятельность в экономической области в наши дни, состоит в непосредственном вмешательстве в процессы производства, обращения и распределения»⁴⁵. В этой связи А.А. Арзуманян анализирует основные формы государственного регулирования капитализма того времени (управление государственной собственностью и государственным сектором, получившим в послевоенные годы широкое развитие в целом ряде капиталистических стран, развитие государственного рынка закупок товаров и военной техники, перераспределение национального дохода через государственный бюджет, кредитно-денежная политика и регулирование государственной ставки учетного процента, государственное регулирование отдельных сфер хозяйственной деятельности, отношения между трудом и капиталом, наконец, государственное программирование основных направлений развития народного хозяйства). По заключению А.А. Арзуманяна, результатом этого стали важные изменения как в самом экономическом механизме капитализма, так и в государственной экономической политике главных капиталистических стран.

Проведенный А.А. Арзуманяном анализ развития государственного монополистического капитализма в первые послевоенные десятилетия не потерял своей научной ценности для современных исследователей капиталистической экономики.

Переоценка, точнее ревизия ряда устаревших положений марксистской теории о возможностях развития капитализма, была предпринята А.А. Арзуманяном в его первой получившей широкую известность статье «Вопросы марксистско-ленинской теории обнищания пролетариата», опубликованной в журнале «Коммунист» в 1956 году. Статья была сразу же переведена на многие языки мира. В ней, в чем-то вопреки названию, А.А. Арзуманян фактически пересмотрел господствовавшее в то время в марксизме учение об абсолютном обнищании пролетариата при капитализме. Это было сделано А.А. Арзуманяном для защиты самого марксизма.

На Западе в то время широкий резонанс получили работы ряда буржуазных идеологов социал-реформистов (в частности, книга Стрэчи «Современный капитализм»), в которых факт роста заработной платы и повышения жизненного уровня трудящихся использовался для опровержения марксизма и, в частности, для доказательства тезиса об исчезновении основ борьбы рабочего класса за революционные преобразования. А.А. Арзуманян в этой связи писал: «Утверждение, что реальная заработная плата... непрерывно снижается, ничего общего не имеет с марксизмом... Корень подобной путаницы в том, что динамика заработной платы рассматривалась в отрыве от стоимости рабочей силы»⁴⁶.

⁴⁵ Арзуманян А.А. Экономические проблемы общественного развития // Арзуманян А.А. Избранные труды. М.: Наука, 1968. С. 259.

⁴⁶ Там же.

Признавая действие закона возвышения потребностей при капитализме, ученый описал тенденцию к росту стоимости рабочей силы по мере развития производительных сил и усиления экономической борьбы рабочего класса. Указывая на специфику положительных колебаний заработной платы вокруг стоимости рабочей силы, он в то же время полагал, что при капитализме действует тенденция отклонения заработной платы вниз от стоимости рабочей силы, в чем, по мнению исследователя, и выражается обнищание рабочего класса. Для своего времени такая постановка проблемы была действительно творческим развитием марксизма.

Под руководством А.А. Арзуманяна в институте были широко развернуты исследования социально-экономических проблем капитализма. Он неоднократно подчеркивал, что подлинно научный анализ может быть осуществлен только на основе изучения экономических и социальных проблем в комплексе. С этой целью в ИМЭМО впервые в стране был создан отдел по исследованию социальных проблем.

В отличие от советских ортодоксальных марксистов, концентрировавших все свое внимание на двух классах — буржуазии и рабочем классе, А.А. Арзуманян рассматривал социально-классовую структуру общества в более широком аспекте. Он предложил заняться исследованием тех социальных групп, которые не вписываются в рамки двух основных классов.

Для этого надо было отказаться от стереотипов, доминировавших в идеологии. В написанной под руководством и редакцией А.А. Арзуманяна книге «Городские средние слои современного капиталистического общества» было впервые проанализировано положение мелкой буржуазии, в частности, в быстроразвивающейся и расширяющейся уже тогда сфере услуг.

Причем значение мелкого предпринимательства рассматривалось авторским коллективом не только с точки зрения его роли и места в хозяйственном развитии. Для сотен тысяч и даже для миллионов людей малый бизнес был (и до сих пор остается) важнейшим, а чаще всего единственным источником дохода как для предпринимателей, так и для членов их семей. Какая-то часть мелких предпринимателей была вынуждена взяться за этот род деятельности в связи с трудностями найти работу по специальности. Однако большинство людей выбирают мелкое предпринимательство потому, что стремятся иметь собственное дело и быть независимыми. Важным является и то обстоятельство, что мелкие фирмы обеспечивают работой большое число наемных работников. Этими причинами объяснялось и объясняется поныне большое внимание, а также помощь и поддержка, оказываемые малому бизнесу законодательными и исполнительными органами власти в индустриально развитых странах.

В рассматриваемой работе серьезное внимание было уделено анализу положения и новой роли интеллигенции при капитализме. Во второй половине XX века, когда общее, даже высшее образование перестало быть привилегией одних только имущих слоев населения, важно было найти критерий определения места и роли интеллигенции в общественном разделении труда. В советской общественно-политической литературе интеллигенция рассматривалась как прослойка. А.А. Арзуманян и руководимый им авторский коллектив в результате проведенных исследований показали, что интеллигенция стала одним из быстрорастущих слоев населения, особенно в связи с ускорением научно-технического прогресса. В книге, изданной

в самом начале 60-х годов, был сделан вывод о том, что образование, наука, знания вообще — это важнейший стратегический ресурс любой страны, что интеллигенция является главным носителем знаний.

После выхода книги в свет прошло почти четыре десятилетия. Некоторые положения в чем-то устарели или являются не совсем верными с позиции сегодняшнего дня. Тем не менее тема исследования, постановка и освещение целого ряда вопросов, многие выводы до сих пор не теряют своей актуальности.

В трудах А.А. Арзуманяна и коллектива института большое место занимали исследования проблем западноевропейской интеграции. В 1962 году коллективом института были подготовлены и опубликованы тезисы «Империалистическая интеграция в Западной Европе (общий рынок)», получившие широкую известность в СССР и за рубежом. В том же году была проведена международная конференция, в которой приняли участие ученые всех социалистических стран, исключая Китай, и представители многих коммунистических партий. С большим докладом выступил А.А. Арзуманян. Идеи, обсуждавшиеся на конференции, оказали большое влияние на развитие всех исследований, проводимых в институте. В тех условиях важным было признание интеграции не просто очередным тактическим маневром правительств стран Западной Европы, а реальным фактом современного капитализма.

Именно в связи с западной интеграцией А.А. Арзуманяном было сформулировано важное теоретическое положение о том, что «мировое развитие производительных сил вызывает тенденцию к интернационализации хозяйственной жизни, к уничтожению национальной замкнутости. Это объективная тенденция, действующая при капитализме и усиливающаяся с ростом мирового хозяйства и мирового рынка»⁴⁷. Разумеется, и А.А. Арзуманян, и другие выступавшие на той конференции подчеркивали, что существует противоречие между тенденцией к интернационализации хозяйственных связей и империалистическими путями ее реализации. Надо сказать, что выявление этого противоречия не было лишь очередной данью диалектике марксизма, поскольку в этих выступлениях было обращено внимание не столько на непримиримость описываемого противоречия, сколько на те пути и методы, которые использовали западноевропейские страны для практического его преодоления. На конференции были приведены и проанализированы данные о стимулирующей роли общего рынка в развитии экономики первой шестерки объединившихся стран, о развитии взаимной торговли между ними, об усилении, специализации и кооперации их производства, о расширении их рынка.

При жизни А.А. Арзуманяна и после его смерти учеными, работавшими в ИМЭМО, был подготовлен целый ряд крупных монографических исследований, в которых развивались идеи, высказанные академиком А.А. Арзуманяном, были еще глубже рассмотрены движущие силы, механизмы и структура интеграции, ее место в системе международных экономических отношений, ее противоречия и перспективы.

Под руководством А.А. Арзуманяна в ИМЭМО были начаты комплексные исследования основных политических и социально-экономических проблем стран «третьего мира».

⁴⁷ Там же.

А.А. Арзуманян, как говорил Н.Н. Иноземцев в уже цитируемом докладе, «не был востоковедом по образованию, но живо интересовался проблемами Азии и Африки, досконально изучал их, проштудировал обширную литературу и в последние годы жизни стал видным специалистом по развивающимся странам и одним из теоретиков в области национально-освободительного движения»⁴⁸.

Создание ИМЭМО совпало с периодом бурного подъема национально-освободительных движений в Азии, Африке и Латинской Америке. Поэтому уже на начальном этапе деятельности института значительное внимание уделялось выявлению конкретных политических, социальных и мирохозяйственных последствий этого процесса по отдельным регионам и группам стран. Проводимые под общим руководством и при непосредственном участии А.А. Арзуманяна такие исследования создавали необходимую первичную базу для системного анализа как быстроменяющейся ситуации в колониальных, зависимых и освободившихся странах, так и растущего влияния этих стран в мировой экономике и политике.

Начиная исследования в этой области, прежде всего надо было дать оценку тех реальных преобразований в мировом хозяйстве, которые происходили в нем в результате послевоенного развала колониальных империй. Возникла также потребность в теоретическом осмыслении глубинных процессов в общественной жизни освободившихся и освобождающихся странах. Политическая значимость этих исследований была важна и с точки зрения борьбы с идеями экспорта социалистической революции в эти страны, весьма широко поддерживаемыми в левой печати того времени.

А.А. Арзуманян отвергал представление о том, что выбор для стран «третьего мира» лежит между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии. Подчеркивая, что в большинстве освободившихся стран в силу их отсталости нет условий ни для того, ни для другого, он поддерживал тех исследователей, которые отстаивали возможность некапиталистического пути развития для этих стран и власти революционной демократии. Жизнь не сразу и не полностью опровергла эти идеи. Многие представления тех лет важны для понимания современного капитализма, когда в новых условиях фактически его полного господства в мире все еще сложны и не ясны пути и механизмы преодоления отсталости развивающихся стран, нищета и социальные проблемы которых и поныне составляют главную причину нестабильности мирового капитализма.

В начале 60-х годов в институте создается Отдел развивающихся стран, который возглавил один из учеников А.А. Арзуманяна В.Л. Тягуненко, избранный впоследствии членом-корреспондентом Академии наук СССР. На отдел была возложена задача координации научных исследований всех академических институтов по этой проблематике.

Описывая сферу научных интересов академика А.А. Арзуманяна, необходимо сказать о подходах к рассмотрению в его трудах некоторых проблем международных отношений. А.А. Арзуманян был одним из первых исследователей, анализировавших международные политические тенденции 50–60-х годов в тесной связи как с анализом перспектив мирового революционного движения, так и с разви-

⁴⁸ МЭиМО. 1974. май (№ 5). С. 122.

ем научно-технической революции. Он внес немалый вклад в разработку проблем мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Изучение новой обстановки, сложившейся в мире капитализма после Второй мировой войны, когда под эгидой ОПТА капиталистический мир был объединен в один лагерь, позволило А.А. Арзуманяну дать объективную оценку мероприятий и усилий этого лагеря по обеспечению экономического и военно-стратегического превосходства над социалистическим содружеством, по противодействию антиимпериалистическому характеру национально-освободительного движения народов Азии, Африки и Латинской Америки. Однако вывод А.А. Арзуманяна о том, что американский империализм уже утрачивает свое мировое влияние, оказался ошибочным. Не выдержали бремени борьбы двух систем и военной гонки вооружений не США, а СССР и возглавляемое им социалистическое содружество.

В своем научном творчестве А.А. Арзуманян всегда пытался тесно увязывать теоретические исследования капитализма с решением задач, вставших тогда перед международным коммунистическим движением. Он резко отвергал утверждение представителей китайской коммунистической партии о том, что будто мирное сосуществование государств с различным социальным строем означает отказ от классовой борьбы, будто мировая война — это главное и чуть ли не единственное средство, способное ускорить мировую революцию. Он непримиримо выступал против экспорта революции. Говоря о необходимости единства основных революционных сил, А.А. Арзуманян в то же время подчеркивал разнотипность задач коммунистического движения в странах развитого капитализма и национально-освободительного движения в освободившихся странах. Главная ответственность и обязанность стран социалистического лагеря состояла, по мнению ученого, в подъеме их экономики и росте благосостояния их народов. Перспективы революционного преобразования мира, как он подчеркивал, прежде всего зависят от результатов экономического соревнования двух систем. Приходится признать, к сожалению, что уверенность А.А. Арзуманяна в успехе (победе) СССР и стран социалистического содружества в этом соревновании с капитализмом жизнь не подтвердила.

Исследования института по проблемам экономического соревнования двух систем с самого начала были повернуты в сторону разработки практических рекомендаций для развития экономики СССР. Результаты этих исследований были оформлены в виде материалов и записок, адресованных, разумеется, в ЦК КПСС и правительству под грифом «Для служебного пользования» или «Секретно». Многие обобщения и рекомендации, содержащиеся в этих документах, не потеряли своей актуальности до сих пор, например, выводы о производстве потребительских товаров в СССР и США, о снижении фондоемкости (капиталоемкости) промышленной продукции (на примере США), об эффективности сельского хозяйства США (материал был разослан только на имя членов политбюро и секретарей ЦК КПСС⁴⁹), о кормовой базе животноводства США и т.д.

⁴⁹ Из чтения этой записки для любого человека, знакомого с положением сельского хозяйства СССР, вытекал очевидный вывод о нашем безнадежном отставании от США в этой сфере народного хозяйства.

В 1962 году состоялось еще одно высокое назначение А.А. Арзуманяна: его избирают академиком-секретарем вновь созданного отделения экономики и членом Президиума АН СССР. На плечи первого академика-секретаря легла тяжелая ноша: надо было прежде всего выводить из упадка науку об экономике социализма.

Как вспоминает академик Н.П. Федоренко, основным направлением перестройки, которую начал проводить А.А. Арзуманян, «было преодоление положения, когда экономические институты Академии наук упражнялись в основном в толковании партийных решений и пресловутой критике буржуазных теорий. Если прибавить сюда исследования истории экономических учений, где главное место занимала разработка теоретического наследия В.И. Ленина в области политической экономии, то этим можно и закончить перечень тематики академических институтов тех лет»⁵⁰.

С самого начала своей деятельности на посту академика-секретаря А.А. Арзуманян привлекает к разработке вопросов экономической науки о социализме ученых-экономистов, связанных с практикой, как тогда говорили, социалистического строительства в СССР. Многие из них стали впоследствии выдающимися учеными страны, академиками АН СССР. Это Н.П. Федоренко, ставший заместителем академика-секретаря, Н.Н. Некрасов, руководитель СОПСА и А.Н. Ефимов, директор Научно-исследовательского экономического института Госплана СССР.

По инициативе А.А. Арзуманяна была проведена реорганизация научных исследований Института экономики АН СССР, куда был назначен новый директор, бывший заместитель министра финансов К.Н. Плотников. При самой активной поддержке А.А. Арзуманяна в рамках АН СССР создается Институт экономико-математических исследований и его первым директором становится тогда член-корреспондент АН СССР Н.П. Федоренко. А.А. Арзуманян инициировал и создание под руководством тогда еще совсем молодого ученого А.Г. Аганбегяна Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР.

В своих докладах и выступлениях, посвященных задачам развития экономической науки, академик А.А. Арзуманян подчеркивал, что в основу деятельности экономических научных учреждений должны быть положены исследования больших народнохозяйственных проблем. Он призывал к изучению всей совокупности проблем повышения эффективности народного хозяйства, глубокому анализу хозяйственной практики и обобщению опыта. Он много раз указывал на то, что главная задача состоит в ликвидации отрыва экономической теории от хозяйственной практики, приближении экономических исследований к запросам практики. В этой связи ученый уделял особое внимание исследованиям экономической роли государства и его функциям. Уже тогда он называл приоритетными исследования проблем ценообразования, оплаты по труду и усиления материальных стимулов к труду.

А.А. Арзуманяну, несомненно, принадлежит заслуга в том, что коллектив нового отделения дополнил исследования в области политической экономии разработкой проблем отраслевых экономик, хотя ему пришлось не раз подвергать

⁵⁰ Федоренко Н.П. Вспоминая прошлое, заглядываю в будущее. М.: Наука, 1999. С. 144.

острой критике отраслевые экономические институты за технический эмпиризм и оторванность от жизни. Вместе с В.С. Немчиновым, В.В. Новожиловым, Л.В. Канторовичем и другими учеными он выступал за решительные шаги к тому, чтобы сделать экономико-математические методы исследования составной частью политической экономии, «ибо для политической экономии они не что-то внешнее, постороннее, — говорил А. А. Арзуманян, — а внутренне присущий ей инструмент анализа»⁵¹.

При А.А. Арзуманяне Отделение экономики АН СССР на основе исследования проблем хозяйственного развития разработало ряд важных практических рекомендаций для правительства. Однако все эти начинания А.А. Арзуманяна в значительной степени оказались тщетными, поскольку они либо молчаливо отвергались партийным и государственным аппаратом, либо тонули в бесплодных совещаниях по межведомственной увязке.

Под руководством А.А. Арзуманяна Отделение экономики разработало важные предложения по экономическому образованию в стране, подготовке кадров экономистов и повышению уровня их образования. В соответствии с этими предложениями в стране было создано несколько новых экономических вузов и факультетов, а также расширена аспирантура.

Заслуги А.А. Арзуманяна перед экономической наукой на посту академика-секретаря не сводятся лишь к его огромной научно-организационной деятельности по перестройке старых и созданию новых экономических институтов. Трудно переоценить его вклад в разработку проблем политической экономии социализма, прежде всего теории воспроизводства.

В статье «Актуальные проблемы развития нашей экономики», опубликованной в двух номерах газеты «Правда» в 1964 году⁵², был поднят ряд принципиальных вопросов теории и практики народнохозяйственного планирования при социализме. Это была фактически первая за многие годы суровая критика в партийной печати системы планирования СССР. А.А. Арзуманян начал эту статью с критики позиции некоторых экономистов-теоретиков, утверждавших, что при планировании нельзя исходить из совокупного общественного спроса. Такой подход к планированию ученый считал потребительским.

«В период построения материально-технической базы социализма индустриализация страны была связана с жертвами, приходилось экономить на всем, в том числе и на личном потреблении, — писал А.А. Арзуманян. — Теперь наша экономика настолько полнокровна, а индустрия столь развита, что мы имеем полную возможность успешно решать проблему создания материально-технической базы коммунизма и на этой основе укреплять оборону и одновременно формировать личное потребление советских людей. Это то новое в экономических и политических условиях, чего раньше не было»⁵³. В этой связи он подчеркивает значение роста личного потребления как важной составной части воспроизводства и обязательного условия его быстрых темпов развития.

⁵¹ Арзуманян А.А. Указ. соч. С. 589.

⁵² Правда. 1964. 24–25 февр.

⁵³ Правда. 1964. 24 февр.

Принципиальное значение имела постановка А.А. Арзуманяном вопроса о неправомерности использования в теории и практике так называемого закона о преимущественном росте производства средств производства по сравнению с производством средств потребления. Стоит напомнить, что из этого основополагающего закона тогдашней политической экономии вытекало, что научно-технический прогресс обязательно ведет к увеличению затрат средств производства, обязательно сопровождается ростом фондоемкости и материалоемкости продукции. Собственно говоря, этим обосновывалось то огромное преобладание в производстве СССР продукции производственного назначения по сравнению с потребительскими товарами. В своей статье А.А. Арзуманян обосновывал необходимость радикального изменения пропорций в промышленном производстве в пользу потребительских товаров. В трактовке А.А. Арзуманяна научно-техническая революция диктует необходимость более быстрого развития прогрессивных отраслей экономики, снабжающих хозяйство наиболее экономичными видами предметов труда и новейшими типами машин. При этом исследователь ссылаясь на опыт мирового экономического развития того времени. По мнению А.А. Арзуманяна, этот опыт обнаруживал ряд новых явлений, которые должны обязательно учитываться при определении пропорций социалистического воспроизводства. Анализируя влияние научно-технической революции на ход воспроизводства в главных капиталистических странах, он приводит данные о повышении темпов роста производительности труда в основных отраслях экономики главных капиталистических стран, а также — тогда впервые в нашей открытой печати — подробно рассматривает тенденции снижения капиталоемкости и материалоемкости промышленного производства в США.

Прямо скажем, то, что оказалось возможным для капитализма, стало непосильной задачей для социализма. И хотя сам А.А. Арзуманян верил, что именно социализму будет под силу использовать растущую эффективность производства в интересах общества, наша социалистическая практика продолжала отторгать передовой опыт капиталистической экономики, и эффективность народного хозяйства СССР продолжала падать фактически все последующие десятилетия.

В начале 60-х годов, как заметил А.А. Арзуманян в своей статье, Советский Союз занимал первое место в мире по абсолютному объему капиталовложений, тогда как по производству ВВП еще резко отставал от США. Следовательно, главной задачей было, как указывал А.А. Арзуманян, «получение как можно большего эффекта» от капиталовложений. Для этого надо было кардинально решать сложные вопросы, связанные с омертвлением капиталовложений, обусловленным ростом незавершенного производства, дополнительными сроками строительства и освоения вводимых мощностей; с неоправданным распылением средств по объектам, диспропорциями между производством мощностей и сырьевой базы и т.д. С горечью приходится констатировать, что отмеченные А.А. Арзуманяном проблемы повышения эффективности экономики СССР так и не нашли своего решения ни при его жизни, ни в последующие годы.

Основные труды академика АН СССР А.А. Арзуманяна

1. Арзуманян А.А. *Обнищание рабочего класса в капиталистическом обществе.* М., 1958.
2. Арзуманян А.А. *Кризис мирового капитализма на современном этапе.* М., 1962.
3. Арзуманян А.А. *Проблемы современного капитализма.* М., 1963.
4. Арзуманян А.А. *Борьба двух систем и мировое развитие.* М., 1964.
5. Арзуманян А.А. *Экономические проблемы общественного развития* // Арзуманян А.А. *Избранные труды.* М., 1968.

В.А. Мартынов,

доктор экономических наук, академик РАН

**Владимир
Алексеевич
Виноградов**

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В АКТУАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ⁵⁴

2 июля 2001 года исполнилось 80 лет действительному члену Российской академии наук Владимиру Алексеевичу Виноградову, выдающемуся исследователю экономической истории и ключевых проблем трансформации экономических отношений. Сегодня с именем В.А. Виноградова связано формирование и развитие различных направлений информационной деятельности в области социально-гуманитарного знания. В.А. Виноградов — автор многочисленных публикаций, в том числе 12 монографий. При его участии выпущено 18 крупных коллективных трудов. Его книги переведены на многие иностранные языки.

Как формируются ученые, что служит тем стимулом, который определяет самоотверженное служение науке? На все эти вопросы можно получить ответ, проследив жизненный путь ученого.

Владимир Алексеевич родился и вырос в Казани. Учился в одной из лучших школ города, особенно интересовался историей и литературой, любил занятия спортом: в 1938 году среди школьников Казани стал чемпионом по скоростному бегу на коньках. В 1939 году он окончил школу и поступил в Казанский авиационный институт на моторостроительный факультет. Однако уже в первые дни сентября стало ясно, что учебу в КАИ придется отложить, потому что студентов 1920–1921 годов рождения призывали на действительную военную службу в Красную Армию.

В июне 1941 года, когда В.А. Виноградову еще не исполнилось и 20 лет, он проходил службу в 707-м мотострелковом полку — в 140 км от границы с Польшей, оккупированной к тому времени фашистскими войсками. Уже в первые дни войны солдаты и командиры части, в которой служил Владимир Алексеевич, стали свидетелями воздушных боев. А потом пришлось пережить все: и артиллерийскую подготовку, и танковые прорывы, и бомбежки, и минометные обстрелы, и штыковые атаки.

Особенно отчетливо в его память врезались бои под Ковелем и Ровно. Тяжелыми были бои под Новоградом-Волынским, когда по шоссе прорвался вражеский моторизованный корпус и две его танковые дивизии устремились к Киеву. Перед частями 22-го механизированного корпуса, в котором воевал Владимир Алексеевич, была поставлена задача: овладеть большим участком шоссе, отрезать тылы противника и тем самым сорвать его продвижение. Сражения продолжались неделю. В этих боях полк понес большие потери, но приказ был выполнен.

Последние бои, в которых довелось участвовать Владимиру Алексеевичу, проходили с 21 по 30 июля под Малином. Как полковой политработник, В.А. Виноградов постоянно находился на передовых позициях, в числе первых поднимался в атаку. В ходе боев он был тяжело ранен в шею: пуля прошла навывлет, чудом не задев сонную артерию, но серьезно повредив левое плечо. Потом — хирурги, врачи, госпитали, активная лечебная гимнастика с целью восстановления работоспособности левой руки. Служба в Красной Армии завершилась.

⁵⁴ Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003, с. 6–16.

В то военное время ломались многие человеческие судьбы: люди не находили для себя перспектив в гражданской жизни. Но Владимир Алексеевич не привык пасовать перед трудностями. Из опыта армейской службы он навсегда усвоил те принципы, которые помогли ему в дальнейшей жизни: смотреть правде в глаза, какой бы суровой она ни была; брать на себя самые сложные дела; выполнять «черную работу», от которой зависит реальный успех дела; судить о людях по их поступкам, видеть в человеке самое главное. Оказавшись на «гражданке», В.А. Виноградов твердо решил продолжить учебу. Он поступил в Казанский университет на историко-филологический факультет. Большое внимание будущий ученый уделял общественной работе и быстро завоевал авторитет: он был избран секретарем университетского комитета комсомола, членом бюро и заместителем секретаря райкома ВЛКСМ.

В сентябре 1943 года В.А. Виноградов, узнав о том, что для подготовки специалистов-международников в Московском государственном университете открывается новый факультет, принял решение направить свои документы в приемную комиссию. А уже 13 ноября 1943 года он принял участие в первом собрании студентов.

Общение с выдающимися учеными, преподававшими на факультете, не только сформировало оригинальный взгляд Владимира Алексеевича на научные проблемы, но и помогло ему увидеть главную цель жизни в науке, которая во все времена состоит в бескорыстном служении истине. Наставниками и учителями для будущего ученого стали академики Е.В. Тарле, Л.Н. Иванов, К.В. Островитянов, Е.А. Косминский, А.Л. Нарочницкий, С.Д. Сказкин, которые читали лекции и вели занятия на факультете, преобразованном в октябре 1944 года в Институт международных отношений МИД СССР.

Уже будучи академиком, директором института, В.А. Виноградов постоянно возвращался в своих воспоминаниях к службе в армии, к первым дням войны и годам учебы в МГИМО. Это время оказалось чрезвычайно важным в определении жизненных позиций, которые стали нравственной и мировоззренческой платформой для понимания сущности событий и их научной оценки в будущем.

Окончив в 1948 году Институт международных отношений, В.А. Виноградов поступил на работу в Управление кадров Президиума Академии наук СССР и одновременно в аспирантуру Института экономики. В Президиуме АН СССР он проработал 23 года: после Управления кадров три года возглавлял Иностранный отдел, а в конце 1960 года был назначен заместителем главного ученого секретаря по международным связям и проработал в этой должности 11 лет. При его непосредственном участии складывались деловые отношения Академии наук СССР с Национальной академией наук Соединенных Штатов и Американским советом научных обществ, с Национальным центром научных исследований Франции, Немецким научно-исследовательским обществом им. Макса Планка, академиями наук различных стран.

В разные годы В.А. Виноградов был членом Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР, входил в состав межправительственных комиссий по научно-техническому и культурному сотрудничеству с Францией, Великобританией, Италией и Венгрией, в 1960 году

стал членом Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. Активная научная и организаторская деятельность закономерно привлекала к нему внимание зарубежных ученых и научных ассоциаций экономической истории (1968–1978), Международного совета социальных наук (1977–1981), Европейского центра по координации исследований и документации в области социальных наук (1981–1985). В.А. Виноградов возглавлял советские и российские делегации на шести международных конгрессах по экономической истории. Особо успешной была его деятельность по подготовке V Международного конгресса экономической истории в Ленинграде в 1970 году, где он возглавил в качестве президента этот крупный научный форум.

В 1954 году В.А. Виноградов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук, а в 1965 году ему была присуждена степень доктора экономических наук. В 1966 году он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а ее действительным членом стал в 1984 году.

На протяжении 23 лет Владимир Алексеевич активно участвовал в заседаниях Президиума АН СССР, на которых обсуждались ключевые научные, мировоззренческие и организационные проблемы. Большое влияние на его становление как ученого оказали встречи и совместная работа с бывшими в разное время президентами АН СССР академиками С.И. Вавиловым, А.Н. Несмеяновым, М.В. Келдышем, вице-президентами А.В. Топчиевым, М.Д. Миллионщиковым, В.А. Котельниковым, В.П. Волгиным, К.В. Островитяновым, П.Н. Федосеевым, главными учеными секретарями Е.К. Федоровым, Н.М. Сасакином, Я.В. Пейве и другими академиками. При их помощи и поддержке В.А. Виноградов сформировал собственное понимание организационных и функциональных проблем развития науки в целом, роли информационного обеспечения в получении нового научного знания. Все это он впоследствии успешно использовал на практике, став директором Института научной информации по общественным наукам.

Научные интересы экономиста-историка В.А. Виноградова были связаны с изучением проблем национализации промышленности в СССР и в ряде западных стран, проблем рабочего контроля над производством, механизмов управления предприятиями. В 1955 году была издана первая работа В.А. Виноградова «Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР (1917–1918)». В 1964 году он опубликовал монографию «Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности», а в 1965 году вышло ее второе издание.

При анализе ключевых проблем национализации ученый обратил внимание на два важных момента. Во-первых, он поставил вопрос о пересмотре сложившейся в советской литературе точки зрения на социалистическую национализацию как безвозмездную во всех случаях. Во-вторых, увидел в национализации промышленности, которая проводилась в странах Западной Европы, эффективное средство борьбы против всевластия монополий.

В этих подходах к ключевым проблемам экономической политики была по существу скрыта критика как крайнего революционаризма, так и откровенной реакции. Впервые обозначилось направление того пути, который ведет к историческому компромиссу и нормальной цивилизационной эволюции, свободной от деструктивных последствий «крутых» социальных преобразований, и позволяет

преодолеть тенденции нарастания как государственного, так и частного монополизма в экономике.

Труды В.А. Виноградова переводились на иностранные языки. Его исследование о социалистической национализации промышленности и банков было выпущено издательством «Прогресс» на арабском языке. Зарубежному читателю стала доступна и другая его монография «Рабочий контроль над производством: история и современность», изданная на английском, французском, испанском, португальском языках.

В 1967–1975 годах научная работа В.А. Виноградова была тесно связана с Институтом мировой экономики и международных отношений, где он заведовал сектором. В работах, подготовленных сектором, рассматривался широкий круг проблем экономического и политического развития таких стран, как Франция, Великобритания, ФРГ, Италия, Австрия, Швеция. Определению места и роли государственного предпринимательства в системе современного капитализма была посвящена подготовленная в ИМЭМО под его руководством коллективная монография «Государственная собственность и антимонополистическая борьба в странах развитого капитализма», вышедшая в свет в 1973 году. В.А. Виноградовым совместно с докторами экономических наук В.П. Глушковым и О.В. Сальковским была написана глава для фундаментального труда ИМЭМО «Политическая экономия современного монополистического капитализма» (2-е изд. 1975), удостоенного Государственной премии СССР. Владимир Алексеевич был одним из инициаторов и авторов семитомного издания «История социалистической экономики СССР». За участие в создании этого труда он был также удостоен Государственной премии СССР.

В начале 80-х годов В.А. Виноградов вновь возвратился к изучению роли рабочих в управлении производством в СССР и других государствах. В 1983 году вышел в свет его обобщающий труд «Рабочий контроль над производством: теория, история, современность». В первых главах этой работы автор рассмотрел истоки и практику рабочего контроля в СССР. Три заключительных главы монографии были посвящены движению трудящихся стран Западной Европы (ФРГ, Австрии, Франции, Италии, Великобритании, Португалии и Швеции) за демократический контроль в промышленности в современных условиях, формам и методам их борьбы за свои экономические права и интересы. Так всесторонне эта проблема в советской литературе была рассмотрена впервые.

Экономические исследования 70-х и 80-х годов нашли свое продолжение в период перестройки и реформ 90-х годов. В начале 1989 года Бюро Отделения истории РАН создало Научный совет по экономической истории и утвердило комплексную программу развития исследовательской работы в этой области. Этим советом во главе с В.А. Виноградовым было проведено пять конференций «Проблемы экономической истории капитализма» (1989); «Кооперация. Место и роль в экономической истории»; «Госсобственность, госкапитализм, приватизация: история и современность» (1991); «Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность» (1993); «Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд» (1997).

Новая ситуация в стране сделала насущно необходимым изучение опыта приватизации в странах Западной Европы и во всем мире. В.А. Виноградов, возглавляя

Отдел глобальных проблем ИНИОН РАН, предпринял систематическое исследование мирового опыта приватизации. В его работах, опубликованных в 80–90-е годы, дан глубокий анализ теоретических основ и целей приватизации не только как важнейшего структурного элемента национальной экономической политики различных стран в последней четверти XX в., но и как глобального волнообразного явления, механизма регулирования экономических систем рыночного типа.

В первой половине 90-х годов В.А. Виноградов выступал на страницах периодической печати с серией публикаций, касавшихся сравнительного изучения опыта приватизации в различных странах с проекцией этого опыта на российскую специфику переходного периода. В 1998 году им в соавторстве с С.Я. Веселовским была опубликована книга «Приватизация в глобальном контексте. Опыт критического исследования» — единственное на сегодняшний день в отечественной экономической литературе издание, в котором на базе целостного методологического подхода рассмотрены теоретические и концептуальные вопросы приватизации.

В следующем, 1999 году В.А. Виноградов опубликовал монографию «Экономические преобразования во Франции накануне XXI в.», которая была с большим интересом встречена не только российской, но и французской научной общественностью. Еще через год, в 2000 году, вышла в свет коллективная монография «Приватизация в Великобритании: Социально-экономический и политический анализ», которую открывал написанный им вводный очерк «Приватизация в Великобритании и мировая приватизационная волна конца XX в.». В монографии был исследован опыт приватизации естественных монополий, действующих в секторе общественных услуг, и на примере Великобритании описаны реально работающие механизмы постприватизационного регулирования ценовой и рыночной политики естественных монополий, актуальность формирования которых для трансформационной экономики России несомненна.

Важным этапом многолетней научной деятельности В.А. Виноградова в сфере исследования проблем государственной собственности, национализации и приватизации явилась состоявшаяся в конце 2000 года в Москве международная научная конференция «Собственность в XX столетии (социально-экономические, политические и правовые аспекты)».

Отдельная страница в биографии выдающегося ученого-экономиста В.А. Виноградова связана с его плодотворной деятельностью на посту директора Института научной информации по общественным наукам АН СССР (ИНИОН), который он возглавлял в 1972 году. Грандиозная задача разрушения «оков идеологического догматизма» была решена без рекламной шумихи и деклараций. Для этого необходимо было выработать правильную стратегию формирования института, основанную на эффективных механизмах подготовки и распространения полной и достоверной научной информации, которые могли бы предопределить позитивные сдвиги в сознании и раскрепостить творчество обществоведов.

Под руководством В.А. Виноградова была создана продуманная система информационных изданий. Центральное место в ней заняли реферативные журналы (РЖ) «Общественные науки в СССР» и «Общественные науки за рубежом», редакционный совет которых он возглавлял. Выход РЖ означал информационный прорыв. В дополнение к реферативным журналам выпускались проблемно-тематические

реферативные сборники и аналитические обзоры. Эта система информации охватывала основные потоки научной литературы в области социальных наук и гуманитарного знания.

В.А. Виноградов стал одним из инициаторов создания и развития международной информационной системы по общественным наукам социалистических стран (МИСОН), в рамках которой была разработана автоматизированная информационная система (АИС МИСОН) и осуществлялся выпуск совместных реферативных и библиографических изданий. В 1976 году он выступил также инициатором организации в рамках Европейского центра по координации исследований и документации в области социальных наук (Венский центр) общеевропейского сотрудничества в области информации.

В конце 80-х — начале 90-х годов в деятельности ИНИОН назрели изменения, связанные с начавшимися процессами перестройки. Под руководством В.А. Виноградова была разработана программа совершенствования работы Института. Основания этой программы опирались на объективную необходимость генерации, переработки и распространения крупных массивов информации для обеспечения научно-технического и культурного развития, не ограниченного пространством и временем доступа к знаниям, всесторонней информатизации общества и информатизационного обеспечения выработки важнейших политических решений для предотвращения ущерба окружающей среде.

ИНИОН РАН в новых условиях, благодаря политике, проводимой его руководителем, внес большой вклад в изучение «белых пятен» в отечественной истории, в восстановление незаслуженно забытых имен ученых-обществоведов, в распространение информации, необходимой для решения проблем антикризисного регулирования, управления в области кредитно-денежной, налоговой, антимонопольной политики, предпринимательства в переходной экономике. Началась систематическая публикация материалов, посвященных демократизации общества, созданию правового государства, проблемам местного самоуправления и федерализма. В связи с бурным развитием социологии в России, ИНИОН активизировал информационную деятельность в области новейших социологических теорий, новых систем социальной стратификации, трансформации природы конфликтов и социальной идентичности. Была также усилена информационная деятельность в области политологии, создано самостоятельное политологическое подразделение — специальный сектор в рамках Отдела государства и права. В 1998 году начался выпуск серии материалов по проблемам отечественного и зарубежного федерализма, осуществляемый по заказу Совета Федерального собрания РФ.

В.А. Виноградов провел корабль ИНИОН сквозь рифы и штормы российской истории последних десятилетий. Он сумел противостоять испытаниям и ответить на вызов времени, последовательно идти к намеченной цели, самостоятельно создать благоприятные условия для информационной инфраструктуры отечественной науки. И сегодня он продолжает активно работать над исследованием новых проблем в сфере отношений собственности, порожденных тенденцией к глобализации мирового хозяйства и изменению экономической роли государственного и частного секторов. Его заслуги — в опубликованных трудах, развитии новых институтов, в разработке различных научных направлений отечественной экономи-

ки. Многолетний труд ученого отмечен государственными премиями и высокими наградами.

Работа В.А. Виноградова в Российской академии наук снискала ему репутацию выдающегося ученого, прекрасного профессионала, умного и деятельного организатора, патриота, посвятившего свой талант развитию научного знания в нашей стране и укреплению ее международного авторитета.

Основные труды академика В.А. Виноградова

1. Виноградов В.А. Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР (1917–1918). М., 1955.
2. Виноградов В.А. Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. М., 1964. 2-е изд. М., 1965.
3. Виноградов В.А., Глушков В.П., Сальковский О.В. Собственность современного империалистического государства: новые явления и противоречия // Политическая экономия современного монополистического капитализма. Т. 1. М., 1973. 2-е изд. М., 1975.
4. Виноградов В.А. Рабочий контроль над производством. Теория, история, современность. М., 1983. (Переведена на английский, французский, испанский, португальский языки.)
5. Государственная собственность и антимонополистическая борьба в странах развитого капитализма / Под ред. В.А. Виноградова. М., 1973.
6. Виноградов В.А. Рабочий контроль над производством: теория, история, современность. М., 1983.
7. Виноградов В.А., Сальковский О.В., Шкредов В.П. Рабочее время в системе производственных отношений современного капитализма // Рабочее время в капиталистических странах. М., 1985.
8. Виноградов В.А., Веселовский С.Я. Приватизация в глобальном контексте. Опыт критического исследования. М., 1998.
9. Виноградов В.А. Экономические преобразования во Франции накануне XXI в. М., 1999.
10. Виноградов В.А. Приватизация в Великобритании и мировая приватизационная волна конца XX в. // Приватизация в Великобритании: Социально-экономический и политический анализ. М., 2000.

Ю.С. Пивоваров,

член-корреспондент РАН, профессор

Л.В. Скворцов,

доктор философских наук, профессор

А.А. Фурсенко,

доктор экономических наук, профессор

**Абрам
Герасимович
Милейковский⁵⁵**

---

⁵⁵ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 1. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 17–27.

А.Г. Милейковский родился в 1911 году в Минске, свое детство и юность провел в маленьком в то время белорусском городке Боровичи. В 1930 году поступил на географический факультет Ленинградского университета, который успешно окончил в 1935 году. В ЛГУ, где он вскоре защитил кандидатскую диссертацию, молодой ученый преподавал до 1940 года. Именно в этом году началась и его служба в военно-морском флоте. Как опытный лектор, Абрам Герасимович был направлен на преподавательскую работу.

Великую Отечественную войну А.Г. Милейковский встретил кадровым военным. В блокадном Ленинграде он читал лекции по политической экономии и экономике зарубежных стран на курсах усовершенствования высшего и среднего политсостава ВМФ, а затем в Военно-морском политическом училище в Кронштадте. В 1942 году курсы усовершенствования политсостава ВМФ были переведены в столицу, и Абрам Герасимович переехал на работу в Москву. С 1943 по 1954 год он начальник кафедры международных отношений на Высших военно-политических курсах ВМФ. Свою карьеру военного политработника он завершил в Краснознаменной военно-воздушной академии, в которой с 1954 по 1956 год он был заместителем начальника кафедры политэкономию. Безупречная служба А.Г. Милейковского в рядах армейских политработников и дальнейшая работа в Институте мировой экономики и международных отношений была отмечена правительственными наградами — медалями и орденами, включая два Ордена Красной Звезды, Орден трудового Красного Знамени и Орден Октябрьской революции.

В 1956 году в судьбе Абрама Герасимовича произошли коренные изменения: продолжая оставаться заместителем начальника кафедры политэкономию Краснознаменной военно-воздушной академии, он начал совмещать преподавание с научной работой в отделе Британской империи только что созданного Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО). Работая в этом отделе, в 1957 году Абрам Герасимович защитил докторскую диссертацию. С тех пор жизнь и судьба А.Г. Милейковского оказалась тесно связанной с институтом, который был и остается основным научным центром страны по исследованию фундаментальных проблем мирового экономического и политического развития, в частности проблем развития мирового капитализма, центром по изучению экономических и социальных процессов как в США, Японии, развитых странах Европы, так и в развивающихся странах, проблем международной политики, в том числе и вопросов военной стратегии с учетом места и роли СССР, а сегодня России в глобальном мире. В институте ведутся исследования современных экономических и социально-политических теорий. Особое значение имеет работа по прогнозированию мировых экономических и социально-политических процессов.

В 1962 году, демобилизовавшись из рядов вооруженных сил, А.Г. Милейковский полностью включился в работу института, возглавив одно из ведущих его подразделений — сектор общих проблем развития капиталистических стран, в котором с 1956 года работала и автор этих строк, сменив на этом посту Абрама Герасимовича после его ухода на пенсию в 1986 году. Уже в 1966 году А.Г. Милейковский был избран членом-корреспондентом, а в 1981 — действительным членом АН СССР.

Конечно, судьба А.Г. Милейковского в науке неотделима от судьбы страны, пережившей в 60-е годы «оттепель», а затем в 70-е, 80-е — эпоху «застоя». Для эко-

номической науки это были очень непростые годы. Придя в ИМЭМО, Абрам Герасимович уже был известен как автор труда о распаде Британской империи, написанного в русле официальной идеологической доктрины. Но, встав во главе подразделения, занимавшегося исследованием современного капитализма, изучением буржуазных экономических теорий, он сразу же заявил о себе как об ученом, не соответствовавшем официальному образу «непримиримого идеолога», солдата (или генерала) идеологического фронта. «Оттепель» уже посеяла семена сомнений в справедливости устоявшихся марксистских догм, мешавших подлинно научному, непредвзятому анализу окружающего мира, а сменивший ее «застой», хотя и сдерживал свободную мысль, все же не мог полностью остановить начавшегося процесса преодоления ортодоксальности в марксизме.

Проницательный, гибкий ум А.Г. Милейковского вполне отвечал новым потребностям времени. Конечно, не надо думать, что его антидогматизм носил открытый, демонстративный характер, но ученый умел находить компромиссные решения вопросов как с подчиненными, так и с начальством (в том числе на уровне ЦК). Что же касается изложения научных позиций, то новые идеи и подходы нередко «маскировались» в его работах некоторой размытостью выводов, их «обратимостью» (так, да не так). Настоящий исследователь, А.Г. Милейковский был способен рассмотреть и принять иную точку зрения, не вставая в позу «хранителя чистоты» марксизма. Увы, этот эзопов язык был рожден временем и надо было уметь им пользоваться. Абрам Герасимович умел как никто! Больше того, блестяще умея «играть по правилам», он поддерживал научные разработки своих коллег, которых бдительные идеологи чистого марксизма могли заподозрить или обвинить (да и обвиняли не раз!) в «ереси». Итог же был очень важным и значительным: постепенно менялись подходы к исследованию капитализма, а главное — подрывались многие из устоявшихся догм о ходе его развития и его будущем.

Вспоминается, как энергично отстаивал Абрам Герасимович тезис «о двух функциях буржуазной политэкономии» — идеологической и практической, впервые сформулированный в докладе на конференции в Софии в 1964 году. Сегодня он звучит несколько смешно и наивно. Но тогда опора именно на это положение дала возможность объективно исследовать современную западную экономическую мысль, позволила вместо злопыхательства и искаженного (по принципу «чем хуже, тем лучше») изложения и критики современных теорий объективно их описать. Более того, обосновывая некоторые выводы, мягко скажем, «непривычные» для представлений того времени, можно было иной раз сослаться на авторитет буржуазных ученых.

К началу 70-х годов в институте при самом активном участии А.Г. Милейковского была разработана по сути новая концепция капитализма, опиравшаяся на теорию государственно-монополистического капитализма и государственного регулирования капиталистической экономики (ГМК) и теорию нового этапа научно-технической революции (НТР), коренным образом изменившей техно-экономический базис современного капитализма. В одной из работ Абрам Герасимович, к примеру, писал: «Цепная реакция постоянного возникновения новых отраслей в результате функционирования во всех странах „индустрии изобретений“ ведет автоматически к созданию новых рынков, что автоматически исключает возможность общего

кризиса перепроизводства. И действительно, после войны почти 30 лет экономика капитализма не знала ни одного глубокого мирового экономического кризиса. Рост капиталистической экономики прерывали лишь асинхронные кризисы и спады в отдельных странах и отраслях. Меры государственно-монополистического регулирования вели к относительно быстрой ликвидации опасности разрастания этих кризисов вширь и вглубь» (Критика буржуазных теорий ГМК. М., 1984. С. 25–26).

Опора именно на эти две теории и помогла вытащить из безнадежной ямы противоречий, несколько модернизировать марксистскую концепцию развития капитализма с его «загниванием», «обнищанием», «углублением антагонизмов». В результате теоретических исследований, базировавшихся на этих двух теориях, стало возможно объяснить и ускорение экономического роста, и повышение благосостояния широких слоев населения, и отсутствие больших кризисов, при этом не выходя за рамки марксистской парадигмы.

Такой подход позволил примирить догмы марксизма с реалиями развитого капитализма. Одним из примеров «примирения» была предложенная А.Г. Милейковским трактовка пресловутого «закона абсолютного и относительного обнищания трудящихся», который анализировался во многих учебниках, несмотря на его очевидные противоречия реальности. А.Г. Милейковский указывал, что этот закон преодолевается благодаря соревнованию двух систем, в ходе которого капиталисты вынуждены идти на уступки трудящимся. При таком объяснении от основных догм марксизма оставались только спасительное положение о «противодействующих тенденциях», благоразумно предусмотренных Марксом, и предположения, что по законам диалектики ГМК и НТР в конце концов придут в столкновение, обеспечив революционное преобразование капитализма, которое, подобно построению коммунизма, все более отодвигалось в далекое будущее.

Расставляя политические акценты в собственных работах и в публикациях, выходивших под его редакцией, Абрам Герасимович всегда умел показать, что современный капитализм — общество с неразрешимыми противоречиями, однако оно бурно развивается благодаря научно-технической революции, и заимствовать опыт этого развития Советскому Союзу совершенно необходимо. Вот почему исследование этого опыта и доведение результатов научных изысканий до правительственных инстанций (в виде докладных записок) не только было важной частью нашей работы, но и оправдывало более объективный анализ экономики капиталистических стран.

Надо сказать, что явные или не совсем явные изменения в подходах к анализу марксистской теории капитализма были связаны с острой политической борьбой во властных кругах. Это было время начавшейся разрядки международной напряженности, и в построении новой политической линии большое значение имела деятельность директора ИМЭМО Н.Н. Иноземцева, который особенно остро, а возможно даже трагически, ощущал растущее отставание Советского Союза от уровня жизни развитых капиталистических стран. Чтобы преодолеть это отставание, нужна была совершенно иная степень открытости во внешний мир. И именно в этом вопросе ключевую роль играла модернизация теории капитализма. Если в обществе открыто говорилось о разрядке и проводилась соответствующая политика, то внутри руководства шла жестокая политическая борьба, в которой позиции

противников разрядки были очень сильны. Можно сказать, что это была борьба между ретроgrадами и реформаторами.

В своей работе Н.Н. Иноземцев, крупный партийный деятель того времени, встречавший ожесточенное сопротивление со стороны догматически настроенной части партийной верхушки, имел в А.Г. Милейковском верного союзника. Н.Н. Иноземцев мог быть уверен, что для его политической линии Абрам Герасимович найдет именно то экономическое обоснование, которое позволит противостоять напору догматиков. Этих двух выдающихся людей кроме всего связывала большая дружба, в какой-то мере они даже дополняли друг друга. Некоторая суровость и жесткость стиля руководства Н.Н. Иноземцева сглаживалась мягкостью и дружелюбием А.Г. Милейковского, хотя в вопросах морали Абрам Герасимович был чрезвычайно щепетилен. Известно, например, что он выступил против исключения А.Д. Сахарова из Академии наук, несмотря на давление, оказывавшееся партией на академические круги.

В конце 70-х годов стало все более ощущаться, что догматизм в советской общественной науке побеждает, его наступление шло параллельно с ухудшением социально-экономического положения в стране, афганской войной, новым витком вооружения, кризисом в «социалистическом лагере». Взгляды А.Г. Милейковского, его попытки модернизировать марксизм встречали все более решительное сопротивление со стороны ревнителей прежней «теоретической чистоты». На смену разрядке снова пришла политика всестороннего противостояния капиталистическому окружению. Однако и в этой обстановке удавалось продвигаться вперед.

В этом очерке мне хотелось бы представить А.Г. Милейковского как человека, которому свойственны и достоинства, и недостатки, как человека своего непростого времени, умевшего смотреть в будущее. Конечно, память субъективна, избирательна, что-то забывается или кажется незначительным, что-то наоборот, высвечивается особенно ярко и преувеличенно. С приходом А.Г. Милейковского в ИМЭМО в работе сектора, состоявшего преимущественно из молодых ученых, наступил новый этап — этап коллективных исследований. Надо сказать, что к этому времени большинство молодых сотрудников института уже прошли суровую школу работы под руководством Л.А. Мендельсона, стремившегося подчинить всю деятельность сектора одной цели — созданию истории экономических кризисов — многотомного, к сожалению, незавершенного исследования самого Л.А. Мендельсона. Это была хорошая школа: многие накопили опыт и знания, защитили диссертации, в общем, были готовы к участию в коллективном творчестве как самостоятельные и самоценные ученые, к тому же, видимо, пришло время для подобного рода исследований. Ослабление железного занавеса, либерализация в 60-е годы, несмотря на продолжавшиеся взаимные угрозы, слабый рост экономических и культурных связей с Западом — все это требовало разностороннего анализа мирового капитализма, который после второй мировой войны обрел новое дыхание и никак не хотел «саморазрушаться».

Абрам Герасимович в силу своего характера, общительного, доброжелательного, обладавший чувством юмора, умевший улаживать конфликты и находить компромиссы, благодаря общей культуре и интеллигентности оказался именно тем человеком, который был просто предназначен для такого рода исследований.

Метод организации коллективной работы у Абрама Герасимовича был своеобразным: он никогда не навязывал собственного плана очередной работы и тем более свой точки зрения на ту или иную проблему. Это не значит, что у него такого плана не было. Каждое новое исследование начиналось с долгих обсуждений, трений и споров в коллективе, инициатива стимулировалась ненавязчиво, и это создавало творческую атмосферу, способствовало раскрытию потенциала каждого участника научного проекта. Может быть, именно поэтому в секторе общих проблем выросло столько зрелых, активно работающих ученых, возглавивших через некоторое время многие новые отделы института.

Результаты плодотворной научной работы коллектива нашли отражение в опубликованных под руководством и при участии А.Г. Милейковского монографиях «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах» (1967), «Буржуазные экономические теории и экономическая политика империалистических стран» (1971) (в те времена термины «империалистическая страна» и «развитая капиталистическая страна» были синонимами), «Критика современной буржуазной политэкономии» (1977), «Новые тенденции в государственно-монополистическом регулировании экономики главных капиталистических стран» (1984), «Критика буржуазных теорий ГМК. Проблемы „смешанной экономики“» (1984). И это не считая коллективных работ института в целом, в которых А.Г. Милейковский не только принимал личное участие, но и был научным редактором.

Теперь, с исторической дистанции, творческая биография и роль А.Г. Милейковского в развитии экономической науки 60–70-х годов видится гораздо более значительной. Тот небольшой научный коллектив, который вырос под крылом Абрама Герасимовича, находился поистине в особых условиях. Он был огражден от ледящего холода официоза, от постоянного надзора партийных идеологов, сохраняя обстановку, способствовавшую серьезным размышлениям. Постепенно, вне всякого идеологического контекста, сотрудники сектора стали публиковать авторские монографии, статьи, где главным было позитивное изучение капитализма. Сектор стал полем первичного освоения западной экономической мысли XX столетия.

Оглядываясь назад, можно утверждать, что А.Г. Милейковский сформировал свою научную школу — школу творческих, трудолюбивых, преданных профессии ученых. Эта школа возникла не путем навязывания взглядов «метра», а в результате создания особой атмосферы, особого воздуха, которым мы тогда дышали. Поистине это был воздух: пока им дышишь, его не замечаешь, когда он исчезает, осознаешь, как его не хватает. Многое, что вызывало раньше критику, недовольство и даже раздражение, сегодня оценивается иначе.

Абрам Герасимович любил устраивать частые заседания сектора (иногда казалось, слишком частые), на которых обсуждались планы, отдельные главы работ, впечатления о поездках кого-либо за границу. (У него был любимый вопрос: «Что вас больше всего там поразило?») Абрам Герасимович много говорил сам, делился своими мыслями и впечатлениями. Его обобщения всегда были оригинальны, глобальны, широки, выходили далеко за пределы чисто экономического знания, поскольку ученый изучал литературу по другим отраслям науки, читал художественные произведения и, конечно, газеты (а уж между строк Абрам Герасимович тоже умел читать).

Теперь особенно остро ощущаешь, как не хватает той атмосферы, которая создается уникальным сочетанием неординарности, таланта большого ученого и молодости окружавших его людей. Для Абрама Герасимовича сектор и его коллектив был не просто местом работы — это был второй дом, в котором жила большая шумная и порой своенравная семья. И не случайно, что праздники и дни рождения неизменно были поводом для «дополнительных заседаний», на которых Абрам Герасимович был так остроумен. Вина он не пил — только сок. Зато какие экспромты и тосты он произносил! Жаль, что их никто никогда не записывал, в них было столько живости ума, неожиданных каламбуров! Может быть, поэтому так легко слагались тогда своего рода «экономические поэмы», посвященные и коллегам, и самому Абраму Герасимовичу. Вот начало одной из подобных «поэм», сочиненной по случаю 60-летия Абрама Герасимовича.

*Абрам Герасимыч, ликуйте!
Сегодня Ода в вашу честь.
Ее для Вас я буду плесть.
Вы — член, Вы — корр., Вы — док., Вы — зав.
Вы — автор многих длинных глав.
Но был бы наш поэт не прав,
Когда б за это Вас хвалил
И в словословьи позабыл,
Что Вас мы любим за другое:
За Ваше сердце золотое,
За мудрость, чуткость, доброту,
За ум, отвагу и мечту.
Как сектор, став большой системой,
Включит другие подсистемы,
И как тогда из время она
Фурье введет к нам Сен-Симона,
Чтоб написать еще главу —
О. К. в двухтысячном году...*

(О. К. — это и есть пресловутый «общий кризис капитализма».)

К сожалению, время перестройки Абрам Герасимович встретил уже пожилым и больным человеком, но принял ее с энтузиазмом. В этом было больше чистой веры в чудеса науки и техники, в их способность преобразовать общество, объединенное людьми «доброй воли», чем трезвого анализа возможностей развития отнюдь не простой исторической ситуации, в которой оказалась страна.

В 1995 году Абрама Герасимовича Милейковского не стало. Не случилось «общего кризиса капитализма», более того, страны социализма оказались в числе стран с «переходной экономикой». Сектор не превратился в «большую семью», но остались люди, чья молодость прошла в творческом общении с интересным человеком. Многие ныне известные ученые-экономисты свои научные плоды вырастили именно в «оранжерее» Абрама Герасимовича. А молодежь 80-х первые уроки деидеологизации экономической науки получила, знакомясь с трудами ученых —

питомцев замечательного человека, подвижника экономической науки А.Г. Милейковского.

Основные труды академика А.Г. Милейковского

1. Милейковский А.Г. *Канада и англо-американские противоречия*. М., 1958.
2. *Международные отношения после второй мировой войны: В 3 т.* / Под ред. А.Г. Милейковского. М., 1962.
3. Милейковский А.Г. *Современный этап общего кризиса капитализма: Лекция*. М., 1974.
4. Милейковский А.Г., Никитин С.М., Шенаев В.Н. и др. *Экономический рост в условиях монополистического капитализма: проблемы и противоречия* / Отв. ред. А.Г. Милейковский, С.М. Никитин. М., 1975.
5. Пезенти А. *Очерки политической экономии капитализм: В 2 т.* / Пер. с итал.; под общей ред. А.Г. Милейковского и др. М., 1976.
6. Кейнс Д.М. *Общая теория занятости, процента и денег* / Ред. и авторы предисловия А.Г. Милейковский, И.М. Осадчая. М., 1978.
7. Милейковский А.Г., Румянцев А.М., Козлов Г.А. *Политическая экономия: Учебник для вузов. Т. 1*. М., 1978.
8. *Развитые капиталистические страны: социально-экономический справочник* / Сост. А.А. Гречихин, ред. А.Г. Милейковский. М., 1979.
9. *Основы политической экономии: В 3 т. Т. 1. Пер. с англ.* / Под ред. член.-корр. АН СССР А.Г. Милейковского. М., 1980.
10. Милейковский А.Г., Геретик Ш. и др. *Кризис современной буржуазной политэкономии*. М., 1980.
11. *Новые тенденции в государственно-монополистическом регулировании экономики главных капиталистических стран* / Отв. ред. А.Г. Милейковский. М., 1991.

И.М. Осадчая,
доктор экономических наук

**Николай
Николаевич
Иноземцев**

«ЖИЗНЬ! КАКОЕ ПРЕКРАСНОЕ СЛОВО!..»⁵⁶

Так напишет в своем фронтовом дневнике 4 апреля 1942 года старший сержант Николай Иноземцев. В этот день ему исполнится 21 год. Позади два с половиной года службы в Красной Армии, в которую он был призван в 1939 году студентом-первокурсником Московского энергетического института. Из них — почти десять месяцев войны (целых 270 дней), и какой войны!..

«Пройден путь от Сана (Северная Буковина. — М.М.) до Днепра, по горящей, кровоточащей Украине. Ценою жизни кадровых полков и дивизий выиграно время для продолжения войны. Смерть была рядом и в обороне, и в наступлении, и во время 100-километровых переходов, и во время двух-трехчасового сна. Познавалась истинная цена жизни, какой бы тяжелой она ни была, какие бы трудности ни приносила» (с. 90).

А ровно через год, и тоже в день своего рождения, в страшном по числу человеческих жертв сорок третьем, он отметит: «Мы изменились и внутренне, и внешне, характеры закалились и очень огрубели, но в глубине души мысли и чаяния прежние...» (с. 90). В те дни завершилась историческая битва под Сталинградом. Участвовать в ней Николаю не пришлось, его гаубично-артиллерийский полк, формировавшийся в Татищевских лагерях под Саратовом, в 250 километрах от Сталинграда, спешно был переброшен в Евлашево, подальше от линий фронта. Группировку БМ (большой мощности) берегли для решающих битв в будущем наступлении Красной Армии.

Оказавшись за пределами фронта, Николай страдает от «опротивевшей тыловой жизни», от сознания «собственной несамостоятельности, невозможности как-либо повлиять на ход событий, на действия самодуров с чинами...». Однако присущего ему оптимизма не теряет: «Ничего, если останемся живы, мы еще свое возьмем. Счастье будет рано или поздно и среди нас, ведь не зря же за него заплачено авансом такой дорогой ценой — ценой крови, трудностей, лишений, моральных переживаний...» (с. 91).

Судьба вскоре сведет Николая с героями-сталинградцами: он будет воевать с ними плечом к плечу на Орловском направлении, участвовать в мощном наступлении нашей армии на Брянском фронте. Из записок Николая Николаевича мы узнаем, что большая часть личного состава воевавшего в этих районах танкового полка «были москвичи-комсомольцы, получившие закалку под Сталинградом, где они получили и звание гвардейцев» (с. 98). Мужество и бесстрашие этих парней потрясает. Вот один из эпизодов, описанных Николаем.

«11 июля 1943 г. танкисты-сталинградцы прорывают оборону противника в районе населенного пункта Прогресс (восточнее г. Орла). Один из танков вырывается далеко вперед, он подбит и становится крепостью, отбиваясь от гитлеровцев до последнего снаряда. Когда же противник приблизился вплотную, истекающие кровью танкисты успевают передать по радиации:

⁵⁶ Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Вып. 2. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003, с. 5–18. В 1995 году дневниковые заметки Н.Н. Иноземцева были опубликованы в издательстве «Наука»: Н. Иноземцев. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М., 1995. Приводя фрагменты из дневника, мы указываем страницы по этому изданию.

— „Победа“, „Победа“ (позывные командного пункта полка). Я — „Ракета“, автоматчики вокруг нас кричат, чтобы сдавались, не беспокойтесь, живыми не сдадимся!

— „Победа“, „Победа“, я — „Ракета“, немцы сейчас подожгут.... В последний раз дайте по мне огонь! Передайте товарищам, как мы умерли... Я — „Ракета“, я — „Ракета“, прощайте, прощайте...» (с. 100).

Будучи заместителем командира, а затем командиром взвода разведки, Николай одним из первых узнавал о ходе военной операции во вверенном ему районе наблюдения. Отсюда та потрясающая «правда войны», которой нам все еще недостает и сегодня. Хочу напомнить, что солдатам и офицерам Советской Армии делать какие-либо личные записи, тем более связанные с ходом военных операций, решительно запрещалось. Надо ли говорить, как рисковал при этом автор.

Николай пройдет дорогами войны через Прибалтику, Вязьму, Рожаны, Толькемит, будет участвовать в штурме Кенигсберга, освобождении Пилау. Закончит же войну в германском городе Штеттин, где участием в торжественном параде своего полка 9 мая 1945 года отметит День Победы. Очень дорожил Николай Николаевич боевыми наградами: двумя орденами Отечественной войны I и II степеней, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Читатель, вероятно, будет удивлен, узнав, что фронтовые записки Н.Н. Иноземцева увидели свет лишь в 1995 году, накануне 50-летия Великой Победы, спустя полвека после окончания войны и почти через тринадцать лет после ухода из жизни самого автора⁵⁷. Дело в том, что Николаю Николаевичу довелось жить и работать в такое время, когда невозможно было опубликовать дневник, который он вел прежде всего для самого себя и на страницах которого откровенно и честно делился впечатлениями о подлинных событиях армейской жизни, по-своему их осмысливая и оценивая. Отступать же от «настоящей правды войны» он не хотел и не мог.

Уходит время... Ушли из жизни почти все однополчане, вместе с Николаем прошедшие суровые испытания войны. Но представителям старшего поколения и тем, кто сегодня имеет отношение к общественным наукам и политической практике, имя Николая Николаевича Иноземцева, наверняка, знакомо.

Академик, известный в стране и за рубежом ученый-международник, автор монографий, статей по мировому хозяйству и мировой политике, актуальным вопросам экономического и политического развития страны, по проблемам войны и мира, международной безопасности и сотрудничеству, он многие годы возглавлял Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Академии наук — крупнейший среди гуманитарных научных учреждений страны. Видный общественный деятель, депутат Верховного Совета СССР, кандидат, затем член ЦК КПСС. За заслуги перед государством в мирное время награжден тремя ордена-

⁵⁷ Разбирая личный архив Николая Николаевича, автор этих строк обнаружила его записные книжки военных лет, о существовании которых Николай никогда не говорил, несмотря на наше более чем пятнадцатилетнее знакомство (из них 11 лет супружеской жизни) и совместную работу в ИМЭМО, где в течение ряда лет мне довелось возглавлять Отдел международных экономических отношений, созданный по инициативе Н.Н. Иноземцева.

ми Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, стал дважды лауреатом Государственной премии (вторая присуждена посмертно).

Таков неполный перечень званий и заслуг Николая Николаевича. Может возникнуть вопрос: как, каким образом достиг он «подобных высот»? Были ли у него покровители? Сам он как-то признался, что в его жизни было «трое главных мужчин»: отец, тоже Николай Николаевич, которого он боготворил и который умер в 1945 году, за два месяца до возвращения сына из армии, фронтовой командир Тищенко, спасший его от Смерша, и академик А.А. Арзуманян, в институте которого он начинал свою научную карьеру. Все, что Николаю Николаевичу удалось сделать за сравнительно короткую жизнь, — результат его собственных усилий, его воли, неукротимого стремления реализовать себя.

Благоволила ли ему судьба? В общем, да. Природа наделила Николая Николаевича незаурядным умом, неистощимой энергией. Целеустремленность, страсть к работе, к жизни — органичные свойства натуры, данные ему от Господа Бога. Н.Н. Иноземцев родился в интеллигентной благополучной семье: его отец имел высшее коммерческое образование, многие годы работал экономистом в государственных структурах. Мать, Маргарита Сергеевна — талантливая художница, ученица известного русского живописца К.А. Коровина, ее картины выставлялись в Москве и Париже. От родителей Николай унаследовал огромное трудолюбие, ответственность за порученное дело, высокую порядочность, скромность, обостренное чувство долга, доброжелательность, любовь к книге, ко всему прекрасному, будь то живопись, музыка или театральное искусство. «Повезло» Николаю и со школой, которая считалась одной из лучших в Москве и в которой еще преподавали высококвалифицированные учителя дореволюционной России. Школу он окончил с одними пятерками, получив за отличные успехи Похвальную, грамоту.

Николай благодарил судьбу за то, что, пройдя через горнило Великой Отечественной, остался жив. Сам он говорил, что вряд ли смог бы выстоять, если бы не армейская закалка двух предвоенных лет. Как известно, первыми погибали на войне «необстрелянные» парни, попадавшие на фронт сразу же со школьной скамьи.

С завершением войны Николай принимает твердое решение заняться международной политикой. Поступает в Московский государственный институт международных отношений и делает все, чтобы наверстать время. Ему уже двадцать четыре, многие из его сверстников заканчивают вузы, и он спешит, очень спешит... Пытается одолеть сразу все. Штурмует не только обязательную в те годы марксистскую литературу (Ленина он прочтет «от корки до корки», с карандашом в руке, впервые откроет для себя то, что скрывали или не знали партийные лидеры и пропагандисты, а позже не раз будет «бить наотмашь» — любимое выражение Н.Н. Иноземцева — закоренелых догматиков их же оружием). Прочитает огромное число книг отечественных и зарубежных авторов по новой и новейшей истории, философии, внешней политике, международным отношениям. Прежде чем выбрать тему диплома «Американский империализм и германский вопрос» (она затем станет и темой его кандидатской диссертации), Николай с увлечением будет работать над архивными материалами по истории царствования Павла Романова.

Николай Иноземцев упорно осваивает английский, восстанавливает немецкий, берется овладеть французским, руководит научным студенческим обще-

ством, участвует в издании студенческого журнала, в который писали статьи наши будущие известные дипломаты, работает заместителем секретаря партийной организации. И сегодня, хотя прошло почти шестьдесят лет, Н.Н. Иноземцева хорошо помнят его однокурсники: одет в военную гимнастерку, модные в те годы галифе, всегда подтянутый, собранный, энергичный; умное, красивое лицо, гладко зачесанные назад густые черные волосы; уверенная походка (чуть-чуть «вразвалочку» — как-никак фронтовик, «знай наших»!), круглый отличник, блестящий оратор, всегда в гуще событий. Одно непонятно — когда и как все успевает?

Николай торопится, очень торопится, словно чувствуя, что судьба отпустит ему не такой уж большой срок. Он закончит институт с отличием на полтора года раньше положенного срока. За это время успеет жениться, стать отцом. Поступит в аспирантуру, одновременно начнет работать (надо содержать семью). Вскоре защитит диссертацию, опубликует первую книгу, получит звание доцента. В сорок один год он уже доктор наук, затем профессор. В сорок три — член-корреспондент Академии наук. В сорок семь — ее действительный член, самый молодой в те годы среди академиков-обществоведов. А годом раньше Н.Н. Иноземцев возглавит академический Институт мировой экономики и международных отношений, превратив его в одно из авторитетных научных учреждений, известных в стране и за рубежом своими либеральными идеями. Руководить им будет до конца своих дней.

Но обо всем по порядку. Многогранная научная деятельность Н.Н. Иноземцева началась с исследования проблем внешней политики и международных отношений.

Первая его капитальная работа в этой области «Американский империализм и германский вопрос» была в то же время первой советской монографией, в которой исследовался комплекс проблем, связанных с взаимоотношениями США и Западной Европы в послевоенный период, глубоко анализировались важнейшие направления внешнеполитического курса Соединенных Штатов в рамках послевоенной глобальной стратегии американского капитализма, показывалась неразрывная связь экономических и политических аспектов его деятельности на международной арене.

Исследование проблем внешней политики США Н.Н. Иноземцев продолжил и в других работах. В 1960 году им была опубликована обобщающая монография «Внешняя политика США в эпоху империализма», защищенная автором в качестве докторской диссертации. Как отмечалось в многочисленных рецензиях на книгу, этот фундаментальный труд отличался принципиально новой постановкой ряда проблем, умелым показом соотношения между экономикой и политикой.

В монографиях, статьях, в созданных под руководством ученого коллективных работах были выдвинуты новаторские теоретические положения о предмете и методе науки о международных отношениях. Неоценимый вклад в исследование этих проблем внесло изданное под научным руководством Н.Н. Иноземцева трехтомное исследование «Международные отношения после Второй мировой войны».

Неотъемлемой составной частью исследований ученого, особенно работ 70-х годов, стал анализ проблем экономического и научно-технического сотрудничества Советского Союза с зарубежными странами.

Весьма существенными для экономической науки стали содержащиеся в работах Н.Н. Иноземцева положения о международном разделении труда как важном факторе развития производительных сил во всемирном масштабе, о причинах усиления в современную эпоху интернационализации хозяйственной жизни.

Значительный вклад внес ученый в становление такого важного направления исследований, как прогнозирование тенденций и перспектив развития производительных сил, основных общественных процессов, международных отношений, что имеет теоретическое и практическое значение и в наши дни.

Помимо большой исследовательской работы, депутатских полномочий, к которым Н.Н. Иноземцев относился в высшей степени ответственно, ученый выполнял много других обязанностей. Ижевская областная партийная организация избирает его делегатом XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС. Он становится кандидатом, затем членом ЦК КПСС, работает в различных общественных комитетах и комиссиях.

Но больше всего ценил Н.Н. Иноземцев возможность участвовать в работе Президиума Академии наук, на заседаниях которого не раз выступал с докладами. Тесное общение с такими корифеями отечественной науки, как П.Л. Капица, Н.Н. Семенов, В.А. Энгельга, было для Николая Николаевича, без преувеличения, источником творческого вдохновения. После встреч с ними он возвращался домой воодушевленный, в приподнятом настроении, не уставая повторять: «Нет, не все потеряно, пока такие люди есть в России».

Вместе с другими учеными, в частности с академиками Г.А. Арбатовым, О.Т. Богомоловым, с политическим обозревателем А.С. Бовиным, Н.Н. Иноземцев будет участвовать в разработке материалов докладов и речей для высшего руководства страны. Николай Николаевич побывает во многих странах мира: в качестве официального представителя на ряде сессий ООН, других авторитетных организаций, возглавляя делегации на различных международных симпозиумах, форумах, встречах.

Тот груз обязанностей и ответственности, который нес на своих плечах Н.Н. Иноземцев, требовал огромного напряжения сил. За всем этим стоял не только большой интеллектуальный потенциал ученого, но и блестящий талант организатора, особенно ярко проявившийся в годы, когда Николай Николаевич руководил ИМЭМО.

Несколько слов о самом институте. В далекие 30-е годы под руководством известного в то время экономиста-международника Е. Варги был создан Институт мирового хозяйства. Накануне войны по требованию И.В. Сталина институт был распущен, а его сотрудники репрессированы как «враги народа». Спустя десятилетие после войны, в 1956 году, институт был восстановлен под нынешним названием во главе с академиком А.А. Арзуманяном, заложившим добрые традиции, которые сохранил и развил Н.Н. Иноземцев.

Под руководством Николая Николаевича ИМЭМО стал поистине уникальным научным учреждением не только и не столько по своим масштабам (в нем трудилось до 1000 сотрудников), сколько, прежде всего, по кадровому составу. Под крыло ИМЭМО были собраны едва ли не лучшие специалисты-международники в области

экономики и права, социологии и политологии (говоря современным языком), истории и военного дела. Особое внимание уделялось молодым ученым, обладающим аналитическими способностями. В аспирантуру приглашались выпускники не только университетов, но и ведущих технических вузов страны (физтеха, ВТУ им. Баумана и др.). Исследования велись по широкому кругу проблем, но прежде всего по экономике, внутренней и внешней политике, социальным отношениям развитых капиталистических и развивающихся стран.

Отличительной чертой работы института было то, что его деятельность не ограничивалась теоретическими изысканиями. Непременным требованием было доведение любого исследования до конкретных практических рекомендаций, касалось ли это экономики страны или ее международных позиций. Сотрудники Института не только публиковали научные монографии и статьи в академических журналах, но и работали над аналитическими материалами и записками (преимущественно закрытого характера), содержащими конкретные предложения в адрес руководства страны — от отраслевых министерств и ведомств до Генерального секретаря ЦК КПСС.

Ориентация исследований ИМЭМО на практические нужды государства требовала пересмотра многих устоявшихся марксистских догм и постулатов, переставших отвечать сложившимся реалиям. Разумеется, документы высших партийных органов формально все еще оставались для коллектива ИМЭМО «руководством к действию». Все мы, работавшие тогда в «институте Иноземцева» (так называли в те годы это научное учреждение), хорошо знали «правила игры». В то же время здесь была создана атмосфера научного поиска, широких дискуссий и обмена мнениями, которой не было, пожалуй, ни в одном другом институте, работавшем в области общественных наук. Играли роль встречи и контакты с учеными, представителями бизнеса, видными политическими и общественными деятелями зарубежных стран. Все это позволило сотрудникам института и его руководству выработать по ряду принципиальных вопросов позицию, основанную на признании объективной реальности, а не на догматических установках «сверху».

По инициативе Н.Н. Иноземцева и под его научным руководством был подготовлен коллективный труд «Политическая экономия современного монополистического капитализма». В книге были подвергнуты критике марксистские постулаты об абсолютном и относительном обнищании пролетариата, о безусловном приоритете первого подразделения в общественном производстве. Сформулированы новые подходы к оценке современной научно-технической революции, роли интеллигенции и среднего класса в обществе, таких новых явлений, как транснационализация производства и капитала, международная интеграция. Надо ли говорить, что появление книги было встречено в штыки ортодоксальными последователями марксизма из разных вузов. Тем не менее книга переиздавалась несколько раз, была отмечена государственной премией и стала учебником политэкономии, оказав немалое воздействие на формирование мировоззрения молодого поколения.

Именно в ИМЭМО родились такие новые научные направления, как прогнозирование экономического и политического развития капиталистических стран, научно-технического прогресса, мирохозяйственных связей, международных от-

ношений, исследование глобальных проблем мирового развития — предвестников нынешних процессов глобализации. Исследования в этой области потребовали разработки основных исходных теоретических установок, переработки громадного количества статистической и иной информации, оценки основных направлений научно-технического процесса, учета возможных изменений в международной обстановке. Подобные исследования, естественно, были закрытыми. Однако к ним имели доступ не только партийные «верхи», но и многочисленный аппарат Совмина, Госплана, Министерства иностранных дел, Минвнешторга, отраслевых министерств и ведомств. Весьма широкому кругу специалистов такие прогнозы «открывали глаза» на происходящие в мире процессы, заставляли задумываться над состоянием экономики в собственной стране.

Большой личный вклад внес Н.Н. Иноземцев в разработку предложений по ослаблению международной напряженности, сокращению стратегических вооружений, созданию системы европейской безопасности. Усилия в этом направлении не пропали даром. Подписание в 1979 году Хельсинского Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, как известно, положило начало современной внешней политике нашего государства.

Отмечая лишь некоторые вехи в деятельности Н.Н. Иноземцева и его института, не будем забывать: все, что удалось осуществить Николаю Николаевичу и его единомышленникам, — результат жесткой, подчас бескомпромиссной борьбы с косностью, серостью, а нередко и ограниченностью тех высокопоставленных партийных и советских чиновников, которые не видели или не хотели видеть серьезных перемен, происходящих в развитии мирового сообщества. Потерпев поражение в 60-е годы, годы «оттепели», ортодоксальные марксисты-ленинцы отнюдь не сложили оружия и всеми доступными и недоступными средствами пытались вернуть страну на путь сталинизма. Работая над подготовкой документов для руководства страны, Н.Н. Иноземцев и его товарищи часто «брали огонь на себя», противодействуя подобным попыткам, которые могли бы отбросить страну на многие десятилетия назад.

Противники перемен не простили Н.Н. Иноземцеву его новаторских идей. Когда Л.И. Брежнев оказался тяжело больным и уже с трудом удерживался у власти, группа партийных лидеров во главе с членом Политбюро ЦК В.В. Гришиным (и, как установлено, не без участия Ю.В. Андропова) развернула грязную кампанию вокруг Николая Николаевича и его института. Была организована тотальная проверка ИМЭМО, в которой участвовали представители едва ли не всех партийных структур — от райкома и горкома до ЦК КПСС. Завели «дело» на группу аспирантов, обвинив их в распространении «самиздата», некоторых из них отдали под суд (впоследствии всех оправдали). Готовилась разгромная статья в «Правде», в то время главной газете страны.

Николай Николаевич был не робкого десятка. Он с честью вышел из тяжелых испытаний фронтовых лет. Находил силы и мужество отбивать атаки ретроградов в чинах и без оных, коих в то время было предостаточно в партийной среде, во властных структурах. На этот раз сил не хватило — не выдержало сердце. 12 августа 1982 года, всего за три года до начала исторических перемен в жизни страны, Николая Николаевича не стало.

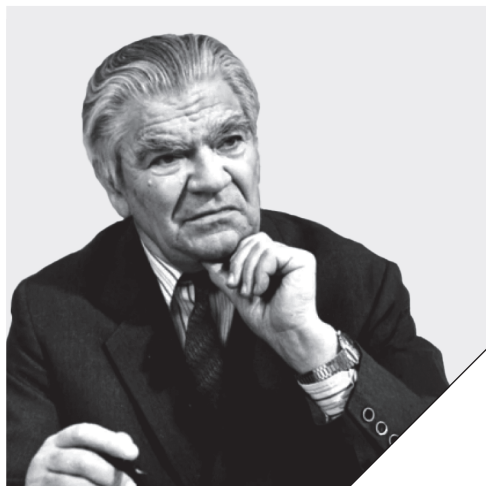
Так прошел свой далеко не простой жизненный путь Н.Н. Иноземцев. До конца дней своих Николай Николаевич оставался верен тем жизненным принципам, которые он выработал для себя в суровые годы войны. «Жить — это значит действовать, это — бороться, это — мыслить о новом... сознавать, что только ты сам можешь сделать жизнь нужной и интересной, сознавать, что в жизни основное — борьба. Борьба за себя самого, за свои принципы, за свое будущее, за будущее своей родины... Родина — это не только „сегодня“, но и „завтра“» (с. 229). Так закончил он свой фронтовой дневник в июне 1945 года.

Имя Николая Николаевича Иноземцева не забыто. Живет и работает его институт, его научные идеи находят продолжение в исследованиях учеников, а его друзья и товарищи собираются вместе в дни его рождения, чтобы почтить память отважного солдата, выдающегося ученого и большого патриота великой России.

Основные труды академика Н.Н. Иноземцева

1. Иноземцев Н.Н. *Американский империализм и германский вопрос (1945–1954 гг.)*. М., 1954.
2. Иноземцев Н.Н. *Внешняя политика США в эпоху империализма*. М., 1960.
3. Иноземцев Н.Н. *Международные отношения после Второй мировой войны: В 3 т. Т. 1. (1945–1949 гг.)*. М., 1962; Т. 2. (1950–1955 гг.). М., 1963; Т. 3. (1956–1964 гг.). М., 1965. (В соавторстве).
4. Иноземцев Н.Н. *Политическая экономия современного монополистического капитализма: В 2 т. М., 1970. (В соавторстве)*.
5. Иноземцев Н.Н. *Современный капитализм: новые явления и противоречия*. М., 1972.
6. Иноземцев Н.Н. *Научно-техническая революция и противоречия капитализма // Научно-техническая революция и социальный прогресс*. М., 1972. С. 263–274.
7. Иноземцев Н.Н. *Мир социализма и общие проблемы человечества // Политика и экономика: Международный ежегодник. Вып. 1979 г.* М., 1979. С. 6–16.

М.М. Максимова,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации

**Александр
Александрович
Никонов**

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АКАДЕМИКА⁵⁸

Вся жизнь академика Александра Александровича Никонова (19.08.1918 — 05.10.1995) — видного ученого-экономиста, аграрника, крупного организатора сельскохозяйственной науки, была отдана служению России и российскому крестьянству, которое он считал становым сословием государства, а сельское хозяйство — стратегической отраслью экономики страны. Выходец из крестьянской семьи, получивший фундаментальное сельскохозяйственное и гуманитарное образование, большой опыт политической и государственной работы, он все свои знания и духовные силы отдавал этому служению, видя в нем одно из главных, если не главное, призвание русского интеллигента. Начало научного рассмотрения крестьянского вопроса и разработки мер по улучшению крестьянского дела он относил к первым десятилетиям XVIII века. Анализ этой трехсотлетней традиции он посвятил свою последнюю монографию «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.)»; в рамках этой традиции написаны и другие его работы.

А.А. Никонов родился 19 августа 1918 года в деревне Зайково Вышгородской волости Островского уезда Псковской губернии (в местности на границе с Латвией).

Быт и духовная атмосфера крестьянской семьи сформировали основы его характера, определили в конечном счете жизненный выбор и профессиональные занятия. В автобиографии в 1994 году (за год до трагической кончины) А.А. Никонов писал: «Хозяйство деда и родителей по социальным меркам было середняцким. Батраков не нанимали и сами не батрачили. Хотя работали от зари до зари, все давалось большим трудом. Иногда арендовали на год несколько гектаров для посева льна — основной товарной культуры. Деревня представляла собою типичную крестьянскую общину с регулярным переделом земельных участков, по мере изменения состава семей, считая лиц обоего пола. В 1925 году была проведена земельная реформа по принципам П.А. Столыпина, община упразднена, все семьи вышли на хутора. Я жил на хуторе 15 лет. После раздела дедовского хозяйства у моих родителей было 12,5 га земли, включая пашню, луга, пастбища, лес. Угодья впоследствии были мелиорированы, посеяны травосмеси, созданы культурные луга и пастбища. Посажен сад. Хозяйство состояло в мелиоративном и кредитном товариществе, а также в кооперативе по использованию техники. (Моя деревня с ее хуторами в 70-е годы, как неперспективная, умерла, разделив судьбу 130 тыс. населенных пунктов России.)

С семилетнего возраста пас скот, с 12 лет участвовал во всех полевых и других работах (косил, пахал, заготавливал дрова и др.). Зимой учился. Каждый год на месяц опаздывал к занятиям из-за сельских работ. Это приходилось наверстывать. Окончил вначале четырехклассную школу в соседней деревне, затем шестиклассную и гуманитарную гимназию в городе Абрене (современное Пыталово). Эта была хорошая гимназия с высококвалифицированным преподавательским персоналом, многие из них имели степень магистра наук. Факультативно освоил стенографию,

⁵⁸ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки / РАН, Ин-т экономики, ВолГУ; редкол.: О.В. Иншаков (отв. ред.) [и др.]. — Вып. 5. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005, с. 20–37.

бухгалтерию, машинопись и основы кооперации (занятия проводились для желающих по вечерам)»⁵⁹.

Крестьянские университеты дополнялись, таким образом, классическим образованием. В 1939 году А.А. Никонов стал студентом ветеринарно-медицинского факультета Латвийского университета. Характеризуя короткие университетские годы, прерванные войной, он писал: «Мы были воспитаны на русской классической литературе и культуре, уважительно относились к культуре и образу жизни латышского народа. Ежегодно проводились „Дни русской культуры“, обычно совпадавшие с днем рождения А.С. Пушкина. Власти не чинили никаких препятствий культурной деятельности русских общественных организаций. В Латвийском университете были студенческие корпорации „Рутения“ и „Фратернитас арктика“ („Северное общество“), а также землячество ОРСЛУ (Общество русских студентов Латвийского университета). Землячество было более демократической и открытой организацией, чем корпорации, и мы с корпорантами не очень дружили. В этом обществе спектр политических взглядов был очень широким: от коммунистов, социалистов до либералов и монархистов при преобладании левodemократических элементов. Нас всех объединяла любовь к своей большой этнической Родине. Она укреплялась по мере обострения международной обстановки и возрастания опасности фашистского нападения на Россию. Особенно же усилилась после создания оси Берлин — Рим, а затем и треугольника Берлин — Рим — Токио. Нам импонировали идеи евразийцев. Мы знали и содержание речей Адольфа Гитлера на нюрнбергских сессиях нацистов, слышали их по радио, читали „Mein Kampf“, представляли себе угрозу для России, а равно и маленькой Латвии. Потому большинство из нас с первых дней войны оказались добровольцами в Красной Армии»⁶⁰.

«Расформированный батальон через Волховстрой, Вологду и Котельнич был направлен в город Нолинск Кировской области, а оттуда через некоторое время — в Гороховецкие лагеря Московского военного округа. В течение августа — октября, пройдя обучение в составе 201-й латышской дивизии, из лагерей мы были направлены под Москву, поначалу в 1-ю Ударную армию, затем в 33-ю армию. Участвовали в боях под Москвой. Прорыв фронта противника под Наро-Фоминском 20–23 декабря 1941 года был очень тяжелым, с огромными потерями. <...> За несколько дней боев под Наро-Фоминском <...> в батальоне (в котором доброволец А.А. Никонов был инструктором пропаганды (комиссаром) — А.П.), насчитывавшем 20 декабря 450 человек, к вечеру 23-го осталось в строю около 30. <...> За эти дни я получил ранение в руку, контузию и наконец тяжелое ранение с прострелом навилет правого легкого. После этого потребовалось госпитальное лечение в течение 11 месяцев в Апрелевке, Москве, Архангельском, Владимире и Кирове. Затем — полугодовая служба в запасном латышском полку 30-й Ивановской учебной бригады в тех же Гороховецких лагерях, после чего — шестимесячные курсы переподготовки политсостава МВО в Алешинских казармах»⁶¹.

⁵⁹ Никонов А.А. Автобиография // Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50–80-х годов и современная реформа в сельском хозяйстве. М., 2000. С. 213–214.

⁶⁰ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 245–247.

⁶¹ Никонов А.А. Автобиография. С. 214.

«В декабре 1943 года, — продолжал А.А. Никонов в автобиографии, — я был вызван в ГлавПУР Министерства обороны, и в связи с ограниченной годностью к строевой службе мне было предложено готовиться к работе на территории Латвии. Я был откомандирован в партизанский штаб. В силу неизвестных мне причин немедленная переправка через линию фронта была отложена и я был в оперативной группе при политуправлении 2-го Прибалтийского фронта. Несколько месяцев занимался работой среди войск противника в зоне латышского легиона „СС“ в составе двух стрелковых дивизий, базируясь при политотделе 10-й гвардейской армии.

В начале 1944 года был утвержден первым секретарем Абренского укома КПЛ и с началом освобождения территории уезда от войск противника в июле 1944 года приступил к исполнению этих обязанностей. В мае 1945 года утверждался первым секретарем Даугавпилсского укома КП Латвии, где работал в течение полутора лет»⁶².

За бои под Москвой А.А. Никонов был награжден орденом Красного Знамени, который он получил в госпитале из рук секретаря Московского горкома партии Щербакова. Именно этот орден он считал самым ценным и почетным из своих правительственных и общественных наград.

Вот выписка из Наградного листа инструктора пропаганды 122 стрелкового полка 201 Латышской стрелковой дивизии, добровольца Никонова А.А.: «Тов. Никонов, будучи прикреплен к 1-му батальону 122 полка, с первых шагов боевых действий батальона проявил исключительное умение организовать коммунистов, комсомольцев и беспартийных бойцов. Своим личным примером отваги и храбрости в боях с 19-го по 23-е декабря при занятии укрепленного района высоты 193, 8, 73 км жел. дор. Москва-Киев, а также Разъезда 75 км этой дороги, увлекал в бой красноармейцев. После ранения адъютанта батальона... который командовал батальоном, тов. Никонов по своей инициативе принял на себя командование батальоном и повел батальон в атаку. Будучи сам ранен в руку, после оказания ему помощи, немедленно пошел обратно в батальон и опять продолжал организовывать и вести красноармейцев в бой с проклятыми фашистскими оккупантами. Своим примером и действиями тов. Никонов обеспечил батальону успех в бою»⁶³.

Война стала важнейшим событием в судьбе А.А. Никонова, как и в судьбах миллионов и миллионов советских людей. На протяжении всей жизни он поддерживал связи с однополчанами, неоднократно обращался к военной теме в своем творчестве: Великой Отечественной войне посвящена специальная глава монографии «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.)», где охарактеризована роль крестьянства и сельскохозяйственной науки в войне, проанализированы уроки войны и причины нашей великой Победы.

В ноябре 1946 года А.А. Никонов избирается секретарем ЦК Компартии Латвии по сельскому хозяйству. С января 1951 по март 1961 года работает министром сельского хозяйства Латвии, при этом продолжая оборванную войной учебу. В 1952 году

⁶² Там же.

⁶³ Наградной лист инструктора пропаганды 122 стрелкового полка 201 Латышской стрелковой дивизии, добровольца Никонова А.А. к ордену Красного Знамени/ https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie10374511/.

он окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, в 1959 году агрономический факультет Латвийской сельскохозяйственной академии.

Как вспоминал А.А. Никонов, послевоенные годы в Латвии были трудным временем, как и по всей стране. Трудности послевоенного восстановления осложнялись проведением коллективизации сельского хозяйства, гражданскими распрями. Колхозное строительство, начавшееся весной 1947 года, приняло в марте 1949-го крайние формы после высылки за Урал, в Восточную Сибирь и Казахстан членов семей «кулаков».

«Нужна ли была столь жестокая и бесчеловечная акция? — писал А.А. Никонов. — Не только не оправдана она по морально-этическим и юридическим соображениям, но и по чисто хозяйственной целесообразности. Вывезены были зажиточные, опытные, культурные, образованные крестьяне, поставщики товарной продукции. <...> Политической опасности для существовавшего тогда общественного строя эти люди также не представляли. Их нельзя связывать с вооруженным движением “лесных братьев”, которых тогда называли бандитами, а сейчас в республиках Балтии — борцами за свободу против сталинизма»⁶⁴.

А.А. Никонов, находясь на ответственных партийных и хозяйственных постах, занимал позицию смягчения генеральной линии центрального руководства, необходимости учета конкретных условий республики: природных, исторических, демографических, экономических, культурных. «На деле же все подстригалось на один манер, выработанный в московских кабинетах. Это всегда раздражало, обижало и оскорбляло работающих и живущих в отличных от московских условиях»⁶⁵.

А.А. Никонов пишет: «После многократных личных просьб был освобожден ото всех руководящих государственных и партийных постов (министра, члена ЦК КПЛ и его бюро, члена Президиума Совмина республики). Основная причина — резко ухудшившееся состояние здоровья, более глубокая — травля со стороны А. Пельше, тогдашнего первого секретаря ЦК КПЛ, за мое несогласие по многим вопросам аграрной и других направлений проводившейся политики. В 50-е годы у меня произошла существенная эволюция взглядов от революционного романтизма с непоколебимой верой во все, что говорилось и писалось, в сторону критического осмысления действительности. Этому способствовал начатый мною обстоятельный анализ происходившего в деревне не по сводкам, а на основе системного социально-экономического изучения. Кроме того, все более кричащим был разрыв между словом и делом. Беспардонная некомпетентность и тотальный диктат были нетерпимыми. Свои взгляды и позицию я не скрывал, выражал их письменно и устно, пытаюсь реализовать на практике. Это создавало конфронтационную обстановку. <...> Некоторое время, до февраля 1963 года, работал старшим научным сотрудником отдела экономики Латвийского НИИ земледелия (где в 1962 году защитил кандидатскую диссертацию на тему „Специализация и концентрация производства в совхозах

⁶⁴ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы... С. 285.

⁶⁵ Там же. С. 287.

Латвийской ССР“ — А.П.). Но травля продолжалась, я был изолирован от актива, набор моей книги был рассыпан.

В ответ на мое обращение в руководящие органы СССР предоставить работу по специальности за пределами Латвии я был назначен директором Ставропольского НИИ сельского хозяйства, где бессменно оставался до ноября 1978 года, то есть почти 16 лет»⁶⁶.

Работа на Ставрополье стала одним из самых плодотворных периодов в жизни А.А. Никонова. «Приняв в 1963 году расположенный в трех строениях на пустыре институт, в котором работали менее 30 сотрудников и практически отсутствовала опытная и производственная база, Александр Александрович всего за 10 лет сумел превратить эту территорию в цветущий оазис, а учреждение — в мощный научный центр. К концу 70-х годов во вновь отстроенных корпусах института и его сети работали свыше 550 человек, в том числе около 90 кандидатов и докторов наук. Было приобретено современное лабораторное оборудование, сформирована великолепная научная библиотека, работала аспирантура, был выстроен благоустроенный поселок с производственной и социальной инфраструктурой, расцвели заложенные на 20 гектарах дендрарий и великолепный парк»⁶⁷. Основным направлением деятельности института стала разработка региональных отраслевых систем земледелия, кормопроизводства, садоводства. В 1973 году за работу «Экономические основы системы сельского хозяйства (на примере Ставропольского края)» А.А. Никонову присуждена ученая степень доктора экономических наук.

Руководителями края — Ф.Д. Кулаковым, Л.Н. Ефремовым, М.С. Горбачевым — предложения института последовательно поддерживались. О работе НИИ Александр Александрович пишет: «Один раз в год в институте проводились выездные заседания президиума краевого исполкома и бюро крайкома партии с участием всех руководителей районов, и мы отчитывались за свою работу фактически перед всем краем. Это помогало освоению наших разработок. Реализация обоснованных нами принципов позволила стабилизировать хозяйство Ставрополья, существенно поднять его продуктивность, смягчить удары стихии в виде жестоких засух и суховеев»⁶⁸.

Работа по экономическим проблемам разработки систем ведения сельского хозяйства, успехи Ставропольского НИИСХ выдвинули А.А. Никонова в число ведущих экономистов-аграрников страны. В 1975 году его избирают членом-корреспондентом ВАСХНИЛ, в 1978 году — академиком ВАСХНИЛ и академиком-секретарем Отделения экономики ВАСХНИЛ. В 1982 году он становится первым вице-президентом академии, в 1984 — президентом ВАСХНИЛ и действительным членом (академиком) АН СССР. Работа А.А. Никонова получила признание за рубежом. Он был избран членом Академии сельскохозяйственных наук ГДР (1985), почетным членом академий наук Венгрии (1988) и Латвии (1991), членом ряда научных организаций.

Большую исследовательскую и административную работу А.А. Никонов сочетал с преподаванием, читая лекции в Ставропольском сельскохозяйственном

⁶⁶ Там же. С. 216–217.

⁶⁷ Абалдов А.Н. А.А. Никонов — выдающийся организатор аграрной науки Ставрополья // Человек. Ученый. Патриот. Михайловск, 2003. С. 14–15.

⁶⁸ Никонов А.А. Автобиография. С. 217.

институте, а после перевода в Москву в 1978 году в течение почти девяти лет возглавлял кафедру планирования сельского хозяйства Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Первым крупным проектом, над которым А.А. Никонов работал в Москве, была подготовка Продовольственной программы СССР на 1982–1990 годы; он руководил экспертной группой ученых, работавших над концепцией и механизмами реализации Программы.

Среди других начинаний и аграрно-политических решений 80-х годов, к которым самым непосредственным образом был причастен А.А. Никонов, следует отметить следующие:

1. «Меры по повышению производительности труда в сельском хозяйстве на основе внедрения рациональных форм его организации и хозрасчета» в середине 80-х годов дали толчок широкому подрядному движению и развитию аренды, подготовили почву для возрождения крестьянских хозяйств и реформирования колхозов и совхозов. Вечную проблему колхозно-совхозной формы организации аграрного производства — стимулирование обобщественного труда А.А. Никонов предлагал решать путем изменения «структуры современного колхоза и совхоза. Она должна строиться на принципе кооперации самостоятельных хозрасчетных трудовых коллективов, за которыми на долгие годы... будет закреплена земля»⁶⁹.
2. Реабилитация А.В. Чаянова и его сподвижников в июле 1987 года. Она не только восстановила историческую преемственность в развитии аграрно-экономической науки и сделала широко доступными труды русской организационно-производственной школы, но и в конечном счете привела к пересмотру многих постулатов марксистско-ленинской аграрной доктрины, начатому рядом советских экономистов-рыночников еще в 60-е годы, а также позволила по-новому взглянуть на историю советского сельского хозяйства и крестьянства.

С реабилитацией А.В. Чаянова закончилось идеологическое единомыслие в советской аграрно-экономической науке; правилом стало многообразие точек зрения на аграрный вопрос, что позволило идеологически обосновать развитие многоукладной аграрной экономики.

3. Принятие новой редакции «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» (февраль 1990 г., Первый съезд народных депутатов СССР). Это первый правовой документ по денационализации земли, в котором устанавливалось право граждан на пожизненное наследуемое владение землей. Без преувеличения можно сказать, что им было положено начало земельной реформы в Союзе ССР. А.А. Никонов возглавлял рабочую группу, готовившую «Основы...».

Говоря о 80-х годах, следует подчеркнуть, что в то время аграрники-экономисты оказывали весьма заметное влияние на выработку аграрного курса: экономические и социальные проблемы села постепенно решались, а во второй половине 80-х годов сельское хозяйство довольно динамично развивалось.

В 1991 году начался новый этап российской истории. А.А. Никонов глубоко переживал распад Союза ССР. Как президент ВАСХНИЛ, пытался трансформиро-

⁶⁹ Никонов А.А. Улучшить качество продовольственного снабжения // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. № 8. С. 4.

вать академию в межгосударственный научный центр — Академию аграрных наук суверенных государств, возникших на постсоветском пространстве. Его инициатива, выдвинутая в ноябре 1991 года, была поддержана руководителями академий сельскохозяйственных наук России, Azerbaijan, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Туркменистана, Узбекистана, Украины, но после беловежских соглашений о прекращении существования СССР осталась нереализованной. 30 января 1992 года на базе ВАСХНИЛ и Всероссийской академии сельхознаук Указом Президента РФ создается Российская академия сельскохозяйственных наук, а А.А. Никонов становится директором созданного им еще в 1990 году Аграрного института.

Перу А.А. Никонова принадлежит более 300 печатных трудов. Прежде чем охарактеризовать основные положения творческого наследия А.А. Никонова, обратим внимание на особенности тематики его работ.

Первая из них заключается в нацеленности автора на постановку и решение крупных, фундаментальных вопросов аграрной теории и практики, вопросов, относящихся к разделу «вечных», которыми занимались экономисты разных времен, стран и школ:

- соотношение мелкого и крупного производства в сельском хозяйстве (именно этой теме во многом посвящена кандидатская диссертация А.А. Никонова);
- системы ведения сельского хозяйства;
- организация сельскохозяйственных предприятий;
- роль аграрной экономики и крестьянства в обществе и аграрная политика;
- организация аграрной науки.

Вторая особенность никоновских работ — преобладание в них социально-экономической проблематики, что особенно характерно для его исследований 80–90-х годов. В одной из статей 1989 года А.А. Никонов писал: «Долгие годы мы страдали „техногизмом“, делая ставку в науке и аграрной политике на развитие материально-технической базы, кардинально не меняя производственные отношения...» — и призывал исправить этот недостаток исследований. Мы можем сказать, что большинство работ А.А. Никонова принадлежат к так называемому социально-политическому направлению русской аграрно-экономической мысли, сформировавшемуся еще во второй половине XIX века, представители которого считали, что для преодоления в России перманентного сельскохозяйственного кризиса необходимо изменить основы нашего земельного и аграрного строя, а не производить в сельском хозяйстве технологические и организационные улучшения, хотя и они являются актуальными.

Центральная методологическая идея А.А. Никонова — необходимость применения в процессе экономических исследований сельского хозяйства системного подхода, что вытекает, с одной стороны, из самой природы отрасли, являющейся сложной, вероятностной, динамичной производственной системой, а с другой — из того, что она испытывает влияние большого числа внешних факторов. «Сельское хозяйство как система, — пишет А.А. Никонов, — состоит из большого количества компонентов, находящихся в различных взаимоотношениях, часто противоречивых и антагонистических. Каждая отрасль и отдельное предприятие находятся в горизонтальных и вертикальных связях с другими отраслями и пред-

приятными. Если сельское хозяйство в целом принимать как систему, народное хозяйство можно назвать суперсистемой, или надсистемой, отдельные отрасли сельского хозяйства (растениеводство, животноводство) по отношению ко всему сельскому хозяйству — подсистемами, имеющими, в свою очередь, собственные подсистемы, которые можно в иерархическом порядке продолжать по вертикали вниз, а также и вверх. В сельском хозяйстве постоянно происходят процессы дифференциации и интеграции. Оно находится в состоянии последовательного динамичного развития».

Всю совокупность факторов, влияющих на развитие сельского хозяйства, А.А. Никонов разделил на пять групп:

- 1) общественный строй страны, то есть господствующие производственные отношения;
- 2) потребности общества;
- 3) аграрная политика и методы руководства сельским хозяйством;
- 4) уровень научно-технического развития;
- 5) природные условия.

Основываясь на этом, если так можно выразиться, «пансистемном» подходе, коллектив Ставропольского НИИСХ под руководством А.А. Никонова (как уже отмечалось) разработал систему ведения сельского хозяйства Ставропольского края (1980 год), которая стала эталоном для аналогичных работ в других регионах, а в масштабе страны вылилась в подготовку Продовольственной программы СССР.

Второй по счету, но не по значимости методологический принцип А.А. Никонова — использование исторического анализа при рассмотрении любой крупной проблемы, которая попадала в поле его научных интересов. Например, при исследовании систем ведения сельского хозяйства он обращается к работам экономистов XIX века Тэера, Тюнена, Аэробоэ, Гольца, Людоговского, Скворцова, Ермолова и других. Анализируя проблему устойчивости, рассматривает труды Докучаева, Костычева, Советова, Измаильского, Стебута, Вавилова, Тулайкова, Дояренко.

Обращение к истории вопроса не было следствием любопытства или демонстрацией эрудиции автора. Проблема в историческом плане рассматривалась по существу, то есть преследовалась цель выяснить, как она трактовалась предшественниками при определенных исторических обстоятельствах, что помогало ее современному осмыслению.

Наиболее ярко исторический подход к изучению аграрной экономики воплощен в последней монографии А.А. Никонова, обобщившей 300-летнюю историю аграрной политики в России.

По нашему мнению, этой книгой А.А. Никонов открыл новое направление в российской аграрно-экономической науке — историческую аграрную экономику и продемонстрировал продуктивность трансформационного подхода к анализу сельскохозяйственных проблем.

Следующим методологическим принципом А.А. Никонова было обращение к мировому опыту решения того или иного вопроса. Он любил повторять слова великого Н.И. Вавилова, что ученый должен «стоять на шарике», то есть знать мировую литературу и применять эти знания в своей практике.

Творческим достижением А.А. Никонова в области методологии является, на наш взгляд, широкое использование социально-экономических экспериментов по совершенствованию производственных отношений и хозяйственного механизма в АПК. Подобного рода эксперименты проводились и ранее, но А.А. Никонов внес в эту практику существенные элементы новизны. Во-первых, если ранее в ходе экспериментов на отдельных предприятиях разрабатывались лишь элементы хозяйственного механизма, то под руководством А.А. Никонова проводились комплексные работы по совершенствованию всех его составляющих; в них вовлекались не отдельные предприятия, а целые сельскохозяйственные районы (экспериментальная работа по организации районных агропромышленных объединений в Прибалтийских республиках, Глазуновском районе Орловской области, Новомосковском районе Тульской области).

Во-вторых, эксперимент выступал не только формой апробации определенной научной концепции или идеи — главная его цель заключалась в получении новых знаний, в нахождении новых путей решения экономических проблем. В ходе эксперимента зарождались хозяйственные формы, которые не вписывались в существующую систему производственных отношений. Эксперимент выступал, таким образом, локальной реформой аграрных отношений. Так было, например, в Пыталовском районе Псковской области, где в недрах подряда зародилось фермерское движение и была организована первая в России районная ассоциация фермерских хозяйств. Аналогичные процессы развивались в ходе экспериментальных работ Аграрного института в Нижегородской области, где с благословения А.А. Никонова работал профессор В.Я. Узун.

Главной темой творчества А.А. Никонова, безусловно, была аграрная политика, ее история, стратегия и тактика, формы организации, критерии эффективности. По существу, в каждой работе ученого затрагивался тот или иной аграрно-политический аспект, так как А.А. Никонов был деятельной натурой и стремился увидеть осуществление своих научных концепций на практике.

В одной статье возможно остановиться лишь на основных (с точки зрения А.А. Никонова) принципах построения рациональной аграрной политики. К ним относятся:

- системность: раз сельское хозяйство — система, то воздействие на нее должно носить системный характер, затрагивать все аспекты сельскохозяйственной деятельности;
- приоритет человека, крестьянина при определении как целей политики, так и механизмов их реализации;
- опора на науку в ходе разработки стратегии и тактики политических решений, а также результатов их осуществления, что обеспечивает реалистичность политики.

Степень соответствия аграрной политики этим критериям обуславливает ее эффективность. Драма России, по мнению А.А. Никонова, состояла в том, что ни одна аграрная реформа (как частный случай политики) далеко им не соответствовала. Лишь в отдельные периоды нашей истории удавалось достигнуть адекватных аграрно-политических решений, и тогда в сельском хозяйстве наблюдался определенный прогресс.

Исходя из этих принципов, А.А. Никонов давал жесткие и отнюдь не положительные оценки аграрной реформе 90-х годов в России, хотя видел и обосновал ее необходимость. На Международной конференции в Орле 3 июля 1993 года он говорил: «Что же представляла собой наша аграрная сфера (до реформы 90-х гг. — А.П.)? Агропромышленное производство было крайне затратным, экстенсивным, дефицитным, со все возрастающим импортом продовольствия и огромными потерями собственной продукции. Оно нуждалось в глубоком реформировании. Наше село всегда было внутренней колонией и донором людских и материальных ресурсов для других сфер производства. Хотя вопросы сельского хозяйства всегда были в центре внимания всяких инструкций, принималась масса крупных и мелких решений, но в них было больше риторики. Наше сельское хозяйство долгие десятилетия „поднимали“, „развивали“, „модернизировали“, коллективизировали, „индустриализировали“, специализировали, концентрировали, ему „помогали“, над ним „шефствовали“, его опекали... А надо было просто не мешать крестьянину».

В 1989 году А.А. Никонов так формулировал основное содержание предстоящих преобразований: «Суть современной аграрной политики состоит в возвращении на землю крестьянина в классическом значении этого слова, который сочетал бы в себе качества инициативного работника и ответственного хозяина, в установлении прямой зависимости его материального положения от результатов собственного труда... в повсеместной замене бюрократических, командных методов управления методами экономического регулирования при полном использовании возможностей кооперации, хозрасчета и рынка»⁷⁰.

В докладе 1987 года А.А. Никонов писал: «Сущность современной аграрной реформы состоит в создании нового аграрного строя на основе приватизации земли и других средств производства с формированием широкого слоя самостоятельных крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов, реорганизации колхозов и совхозов с заменой директивного планирования экономическим регулированием и переходом на рыночные отношения. Мы не мыслим устранения государственного регулирования, но характер его принципиально меняется в сторону ухода от командования к созданию для предприятий благоприятных экономических, научно-технических и социальных условий»⁷¹.

Однако уже первые два-три года реформы показали, что ее цели не реализуются. И одним из первых об этом стал писать в своих работах А.А. Никонов. Он назвал происходящее в 90-е годы в России не реформой, а смутой — системным кризисом, проанализировал основные его проявления, наметил пути преодоления.

Именно в его работах отмечены главные недостатки аграрного реформирования, о которых затем стали писать и другие экономисты. Речь идет о неэффективности государственного регулирования АПК, ценовом диспаритете, нерешенности финансово-кредитных, налоговых и бюджетных вопросов, неразвитости рыноч-

⁷⁰ Никонов А.А. // Вестник сельскохозяйственной науки. 1989. № 5. С. 19.

⁷¹ Никонова А.А. Переходный период в сельском хозяйстве России и других государств бывшего Союза ССР: [Рукопись]. Подготовлена для выступления на ежегодной конференции экономистов-аграрников США в Балтиморе 10 августа 1992 г. Архив Всероссийского института аграрных проблем и информатики.

ной инфраструктуры (и прежде всего — вертикальной сельскохозяйственной кооперации), ослаблении внимания к социальным проблемам деревни, формальной реорганизации колхозов и совхозов и т.д.

Еще одной крупной темой творчества А.А. Никонова было науковедение. Он много размышлял о роли аграрной науки в обществе, занимался ее теорией, организацией и управлением научными коллективами и другими науковедческими проблемами.

Особенно важны выводы, к которым пришел А.А. Никонов, обобщая историю аграрных исследований в России:

1. Не допускать ни в какой форме монополизма какого-то одного направления.
2. Чутко прислушиваться к жизни, своевременно замечать ростки нового, пусть слабые, одинокие, но назревшие, с богатыми задатками.
3. Активнейшим образом использовать мировой опыт.
4. Ценить и беречь людей науки, заботливо их воспитывать, рационально использовать их труд, вовремя... поощрять»⁷².

Формой развития науки и одновременно свидетельством ее благополучия он считал наличие лидеров и научных школ. «Формирование научных школ — дело не одного дня или года, их не откроешь приказом по ВАСХНИЛ, министерству или агропрому, — писал он в 1989 году, — они могут вырасти в условиях демократичного, открытого, высокообразованного и культурного общества, где плюрализм мнений, свобода дискуссий, взаимное обогащение знаниями, умение слушать друг друга являются нормой жизни. Именно в такой среде родились Тимирязев, Вавилов, Чайнов, Кондратьев. Командно-бюрократическое управление обществом и наукой исключает саму возможность существования такой среды, а следовательно, и научных школ. Демократизация общественных отношений и создание правового государства в корне изменяют ситуацию. И мы должны воспользоваться этим, возрождать лучшие традиции отечественной науки, поддерживать все талантливое, формировать научные школы и направления»⁷³.

Эти установки не всегда удается претворить в жизнь, что подтверждается и опытом работы А.А. Никонова на посту президента ВАСХНИЛ. Академия стремилась укрепить свой статус независимой научной организации, но тематика ее сессий и проблематика исследовательских программ определялась в значительной мере в ЦК КПСС; в научных организациях (вслед за производственными коллективами) демократизировалось управление, развивался хозрасчет, но одновременно вместо отделений академии в конце 80-х годов были созданы отраслевые научные комплексы, управляемые головными институтами, которые стремились занять монопольное положение в науке; приоритетным направлением работы ведущих институтов объявлялись фундаментальные исследования, но нередко их сотрудники «бросались на прорыв» — на выполнение заданий директивных органов.

А.А. Никонов глубоко переживал эту ситуацию и стремился ее исправить.

⁷² Никонов А. Наука на путях перестройки // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. №2. С. 15.

⁷³ Там же.

Определенным воплощением его представлений и идей об организации научной деятельности стало создание в 1990 году Аграрного института. Принципы, положенные в основу его структуры и организации, были в тех условиях новаторскими, не потеряли они своего значения и сегодня:

- ориентация на исследование теоретических (фундаментальных) проблем аграрных отношений;
- развитие новых методов экономических исследований (социально-экономический эксперимент, мониторинг);
- «минимум персонала» при привлечении к работе сотрудников разных поколений, сочетание опыта и молодости;
- гибкая организационная структура, при которой основной исследовательской единицей института является творческая рабочая группа, временный научный коллектив, создаваемый лидером для решения определенной исследовательской задачи;
- постоянное повышение компетентности, культуры и электровооруженности труда сотрудников;
- широкая кооперация с научными коллективами России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья;
- участие института в различных научных и научно-просветительных организациях.

Созданный А.А. Никоновым Аграрный институт работает и по сей день. В 1996 году он был объединен с Всероссийским НИИ кибернетики АПК и носит название Всероссийский институт аграрных проблем и информатики. В 2002 году институту было присвоено имя его основателя — академика А.А. Никонова.

Институтом проделана определенная работа по сбережению научного наследия А.А. Никонова и увековечению памяти ученого.

Создан личный фонд академика А.А. Никонова в Государственном архиве экономики (бывший ЦГАНХ СССР) объемом свыше 4 тыс. единиц хранения. В ЦНСХБ и ТСХА в специальные фонды сданы книги личной библиотеки ученого.

Монография А.А. Никонова «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII–XX вв.)» разослана во все ведущие исследовательские институты академии и все сельскохозяйственные вузы страны.

Проведено несколько семинаров и конференций, посвященных памяти А.А. Никонова, в том числе за рубежом (в 1996 году Американская ассоциация экономистов-аграрников провела специальное заседание, посвященное творчеству А.А. Никонова).

На могиле ученого на Новодевичьем кладбище установлен памятник работы скульптура В.М. Клыкова (за счет средств РАСХН и хозрасчетных ресурсов института). Мемориальные доски в честь А.А. Никонова открыты на учебных корпусах Ставропольского аграрного университета и Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева.

Ежегодно проводятся Никоновские чтения, на которых обсуждаются актуальные аграрно-политические проблемы и намечаются планы исследовательских работ.

Основные труды академика А.А. Никонова

1. Специализация и концентрация производства в совхозах Латвийской ССР: Дис. канд. экон. наук. М., 1961. Рукопись. Архив Всероссийского института аграрных проблем и информатики.
2. Специализация и концентрация производства в совхозах Латвийской ССР: Автореф. Дис. канд. экон. наук. М., 1962.
3. Производственные типы колхозов и совхозов Ставрополя. Ставрополь: Кн. Изд-во, 1973.
4. Экономические основы системы сельского хозяйства. Ставрополь: Кн. Изд-во, 1976.
5. Система ведения сельского хозяйства Ставропольского края: Сб. / Под ред. А.А. Никонова, Ставропольский НИИСХ. Ставрополь: Кн. Изд-во, 1980. (А.А. Никоновым написано шесть глав)*.
6. Продовольственная программа СССР, ее задачи и пути реализации // Экономические науки. 1982. № 10.
7. Основные направления развития сельскохозяйственной науки в СССР // Достижения сельскохозяйственной науки. М., 1987*.
8. Развитие кооперации и решение продовольственной проблемы // Вопросы экономики. 1988. № 2.
9. Научное наследие А.В. Чаянова и современность // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. № 7.
10. Исторический путь ВАСХНИЛ и ее вклад в аграрную науку. М.: Энциклопедия российских деревень, 1993*.
11. Социально-экономические проблемы второго этапа аграрной реформы в Российской Федерации // Аграрная наука. 1994. № 1*.
12. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.

* Звездочкой обозначены работы, отмеченные А.А. Никоновым в Curriculum vitae 12.07.1994 как наиболее существенные.

А.В. Петриков,
ученик А.А. Никонова,
академик РАСХН, директор Всероссийского
института аграрных проблем
и информатики

**Николай
Прокофьевич
Федоренко**

УЧЕНЫЙ, ГРАЖДАНИН, ЧЕЛОВЕК⁷⁴

Имя Николая Прокофьевича Федоренко, известного экономиста, чьи заслуги перед отечественной наукой трудно переоценить, связано прежде всего с Отделением экономики АН СССР, которому ученый посвятил почти пятьдесят лет своей жизни, а двенадцать из них был его руководителем.

Н.П. Федоренко пришел в Академию в 1962 году, когда был избран членом-корреспондентом. Осенью того же года Анушаван Агафонович Арзуманян — первый академик-секретарь Отделения экономики, только что выделившегося из состава Отделения экономических, философских и правовых наук, пригласил его к себе заместителем. Со свойственной ему энергией Николай Прокофьевич сразу же взялся за работу, направленную на преодоление сложившейся в то время ситуации, когда экономические институты Академии наук занимались лишь толкованием партийных решений, пресловутой критикой буржуазных теорий и исследованием истории экономических учений, где главное место занимала разработка ленинского наследия в области политической экономии. По мнению А.А. Арзуманяна и Н.П. Федоренко, настала пора академическим институтам заняться настоящим делом. Этого требовало народное хозяйство, «оттаивавшее» после сталинского тоталитарного правления, отставшее в развитии от мировой экономики и нуждавшееся в реформах.

Однако, как рассказывает сам Николай Прокофьевич, от задумок до реализации идей расстояние оказалось непомерно большим. Почувствовав, что руки у него связаны «идеологическими кураторами» из высшего партийного руководства, и убедившись в невозможности осуществления своих «проектов», он «немного заскучал». И заскучал бы, наверное, совсем, если бы к тому моменту по инициативе группы ученых и при активном участии академика Василия Сергеевича Немчинова не был поставлен вопрос о создании в Академии института экономико-математических исследований. Эта идея захватила Николая Прокофьевича целиком, ее реализации он отдал все свои силы. Он навсегда останется в памяти современников и потомков одним из основателей целого направления в российской экономической науке, создателем научной школы, символом которой стало здание Центрального экономико-математического института с огромной каменной лентой Мебиуса на фасаде.

К руководству Отделением экономики Н.П. Федоренко вернулся в начале семидесятых, но уже в новом качестве — будучи действительным членом АН СССР, известным организатором науки.

Сам Николай Прокофьевич объясняет свой успех в жизни и науке просто: умеи и не ленись учиться, умеи выбирать учителей и не стесняйся питаться их мудростью и опытом. При этом он любит цитировать Исаака Ньютона: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов».

По-видимому, Н.П. Федоренко действительно повезло на учителей. Он часто вспоминает и своего первого наставника в деревенской школе, и таких светил науки,

⁷⁴ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 5. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. — С. 4–19. При подготовке очерка были использованы следующие материалы: Федоренко Н.П. Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. М., 1975; Летенко А.В. Академик Николай Прокофьевич Федоренко // Экономическая наука в современной России. 1998. № 1. С. 123–132.

как А.И. Каблуков, В.Р. Вильямс, С.Г. Струмилин и В.С. Немчинов. Но главное, думается, все же в том, что, уже став академиком, Николай Прокофьевич, по его собственному признанию, продолжал учиться не только у опытных руководителей научных коллективов — М.В. Келдыша, Н.Н. Некрасова, Н.Н. Семенова, А.Н. Несмеянова, у научных оппонентов, — но и у младших коллег.

Н.П. Федоренко родился весной 1917 года в бедной крестьянской семье в селе Преображенка на Запорожье, неподалеку от известного местечка Гуляй-Поле. Тяжелым трудом приходилось ему добывать одежку и обувь, чтобы было в чем пойти в школу в соседний городок Орехов. Он чудом выжил в голодную зиму 1932–1933 годов.

Стойкий и свободолюбивый казацкий характер, казацкая изобретательность и смекалка помогали не предаваться унынию даже в самые трудные минуты. Отсюда, наверное, и принесенная впоследствии в науку независимость мышления, неприятие навязываемых догм и авторитетов. Мстислав Всеволодович Келдыш, человек весьма проницательный, говорил о нем в зале заседаний Президиума АН СССР: «Ну вот, пришел наш махновец, можно начинать». Кстати, Николай Прокофьевич никогда против такого обращения не возражал, кажется, оно ему даже нравилось. Но от покосившейся хаты сельской школы до этого зала нужно было пройти длинный и тернистый путь: выучиться в сельхозтехникуме, преодолеть трудности поступления в Тимирязевскую академию (там Николай Прокофьевич впервые встретился со своим, как он считает, главным учителем В.С. Немчиновым), окончить Московский институт тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова, получить офицерское звание в Ворошиловской академии и, будучи уже капитаном военно-химической службы, отметить в поверженном Берлине в день Великой Победы свой двадцать восьмой день рождения...

В июне 1941 года, будучи студентом Московского института тонкой химической технологии (МИТХТ), Н.П. Федоренко проходил производственную практику на заводе твердых сплавов. Здесь его и застала война. Вместе с другими студентами института он записался добровольцем в народное ополчение и стал командиром отделения в дивизии народного ополчения имени Фрунзе, которую называли так потому, что она формировалась из добровольцев Фрунзенского района столицы. Пешим маршем дивизия, вооруженная винтовками, была направлена на запад, в сторону Белоруссии, и через некоторое время оказалась вблизи Вязьмы.

К счастью, дивизия не успела принять участие в кровопролитных сражениях под Вязьмой. Поскольку в войсках остро ощущалась нехватка командирских кадров, студентов-ополченцев стали отзывать в тыл и направлять в военные учебные заведения для подготовки инженерно-технического состава вооруженных сил. Студентов-химиков, среди которых оказался Н.П. Федоренко, по разнарядке военкомата направили в Академию химической защиты (позднее она была переименована в Военно-химическую академию), где ополченцы сначала прошли 12-дневные курсы военных химиков-разведчиков. И только после этого Н.П. Федоренко вместе с лучшими студентами МИТХТ был зачислен в Академию химической защиты в качестве слушателя. Поздней осенью 1941 года Академия химической защиты была эвакуирована сначала в Ташкент, а затем в Самарканд.

Слушателей Академии обучали технике и тактике ведения химической войны, организации химической защиты и взаимодействия с другими родами войск. Кроме

теоретических занятий, в пригородах Самарканда слушатели участвовали в учениях, максимально приближенных к условиям войны.

По окончании с отличием Академии Н.П. Федоренко получил звание лейтенанта и был направлен в годы войны в Москву в Главное военно-химическое управление Красной Армии. В его обязанности входила оценка рационализаторских предложений и изобретений. Как правило, это были усовершенствования фильтрующих устройств для противогазов, а также различные модификации фугасных и ручных огнеметов.

Химическое оружие во Второй мировой войне не было применено ни одной из сторон. Однако вероятность такого развития событий все время оставалась достаточно высокой. Доказательством может служить тот факт, что во время одной из поездок в освобожденные районы Белоруссии Н.П. Федоренко обнаружил немецкий склад с химическими снарядами. Несколько снарядов были отправлены на исследования, остальные уничтожены.

В конце войны Н.П. Федоренко как сотрудник Главного химического управления был командирован в Польшу, только что освобожденную от немецкой оккупации. Состояние химической защиты наступающих войск проверялось особенно тщательно, поскольку существовала реальная угроза химического нападения со стороны агонирующего фашистского режима.

В Берлин капитан Н.П. Федоренко попал сразу же вслед за наступающими частями Красной Армии. Перед ним была поставлена задача разобраться с химическим хозяйством немецкой армии и обнаруженными научно-техническими разработками в этой области. Он также принимал участие в подготовке предложений по использованию сохранившегося научно-технического потенциала военно-химической отрасли Германии. Одно из заданий состояло в том, чтобы найти разработки боевых отравляющих веществ в химическом центре, расположенном в пригороде Берлина — Шпандау. Результаты таких разработок были обнаружены, после чего вся техническая документация и реактивы были оттуда вывезены. В процессе обследования занятой нашими войсками немецкой территории Н.П. Федоренко удалось обнаружить в Кайзеровском институте Германской академии наук электронный микроскоп. В то время это был единственный в мире экземпляр. С помощью бывших сотрудников института микроскоп был тщательно упакован и отправлен в физико-химический институт Академии наук СССР.

Свой стаж экономиста Н.П. Федоренко отсчитывает с 1946 года, когда он буквально пробился в аспирантуру на кафедре экономики химической промышленности МИТХТ, которую тогда возглавлял будущий академик Н.Н. Некрасов. Поскольку Николай Федоренко имел инженерное образование, Н.Н. Некрасов не хотел брать его в аспирантуру, а когда тот продолжал настаивать, сформулировал ему тему вступительного реферата, как говорится, «на засыпку». Но со сложной темой, связанной с экономическими расчетами комбинированных химических производств, соискатель, к немалому удивлению своего «крестного», справился блестяще. Это был самый первый из множества барьеров на поприще экономической науки, которые Николаю Прокофьевичу приходилось преодолевать.

Н.П. Федоренко защитил кандидатскую диссертацию в 1949 году, однако содержащаяся в ней методика определения затрат и оценки эффективности продуктов, получаемых в комплексных химических процессах, была разработана с такой

исчерпывающей глубиной, что вот уже скоро пятьдесят лет как она используется на практике без каких-либо существенных корректировок. Изменились и отношения с Н.Н. Некрасовым, который оставил Н.П. Федоренко «в наследство» и свой курс экономики химической промышленности, и кафедру в МИТХТ. Николай Прокофьевич иногда с улыбкой вспоминает, как в 1968 году, уже будучи действительным членом АН СССР, заместителем председателя Секции общественных наук Президиума Академии, он, проголосовав за избрание Н.Н. Некрасова академиком, сказал ему: «А помните, Николай Николаевич, как Вы не хотели принимать меня в аспирантуру?».

Пройдя шаг за шагом путь от аспиранта до исполняющего обязанности ректора МИТХТ, Н.П. Федоренко стал ведущим специалистом в области экономики химической промышленности. В частности, на базе широчайшей серии расчетов применительно к области производств органического синтеза им был сделан существенный вклад в практическую реализацию идеи учета затрат в отраслях, сопряженных с химическим производством. Определенным итогом разработки этой проблемы стала докторская диссертация на тему «Основные проблемы экономики современной химической промышленности», защищенная в 1955 году.

Опубликованные Н.П. Федоренко в последующее десятилетие фундаментальные монографии «Экономика промышленности синтетических материалов» (1961) и «Вопросы экономики промышленности органического синтеза» (1967), посвященные сложным вопросам отраслевой экономики, до сих пор актуальны. Руководя Бюро Научного совета АН СССР «Экономические проблемы химизации народного хозяйства СССР», Н.П. Федоренко стал вдохновителем многих научных исследований, а его заслуги в развитии экономической теории были отмечены в 1970 году Государственной премией.

В истории развития отечественной химической промышленности имя Н.П. Федоренко связано не только с научными работами. На рубеже 50–60-х годов ему вместе с нобелевским лауреатом Н.Н. Семеновым удалось убедить тогдашнее высшее руководство развернуть в стране крупномасштабную программу химизации, благодаря чему сегодня Россия и бывшие советские республики имеют современную химическую промышленность. Для достижения этой цели использовались не только научные обоснования, публицистические выступления, но и «казацкие хитрости». Кто знает, не привези Н.П. Федоренко из-за границы в подарок Н.С. Хрущеву несколько нейлоновых рубашек, как задержалась бы организация отечественного производства синтетических волокон!

Новый этап в жизни Н.П. Федоренко начался в 1963 году, когда он возглавил коллектив ученых Центрального экономико-математического института АН СССР (ЦЭМИ), реализуя идеи выдающегося ученого-экономиста В.С. Немчинова. Не следует думать, что Николай Прокофьевич слепо следовал за своим учителем. Тот, кто присутствовал на первом заседании Ученого совета ЦЭМИ, где определялись основные направления исследований, помнят серьезную дискуссию, развернувшуюся между учителем и учеником. И.П. Федоренко настоял на том, чтобы большее внимание уделять прикладным исследованиям, и жизнь подтвердила его правоту.

В первые годы формирования ЦЭМИ, превращения разрозненных группок специалистов, собиравшихся «с бору по сосенке», в единое целое у Н.П. Федоренко появились два завидных прозвища: Собиратель Талантов и Иван Калита. И уже через не-

сколько лет ЦЭМИ занимал пятое место в мировой классификации научных центров. Это произошло во многом благодаря кадровой политике, которую сам Н.П. Федоренко определял просто: «научные заслуги, работоспособность плюс личная порядочность».

Накопление и обобщение опыта решения экономико-математических задач, выработка новых теоретических положений, приемов и методов экономического анализа позволили Н.П. Федоренко и его сподвижникам сформулировать основы и наметить пути поэтапной реализации единой системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ). Заметим, что некоторые шутливо расшифровывают эту аббревиатуру как Система Оптимизации Федоренко.

Н.П. Федоренко настойчиво отстаивал СОФЭ в научных дискуссиях, в многочисленных выступлениях в печати. Одна из первых фундаментальных работ в этой новой области исследований — его монография «О разработке системы оптимального функционирования экономики» (1968), ставшая значительным событием в экономической науке.

Идеи СОФЭ нашли развитие и в работах, выполненных под руководством Н.П. Федоренко и при его участии: «Комплексное народно-хозяйственное планирование» (1974), «Система моделей оптимального планирования» (1975), десяти томный труд «Вопросы оптимального планирования и управления социалистической экономикой» (1982–1985). Его монографии «Вопросы оптимального функционирования экономики» (1980) и «Некоторые вопросы теории и практики планирования и управления» (1979) были удостоены премии имени В.С. Немчинова. Можно сказать, что в этих работах была создана научная база комплексной системы разработки перспективных народно-хозяйственных планов, органически сочетающая программно-целевое, отраслевое и территориальное планирование.

В ряде работ, выполненных в возглавлявшемся Н.П. Федоренко коллективе ЦЭМИ, обобщен опыт, накопленный в процессе проведения теоретических и экспериментальных исследований по ряду дискуссионных вопросов, например, об учете в цене затрат, зависящих и не зависящих от объема выпуска, о глобальном и локальном критериях оптимальности, о принципе построения системы моделей оптимизации, о народно-хозяйственном аспекте размещения производительных сил и оптимизации развития регионов, об эффективности труда и уровнях оптимальных оценок.

Особой сферой исследований Н.П. Федоренко была и остается экономика природопользования. В его книге «Экономические проблемы оптимизации природопользования» (1973) впервые сформулированы принципиальные положения планирования качественного использования окружающей среды и управления этим процессом.

Большой интерес и положительный отклик отечественной и зарубежной научной общественности вызвали высказывания Н.П. Федоренко о единстве и взаимовлиянии естественных и общественных наук, об экономике как комплексной динамической системе, где все элементы взаимосвязаны и диалектически развиваются. Именно осмысление связи между природной средой, человеком и машинами как составными частями комплекса подводит нас к пониманию сути взаимоотношений человека, производственных и информационных процессов в завтрашнем мире.

Пусть молодой читатель не думает, что идеи Н.П. Федоренко, его коллег и соратников воспринимались и оценивались двадцать-тридцать лет назад так же, как мы оцениваем их сегодня. Поскольку представители экономико-математического на-

правления решительно выступали против догматизма и начетничества, царивших в ту пору в официальной экономической науке, они подвергались всяческому преследованиям: их дискриминировали при публикации работ, на них обрушивалась разносная критика и навешивались политические ярлыки, среди которых «анти-марксизм», «буржуазный субъективизм» или «рыночный социализм» были не самыми убийственными. Впрочем, от обвинений в «рыночном социализме» Н.П. Федоренко и его коллеги не отбивались. Действительно, тот, кто внимательно читал труды о СОФЭ, мог заметить, что в них проклевывались ростки будущих реформ. И если бы эти ростки не были затоптаны, то наша нынешняя экономическая перестройка, думается, могла бы быть более успешной.

Надо было обладать гражданским мужеством, убежденностью и верой в свою правоту, бойцовским характером, чтобы в тех условиях продолжать исследования, не дезертировать с переднего края науки. И в «столетней» войне с ретроградами из Госплана и ортодоксами от политэкономии, и в битве за присуждение Ленинской премии Л.П. Канторовичу, В.С. Немчинову, В.В. Новожилову, и в «мелких стычках» по защите своих коллег и созданию для них нормальных условий жизни — везде Н.П. Федоренко если не выходил победителем, то не капитулировал, не признавал себя побежденным.

Выдержали Н.П. Федоренко и его команда жестокий идеологический погром, учиненный после июньского Пленума ЦК КПСС 1983 года, на котором главный идеолог КПСС К.У. Черненко обвинил ЦЭМИ в том, что в его деятельности якобы «наглядно проявились недостатки, в той или иной степени свойственные и некоторым другим научным учреждениям: замыкание в собственных „диссертационных“ и групповых интересах, мелкотемье, слабость в них партийного влияния»⁷⁵.

«Избиение» проводилось по грязной, но интересной технологии: сначала выдвигались обвинения и делались «оргвыводы», а потом приезжали комиссии для сбора «фактуры», их подтверждающей. Напряжение было предельным, но ЦЭМИ все же перенес и это. Институт, выстояв, возродился «един в четырех лицах»: были сформированы сначала три полноценные «дочерние» структуры, а затем и еще одна. Чего все это стоило Н.П. Федоренко, знает только он и его жена и верная подруга Нина Владимировна. Может быть, когда-нибудь он расскажет об этом сам, но те, кто когда-то пережил эти события, навсегда сохранят чувство искренней благодарности своему руководителю.

Трудно переоценить заслуги Н.П. Федоренко как академика-секретаря Отделения экономики и члена Президиума Академии наук. Должность академика-секретаря была и остается до сих пор не столько почетной, сколько хлопотной. Забот, ответственности у Н.П. Федоренко хватало с избытком, поскольку уже тогда хозяйство это было и большое, и беспокойное.

Естественно, основное внимание нужно было уделять координации работы главных центров экономических исследований, какими были академические институты общесоюзного значения. В период работы Н.П. Федоренко в Отделении были созданы новые научные организации: Институт Дальнего Востока, Институт США и Канады, Институт социально-экономических проблем (г. Ленинград), Институт эко-

⁷⁵ Черненко К.У. Народ и партия едины // Черненко К.У. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1984. С. 348–349.

номики Уральского научного центра (г. Свердловск). К моменту завершения его деятельности на этом посту, по существу, были сформированы или подготовлены условия образования таких объектов, как Институт народно-хозяйственного прогнозирования, Институт проблем рынка, Институт Европы, Институт социально-экономических проблем народонаселения (впоследствии научные организации, занимавшиеся международной тематикой, выделились в самостоятельное Отделение).

В сферу влияния Отделения экономики попадали не только академические институты, но и другие экономические исследовательские организации — институты Госплана, экономические институты функциональных и отраслевых министерств и ведомств страны. Отделение не оставляло без внимания и вузовскую экономическую науку, представленную десятками специализированных экономических институтов и факультетов государственных университетов, многочисленными экономическими кафедрами в инженерно-экономических, технических, сельскохозяйственных, строительных и других вузах страны.

Отделение экономики заботилось и об издании работ, отражающих результаты научных исследований, а значит, нужно было постоянно держать в поле зрения деятельность специализированных издательств и множества журналов.

Решить все задачи, стоявшие перед Отделением экономики, опираясь только на собственный аппарат, включавший полудюжину сотрудников, было, конечно, невозможно. Поэтому Н.П. Федоренко большое внимание уделял работе проблемных научных советов, создававшихся для объединения и координации усилий ученых, занимавшихся исследованием наиболее актуальных проблем.

Простой перечень «дополнительной нагрузки», которую Николай Прокофьевич в разное время выполнял, руководя ЦЭМИ и Отделением экономики (а многое он выполняет и по сию пору), занял бы полную журнальную страницу: председатель, заместитель председателя или член восьми научных советов, четырех комиссий и секций Академии наук; главный редактор журнала «Экономика и математические методы»; заместитель председателя Экспертной комиссии по премии имени Н.Г. Чернышевского; председатель Экспертной комиссии по присуждению Золотой медали имени К. Маркса; член Коллегии Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике; заместитель председателя Межведомственного научного совета по проблемам ценообразования Государственного комитета цен Совета Министров СССР и АН СССР; член Пленума Высшей аттестационной комиссии по общественным и гуманитарным наукам; заместитель председателя Научного совета по проблемам научно-технического и социально-экономического прогнозирования АН СССР и Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике; «и прочая, и прочая, и прочая...».

И это далеко не все. А главное — везде приходилось работать, а не сидеть «свадебным генералом». Так что не так уж легка «шапка академика», как думают некоторые.

Конечно, основное время Н.П. Федоренко отдавал работе в Научном совете АН СССР по комплексной проблеме «Оптимальное планирование и управление народным хозяйством», который был создан в июне 1967 года путем слияния трех советов «Применение математики и вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании», «Научные основы планирования и организации общественного производства» и «Совершенствование методов и показателей народно-хозяйственно-

го планирования». Вновь образованный Совет координировал работу институтов Академии наук СССР, почти всех институтов экономики и кибернетики академий наук союзных республик, НИЭИ и ГВЦ Госплана СССР, НИИ ЦСУ СССР, НИИ труда, МГУ, ЛГУ, НГУ и многих других высших учебных заведений, научно-исследовательских и проектных организаций практически всех министерств и ведомств.

Н.П. Федоренко исходил из того, что подлинной основой координации работы может быть только комплекс научных идей, способных объединить тысячи специалистов в коллектив, добивающийся единой цели. Такой целью, по его мнению, было создание автоматизированной системы оптимального планирования и управления народным хозяйством страны.

Преимущества организации и координации исследований в рамках проблемных Научных советов заключались в том, что ученые, научные учреждения объединялись, во-первых, на демократических принципах, а во-вторых — на основе общей заинтересованности. Широкий и свободный обмен мнениями, разнообразные форумы: школы, семинары, симпозиумы, всесоюзные конференции, материалы которых регулярно публиковались, — все это способствовало привлечению известных ученых и талантливой молодежи к решению актуальных вопросов экономической науки, поскольку позволяло постоянно быть в курсе всего нового, давало возможность «на людей посмотреть и себя показать», без чего нормальный научный процесс невозможен. Наверное, и поэтому, и благодаря кипучей деятельности Н.П. Федоренко уже в 1968 году число организаций, исследования которых курировались советом, составило примерно 500. Для координации деятельности такого большого научного сообщества совет создал 13 проблемных и 16 территориальных секций, возглавлявшихся известными учеными.

Особой заботой Н.П. Федоренко было содействие развитию экономико-математических исследований по всей стране. Мероприятия совета (в основном это были семинары, школы-семинары, конференции, а также научно-координационные совещания) проводились на Украине, в Армении, Эстонии, Узбекистане, Таджикистане и других республиках. Неудивительно, что в так называемом ближнем зарубежье не только знают труды Н.П. Федоренко, но и хорошо помнят его самого, его зажигательные речи и добрую, лукавую улыбку.

Работы Федоренко широко известны и в дальнем зарубежье. Его монографии и статьи переведены на многие языки. С идеями Н.П. Федоренко знакома научная общественность Франции, США, Финляндии, Канады, Мексики, Кубы, Польши, Венгрии, Германии, Югославии, Японии. Н.П. Федоренко — участник крупных международных научных конференций, в том числе мировых конгрессов Международного эконометрического общества (МЭО) и Международной экономической ассоциации, международных конгрессов и конференций по межотраслевому балансу, по производительности и другим вопросам. Н.П. Федоренко избран почетным членом МЭО, ему присуждена степень доктора *honoris causa* Женевским университетом и Высшей школой планирования и статистики в Варшаве.

Большая роль принадлежит Н.П. Федоренко в подготовке научных кадров. Ставка на молодежь, горячее желание работать с ней всегда отличали его научно-административную деятельность. Им подготовлено более ста кандидатов наук, десять докторов наук. Некоторые из сегодняшних лидеров отечественной экономической науки

считают себя его учениками. «Птенцы гнезда ЦЭМИ» успешно работают сегодня на самых высоких должностях и пользуются заслуженным авторитетом не только в России.

Заслуги Н.П. Федоренко отмечены государственными наградами: орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, многими медалями. Он награжден орденом «За заслуги перед Отечеством».

Это награды официальные. А Николай Прокофьевич давно уже имеет еще одну награду, которая, на наш взгляд, не менее, а может быть, и более ценна. Речь идет о его популярности в истинном и буквальном значении этого слова. Думается, что это признание он получил за особое отношение к людям.

Николай Прокофьевич пишет в своих пока еще не опубликованных воспоминаниях: «Необязательно любить всех людей как самого себя, но выискивать в них положительные черты, прощать малые недостатки и невинные слабости, поддерживать в трудную минуту, поощрять полезную для общества деятельность, быть деликатным и тактичным — это правила не только для руководителя, но и для любого, кто работает в коллективе. Еще в раннем детстве я усвоил золотое правило “Будь сам человеком, и вокруг тебя будут люди”. Несмотря на то, что изредка это правило подводило меня (бывают исключения!), я его придерживался, придерживаюсь и буду придерживаться всегда. В конце концов, пример ЦЭМИ эту мою правоту доказал. Наверное, следует признать, что я сам, конечно, далеко не ангел с крылышками, иногда мне приходилось с некоторыми коллегами и подчиненными, среди которых были и весьма неординарные и талантливые ученые, обходиться довольно круто. Но делал я это всегда вынужденно, скрепя сердце, и только тогда, когда этого требовали интересы общего дела, в том числе интересы моего любимого детища — ЦЭМИ».

Думается, такие слова ученого объясняют многое. Однако следует отметить и еще одно человеческое качество Н.П. Федоренко — готовность прийти на помощь нуждающемуся или незаслуженно обиженному человеку. Николай Прокофьевич никогда не ждал и не ждет, когда кто-то обратится к нему с просьбой, а услышав о чьей-то нужде или беде, всегда спрашивает: «Чем я могу помочь?» Многие помнят, как он кого-то вывел из-под административного или идеологического «топора», кому-то «выбил квартиру», кого-то просто вовремя поддержал добрым словом.

Кстати, до сих пор жива в коллективе ЦЭМИ история о том, как Николай Прокофьевич получил в подарок шерстяные носки, связанные институтской вахтершей, которой он помог в лечении тяжело больного сына. Если целы те носки, они достойны лежать на одной полочке с орденами и медалями академика.

Про Н.П. Федоренко говорят, что он жизнелюб, и он с этим согласен. Нередки были в его судьбе трудные дни и критические часы, но он никогда не опускал рук. Как он сам говорит: «Любить жизнь — это значит непрерывно учиться, трудиться и не унывать, а возненавидеть ее можно только вследствие апатии и лени. Я не ждал от жизни подарков, и сам делал ее. Думаю, кое-что получилось, и мне есть что вспомнить».

Уважение и любовь окружающих снискала Н.П. Федоренко та особая простота, которой отличаются выдающиеся личности: простота мудрости, справедливости и демократичности.

Николай Прокофьевич сегодня уже не так часто бывает в созданном им институте, но как только он появляется в кабинете, на двери которого прикреплена табличка «Почетный директор ЦЭМИ», его окружают ученики и коллеги. Кого-то привело дело, а кто-то просто зашел, чтобы еще раз выразить свою симпатию и уважение, пожелать доброго здоровья. В эти дни дверь кабинета не успевает закрываться, деловой шум и добрый смех за нею — как в прежние годы.

Слова известного французского писателя-моралиста Жана Лабрюйера как будто сказаны про Н.П. Федоренко: «Ложное величие неприступно. Так как оно чувствует себя слабым, то прячется или по крайней мере не показывает себя с лица: оно показывает себя лишь настолько, сколько нужно для того, чтобы произвести впечатление и не обнаружить своего истинного ничтожества. Истинное величие свободно, кротко, доступно и популярно»⁷⁶.

Основные труды академика Н.П. Федоренко

1. *Экономика промышленности синтетических материалов*. М., 1961, 1967.
2. *О разработке системы оптимального функционирования экономики*. М.: Наука, 1968.
3. *Проблемы оптимального функционирования социалистической экономики* / Под ред. Н.П. Федоренко. М., 1972.
4. *Комплексное народно-хозяйственное планирование* / Под ред. Н.П. Федоренко. М., 1974.
5. *Система моделей оптимального планирования* / Под ред. Н.П. Федоренко. М.: Наука, 1975.
6. *Математика и кибернетика в экономике: Словарь-справочник* / Под ред. Н.П. Федоренко. М.: Экономика, 1975.
7. *Оптимизация экономики*. М.: Наука, 1977. (Удостоена премии им Г.М. Кржижановского.)
8. *Некоторые вопросы теории и практики планирования и управления*. М.: Наука, 1979. (Удостоена премии им. В.С. Немчинова в 1981 году.)
9. *Вопросы оптимального функционирования экономики*. М.: Наука, 1980. (Удостоена премии им. В.С. Немчинова в 1981 году.)

А.В. Летенко,
кандидат экономических наук

Р.М. Качалов,
доктор экономических наук

⁷⁶ Лабрюйер Ж. Характеры и нравы этого века. СПб., 1890. С. 74.

**Лев Маркович
Гатовский**

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ⁷⁷

Лев Маркович Гатовский родился 26 июля 1903 года в Минске.

Уже с молодых лет его трудовая и научно-просветительская деятельность определялась социальной активностью и была тесно связана с растущим интересом к общественным наукам. В 1920–1922 годы, еще до поступления в вуз, Л.М. Гатовский преподает политическую экономию в Центральной партийной школе Минска, являясь одновременно заведующим Отделом ЦК комсомола Белоруссии.

В 1922 году он поступает в Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. В течение 16 лет своей жизни Лев Маркович будет связан с этим институтом, пройдя путь от студента до преподавателя. Будучи профессором Института им. Г.В. Плеханова, он занимал профессорскую должность и в Институте Красной профессуры, заведовал кафедрой Планового института в Плановой Академии.

Дальнейшая его трудовая и научная деятельность была связана с Институтом экономики АН СССР (заведующий сектором), с Госпланом СССР (начальник отдела), с ЦСУ СССР (член комиссии).

В 1939 году Л.М. Гатовский становится заместителем директора Института экономики АН СССР.

Реализации больших научных планов помешала война. В 1941 году Лев Маркович уходит на фронт. Вот как вспоминает военные годы дочь ученого, Елена Львовна Беляева: «Я помню воскресный летний день 22 июня 1941 года. Мы были на даче в Кратово. Мне было 7 лет. Я видела, как мои родители, наши друзья и соседи молча, с небывалой серьезностью сидели около хрипевшего радиоприемника и, не отрываясь, напряженно слушали. За обедом папа был очень бледен и необыкновенно мрачен. Он не притронулся к еде, а я все спрашивала, что это такое. Он отмалчивался, а потом сказал: „Это война“». Конечно, я тогда не понимала трагического смысла этого слова. К вечеру у меня был жар, температура — 40. Рано утром мама бросилась искать доктора, но уже все врачи были мобилизованы. Старенький врач, дачник, сказал, что у меня корь, и лечил меня, пока мы с мамой оставались на даче.

Отцу было 38 лет, но он был уже доктором наук, профессором и имел освобождение от военной службы, «броню», как тогда говорили. Но он сразу пошел добровольцем в армию и был назначен военным корреспондентом в редакцию газеты «Красная Звезда». Он круглосуточно находился в редакции газеты, периодически ездил на фронт в качестве военного корреспондента.

Когда в Москве начались круглосуточные налеты вражеских бомбардировщиков, мы с мамой поселились у нашей родственницы, которая жила в центре, рядом со станцией метро «Охотный ряд», где, как и на других станциях, были устроены бомбоубежища со множеством матрацев и раскладушек. Услышав сирену, все бежали в метро и ждали, когда по радио объявят: «Угроза воздушного нападения миновала. Отбой!».

Из Москвы уходили эшелоны, эвакуируя женщин, детей, стариков. Мы с мамой уехали в одном из последних поездов из-за моего воспаления среднего уха — ослож-

⁷⁷ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 3. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. — С. 25–45. При подготовке очерка были использованы материалы заседания круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Л.М. Гатовского: К 100-летию Гатовского Льва Марковича (1903–1997 гг.): Круглый стол, 25 декабря 2003 г. / Ин-т экономики РАН. М., 2003.

нение после кори. Мама решительно сняла с меня повязку с компрессом, иначе меня не пустили бы в поезд. В вагоне не было лежачих мест, все сидели с чемоданами и сумками. Папа нас провожал. Уже после войны он рассказывал мне, о чем думал тогда на перроне: он был уверен, что больше нас никогда не увидит, он даже спрятал все наши фотографии — не мог смотреть на них без слез.

Положение было отчаянное, наши войска отступали, фашисты быстро приближались к Москве. Бывая на фронте (под Вязьмой, Брянском), папа понимал, какое огромное значение имела «Красная Звезда» — главная армейская газета страны — не только для бойцов, но и для населения: в газете публиковалась «свежая» информация, а самое важное — газета поддерживала боевой дух, веру в победу, несмотря на безнадежность сложившейся обстановки, когда казалось, что спасти может только чудо. И чудо произошло, а ценой за него были колоссальные потери и невероятное напряжение физических и моральных сил всего населения большой страны.

Газета «Красная Звезда» была тогда важнее и популярнее «Правды». Ее читали в окопах и землянках. Ее просто «рвали» из рук и зачитывали до дыр. Невозможно было подписаться на нее. Папу осаждали родственники, соседи, знакомые с просьбой помочь подписаться на эту газету. Папа был начальником отдела пропаганды — ядра и сердца газеты. Здесь работали лучшие писатели и публицисты того времени — Илья Эренбург, Константин Симонов, Василий Гроссман, Андрей Платонов, Петр Павленко и многие другие. Статьи И. Эренбурга, которые печатались в газете чуть ли не через день, были каждый раз событием, духовной поддержкой людям. В этих статьях убедительно показывались превосходство нашей идеологии, безобразное лицо фашизма, неотвратимость его крушения. Стихотворение К. Симонова «Жди меня», буквально потрясшее бойцов на фронте, было впервые напечатано в «Красной Звезде». «Я принимал в партию Константина Симонова», — говорил потом папа с шутиливой гордостью (он был тогда партторгом газеты). В каждом номере были карикатуры Б. Ефимова на фюрера, «фрицев», и люди смеялись, забывая о невзгодах.

Редакция и служащие газеты были дружным, спаянным, бесконечно преданным делу коллективом. Папа рассказывал, что главный редактор газеты генерал Д.И. Ортенберг требовал от военных корреспондентов всегда быть в самом центре событий и непосредственно участвовать в боевых действиях. Так, когда уже ситуация изменилась и наши войска, наступая, брали города, военные корреспонденты газеты входили в город с первыми подразделениями бойцов. Многие из журналистов погибли.

Папа был военным корреспондентом «Красной Звезды» в войсковых частях в 1942 году на Калининском фронте, в 1943 году — на Западном фронте, в 1944 году — на 2-м Украинском.

В декабре 1942 года мы с мамой вернулись домой из эвакуации, где мы жили сначала под Пермью, потом в Куйбышеве. В куйбышевской типографии печаталась большая часть тиража «Красной Звезды», матрицы которой доставлялись самолетами. Несколько раз в Куйбышев на один-два дня прилетал и папа.

Когда мы вернулись, Москва была безлюдная, хмурая, напряженная. В холодной неотопливаемой квартире не было электричества. Одну комнату пришлось завалить дровами, в другой — соорудили железную печку «буржуйку», которая едва согревала комнату. Мы жили, не снимая платков, пальто, валенок. Освещение создавалось

при помощи «коптилок» — консервные железные банки, на дне керосин, в который опускался фитиль, а отогнутая блестящая крышка служила отражателем для маленького огонька. Папа жил в редакции «Красной Звезды», там стояли походные кровати. Мы видели его очень редко.

Постепенно жизнь стала налаживаться, улучшаться. После Сталинградской битвы и Курской дуги стало ясно, что победа будет за нами. Но было еще много тяжелых дней и ночей, много отданных за эту победу жизней...

И вот настал этот великий день 9 мая 1945 года. Помню, что было очень солнечно, папа сорвал со стены большую карту, на которой он в начале войны отмечал черным карандашом линию фронта и заштриховывал оккупированную территорию, а затем красным карандашом проводил линию продвижения наших войск до самого Берлина и заштриховывал отвоеванную территорию. (Может, это были две разные карты.) И мы с ним стали комкать, рвать, топтать эту карту, хохотать и петь! После полудня мы все втроем пошли к тете, которая жила в центре города. От ее дома рукой подать до Красной площади. У тети собрались все наши родственники. Был праздничный стол, взрослые выпили за Победу, вспомнили родных, погибших маминых братьев и племянников, а также горячо целовали и обнимали тех, кто, пройдя войну, вернулся, в том числе мамину сестру — военного врача, оперировавшую раненых в полевых госпиталях.

Светлым вечером мы все отправились на улицу. По улице Горького шли, не сговариваясь заранее, толпы людей, и мы тоже присоединились к этому шествию. Оно никем не было организовано, но все люди двигались в едином порыве, как само собой разумеющееся, на Красную площадь.

Это был день всеобщего ликования, ни с чем не сравнимой радости! Красная площадь заполнилась, но не было ни милиции, ни давки, ни беспорядков. Гремела музыка, люди смеялись, пели. Темнело, зажглись прожекторы, взвились в небо огни салюта. И начались нескончаемые танцы, вальсы. Вся площадь превратилась в танцевальный зал! Большинство мужчин были в военной форме, молодые девушки и женщины всех возрастов — в красивых светлых шелковых платьях. Было много детей, школьников. И мама с папой танцевали!

Потом я много раз видела эти известные всему миру кадры, кадры документальной кинохроники, и каждый раз прихожу в непередаваемое волнение, со слезами вспоминая, как все это было.

После войны папа еще некоторое время работал в «Красной Звезде». Он был демобилизован в августе 1947 года в чине полковника. В военное время он был награжден орденом Красной Звезды, которым награждались только фронтовики. Всего папа был награжден семью орденами и четырнадцатью медалями (в том числе орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Москвы»). Еще он очень дорожил почетным знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне». Этим знаком также были отмечены только фронтовики «за доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне».

Впоследствии, не раз вспоминая о годах войны, папа говорил о том, что это были, как ни странно, счастливые годы его жизни, потому что это было время честного бескорыстного боевого содружества, когда проявились лучшие черты людей, людей, объединенных одной мыслью, одной мечтой, людей, которые готовы были

отдать все: все свои силы и свою жизнь за Победу, за будущее страны, за своих близких и которые свято верили в то, что после войны будет счастливая жизнь.

После демобилизации из Советской Армии с 1947 по 1956 год Л.М. Гатовский заведует кафедрой Высшей партийной школы при ЦК КПСС, занимает должности профессора Академии общественных наук при ЦК КПСС и заместителя директора Института экономики АН СССР.

С 1957 года Л.М. Гатовский целиком концентрируется на научной работе, являясь заместителем директора Института экономики АН СССР и одновременно главным редактором журнала «Советская экономика».

В 1960 году Л.М. Гатовский избирается членом-корреспондентом АН СССР.

В 1965 году Лев Маркович Гатовский возглавил Институт экономики АН СССР, одновременно заведя отделом института. В период его семилетнего руководства были созданы прочные предпосылки для укрепления научных позиций Института экономики АН СССР как ведущего экономического института страны.

Активная научно-административная деятельность по руководству Институт экономики АН СССР не только не помешала, но в определенной степени способствовала плодотворной научной работе: в этот период Л.М. Гатовский издал 17 фундаментальных трудов, посвященных в первую очередь проблемам НТП.

В мае 1970 года Л.М. Гатовский становится Председателем Научного совета АН СССР по экономическим проблемам научно-технической революции. По его инициативе Президиум АН СССР обращается в Правительство с предложением комплексного планирования научно-технического прогресса и социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу. Это предложение было поддержано, и в 1970 годы под эгидой ГКНТ и силами научных организаций АН СССР с участием министерств и ведомств СССР, а также правительств союзных республик и с привлечением широкой научной общественности начинается разработка Комплексной программы научно-технического прогресса и его социальных последствий на двадцатилетнюю перспективу.

В 1971 году Л.М. Гатовский уходит с должности директора Института экономики АН СССР, оставаясь заведующим отделом.

Лев Маркович прожил большую, насыщенную жизнь; он умер в 94 года, оставив обширное научное наследие, которое трудно обозримо даже для специалиста. С 1928 года им опубликовано свыше 300 научных работ (более 600 печатных листов).

К сфере его научных интересов относились общие проблемы политической экономии социализма, теория и методология планирования, экономика товарооборота, ценообразование, экономическая статистика, проблемы хозрасчета и стимулирование производства, теоретические и методологические вопросы научно-технического прогресса, проблемы измерения эффективности общественного производства и управления социалистическим хозяйством. Научные работы Л.М. Гатовского получили широкое признание не только в нашей стране, но и за рубежом, многие его труды переведены на иностранные языки.

Ученый не ограничивался теоретическим анализом процессов разработки, освоения, внедрения и распространения новой техники, он уделял значительное внимание исследованию проблем общехозяйственной эффективности научно-тех-

нического прогресса и связанных с ними социального эффекта, а также реальной отдачи и возможностей улучшения системы экономического стимулирования и материальной заинтересованности в связи с внедрением новой техники.

Разнообразные научные исследования Л.М. Гатовского объединялись глубокой, комплексной и системной разработкой проблематики научно-технического прогресса и практического применения полученных научных результатов в социально-экономическом развитии страны. Практические рекомендации Л.М. Гатовского, основанные на его теоретических разработках, были доведены до уровня предприятий. И здесь достаточно упомянуть «Методику определения народнохозяйственного социально-экономического эффекта новой продукции» и предназначенные для предприятий «Методику определения социально-экономической эффективности новой техники» и «Типовые методические положения определения планового и фактического эффекта новой техники».

Особую научно-практическую значимость представляет Комплексная программа научно-технического и социально-экономического развития на долгосрочную двадцатилетнюю перспективу, в которой воплотились многие теоретико-методологические разработки коллектива Института экономики РАН, выполненные под руководством Л.М. Гатовского. Были также разработаны Методические рекомендации по определению социально-экономических последствий научно-технического прогресса. Ученые ИЭ РАН принимали активное участие в создании Концепции научно-технического и социально-экономического развития страны на период до 2000 года. В сводных документах КП НТП определялись приоритеты развития науки и технологий в отраслевом и территориальном разрезе, прогнозировались социальные результаты комплексного развития науки, техники и экономики по союзным республикам СССР и по экономическим районам Российской Федерации. По мнению многих ученых РАН, опыт разработки КП НТП полезно возродить в современных условиях и разрабатывать на долгосрочную перспективу Комплексный прогноз научно-инновационного и социально-экономического развития России в условиях рыночных отношений.

Несмотря на всю широту научных интересов Льва Марковича Гатовского, он прежде всего являлся инициатором исследований экономических проблем НТП и ведущим специалистом в этой области. Характеризуя его вклад в экономическую науку, целесообразно, на наш взгляд, остановиться на рассмотрении именно этого аспекта исследований ученого.

В середине 60-х годов XX века все большее внимание плановых органов и научных организаций привлекалось к проблемам научно-технического прогресса. В марксистской теории воспроизводства этим вопросам отводилась незначительная роль. Считалось, что обновление капитала происходит циклично: простое воспроизводство на прежней технической основе, расширенное с добавлением капитала и совершенствованием технической базы. Аналогично устанавливались различия дифференциальной ренты II и ренты I, поскольку рента II возникала в результате добавочных вложений капитала в плодородие земли (удобрения, новые средства механизации и пр.). Но это был общий тезис, без расшифровки на конкретные производства, без учета отраслевой структуры, региональных различий, особенностей экономики разных стран.

В работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» была предпринята попытка применить теорию воспроизводства К. Маркса к условиям России. В этой работе более детально исследовались технические особенности развития промышленности и особенно сельского хозяйства России. В период индустриализации страны был совершен переворот в техническом перевооружении основных отраслей хозяйства, но главным образом в тяжелой индустрии, что позволило СССР одержать победу в Великой Отечественной войне.

Однако уже в 30-е годы появились статьи и книги, доказывающие необходимость расчетов экономической эффективности капитальных вложений в народное хозяйство. Авторами этих публикаций были В.П. Красовский, Т.С. Хачатуров, С.Г. Струмилин, А.И. Шустер и другие. Этими публикациями было инициировано проведение в 1959 году Всесоюзной конференции по экономической эффективности капитальных вложений, а в 1961 году выпущена первая методика по расчетам экономической эффективности капитальных вложений и новой техники. По этой методике проектные институты страны определяли наиболее эффективные проекты. За основу принимался показатель приведенных затрат $(C + E_n K)$ и показатель окупаемости капитальных затрат $(K_2 - K_1) / (C_1 - C_2) \times E_n$.

В 60-е годы XX века наметилось отставание экономики СССР от наиболее развитых стран Запада по техническому вооружению важнейших отраслей хозяйства за исключением оборонной промышленности. Стали появляться публикации об отраслевых и региональных особенностях экономики СССР, о том, что активная часть основных фондов, как более быстро окупаемая по сравнению с пассивной частью, нуждается в других методах оценки эффективности, что научно-технический прогресс имеет свои закономерности развития, о чем писал еще Н. Кондратьев.

Столь длинное предисловие понадобилось для того, чтобы показать: новые научные направления не появляются сами по себе или по воле новых руководителей, они рождаются жизнью, точнее — экономической необходимостью. Реакцией на сложившуюся ситуацию стало создание в 1967 году в ИЭ АН СССР сектора эффективности научно-технического прогресса под руководством М.А. Виленского. Очень быстро этот сектор стал одним из ведущих в институте, насчитывая около 40 сотрудников, более 10 из которых были докторами наук.

В начале 70-х годов формируется отдел по экономическим проблемам НТП под руководством члена-корреспондента АН СССР Л.М. Гатовского. Будучи головным учреждением по изучению данной проблематики в СССР (соответствующие подразделения были созданы во всех академических организациях союзных республик), отдел стал консультантом многих проектных институтов страны, под его руководством проводились всесоюзные конференции с числом участников 500–600 человек. Данное направление экономических исследований стало бурно развиваться, доказательством тому было включение соответствующей специальности в список Высшей аттестационной комиссии ЦМ СССР (ВАК). При Совете экономической взаимопомощи (СЭВ) было организовано соответствующее подразделение, в рамках которого проводились ежегодные международные конференции. В становлении новой отрасли экономической науки значительная роль принадлежит Л.М. Гатовскому, который обладал большим организаторским талантом.

Ценность научного наследия Льва Марковича Гатовского определяется тем, что многие теоретические положения, сформулированные исследователем, были революционными в 70-е годы и не потеряли актуальности и сегодня. Некоторые из них хотелось бы охарактеризовать подробнее:

1. Единство современной экономики с научно-техническим прогрессом. Без формирования НТП невозможно добиться прогресса в экономическом развитии страны, ибо современное производство требует постоянного обновления капитала, структурных изменений учета в условиях России региональных особенностей. С позиций современной экономической науки такое требование априорно, но в 70-е годы, как мы уже отмечали, это направление только формировалось, практическим результатом исследований, проводимых в ИЭ АН СССР под руководством Л.М. Гатовского, стала разработка Комплексной программы научно-технического прогресса на отдаленную перспективу, в которой определялись многие параметры экономического и научно-технического развития страны.

2. Первенство социально-экономического подхода к научно-техническому прогрессу. Единство науки, техники и экономики составляет одну из основных комплексных проблем экономической теории. Это положение отражает все большее взаимодействие производительных сил и производственных отношений, когда наука становится производительной силой, производственные отношения влияют на социальную среду, а через нее на производительные силы. Тем самым НТП становится как бы главным связующим звеном между производительными силами и производственными отношениями, ускоряя развитие и тех, и других. Это требование особенно актуально для современной России, которая перешла на сырьевой путь развития. Когда обрабатывающая промышленность не получает инвестиций, машиностроение, химическая, легкая и пищевая промышленности не обновляют оборудование, то неизбежно происходит старение основных фондов и наблюдается стагнация производства. Сколько бы ни добывали нефти и газа, если подорвана материальная база обновления капитала во всех отраслях, в том числе и добывающих, то неизбежно разрушение хозяйственного комплекса страны.

3. Новая ведущая роль науки и техники в отношении экономики в условиях НТР выражается в том, что наука становится непосредственной производительной силой, чему способствует соединение фундаментальных и прикладных исследований с техническими разработками, контролем качества продукции и совершенствованием производственного процесса. Сам процесс производства принимает все более научный характер. Необходимо внести в практику показатель «наукоемкость» производства, то есть удельный вес затрат на науку в затратах на производство. Эти идеи были высказаны Л.М. Гатовским в работах 1974 года. Развитие экономики таких стран, как США, Япония, Германия, Швеция и другие, показали справедливость этого тезиса. Компьютеризация, развитие новых средств связи, авиации, исследования НАСА, усовершенствование бытовой техники немыслимы без использования новейших научных разработок. Япония, например, оставляет у себя только наукоемкие производства, «сбрасывая» производство менее прогрессивных видов продукции в другие страны. США, Тайвань, Япония занимают господствующее положение в мире по производству компьютеров и роботов. Россия же, бросив на произвол судьбы свою науку, обречена на постоянное отста-

вание от Запада. Как не сказать здесь, что «нация, не уважающая свою науку, предрекает свою гибель».

4. Единство науки, техники и экономики предполагает и обратное воздействие экономики на научно-технический прогресс, что находит непосредственное выражение в «балансе» между затратами общества на прогресс науки, техники и полученными за счет этого результатами. Соотношение затрат и результатов составляет эффективность НТП. Чем выше его эффективность, тем больше общество должно вкладывать в осуществление НТП, обеспечивая рост производства и улучшение социальной среды, то есть улучшение жизни людей. К сожалению, это важное положение, высказанное в трудах Л.М. Гатовского, в нашей стране с 1991 года не находит практической реализации. Средства общества вкладываются по степени прибыльности — выгодно-сти, без учета будущего. Россия постепенно «проедает» свои природные богатства, не заботится об образовании людей и их профессиональной квалификации, покупает зарубежную технику. Не трудно представить, что нас ждет в будущем. Сейчас даже для производства новых видов техники, такой как самолеты ТУ-203, ракетные комплексы «Тополь», новые бытовые приборы, не хватает средств, поэтому российские компании предпочитают покупать технику за рубежом. Между тем лишь на первых стадиях производства новой продукции затраты велики, а по мере расширения производства и ее реализации они резко сокращаются.

5. Вопрос о единстве науки, техники с экономикой имеет не только политическое, но и идеологическое значение. В странах Запада появился резко выраженный «технизм», «технократизм». В работах многих ученых-экономистов подобная фетишизация техники достигла таких пределов, что Н. Винер назвал их «машинопоклонниками». В концепциях «постиндустриального общества», «кибернетической революции» есть общая тенденция — наделять технику способностью решать крупнейшие исторические и социальные задачи. При этом допускается явная подмена техникой социально-экономических отношений с их специфическими законами. Человек как творец всех ценностей в этих теориях исчезает, а за техникой закрепляется не свойственная ей функция — отмена объективных законов общественного развития. Теория «индустриального общества» получила наиболее развернутую разработку в трудах видного американского экономиста Дж. Гэлбрейта. По его мнению, современные международные корпорации — это, прежде всего, производственно-технические комплексы, которые вместе с государством осуществляют производство на основе планирования, занявшего место рынка.

Экономическая жизнь начала XXI века доказывает несостоятельность этого утверждения. Л.М. Гатовский очень ценил труды Дж. Гэлбрейта, Р. Арона, М. Ломана, В. Тритча, К. Шмидта и других ученых, однако он не соглашался со многими положениями их работ, и в частности с тезисом о том, что современная наука и техника уже «подняли пролетариат до уровня среднего класса, слив все общество в единый класс».

6. Большой заслугой Л.М. Гатовского было то, что он стал организатором создания методики эффективности новой техники. Еще в середине 80-х годов В.П. Логинов опубликовал в журнале «Плановое хозяйство» статью «Об особенностях определения эффективности новой техники», в которой речь шла не об отмене общей методики эффективности капитальных вложений, принятой Всесоюзной конференцией в 1961 году, а о создании на этих же принципах методики расчетов для активной части фондов,

быстрее снашивающихся и требующих ускоренных сроков амортизации. Эта идея была благоприятно воспринята в отделе НТП ИЭ РАН, и под руководством Льва Марковича Гатовского создается творческая группа в составе М. Виленского, Ю. Зыкова, В. Логинова, В. Фельзенбаума. В 1973 году первый вариант методики был готов и прошел апробацию в ГКНТ и Госплане СССР, где ее активно поддержал В. Иванченко. Более детальный текст этой методики был подготовлен уже позднее в ЦЭМИ АН СССР под руководством Д.С. Львова.

Методика ИЭ АН СССР состояла из двух частей: 1) определение народнохозяйственного эффекта — для проектных и научных организаций (автор Ю.А. Зыков); 2) определение хозрасчетного эффекта — для предприятий, обновляющих свое оборудование (автор В.П. Логинов). Организатором и вдохновителем этой большой работы был Лев Маркович Гатовский. Без него научный коллектив не смог бы за полгода завершить создание новой методики, значение которой заключалось не только в том, что был предложен более высокий коэффициент эффективности ($E_n = 15\%$) вместо ($E_n = 12\%$), а в том, что методика 1961–1963 годов предназначена для строительства предприятий, а методика эффективности новой техники — для действующих заводов и фабрик, проводящих модернизацию и замену оборудования.

Мы подробно остановились на организационной и координирующей роли отдела экономических проблем научно-технического прогресса потому, что в настоящее время по вполне понятным причинам в России это научное направление практически перестало существовать. Внимание научных коллективов страны приковано к проблемам, тесно связанным с рыночными отношениями: инфляция, безработица, социальные гарантии, пути выхода из кризиса. Конечно, с позиций сегодняшнего дня это наиболее актуальные проблемы. Но нельзя забывать, что кризис не будет вечным, вскоре наступят стабилизация и подъем, способствующие активизации инвестиционного процесса. И мы снова будем вынуждены вернуться к проблеме ускорения научно-технического развития страны. Кроме того, за годы экономических реформ техническое отставание России от стран Запада резко возросло. По многим отраслям промышленности техническое отставание, составлявшее в 1990–1991 годах 10–15 лет, возросло до 20–30 лет. И даже на стадии подъема экономики России, который, по прогнозам специалистов, произойдет в 2004–2009 годах, необходимо будет в силу ограниченности ресурсов определять:

- 1) приоритеты структурной перестройки;
- 2) направления технической реконструкции и модернизации производства с учетом сложившегося мирового разделения труда;
- 3) пути рационального использования имеющихся ограниченных материальных ресурсов на тех направлениях НТП, которые приведут к быстрой отдаче вложенных средств и позволят ликвидировать наше отставание от мирового уровня;
- 4) социальные последствия автоматизации, компьютеризации и новейшей информатики.

Вот почему сейчас очень полезно обратиться к теоретическому наследию ученых Института экономики РАН, в котором нашли продолжение идеи Льва Марковича Гатовского.

В трудах ИЭ АН СССР, обобщающих исследования, проводившиеся под руководством Л.М. Гатовского, подчеркивалось и доказывалось, что на любой стадии

экономического развития страны нельзя не заниматься вопросами технического совершенствования производства, ибо от этого в условиях революционных преобразований в технике и технологии зависит будущее страны. Примеров из мировой практики, подтверждающих справедливость этого положения, много. Достаточно вспомнить послевоенное развитие экономики Японии, когда упор был сделан, прежде всего, на технический прорыв в уже поделенном мировом рынке товаров и технологий. Такие приоритеты позволили стране в короткий срок стать одной из ведущих в мире по выпуску многих видов продукции за счет их новизны, качества и эффективности производства. А ведь базисом японской экономики после войны была отсталая и во многом разрушенная милитаризованная промышленность. В качестве примера можно привести и реализацию в начале 20-х годов в Советской России Плана ГОЭЛРО, когда вследствие гражданской войны хозяйство страны было развалено, когда скудные средства направлялись на ключевые отрасли промышленности.

В работах отдела экономических проблем НТП обосновывалась идея о преимуществах малых и средних по размерам предприятий в освоении новой техники и о необходимости более частой замены выпускаемой продукции технического назначения отечественным машиностроением. Дело в том, что на современном этапе НТР, благодаря миниатюризации техники и снижению количества необходимого оборудования на мелких и средних по размерам предприятиях в более короткие сроки (по сравнению с крупными предприятиями), можно менять старые модели продукции на новые. Степень концентрации производства во многих отраслях машиностроения становится не самым экономичным фактором, поэтому во многих странах, в частности в Японии, Италии, Франции, Германии, большинство машиностроительных предприятий имеет малое число работников, но более быстро приспосабливается к потребностям рынка. Точно так же меняется представление об эффективности узкой специализации предприятий. Крупные предприятия с узкой специализацией труднее и дольше приспосабливаются к изменению спроса, чем мелкие и средние. Примером справедливости этого положения являются многочисленные и небольшие по размерам сборочные заводы автостроения в Испании, Мексике, России и даже США, где крупные концерны типа «Форд», «Шевроле» превратились в головные центры с проектной и научно-исследовательской базой, а значительная часть новой продукции собирается на сравнительно небольших заводах. Эту тенденцию предсказали и обосновали ее эффективность ученые из отдела экономических проблем НТП ИЭ АН СССР еще в 70-е годы.

Главным условием экономичности (прибыльности) выпуска продукции машиностроения в плановом и рыночном хозяйствовании является ее новизна и качество. Ограниченность сферы реализации продукции внутренним рынком сдерживала в СССР процесс создания новой продукции. Производство же продукции на экспорт подчинялось требованиям, присущим мировому рынку. Между тем процесс обновления продукции машиностроения в СССР осуществлялся более интенсивно, чем в современной России. Однако следует подчеркнуть, что степень ее новизны не всегда была достаточной, несмотря на строгую стандартизацию и наличие Госкомитета по качеству продукции. Большинство видов машиностроительной продукции не выдерживало конкуренции на мировом рынке. Требования ученых ИЭ РАН СССР, содержащиеся в работах Л.М. Гатовского, Л.Н. Долгих, Ю.А. Зыкова, Д.С. Львова, С.А. Хейнмана и других заключались в следующем: новизна и социальные компонен-

ты техники должны опережать на первых стадиях ее производства динамику экономических показателей, что должно окупиться в дальнейшем, при массовом выпуске. Были предложены коэффициенты опережения новизны экономических показателей на разных стадиях производства (создание опытных образцов, мелкосерийный выпуск, серийный выпуск, массовое производство). На последней стадии (массовое производство) экономическая отдача, то есть разница между ценой реализации и затратами, становится положительной и постепенно нарастает, так что общий период выпуска, начиная с опытного образца, должен сопровождаться резко положительным экономическим итогом.

Все эти положения актуальны и сейчас, когда перспектива получения краткосрочной прибыли заставляет предпринимателей отказываться от технически совершенных проектов и копировать либо устаревшую западную технику, на которую уже давно получена лицензия, либо производить отечественную продукцию, на которую пока есть спрос, но в скором времени он снизится. Таким образом, предприятия работают лишь в условиях краткосрочной перспективы, без технического задела на будущее, что еще более усиливает наше техническое отставание от передовых стран Запада.

Значительное место в трудах Л.М. Гатовского и ученых Института экономики, работавших под его руководством, занимали вопросы управления НТП и эффективности осуществления единой научно-технической политики. Конечно, рекомендации по данной проблематике были предназначены для осуществления в рамках административно-командной системы, но они во многом актуальны и сейчас, что объясняется следующим:

- а) Россия не имеет до сих пор четкой экономической программы на перспективу, отсутствует четкий план (прогноз, программы) преодоления нарастающего с каждым годом технического отставания от Запада. Из списка «великих» держав мы попали в список наиболее отсталых стран мира. Структура нашей промышленности такова, что из страны-колонии мы можем скоро превратиться в страну-резервацию, в которой размещены вредные производства, предприятия с социально-опасными технологиями, находятся места захоронения опасных для жизни и экологии отходов;
- б) после дефолта в августе 1998 года представители всех политических движений согласились, что без сильного государства не может быть цивилизованного рынка. Но сильное государство должно иметь не только действенное законодательство, что всеми признается, но и выполнять важные регулирующие функции в экономике, что признается далеко не всеми. Эти функции должны осуществляться при помощи прямого инвестирования приоритетных отраслей и производств, финансовой помощи в техническом перевооружении и реконструкции, в разработке технических программ и проектов, в подключении Банковской системы к льготному кредитованию перспективных производств и, наконец, при помощи внешнего займа у международных организаций на техническое развитие;
- в) несмотря на значительное отставание России от западного мира по многим экономическим и техническим параметрам, она еще сильна в производстве современных видов оружия, ее технологический и научный потенциал по ряду направлений, определяющих научно-технический прогресс, довольно высок. Если не будут в ближайшее время приняты упомянутые выше меры по использованию этого потенциала, страна будет все быстрее и дальше откатываться от цивилизованного мира.

В решении современных экономических проблем могут помочь труды ведущих ученых Института экономики: Л.М. Гатовского, М.А. Виленского, Д.С. Львова и С.А. Хейнмана, в которых содержатся перспективные идеи, направленные во многом на обоснование социально-экономической эффективности регулирующей роли государства в ускорении НТП в нашей стране.

В небольшом очерке мы коснулись лишь незначительной части огромного научного наследия члена-корреспондента АН СССР Л.М. Гатовского, отметили наиболее актуальные научные разработки, которые могут быть востребованы современной экономической наукой, охарактеризовали теоретические положения, которые до сих пор ждут своего практического применения.

Каждый из нас, кто работал с Львом Марковичем Гатовским, учился у него, всегда будет обращаться к его научным трудам и черпать из них новое и полезное для решения экономических проблем сегодняшней России.

Основные труды члена-корреспондента АН СССР Л.М. Гатовского

1. *Гатовский Л.М. Основные задачи нового пятилетнего плана. М., 1946.*
2. *Гатовский Л.М. Некоторые назревшие вопросы планирования технического прогресса. М., 1965.*
3. *Гатовский Л.М. Вопросы оптимального размера предприятий в промышленности СССР. М., 1968.*
4. *Гатовский Л.М. Экономика и технический прогресс. М., 1968.*
5. *Гатовский Л.М. Экономический механизм связи науки с производством: Научный доклад. М., 1968.*
6. *Гатовский Л.М. Экономические проблемы НТП. М., 1971.*
7. *Гатовский Л.М. Взаимодействие НТП и развития производственных отношений социализма. М., 1972.*
8. *Гатовский Л.М. НТП и экономика развитого социализма. Очерки политической экономики. М., 1974.*
9. *Гатовский Л.М. Вопросы развития политической экономики социализма. М., 1979.*
10. *Гатовский Л.М. Вопросы управления эффективностью НТП, М., 1979.*
11. *Гатовский Л.М. НТП и экономика социализма. М., 1979.*
12. *Гатовский Л.М. Стоимость и потребительная стоимость в условиях интенсификации: Научный доклад. М., 1987.*

В.П. Логинов,
доктор экономических наук, академик РАН

Е.Л. Беляева,
дочь Л.М. Гатовского

Е.И. Александрова,
кандидат экономических наук, научный
сотрудник института экономики РАН

В.Г. Ионин,
старший научный сотрудник института
экономики РАН

**Евгений
Иванович
Капустин**

ВИДНЫЙ УЧЕНЫЙ-ЭКОНОМИСТ⁷⁸

Сегодня, когда Великая Отечественная война все дальше уходит в глубь истории, когда подвиг народа-победителя вытесняется из системы ценностей молодого поколения массовой атакой стереотипов новой «культурной» и «сексуальной» революции, наш долг — собрать по крупицам и сохранить память о тех, кто воевал и достойно прожил послевоенные годы, являя образец высокого и плодотворного служения Отечеству. Этот очерк посвящается одному из таких людей, внесшему существенный вклад в развитие российской экономической науки.

В 2001 году научная общественность отметила славный юбилей — 80-летие Евгения Ивановича Капустина — видного российского ученого-экономиста, доктора экономических наук, профессора, члена-корреспондента РАН. Это юбилей доблестного воина и преданного гражданина России. Е.И. Капустин является одним из крупнейших специалистов в области экономической теории распределительных отношений, организации заработной платы и материального стимулирования, он занимается разработкой критериев и обоснованием путей повышения уровня жизни, экономикой и научной организацией труда, экономическими проблемами образа жизни, прогнозами социально-экономического развития.

Евгения Ивановича отличают такие черты характера, как чувство долга, высокая ответственность, преданность делу, порядочность, надежность, трудолюбие, открытая гражданская позиция, честность, прямота, бескомпромиссность. Эти качества были заложены семьей, советской школой, фронтовыми годами юности, патриотическим духом экономического факультета МГУ, где он учился в послевоенные годы.

Евгений Иванович родился 24 октября 1921 года в рабочей семье. Родители всегда поощряли его стремление к знаниям, а дедушка с бабушкой привили любовь к земле и физическому труду. Он хорошо учился, интересовался литературой и живописью, много читал. В довоенные годы на Сухаревке было много книжных магазинчиков, где продавались подборки периодических изданий разных лет по живописи и художественной литературе. Евгений Иванович любил бывать в таких местах, покупал книги и марки, тратя на это скромные ученические деньги, которые родители давали на завтраки. Часть этих приобретений хранится в семье до сих пор. В школьные годы Евгений Иванович увлекался спортом и общественной работой, в нем рано обнаружились черты лидера и твердость характера. После окончания московской средней школы в 1939 году он поступил на экономический факультет Института философии, литературы, искусства.

Учеба была прервана призывом в Красную Армию — молодого бойца направили в полковую школу зенитного полка. Во время войны с Финляндией его перевели в кавалерийское училище. Это была непростая служба: шагом ходить

⁷⁸ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 1. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 28–44.

нельзя — только бегом, необходимо было научиться джигитовке, владению карабином и шашкой. Можно представить, как трудно было московскому юноше научиться всему этому. Но Женя справился. Первый год — взыскания и дежурства на конюшне, второй год — благодарности. Такая наука не прошла бесследно, она закалила характер молодого человека, помогла ему и в годы Великой Отечественной войны, и в годы его научной деятельности стойко преодолевать трудности.

В 1941 году перед самым началом военных действий кавалериста Е.И. Капустина перевели в танковое училище в белорусском городе Борисове. В результате быстрого наступления немецких войск курсанты оказались в тылу врага. Пришлось прорываться до Орши. Держали оборону в Смоленске, затем были направлены в Саратов. Там Евгений Иванович получил звание лейтенанта. Однако танков для новых офицеров не было, и они по приказу командования отправились в Сибирь, где создавались кавалерийские корпуса: двадцатилетнему командиру взвода пришлось объезжать лошадей и обучать солдат искусству конника.

Затем начались тяжелые фронтовые будни — вначале в кавалерии, потом — в танковой части. Евгений Иванович прошел трудными дорогами Западного, Волховского и Ленинградского фронтов. Он был командиром взвода, помощником начальника штаба кавалерийского полка и заместителем командира 421-го отдельного танкового батальона 29-й танковой бригады. В своих воспоминаниях командир батальона, полковник Василий Иванович Ежаков, дал высокую оценку личным качествам своего начштаба. Особо он отметил активность, общительность молодого офицера, его любовь к порядку, распорядительность, умение рассчитывать и взвешивать каждый шаг. Он также подчеркивал, что капитан Капустин, будучи офицером штаба, лично водил танкистов в бой.

В 1942 году Евгений Иванович получил пулевое ранение, после которого вернулся в строй, но в 1944 году в бою под Новгородом отважный начальник штаба, справившись, как всегда, с поставленной задачей, получил тяжелое осколочное ранение в область сердца. Его провезли через пять медсанбатов, а в госпитале положили под лестницу и забыли. Только через некоторое время обнаружили, что капитан-танкист жив, и тогда им занялись медики. Евгений Иванович не расставался с мыслью о возвращении на фронт. Комбриг, навестивший его в госпитале, сообщил Капустину, что бригада должна получить тяжелые танки. Евгений Иванович все-таки смог уговорить врачей и вернулся в часть. С энтузиазмом взялся он за дело, но через несколько дней во время обкатки нового танка потерял сознание и был повторно направлен в госпиталь. Теперь врачи были непреклонны, и Евгения Ивановича комиссовали.

Ратный подвиг Е.И. Капустина отмечен высокими воинскими наградами: орденом Красной звезды, орденом Отечественной войны II степени и медалями. Особое место среди наград занимает медаль «За оборону Ленинграда».

Война еще продолжалась, а для Евгения Ивановича начался в жизни новый этап: молодой человек вернулся на первый курс созданного на базе Института философии, литературы, искусства (ИФЛИ) экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Руководители факультета высоко ценили фронтовиков и опирались на них в работе со студентами — выпускниками школ.

На экономическом факультете МГУ в тот период царила атмосфера подъема. После войны общественные науки вызвали у молодежи большой интерес. Лекции читали видные ученые-экономисты И. Блюмин, В. Мотылев, К.В. Островитянов, А.И. Пашков, Д.И. Розенберг, С. Татур, Б. Урланис. Активная общественная работа, творческие дискуссии на семинарах, шефская работа в колхозах формировали в студенческой среде факультета дух коллективизма, высокой активности и гражданственности. Этому во многом способствовали бывшие фронтовики. Благодаря усилиям педагогов и увлеченных наукой талантливых выпускников, окончивших аспирантуру и защитивших диссертации, шаг за шагом начала складываться университетская школа политической экономии. Евгений Иванович стоял у истоков ее формирования, что навсегда определило его неразрывную связь с родным факультетом.

Окончив экономический факультет МГУ с отличием, Евгений Иванович поступил в аспирантуру и в 1953 году, после защиты кандидатской диссертации, стал преподавать политическую экономию на факультете. В 1964 году защитил диссертацию на соискание степени доктора экономических наук и получил звание профессора. На всех этапах профессиональной деятельности в центре его научных интересов всегда были и остаются человек, его потребности и интересы, сфера труда, вопросы уровня и качества жизни. Над этими проблемами работал он сам и его ученики — студенты и аспиранты, а в дальнейшем — крупные научные коллективы под его руководством.

Е.И. Капустин является выдающимся педагогом. Самые зримые плоды его труда как профессора — молодые таланты, замеченные, выращенные и выдвинутые им из числа выпускников МГУ и защитившихся аспирантов. Многочисленные его ученики ныне входят в плеяду высококвалифицированных преподавателей вузов, специалистов-теоретиков и практиков в области экономики.

Вся творческая жизнь Евгения Ивановича Капустина как профессионала связана с тремя организациями: Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, Государственным комитетом СССР по труду и социальным вопросам, включая НИИ труда, и Институтом экономики Российской Академии наук.

В разные периоды в МГУ Е.И. Капустин работал заведующим кафедрой политической экономии гуманитарных факультетов, заместителем заведующего кафедрой политической экономии естественных факультетов, заведующим кафедрой экономики труда на экономическом факультете. В последние годы, будучи профессором кафедры социально-экономических проблем, Евгений Иванович читал несколько спецкурсов и до сих пор на общественных началах руководит аспирантами. Он принимал деятельное участие в подготовке учебников по политической экономии, среди которых и «Курс переходной экономики», вышедший под редакцией Л.И. Абалкина.

Какие бы посты и должности Евгений Иванович ни занимал, он никогда не порывал с МГУ и лекторской работой, потому что считает важным научить молодых людей понимать глубинные основы процессов общественной жизни, роль экономики в развитии общества. Чтение лекций, руководство курсовыми работами и дипломными проектами, подготовкой кандидатских диссертаций,

организация учебного процесса — все это он делает увлеченно, с полной отдачей сил и таланта, оставляя добрую память у тех, с кем соприкасается по работе.

Много сил Евгений Иванович отдал государственной службе. С 1955 года, работая в Государственном комитете СССР по труду и социальным вопросам в качестве заместителя начальника сводного отдела, он внес существенный вклад в решение ряда кардинальных проблем экономики государства. Ученый активно участвовал в разработке принципов и механизма установления минимальной заработной платы (доклад обсуждался у председателя Совета Министров СССР), пятидневной рабочей недели (доказал, что производительность труда не уменьшается, если у людей появляется больше времени для отдыха). Работы Е.И. Капустина способствовали переходу от массового механического пересмотра норм труда к установлению норм в соотношении с внедрением новой техники. Ученый доказал необходимость введения единой тарифной системы (разработанные им принципы используются и сегодня); обосновал важность применения коллективных форм организации и оплаты труда, на которых и сейчас могут базироваться коллективная заинтересованность и коллективная ответственность; а также разработал положения о соревновании и состязательности, составляющие базу для трудовой конкуренции.

Е.И. Капустин сыграл выдающуюся роль как организатор науки, руководитель крупнейших в стране научно-исследовательских учреждений — Института труда и Института экономики. В 1965 году, став директором НИИ труда, Евгений Иванович проявил недюжинные способности при формировании научного потенциала института и привлечении к сотрудничеству высококвалифицированных специалистов. В результате Институт труда превратился в один из научных центров страны. С 1958 по 1962 год Е.И. Капустин работал заместителем директора, а с 1965 по 1971 год — директором. За это время коллективом института были разработаны методологические основы исследований многих проблем экономики труда. Институт принимал участие в разработке материалов, связанных с подготовкой и проведением экономической реформы 60-х годов, объективная необходимость которой уже ощущалась в обществе. Научный коллектив занимался исследованиями таких важных в условиях полного хозрасчета проблем, как материальная заинтересованность трудовых коллективов предприятий в конечных результатах производства, эффективное использование коллективных (бригадных) форм организации труда и материального стимулирования, участие работников в управлении производством.

Немало ценных положений было разработано и в области научной организации труда, планирования (в том числе по факторам) уровня жизни и т.д. Например, подготовленные в институте требования к разработке, проектированию производственных зданий и сооружений, внедрению новой техники и технологий с позиции условий труда, эргономики, здоровья работников могли бы иметь важное значение, если бы были оформлены в виде закона.

Многие научные разработки не потеряли своей актуальности и в современных условиях. Так, плюрализм форм собственности никоим образом не исключает активного участия трудовых коллективов в управлении производством, в том числе в принятии управленческих решений, о чем свидетельствует опыт, накоп-

ленный в странах с развитой рыночной экономикой. Эта форма производственной демократии имеет большое экономическое и социальное значение, поскольку за ней — будущее.

По инициативе Евгения Ивановича Капустина были созданы филиалы НИИ труда на Украине, в Белоруссии, Казахстане, в восточных регионах Российской Федерации (Владивосток, Иркутск, Красноярск, Новосибирск).

Во второй половине 60-х годов были заложены основы творческого сотрудничества Института труда с исследовательскими научными коллективами в странах — членах СЭВ, сохранявшиеся до начала 90-х годов. За четверть века сотрудничества было проведено большое число совместных научных исследований по актуальным проблемам труда и социальной политики.

Много сил вложил Е.И. Капустин в подготовку молодых кадров на базе аспирантуры, обучение в которой прошли многие ведущие сотрудники Института труда и его филиалов, что позволило создать собственный научный потенциал, обеспечивший работу института на многие последующие годы. Для молодого поколения ученых, работающих в НИИ труда, Е.И. Капустин был настоящим руководителем, учителем и воспитателем. Не только высокий уровень профессиональных знаний, которыми он щедро делился со своими коллегами и учениками, но и внимание к людям, доброжелательность в сочетании с необходимой требовательностью, прежде всего к себе, помогали становлению многих научных работников, которые затем руководили подразделениями института. Как научный руководитель, Евгений Иванович требовал от молодых ученых ответственного отношения к работе и анализу полученных результатов, прививал навыки самостоятельного обобщения собранной информации, формулирования выводов и предложений. Он всегда был готов поделиться своими идеями по той или иной проблеме, подсказать методы ее исследования.

Особым этапом в творческой жизни Е.И. Капустина стал переход на работу в систему АН СССР. С 1971 по 1986 год ученый возглавлял Институт экономики АН СССР. После критики со стороны директивных органов направлений работы и теоретических позиций сложившейся в институте школы политической экономии социализма для коллектива начался непростой период. В такое трудное для института время Евгений Иванович сумел не только сохранить основные научные кадры, но и привлечь к работе большое число молодых ученых — выпускников экономического факультета МГУ. Были организованы школы молодых ученых, в которых читали лекции и проводили семинары ведущие научные сотрудники института. Причем «школы» проводились как в стенах самого Института экономики, так и в научных институтах страны: в Санкт-Петербурге, Владимире, в бывших союзных республиках (Грузии, Армении и др.).

В своей творческой работе коллектив Института экономики РАН сотрудничал с Советом Министров СССР: готовились материалы докладов для председателя правительства по принципиальным позициям социально-экономического развития страны, материалы для разработки пятилетних планов, а также обобщались результаты исследований по отдельным экономическим проблемам. За участие в подготовке экономической реформы Институт экономики АН СССР был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В то же время тесная и пло-

дотворная работа с Советом Министров СССР вызвала неодобрение со стороны ЦК КПСС, что проявилось при обсуждении доклада о деятельности Института на заседании секретариата ЦК и нашло свое отражение в последовавшем за ним известном постановлении.

Е.И. Капустин как директор Института экономики большое внимание уделял подготовке крупных монографических работ, обобщающих результаты научных исследований, проводимых в институте. Под редакцией Е.И. Капустина были изданы такие книги, как «Экономика развитого социалистического общества. Основные черты и закономерности развития»; «История социалистической экономики» в 7 томах (в 1982 г. работа удостоена Государственной премии СССР); «Совершенствование отношений распределения».

Особо следует отметить фундаментальный трехтомный коллективный труд по политической экономии «Экономический строй социализма». Как бы мы ни относились сейчас к экономической истории советского периода, следует признать, что в этом трехтомном труде обобщены результаты развития советской экономической мысли, отражающие положительные и отрицательные тенденции социально-экономического развития социалистического общества. Многие положения этого фундаментального исследования, на наш взгляд, необходимо учитывать и при анализе процессов современной экономики.

Большое внимание в Институте экономики уделялось разработке теоретических и методологических проблем труда. Создание специальных отделов, работающих в этом направлении, позволило сконцентрировать усилия ученых на исследовании актуальных проблем в данной области. Были подготовлены доклады и монографии по вопросам трудовых ресурсов, эффективности, характера и содержания труда, заработной платы, специфики труда в непроизводственной сфере, экономики образования и др.

Рассматривая научную деятельность Евгения Ивановича Капустина, направления научного поиска, проблемы, которые интересовали его как исследователя, методы и подходы к их решению и даже сам дух его научной работы, можно обнаружить определенную тенденцию в ориентации экономических исследований, традиционно свойственную российской школе экономической мысли. Это — учет общегосударственных интересов экономического развития, гармонизация социальных, в том числе классовых отношений, обеспечение повышения уровня материального благосостояния населения, определение места человека в системе экономических отношений, развитие демократизации управления как экономикой в целом, так и отдельным предприятием, отношения коллективности.

Не случайно по инициативе Евгения Ивановича, в бытность его директором, в Институте экономики АН СССР (позднее РАН) был создан ряд новых исследовательских направлений: социалистический образ жизни, уровень потребления, социалистическое соревнование, трудовые ресурсы и др.

Социальные требования к развитию общества ставились Е.И. Капустиным на первое место в научных разработках. Все практические предложения были подчинены задаче улучшения жизни населения. Ученый любит повторять: «Лишь то общество можно признать хорошим, где большинству людей живется хорошо».

Можно назвать еще одно интересное предложение Евгения Ивановича, которое, к сожалению, не нашло применения при социализме: он разработал систему отмены налогов с физических лиц. Поскольку все люди в советский период работали у одного работодателя, взимание подоходного налога выглядело бессмысленным. Можно было просто на эту величину уменьшить заработную плату. Думается, и сегодня эта идея актуальна для государственных служащих и всей бюджетной сферы. Логичнее было бы, чтобы налоги платил частный сектор.

Е.И. Капустиным опубликовано около 400 научных трудов общим объемом свыше 500 печатных листов, среди его работ монографии, статьи в различных научных журналах, в том числе в журналах «Социалистический труд» и «Вопросы экономики», шесть брошюр, вышедших в издательстве «Знание», статьи в «Экономической газете». Е.И. Капустин был ответственным и научным редактором 45 крупных коллективных монографий (из них в 27 принимал участие как автор).

В рамках социального императива особый интерес представляют его идеи и разработки, изложенные в двух монографиях: «Качество труда и заработная плата» и «Социалистический образ жизни. Экономический аспект». Каждая из этих работ внесла весомый вклад в экономическую науку.

Евгения Ивановича можно признать основателем нового научного направления — исследование проблем уровня и качества жизни. Он впервые в экономической науке всесторонне рассмотрел вопросы качества труда, в том числе определения общественно необходимого времени для подготовки рабочих кадров требуемой квалификации. Выход в свет его монографии «Качество труда и заработная плата» (1964) был значительным событием в научной жизни страны. На базе теоретических разработок в этой книге сформулированы практические предложения по совершенствованию механизма начисления заработной платы, построению Единой тарифной сетки, дифференциации заработной платы по районам страны. Книге была присуждена Ломоносовская премия МГУ.

Е.И. Капустин разработал ряд новых положений по весьма важной экономической и социологической проблеме — социалистический образ жизни. В его монографии на эту тему впервые системно освещены основные методологические принципы исследования социалистического образа жизни, дана формулировка сущности социально-экономической категории образа жизни. Особое внимание уделено анализу экономических аспектов образа жизни, исследованы условия его возникновения и развития. Рассмотрено соотношение категорий «образ жизни» и «уровень жизни». В монографии предложена система показателей, характеризующих как условия формирования образа жизни, так и собственно его параметры.

Основная идея книги состоит в том, что трудящиеся в обществе, достойном одобрения (то есть социалистическом), должны быть подлинными хозяевами общественного производства. Конечно, Евгений Иванович по понятным причинам не мог говорить и писать, что в 70-е годы в СССР не было условий для воспитания чувства подлинного хозяина производства. Однако он выдвинул и развил положение о подлинном хозяине.

Следует остановиться еще на одном. В российской общественной традиции, в том числе и в экономической мысли, всегда особое значение придавалось от-

ношениям коллективности или общинности хозяйственного поведения. К этому, кроме всего прочего, располагали своеобразные географические и климатические условия страны. Приоритетность коллективистского начала в хозяйствовании предопределили не только народники и народнические экономисты, но и евразийцы и в значительной мере — русские социалисты. Принцип коллективности присущ всем этапам развития отечественной экономической мысли. И сегодня одним из наиболее последовательных и глубоких его разработчиков является Е.И. Капустин. Традиции экономических исследований нашли отражение в своеобразной трактовке «социалистического соревнования» и главное — в изучении проблем участия трудящихся в управлении производством, которым Евгений Иванович уделял исключительно большое внимание. Здесь надо отметить чрезвычайно интересные и плодотворные идеи в области демократизации планирования, организации труда, заработной платы, например, демократизацию планирования как форму участия трудящихся в управлении производством. Основная заслуга в разработке этого вопроса принадлежит Е.И. Капустину, сформулировавшему принципы формирования «встречного плана», отражающего индивидуальные возможности превышения среднеотраслевых норм. Причем предлагалось этот план, идущий «снизу», принимать не после утверждения государственного плана в форме пресловутых социалистических обязательств, а учитывать в самом процессе составления государственного плана. Однако эта теоретическая разработка практического применения в то время не нашла.

Евгений Иванович как ученый убежден, что развитие рынка необходимо дополнять решением социальных проблем. С этой целью, по его мнению, надо изменить идеологию государственной экономической политики. Важно признать, что рынок, будучи хорошим механизмом, может быть, даже идеальным для максимизации экономической эффективности, получения максимальной отдачи с вложенного в дело рубля или доллара, не в состоянии обеспечить условия для цивилизованного общественного устройства. Поэтому, скажем, социал-демократическое направление во многих европейских странах (можно напомнить, что в 14 из 15 стран Европейского союза у власти находятся социалисты) ограничивает рынок, «загоняет» его в определенные цивилизованные рамки, постепенно социализирует общество. Изменение идеологии экономического курса правительства заключается не в отказе от рыночной экономики (это просто невозможно), а в признании того, что рынок не идеал и его надо разумно социализировать. Для этого и необходимо развивать исследования социальных и трудовых проблем, на чем постоянно акцентирует внимание Е.И. Капустин в своих сегодняшних работах.

Одно из последних направлений научного поиска — изучение проблемы социальной защиты неполных семей. Евгений Иванович на основе анализа материалов обследований, проведенных в Московской области, выступил с предложением разработать и принять на федеральном уровне, уровнях субъектов федерации и местного самоуправления социальную программу помощи детям из неполных семей и потерявшим родителей. Он предложил отдельной строкой в бюджетах разных уровней выделять финансирование социальной помощи неполным семьям, находящимся за чертой бедности. Ученый акцентировал вни-

мание на необходимости создания дополнительных рабочих мест для членов неполных семей, подчеркивая, что социальная помощь может быть эффективной лишь тогда, когда она будет адресной, конкретной, индивидуальной.

Е.И. Капустин не только крупный ученый и организатор науки, но и активный общественный деятель. Он, как признанный высококвалифицированный ученый, избирался заместителем академика-секретаря Отделения экономики АН СССР; в течение 10 лет был членом президиума ВАК; являлся членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям; многие годы активно работал в составе редколлегии журналов «Вопросы экономики», «Социалистический труд», а также в качестве председателя и члена ученых советов на экономическом факультете МГУ, в Институте труда, Институте экономики РАН.

Много внимания Евгений Иванович уделял работе в международных организациях: являлся членом совета Института социально-экономических отношений МОТ; ежегодно участвовал во встречах с директорами институтов экономики стран СЭВ; был заместителем руководителя общества «СССР — Финляндия».

Научная и общественная деятельность Евгения Ивановича Капустина отмечена высокими правительственными наградами: двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Октябрьской революции, «Знак почета». Он лауреат Государственной премии, награжден медалью имени М.В. Ломоносова.

Евгений Иванович — одаренный человек, он любит людей, жизнь, искусство. Друзья высоко ценят его талант художника-пейзажиста. Он собственными руками построил два дачных дома, увлекается дизайном и цветоводством. В силу трагических обстоятельств, оставшись один, Евгений Иванович вырастил двоих детей, помогает растить внуков.

Ученый, перешагнув 80 лет, полон творческих сил и неукротимой энергии. И сегодня он не прекращает научно-исследовательскую работу, пишет фундаментальную монографию «Уровень, качество и образ жизни населения России». В Институте экономики нет, пожалуй, более активного члена ученых советов, чем Е.И. Капустин. Его выступления свидетельствуют о большой эрудиции, понимании современной обстановки в России и перспектив ее социально-экономического развития.

Евгений Иванович многое успел сделать за свою долгую жизнь. Удивительно, какой же силой духа надо обладать, чтобы выдержать все испытания войны, тяжелейшее ранение и так много создать в послевоенные годы. Секрет его плодотворной деятельности — в раннем возмужании и взрослении личности, в закалке характера в молодые годы испытаниями военных лет, которые вырабатывали у Евгения Ивановича Капустина способность подходить к любому делу ответственно, с позиций, подкрепленных знаниями и жизненным опытом, выполнять любые обязанности, основываясь на требовательном отношении к себе и к людям. В отличие от следующих поколений, к 25 годам он уже приобрел опыт руководителя, твердо знал, чего хочет. Верность принципам, неприятие лавирования, смелость, честность, прямота и сильная воля, сформировавшиеся во фронтовые годы, помогали Евгению Ивановичу преодолевать жизненные трудности и объединять вокруг себя коллег и учеников.

Из поэмы Бориса Комиссарова «Русская идея» (отрывок)

СЛУЧАЙ

«Ты говоришь про случай... Случай дик!
 Со мной был дикий, но счастливый случай», —
 Так начал наш директор (фронтовик), —
 «Я был на фронте в общем-то везучий.
 Под Ленинградом... Двигаюсь леском
 Вдруг немец! Встреч не ожидали оба.
 Инстинкт сработал. И одним прыжком
 Метнулись — и в воронке, вглубь сугроба.
 Лежим и караулим: кто — кого?
 Чьи нервы подведут — тому и крышка.
 Я б все равно пересидел его,
 Но надоело мне.
 Я, как мальчишка,
 Поднялся — и в атаку! В полный рост!
 Он застрочил. Мой полушубок рвался.
 А я иду!! И ужас, и вопрос в его глазах.
 Он поднял руки. Сдался».
 На наших лицах было: «Как же так?»
 Директор был доволен впечатленьем
 И пояснил: «Наверно, он, чужак,
 Считал меня божественным явленьем.
 Тут просто случай, как ни погляди.
 Наш мир устроен без чудес, ребята!
 Под полушубком были на груди
 Привязанные диски автомата».
 Мы подивились. Если случай спас,
 То чем не чудо? Даже лучшие чудда!
 Но тут директор завершил рассказ,
 Чтoб знали мы, что нет добра без худа:
 «Ох, с этим пленным я потом хлебнул!
 Водил весь день и сдал уж ближе к ночи...»
 Один из нас, Володька, тут ввернул
 В том духе, что, мол, цацкались очень.
 «А ты себе как это представлял?
 Взял и убил? — директор усмехнулся. —
 Он пленный же!» — «Но он же в Вас стрелял!» —
 «Да ну тебя...» — замолк и отвернулся.

Основные труды члена-корреспондента РАН Е.И. Капустина

1. Капустин Е.И. *Качество труда и заработная плата*. М., 1964.
2. Капустин Е.И. *Социалистический образ жизни. Экономический аспект*. М., 1976.
3. Капустин Е.И. *Экономика развитого социалистического общества. Основные черты и закономерности развития*. М., 1977.
4. Капустин Е.И. *Социалистический образ жизни. Экономический аспект*. Варшава, 1982. (Переведена на польский язык.)
5. Капустин Е.И. *Анализ социально-экономического положения неполных семей в Московской области и разработка концепции по их социальной защите: Научн. доклад*. М., 1998.
6. *Экономика развитого социалистического общества* / Отв. ред. Е.И. Капустин. Варшава, 1980; Берлин, 1979; Будапешт, 1979; Братислава, 1980; София, 1982.

И.С. Маслова,

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института
экономики Российской Академии наук

**Виктор
Леонидович
Тягуненко**

УЧЕНЫЙ, ЛИДЕР, ЧЕЛОВЕК⁷⁹

Виктор Леонидович Тягуненко, член-корреспондент АН СССР, доктор экономических наук, заведующий Отделом развивающихся стран Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, председатель Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран, умер в расцвете творческих сил — в 55 лет. Случилось это после поездки в революционную, свергнувшую многолетнюю власть диктатора Португалию, где ученый не раз выступал на митингах, производивших на него глубокое впечатление. Он говорил, что впервые с начала своей научной деятельности увидел и почувствовал то, о чем раньше думал и писал. Это был последний душевный и творческий взлет...

Виктор Леонидович Тягуненко родился в 1920 году в семье крестьянина Леонида Евграфовича Тягуненко в деревне Викнено Елизаветградской губернии (теперь — Кировоградской области). Среди пяти братьев и сестер Виктор был третьим. Отец вернулся с Первой мировой войны полным георгиевским кавалером, но без ноги, что осложняло и без того нелегкую жизнь землепашца, мать Виктора трудилась от зари до зари, чтобы накормить и «обиходить» своих детей. Как и во всех крестьянских семьях, с малых лет дети были приучены к труду. Леонид Евграфович вспоминал, как Витю, совсем еще маленького, спящего, он на руках уносил с собой в поле, чтобы с восходом солнца начинать пахать. «А кони-то его слушались, даром, что мал, едва от земли видать», — говорил он с гордостью за сына. Леонид Евграфович был организатором первого колхоза в Песчано-Бродском районе, а также инициатором строительства первой начальной школы: «Чтобы дети не были малограмотными, как мы с матерью». (Позднее Виктор, став научным работником, посылал в свою школу книги.) Отец часто рассказывал своим сыновьям о предках семьи — знаменитых казаках с Запорожской Сечи — Тягунах, о гражданской войне, о «гулявших» в то время на Украине отрядах «батьки» Махно и Маруси Бондаренко. Не прошли они мимо двора Тягуненок, забрав лошадь и живность. «А возражать не могли — зарубят!»

В год печально знаменитого «великого перелома», когда продотряды да местные власти по приказу «вождя всех народов» отбирали хлеб, а крестьяне стали пухнуть от голода, родители Виктора приняли решение оставить родные края и, спасая детей и себя от голодной смерти, переехать на Кавказ. С конца 1930 года они стали жить в Пятигорске, где прошли детские и отроческие годы Виктора.

Трудно было семье: отец стал извозчиком, мать — уборщицей в санатории, а Виктор с 12 лет был помощником электромонтера. Когда его сверстники играли, он работал, проводя электричество в домики на окраинах Пятигорска и на той улице, где 150 лет назад жил М.Ю. Лермонтов. Кстати сказать, со стихами М.Ю. Лермонтова ученый не расставался всю жизнь, бесконечно любя его творчество, и когда, много лет спустя, мы с Виктором приезжали к его родителям в отпуск в Пятигорск, первым делом всегда отправлялись в дом, где произошла ссора Лермонтова с Мартиновым, а также к месту их дуэли.

⁷⁹ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 1. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 70–82.

Виктор Леонидович рассказывал о том, как они с отцом и братьями ходили в горы, наблюдая жизнь чеченцев, адыгейцев и других кавказских народов. У Виктора было много друзей среди армян (он мог объясняться на армянском языке), а также среди немецких колонистов, живших в то время в Ставрополье. Безусловно, атмосфера «бытового интернационализма» повлияла на формирование характера будущего ученого. Вспоминая о суровом времени, Виктор Леонидович говорил: «Я никогда не обращал внимания на национальность своего боевого товарища. Для меня было важно лишь то, какой у него характер, храбр он или нет, иными словами: можно ли с ним пойти в разведку».

Учился Виктор с увлечением, был одним из лучших в классе. Как рассказывала его сестра, Нина Леонидовна, его всегда видели склоненным над книгой за единственным в доме столом. Потом с гиканьем он выскакивал в окно и несся с друзьями-мальчишками в горы. Горы он очень любил. Стал хорошим альпинистом, даже два раза был на Эльбрусе, не говоря уже о Машуке и Бештау: Виктор знал там каждую тропку.

Окончив школу в Пятигорске, В.Л. Тягуненко поступил в Киевский политехнический институт, в тот самый, где учился С.П. Королев, один из основателей космонавтики.

Виктор был человеком живого, активного ума, неукротимой энергии, с ранних лет он верил в высокие идеалы нашей революционной эпохи и всегда был на ее передовых рубежах вначале как комсомолец, а затем как коммунист. Со второго курса политехнического института в 1939 году Виктор был призван в Красную Армию и, пройдя курсы полковой школы пролетарской дивизии в Москве, отправлен в Финляндию, где шла в то время так называемая «зимняя война». Там он был ранен (потом число своих ранений он уже не мог припомнить) и отправлен в госпиталь в Ленинград. Затем были события в Прибалтике, свидетелем и участником которых также стал Виктор Леонидович.

Начало Великой Отечественной войны застало В.Л. Тягуненко в литовском городе Идрица, потом было отступление наших войск до Москвы, парад 7 ноября 1941 года на Красной площади и фронт. Сражался молодой солдат и под Ровно, где по заданию легендарного разведчика Николая Кузнецова, его, прекрасно знающего украинский язык, сбрасывали с парашютом в расположение партизанских отрядов на Украине. Вместе с партизанами он участвовал в рейдах в фашистский тыл.

День Победы 9 мая 1945 года Виктор Леонидович не смог встретить в кругу своих боевых друзей, в очередной раз оказавшись на операционном столе... Помню, как впоследствии он жаловался на судьбу за то, что она лишила его такой радости...

Виктор прошел путь от солдата до старшего лейтенанта. Особых продвижений в военной карьере не было, хотя орденов и медалей заслужил немало. Но эти награды почти не носил, может быть, только на парадах во время учебы в Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Нашу армию он любил и гордился ею, она воспитала в характере Виктора Леонидовича те качества, за которые его уважали и коллеги по работе, и студенты: дисциплинированность, скромность, ответственность. Он не раз говорил мне: «Вот были бы у меня сыновья, обязательно прошли бы военную службу». Но Бог не дал ему сыновей. У Виктора Леонидови-

ча две дочери — Елена и Анна, которых он нежно и преданно любил. Три внука, Виктор, Антон и Карл, родились после того, как дедушки уже не стало...

После окончания войны Виктор остался кадровым офицером в рядах Советской Армии. В 1954 году он закончил адъюнктуру на кафедре политэкономии Военно-политической академии им. В.И. Ленина и защитил кандидатскую диссертацию на тему «О роли колоний в накоплении капитала». Выбор темы неслучаен: к этому его подтолкнули, во-первых, события послевоенного периода, ознаменовавшиеся подъемом национально-освободительных движений бывших колоний, во-вторых, дружба с известным индологом, лауреатом премии имени Джавахарлала Неру Владимиром Васильевичем Балабушевичем, а также с авторитетными востоковедами А.М. Дьяковым, А.А. Губером и И.М. Рейснером. В те далекие послевоенные годы они, часто бывая в доме Тягуненко, вели нескончаемые беседы и споры о судьбах стран «третьего мира». В гостеприимном доме Виктора Леонидовича постоянно бывали и индийцы — друзья ученых. Все это не могло не оказать влияния на выбор направления исследований молодого экономиста.

После защиты диссертации Виктора Леонидовича направляют для дальнейшего прохождения службы на кафедру политэкономии в Военно-воздушную академию (ныне имени К.А. Гагарина). Там он начал читать полный курс политэкономии, включающий разделы капитализма и социализма. Активно участвуя в работе кафедры, В.Л. Тягуненко продолжал научные исследования, объектом которых стала борьба колоний за освобождение от Империалистического гнета! Основное внимание ученый уделял британским колониям, прежде всего Индии. Удивляли широта и смелость замысла — написать на основе кандидатской диссертации книгу с обязывающим заглавием «Войны и колонии» (книга вышла в Москве в 1957 году). Изучению судеб стран Азии, Африки и Латинской Америки Виктор Леонидович решил посвятить свою жизнь.

В конце 1956 года после демобилизации из вооруженных сил В.Л. Тягуненко перешел на работу в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Академии наук СССР, что позволило ученому значительно расширить проблематику исследования национально-освободительных движений и начать углубленное изучение экономики развивающихся стран. Необычайно увлеченный человек, Виктор Леонидович обсуждал свои идеи с коллегами, прежде всего с сотрудниками Отдела экономики и политики развивающихся стран ИМЭМО, который он возглавил в 1961 году. Впоследствии большинство из них стали его друзьями, которых он искренно ценил и к мнению которых всегда прислушивался.

Будучи женой Виктора Леонидовича, я знала его как прекрасного и доброго мужа, заботливого и любящего отца. А коллеги уважали его за то, что он сумел создать настоящий коллектив единомышленников, который в значительной мере держался не только на организаторском таланте Виктора Леонидовича, но и на его научном авторитете. Несмотря на то, что В.Л. Тягуненко был доктором наук, затем членом-корреспондентом, одно время даже заместителем директора института, ему были чужды суета и тщеславие.

В 1968 году В.Л. Тягуненко был избран членом-корреспондентом АН СССР. К этому событию он отнесся более чем спокойно. Он никогда не считал, что умнее и эрудированнее всех, что он все знает лучше других. Виктор Леонидович давал

общее направление, увлекал идеями, определял концепцию. Все знали, что в случае разногласий Виктор Леонидович всегда разберется в ситуации и найдет верное решение. В нем было то, что можно определить лишь словом «мудрость». При этом он никогда не подчеркивал своего высокого положения, не приказывал, не командовал. Ни малейшего намека на диктаторские замашки. Как говорили его коллеги, с ним работалось легко и радостно. При этом интриги и склоки подавлялись в корне, тут Виктор Леонидович был тверд. В отделе всегда царила на удивление товарищеская атмосфера, демократическая и доброжелательная. Е. Брагина, сотрудница отдела, так пишет о В.Л. Тягуненко: «Виктор был прирожденным лидером в лучшем понимании этого слова, организатором, и не только потому, что это был руководитель по должности, а потому, что его научный и нравственный авторитет был непререкаем. Виктор создавал творческий настрой, стремление увидеть события с нестандартных позиций, анализировать реалии, а не предписанные догмы» (МЭМО № 12, 1995).

После первого инфаркта, случившегося в 1963 году, Виктор Леонидович руководил отделом еще 13 лет — до самой смерти. Война не прошла бесследно, а многочисленные ранения подрывали его здоровье и, прежде всего, сердце. Но ученый-фронтовик стоически переносил все страдания, выпавшие на его долю, стараясь не огорчать и не пугать своей болезнью близких. Понимая, что времени осталось мало, он работал с удвоенной энергией. Как правило, с 8 часов он уже сидел за письменным столом. И так, с короткими перерывами, трудился до позднего вечера. Когда я пыталась изменить этот «убийственный» режим его дня, он говорил: «Не брани меня, Люсенька, лишь бы успеть. Мне так много надо написать». Последнюю свою книгу «Международное разделение труда и развивающиеся страны» Виктор Леонидович закончил 28 февраля 1975 года. Поставив точку, сказал мне: «Все. Больше таких толстых книг писать не буду. Клянусь тебе». А 4 марта 1975 года его не стало.

Научное наследие В.Л. Тягуненко трудно переоценить. Возглавив в 1961 году Отдел экономики и политики развивающихся стран, Виктор Леонидович создал работоспособный и дружный творческий коллектив, ставший под его руководством одним из ведущих в области исследования политико-экономических и социально-политических проблем развивающихся стран. Публикации сотрудников Отдела широко известны как в нашей стране, так и за рубежом. Сам Виктор Леонидович, занятый организаторской работой по координационной деятельности в различных ученых советах и ведомствах, по подготовке и редактированию коллективных трудов, по проведению международных симпозиумов и конференций, не прекращал научных исследований. В 1961 году в соавторстве с В.В. Рымаловым вышла книга «Слаборазвитые страны в мировом капиталистическом хозяйстве», в которой впервые были выявлены характерные черты мирохозяйственных позиций всей группы слаборазвитых стран: как независимых государств, так и тех, у которых сохранился еще колониальный статус.

В монографии были затронуты вопросы, связанные с изучением особенностей экономического положения этих стран в постколониальный период, определением значения фактора политической независимости в борьбе за экономическую самостоятельность, характеристикой противоречий и перспектив процесса формиро-

вания народнохозяйственных комплексов в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

В 1966 году В.Л. Тягуненко опубликовал монографию «Проблемы современных национально-освободительных революций», в которой рассмотрены социально-политические проблемы в развивающихся странах. Ученый подчеркивал необходимость устранения последствий культа личности в политической теории, отказа от многих догматических установок в объяснении особенностей политической борьбы в странах Азии и Африки. В работе обозначались новые подходы к анализу общей картины национально-освободительных революций 50–60-х годов. Сейчас на эти концепции мы смотрим по-иному. С высоты нашего сегодняшнего понимания многое из того, о чем писал Виктор Леонидович Тягуненко и его единомышленники: о некапиталистическом пути, революционной демократии, перерастании национальных революций в социалистические и т.д. — выглядит во многом устаревшим. Но оценивая работы экономистов того времени, не стоит забывать об исторической обстановке, в которой они создавались. Молодые сотрудники Отдела чувствовали себя борцами против сталинского догматизма, жестко разделявшего мир на страны «диктатуры пролетариата» и «диктатуры буржуазии», а также определявшего характер режима и революционной ситуации в стране наличием руководства компартии и ориентацией на СССР.

Не имея возможности бывать в изучаемых странах (Виктор Леонидович, например, был только в Индии, и то очень короткий срок), ученые не совсем адекватно оценивали уровень развития «третьего мира», приписывали «революционным демократам» устремления, которые не были им свойственны. Многие научные идеи того времени оказались неверными. Многие, но далеко не все.

В.Л. Тягуненко как научный руководитель и автор участвовал в создании трехтомной коллективной монографии «Классы и классовая борьба в развивающихся странах», в которой дана широкая картина развития стран Азии, Африки и Латинской Америки в новом времени. Наиболее новаторским оказался первый том «Классовая структура», где содержалась целостная социально-экономическая характеристика этих стран, была выявлена специфика классов и социальных групп и их роль в экономическом и политическом развитии бывших колоний и полуколоний.

В конце 60-х годов под руководством В.Л. Тягуненко началась работа над коллективной монографией «Проблемы индустриализации развивающихся стран», которая вышла в свет в 1971 году. В этой книге авторским коллективом была предложена концепция технического перевооружения всей национальной экономики бывших колоний и полуколоний с опорой на их собственную промышленную базу. При этом индустриализация рассматривалась как длительный процесс, успех которого зависит от многих факторов.

Наряду с этими монографиями появляются теоретические статьи Виктора Леонидовича, многие из которых переведены на английский, французский, немецкий и другие европейские языки. Кроме того, В.Л. Тягуненко написал ряд статей для иностранных изданий, а также рецензии на монографии, статьи для Большой советской энциклопедии. Немало книг вышло с его предисловиями или под его редакцией. Всего В.Л. Тягуненко опубликовал более 100 работ объемом около 200 печатных листов.

В 1974 году была опубликована книга В.Л. Тягуненко «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции и перспективы», которая в течение нескольких лет определяла направления и подходы к анализу процессов, происходивших в странах «третьего мира». За эту работу Виктору Леонидовичу Тягуненко в 1975 году была присуждена премия им. М.В. Ломоносова.

Много лет, вплоть до последних дней своей жизни, ученый работал над монографией «Международное разделение труда и развивающиеся страны». Изданная посмертно в 1976 году, эта книга представляет собой в значительной мере итог изучения мирового капиталистического хозяйства и экономики развивающихся стран. Вместе с тем эта книга — новая ступень в задуманных Виктором Леонидовичем теоретических исследованиях. Впервые в советской экономической литературе была сделана попытка рассмотреть международное разделение труда и формирование всемирного хозяйства в свете тех существенных изменений, которые внесли в этот процесс мировая социалистическая система и национально-освободительное движение. Наряду с разработкой безусловно новаторского для того времени подхода к проблемам мирового хозяйства, В.Л. Тягуненко несомненно принадлежит и заслуга всесторонней и объективной оценки феномена рециклирования нефтедолларов, вызванного к жизни многократным повышением цен на нефть в первой половине 70-х годов. Нельзя обойти вниманием оставшееся тогда почти незамеченным данное им определение таких только зарождавшихся процессов, как вывоз капитала из развивающихся стран и перемещение туда из индустриально развитых центров некоторых трудоемких производств, что заметно ускорило социально-экономическое расслоение «третьего мира», а также способствовало значительному росту так называемых новых индустриальных стран.

Рукопись книги широко обсуждалась в Отделе с привлечением специалистов из других отделов и секторов ИМЭМО АН СССР. Материал исследования послужил основой для написания ряда статей, опубликованных в журнале «Мировая экономика и международные отношения». Работа находилась в той стадии готовности, когда требовалась главным образом редакторская шлифовка. Смерть помешала Виктору Леонидовичу увидеть свой труд опубликованным. Подготовку рукописи к изданию завершили верные его памяти друзья и коллеги: доктора экономических наук Р.М. Аваков, В.В. Рымалов и В.Л. Шейнис. Неоценимой была помощь академика А.Г. Милейковского, работавшего с В.Л. Тягуненко сначала в Военной Академии, а потом в ИМЭМО и написавшего предисловие к книге.

В 1977 году книга В.Л. Тягуненко «Международное разделение труда и развивающиеся страны» была удостоена премии им. Н.Г. Чернышевского.

Следует отметить, что в последние годы жизни Виктор Леонидович Тягуненко много работал как организатор и первый председатель созданной в 1974 году Комиссии многостороннего сотрудничества академий наук бывших социалистических стран «Проблемы экономики и политики развивающихся стран», объединявшей научные центры Болгарии, Польши, Румынии, Чехословакии, Венгрии, ГДР и Советского Союза, а потом к ним присоединились научные центры Кубы и Монголии. В составе комиссии работали четыре подкомиссии: общих проблем, а также региональных проблем Азии, Африки и Латинской Америки.

Хорошо продуманная организация и авторитет ученых, участвовавших в исследовательских проектах, создали благоприятные условия для плодотворной деятельности комиссии: за 15 лет было издано 17 коллективных монографий и 37 сборников научных материалов, обсуждавшихся на международных симпозиумах и конференциях. А на русском и английском языках регулярно публиковался информационный бюллетень. Как мне рассказывали друзья Виктора Леонидовича, он давал положительный импульс всей работе комиссии.

Виктор Леонидович Тягуненко ушел из жизни в 1975 году. Его коллеги, тяжело переживая утрату, говорили: «Мы осиротели. Действительно, мы все почувствовали себя сиротами». «Наш отдел уже впоследствии не был таким, как при В.Л. Тягуненко, — считал доктор наук Ю.Г. Миркий, друг Виктора Леонидовича. — Что-то главное, важнейшее ушло, исчезло — безвозвратно и непоправимо. Что осталось? Осталась лишь память. Память о чудесном человеке, про которого каждый из нас может сказать: «Как же повезло в жизни, что довелось жить и работать рядом с Виктором Леонидовичем Тягуненко».

Основные труды члена-корреспондента АН СССР В.Л. Тягуненко

1. Тягуненко В.Л. *Угнетенные народы рвут оковы империализма*. М., 1955.
2. Тягуненко В.Л. *Войны и колонии*. М., 1957.
3. Тягуненко В.Л., Рымалов В.В. *Слаборазвитые страны в мировом капиталистическом хозяйстве*. М., 1961.
4. Тягуненко В.Л. *Крушение колониальной системы империализма*. М., 1961.
5. Тягуненко В.Л. *Проблемы современных национально-освободительных революций*. М., 1966.
6. Тягуненко В.Л. *Проблемы развития национально-демократических революций // Политическая экономия современного монополистического капитализма. Т. II*. М., 1970.
7. Тягуненко В.Л. *Неоколониализм и международное капиталистическое разделение труда // Международная жизнь, 1970. № 12*.
8. Тягуненко В.Л. *Разделение труда как основная форма развития общественного производства // МЭМО, 1974. № 10*.
9. Тягуненко В.Л. *Научно-техническая революция и положение развивающихся стран в мировом хозяйстве // «Третий мир» и научно-технический прогресс*. М., 1974.
10. Тягуненко В.Л. *Международное разделение труда и развивающиеся страны*. М., 1976.

Л.В. Тягуненко,
вдова В.Л. Тягуненко,
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник

**Яков
Григорьевич
Фейгин**

ПУТЬ УЧЕНОГО⁸⁰

Яков Григорьевич Фейгин (1903–1973 гг.) — известный ученый, заложивший основы экономического районирования, изучения факторов размещения производительных сил, территориальной организации производства, его труды стали методологической базой для обоснования критериев и оценок сравнительной эффективности размещения производства и промышленных комплексов на территории страны.

Путь ученого к теоретической разработке общих народнохозяйственных проблем и проблем экономической географии СССР начался с непосредственного осмысления хозяйственной практики. В 1929 году, через два года после поступления на географическое отделение второго МГУ, по партийной мобилизации Я.Г. Фейгин был направлен на работу по коллективизации рыбного хозяйства. Он был инструктором, а затем руководил Инструкторским отделом Всекоопромрыбколхозсоюза.

В 1930 году он публикует статью о рыбных промыслах на Аральском море. А в 1931 году выходит его первая книга «За рыбацкие колхозы». Эта работа стала результатом изучения рыбацких колхозов на Аральском море, Каспии и Мурмане.

В тот же год Я.Г. Фейгин окончил университет и поступил в аспирантуру. В 1932 году, когда он был еще аспирантом, его назначили ученым секретарем секции экономической географии Института экономики Коммунистической академии при ЦИК СССР. После окончания аспирантуры молодой исследователь совмещает научную работу в Институте экономики с педагогической деятельностью — заведует кафедрой экономической географии в Академии связи, в Московском плановом институте и преподает в Экономическом Институте Красной профессуры.

В 1938 году Яков Григорьевич Фейгин назначается руководителем сектора размещения производительных сил Института экономики АН СССР.

С 1932 по 1940 год Я.Г. Фейгин публикует статьи, главы в коллективных работах и книгу, посвященные общим проблемам экономической географии, экономического районирования СССР, освоения Крайнего Севера, индустриального развития национальных республик и другим экономико-географическим вопросам.

В 1939 году Я.Г. Фейгин избирается членом-корреспондентом АН УССР. Последняя его предвоенная книга «Размещение производительных сил СССР», сводящая воедино широкие научные интересы и разработки экономиста-географа, выходит в трагическом для страны 1941 году.

В первые месяцы войны Я.Г. Фейгин добровольцем уходит на фронт. Руководитель сектора Института экономики АН СССР, член-корреспондент АН УССР становится командиром огневого взвода в полковой батарее. За его пятью орденами и четырьмя медалями — участие во многих крупнейших сражениях Великой Отечественной войны: в обороне Москвы осенью и зимой 1941–1942 годов, в битве на Курско-Орловской дуге, в боях на Волге и Висле, в освобождении Варшавы, в наступлении на Берлин и штурме столицы нацистской Германии.

⁸⁰ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 4. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. — С. 50–73. Очерк подготовлен по материалам заседания круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Я.Г. Фейгина: К 100-летию Фейгина Якова Григорьевича (1903–1973 гг.): Круглый стол, 25 декабря 2003 г. / Институт экономики РАН. М., 2003.

И хотя фронтовикам строго запрещалось вести какие бы то ни было дневники, всю войну Яков Георгиевич делал записи о происходивших событиях. На основе этих материалов он написал книгу «От Вислы до Одера и Эльбы (Последние месяцы Отечественной войны)», в которой рассказал о фронтовых буднях и славных боевых делах артиллеристов 10-й краснознаменной Варшавско-Бранденбургской пушечной артиллерийской бригады 6-й ордена Ленина Мозырско-Берлинской дивизии прорыва РВГК в самые последние месяцы Великой Отечественной войны.

Приведем лишь некоторые фрагменты из этой книги, которая начинается так: «1945 год. 1 января. Вот он, новый, 1945 год. Мы встречаем его на „малой земле“ километров 50 южнее Варшавы. „Малой землей“ мы называли небольшой Магнушевский плацдарм на западном берегу Вислы. <...> Полки нашей бригады занимают боевые позиции вдоль южного берега реки Пилицы (приток Вислы) в низине с перелесками. На противоположном всхолмленном берегу Пилицы растянулся небольшой городок Барка. Этот город с костелом на переднем плане возвышается над местностью, занятой нашими войсками. Рядом с нами позиции артиллеристов Войска Польского.

Используя временный переход наших частей к обороне, немецкие войска усиленно совершенствуют в инженерном отношении свою оборону, строят мощные дзоты, блиндажи и доты, развивают сеть траншей и ходов сообщений, минируют подступы к переднему краю противотанковыми и противопехотными минами. <...> По данным нашей и армейской разведки нам противостоит 9-я армия генерала фон Лютвица. <...> Немецкая артиллерия бомбит нашу „малую землю“, главным образом, по ночам, особенно у переправы. <...>

Такова в общих чертах новогодняя обстановка на участке фронта, где действовала наша бригада. Эту обстановку вряд ли можно считать благоприятной для новогодней елки.

Для встречи Нового года мы собрались в землянке командира 486 полка нашей бригады, полковника Евгения Охатрина. Подняли наши „бокалы“ за то, чтобы 1945 год был последним годом войны, годом нашей победы.

Год назад мы были далеко отсюда и встречали Новый, 1944 год в деревне Переволоки на Гомельщине. Мы готовились тогда к наступлению на Калинковичи и Мозырь. Много мы прошли за минувший год, далеко позади наша советская земля. Год назад мы видели пожарища в восточных районах Белоруссии, а теперь видим, как горят польские города и села. <...> Скоро, скоро мы их освободим. <...>

Солдаты и офицеры каждый день спрашивают — когда начнем? Но я и сам точно не знаю, а им кажется, что я скрываю. Мои ответы на этот вопрос явно не удовлетворяют людей. Когда приходишь к орудийному расчету или к разведчикам, чувствуется, что люди горят нетерпением поскорее начать последний удар по врагу и тем приблизить конец войны. Но, очевидно, еще не все готово.

3 января. Второй день стоим на исходных для наступления боевых позициях. Немцы нервничают, как-то неорганизованно ведут артиллерийский огонь по нашему расположению. <...> На вопрос одного разведчика — когда же мы, наконец, начнем, телефонист за меня ответил: „Ты, товарищ Бессонов, уже два года партийный, а все спрашиваешь о том, что я, беспартийный, знаю. Если сегодня вечером будет партийное собрание в батаре, значит, завтра будем на-

ступать". Мне оставалось только присоединиться к этому совершенно справедливому ответу.

9 января. <...> Сегодня утром на совещании у командира нашей артиллерийской дивизии стало ясно, что наше наступление снова откладывается. Самое неприятное на войне — это оттяжки начала наступления, которого так ждут солдаты, офицеры и генералы.

13 января. Сегодня в 3 часа ночи мне связной принес пакет, в котором командующий 5-й Ударной армии сообщал о том, что 12 января войска 1-го Украинского фронта (маршала Конева) перешли в наступление и прорвали оборону противника на протяжении 60 км по фронту и на глубину в 40 км. Объявить личному составу разрешалось только днем. <...> Когда наши офицеры и бойцы узнали, что наш сосед слева успешно двинулся вперед — стали с радостью говорить о том, что, значит, и мы скоро двинемся. Сегодня как будто бы праздник. Да и у меня приподнятое настроение. <...> Завтра раненько утром загремят наши орудия. <...>

23 апреля. Немецкое население запугано до смерти. Немцы, особенно немки, буквально дрожат от страха. Это, прежде всего, результаты фашистской пропаганды и безобразий, творимых отдельными бойцами, называемыми "отставшими". Их очень трудно при наступлении держать в руках.

Три дня назад мы получили приказ Ставки улучшить отношение к немцам и даже не трогать рядовых фашистов, если они лояльно относятся к Красной Армии.

Когда идешь по улицам, <...> немцы различных возрастов стараются доказать, что они против Гитлера. Один немец средних лет одел на рукав красную повязку и доказывает, что он коммунист, другой говорит, что он полуеврей. <...> Дети — они не знают еще, что такое политические убеждения, и „липнут“ к нашим солдатам и офицерам. В домике, где мы остановились, шестилетняя Вальдеррате, буквально, как к отцу, тянется ко мне. Я ее угостил конфеткой и чаем. Она поблагодарила и даже поцеловала меня, а когда я уезжал — преподнесла мне цветы».

Победа приближалась, и, конечно, думалось фронтовику о возвращении к науке. Возможность вернуться в Москву была у Якова Григорьевича еще в январе 1945-го. Вот что он написал об этом в своем дневнике: «29 января. Сейчас вернулся из трехдневной поездки в Политуправление фронта, куда меня вызывали для переговоров. <...> Я не знал, по какому вопросу меня вызывают, и по дороге строил самые разные догадки. Ни одна из них не совпала с тем, о чем шел разговор с полковником — заместителем начальника отдела кадров.

Когда я зашел к нему, полковник достал из сейфа папку и, открывая ее, сказал о том, что Академия наук просит Главное управление кадров наркомата обороны вернуть меня на научную работу, с которой я ушел на фронт: „Вы честно исполнили свой долг перед Родиной в самые трудные годы войны и как крупный специалист можете теперь вернуться на работу, <...> вы теперь больше нужны на гражданке <...>“. „А это обязательно теперь?“ — спросил я. Полковник в нерешительности ответил: „Это от Вас зависит“. „Если так, — сказал я, — то хочу дойти до Берлина со своей бригадой. Осталось-то всего 150–160 километров до конца. И если уцелею до тех пор, то тут же вернусь на гражданскую свою работу“. „Вы пождождите немного, — сказал полковник, — я доложу генералу“.

Но генерала не оказалось на месте, и полковник предложил мне написать рапорт об оставлении в действующей армии до победы. Отдав свой рапорт полковнику, я ушел.

Я никак не предполагал, что после окончания войны мне придется служить в армии еще более года».

Из Красной Армии Я.Г. Фейгин был демобилизован в 1946 году в должности начальника политотдела артиллерийской бригады. Вернувшись в Москву, он возобновляет свою научную деятельность в Институте экономики АН СССР.

Впереди были еще 27 лет жизни, наполненных напряженной исследовательской работой. Все это время характерными чертами Я.Г. Фейгина как ученого продолжали оставаться критический подход к собственной работе, работе коллег и ориентация на практическую отдачу от теоретических разработок. По его мнению, экономисты-географы должны оказать большую помощь плановым и хозяйственным органам, но для этого необходимо преодолеть отставание на этом участке научной работы.

Я.Г. Фейгин всегда стремился идти в ногу со временем или опережать его в постановке научных задач. В 60-е годы он писал о значимости изучения экономической географии капиталистических стран и мировых хозяйственных связей, «о новой полосе развития» экономической географии, когда к ней предъявляются более высокие требования. И главное из этих требований, по словам ученого, — конструктивный, творческий подход к сложным экономико-географическим проблемам настоящего и будущего.

Занимаясь проблемами экономической географии, переживавшей период становления, Я.Г. Фейгин характеризовал ее как экономическую науку, которая должна развиваться на стыке и в тесном содружестве с естественными науками — физической географией, геологией, биологией, оставаясь при этом общественной наукой со своими специфическими задачами.

Экономическая география исходит из общих законов общественного производства и распределения материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества, изучаемых политической экономией. Законами политической экономии обусловлены наиболее общие черты географического размещения производства в каждой общественной формации, его наиболее общие закономерности. Это значит, что экономическая география, как и другие экономические науки, опирается на политическую экономию, но ни в коей мере не подменяет ее.

В своих работах ученый подчеркивал взаимосвязь экономической географии и отраслевых экономических наук — экономикой промышленности, экономикой сельского хозяйства, транспорта, экономикой торговли.

У экономической географии существуют определенные линии связей с историей народного хозяйства. Конкретные факты истории народного хозяйства помогают пониманию происходящих сдвигов в географическом размещении производительных сил при смене форм производства в каждый исторический период в различных странах и во всем мире.

Экономическая география тесно связана с социально-экономической статистикой, исследующей количественное выражение закономерностей развития

общества. Большое значение приобретают данные статистики и статистических разработок для экономического картографирования.

Определяя предмет экономической географии, Я.Г. Фейгин отмечал, что она изучает не только географическое размещение производительных сил или, точнее, размещение производства, но также условия и своеобразие его развития в различных странах и районах. Прежде всего, речь идет о природных, социально-экономических, исторических условиях, об экономическо-географическом положении страны или районов, о достигнутом уровне экономического развития района, страны, а также о характере расселения людей, специализации, структуре хозяйства, уровне концентрации производства.

Исследование научных основ рационального размещения производства предполагает наряду с анализом общих закономерностей изучение специфических особенностей размещения различных отраслей промышленности, сельского хозяйства, различных видов транспорта, а также изучение всей совокупности факторов, которые определяют размещение каждой отрасли в современных условиях.

Системное рассмотрение этих закономерностей на базе знания реальных процессов и фактов хозяйственной жизни страны, ее природных условий и природных ресурсов, основных направлений технического прогресса — важнейшее условие разработки тех научно обоснованных рекомендаций, которые предлагают экономисты-географы плановым и директивным органами своих государств для улучшения размещения производства.

Главной задачей экономической географии Я.Г. Фейгин считал разработку научно обоснованных методов экономического расчета при выборе наиболее экономичных вариантов размещения нового строительства и при определении наиболее рационального уровня специализации и оптимальной структуры производства в различных экономических районах и центрах производства.

Важным вкладом в экономическую науку стала разработка Я.Г. Фейгиным теории факторов размещения производительных сил, согласно которой только при комплексном учете влияния природных, топливно-сырьевых, производственных, транспортных, социальных факторов можно сделать правильный выбор района размещения производственного объекта, где экономия общественных затрат и эффективность результатов будет достигать оптимального значения.

В своих трудах ученый подчеркивал, что наряду с общими принципами для эффективного планомерного размещения предприятий необходимо учитывать и другие условия, так или иначе влияющие на данный процесс. Речь идет о природных и экономических факторах, о факторе времени, о техническом прогрессе.

Игнорирование или недоучет того или иного фактора неизбежно влечет за собой недостаточно эффективное использование природных условий, природных и трудовых ресурсов, понижение экономической эффективности капиталовложений, задержку в росте производительности общественного труда и замедление темпов расширенного воспроизводства.

Все это подтверждает важность глубокого изучения общих факторов размещения производства и особенностей размещения различных отраслей промышленности и сельского хозяйства, своеобразия различных экономических районов и республик. Без изучения этих особенностей, как считал ученый, немыслимо

научно обоснованное планирование размещения производительных сил и развития хозяйства республик и экономических районов.

В географическом размещении каждой отрасли промышленности имеются свои важные факторы — технико-экономические особенности, которые необходимо тщательно изучать и всесторонне учитывать при планировании размещения нового строительства. К числу этих особенностей относятся материалоемкость, топливоекмкость, электроемкость, трудоемкость производства, транспортабельность сырья и готовой продукции. Для размещения отраслей сельского хозяйства первостепенное значение имеют почвенно-климатические условия и трудовые навыки населения.

С опорой на теорию факторов размещения производительных сил Я.Г. Фейгин рассматривал вопросы размещения производства в западных и восточных районах страны. В результате проведенного исследования было установлено, что в европейских районах сложилось благоприятное сочетание социальных, экономических и транспортного факторов, а в восточных районах, где сосредоточены колоссальные запасы природных ресурсов, преобладают благоприятные естественные факторы, но ограничены социальные факторы, слабо развита производственная и транспортная инфраструктура, что приводит к возникновению диалектического противоречия между факторами размещения в западных и восточных районах.

Способом разрешения этого противоречия может стать, как доказал Я.Г. Фейгин, сдвиг производительных сил в восточные районы страны путем приоритетного развития транспортной системы и развития производственной и социальной инфраструктур. По мере развития производительных сил в восточных районах страны влияние неблагоприятных факторов можно было постепенно снижать, а в перспективе, при создании социальных и экономических условий и факторов, близких к европейским регионам страны, в восточных районах можно обеспечить более высокий уровень эффективности общественного производства за счет наличия высококачественных естественных ресурсов, особенно топливных, лесных, руд цветных металлов и других.

С учетом разнообразного сочетания природных, экономических и социальных факторов Я.Г. Фейгиным была разработана теория выделения экономических районов и экономических зон. Введение понятий экономического района и экономической зоны позволило на научной основе с применением комплексного подхода решать проблемы специализации экономических районов и определять направления оптимального размещения производительных сил на территории нашей страны.

Экономические зоны определяются как народно-хозяйственные комплексы, объединяющие группы смежных экономико-географических районов для решения общих задач. Существуют различные типы территориальных хозяйственных комплексов. Крупные экономические зоны объединяют группу смежных экономических районов, которые охватывают группу смежных краев, областей, автономных республик и национальных областей. Наконец, существуют микрорайоны и отдельные центры.

Создание трех-четырёх крупных экономических зон в разных частях страны необходимо для комплексного освоения природных ресурсов, для рационализации кооперирования специализированных предприятий, их материально-техни-

ческого снабжения, для ускорения обращения материальных благ. Кооперирование специализированных предприятий, как правило, должно осуществляться в пределах таких зон.

Формирование макроэкономических зон даст возможность эффективно решить ряд крупнейших народно-хозяйственных проблем — создание металлургических, топливных, энергетических баз и систем. На основе макроэкономических зон осуществляется планирование наиболее рациональных хозяйственных связей, обеспечивающих дополнительный экономический эффект.

Экономические районы — это экономически целостные, комплексно развивающиеся территории, которые выделяются своей производственной специализацией в масштабе страны.

Для того, чтобы система экономических районов развивалась и функционировала наиболее эффективно, обеспечивала бы наилучшее использование природных и трудовых ресурсов, производственных фондов и капиталовложений, межрайонных хозяйственных связей, необходимо научно обоснованное экономическое районирование страны. В условиях планового хозяйства экономическое районирование имеет первостепенное значение для территориального планирования, развития и размещения производительных сил, для территориальной организации хозяйства.

Опираясь на произведенные в Институте экономики АН СССР расчеты, Я.Г. Фейгин в своих работах показал, что в каждом экономическом районе необходимо строительство предприятий, рассчитанных на удовлетворение потребностей данного района.

В крупных экономических районах целесообразно развивать швейную и обувную отрасли легкой промышленности, а также отрасли пищевой промышленности: мукомольную, хлебопекарную, кондитерскую, мясную, молочную, пивоваренную, производство ликероводочных и безалкогольных напитков, вторичное виноделие.

Промышленность строительных материалов должна быть представлена в каждом экономическом районе производством в необходимых размерах стеновых, железобетонных и нерудных материалов, а лесная — производством мебели (сборка), картонажных изделий и деревообработкой (сборка).

Выпуск в достаточном количестве продукции перечисленных отраслей промышленности в каждом экономическом районе поднимет его комплексное развитие на более высокую ступень, обеспечит рациональное использование местных природных и трудовых ресурсов, удовлетворение местных потребностей при минимальных затратах и улучшит межрайонные связи.

Развитие хозяйства экономических районов должно идти путем создания в каждом из них более широкого комплекса отраслей, включающего наряду с названными выше отраслями и специализированное производство комплектующих изделий и деталей межотраслевого применения, литья, поковок, нормализованных узлов, агрегатов и оснастки, сварных конструкций, метизов, инструмента, запасных частей для нужд смежных экономических районов.

В каждом экономическом районе целесообразно развивать до размеров, полностью удовлетворяющих собственные потребности, нефтепереработку, производство цемента, шифера, мягкой кровли, стекла, синтетических изделий, ке-

рамических труб и других керамических изделий, пластмасс, резиновых, лакокрасочных изделий, фосфорных и азотных удобрений, ряда отраслей машиностроения и чугунного литья, а также производство животного масла, сыра, крахмало-паточной продукции, спирта и другой продукции пищевой промышленности, которая вырабатывается из местного сырья. Кроме того, комплекс крупных экономических районов включает и те отрасли промышленности и сельского хозяйства, которые развиваются в краях, областях и автономных республиках.

Первостепенное значение приобретает улучшение территориальных производственных связей по линии кооперирования специализированных связей и материально-технического снабжения и сокращение нерациональных перевозок сырья, топлива, готовой продукции.

Усиление технологических связей между предприятиями, обусловленных научно-техническим прогрессом, рационализацией комбинирования производства на основе комплексного использования сырья и топлива, а также развитие межотраслевого кооперирования специализированных предприятий внутри экономических районов приводят к возрастанию потребности в комплексном размещении новых предприятий внутри экономических районов. Этот выбор должен производиться для целого комплекса взаимосвязанных предприятий, которые в настоящее время или в ближайшей перспективе будут размещены в данном экономическом районе или в промышленном центре.

Выделение экономических районов в планировании способствует правильно-му географическому размещению производства и наиболее экономичной территориальной организации народного хозяйства.

В системе территориальной организации и территориального планирования наряду с крупными экономическими районами все большую роль играют микрорайоны. Таких районов насчитываются тысячи, и каждый из них имеет свои экономические и природные особенности, выполняет определенные задачи, которые решаются на сравнительно небольшой территории с небольшим числом предприятий.

Каждый экономический район выделяется внутри страны специализацией и структурой производства, природными и людскими ресурсами, а также своим экономико-географическим положением.

Особое внимание в исследованиях Я.Г. Фейгина уделено теоретической, методологической и методической разработке актуальных в то время вопросов территориальной структуры, территориальных пропорций и их экономической эффективности.

Территориальное планирование народного хозяйства опирается на систему экономических районов разного типа. В этой системе можно выделить отраслевые районы, то есть районы, на территории которых размещается основная масса производства данной отрасли промышленности или сельского хозяйства.

Первоосновой образования и развития отраслевых районов служит территориальное разделение общественного труда, локализирующее определенные отрасли производства в определенных областях страны, которые и становятся специализированными отраслевыми районами. Это относится не только к промышленности, но и к сельскому хозяйству.

При экономическом анализе отраслевых районов и при изучении их роли в повышении производительности общественного труда необходимо учитывать специфические особенности размещения данной отрасли. При этом следует иметь в виду две стороны задачи. Во-первых, необходимо с экономической точки зрения оценить уже сложившееся размещение данной отрасли, положительно и отрицательно действующие на ее экономическую эффективность факторы. Во-вторых, необходимо определить пути дальнейшей рационализации ее географического размещения в ближайшей и более отдаленной перспективе.

Необходимо также учитывать развитие и размещение сопряженных отраслей и предприятий внутри данного района и за его пределами.

С развитием производительных сил отраслевых районов появляется все больше. Рост их числа обусловлен, прежде всего, возникновением новых отраслей промышленности и сельского хозяйства. Кроме того, число отраслевых районов возрастает в связи с развитием старых отраслей: черной металлургии, угольной, нефтяной, лесной, рыбной промышленности.

Важнейшие отрасли промышленности, в особенности черная и цветная металлургия, угольная и нефтяная промышленность, целый ряд отраслей машиностроения, химической, легкой и пищевой промышленности размещаются таким образом, что основные их предприятия сосредоточиваются в относительно небольшом числе экономических районов, где имеются наиболее выгодные природные и экономические условия для их развития. Аналогичная ситуация сложилась и при размещении сельскохозяйственного производства: ряд отраслей животноводства и растениеводства сосредоточен лишь в определенных районах. Выявляя причины, способствовавшие неравномерному размещению производства, Я.Г. Фейгин подчеркивал, что указанные особенности неразрывно связаны с территориальным разделением общественного труда.

Специализация экономических районов планомерно сочетается с основными территориальными пропорциями размещения отраслей промышленности и сельского хозяйства в целях наиболее рационального использования природных и трудовых ресурсов, производственных мощностей и предприятий.

Ученый выделил три группы отраслей в каждом экономическом районе. Ведущая роль, по мнению экономиста, принадлежит тем отраслям производства, на которых районы специализируются в общегосударственном и межрайонном масштабе. Наряду с этими отраслями выделяются сопряженные с ними отрасли и предприятия. К третьей группе относятся отрасли и предприятия, производящие предметы и продукты местного потребления.

Каждый районный комплекс отличается не только своей специализацией, но и отраслевой структурой, определенными пропорциями между отраслями. При этом комплексность отнюдь не означает какой-либо автаркии. Наоборот, пропорциональность внутрирайонного комплекса планируется с обязательным учетом его межрайонных и внутрирайонных связей.

Проведенные Я.Г. Фейгиным исследования позволили ученому утверждать, что по мере развития производительных сил структура районных комплексов совершенствуется и их экономическая эффективность повышается.

Одним из важнейших условий рационального размещения производительных сил Я.Г. Фейгин считал комплексное развитие хозяйства экономических районов, поскольку оно способствует более эффективному использованию природных ресурсов и почвенно-климатических условий в различных частях страны, приводит к систематическому сокращению чрезмерно дальних и других нерациональных перевозок сырья, топлива и готовой продукции, а также обеспечивает возможность сочетания общегосударственных интересов с интересами каждого экономического района и республики.

Правильное соотношение между различными отраслями хозяйства внутри экономического района, создание недостающих или соответствующее развитие отстающих звеньев имеют исключительное значение для развития не только данного экономического района, но и для страны в целом, так как диспропорции, образующиеся в хозяйстве экономического района, задерживают его развитие. Правильное планирование развития хозяйства республики и экономических районов предупреждает возникновение всех этих диспропорций.

Возможности комплексного развития экономических районов и республик увеличиваются по мере подъема общего уровня народного хозяйства всей страны, по мере выявления новых природных богатств, по мере открытия новых методов комплексного использования сырья, гидроресурсов.

Наряду с отраслевыми районами существуют интегральные экономические районы, которые специализируются не на одной, а на ряде отраслей промышленности и сельского хозяйства, и чем выше уровень развития производительных сил, тем шире круг отраслей, на которых специализируется интегральный экономический район. Это связано с появлением новых отраслей промышленности и сельского хозяйства. Границы интегральных экономических районов во многих случаях не совпадают с границами отраслевых районов, или зон.

Характеризуя экономику СССР с точки зрения районирования, ученый отмечал, что в стране существуют два основных вида экономических районов — крупные экономико-географические районы и экономические административные районы. Каждый из крупных экономических районов объединяет группу смежных экономических административных районов, которые образованы по территориальному принципу.

Экономическая целостность крупных экономических комплексов сочетается с разделением труда между составляющими их экономическими административными районами, дополняющими друг друга.

В трудах Я.Г. Фейгина факторы размещения производительных сил и проблемы экономического районирования рассматриваются во взаимосвязи и взаимозависимости. По мнению исследователя, без учета природных условий и природных ресурсов каждой страны и каждого района нельзя установить все факторы, определяющие своеобразие развития общественного производства и его размещения, выявить различия в уровне производительности труда в одних и тех же отраслях производства, размещенных в разных районах и странах. Однако ученый отмечал, что при всей важности фактора природных условий ему нельзя приписывать решающую роль в развитии и размещении общественного производства.

Географическое размещение производства и образование экономических районов неразрывно связаны с обобществлением труда, с общественным разделением труда вообще, с международным разделением труда и с разделением труда между районами в особенности.

В географическом размещении производства первостепенное значение имеют образование и развитие экономических районов и центров, межрайонные отношения в системе народного хозяйства данной страны. Взаимоотношения между районами являются по своему характеру экономическими отношениями. При различных способах производства материальных благ отношения между экономическими районами имеют свой особый характер, свои специфические закономерности и особенности.

Большое внимание Я.Г. Фейгин уделял выработке принципов формирования сетки экономических районов. Ученый писал, что только экономические расчеты могут служить основанием для оценки практического и научного значения сетки экономических районов, для определения границ этих районов, именно экономическими расчетами и можно доказать, что тот или иной проект экономического районирования может обеспечить наиболее высокую производительность общественного труда, более рациональные территориальные производственные связи по всей стране, наиболее эффективное использование природных и трудовых ресурсов. Перспективным при составлении сетки экономических районов страны ученый считал использование балансовых расчетов.

Я.Г. Фейгин подчеркивал необходимость помимо других факторов всесторонне учитывать природные условия и природные ресурсы различных частей страны, опираясь на данные научных исследований в области физической географии и геологической науки, оценивая состояние, уровень и результаты этих исследований, отдавая себе отчет о еще не решенных проблемах в соответствующих областях названных наук.

В этой связи Я.Г. Фейгин отмечал, что в отраслевых экономиках при изучении закономерностей развития отраслей необходимо уделять соответствующее внимание и вопросам их географического размещения. Поскольку географическое размещение производства носит комплексный характер и неразрывно связано со специализацией и комплексным развитием хозяйства экономических районов, отраслевые экономики опираются не только на политическую экономию, но и на экономическую географию.

Для размещения предприятий каждой отрасли с ее технико-экономическими особенностями наиболее благоприятные экономические и природные условия имеются в определенных экономических районах и центрах страны, которые изучаются экономической географией. Вместе с тем экономическая география, как уже отмечалось, изучает общие закономерности размещения производства, которым подчинено и размещение каждой отрасли общественного производства.

Практическое применение теоретические положения концепции Я.Г. Фейгина нашли при разработке методики обоснования наиболее экономически эффективной специализации экономических районов и рационального сочетания отраслей в хозяйственном комплексе, а также при выработке методики экономической оценки различных факторов, определяющих специализацию и комплексное разви-

тие экономических районов: природных условий, трудовых ресурсов, технического прогресса.

По проблемам повышения эффективности размещения производительных сил и территориальной организации хозяйства имеются довольно крупные научные работы. Среди них — коллективная монография Института экономики АН СССР, в которой обосновываются объективная необходимость и реальные возможности систематического повышения экономической эффективности размещения производства в СССР, определены основные ее факторы, даны система показателей экономической эффективности размещения отраслей и предприятий и методика расчетов при выборе оптимальных вариантов.

В книге исследуется широкий круг методологических и методических проблем, связанных с определением экономической эффективности размещения производства, в частности, рассматриваются районные различия в удельных капиталовложениях на развитие производства и методы их определения, районная дифференциация материальных затрат и система их оценки, районные различия эффективности минерально-сырьевых ресурсов, районные затраты на рабочую силу, районные различия в уровне транспортных затрат на доставку продукции потребителям, особенности определения экономической эффективности добывающей промышленности, экономическая эффективность размещения сельского хозяйства по экономическим районам, методические вопросы определения экономической эффективности использования взаимозаменяемого сырья разных районов. Большое место в работе отведено анализу экономической эффективности концентрации производства и установлению критериев определения оптимальных размеров промышленных предприятий в экономических районах; обозначены проблемы разработки методологии и методики определения экономического эффекта от хозяйственного комплекса в целом и отдельных его отраслей.

Решаемые в этой монографии методологические и методические задачи определения экономической эффективности размещения производства имели важное научное и практическое значение для повышения уровня технико-экономического обоснования размещения и оптимальных размеров новых и реконструируемых предприятий.

Наряду с теоретическими исследованиями представлены специальные научные методики определения экономической эффективности размещения промышленности и сельского хозяйства. Следует отметить разработанную Институтом экономики АН СССР «Методику определения экономической эффективности размещения промышленности при планировании и проектировании нового строительства» (М.: Экономика, 1966). Эта методика представляла интерес для плановых и проектных организаций, которые занимались выбором районов и пунктов размещения новых предприятий и их комплексов. Однако Я.Г. Фейгин подчеркивал, что необходимо всемерно расширять и углублять научные исследования проблем экономической эффективности, учитывая новые экономические, технические и другие условия развития народного хозяйства страны.

Многие теоретические исследования и методологические разработки ученых советского времени, как свидетельствует исторический опыт, не потеряли своей актуальности и для развития экономики современной России, хотя

зарождались они в противоречивый период истории нашей страны. В полной мере это относится и к научному наследию Я.Г. Фейгина. Заложенные в его трудах подходы к решению сложных проблем экономического районирования сегодня позволяют развивать основы федерального устройства современной России, ориентированные на вертикальную социально-экономическую интеграцию, которая возможна при гармоничном институциональном взаимодействии территориальных округов (экономических зон) с республиками и субъектами Российской Федерации.

Концепция размещения производства, предложенная Я.Г. Фейгиным, позволила сформулировать принципы гармоничного и комплексного развития и размещения производительных сил, реализация этих принципов способствует обеспечению оптимального сочетания факторов функционирования производства и достижению высокого уровня производительности общественного труда путем сдвига производительных сил в восточные районы страны. Большой теоретический и методологический потенциал, заключенный в трудах Я.Г. Фейгина, реализовался в новых подходах к территориальной организации производства и построении государственной политики развития и размещения производительных сил страны на основе территориального планирования.

С середины 60-х годов прошлого века в соответствии с координационным планом работ, утвержденным Госпланом СССР и Госкомитетом СССР по науке и технике, началась разработка Генеральной схемы развития и размещения производительных сил СССР, представляющая собой первый опыт по объединению всех научных сил страны, в первую очередь, на базе теоретического и методологического задела, созданного учеными Института экономики АН СССР.

В разработке отраслевых и территориальных схем, сводные проектировки которых вошли в виде разделов в Генеральную схему, участвовали 560 научных и проектных институтов. Работа проводилась совместно с Академией наук, в частности, с ее Научным советом по проблеме «Размещение производительных сил СССР», где работал Я.Г. Фейгин, с организациями министерств и ведомств, Госпланов и академий наук союзных республик. Всей работой руководил Госплан СССР, его отделы создали специальные рабочие группы, контролировавшие и корректировавшие подготовку схем и оценивавшие ее результаты. Генеральные схемы рассматривались и в основном одобрялись коллегией Госплана СССР.

Важное значение при разработке региональных схем придавалось определению приоритетов в развитии отраслей и районов, повышению эффективности капиталовложений и всего общественного производства, усилению роли перспективных планов, территориальных балансов, программно-целевого метода, внедрению системы научно обоснованных технико-экономических норм и нормативов. Как некоторое продвижение к рыночным формам хозяйствования можно рассматривать установку на то, чтобы производить оценку результатов деятельности производственных объединений (предприятий) и их экономическое стимулирование, исходя, прежде всего, из планов поставок продукции по номенклатуре и в сроки, соответствующие заключенным договорам (заказам), а также с учетом повышения производительности труда, улучшения качества продукции и роста прибыли.

В сводных материалах Генеральной схемы до 1990 года были обоснованы:

- общеэкономические проблемы размещения производительных сил (даны анализ современного размещения производства, прогнозы территориальных пропорций народного хозяйства, численности населения и трудовых ресурсов и их занятости, формирования системы расселения, повышения уровня жизни по союзным республикам, экономическим зонам и районам);
- схемы размещения отраслей народного хозяйства и промышленности с учетом регионального аспекта научно-технического прогресса;
- схемы комплексного развития и размещения производительных сил союзных республик и экономических районов;
- схемы по крупнейшим межрегиональным народно-хозяйственным и территориально-производственным комплексам;
- прогноз развития международного разделения труда и его влияния на размещение производительных сил СССР;
- определение экономической эффективности размещения производительных сил.

В последующих разработках рассматривались вопросы обоснования региональной стратегии социально-экономического развития республик и регионов страны, развития межотраслевых народно-хозяйственных комплексов, развития Москвы и области, Ленинградской агломерации, формирования и развития новых ТПК, анализировались основные региональные межотраслевые проблемы, гораздо шире стали исследоваться проблемы охраны и рационального использования природных ресурсов, эффективности территориальной структуры, появился анализ формирования территориальных товарно-рыночных связей в составе единого рынка СССР, традиционным стал раздел, отражающий вопросы экономического стимулирования рационального размещения производительных сил.

В последней Генеральной схеме на 1986–2000 годы стратегические проектировки были направлены на реализацию самых актуальных и острых проблем совершенствования территориальной структуры народного хозяйства, в которых предусматривалось:

- повышение уровня жизни населения и решение других социальных задач в республиках и районах в тесной увязке с эффективностью общественного производства;
- обеспечение прогрессивных территориальных сдвигов производительных сил на основе ускоренного и более комплексного развития восточных районов;
- дальнейшее развитие районов европейской части страны на базе широкой реконструкции и технического перевооружения предприятий с ограничением роста производства высокоэнергоёмкой и водоемкой продукции, предотвращением чрезмерной концентрации промышленности и населения в крупных городах, обеспечением рационального сочетания больших, средних и малых городов;
- более экономное снабжение топливом и электроэнергией народного хозяйства, особенно районов европейской части страны (включая Урал), на основе последовательного совершенствования структуры их производства, осуществления обоснованной программы строительства атомных электростанций, разви-

тия в восточных районах крупных топливно-энергетических баз общегосударственного значения, формирования здесь территориальных комплексов по производству высокоэнергоёмкой продукции;

- увеличение вклада каждой республики и района в экономику страны, решение общегосударственных задач укрепления единого народно-хозяйственного комплекса на основе дальнейшего роста интенсификации и эффективности общественного производства, обеспечения комплексного экономического и социального развития всех регионов.

В процессе разработки региональных схем на базе научной школы Я.Г. Фейгина осуществлялось дальнейшее развитие теоретических и прикладных исследований по основным направлениям:

- закономерности общественного территориального разделения труда;
- принципы, факторы и условия размещения отраслей производства;
- уровни и результативность региональной специализации, интенсификации, комплексности и интеграции;
- критерии и показатели оценки территориальной эффективности производства; выравнивание (сближение) показателей социально-экономического развития республик и регионов;
- факторы внутрирайонного размещения производства и формирования ТПК; принципы и методы экономического районирования и административно-территориального устройства и другие.

Актуальность этих научных направлений чрезвычайно высока, они имеют мощный научный потенциал для новых теоретико-методологических разработок в условиях глобализации региональных систем и развития современных федеративных отношений в России.

Основные труды академика Я.Г. Фейгина

1. *Размещение производительных сил СССР. М., 1941.*
2. *Пути освоения природных богатств Сибири и Дальнего Востока. М., 1956.*
3. *Размещение производительных сил СССР в семилетке. М., 1960.*
4. *Методологические вопросы экономической географии. М., 1962. (В соавторстве с П.М. Алампиевым.)*
5. *Вопросы размещения производительных сил и развития экономических районов. М., 1964.*
6. *Ленин и социалистическое размещение производительных сил. М., 1969.*

Е.И. Александрова,
кандидат экономических
наук, научный сотрудник
Института экономики РАН

В.Г. Ионин,
старший научный сотрудник
Института экономики РАН

**Василий
Романович
Боев**

СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ⁸¹

22 июня 1941 года. Стоял теплый солнечный день. В ближайшем от дома сквере мы с друзьями с утра ожидали своей очереди для игры в шахматы с местным «гросс-мейстером» Олегом Галкой. Олег был удивительно похож на Владимира Маяковского, особенно в профиль, когда наклонялся для перестановки фигур и буйная шевелюра обрамляла его лицо.

Вдруг из громкоговорителя, висевшего на столбе, послышался тревожный, проникающий в душу голос диктора: «Внимание! Внимание!.. Говорят все радиостанции Советского Союза!» Ю. Левитан и В.М. Молотов извещали о том, что блуждавшая по Европе война пришла в нашу страну. Первые бомбы немецких захватчиков обрушились на Киев, Одессу, Севастополь, на многие приграничные города и поселки.

Долго размышлять и оценивать, что делать в этой ситуации, не пришлось. Уже через три часа вместе с другими добровольцами я был в военкомате, готовый выполнять свой долг перед Родиной. Однако работники военкомата еще не получили конкретных указаний, поэтому под вечер последовала команда — всем отправляться по домам до завтра, а утром с запасом продуктов на один-два дня прибыть на сборный пункт.

Короткая летняя ночь ушла на взволнованные разговоры и споры с друзьями и родными о том, что нас ожидает в ближайшем будущем. Все сходились на мысли, что мы быстро покажем наглым захватчикам где раки зимуют. Никто не сомневался: победа придет к нам скоро, максимум через два-три месяца. Все были уверены в правоте нашего дела и в том, что война закончится «малой кровью, но сильным ударом».

Надо было торопиться на фронт, чтобы успеть повоевать. Конечно, мы думали, что в первые же дни войны немецкие рабочие, одетые в военную форму, встретившись с нашими рабочими, договорятся как пролетарии о том, кто с кем и за что должен воевать...

Помню, с нетерпением ожидал следующего дня. С утра пораньше, в полной боевой готовности, был уже на сборном пункте у железнодорожного вокзала. На прощание с близкими хватило нескольких минут. Мой вагон № 33 в эшелоне № 3015 начал отсчитывать первые километры навстречу войне. Вот и Харьков — база формирования войсковых подразделений. Четыре дня (вместо двух месяцев) отводилось на экипировку и ускоренную военную подготовку, которая в армии тогда называлась кадрировкой. Твердая и наивная вера в скорую победу над коварными фашистами была подкреплена винтовкой-трехлинейкой не первой свежести, из которой, похоже, в последний раз стреляли по японцам еще в 1905 году. В ночь на 29 июня эшелон, заполненный молодыми бойцами-романтиками, двинулся дальше. Теперь уже не просто на Запад, а навстречу вероломному врагу.

Вскоре стало ясно, что в действительности война совсем иная, чем мы ее представляли. Примерно в ста километрах от Полтавы впервые в жизни услышал я и близкий свист пуль, и взрывы снарядов. Появились немецкие самолеты, которые пронеслись бреющим полетом над эшелоном, поливая нас свинцом из пу-

⁸¹ Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Вып. 3. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004, с. 46–55.

леметов и авиационных пушек. Команда «Воздух!» прозвучала лишь тогда, когда атаковавшие нас «стервятники» растворились в утренней дымке. Остались страшные следы войны.

После общего переполоха я очнулся полуживым в болоте, через которое проходила крутая железнодорожная насыпь. Первая встреча с врагом оказалась печальной: 28 убитых и 25 раненых — вот цена вражеского налета. Среди погибших — мой близкий школьный друг, сосед по дому в городе Красный Лиман, Виктор Павлов, с которым мы ехали в одном вагоне. Пуля попала в голову, и смерть 17-летнего воина, который не сделал ни одного выстрела, для меня была мучительной. Все произошедшее подействовало отрезвляюще, стало ясно, что война — это серьезная и очень даже опасная штука.

Глядя на убитых и раненых товарищей, я начинал понимать, что, видимо, придется участвовать совсем не в той войне, о которой мы жарко спорили на комсомольских собраниях и читали в газетах. Но выбирать не приходилось, перед нами стояла одна задача — вперед на Запад, и только вперед. Должен с благодарностью отметить, что судьба, если можно так сказать, отнеслась ко мне весьма благосклонно: я оказался в числе 3% молодых людей 1920–1924 годов рождения, которых жернова войны не перетерли и оставили живыми.

За долгие четыре года довелось многое увидеть, услышать и пережить. Самыми гнетущими, глубоко проникающими в сердце и сознание, были картины отступления неуправляемой, мягко говоря, армии под бесконечным душераздирающим воем и бомбежками немецких «юнкерсов» и «мессершмиттов». В первые месяцы войны они практически безнаказанно расправлялись с отступающей армией и толпами деморализованных беженцев, которые днями и ночами двигались на спасительный Восток в надежде найти там защиту. В бессилии вспоминались безответственные слова наших вождей о том, что если начнется война, то бить врага будем на его же территории.

В самом начале боевой жизни мне без какого-либо обучения было присвоено первое командирское звание — младший сержант. Теперь приходилось отвечать не только за себя, но и за действия других. К моим 18 годам это обстоятельство сразу прибавило еще лет 5–10. Сейчас смешно вспоминать об этом, но тогда это было памятной психологической встряской. Отдавая необходимые команды, я чувствовал себя более взрослым, ответственным, чем тогда, когда был рядовым.

На пятый день передислокации на берег Днепра для прикрытия войск, отступавших из-под Киева, меня среди ночи вызвал командир роты Соболев. Вместе с политруком Васиным они задали два вопроса о моем образовании и здоровье.

Выслушав ответы, сообщили, что по приказу Верховного Главнокомандующего в Сибири формируются ударные дивизии. Для них нужны не только солдаты, но и командиры разных уровней. И вот я вместе с группой таких же новоиспеченных младших командиров оказался в глубоком тылу — в Рубцовском военно-пехотном училище. Конечно, было обидно в такое тревожное для страны время оказаться в тылу. Но в армии спорить не принято, хотя я все-таки писал рапорты с просьбой об отправке на фронт. На полях третьего из них появилась острая, как штык, резолюция о том, что за свое упрямство могу попасть под трибунал. Это в определенной

мере охладило мой горячий патриотический порыв, позволило через шесть месяцев надеть лейтенантские погоны, получить вместо кирзовых яловые сапоги, стать настоящим командиром.

Тяжелые эпизоды войны с неизбежными ранениями, смертями и разрушениями глубоко западают в память во всех деталях и частностях. Но я на всю жизнь запомнил, казалось бы, незначительный эпизод, который помог найти ответ на жгучий вопрос о том, где было тогда лучше: на фронте или в тылу...

Случилось это зимой 1943 года в Новосибирске. Здесь я опять не по своей воле оказался на курсах повышения квалификации командиров рот и батальонов. Курсы как курсы. Стремительные и конкретные. Занятия каждый день, без выходных. С утра до вечера — вставай-ложись, заряжай-разряжай, наступай-отступай. Все, как говорится, шло своим чередом, строго по планам. И вдруг в 2 часа ночи — боевая тревога. Через десять минут все слушатели курсов были в машинах, а еще через полчаса — у проходной эвакуированного из Подмоскovie крупнейшего завода боеприпасов № 17. Наша задача состояла в том, чтобы помочь рабочим загрузить в вагоны ящики готовых боеприпасов, забаррикадировавшие все подходы к погрузочной платформе. Таких ящиков были тысячи, каждый весил от 12 до 28 кг. Через считанные часы завод мог остановиться из-за затаренности. А это в военное время очень большое ЧП. После трех часов работы спина уже не разгибается, а выполнено менее трети задания...

В короткий перерыв я решил посмотреть, как работают линии сборки боеприпасов. Меня потрясло увиденное — примерно 80% из числа рабочих были женщины и ребята шестнадцати лет. Худые, изможденные, они, как призраки, копались у конвейеров. Работа на заводе шла круглосуточно, и днем и ночью...

Не сахар служить в действующей армии, даже если находишься не на фронте. Но там, как правило, ты накормлен, одет и обут. Мирные же жители вынуждены заботиться о себе сами. Увидев воочию «прелести» фронта и тыла, не скажу, что в тылу было лучше, чем на передовой. Понял, что мы, фронтовики, должны испытывать великую благодарность к тем, кто самоотверженно трудился в тылу, к тем, чьими руками ковалась материальная основа победы.

Однако война продолжалась. Правда, это была уже не война лета 1941 года. В 1944-м характер ее изменился. Теперь уже наша армия наступала, а немцы отступали, теряя технику, людей. И что самое главное, мы уже полностью ощущали уверенность в победе.

В прошедших кровопролитных боях хотя и испарилась фашистская спесь, но сил у врага оставалось еще немало. Каждую пядь земли приходилось брать с боем. Ожесточенному сопротивлению способствовал и страх фашистов: они стали осознавать, что им скоро уже придется расплачиваться за содеянное зло.

Я видел начало войны. Тогда немецкие механизированные полчища, плотно прикрытые с воздуха авиацией, кромсали и захватывали наши территории. Теперь уже наши танковые корпуса и мотострелковые бригады, при полном господстве в воздухе нашей авиации, делали все, чтобы немцы оказались в такой же ситуации, как в начале войны мы.

В апреле 1944 года 12-я мотострелковая бригада 10-го гвардейского уральского добровольческого танкового корпуса, где я командовал вторым мотострел-

ковым батальоном, вышла к Зеедовским высотам, которые прикрывались рекой Одер. Перед наступлением нашей армии, кроме танков, на каждом километре прорыва было сосредоточено по 200–250 пушек разного калибра. С той и другой стороны каждый метр прибрежной полосы простреливался кинжальным артиллерийским и пулеметным огнем.

Однако не помогли фашистам ни водный рубеж, ни укрепленные высоты. Напор наш был настолько стремительным и могучим, что через несколько дней Советская Армия оказалась под Берлином. Вместе со многими другими частями 10-й танковый корпус под руководством маршала И.С. Конева был направлен на юг, в сторону Чехословакии, где началось восстание жителей Праги.

Памятным из этого грандиозного марша осталось взятие перевалов Судетских гор на границе Германии и Чехословакии. Главная трудность состояла в том, что в горах нет дорог в обычном понимании. Там не свернешь в сторону, не обойдешь препятствие. Приходилось двигаться только по узкой тропе, где с одной стороны — скалы, а с другой — обрывы, глубиной 200–300 и более метров, разбирая завалы, уничтожая засады фаустников и автоматчиков, очищая заминированные участки. Наконец, после многих кровавых столкновений с фашистами, устраивавшими засады на лесных дорогах, путь на Прагу был открыт.

Не могу забыть горную деревушку, состоявшую из десятка домов. Это было 5 или 6 мая 1945 года. Очередная «пробка» — и остановилась бесконечная колонна из сотен танков и автомобилей.

Техника и люди на пределе напряжения. Тихо. И вдруг с крыши ближнего дома в предрассветной тишине раздается величественная мелодия Интернационала, который дуэтом исполняли старик на трубе и мальчик лет пятнадцати на скрипке. Закончив играть, старик во весь голос крикнул: «Наздар руда армада!» Что это? «Долой!» или «Да здравствует!»? Оказалось, что это приветствие Красной Армии.

Чувства, которые нас охватили при этой встрече, словами выразить нельзя. Это все надо было увидеть своими глазами и пережить сердцем...

Я часто вспоминаю этот эпизод, так же как и теплые встречи с чехами на улицах Праги. Казалось, что все жители города вышли приветствовать своих освободителей со слезами благодарности на глазах. В этих впечатляющих встречах перемешались и горечь наших поражений в начале войны, и радость тогдашней трудной Победы...

К сожалению, сегодня это святое время далеко не все помнят в братской Чехии. Но ведь так действительно было. Это — истина. А истина неподвластна времени и политической конъюнктуре...

Так вспоминает годы Великой Отечественной войны, рассказывает о своем восприятии событий того трудного времени известный ученый, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации Василий Романович Боев. Он родился в 1922 году. Начал войну красноармейцем, окончил гвардии старшим лейтенантом, командиром мотострелкового батальона 10-го уральского гвардейского танкового корпуса. Награжден 20 орденами и медалями. После демобилизации поступил на экономический факультет Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. Окончил академию досрочно,

за четыре года. Был направлен в Деминскую МТС Волгоградской области на должность участкового агронома. Потом работал в Министерстве сельского хозяйства РСФСР, занимал должность помощника Министра сельского хозяйства.

После окончания академии Василий Романович Боев занялся научной работой. В 1953–1955 годах в печати появились первые результаты его исследований, посвященных анализу применения систем ведения сельского хозяйства. Были опубликованы также статьи по технологии и экономике производства и переработки сахарной свеклы, методике расчетов за сырье по содержанию сахара.

В 1957 году ученый занимался обстоятельной разработкой материалов, связанных с обоснованием методики исчисления себестоимости сельскохозяйственной продукции. Через два года В.Р. Боев дополнил их обоснованиями по планированию закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и предложениями о внутрирайонной (зональной) дифференциации закупочных цен на примере эксперимента, проведенного в Литовской ССР. В последующем результаты этих исследований приобрели союзное значение, поскольку доказывали возможность и целесообразность дифференциации закупочных цен с учетом изменения затрат и применением других экономических инструментов (налогов, ценовых надбавок и др.).

Эти исследования В.Р. Боева позволили отметить принципиальную недопустимость неэквивалентного обмена между сельским хозяйством и другими отраслями народного хозяйства, возможность определить место сельского хозяйства в системе его отраслей.

Новое направление в научной работе В.Р. Боева связано с назначением его в 1970 году директором Сибирского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства. Главным в исследованиях ученого стала экономическая оценка работ по освоению целинных и залежных земель, так как проводившиеся работы по их освоению во многих районах изобиловали большими просчетами. Созданные в степных районах сельскохозяйственные предприятия не имели необходимой материально-технической базы и профессиональных кадров. Неопределенной оказалась специализация сельского хозяйства в Сибири и Казахстане.

Проведенный анализ позволил установить, что освоение новых земель происходило в основном за счет количественного роста сельскохозяйственных предприятий, развития зерновых хозяйств и пригородных зон. При этом почти повсеместно шло ухудшение показателей животноводства, особенно скотоводства и овцеводства, для развития которых здесь имелись благоприятные условия.

Накопленные результаты научных исследований позволили В.Р. Боеву совместно с представителями других научных организаций и опытных хозяйств Сибири начать разработку новых систем ведения хозяйства. Их характерная особенность состояла в глубокой оценке внутризональных различий в условиях конкретных производств.

С 1984 по 1996 год Василий Романович Боев работал директором Всесоюзного (Всероссийского) научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства. Его деятельность на этом посту сыграла важную роль при переходе аграрного сектора экономики на рыночные отношения. Коллективом института

под руководством В.Р. Боева были исследованы и решены вопросы, связанные со становлением многоукладной экономики АПК, с формированием экономического механизма, адекватного современным требованиям, с развитием кооперации и интеграции агропромышленного производства, а также с развитием региональных и межрегиональных продовольственных связей. В целом его деятельность как директора института способствовала мобилизации творческих усилий коллектива на выполнение задач, выдвигаемых производством.

Василий Романович Боев является видным ученым, внесшим большой вклад в разработку теоретических и методологических проблем агроэкономической науки, решение которых имело важное народнохозяйственное значение для оценки роли аграрного сектора в экономике страны в условиях ее планового развития и в разработке приоритетных направлений исследований для оценки современной ситуации в агропромышленном производстве и определении перспектив его развития.

В системе многоплановых исследований, проведенных академиком В.Р. Боевым, особое место занимают проблемы ценообразования. Его заслуги состоят в организации коллективных исследований по ценам, ценовому регулированию в сельском хозяйстве, методологическому обеспечению оптимальной рентабельности сельскохозяйственных предприятий, а также исследований по проблемам дифференциации общественно необходимых затрат труда и цен в зональном разрезе и с учетом качества продукции; серьезное внимание было уделено проблеме рентных отношений в сельском хозяйстве. Организованные на базе ВНИИЭСХ творческие дискуссии по этим проблемам дали мощный импульс развитию науки по ценообразованию в аграрном секторе экономики, способствовали появлению и сплочению научных кадров по этой специальности на союзном, республиканском и региональном уровнях, возникновению и развитию международных контактов с учеными разных стран. Академик В.Р. Боев — талантливый организатор науки, внесший непосредственный вклад в разработку вопросов ценообразования, создатель научной школы ценовиков-аграрников, под его руководством защищено 19 докторских и 40 кандидатских диссертаций.

Результаты исследований академика В.Р. Боева обобщены в 375 научных работах, объемом свыше 325 печатных листов. Теоретическая ценность и практическая значимость этих исследований многократно положительно оценивалась в рецензиях, опубликованных в центральной печати, научных журналах. Его научные труды широко используются и в качестве учебных пособий при подготовке молодых специалистов в области сельского хозяйства.

Основные труды академика РАСХН В.Р. Боева

1. Боев В.Р. *Экономические стимулы укрепления экономики колхозов* / В.Р. Боев, А.М. Емельянов, А.М. Сорока. М., 1964. 237 с.
2. Боев В.Р. *Закупочные цены и чистый доход колхозов*. М., 1969. 192 с.; Рига, 1970. 183 с. Латыш.
3. Боев В.Р. *Совершенствование закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию: (Вопросы теории и практики)*. М., 1974. 199 с.

4. Боев В.Р. Развитие специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции в Сибири: Методические рекомендации / Сиб. НИИ экономики сел. хоз-ва. Новосибирск, 1976. 158 с.
5. Боев В.Р. Сельское хозяйство зоны БАМ / В.Р. Боев, В.М. Габов, Ю.А. Новоселов. М., 1977. 103 с.
6. Боев В.Р. Сельское хозяйство в районах промышленного освоения Сибири: (Опыт, проблемы) / В.Р. Боев, В.М. Габов. М.: 1981. 152 с.
7. Боев В.Р. Производственные и научно-производственные системы. М., 1990. 207 с.
8. Боев В.Р. Совершенствование хозяйственного механизма АПК. М., 1990. 494 с.
9. Боев В.Р. Система ведения сельского хозяйства Новосибирской области. Новосибирск, 1984. 350 с.
10. Боев В.Р. Продовольственная безопасность СНГ. М.; Минск, 1998. 100 с.

Р.П. Харебава,
ученик

В.Р. Боева,
доктор экономических наук, профессор

**Сергей
Степанович
Сергеев**

ВСЕГДА НА ПЕРЕДОВОЙ: АГРОНОМ, ВОИН, ПЕДАГОГ, АКАДЕМИК⁸²

Сергей Степанович Сергеев (13.10.1910 — 02.04.1999) родился в семье крестьянина деревни Кобелева Слободка Спасского уезда Рыбновского района Рязанской области. После окончания семилетней школы в 1925–1929 годах обучался в сельскохозяйственном техникуме в Рязани (учхоз «Барские»).

Сергей Степанович с детства много читал, активно участвовал в общественной жизни техникума и его комсомольской организации, со всей страстью принял идеи строительства социализма в Советском Союзе и мечтал о деятельном участии в коллективизации сельского хозяйства. Эта возможность ему предоставилась сразу же после успешного окончания техникума осенью 1929 года, когда он стал участковым колхозным агрономом. Уже тогда проявились высокий уровень его знаний, большое трудолюбие, ответственность, активное желание перестроить жизнь крестьян, страстная вера в лучшее будущее крестьянства, обусловленное развитием коллективного социалистического производства.

О характере работы и жизни того времени свидетельствует такой факт: только с декабря 1929 по май 1930 года С.С. Сергеев участвовал более чем в двухстах собраниях крестьян, убеждая их в необходимости коллективизации и доказывая, что мелким хозяйствам из нужды не выйти. Благодаря глубоким знаниям, высокой активности и результативной деятельности он быстро становится старшим агрономом, затем районным агрономом, а в 1932 году — председателем правления Райколхозсоюза.

В 1933–1934 годах Сергей Степанович служил в рядах Красной Армии, после чего поступил на экономический факультет Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева. После его окончания с отличием в 1940 году С.С. Сергеев, как отличник учебы и активный общественник, рекомендуется в аспирантуру академии, где начинает научные исследования под руководством ставшего в то время академиком БССР, а впоследствии академиком АН СССР и ВАСХНИЛ, всемирно известного экономиста-аграрника, директора академии В.С. Немчинова.

Занятия прерываются войной. Лейтенант запаса, артиллерист Сергей Степанович Сергеев в первый же день войны явился в военкомат, но его, имеющего мобилизационный листок М-3, призывают лишь 24 июня 1941 года. Настроение, с которым командир Сергеев после формирования артиллерийского полка и обучения отправился на линию фронта, отразилось в его прощальном письме, написанном родителям 3 августа 1941 года:

«Дорогие друзья мои! Многое хочется сказать вам воину, отправляющемуся на фронт. Но вы и без слов поймете его чувства, ибо днем и ночью, в тылу и на фронте, в бою и труде, всегда и везде звучит, как набатный призыв, всенародный могущественный голос: Родина моя, страна родная, любимая! Ты стала цветущим садом, чудесным, дивно прекрасным, как в сказке. И как фонтан мно-

⁸² Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 6. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. — С. 86–106. О своей работе в это время С.С. Сергеев рассказал в книге: Сергеев С.С. Годы коллективизации. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (дневниковые записи, воспоминания). М.: МСХА: Земля России, 1997. 74 с.

гострый бьет в этом саду и сверкает, и блещет мириадами жемчужин жизнь, творческая, вдохновенная, всесильная, всепобеждающая! Но в сад вползла ядовитая гадина. На Родину нашу святую напал подлый, жестокий и коварный враг. И там, где прошла эта чума, там — пустыня, там мучительные стоны детей, сестер, матерей и жен наших, зверски замученных, злодейски убитых. Кровью обливается сердце, но гневом всенародным наполняется кровь. Она зовет к отмщению, зовет на великий, смертный бой. Так будь же тверд, как скала, воин! Беспощадно громи бешеных фашистских псов, весь гнев всенародный, всю ненависть великую, всю силу могучую обруш на проклятого врага и смети его с лица Земли».

О том, как воевал гвардии подполковник С.С. Сергеев, говорят скупые строки справки:

«С начала войны призван в ряды РККА по мобилизации.

В течение июля — августа был на формировании 882 артполка РГК в Ногинских лагерях, а с начала сентября 1941 года с этим же полком участвовал в боевых действиях против немецко-фашистских войск на Волховском (позже Ленинградском) фронте: до октября 1941 года в должности зам. командира батареи, с октября по январь — командира батареи, с февраля по июль 1942 года — командира дивизиона, а с ноября 1942 года по март 1943 года — заместителя командира полка по строевой части.

В сентябре — ноябре 1941 года полк успешно вел оборонительные бои на Минском направлении, а в декабре сыграл большую роль в наступательных боях в районе станции Войкобало, за что в мае 1941 года был преобразован в 71 гвардейский артполк РГК.

За боевые действия, нанешие крупный ущерб технике и живой силе противника, командир 5 батареи артполка лейтенант Сергеев С.С. был награжден орденом Красной Звезды. О боевой работе батареи в Войкобальской операции была статья в газете Ленинградского фронта «На страже родины» (№ 121 от 18 мая 1943 года).

С января по июль 1942 года участвовал в боевых операциях на Минском направлении, ведя огонь преимущественно с передовых наблюдательных пунктов на разрушение дзотов в укрепленных пунктах противника <...>

2 июля 1942 года в результате мощного артиллерийского обстрела КП дивизиона крупнокалиберной немецкой артиллерией был тяжело ранен и контужен (переломы костей ног и ключицы).

В период с июля по октябрь был на излечении в передовом полевом и армейском Волховском госпиталях, а после бомбежки Волховского госпиталя находился в течение месяца в госпитале г. Вологды. В ноябре 1942 года досрочно выписался из госпиталя в свою часть (71 гвардейский артполк РГК).

В должности зам. командира полка по строевой части в составе 8-й армии участвовал в прорыве блокады г. Ленинграда (артиллерийское обеспечение фланга ударной группировки). В марте 1943 года направлен на курсы командиров артполков (г. Пермь), где вскоре подал рапорт с просьбой об откомандировании в действующую армию. Через месяц (май 1943 года) был направлен во вновь сформированный 20-й гвардейский, позже Будапештский стрелковый корпус 4-й гвардейской армии начальником штаба артиллерии корпуса.

С августа 1943 года по май 1945 года участвовал в боевых действиях корпуса против немецко-фашистских захватчиков, вначале в тяжелых оборонительных боях против эсэсовского танкового корпуса под Ахтыркой (заключительный этап Орловско-Курской битвы). Затем участвовал в наступательных боях и преследовании противника по территории левобережной Украины, форсировании реки Днепр в районе севернее Кременчуга, взятии города Чигирин, окружении и ликвидации группировки немецких войск в районе Корсунь-Шевченковский и в районе Умань, форсировании рек Южный Буг и Днестр, в оборонительных боях в районе города Оргеев, в Яско-Кишиневской операции, форсировании реки Дунай и взятии города Секешфехервар, в тяжелых оборонительных боях юго-западнее города Будапешт (в районе Секешфехервар-Замоль) зимой 1945 года, взятии города Шопрон и Вена.

За непосредственное руководство артиллерией корпуса и средствами усиления при форсировании Днепра и в наступательных действиях на правобережной Украине и в Молдавии, за боевую деятельность по организации и ведению артиллерийского огня в передовых боевых порядках пехоты награжден орденами Отечественной войны I-й и II-й степени.

За разработку плана артиллерийского наступления при прорыве укрепленной оборонительной полосы противника в районе города Секешфехервар („Линия Маргариты“) и образцовое выполнение заданий командования по ведению артиллерийского огня с передовых наблюдательных пунктов в период штурма города Секешфехервар награжден орденом Красного Знамени.

9 мая 1945 года по представлению нашего командования награжден от имени Президента США за боевые подвиги при совершении выдающихся операций в составе 20-го гвардейского стрелкового корпуса американским орденом Легионера.

За боевые заслуги при освобождении Венгрии награжден правительством ВНР орденом Красной Звезды ВНР.

С мая по август 1945 года работал в должности командующего артиллерией дивизии (7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии; позже 115-й гвардейской стрелковой дивизии), а затем до момента увольнения

снова занимал должность начальника штаба артиллерии 20-го гвардейского стрелкового корпуса.

Уволен в запас по ходатайству Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева в феврале 1946 года».

Мысли и чувства, которые возникали у Сергея Степановича на фронте, отразились в строчках письма, так и не отправленного матери Надежде Михайловне:

«Милая мама! Если не вернусь, не грусти и не тоскуй сильно. Я вполне счастлив. И это совершенно серьезно. Ведь я, как и все наше поколение, рос и жил в эпоху Сталина, и знаю жизнь чудесную, красочную, полную борьбы и творческих дерзаний. В истории не всякому дано быть современником великого Сталина, активно участвовать в строительстве социализма, пользоваться его плодами и защищать его с готовностью беззаветной. За такую большую жизнь не жалко простой человеческой жизни. И падая на поле брани, я буду горд сознанием величия нашей эпохи, наших усилий и тем, что и мне удалось вложить свою скромную долю во всенародный подвиг.

Я счастлив, мама, и этого счастья фашистской сволочи у меня не отнять, буду ли я жив или паду в бою, ибо победа — за нами, ибо ненависть к врагу священную и любовь пламенную к народу мы пронесем и сквозь смерть.

Ларисе завещаю песенку отважных духом: „Живу ли я, умру ли я, я мошка все ж счастливая“. Сергей».

Свои воспоминания о войне Сергей Степанович Сергеев опубликовал спустя много-много лет после ее окончания⁸³. Приведем лишь некоторые фрагменты из его книги.

Отрывки из дневника (1941 год)

22 июня. Воскресенье. Солнечный летний день.

В 12 часов трагическое известие. В.М. Молотов выступает по радио с правительственным сообщением о внезапном вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Коварный враг растоптал заключенный ранее мирный договор и всю мощь своей военной машины обрушил на страну социализма.

Мирная жизнь кончилась. Пришла большая беда, требующая мобилизации всех сил для спасения Родины. Вызванное злодейскими действиями фашистской Германии всенародное горе смягчала лишь высказанная в конце сообщения В.М. Молотова непоколебимая уверенность в том, что враг будет разбит, победа будет за нами.

В стране объявлена мобилизация. У меня, как лейтенанта запаса, моблисток М-3. Но я все же иду в военкомат. У здания военкомата большая толпа народа. С трудом

⁸³ Там же.

пробравшись к военкому, предъявляю ему военный билет и моблисток. Он заявляет: «У Вас же М-3, вот и приходите на третий день, то есть 24, а сейчас не мешайте!»

Возвращаюсь в студенческое общежитие на Лиственничной аллее, где я с семьей занимал комнату. Около общежития, предназначенного теперь для развертывания госпиталя, уже стоит несколько грузовых автомашин. На них нас перевозят в гостиницу «Балчуг». Я выбираю из своей библиотеки пособия и наставления по артиллерии и до глубокой ночи стараюсь восстановить в памяти все, что нужно знать командиру-артиллеристу в бою.

23 июня. Второй день войны. Москва. Люди... И те же, и уже не те. Все как-то возмужали. Более вдохновенные, но строгие, решительные, но какие-то по-особому близкие и родные лица. А у многих внешнее спокойствие, за которым чувствуется, однако, огромная сила, готовая проявиться немедленно и открыто в защиту Родины, против врага...

Какой поразительный контраст с царской Россией, когда с началом империалистической войны из конца в конец неся плач великий... Такой народ, такую страну победить нельзя!

24–25 июня. С утра иду в Райвоенкомат. Сборный пункт — Покровские казармы. В составе команды офицеров-артиллеристов запаса меня отправляют в Ногинские лагеря. Ночь мы проводим в сенном сарае. И почти всю ночь один из прибывших с нами офицеров, Виктор Лазарев, специалист Министерства лесной промышленности, окончивший Ленинградскую лесотехническую академию, рассказывает нам, очень подробно и обстоятельно, о военном потенциале и планах фашистской Германии.

Днем 25 июня начинается формирование легкого артиллерийского полка на конной тяге (ЛАП), меня назначили командиром взвода управления.

По иронии судьбы мне не хватило шинели. Поэтому при построении полка я один оказался верхом на оседланном коне в гражданской одежде. Командир полка выразил по этому поводу большое недовольство, и поскольку впереди еще необходимо было представить полк командиру дивизии, он, опасаясь выговора, отстранил меня от должности и ссадил с коня, заявив, что замену одного офицера они смогут сделать в пути.

26 июня — 3 августа. После отбытия ЛАП (ему не повезло — в пути эшелон подвергся бомбежке) главное управление артиллерии начало формирование в военном городке трех пушечно-гаубичных артполков РГК (резерва главного командования) на базе тракторов С-60. День за днем шли в напряженном труде по обучению оружейных расчетов и взводов управления. Дни и ночи мы с нетерпением ждали известий с фронта. К сожалению, они были неутешительны. А потом видели и слышали, как стреляли зенитки, отбивая фашистские самолеты на подступах к Москве.

У меня новая должность — старший на батарее с двумя огневыми взводами в 882-м артполку РГК. 3 августа я последний раз побывал в Москве, где оставил на квартире у родителей свое прощальное письмо...

Фронтовые эпизоды (1941–1945 годы)

Великая Отечественная война! Прошло 50 лет после ее окончания. Много за эти годы кануло в реку забвения. Но как только начинаешь вспоминать — оживают

с необычайной яркостью многие события тех тяжелых и грозных лет, проходят на экране сознания один боевой эпизод за другим.

Первый бой

Глубокая полночь. Под звездным небом видна шоссейная дорога. Уже несколько часов я иду по ней впереди артиллерийской колонны из тракторов С-60 со 152-миллиметровыми пушками-гаубицами на прицепе, веду батарею на огневую позицию. Мы только что прибыли на фронт. Вечером, когда эшелон нашего 882-го артполка РГК разгружался на ст. Войбокало, замначштаба полка возил нас — заместителей командиров батарей — на автомашине в районы огневых позиций. К 6:00 приказано быть готовыми к открытию огня.

В ночной тишине лязгают гусеницами о камни дорожного покрытия тракторы. А высоко над нами черными зловещими птицами вот уже второй раз пролетают в сторону Волхова вражеские эскадрильи тяжелых бомбардировщиков, несут в наш тыл смертоносный груз. Невольно хочется ускорить движение, но это невыполнимо.

Близится рассвет. Сворачиваем с шоссе в сторону и через какое-то время выходим в заданный район. Опушка леса. Батарея быстро принимает боевой порядок, телефонисты докладывают об установлении связи со штабом полка, а я в штаб — о готовности батареи к открытию огня. Оттуда сразу же передают необходимые данные для открытия огня по сосредоточению пехоты и танков противника в районе Мга. Командую: «Угломер! Прицел! Заряд! Батарея, огонь!»... А огня нет! Делаю прыжок в сторону первого орудия, берусь за рукоятку затвора — выстрел! И сразу же оглушающие выстрелы из других орудий. Причина заминки, пусть секундой, мне ясна: не успели провести учебные боевые стрельбы, и наводчик первого орудия, никогда не стрелявший, растерялся — дернуть за рукоятку или за шнур. А теперь снаряд за снарядом летит на головы фашистов. Через некоторое время следует команда: «Стой! Записать установки!».

Дается новая цель — и опять огонь!

В середине дня получаем приказание снять батарею с огневых позиций и следовать по заданному маршруту. Не прошли и километра, как передается команда: «К бою!» С ходу разворачиваемся и по уже подготовленным топовзводом данным открываем огонь по наступающему врагу.

В этот первый день боя орудийные расчеты, укомплектованные рабочими с московских заводов, показали себя с самой лучшей стороны, несмотря на быстрый темп стрельбы, успешно управлялись с тяжелыми 48-килограммовыми снарядами. Поздно вечером поступило сообщение — атаки противника, рвущегося к Волхову, на нашем участке фронта отбиты, наступление приостановлено.

Одна минута до смерти

Большое, покрытое осокой и мхом и окруженное со всех сторон лесом, болото. Через болото идет дорога-гать. В начале болота, почти у самого леса вдается языком в болото маленький островок суши с твердым глинистым грунтом; с дорогой остро-

вок соединен узким перешейком. Вот на этом островке осенью 1941 года мы и расположили наши четыре 152-миллиметровые пушки-гаубицы, оставленные здесь по распоряжению командования для контрбатарейной борьбы.

Под орудия и трактора-тягачи отрыты окопы, для орудийных расчетов оборудованы землянки с легким покрытием, для командира батареи и командира взвода — небольшой блиндаж, у самого края болота — прицеп со снарядами. Уже несколько суток, чаще вечером или ночью, мы ведем огонь на подавление и разрушение вражеских батарей, засекаемых во время их стрельбы армейской инструментально-звуковой разведкой. При ночном обстреле по обратной (гаубичной) шкале из дула наших орудий, несмотря на пламегасители, вырывается далеко видимое пламя. Наконец нас тоже засекли.

В середине дня начался мощный огневой налет на батарею. Траектория оказалась немного недолетней. Поэтому большая часть снарядов падала перед островком в болото, как правило, не взрываясь. Только несколько снарядов разорвалось в районе огневой позиции, пробив осколками два орудийных щита. Один из снарядов упал в болото у самого прицепа со снарядами, но не взорвался. А последний снаряд разорвался совсем рядом с командным блиндажом, задрожала земля, посыпалась глина с потрескавшихся стен, но мы остались невредимы.

Переждав немного, все вылезли из своих землянок и невольно сгруппировались у командирского блиндажа. Все возбуждены и счастливы, словно вновь родились. Как же при таком налете остались живы?! Но возникает внезапно мысль — а что если немцы еще добавят снарядов в расчете на уничтожение уцелевшей живой силы, как это обычно делаем мы? Скороговоркой говорю об этом и командую: «В укрытие!». Все разбежались по блиндажам. И почти сразу же — разрыв снаряда на том самом месте, где мы все стояли. Слышим крик и стон. Оказывается, один артиллерист все же задержался (по надобности) и ему крупными осколками разорвало живот. Через короткое время он умер. Это была одна из первых наших потерь. А что было бы, если бы мы продолжали стоять? Даже подумать страшно! И главное — всего один выстрел. Должно быть, по каким-то причинам одно орудие вражеской батареи не выстрелило во время налета, и теперь его разрядили выстрелом.

Наше счастье, что это произошло минутой позже.

Огонь на себя

Заснеженный березовый лес. Среди высоких белоствольных берез местами растет кустарник. Встречаются и ели. Слева лес подступает почти вплотную к железной дороге, справа и прямо перед нами между лесом и железнодорожной насыпью метров 300 свободного пространства, покрытого снежной пеленой. Наш передний край проходит через лес.

Если миновать неглубокие окопчики в лесу, занимаемые пехотой, и выглянуть на опушку леса, то можно увидеть в железнодорожной насыпи пулеметное гнездо, в котором время от времени приподнимается покрытая каской голова немца. За железнодорожной линией, на территории, занятой противником, далеко в глубину уходит лес.

Мне разрешено произвести пристрелку одним орудием нашей 152-миллиметровой батареи по пулеметному окопу противника. Пристрелка в условиях значительной близости, в лесу — дело непростое. Но мы уже высоко оценили такую артиллерийскую систему как 152-миллиметровая пушка-гаубица образца 1937 года, знаем, насколько послушна она в руках стреляющего, насколько кучно ложатся ее снаряды. Поэтому я с обычным в таких случаях патриотическим подъемом и своеобразным спортивным интересом начинаю стрельбу, предварительно выбравшись с телефонистом на край леса. Дым от разрыва первого снаряда обозначился далеко в лесу. Подается новая команда. Шелестит над головой снаряд и опять падает с заметным перелетом. Внесены новые поправки в прицел и угломер... Огонь! И ошеломляющий удар взрывной волны по затылку... Шумят и свистят осколки, секущие стволы и ветки деревьев... А в голове — острая, до боли ощутимая мысль: «По своим... как же это... вдруг — убитые и раненые... Ведь это...». Опомившись, словно большой грешник осматриваю место разрыва. Но, к счастью, пехота дальше, в лесу, а здесь, близко, никто не появлялся.

В чем же дело? Почему такой недолет? Требую проверить установки на батарее. Может быть, напутали с зарядом (при разных зарядах, кроме полного, надо вынимать из гильзы различное число мешочков пороха). Но на батарее заверяют, что все в порядке. Возможно, заводской дефект в заряде или снаряде? Но ведь такого случая ни разу не было. Оружейники работают превосходно.

После краткого анализа я, чтобы обезопасить себя от неожиданностей, возвращаюсь к исходной команде и с нетерпением и беспокойством жду разрыва. Разрыв появляется, как и ожидалось, далеко в лесу. Подается вторая команда с учетом предыдущей стрельбы, и разрыв уже совсем близко у цели. На этом стрельба заканчивается. Но на душе какой-то неприятный осадок. Только по прошествии нескольких дней удалось избавиться от своеобразной психической травмы, преодолеть связанную с этим скованность и чрезмерную осторожность. Ведь чтобы смело поражать цели на переднем крае противника, надо быть вполне уверенным в своем оружии, в том, что оружие всегда безотказно и какая-то нелепая случайность не должна и не может подорвать веру в его надежность! Действительно, за все время войны ничего подобного описанному случаю у меня больше не было.

«С добрым утром!»

Высокая светлая палата на третьем этаже Волховской армейского госпиталя. Мы, пятеро выздоравливающих после тяжелого ранения офицеров, лежим на кроватях и ведем после завтрака утренний разговор. Только одному из нас разрешено ходить, остальные — пока еще «лежачие больные». У меня в гипсе обе ноги, у других тоже — ноги или часть корпуса. Дело идет на поправку, и настроение в основном бодрое.

Наш товарищ, собирающийся скоро выписываться, разместил у окна патефон и завел утесовскую пластинку «С добрым утром!». Льет хорошо известная всем мелодия, слышен столь знакомый, немножко с хрипотцой голос... И мы как-то сразу погружаемся в близкую и вместе с тем далекую, представляющуюся нам бесконечно счастливой, мирную жизнь... Но в эту мелодию вдруг врывается сначала слабый, но тревожный, затем быстро нарастающий гул самолетов.

Патефон выключен, а все мы повернулись лицом к окну. С моей койки, если немного приподняться, хорошо видны крыши корпусов Волховского алюминиевого завода. Вижу, летят над этими крышами на небольшой высоте немецкие бомбардировщики и, как мне показалось, начинают разворот. Не успел я договорить: «Ну, готовьтесь, сейчас ударят по нам», как почти перед самым госпиталем мелькнули в воздухе, словно просыпанная картошка, небольшие бомбы, послышались взрывы, здание задрожало, зашаталось, как картонный домик, зазвенели стекла, с потолка посыпалась штукатурка. Кто успел из нас — прикрыли головы подушками. Но взрывов больше не было. Гул самолетов стал удаляться, в коридоре забегали люди. Через короткое время стало известно, что одна бомба попала в аптеку, разбив посуду с лекарствами. К счастью, из персонала там в это время никого не было. Остальные бомбы упали около здания, выбив много стекол. Ранено, в основном осколками стекол, восемь человек, преимущественно из тех, кто был близко к окну. В ожидании нового возможного налета всех, кого можно, стали выводить в отрытые вблизи госпиталя щели-укрытия. Здесь же через какое-то время, когда немного успокоилось, напоили чаем, а к вечеру стали погружать на машины и отвозить на станцию в санитарный поезд для отправки в Вологду.

Нам казалось, что сразу же после погрузки нас немедленно помчат дальше в тыл. Но вот погрузка закончена, а поезд все стоит. В переполненных вагонах душно, резкий запах лекарств и разлагающегося живого мяса... Большинство раненых лежат на подвешенных койках. Слышны стоны и крики тяжелобольных. Начали и бить зенитки, и мы с замиранием сердца, здесь совсем беспомощные, ждем — вот-вот начнется бомбежка. Но бомбежки пока нет... Однако нет и движения поезда... И без конца, как нам кажется, стреляют зенитки. То и дело слышны возмущенные голоса: «Почему же мы не едем? Или ждем, когда нас разбомбят?» Но ответа нет. А стрельба продолжается. И нервы напряжены до предела. Наконец, нам объясняют: «Уезжать сейчас нельзя. Здесь на станции надежная зенитная оборона. В пути же поезд, несмотря на зенитные платформы, почти беззащитен. Немецкие летчики пользуются этим и охотятся ночью за такими поездами. Мы поедем перед самым рассветом, когда опасность наименьшая».

И действительно, ранним утром, когда утомленные непрерывной стрельбой и нервным ожиданием, мы понемногу стали дремать, поезд двинулся в путь. Быстрее, быстрее... Вот он уже мчит нас на всех парах. Скоро Череповцы. Здесь вероятность бомбежки уже небольшая. Приближается Вологда. Теперь мы в безопасности.

После окончания войны перед С.С. Сергеевым, ставшим военным профессионалом, открывался путь к успешной военной карьере. Но желание вернуться к мирному труду, к научной работе и научным поискам было, по его словам, непреклонным. По ходатайству директора Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева академика В.С. Немчинова он, как специалист народного хозяйства, был уволен в запас в звании гвардии подполковника и с января 1946 года продолжил учебу в аспирантуре. В конце 1948 года успешно защитил кандидатскую диссертацию «Расширенное воспроизводство и накопление в колхозах Чуйской долины», опубликованную затем в виде монографии.

Не все было гладко в этот период. В августе 1948 года на сессии ВАСХНИЛ, где ее президент Т.Д. Лысенко устроил погром советской генетики и кибернетики,

В.С. Немчинов выступил в защиту науки, за что вскоре был освобожден от должности директора Тимирязевки и даже не смог присутствовать на защите диссертации своего ученика С.С. Сергеева.

С 1947 года Сергей Степанович Сергеев начал педагогическую работу на кафедре статистики в качестве ассистента и продолжал ее на разных должностях в течение 50 лет.

Активное участие в исследовании экономики колхозов, публикация новой монографии «Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и укрупнение мелких сельскохозяйственных артелей» (1950 и 1952 годы) дали основание академии рекомендовать С.С. Сергеева для продолжения исследований в докторантуре при Институте экономики АН СССР.

В результате очень напряженной и плодотворной работы уже в 1956 году ученый подготовил и издал монографию «Вопросы экономико-статистического анализа колхозного производства» (М.: Сельхозгиз, 1956. 50,5 п.л.), на основе которой в 1957 году была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. В связи с новизной многих положений, не принимавшихся некоторыми ортодоксальными учеными, и защита диссертации, и дальнейшее утверждение проходили довольно трудно, а звание профессора по кафедре статистики было присвоено С.С. Сергееву только в 1960 году.

Вся дальнейшая жизнь Сергея Степановича была связана с Московской сельскохозяйственной академией имени К.А. Тимирязева, в которой он с 1956 по 1989 год заведовал кафедрой статистики и успешно занимался научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельностью.

Докторская диссертация и опубликованная на ее базе монография стали крупным вкладом в теорию, методологию и практику статистики и экономико-статистического анализа сельскохозяйственного производства. Выдвинутые им научные положения и сегодня являются научной основой всестороннего экономического анализа сельского хозяйства и агропромышленного комплекса.

С.С. Сергеев дал новое определение предмета статистики, углубившее и конкретизировавшее принятое в 1954 году на совещании по этому вопросу в довольно общей форме положение о том, что статистика изучает количественную сторону явлений жизни общества в неразрывной связи с качественной стороной в конкретных исторических условиях. Профессор Сергеев считал предметом статистики объективно существующие в реальном мире общие признаки массовых явлений общества, представляющие собой органическое единство количества и качества в конкретных условиях места и времени. Их он называл объективными статистическими показателями, которые в процессе статистического изучения отражаются в статистических показателях как понятиях.

Такое определение предмета позволило глубже раскрыть особенности метода статистики как науки и четче охарактеризовать его черты. Более ярко выступили при этом признаки для классификации статистических показателей по форме и содержанию. Яснее стали сущность и особенности абстрагирования при их познании, место в системе науки общей теории статистики, математической и социально-экономической статистики. Были открыты новые возможности для формирования системы статистических показателей не как умозрительных, субъективных

конструкций, а как выявленных в процессе всестороннего исследования массовых явлений общества, включая материальные условия его жизни, объективно присутствующих им признаков.

Представляется, что без теоретического анализа сущности объективных статистических показателей как предмета статистики сегодня не удастся решить проблему изучения виртуальных совокупностей как мыслимых (субъективных) реальностей. Если в реальных совокупностях физических единиц научно организованное статистическое наблюдение не влияет на величину показателей, то в виртуальных оно отражает мыслительную деятельность человека. Это касается, прежде всего, финансовой экономики с ее субъективными оценками, рейтингами и котировками. Кроме реальных фактов и закономерностей, они отражают субъективные предпочтения и ожидания участников статистического наблюдения, которые, в свою очередь, влияют на ход последующих событий и их характеристики.

Органическое сочетание теоретического (политэкономического) и статистического анализа было главной методологической основой исследований С.С. Сергеева, которые развивали ленинскую методологию изучения социально-экономических явлений в аграрной сфере. На основе экономической теории профессор Сергеев дал всестороннюю политэкономическую характеристику сущности и закономерностей развития колхозного производства, выявил механизмы и движущие силы его развития как объекта статистического исследования. Им впервые была разработана и изучена наиболее полная система статистических показателей колхозного производства, а также их группировок. Были обобщены положения ленинской концепции группировок, требующей теоретического выявления основного направления развития изучаемых массовых явлений, возникающих в ходе этого развития новых типов явлений и их форм, выбора на этой основе наиболее существенных признаков для разделения качественно различных типов. Эти положения представляют научный интерес и в условиях широкого применения в статистике кодирования информации и классификаций массовых общественных явлений, вырабатываемых на основе статистических группировок.

Разработки С.С. Сергеева вызвали большой интерес среди аграрников и научной общественности страны, поскольку отвечали назревшей к середине 50-х годов потребности самостоятельного изучения и оценки закономерностей развития экономики страны. Острый интерес к экономико-статистическим исследованиям среди ученых-аграрников поддерживался довольно длительное время, а затем несколько ослаб после появления новых возможностей для исследования, моделирования и практического изменения организации труда, производства и системы управления, совершенствования механизмов хозяйствования и экономики в целом. Но при этом методологические положения экономико-статистического анализа не потеряли своего значения и остались в основе аграрных экономических исследований и сегодня. Многие научные положения С.С. Сергеева нашли продолжение в экономико-статистических работах его учеников, ставших докторами наук, членами-корреспондентами РАН.

Особо следует отметить вклад С.С. Сергеева в развитие статистического анализа издержек производства и проблем воспроизводства в сельском хозяйстве. Полные издержки производства как совокупные затраты живого и овеществлен-

ного труда являются объективно существующей категорией любой экономики. Необходимость их исчисления ученые подчеркивал в связи с непосредственно общественным характером труда при плановой экономике и спецификой товарного производства колхозов. Именно на основе учета полных издержек производства в 1980 году на государственном уровне было признано, что действительный удельный вес сельского хозяйства в создании национального дохода страны вдвое превышал официально учитываемый статистикой. Как известно, именно с учетом и этих оценок в 90-е годы в стране был повышен удельный вес сельского хозяйства в использовании национального дохода и капитальных вложениях в экономику, начался процесс перевода сельского хозяйства на интенсивную основу, к сожалению, прерванный в период современных экономических реформ.

Актуальность учета полных издержек производства в сельском хозяйстве не снизилась и сегодня. По данным проводимого с 1999 года статистического учета занятости населения, на производство продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств, включая и домашние хозяйства, затрачивается свыше 20% всей массы труда по экономике страны, что почти вдвое больше официально учитываемого удельного веса населения, занятого в отрасли. В то же время удельный вес сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте составляет всего около 6%, то есть выход ВВП на единицу времени составляет в сельском хозяйстве около 30% по отношению к среднему по стране уровню. Даже с учетом низкой квалификации и невостребованности этого труда рынком имеется явная недооценка и дискриминация сельского труда, в результате которой сейчас полностью нарушено нормальное воспроизводство на селе, разрушается его производственный потенциал и теряется продовольственная независимость государства. Главное же заключается в том, что при затратах пятой части всего труда страны на получение продукции сельского хозяйства, к тому же в недостаточных количествах и не лучшего качества, государство не сможет иметь высокоразвитую экономику, науку и культуру. Сельское хозяйство России не успело, как во всех развитых странах мира, пройти индустриализацию производства, в нем затрачивалось много труда низкой квалификации, что не позволяло освоить современные методы его организации и мотивации, эффективный механизм хозяйствования, проявить в полной мере преимущества крупного специализированного производства, ведущегося на основе современных интенсивных и ресурсосберегающих технологий. Теоретическим и методическим вопросам решения этих проблем С.С. Сергеев всегда уделял пристальное внимание.

Существенным вкладом С.С. Сергеева в науку были исследования по обоснованию капитальных вложений и воспроизводства в сельском хозяйстве, изучение его эффективности и интенсификации, экономической оценки земель, производственного потенциала сельскохозяйственных предприятий. Эти и другие разработки сделали С.С. Сергеева одним из ведущих экономистов-аграрников страны.

Большой вклад внес С.С. Сергеев в подготовку специалистов с высшим образованием, научно-педагогических кадров. Для статистической подготовки кадров важнейшее значение имели его учебники. В отличие от большинства ранее издававшихся учебников и учебных пособий по сельскохозяйственной статистике, где рассматривались преимущественно вопросы практики работы статистических

органов, учебник С.С. Сергеева «Сельскохозяйственная статистика» (1963 год) со-держал много нового. В нем главное место занимали вопросы построения системы статистических показателей сельскохозяйственного производства, обеспечения ха-рактеристики предприятий, всех сторон деятельности отрасли и ее межотраслевых связей. Учебник был направлен на подготовку экономистов сельского хозяйства, способных глубоко и всесторонне вести статистико-экономический анализ массо-вых процессов сельского хозяйства и деятельности предприятий.

Содержание учебника, пережившего шесть изданий, постоянно обогащалось и обновлялось в связи с изменением характера деятельности экономистов-аграрни-ков и общего направления их подготовки. Последние издания учебника «Сельско-хозяйственная статистика с основами социально-экономической статистики» (1978, 1983, 1989 годы) содержали показатели статистики населения, основные разделы социально-экономической статистики, отчетный баланс народного хозяйства, систему показателей агропромышленного комплекса.

Под руководством С.С. Сергеева коллективом кафедры впервые на факультете был разработан учебно-методический комплекс по статистике, включавший в себя учебники, практикумы и альбомы наглядных пособий, методические указания по курсовым проектам, методические материалы и рекомендации для самостоя-тельной работы и контроля знаний студентов. Эти разработки широко распростра-нялись в системе сельскохозяйственных вузов страны через созданный на кафедре в 1966 году методический кабинет по статистике и курсы повышения квалифи-кации преподавателей сельскохозяйственных вузов, слушателями которых были более 250 человек.

В своих трудах С.С. Сергеев решительно выступал против имевших место в теории и практике субъективного подхода и волюнтаризма в экономике и орга-низации сельского хозяйства, обосновал необходимость при анализе сельскохозяй-ственного производства всесторонне учитывать объективные закономерности его развития и условия функционирования.

Сергей Степанович еще в юные годы глубоко воспринял идеи социалистиче-ского преобразования сельского хозяйства и до конца своих дней был принципи-альным и стойким сторонником крупного коллективного производства. Он резко выступал против разрушения колхозов и совхозов и предупреждал о губительных последствиях курса на создание мелкого производства.

Научную и педагогическую работу С.С. Сергеев успешно сочетал с большой организационно-методической работой на разных уровнях. В 1963–1969 годах он работал деканом экономического факультета академии, в 1964–1970 годах был членом, а в 1971–1975 годах — председателем экспертной комиссии ВАК по эко-номике и организации сельского хозяйства⁸⁴. Он являлся членом научно-методо-логического совета ЦСУ СССР, научно-технического совета МСХ СССР, руководил секцией экономики научно-методического совета Главного управления высшего и среднего специального образования МСХ СССР, был членом редколлегии ряда журналов, членом ученых и диссертационных советов, в 1967–1983 годах руководил

⁸⁴ О работе С.С. Сергеева в ВАК см.: Сергеев С.С. 50 лет научно-исследовательской деятельности. М.: МСХА: Земля России, 1998. 202 с.

секцией Отделения экономики и организации сельскохозяйственного производства ВАСХНИЛ, а затем (1984–1986 годы) был академиком-секретарем этого отделения.

Признанием научных заслуг С.С. Сергеева явилось избрание его в 1966 году членом-корреспондентом, а в 1975 году — действительным членом ВАСХНИЛ, а также награждение в 1973 году Президиумом ВАСХНИЛ за научные исследования в области экономического анализа и аграрной статистики золотой медалью В.С. Немчинова.

Родина высоко оценила боевые и трудовые заслуги С.С. Сергеева, наградив его девятью орденами, в том числе орденами Ленина, Красной Звезды и Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней, орденом Октябрьской революции, а также многими медалями.

Основные труды академика С.С. Сергеева

1. *Расширенное воспроизводство и накопление в колхозах Чуйской долины. М.: Сельхозгиз, 1950. 343 с.*
2. *Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и укрупнение сельскохозяйственных артелей. М.: Сельхозгиз, 1950; 1952. 246 с.*
3. *Вопросы экономико-статистического анализа колхозного производства. М.: Сельхозгиз, 1956. 806 с.*
4. *Об издержках производства продукции в колхозах. М., 1958.*
5. *Себестоимость сельскохозяйственной продукции и пути ее снижения. М.: Знание, 1959. 48 с.*
6. *Сельскохозяйственная статистика: Учеб. для студ. высш. с.-х. учеб. заведений по экон. спец. М.: Колос, 1963. 463 с.*
7. *Экономический анализ сельскохозяйственного производства. М.: Экономика, 1968. 295 с.*
8. *Воспроизводство и эффективность основных фондов в сельском хозяйстве. М.: Колос, 1982. 304 с.*
9. *Сельскохозяйственная статистика с основами социально-экономической статистики. 6-е изд. М., 1989.*
10. *Проблемы повышения эффективности сельскохозяйственного производства. М.: Агропромиздат, 1986. 335 с. (В соавторстве с А.А. Никоновым и др.)*

А.П. Зинченко,
 член-корреспондент РАСХН,
 заведующий кафедрой статистики
 Российского государственного
 аграрного университета —
 МСХА имени К.А. Тимирязева

**Михаил
Иванович
Синюков**

ВОИН, УЧЕНЫЙ. РУКОВОДИТЕЛЬ⁸⁵

Михаилу Ивановичу Синюкову, доктору экономических наук, профессору, академику Российской академии сельскохозяйственных наук и Международной академии наук высшей школы, президенту Международной ассоциации работников аграрных высших учебных заведений, исполнилось 80 лет со дня рождения. Он родился 13 июня 1924 года в селе Ново-Томниково Моршанского района Тамбовской области, в крестьянской семье. С ранних лет познал сельский труд. Окончание с золотой медалью средней школы совпало для него с трагедией Родины — началом Великой Отечественной войны. Пройдя семнадцатилетним юношей курс подготовки в артиллерийском военном училище, он был направлен в действующую армию, участвовал в боевых действиях в составе 1-го Белорусского фронта, Войска Польского. Закончил войну в поверженном Берлине.

После Победы, вернувшись к мирной жизни, бывший фронтовик поступает на экономический факультет Тимирязевки. В 1952 году он с отличием окончил академию и в течение двух лет работал заместителем директора Виноградовской МТС в Московской области. Однако тяга к знаниям вновь возвращает его в академию.

После завершения учебы в аспирантуре и успешной защиты в 1956 году кандидатской диссертации, как способный исследователь, одаренный ученый, он был оставлен на кафедре организации сельскохозяйственных предприятий: работал ассистентом, доцентом, старшим научным сотрудником.

В 1968 году защитил докторскую диссертацию, в 1969 — ему было присвоено ученое звание профессора.

В 1968–1977 годах М.И. Синюков работал проректором и первым проректором академии, ректором впервые созданной Высшей школы управления Министерства сельского хозяйства СССР. С 1978 года в течение 14 лет — ректор Тимирязевской академии и одновременно заведующий кафедрой организации сельскохозяйственного производства (1970–1988 годы).

Как ректор академии, Михаил Иванович особое внимание уделял формированию научно-педагогических кадров, вопросам программного и учебно-методического обеспечения, укрепления материально-технической и социально-бытовой базы вуза. При нем построено немало производственных объектов, сотни семей сотрудников получили квартиры в новых домах в Москве, подмосковных Химках, Красногорске, Шишкином Лесу, что позволило существенно омолодить кадры преподавателей и сотрудников академии. Это был период бурного развития Тимирязевки как флагмана аграрного образования и науки в стране, подготовки научно-педагогических кадров для АПК. Неуклонно повышался престиж академии и на международном уровне.

В 1975 году М.И. Синюкова избрали членом-корреспондентом, в 1978 — действительным членом ВАСХНИЛ, а в 1994 году — действительным членом, членом президиума, академиком-секретарем агропромышленного и лесного комплексов общественной научно-профессиональной Международной академии наук высшей школы.

⁸⁵ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 6. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. — С. 151–160.

В качестве президента Международной ассоциации работников аграрных высших учебных заведений (1988–1996 годы) много сил и энергии он отдавал дальнейшему совершенствованию и повышению эффективности организации учебно-методической работы, укреплению и развитию межвузовского научно-технического сотрудничества и интеграционных связей в СНГ.

М.И. Синюков — крупный ученый-экономист, широко известный в России и зарубежных странах своими многочисленными и оригинальными исследованиями в области аграрной экономики. Им опубликовано свыше 200 научных, учебных и методических работ, которые высоко оценены учеными и специалистами. Большой вклад он внес в разработку проблем создания и эффективного использования технического потенциала аграрного сектора, определения путей ускорения научно-технического прогресса в этой важнейшей отрасли народного хозяйства. Широко известны его монографии по экономике использования машинно-тракторного парка на сельскохозяйственных предприятиях, по эффективности применения техники в сельском хозяйстве, развитию сельскохозяйственного производства в Нечерноземной зоне Российской Федерации, по проблемам совершенствования экономического механизма управления АПК. Перечисленные научные труды, а также работы последних лет жизни ученого посвящены обоснованию и практическому осуществлению интенсификации и повышения эффективности агропромышленного комплекса. Их научная и практическая ценность имеет непреходящее значение для развития АПК в условиях многоукладной экономики и рыночных отношений, поскольку в них рассматриваются вопросы формирования производственного потенциала сельскохозяйственных предприятий, определения путей ускорения научно-технического прогресса и роста производительности труда, разработки и экономической оценки перспективных моделей сельскохозяйственных предприятий, развития внутривозрастных отношений, снижения себестоимости и повышения рентабельности производства сельскохозяйственной продукции.

М.И. Синюков — активный пропагандист достижений аграрной экономической науки, опыта передовых сельскохозяйственных предприятий. Он был тесно связан с производством, оказывал практическую помощь сельскохозяйственным товаропроизводителям по вопросам формирования их материально-технической базы, развитию внутривозрастных отношений, снижению трудоемкости и себестоимости производства продукции в условиях освоения рыночных механизмов хозяйствования. По актуальным вопросам развития аграрной экономики он выступал с докладами на международных симпозиумах и конгрессах в Болгарии, Венгрии, Германии, Польше, Франции, США; на союзных и республиканских научно-производственных конференциях; непосредственно на передовых сельскохозяйственных предприятиях страны; в различных средствах массовой информации.

Как было сказано, М.И. Синюков в течение 18 лет возглавлял кафедру организации сельскохозяйственного производства — одну из старейших и крупных в академии, созданную еще в 1923 году профессором А.В. Чаяновым. В дальнейшем ею последовательно руководили выдающиеся ученые-экономисты — академики В.Н. Лубяко и С.Г. Колеснев. Михаил Иванович был достойным их продолжателем и многое сделал для развития научного и образовательного потенциала кафедры.

Первостепенное значение он придавал формированию научно-педагогических кадров. Считал, что преподаватель должен с уважением относиться к студентам (не только сосредоточивать их внимание на успешном усвоении академических дисциплин, но и воспитывать в них высокое гражданское самосознание), любить преподаваемую учебную дисциплину, постоянно совершенствовать свои знания и принимать личное участие в развитии науки. Кроме того, он отмечал, что преподаватель обязан быть мужественным и непреклонным в реализации поставленных задач, предъявлять высокую требовательность к себе и своим ученикам, заботиться о постоянном росте их научных знаний.

Среди множества педагогических обязанностей преподавателей особое место Михаил Иванович отводил подготовке учебников. По его мнению, учебник должен базироваться на таких основополагающих принципах, как системность построения; четкое изложение предмета, объекта, методов и задач учебной дисциплины; критический анализ и синтез различных позиций в данной науке; установление тенденций и закономерностей ее развития; учет отечественных и зарубежных достижений научно-технического прогресса в данной области знаний; учет производственной направленности науки.

Как известный ученый и педагог, М.И. Синюков был автором многочисленных учебных программ, учебников, учебно-методических пособий и указаний, отличающихся научной глубиной, четкой логикой и ясностью изложения и потому широко используемых в высших и средних специальных учебных заведениях, на факультетах подготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов сельскохозяйственных предприятий, кадров массовых профессий. Особое место среди них занимают четыре издания учебника для студентов экономических специальностей сельскохозяйственных вузов «Организация производства на сельскохозяйственных предприятиях», которые вышли в соавторстве и под его редакцией. Первое издание учебника (1974 год) было удостоено серебряной медали, а третье (1983 год) — Диплома Почета ВДНХ. СССР. Учебник был переведен и издан в Венгрии.

В своей педагогической деятельности Михаил Иванович Синюков руководствовался необходимостью неразрывной связи процесса обучения студентов с научно-исследовательской работой. Отдельные аспекты научных исследований включались им в рабочие программы учебных занятий, курсового и дипломного проектирования. Его лекции отличались широтой и глубиной постановки проблемы, исключительной логикой их построения, доступным, проникновенным и увлекательным изложением. Основную цель читаемого курса лекций он видел в необходимости дать студентам (или другим слушателям) не только полную информацию по излагаемой тематике, но и пробудить у них интерес к решению научных и практических задач, развить их творческое экономическое мышление. Такой подход к подготовке специалистов позволял выявить наиболее талантливых студентов, вводить элементы индивидуальных программ. В дальнейшем многие из таких студентов стали видными учеными, известными руководителями, специалистами сельскохозяйственных предприятий, различных подразделений ряда министерств и ведомств.

Михаил Иванович проявлял большую заботу о подготовке научно-педагогических кадров для нашей страны и зарубежных государств. Под его руководством

(или с его участием) подготовлено свыше 60 докторов и кандидатов экономических наук. Подбор будущих аспирантов он начинал уже среди студентов — на занятиях, в научном кружке, во время производственной практики или среди выпускников, проявивших себя как высококвалифицированные специалисты и руководители производств. Михаил Иванович любил своих учеников, умел привить им глубокий интерес к научным исследованиям. Он и в дальнейшем помогал им в творческом и жизненном становлении.

М.И. Синюков болезненно воспринимал реформирование агропромышленного комплекса. В средствах массовой информации он мужественно высказывал свою критическую оценку проводимой аграрной реформы. В частности, он писал: «Принимается немало решений, не имеющих должного обоснования как с теоретической, так и с организационно-хозяйственной точки зрения. Отсутствие каких-либо экспериментальных данных, характеризующих социально-экономическую эффективность рекомендуемых мероприятий, очередной виток разрушения территориальной целостности и производственного потенциала действующих хозяйств, нарушение принципа многообразия и равенства всех форм собственности и способов хозяйствования, передел и неконтролируемая распродажа земли могут нанести огромный ущерб аграрному сектору, осложнить и без того напряженную обстановку в отраслях АПК».

Плодотворную научную, педагогическую, организаторскую и пропагандистскую работу М.И. Синюков успешно сочетал с большой общественной деятельностью. Он был членом президиума ВАСХНИЛ, ВАК СССР, ВЦСПС, научно-технического совета Минсельхоза СССР, экспертного совета при Комитете по аграрной политике Совета Федерации, главным редактором журнала «Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии», членом редколлегий ряда центральных журналов экономического профиля, ученых и диссертационных советов. Как авторитетный ученый, участвовал в экспертизе проектов постановлений правительства и в решении других важных вопросов развития сельского хозяйства.

Большой жизненный опыт, глубокие знания в области аграрной экономической науки, настойчивость в достижении поставленных целей, исключительное трудолюбие снискали М.И. Синюкову заслуженный авторитет среди ученых и специалистов сельского хозяйства. За большой вклад в развитие аграрной экономической науки и подготовку высококвалифицированных специалистов для сельского хозяйства в 1990 году М.И. Синюкову было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Его трудовые и ратные заслуги отмечены двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Отечественной войны I и II степеней, многими медалями. Он был награжден также боевыми орденами и медалями зарубежных стран.

М.И. Синюков горячо любил Тимирязевку, гордился тем, что основная часть его сознательной жизни была связана с этим замечательным учебным и научным учреждением, и, будучи ее ректором, делал все возможное для творческого развития ее славных традиций. Михаил Иванович — авторитетная личность (был не только известным ученым — интеллектуалом, педагогом-профессионалом, талантливым администратором и общественным деятелем, но и человеком необычайной интеллигентности). Он всегда отличался трудолюбием, неиссякаемой энергией

и оптимизмом, целеустремленностью, безукоризненной честностью, целостностью и стойкостью характера, душевностью, скромностью, сердечностью, добротой, высочайшей культурой и сдержанностью, необыкновенной обаятельностью, мужеством и принципиальностью при решении сложных вопросов. Высоко ценил честь, совесть, порядочность, бескорыстие, любовь к Родине. Эти вечные ценности, никогда не поддающиеся никакой временной коррозии, Михаил Иванович стремился воспитывать у своих многочисленных учеников, считая их высшим приоритетом — традицией академии, главной целью и смыслом своей жизни. Он обладал особым талантом организатора, незаурядными способностями работать с людьми, умением их выслушать, обнаружить у них лучшие черты, посоветовать, помочь им, поддержать их. Он заслужил глубокое уважение всех окружающих его людей, которые проявляли постоянное желание общения с ним, чтобы развеять возникающие сомнения и получить от него добрые и мудрые советы.

М.И. Синюков был человеком глубоких диалектико-материалистических убеждений, верность которым сохранил до конца своей жизни.

Наш долг и лучшая память о нем — беречь и приумножать его богатое научное, педагогическое и духовное наследие.

Жизнь и творческая деятельность М.И. Синюкова — настоящий подвиг, яркий образец беззаветного служения Отечеству, народу, науке, образованию.

Основные труды академика М.И. Синюкова

1. *Экономика использования машинно-тракторного парка в колхозах и совхозах.* М.: Колос, 1966. 287 с.
2. *Эффективность использования техники в сельском хозяйстве.* М.: Экономика, 1970. 184 с.
3. *Планирование и организация использования техники в сельском хозяйстве.* М.: Колос, 1976. 217 с.
4. *Организация и планирование производства в сельскохозяйственных предприятиях / Под ред. М.И. Синюкова.* М.: Колос, 1974. 432 с. (2-е изд. 1978; 3-е изд. 1983; 4-е изд. 1989.)
5. *Нечерноземная зона РСФСР: экономические проблемы развития сельского хозяйства.* М.: Экономика, 1980. 278 с. (В соавторстве.)
6. *Интенсификация и управление агропромышленным комплексом / Под ред. М.И. Синюкова.* М.: Агропромиздат, 1987. 285 с.
7. *Организация новых форм хозяйствования в аграрном производстве.* М.: МСХА, 1991. 231 с.

Ф.К. Шакиров,
доктор экономических наук, профессор

**Иван
Васильевич
Котов⁸⁶**

---

⁸⁶ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 1. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 83–90.

Котов Иван Васильевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономико-математических расчетов экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Герой Советского Союза, родился в крестьянской семье 7 января 1920 года в деревне Ликша Осьминского (ныне Лужского) района Ленинградской области. Его отец пропал без вести во время гражданской войны, и матери пришлось одной поднимать большую семью. Младшего сына, Ивана, она поселила к деду, который занимался селекцией яблок, а зимой мастерил гармошки. Ваня сильно привязался к дедушке и прожил у него до поступления в начальную школу. Но и о матери он тоже не забывал, приходил к ней помогать по дому, летом работал подпаском, по ночам караулил лошадей.

С 1932 по 1935 год Ваня Котов обучался в неполной средней школе в селе Ставотино, жил на квартире у знакомых, потом в общежитии. Как вспоминал много лет спустя Иван Васильевич, эта школа в сельской глуши была построена братьями Васильевыми, настоящими подвижниками в деле народного образования. И педагоги в ней подобралась замечательные, отдавали обучению и воспитанию деревенских детей все свои знания и опыт. Навсегда сохранил в памяти И.В. Котов самые теплые воспоминания о своих первых учителях.

В 1935 году после семилетки он поступил в Лужское педагогическое училище. После его окончания в 1938 году в числе восемнадцати выпускников молодой учитель Иван Васильевич Котов направляется на Дальний Восток. Здесь, на прииске Херпучи Нижне-Амурской области Хабаровского края, он стал работать учителем начальных классов, старшеклассникам преподавал алгебру, геометрию и физику. Заметив организаторские способности молодого учителя, коллектив школы избрал его секретарем комсомольской организации.

В своем поселке будущий ученый принял участие в кампании по ликвидации безграмотности. «Нельзя забыть то чувство удовлетворения, — вспоминал позже Иван Васильевич, — которое охватывало всех нас, преподавателей, когда пятидесятилетние люди вдруг „прозревали“, научившись читать и писать».

Работая на Дальнем Востоке, он никогда не забывал о матери и своей семье. Старался поддержать их в письмах, помогал материально. Там, вдалеке от дома, сумел В.И. Котов осуществить свою давнюю детскую мечту — научиться играть на баяне. Скопив немного денег, он купил инструмент. По вечерам, разучивая народные мелодии, Иван вспоминал родную деревню и своего любимого деда. Но мирная жизнь продолжалась недолго, вся страна жила предчувствием войны. Летом 1940 года по комсомольскому набору Иван Котов был призван служить на Тихоокеанский флот.

Начало Великой Отечественной войны он встретил на берегу Татарского пролива. Думал, как и все другие дальневосточники, что скоро и Япония нападет на СССР. Однако время шло, а японцы медлили. Многие моряки стали подавать рапорты с просьбой направить их на фронт. Вместе со всеми подал рапорт и Иван Васильевич, но получил отказ. Только в августе 1942 года его настойчивая просьба была удовлетворена.

В октябре этого же года И.В. Котов прибыл в войска Центрального фронта. Определили его в 436-й отдельный истребительный противотанковый дивизи-

он. Сначала Иван Котов стал командиром отделения артиллерийской разведки, а затем — командиром огневого взвода.

Первый бой он принял в декабре 1942 года в районе деревни Рубленый Колодец. До конца марта 1943 года его дивизия с кровопролитными боями наступала на западном направлении, а с 12 июня по 18 августа В.И. Котову довелось стать свидетелем и участником знаменитой битвы на Курско-Орловской дуге.

С боями Иван Васильевич дошел до Белоруссии. Оценив мужество молодого командира, воины дивизиона избрали его комсоргом. За успешное форсирование реки Сож он был представлен к ордену Боевого Красного Знамени, но награда, к сожалению, так и не нашла своего героя.

С ноября 1943 по март 1944 года И.В. Котов участвовал в сражениях под Могилевым, Жлобином, Рогачевым. Тогда же он вступил в партию. Взвод Ивана Васильевича во время переправы через Днепр ценой невероятных усилий ликвидировал прорыв немцев. За блестяще проведенную операцию командир Иван Котов был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Летом 1944 года 399-я дивизия в составе 1-го Белорусского фронта участвовала в знаменитой операции по освобождению Белоруссии — «Багратион». Дивизии предстояло форсировать реку Друть и прорвать оборону противника. Иван Васильевич со своим взводом действовал очень успешно, за что получил орден Боевого Красного Знамени.

В ходе дальнейшего наступления в направлении Бобруйска, Барановичей, Беловежской Пуши, Бельска дивизия И.В. Котова в сентябре 1944 года вышла к реке Нарев, которую необходимо было форсировать неожиданно, поскольку на другом берегу немцы создали мощный оборонительный вал.

Сначала передовые силы советских войск прорвали оборону противника в 20 километрах от реки. Взвод И.В. Котова наступал вместе с танками. Несмотря на определенные успехи, сходу захватить плацдарм не удалось: немцы успели взорвать мост. Тогда было решено форсировать реку на рассвете следующего дня. Из противотанкового дивизиона отобрали лучший взвод И.В. Котова, оснащенный 76 мм пушками. За ночь для пушек соорудили два плота. Едва забрезжил рассвет, штурмовой пушечный взвод начал форсировать реку вместе с пехотой. При этом сам командир взвода вплавь переправлял двух лошадей. К утру плацдарм был завоеван и удерживался в течение суток до подхода основных сил. Штурмовой взвод, отражая контратаки, подбил четыре танка противника, потеряв половину своего состава. Когда погиб командир одного из расчетов, командир взвода заменил его сам. За этот бой И.В. Котов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Заключительные месяцы войны Иван Васильевич провел в боях за Восточную Пруссию в составе 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Участвовал в сражении за город-крепость Кенигсберг. Долгожданный День Победы встретил на правом берегу Вислы. Демобилизовался И.В. Котов в августе 1946 года в должности заместителя командира батареи отдельного истребительного дивизиона 5-й Гвардейской дивизии Прибалтийского военного округа.

В том же месяце Иван Васильевич поступил в Ленинградский государственный университет на экономический факультет. Все сокурсники, в числе которых находился и автор этих строк (ставший вскоре его другом), были удивлены его поразитель-

тельной скромностью. Он все время старался держаться в тени. «Золотую Звезду» на груди не носил, и многие на факультете даже не знали, что студент Ваня Котов — Герой Советского Союза. Таким он оставался всю жизнь.

И.В. Котов много занимался, успешно постигая основы экономической теории. В 1951 году, окончив университет с отличным дипломом, он в числе трех выпускников был оставлен ассистентом кафедры политической экономии. Защитив кандидатскую диссертацию в 1956 году, ученый продолжил работать на кафедре в должности доцента. Коллеги всегда отмечали его высокий профессионализм и удивительную скромность. Он не позволял себе пользоваться привилегиями для Героев. Обзаведясь семьей, не стал «пробивать» бесплатное жилье, а «залез» в многолетние долги и купил квартиру на свои трудовые средства. Трогательную заботу всегда проявлял по отношению к своей матери и сестре.

В 1959 году Иван Васильевич совершил, можно сказать, гражданский подвиг. Годом раньше на факультете стал создаваться уникальный научно-учебный комплекс в составе отделения экономической кибернетики, кафедры и лаборатории экономико-математических расчетов. И.В. Котов решил связать свою дальнейшую деятельность с этим новым направлением в экономической науке. В свои 39 лет он вместе со студентами и молодыми сотрудниками становится слушателем шестого курса специального годичного подготовительного отделения. Изучает математику, слушает спецкурсы академиков В.В. Новожилова и Л.В. Канторовича по экономико-математическим методам, функциональному анализу, оптимальному планированию, линейному программированию. Ему очень помогло твердое убеждение в том, что математизация экономической теории, в том числе и политэкономии, является делом обязательным, а незнание экономистом-теоретиком математических методов свидетельствует о его профессиональной некомпетентности.

В 1960 году И.В. Котов был назначен заведующим кафедрой экономико-математических расчетов. Когда об этом узнал лауреат Нобелевской премии по экономике Л.В. Канторович, то сказал: «Только Герой Советского Союза смог бы в это время возглавить и руководить кафедрой экономической кибернетики». И для таких слов были основания. Острую полемику в среде экономистов вызвала публикация книги Д.В. Канторовича «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов», получившей Нобелевскую премию. Многие ученые в то время с недоверием и даже пренебрежением относились к экономической кибернетике. Но И.В. Котов занял твердую позицию, он был уверен в необходимости использования математических методов в экономических исследованиях. Свой взгляд ученый обосновал в выступлении на Первом Всесоюзном совещании при Президиуме АН СССР, посвященном этим проблемам, в апреле 1960 года.

Вера Ивана Васильевича в правильность выбранного направления, большие организаторские способности и замечательные человеческие качества позволили ему создать дружный и динамичный профессиональный коллектив единомышленников, обеспечить быстрое развитие всего научно-учебного комплекса. Стали появляться новые публикации, защищались кандидатские диссертации. Научное направление обогащалось свежими идеями и разработками молодых ученых. Сам Иван Васильевич совмещал подготовку и чтение ряда новых учебных курсов с активной научно-исследовательской работой. В 1972 году он издал монографию

«Применение математических методов в экономике и политическая экономия социализма», которая получила Первую университетскую премию. Позднее эта работа была переведена на немецкий язык и издана в ГДР. В 1973 году И.В. Котов защитил докторскую диссертацию, а в 1976 году ему было присвоено звание профессора.

В своих трудах, а также в учебном пособии 1980 года «Математическое моделирование макроэкономических процессов», вышедшем под его общей редакцией, И.В. Котов показал, что применение математических методов в экономике невозможно без использования методов предельного анализа. В связи с этим он исследовал соотношения между предельными экономическими категориями и категориями марксистской политекономии: стоимостью, прибавочной стоимостью, прибылью, зарплатой и др. Им были рассмотрены две стороны такого принципа, как маржинализм: использование предельных величин в поиске оптимальных решений и их интерпретация представителями буржуазной математической школы. Ученый был убежден в том, что эти два аспекта необходимо рассматривать не изолировано, а в их взаимосвязи, что позволит конкретизировать некоторые слишком общие и абстрактные положения экономической теории.

И.В. Котовым был проведен глубокий анализ макроэкономических моделей механизма действия закона стоимости, цен равновесия, разработанных Л.В. Канторовичем и В.В. Новожиловым. Актуальными и для сегодняшних дней остаются его мысли и предложения по проблемам единства цен и плана, развития системы экономических показателей, позволяющих принять рациональные экономические решения. Он выступал также за широкое внедрение в плановую экономику рыночных методов и механизмов, но при этом резко критиковал «чистых рыночников» и подчеркивал особую и первостепенную роль государства в экономическом и социальном развитии общества.

Под руководством Ивана Васильевича и при его непосредственном участии на кафедре и в лаборатории факультета велась серьезная исследовательская работа по следующим научным направлениям: моделирование народнохозяйственных процессов; территориальное и отраслевое управление; теория хозяйственных организаций и деловые игры; организация и планирование производства на промышленных предприятиях и в производственных объединениях; внедрение платного (безвозмездного) природопользования.

И.В. Котов никогда не был кабинетным ученым, все его научные открытия с успехом применялись на практике. На предприятиях и в производственных объединениях внедрялись модели рационального использования различных ресурсов, организации группового и поточного производств. Эти разработки использовались также в основных учебных курсах на экономическом факультете. В последующие годы коллектив научной лаборатории под руководством профессора И.В. Котова разрабатывал уникальную методику долгосрочного социально-экономического развития всего Ленинградского региона. Впервые в стране на основе оптимизационной модели Леонтьева — Форда были осуществлены расчеты, показывающие влияние хозяйственной деятельности на окружающую среду, разработан и внедрен в практику механизм экономического регулирования состояния природной среды.

И.В. Котов ушел из жизни 28 августа 2000 года в возрасте 80 лет. Своей активной научно-исследовательской деятельностью и 30-летней плодотворной работой на посту заведующего кафедрой экономико-математических расчетов и куратора кибернетического экономического комплекса Санкт-Петербургского университета И.В. Котов внес большой вклад в развитие экономической науки. В своих трудах профессор Иван Васильевич Котов убедительно доказал, что успешное развитие экономической науки без использования математических методов в условиях научно-технической революции невозможно. Будучи прекрасным педагогом, он готовил молодых экономистов-теоретиков, владеющих уникальными кибернетическими методиками. А весь жизненный путь фронтовика, Героя Советского Союза, известного ученого — пример поистине беззаветного служения Родине и науке.

Основные труды профессора И.В. Котова

1. Котов И.В. *Применение математики в экономике и политическая экономия социализма* // *Применение математики в экономике*. Л., 1965.
2. Котов И.В. *Закон стоимости и цены равновесия* // *Применение математики в экономике*. Л., 1965.
3. Котов И.В. *Применение математических методов в экономике и политическая экономия социализма*. Л., 1972.
4. Котов И.В. *О механизме действия закона стоимости в условиях социализма* // *Сб. науч. работ экономистов Лейпцигского и Ленинградского университетов*. Берлин, 1979.
5. *Математическое моделирование макроэкономических процессов* (учебное пособие МВ ССО СССР) / Под общ. ред. И.В. Котова. Л., 1980.

Н.А. Медведев,
доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации

**Николай
Никифорович
Мороз**

ГЕРОЙ ВОЙНЫ. ТРУЖЕНИК МИРНОГО ВРЕМЕНИ⁸⁷

1945 — год Великой Победы. Страна постепенно переходила к мирной жизни. Это сказывалось во всем: если раньше, например, в Саратовский экономический институт поступали в основном девушки, то теперь среди абитуриентов можно было увидеть и юношей, многие из которых прошли суровую школу войны. Им было трудно, но они с упорством принимались за учебу. Так, из 105 выпускников промышленного факультета в 1949 году (набор 1945 года) 30 человек получили дипломы с отличием. Среди них был и Николай Никифорович Мороз.

Н.Н. Мороз родился 27 декабря 1924 года в хуторе Славянка Новобурасского района Саратовской области в семье крестьянина.

В 1932 году поступил учиться в школу, которую закончил в 1942 году в селе Балтай.

Летом 1941 года вместе с другими комсомольцами прошел двадцатидневные курсы трактористов при Балтайской МТС, после чего летом 1941 и 1942 годов работал трактористом в колхозе.

Шла осень 1942 года. У здания Новобурасского райвоенкомата с утра и до позднего вечера толпилась молодежь. Сколько их, таких молодых и неугомонных, «атаковали» тогда военкоматы. Добавляли года в документах, ходили на пальцах перед призывными комиссиями, чтобы казаться выше ростом. Все добивались одного — отправки на фронт. Однажды и Николай Мороз — юноша неполных 18 лет — возвратился домой в приподнятом настроении. «Взяли! Еду на фронт!» — сообщил он, собираясь в дальнюю дорогу. Это был сентябрь 1942 года. А война шла совсем недалеко, фашистские орды стояли у берегов Волги и Дона, сражался с врагом героический Сталинград.

Советское командование спешно готовило офицерские кадры, знающие военное дело. Так и попал Николай Мороз в Симферопольское стрелково-минометное училище, окончив которое получил звание младшего лейтенанта и был направлен в состав войск Степного фронта. Он прибыл в первую стрелковую дивизию, которая к этому времени занимала оборону на донском рубеже в районе Монастырщины и Верхнего Мамона Воронежской области.

Шли упорные бои на Осетровском плацдарме. Приняв минометный взвод, молодой офицер с первых же дней показал себя хорошо подготовленным минометчиком. Защитники плацдарма были всегда довольны огневой поддержкой при отражении контратак врага.

Во время прорыва обороны противника в декабре 1942 года лейтенант Н. Мороз был ранен и возвратился в полк лишь спустя три месяца, когда дивизия после боев в районе Лозовой сосредоточилась недалеко от Волчанска. Состав взвода к этому времени почти полностью обновился. И Мороз свои знания и опыт передавал молодым минометчикам. Его расчеты считались лучшими.

При форсировании Северского Донца в августе 1943 года лейтенант снова был ранен и отправлен в госпиталь. Возвратился Мороз, когда его 175-й гвардейский стрелковый полк вел бои на Пушкаревском острове.

⁸⁷ Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Вып. 3. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004, с. 100–108.

Лейтенант Мороз со своей ротой участвовал и в боях на Украине, при форсировании Южного Буга. Здесь Мороз получил третье по счету ранение, но в госпиталь не уехал, а продолжал лечение в дивизионном медсанбате.

Когда подразделения дивизии направились на Сандомирский плацдарм, лейтенант Николай Мороз был снова в строю и принимал участие в кровопролитных боях в Польше.

И вот впереди Одер. К этому последнему водному рубежу на пути к Берлину наши войска вышли в январе 1945 года. Реку предстояло форсировать с ходу. Первой в полку это должна была сделать стрелковая рота, которой на подмогу, для усиления огневой Мощи, был отправлен минометный взвод молодого лейтенанта. На песчаной отмели бойцы отыскивали брошенную гитлеровцами старую баржу и быстро приспособили ее для переправы. Под покровом ночи закончили погрузку и бесшумно отплыли к противоположному берегу. На веслах сидели 40 бойцов. Гребли дружно: от скорости зависел успех операции. И казалось бы, все шло хорошо, как вдруг неподалеку от берега баржа неожиданно села на мель. К тому же немцы, бросавшие осветительные ракеты, заметили ее и открыли ураганный огонь. Темноту прошили пунктиры трассирующих пуль, снаряды подняли вверх фонтаны воды рядом с бортами. «Добираться до берега вброд!» — подал команду минометчик Мороз и первым⁸⁸ прыгнул в ледяную воду. За ним устремились бойцы, взвалив на плечи минометы и ящики с боеприпасами. С берега в упор били пулеметы и автоматы.

Достигнув суши, бойцы быстро установили под крутым берегом орудия и открыли огонь по фашистам. Вскоре, благодаря точной корректировке, проводимой Морозом, минометчики заставили замолчать два станковых пулемета фашистов, которые вели прицельный огонь по барже. Это значительно облегчило высадку пехотинцев. Рота с ходу выбила гитлеровцев из прибрежных траншей и, захватив небольшой плацдарм, обеспечила успешную переправу полка через Одер.

В растерянности противник пребывал недолго. Не прошло и получаса, как загрохотали сотни вражеских орудий. После артобстрела немцы пошли в атаку. Но десантники стояли насмерть. Группа немецких автоматчиков сумела все-таки прорваться в расположение огневой позиции взвода Мороза. Пришлось минометчикам пускать в ход автоматы и ручные гранаты. Вражеская атака захлебнулась. В этом бою минометчики уничтожили около сотни фашистов.

Здесь, на плацдарме, вражеский осколок вывел из строя отважного командира. Рана оказалась тяжелой. Рука была перебита в трех местах, он потерял много крови. Со слезами на глазах расстался Николай Мороз со своими верными друзьями, солдатами. Приближался конец войны, и молодому офицеру не хотелось

⁸⁸ О ратном подвиге лейтенанта Н.Н. Мороза рассказывается в следующих публикациях: Встать в строй. Саратов, 1980. С. 41–44; Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. М., 1988. Т. 2. С. 111; Гушин П. О земляке, о друге, о герое // Знамя Октября (Балтайский район). 1974. 19 окт.: Камышев М. Гвардейский характер // Красное Знамя. 1971. 28 апр.; Некрасов Н. Мастер меткого огня // Знамя октября (Балтайский район). 1985. 5 янв.; Румянцев Н.М. Люди легендарного подвига (краткие описания биографий и подвигов Героев Советского Союза). Саратов, 1968. С. 324–325; Советский экономист. 1971. 1 июня [№18 (581)]; Тернов А. Верность славным традициям // Знамя Октября (Балтайский район). 1980. 23 февр.; Удалов П. Встреча с героем // Большая Волга (Саратовский район). 1966. 13 мая.

уезжать в тыл. Но медики были непреклонны. Тяжелое ранение угрожало жизни, и Н.Н. Мороза отправили в один из саратовских госпиталей. Доктора делали все, что было в их силах, но тщетно, и отважный минометчик оказался в палате обреченных. Гангрена сжигала правую руку, которую пришлось ампутировать. Когда действие наркоза стало ослабевать, Николай мучительно думал: на что способен такой. Ни сесть за руль трактора, как это было в начале войны, ни встать к станку. Но товарищи по палате, а в особенности оперировавший его хирург, помогли не упасть духом. «Тебе двадцать лет, — сказал ему тогда врач, — у тебя все впереди. Разве легко было Маресьеву без ног? А ведь он нашел себя в жизни».

Вскоре в палате заметили перемену в настроении лейтенанта. А через некоторое время он обзавелся учебниками. Каждый день, тренируясь, развивал левую руку, привыкал не только ею работать, но и писать. Поначалу было очень трудно, перо выводило на бумаге какие-то каракули, а не буквы.

Давно отпраздновали День Победы, пролетело лето, а Николай все еще не мог расстаться с госпитальной койкой. Но долгие месяцы не были растрочены впустую. Фронтовик оказался упорным. Еще лечась в госпитале, сдал вступительные экзамены и стал студентом Саратовского экономического института. И когда показалось, что цель достигнута, фронтовое ранение вновь дало о себе знать. Мороз пришел к ректору института и сказал, что хочет забрать документы. На вопрос ректора о причине такого решения, студент ответил, что врачи настаивают еще на одной операции, так как надо удалить оставшиеся в культе осколки.

Ректор успокоил фронтовика, пообещав, что место за ним сохранится. Чуть оправившись после операции, Николай Мороз стал ходить на занятия прямо из госпиталя и вскоре догнал однокурсников. Как-то пришло письмо от фронтового друга, который писал: «Недавно прочитал в „Красной Звезде“ Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении званий Героя Советского Союза. В большом списке встретил и твою фамилию. Все сходилось: имя и отчество. Если это ты, то горячо поздравляю».

К этому сообщению Мороз отнесся недоверчиво, и решил — совпадение. Но когда, разыскав в библиотеке подшивку «Красной Звезды», нашел Указ о присвоении званий Героя и увидел свою фамилию, то подумал: «Возможно, и мне присвоили звание героя. Сказал же тогда генерал: „Если б не минометчики, трудно пришлось бы всему полку...“».

Николай поделился новостью с ректором. Тот настоял: «Поезжайте в Москву».

В приемной Президиума Верховного Совета СССР расспросили, в какой части служил, в каких боях участвовал, в каком был звании. Попросили зайти через день. Когда пришел лейтенант в назначенный час, то его поздравили с высоким званием Героя Советского Союза, которое присвоено ему Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 года. И к ордену Отечественной войны II степени, которым был награжден Н.Н. Мороз за форсирование Буга, ордену Красной Звезды за форсирование Днестра, ордену Отечественной войны I степени за форсирование Вислы и многочисленным медалям прибавились орден Ленина и Золотая Звезда Героя за боевой подвиг при форсировании Одера.

Во время учебы в институте Н.Н. Мороз выделялся как способный студент. Принимал активное участие в общественной жизни. В 1947 году был избран депу-

татом Саратовского городского совета второго созыва и затем избирался депутатом и третьего, и четвертого созывов.

Николай Мороз с интересом участвовал в работе научных кружков. Его рефераты, доклады, курсовые свидетельствовали о стремлении студента к самостоятельному исследованию экономических проблем, поэтому после окончания института для продолжения учебы Н.Н. Мороз был рекомендован к поступлению в аспирантуру. Он успешно сдал вступительные экзамены, написал реферат на тему «Об использовании материальных балансов в планировании местного хозяйства». В своем отзыве на этот реферат профессор П.И. Питаевский отметил, что предложенное обобщение опыта балансовой работы в Саратовской областной плановой комиссии позволило охарактеризовать состояние балансовой работы, верно подметить недостатки и даже дать некоторые рекомендации по улучшению балансовой практики. Словом, реферат свидетельствовал об умении автора критически изучать материал и о способностях его к самостоятельным экономическим выводам.

Н.Н. Мороза зачисляют в аспирантуру, где он успешно работает. Кандидатские экзамены сданы на «отлично». 30 сентября 1953 года им блестяще защищена кандидатская диссертация на тему «Вопросы экономики переноса и реконструкции населенных пунктов в зонах крупного градостроительства (на примере районного центра Нижний Чир)».

После окончания аспирантуры Н.Н. Мороз работал преподавателем на кафедре народнохозяйственного планирования в Саратовском экономическом институте. Несмотря на то, что был принят на должность ассистента, он не только вел практические и семинарские занятия, которые вызывали интерес у студентов, но и читал лекции по отдельным темам курса. Лекции получили высокую оценку ведущих специалистов кафедры.

Посвятив себя науке, исследователь стремился внести свой посильный вклад в развитие послевоенной экономики страны, участвуя в подготовке молодых специалистов. В 1954 году Николай Никифорович переехал в Ростов, где до последних дней своей жизни работал в институте народного хозяйства доцентом, заведующим кафедрой (с августа 1954 года, пройдя успешно конкурс, он работал старшим преподавателем, в 1963 году был утвержден в ученом звании доцента).

Коллеги Николая Никифоровича высоко ценили его знания, деловые качества, чуткое отношение к людям, поэтому он много раз избирался заведующим кафедрой. Он умело руководил научной, учебно-воспитательной и методической работой коллектива. По совместительству Н.Н. Мороз работал руководителем отдела комплексных исследований отраслевой экономической лаборатории.

Исследователь и сам активно вел научные разработки. Основные научные интересы Николая Никифоровича были связаны с актуальной в то время проблемой планирования, которая рассматривалась ученым всесторонне: разрабатывались общие вопросы о принципах и методах планирования, а также вопросы «районной планировки», определялось ее экономическое содержание и намечались пути ее осуществления. В научных работах Н.Н. Мороза нашли отражение и вопросы отраслевого планирования, в частности, сырьевых баз центральных и групповых обогатительных фабрик комбината Ростовуголь, развития жилищного и культурно-бытового строительства в Ростовском народнохозяйственном узле.

Как опытного, знающего преподавателя Министерство высшего и среднего специального образования СССР направило Н.Н. Мороза в Монголию, где он с сентября 1958 года по июнь 1960 года работал консультантом на кафедре политической экономии, планирования и статистики Экономического института им. Сухэ-Батора. За время преподавания в Монгольской народной республике Николай Никифорович принял участие в написании коллективного учебного пособия «Основы планирования народного хозяйства МНР». Им, в частности, были написаны разделы о методологии планирования народного хозяйства, организации планирования народного хозяйства МНР, об основах планирования капитальных вложений и материально-технического снабжения, о планировании развития новой техники, жилищного и коммунального хозяйства, о едином государственном плане развития народного хозяйства и балансе народного хозяйства, а также о планировании заготовок сельскохозяйственной продукции, об определяющей роли плана производства и его связи с другими частями государственного плана.

За плодотворную творческую деятельность в деле воспитания молодых кадров экономистов Н.Н. Морозу объявлена благодарность директором института.

Н.Н. Мороз всегда оставался человеком активной жизненной позиции и, будучи преподавателем в Ростовском институте народного хозяйства (РИНХ), активно участвовал в общественной жизни института, города и области. Работал председателем организационной комиссии по проведению конференции, посвященной 70-летию Госплана СССР, был внештатным лектором Ростовского горкома КПСС, руководил межвузовским областным семинаром преподавателей конкретной экономики, неоднократно избирался членом партбюро, парткомом института.

Несмотря на большую работу в РИНХ, Николай Никифорович не порывал связи с Саратовским экономическим институтом, бывал на встречах выпускников, встречался со студентами, а когда дела не позволяли присутствовать лично — писал письма. В музее СЭИ сохранилось одно из писем Н.Н. Мороза, где он пишет: «Об институте остались самые хорошие и светлые воспоминания. Может быть старомодно, но мне помнится, что мы более серьезно относились к учебе, чем сейчас студенты, хотя, конечно, и у нас были недобросовестные товарищи. Меняйтесь к лучшему!».

Недолго пришлось трудиться Николаю Никифоровичу в мирное время (в 1971 году фронтовик ушел из жизни), но всю свою энергию, знания, опыт отдавал Николай Никифорович Мороз делу подготовки и воспитания экономистов высшей квалификации.

Основные труды кандидата экономических наук Н.Н. Мороза

1. Мороз Н.Н. Принципы и методы планирования населенных пунктов // Ученые записки РФЭИ. Т. 5. Ростов н/Д, 1956.
2. Мороз Н.Н. Основы планирования народного хозяйства МНР. Улан-Батор, 1962. (На монг. яз.). (В соавторстве).
3. Мороз Н.Н. Балансовый метод планирования в новых условиях. Ростов н/Д, 1966.
4. Мороз Н.Н. Экономическое содержание и определение понятия «районная планировка» // Вопросы развития и размещения общественного производства. Ростов н/Д, 1967.

5. Мороз Н.Н. Оптимизация сырьевых баз центральных и групповых обогатительных фабрик комбината Ростовуголь // Экономика угольной промышленности. 1967. № 9–10.
6. Мороз Н.Н. Районная планировка — метод регионального планирования. Ростов н/Д, 1968.
7. Мороз Н.Н. Методика определения границ промышленных и народнохозяйственных узлов. Ростов н/Д, 1968.
8. Мороз Н.Н. Районная планировка и оптимизация технико-экономических решений. Ростов н/Д, 1968.
9. Мороз Н.Н. Развитие жилищного и культурно-бытового строительства в Ростовском народнохозяйственном узле. Ростов н/Д, 1968.

Т.В. Березовская,
кандидат экономических наук, доцент

**Иван
Александрович
Анчишкин**

БОЕВОЙ И НАУЧНЫЙ ПУТЬ⁸⁹

Спустя несколько дней после начала Великой Отечественной войны, 3 июля 1941 года председатель Государственного комитета обороны И. Сталин по радио призвал к созданию народного ополчения в каждом городе, которому угрожает нашествие врага. Меньше чем за неделю в военкоматы столицы пришли тысячи москвичей. После тщательного рассмотрения заявлений было отобрано 160 тысяч человек, из которых были сформированы 13 ополченческих дивизий⁹⁰. Формирование частей проводилось по территориальному принципу: каждый район Москвы в сжатые сроки — с 3 по 5 июля 1941 года — создавал свою дивизию из жителей от 17 до 55 лет. 6 июля 1941 года во дворе Института экономики АН СССР на Волхонке, 14, собрались те, кто добровольно решил воевать в ополчении. Они влились в 21-ю дивизию народного ополчения Киевского района Москвы. В дивизию Киевского района добровольно вступили рабочие и служащие Московского узла Киевской железной дороги, гиганта холодильной промышленности — Дорогомиловского химзавода им. Фрунзе, кондитерской фабрики им. Бабаева, научные сотрудники Академии наук, работавшие в институтах экономики, мирового хозяйства, философии, истории, сотрудники Института Маркса — Энгельса — Ленина, Литературного музея, артисты театра им. Вахтангова, служащие киностудии «Мосфильм» и др. «Большое ядро ученых в составе дивизии, — вспоминал Я.А. Кронрод, — привело к тому, что на фронте ее окрестили профессорской. И это было славным крестным именем. Недаром в боевом гимне дивизии была такая строка: «Шагает профессор с Волхонки, и слесарь с винтовкой идет»⁹¹.

В ряды дивизии из ученых Института экономики вступили директор Института Б.М. Маркус, ученый секретарь Института, заведовавший аграрным сектором, Д.Т. Шепилов — один из организаторов дивизии, ставший начальником ее политотдела. В боевые ряды влились старшие научные сотрудники Института. Среди них были С.И. Бессонов, ставший начальником штаба полка; Я.А. Кронрод, служивший сначала пулеметчиком, а затем политработником и редактором дивизионной газеты, окончивший войну в звании гвардии майора одной из доблестных дивизий, штурмовавших Берлин; М.И. Куркин — в будущем комиссар артдивизиона; Е.Л. Маневич, со временем ставший руководителем комсомола дивизии; член-корреспондент АН Украинской ССР Я.Г. Фейгин — будущий комиссар артдивизиона; Д.С. Телятников — будущий командир артдивизиона. Ушли сражаться за Москву аспиранты М.Т. Пономарев, служивший комиссаром одного из полков дивизии, и А. Арутюнян, ставший политработником⁹². Много профессоров и кандидатов наук вступило в ряды дивизии из других институтов и гуманитарных учреждений Москвы. «Душой ее, организаторами и вдохновителями, — вспоминал Иван Александрович Анчиш-

⁸⁹ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 7. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. — С. 23–42.

⁹⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961. Т. 3. С. 200.

⁹¹ Судьба ученого и трагедия науки (к 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М., 1992. С. 29–30.

⁹² См.: Список сотрудников Института экономики — участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла // Институт экономики в Великой Отечественной войне (фрагменты воспоминаний). М., 1995. С. 3–6, 44. (Список не исчерпывающий.)

кин, — с самого начала стали политические работники, которыми дивизия была так богата, коммунисты. Они цементировали ряды дивизии, в боях всегда были впереди, служили примером мужества и героизма. Пламенными бойцами, верными помощниками были наши молодые и юные друзья — комсомольцы»⁹³.

Одним из главных организаторов дивизии и первым ее военным комиссаром (в дальнейшем — начальником политотдела) стал секретарь партийной организации Института экономики Иван Александрович Анчишкин, старый большевик, участник Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, до 1941 года заведовавший в Институте сектором экономики промышленности.

«Когда в июне 1941 года фашистские полчища вторглись в нашу страну; для Ивана Александровича не было вопроса, как поступить, что делать»⁹⁴, — вспоминала его жена Зинаида Васильевна Александрова. «Нет подвига выше и благороднее, чем отдать свою жизнь за Родину, за ее честь и свободу», — писал незадолго до кончины Иван Александрович в своих воспоминаниях.

На следующий день после сбора на Волхонке ополченцы были направлены на боевые позиции, создаваемые в тылу Западного фронта. Совершив 40-километровый марш-бросок, они сосредоточились в лесном массиве западнее Москвы. Здесь бойцы ополчения строили укрепления и одновременно проходили боевую подготовку. 15 августа 1941 года после завершения обучения и укомплектования подразделений личным составом и боевой техникой дивизия покинула свой лесной лагерь. Совершив трехсуточный переход, который для многих ополченцев стал нелегким испытанием, дивизия заняла позиции на Ржевско-Вяземском оборонительном рубеже, затем была переброшена в район Наро-Фоминска. В это же время она вошла в состав 33-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова. Впоследствии маршал Г.К. Жуков писал: «Войска под его командованием сражались мужественно и не пропустили противника через свои рубежи»⁹⁵.

Осенью 1941 года немецкие войска продвинулись далеко вперед на центральном, южном и северном участках московского направления. Началась великая битва на подступах к столице нашей Родины — Москве. В результате большого — по меньшей мере пятикратного — превосходства, в силе и технике гитлеровцам удалось вести наступление широким фронтом. Под прикрытием мощного артиллерийского и минометного огня танковые колонны врага глубоко вклинились в нашу оборону. И 20 октября 1941 года в Москве и прилегающих районах было введено осадное положение. В постановлении Государственного комитета обороны объявлялось, что руководство обороной столицы на рубежах, отстоящих на 100-120 километров западнее Москвы, поручается командующему Западным фронтом генералу армии Г.К. Жукову. «Когда дивизия в начале октября 1941 года вступила в бой, — вспоминал И.А. Анчишкин, — она была слаба своим вооружением, но сильна духом, волей к борьбе». Битва под Москвой была одним из крупнейших сражений Великой Отечественной войны. Победа под Москвой ознаменовала

⁹³ Анчишкин И.А. То, что помнится // Институт экономики в Великой Отечественной войне (фрагменты воспоминаний). М., 1995. С. 21, 40.

⁹⁴ Александрова З.В. Иван Александрович Анчишкин (27.09.1901 — 30.10.1974) // Институт экономики в Великой Отечественной войне (фрагменты воспоминаний). М., 1995.

⁹⁵ Битва за Москву. М., 1966. С. 86.

начало поворота в ходе войны в пользу Советского Союза. Она оказала огромное влияние на подъем освободительного движения народов Европы против гитлеровского ига. «Москвичи, — писал маршал В.Д. Соколовский, — внесли неоценимый вклад в общее дело борьбы с врагом, они в жестоких боях завоевали право именовать их город — городом-героем»⁹⁶.

Политработник в течение всей Великой Отечественной войны был очень важной фигурой. Мужество и выдающиеся военные способности И.А. Анчишкина, проявившего на войне исключительную храбрость, отмечали все его однополчане. Я.Г. Фейгин так и говорил, обращаясь к Ивану Александровичу: «Только благодаря твоей выдающейся смелости мы остались живы, ибо ты спасал нас и выводил из-под огня врага в самых сложных ситуациях, и мы одерживали победы». О человеческом и гражданском мужестве И.А. Анчишкина свидетельствовали и такие факты, как отличное знание обстановки на различных участках фронта, твердое отстаивание своей позиции. Однажды он на заседании военного совета вступил в полемику с самим Г.К. Жуковым, который был известен властным и резким характером.

Заметим, что дивизия в результате первых боев в октябре 1941 года оказалась в окружении противника. И одна из немногих вышла из него вполне боеспособной. Немалая заслуга в этом принадлежала герою нашего очерка. В конце ноября 1941 года дивизия отразила наступление танковых частей немцев с юга на Москву под Каширой. Затем во взаимодействии с конным корпусом генерала Белова 28 ноября 1941 года она первой на Западном фронте перешла в наступление. К тому времени, когда 6 декабря Западный фронт в целом под Москвой перешел в первое свое большое наступление против гитлеровских войск, дивизия, отбрасывая части противника, продвинулась в направлении Венева на 80 километров. «Наступление под Каширой на Венев, — писал И.А. Анчишкин, — было, несомненно, большим подвигом дивизии»⁹⁷. В составе 33-й армии дивизия наступала в направлении Можайска и Гжатска, освобождала Рузу, Дорохово, Можайск, Вереву.

В осенние дни 1942 года И.А. Анчишкин был направлен начальником политотдела в 346-ю танковую дивизию, которая после тяжелых боев только что вышла из окружения. Иван Александрович вспоминал: «В октябре 1942 г. неожиданно к нам прибыл генерал Рыбалко, бывший в то время заместителем командира 5-й танковой армии. Он сообщил, что наша дивизия войдет в состав танковой армии, и намекнул, что нам надо готовиться к переброске на дальнейшее расстояние (в помощь сталинградцам). В начале ноября 1942 года дивизия по железной дороге была переведена в район северо-западнее Сталинграда в южную часть Ново-Анненского района. 5-я танковая армия и наша дивизия постепенно подтягивались к району главного удара и были сосредоточены северо-западнее г. Серафимович. Стал известен и уточнялся план предстоящих боевых действий. По частям и подразделениям разъяснялась общая стратегическая обстановка на фронте. Командиры, политработники и бойцы все больше проникались мыслью, что наступают решающие, переломные дни войны.

⁹⁶ Там же. С. 28–29.

⁹⁷ Анчишкин И.А. Указ. соч. С. 22.

Наступило серое туманное утро 19 ноября. С рассветом началась артиллерийская подготовка. Прицельный огонь был невозможен, били по площадям на возможно большую глубину, по заранее подготовленным целям»⁹⁸.

После разгрома гитлеровских войск под Сталинградом Иван Александрович в составе 51-й армии Южного фронта, 4-го Украинского фронта, Политуправления Прикарпатского Военного округа принимал участие в освобождении Крыма и главной военно-морской базы черноморского флота — Севастополя. Он прошел с боями по районам Восточных Карпат, Закарпатья и закончил войну в Чехословакии, в городе Падду-бице, недалеко от Праги. В октябре 1945 года он демобилизовался в звании подполковника. Иван Александрович был награжден орденом Красного Знамени в 1943 году. Второй орден Красного Знамени им получен в 1967 году. В 1944 году он был награжден орденом Отечественной войны II степени, в 1945 — орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Москвы», «За победу под Сталинградом», «За Победу над Германией», «За доблестный труд» и др.

***

Иван Александрович Анчишкин родился 27 сентября 1901 года в семье рабочего-каменщика на Гришинском руднике, в Донбассе. В 1914 году окончил двухклассное земское училище. С началом Первой мировой войны, когда отец был мобилизован в армию, Иван Александрович начал свою трудовую деятельность по наследственной профессии отца и деда. Сначала был учеником, а затем каменщиком на рудниках Донбасса — Эрастовском, Гродовском, Ново-Экономическом и других. Работая в Донбассе, крупнейшем промышленном центре, он рано начал читать революционную марксистскую литературу, а затем был вовлечен в политическую жизнь и революционное движение. «С начала Февральской революции 1917 года, — вспоминал И.А. Анчишкин, — определились мои политические взгляды, и с апреля месяца этого года начинаю посильную для моего возраста работу в большевистской организации Гришинского района». В это время он подвергался гонениям за большевистскую агитацию. В ноябре 1917 года Иван Александрович вступает в ряды большевистской партии и во время оккупации Украины кайзеровскими войсками (апрель — ноябрь 1918 года) остается в Донбассе для подпольной партийной работы. В сентябре 1918 года он вступает в партизанский отряд донецких рабочих, который в декабре 1918 года соединился с регулярными частями Красной Армии. В течение трех лет в различных частях Красной армии сражается против немецких интервентов, белополяков, белогвардейских войск генералов Краснова, Деникина, отрядов Махно. В боях был контужен.

После окончания гражданской войны в ноябре 1921 года в соответствии с его настойчивой просьбой Иван Александрович был направлен на учебу в Коммунистический университет им. Свердлова, который окончил в 1924 году, получив специальность лектора по политэкономии. В марте 1924 года командирован на Урал для организации марксистско-ленинского образования ленинского призыва, затем вел партийную работу в Ленинграде. В сентябре 1929 года Ленинградский обком партии командировал Ивана Александровича на учебу в Институт красной про-

⁹⁸ Там же. С. 41–42.

фессуры, где он окончил плановое отделение. Затем была работа референтом в Совнарком РСФСР. Во время организации политотделов МТС Иван Александрович был назначен начальником политотдела Волоконовской МТС в Центрально-Черноземной области, а после реорганизации политотделов в 1935 году работал первым секретарем Волоконовского райкома партии, затем был отозван для работы в аппарате ЦК партии.

От занимаемой должности в ЦК он был освобожден в августе 1937 года и перешел на работу старшим научным сотрудником в Институт экономики АН СССР. В октябре 1938 года Иван Александрович защитил кандидатскую диссертацию по теме «Советская экономика в период восстановления народного хозяйства». Председателем ученого совета на его защите был К.В. Островитянов, ученым секретарем — Д.Т. Шепилов. Ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Политическая экономия социализма» И.А. Анчишкину было присвоено в 1948 году. Постановление Президиума Академии наук СССР было подписано президентом Академии наук академиком С.И. Вавиловым. С 1940 года и вплоть до ухода на фронт он работал руководителем сектора экономики промышленности.

В декабре 1946 года после демобилизации И.А. Анчишкин вернулся в Институт экономики, где стал работать старшим научным сотрудником в секторе политической экономии. В 1951 году он принял участие в экономической дискуссии по макету учебника политической экономии. В 1952 году Иван Александрович перешел в Московский государственный экономический институт и занял должность заведующего кафедрой политической экономии, где разрабатывал курс политэкономии социализма. В 1959 году он вновь вернулся в Институт экономики в сектор общих проблем политической экономии социализма, где работал над проблемами структурных изменений в народном хозяйстве, роста благосостояния советского народа, индустриализации сельского хозяйства, оптимального сочетания между производством и потреблением.

В Институте экономики Иван Александрович проявил свои лучшие человеческие качества. Занимая определяющий по тем временам пост секретаря партийной организации, он был критерием нравственности, врагом любой несправедливости, духовным лидером, который всегда выступал в защиту незаслуженно обиженных и поддерживал людей в трудных обстоятельствах. Его не случайно называли совестью Института. И.А. Анчишкин пришел в Институт экономики в 1938 году — в сложнейшее и во многом трагическое для советского общества время. Глубокое понимание им происходящих в стране событий проявилось в его отношении к В.Г. Венжеру, которого сняли без каких-либо объяснений с должности директора совхоза. Владимир Григорьевич решил идти в ЦК партии за разъяснениями. По дороге на Старую площадь повстречал И.А. Анчишкина. Иван Александрович удержал коллегу от опрометчивого шага, сказав: «Пойдем со мной, я тебя отведу туда, где сейчас можно работать»⁹⁹. Так В.Г. Венжер оказался в Институте экономики и трудился там больше полувека, став широко известным в стране и за рубежом ученым.

Ивану Александровичу было присуще чувство высокой ответственности за все происходящее в стране. С этих позиций он подходил и к своей деятельности в Инсти-

⁹⁹ Цит. по: Кузнецова Т.Е. «...И примкнувший к ним... непримкнувший». М., 2005. С. 93.

туте. Особенно ярко это обнаруживалось в переломные моменты истории. Юношей он участвовал в революции, во время Великой Отечественной войны уже немолодым человеком был в действующей армии, как говорится, от звонка до звонка. В период идеологических кампаний четко проявлялось его умение противостоять течению и сомнительным директивам, занимать стойкую мужественную и мудрую позицию. Так было, в частности, во время «борьбы с космополитизмом». Будучи секретарем партийной организации, Иван Александрович проявил глубокое понимание ситуации, противостоял официальным идеологическим установкам, не совершил ни одной ошибки, за которую бы расплачивался всю жизнь.

И.А. Анчишкин хранил как зеницу ока стенограмму того совещания, когда именно он сумел так организовать обсуждение и принять такую резолюцию, что стало возможным сохранить кадры — научный потенциал Института — и отвести от него беду. Им были продемонстрированы истинная гражданская мудрость и подлинный интернационализм.

Иван Александрович был верным другом, в нужную минуту приходящим на помощь, оказывающим твердую и самоотверженную поддержку нуждающимся в ней. Это была крупная личность с огромными потенциальными возможностями общественного деятеля. Правда, его выдающиеся качества не всегда были востребованы в полной мере. Тем не менее по складу своего характера он был бесспорным лидером, которому по плечу крупные, масштабные дела. Ему были тесны рамки рядового научного работника, в которых он вынужден был существовать. Его жизнь богата неординарными поступками, подчас чреватými серьезными оргвыводами со стороны партийного чиновничества, поскольку он отличался независимостью мышления и прямоотой высказываний. Например, когда А.А. Громыко, работавшего в Институте экономики в конце 30-х годов, выдвинули на работу в ЦК, а в дальнейшем сделали министром иностранных дел, И.А. Анчишкин — в то время секретарь партийной организации Института — открыто высказал свое негативное отношение к этому назначению, мотивировав его тем, что подобное назначение способно дискредитировать Советский Союз на международной арене.

***

У Ивана Александровича было свое понимание социализма, миссии социалистической страны в мире, ее внешнеполитической линии. Совершенно закономерно в этой связи, что его научные изыскания были посвящены социалистическому обществу, путям и перспективам его развития. Итоги многолетних исследований были подведены в монографии «Экономические условия роста благосостояния советского народа», изданной уже после смерти автора. В предисловии к работе его друг, выдающийся ученый В.Г. Венжер отмечал, что «книга представляет теоретический интерес оригинальной трактовкой этой жизненно важной проблемы». Монография, к сожалению, осталась незавершенной. Последний год, который в ней рассматривался, был 1973-й, ибо 28 октября 1974 года автор скончался.

Сильным потрясением для Ивана Александровича стало постановление ЦК КПСС 1972 года по Институту экономики, спровоцированное, как можно сегодня предположить, доктринерскими тенденциями в экономической науке и ошибочными действиями партийного аппарата. Оно содержало необоснованную критику

работы Института, что повлекло за собой изменение проблематики научных исследований и серьезные кадровые перестановки, в том числе несправедливое увольнение героя данного очерка. В том, что книга «Экономические условия роста благосостояния...» была опубликована, прямая заслуга вдовы Ивана Александровича — З.В. Александровой и его друга В.Г. Венжера.

В книге много собственных расчетов автора, приводятся данные, неопровержимо свидетельствующие об огромных возможностях страны, что в настоящее время звучит особенно актуально. Ученый, в частности, подчеркивает, что промышленное производство СССР в 1973 году выросло в 113 раз по сравнению с дореволюционным уровнем (1913 года). До Великой Отечественной войны ежегодный прирост промышленного производства составлял 15,7%. В последующее после восстановления экономики страны 25-летие (1948–1973 годы) среднегодовой прирост промышленной продукции в СССР находился на уровне 10,7%. В результате СССР произвел в 1973 году 20% мировой промышленной продукции и превзошел все капиталистические страны Западной Европы как по доле в мировом промышленном производстве, так и по производству на душу населения. Если в 1926 году США по объему промышленного производства превосходили СССР в 21 раз, то в 1973 году этот разрыв сократился и составил 1,3 раза. Безусловно, количественные показатели нуждались в анализе качественных характеристик. Но и без этого колоссальный прогресс советской экономики был бесспорен. Автор подчеркивал, что по ряду показателей промышленного производства и развития техники (в металлургии, атомной и космической сфере, в выпуске лазерных генераторов и др.) СССР опережал развитые страны Запада.

Аналогичная картина наблюдалась и в социальной области. Весьма показательно, отмечал И.А. Анчишкин, что, превосходя Советский Союз по удельному весу и абсолютной численности занятых в непроизводственной сфере более чем в два раза, США резко отстают от СССР по числу учителей, врачей, работников сферы культуры в абсолютном и относительном выражении. В 1973 году в общеобразовательных школах нашей страны трудилось 2,7 млн учителей против около 2 млн в США. Численность врачей всех специальностей была соответственно равна 767 тыс. и 410 тыс., а на каждые 10 тыс. населения — в среднем 39,6 и 19,9. Таким образом, обеспеченность врачами советского населения была в 1,5 раза выше нежели американского, по общей численности врачей, обслуживающих население, превосходство СССР над США составляло почти 1,9 раза.

Однако огромные возможности развития экономики социализма, подчеркивал автор, не реализуются сами по себе, автоматически. Они используются тем полнее и многостороннее, чем совершеннее система управления хозяйством, чем глубже проникновение науки в сущность законов социалистического развития. В связи с этим автор обращает внимание на то, что как бы ни были велики достижения, «действительность не может быть исчерпана до конца». В частности, в отношении промышленного производства он видел возможности гораздо более высоких результатов. В то же время И.А. Анчишкин обращает особое внимание на существенную диспропорцию в экономическом развитии страны. Речь идет о недостаточных темпах развития сельского хозяйства, которые отставали от растущих экономических, социальных и политических потребностей. Это, подчеркивал он, сказывается

и на уровне благосостояния народа. Иными словами, жизнь, как он полагал, настоятельно требовала рационального (по существу — оптимального) сочетания всех отраслей народного хозяйства. Исходя из этого, ученый формулирует неотложную задачу крутого подъема производительности труда, особенно в сельском хозяйстве, а также в отраслях промышленности, производящих предметы потребления.

На основе тщательного анализа данных он справедливо подчеркивал, что производство предметов потребления пока отстает от потребностей населения и возможностей народного хозяйства СССР ввиду недостаточного развития материально-технической базы в отраслях, производящих средства существования¹⁰⁰. В связи с этим автор уделяет большое внимание исследованию вопроса о назревших структурных изменениях в народном хозяйстве, результатом которых станет увеличение производства предметов потребления. В соответствии с основной целью исследования автор выделяет два пути кардинальных изменений в народном хозяйстве. Во-первых, перевод аграрного сектора на промышленную основу, его последовательная индустриализация. Во-вторых, переход к исключительно промышленному производству предметов массового потребления.

Без коренного поворота в состоянии производительных сил сельского хозяйства, увеличения массы дешевых продовольственных товаров для населения и аграрного сырья для легкой и пищевой промышленности рост жизненного уровня народа нереален. В этом выводе И.А. Анчишкин опирается на предшествующий опыт. На большом историческом материале он показывает, как развивались эти процессы в годы советской власти, когда почти заново была создана пищевая промышленность, реконструирована и расширена легкая. Сельское же хозяйство было переведено на принципиально новую техническую базу. Оно получило большое количество тракторов, комбайнов, другой сельскохозяйственной техники, химические средства повышения урожайности. Из этих общеизвестных фактов ученый делает принципиально важный вывод о необходимости придать рассматриваемым процессам качественно новый характер. Ученый подробно анализирует производство всех пищевых продуктов, особенно мясопродуктов, продуктов животноводства и рыбных промыслов. На этой основе он формулирует задачи, которые стране предстоит решать в ближайшем будущем. В частности, автор на конкретном материале раскрывает острую необходимость окончательного в скором времени перехода от традиционного домашнего производства многих продуктов питания к почти исключительно промышленному их выпуску. Всеобъемлющее развитие пищевой промышленности в целом также рассматривается ученым в качестве неременного экономического условия роста благосостояния народа.

В книге и других публикациях Ивана Александровича Анчишкина показано, что в исследуемый период (50–70-е годы) в советской экономике на фоне роста производства и производительности общественного труда действовал открытый Ф. Энгельсом закон возвышения потребностей. Этому вопросу он уделяет особое внимание, показывает действие данного закона в конкретных условиях своего времени. Весьма обстоятельно и доказательно он раскрывает общую картину проявления закономерных процессов. Из его материалов видно, что ускоренный рост

¹⁰⁰ Анчишкин И.А. Экономические условия роста благосостояния советского народа. М., 1977. С. 34.

выпуска предметов народного потребления происходил не только в абсолютных размерах, но и, что особенно важно, относительно, то есть на душу населения. Все это оказывало влияние на структуру потребления. В бюджете семьи снижался удельный вес расходов на питание и повышалась доля расходов на одежду и обувь. Устойчиво расширялись также покупки предметов культурно-бытового назначения. Увеличивались затраты на содержание и оборудование жилищ, на приобретение личного транспорта.

В то же время автор ясно осознавал, что относительно меньший удельный вес продуктов питания в потребительских расходах населения сам по себе не может служить критерием высокого уровня потребления. Этот совершенно справедливый вывод сделан им на основе обобщения процессов, происходящих не только в советской действительности, но и в жизни развитых капиталистических государств. И.А. Анчишкин формулирует следующую закономерность: «Уровень благосостояния народа тем выше, чем разнообразнее набор потребляемых им жизненных благ и чем больший удельный вес в них занимают средства существования, требующие больших затрат на их производство»¹⁰¹. К отраслям, требующим повышенных затрат, он в первую очередь относит животноводство, затем жилищное строительство.

В своих работах Иван Александрович показывает противоречивость и двойственность процесса возвышения потребностей. Подчеркивая значительный удельный вес продуктов питания в фонде личного потребления, он отмечает в то же время определившуюся тенденцию к его снижению. И это снижение имеет свои тормозящие факторы. Так, переход к потреблению более ценных продуктов питания, особенно увеличение продуктов животноводства в меню наших соотечественников, тормозит тенденцию снижения доли продуктов питания в общих расходах семейного бюджета. Но преодолеть саму тенденцию данное обстоятельство неспособно, поскольку долгосрочные расходы (на оборудование жилья, на культуру, на модную одежду и т.д.) неизбежно оттесняют затраты на продовольствие.

По своей натуре И.А. Анчишкин был чрезвычайно цельным человеком. В науке, политике, в общественной деятельности, в хозяйственных и личных делах он неизменно руководствовался принципом, избранным в юности: социализм — единственно приемлемый общественный, экономический и политический строй, способный обеспечить благосостояние для всех. Здесь он фактически вступал в полемику с У. Черчиллем, утверждавшим, будто социализм — это равенство в бедности, капитализм же — неравенство в богатстве, и Л. Эрхардом, провозгласившим рыночное общество — обществом благосостояния для всех.

Анализируя движение советского общества в направлении обеспечения благосостояния народа, ученый констатировал, что в условиях советского социалистического строя «ликвидирована полностью социальная основа нищеты»¹⁰². Этот постулат он обычно сопровождал восклицательным знаком. Социализм он характеризовал как единственный строй, который способен обеспечить всеобщую занятость, притом высокую и постоянную. Именно в этом направлении он видел возможность достичь «изобилия жизненных благ». Вынужденную бездеятельность

¹⁰¹ Там же. С. 75.

¹⁰² Там же. С. 94.

части работоспособных людей, характерную для буржуазного общества, он считал серьезнейшим препятствием на пути к обществу изобилия материальных и культурных благ. Это как нельзя лучше подтверждает современная Россия, где «изобилие» витрин и прилавков сочетается с нищенским, скудным питанием большинства населения, недоступностью добротной одежды, выселением людей из квартир, полученных в советские времена.

Особенно впечатляющ в свете наших современных проблем раздел рассматриваемой монографии, посвященный жилому фонду. Ученый безоговорочно соглашается с выводом Ф. Энгельса, что при капитализме «жилищная нужда вовсе не случайность, она — необходимый институт: она может быть устранена лишь тогда, когда весь общественный строй, который ее порождает, будет преобразован до основания»¹⁰³. Только социализм открывает путь для радикального решения проблемы бездомности. Право на жилище в этом обществе, подчеркивает Анчишкин, гарантируется каждому (практически наравне с правом на труд). Тем самым обеспеченность существования достигается при социализме независимо от уровня производительных сил общества. Автор приводит данные, что за период 1951–1973 годов население СССР выросло на 67 млн человек. За это время в расчете на каждого жителя было построено в среднем 30 кв. метров жилой площади.

Нельзя не отметить, что Иван Александрович был блестящим полемистом. Расскажем об одной проблеме, которая отражена в его последней монографии. Рассматривая соотношение главных частей совокупного продукта в связи с формированием фонда потребления, он вступает в научный спор с теми экономистами — его современниками, которые полагали, что высокие темпы развития производства мешают подъему жизненного уровня населения. Они предлагали снизить эти темпы, причем прежде всего в промышленном секторе страны. И.А. Анчишкин дает решительную отповедь таким ученым. Как последовательный марксист, он видит решение проблемы в ускоренном развитии промышленного и сельскохозяйственного производства.

Лучше всех сказал по этому поводу В.Г. Венжер в своем предисловии к книге И.А. Анчишкина: «Именно в движении производства он видит и находит ответы на поставленные проблемы. Непреложным для автора принципом является, во-первых, признание того, что рост благосостояния народа в условиях социализма есть прежде всего выражение роста производительности труда самих трудящихся масс, а во-вторых, понимание того, что условием повышения производительной силы труда является его вооруженность техническими средствами, что, в свою очередь, предполагает необходимость соответствующего расширения производства средств как для производства самих средств производства, так и для производства предметов потребления»¹⁰⁴.

И надо сказать, что поставленную проблему И.А. Анчишкин решает в высшей степени убедительно и доказательно. Он делает расчет двух возможных вариантов. Первый предусматривает ежегодно 5-процентный прирост валового общественного продукта и национального дохода. Второй ориентирован на 10%. Что же в итоге?

¹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 231.

¹⁰⁴ Венжер В.Г. Предисловие // Анчишкин И.А. Экономические условия... С. 4–5.

Обратимся к расчетам И.А. Анчишкина: «Во втором варианте валовой продукт за 10 лет увеличивается в 2,6 раза против 1,63 раза в первом варианте, фонд возмещения — в 2,7 раза против 1,5 раза, национальный доход — в 2,47 раза против 1,8 раза, фонд потребления — в 2,39 раза против 2,0 раза. Фонд накопления возрастает более чем в 2,5 раза, в то время как в первом варианте он воспроизводится в прежнем размере»¹⁰⁵.

Монография Ивана Александровича объемом в 10,5 печатных листов представляет собой для многих современных людей как бы застывшее историческое время начала 70-х годов прошлого века и рисует положение страны в ту эпоху. Книга отражает направление научного мышления, характеризует пути, которыми шло общество, а также и должные, по мысли автора, средства и методы продвижения к высшей цели социалистического общества — неуклонному росту благосостояния народа. Теперь нам известно, что наше общество в тот важнейший исторический момент сделало далеко не все, что было в его силах, на путях продвижения к благой цели. И в этом — одна из причин его крушения.

Иван Александрович, выбрав проблему роста благосостояния народа для научного анализа, как бы предостерегал общество от опасности недостаточного внимания к этой важнейшей задаче. Он был свидетелем предшествующего бурного поступательного развития советского общества и, видимо, чувствовал, что общество подходит к той черте, когда надо совершить новый смелый поворот к решению массы накопившихся экономических и социальных проблем — к демократизации, корректировке общего курса развития в интересах прежде всего благосостояния народных масс. А это было возможно только на основе развития производительных сил в соответствии с требованиями научно-технической революции. Именно в эту сторону и был обращен взор ученого.

***

Внезапную болезнь и смерть Ивана Александровича, отличавшегося богатырским здоровьем, друзья и коллеги обычно связывают с его неустанной борьбой за сохранение научного коллектива Института и самого Института, за объективную оценку его научных достижений на путях познания того общества, в котором мы в то время жили и работали. Все это свидетельствовало о верности ученого избранным принципам, о готовности сражаться за них до крайнего предела. О колоссальной моральной силе этого человека говорили все выступавшие на гражданской панихиде. Специально пришедший поклониться Ивану Александровичу профессор Н.А. Цаголов произнес речь, которая была высоким образцом траурного прощания с Человеком. Н.А. Цаголов говорил об исключительном мужестве, глубоком проникновении Ивана Александровича в суть событий, о его бескорыстном служении Отечеству и отечественной науке, о верности избранному пути. Обращаясь к юной смене, он сказал: «Пусть молодежь знает, какие люди жили среди нас».

Иван Александрович всю жизнь был негибимым борцом, беспредельно верным своим убеждениям. Он завершил свой жизненный путь непобежденным. Вера в идеалы, которым И.А. Анчишкин посвятил свою жизнь, нетленна.

¹⁰⁵ Анчишкин И.А. Экономические условия... С. 152.

Основные публикации старшего научного сотрудника И.А. Анчишкина

1. О книге товарища Варги «Капитализм и социализм за 20 лет» // Проблемы экономики. 1938. № 4.
2. Экономическое положение страны после гражданской войны и переход к новой экономической политике // Проблемы экономики. 1939. № 9.
3. Выступление в прениях по докладу М.В. Колганова «К теории собственности» в секторе политэкономии ИЭ АН СССР // Известия АН СССР / Отдел экономики и права. 1949. № 4.
4. XX съезд партии о задачах подъема промышленности и техническом прогрессе. М., 1957.
5. Пропорциональность — важнейшая черта закона планомерного развития народного хозяйства // Проблемы политической экономики социализма: Коллективная монография. М.: Госполитиздат, 1960.
6. О последовательности изложения тем в курсе политэкономии // Вопросы экономики. 1962. № 6.
7. Проблема изобилия и переход к коммунистическому распределению // Вопросы экономики. 1962. № 1.
8. Подъем народного потребления и развитие отношений распределения // Проблемы политической экономики социализма: Коллективная монография. М.: Госполитиздат, 1963.
9. Структурные изменения в промышленном производстве // Экономические закономерности перерастания социализма в коммунизм: Коллективная монография. М.: Наука, 1967.
10. Структурные изменения в общественном производстве и проблемы создания изобилия продуктов: Доклад на конференции «Марксистско-ленинская теория развитой социалистической экономики» / ИЭ АН СССР. М., 1970.
11. Основной экономический закон социализма и принцип распределения общественного продукта // Основной экономический закон социализма и эффективность производства: Коллективная монография. М.: Наука, 1975.
12. Экономические условия роста благосостояния советского народа. М.: Наука, 1977.

Н.К. Фигуровская,
доктор экономических наук, профессор

**Рэм
Александрович
Белоусов**

ВОЙНА ИМЕЕТ РАЗНЫЕ ФОРМЫ¹⁰⁶

Рэм Александрович Белоусов родился 28 февраля 1926 года в Ленинграде, в семье военного летчика и инженера. Трудовую деятельность начал осенью 1941 года в качестве сельскохозяйственного рабочего. Затем работал слесарем-монтажником в авиационных мастерских. Участник Великой Отечественной войны. Окончил МГИМО (1945–1950 гг.). Остался в аспирантуре на кафедре политэкономии. Спустя три года защитил кандидатскую диссертацию на тему «Становление планового хозяйства в ГДР». После защиты, в 1953 году направлен на работу экспертом в экономический отдел Посольства СССР в Берлине. В 1955 году вернулся в Москву. Читал курс лекций по политической экономии в Московском институте тонкой химической технологии, а также спецкурс «Использование математических методов в теории и практике ценообразования» в МГУ, на кафедре В.С. Немчинова. В 1958–1970 годах заведовал сектором в научно-исследовательском экономическом институте Госплана СССР. Принимал непосредственное участие в подготовке материалов для проведения экономической реформы 1965 года — «реформы Косыгина», а также других документов для руководящих органов страны. В 1968 году защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему «Общественно необходимые затраты труда и уровень оптовых цен». Более двадцати лет руководил кафедрой управления социально-экономическими процессами в Академии общественных наук. С 1992 года профессор кафедры управления Российской академии государственной службы.

Основные направления научной деятельности в последние 15 лет связаны с проблемами управления социально-экономическими процессами, теории и практики ценообразования, экономической истории России XX века, истории социально-экономических реформ в России, с анализом перспектив ее социально-экономического развития в новом столетии. Опубликовано более 300 научных работ общим объемом свыше 250 печатных листов. Часть работ переведена и издана на немецком, английском, испанском, арабском, чешском языках. Выступал с докладами по проблемам развития экономики перед экономистами и историками в различных организациях Москвы, Киева, Минска, Берлина, Вены, Амстердама, Хельсинки, Праги, Будапешта, Варшавы, Софии.

¹⁰⁶ Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Вып. 8. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008, с. 35–70. При подготовке очерка использовались издания: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990; Промышленность СССР. М., 1957; К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 1995; История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5; История Великой Отечественной войны. М., 1961. Т. 3; Оружие победы. М., 1987; Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Т. 1, 2; Сталин И. Соч. М., 1997. Т. 15; Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Т. 1; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1991; Рокоссовский К. Солдатский долг. М., 1997; Вознесенский Н. Военная экономика СССР. М., 1970; Шахурин А. Крылья Победы. М., 1983; Новиков В. Накануне и в дни испытаний. М., 1988; Устинов Д. Во имя Победы. М., 1988; Грабин В. Оружие Победы. М., 2000; Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950 гг. М., 1996; Промышленность Германии в период войны 1939–1945: Пер. с нем. М., 1956; Statistisches Jahrbuch fur das Deutsche Reich, 1941/42. B., 1942; Spree C. Geschichte der deutschen Wirtschaft in 20. Jahrhundert, Munchen, 2001; Белоусов Р. Экономическая история России. М., 2004. Кн. 4.

Заслуженный деятель науки РФ (1996). Действительный член Российской академии естественных наук (1997).

Великая Отечественная война стала главной школой в моей жизни. Хорошо помню ее первый день. В воскресенье утром с группой мальчишек поехали в лес мимо военного аэродрома. Нас не удивило, что военнослужащие растаскивают самолеты-бомбардировщики к его краям, поближе к лесу, и маскируют срубленными молодыми березками и другими деревьями. Подумали: очередные учения. А когда вернулись, узнали — началась война с Германией. Жизнь сразу же перевернулась: что-то сломалось, исчезло. Появились тревога, боль, неизвестность. Бомбежки уже не пугали. Страшно было, когда видел, что улетаели выполнять боевое задание семь самолетов, а возвращались только шесть или пять. И ты ничего не мог сделать, чтобы им помочь... Позже узнал, что они летали бомбить немецкие танковые колонны, которые повернули на Ленинград с целью захватить наш Балтийский флот. Немцев все же остановили, но и цену пришлось заплатить очень высокую.

Затем эвакуация. Сначала в Ивановскую область, село Красное. Эвакуированные мальчишки сменили на уборке урожая мужиков, которых забрали в армию. Здесь впервые познакомился и подружился с лошадьми. Умное и терпеливое животное. По уму, пожалуй, превосходит обезьяну, а иногда — и человека. В конце 1941-го отца перевели в штаб ВВС, который находился тогда в Куйбышеве. Собирались и мы переезжать к нему. Ехали поездом. В Свердловске пересадка. Нас четверо: младшему брату — 4 года, сестре — 12, мне пошел 16-й, значит, я старший. И мама. А еще тюки с одеждой и одеялами, а также, если не ошибаюсь, чемодан и чайник. Не помню, были ли у нас билеты. Но тогда они ничего не значили: место в поезде брали штурмом, то есть кто сильнее. А у нас на руках вещи, маленький ребенок и девочка, которая сама нуждается в помощи. В первый поезд мы не сели. Надежд уехать со следующим тоже было немного. Что делать? Но, как говорится, мир не без добрых людей. Вмешался раненый солдат, который возвращался домой из госпиталя. Он быстро установил порядок: женщин с детьми пропустить в первую очередь! Так мама, брат и сестра попали в вагон, а я остался с вещами в тамбуре. Ночью даже поспал немного, стоя...

В Куйбышеве сразу же пошел работать в авиамастерские. Быстро летело время: ученик, слесарь-монтажник, бригадир самолетного цеха. Все работники — мальчишки 16–18 лет. Из взрослых только начальник цеха — инженер-капитан. Он старался ни во что не вмешиваться. Так было лучше для всех. Главное, дело шло. С фронта привозили тяжелораненные истребители. Когда я стал бригадиром, в мои обязанности входило составление дефектной ведомости. Сначала помогал инженер-капитан, а затем стал справляться с этой операцией сам. Прежде всего, нужно было снять мотор и отправить его для ремонта в моторный цех. Там работали настоящие мужчины: мотор — это сердце самолета, лечением которого занимались специалисты. Объект наших забот — планер, то есть фюзеляж, крылья, хвостовое оперение и все, что у них внутри, а также шасси. Мне приходилось несколько раз все это внимательно осмотреть, и записать, что нужно заменить на новую деталь, а что только исправить. С готовой ведомостью предстоящего ремонта шел к начальнику цеха. Он всегда что-нибудь подправлял, дополнял и утверждал наш плановый документ.

Теперь дело за нами, мальчишками. Каждый получает свой наряд на выполнение конкретной работы. Себе старался взять самый ответственный узел, хотя в самолете нет неважных деталей-их конструкторы оставляют на земле.

Мне — бригадиру — не нужно было следить за дисциплиной. Каждый старался, как мог. Никакой халтуры. Мы понимали, что любой брак, любая мелочь может обернуться поражением в бою, гибелью летчика. Работали по 10–11 часов в день. Без выходных. Платили нам — мальчишкам — гроши. Но мы старались не ради денег. Мы чувствовали себя участниками боев!

Верно и то, что опоздание на работу на 15–20 минут не считалось серьезным нарушением. В летние месяцы уставший мальчишка мог взять чехол, забраться в фюзеляж и поспать часок. На войне, как на войне. Важно, чтобы работа была выполнена качественно и в срок. А задания были весьма непростые. Первый самолет, который я начал ремонтировать, назывался МИГ-3. Потом много было И-16. Универсальный У-2 считался игрушкой для начинающих. Вскоре появились тяжелые во многих смыслах этого слова, легендарные штурмовики Ил-2. Все в большей или меньшей степени инвалиды. В роли лекарей выступали невысокие, худощавые, уставшие, к тому же голодные 16–17-летние пацаны. И совершалось чудо. Проходило немного времени, и из ворот ангара выкатывали вновь родившуюся машину, сверкающую свежей краской и большими красными звездами. Еще одна контрольная проверка мотора и самолета. Мы сопровождали новорожденного до аэродрома. Там его принимали летчики из боевой части. Вновь запуск мотора, пробежка по полю. Взлет. Посадка. Что-то подправляли. И опять взлет. Прощальный круг. Самолет снизился над нашей группой. Покачал нам крыльями и скрылся, как говорится, в западном направлении. Может, завтра или через несколько дней, но обязательно будет участвовать в боях, и мы с ним...

Логично, что мне хотелось учиться в летном училище, но попал я только в спецшколу ВВС, где готовили новое поколение летчиков и авиационных инженеров. Из нашей роты двое — В. Комаров и Л. Демин — стали космонавтами, а мне досталось несколько месяцев проходить стажировку в действующей армии, точнее в дальней авиации. Обслужил несколько десятков боевых вылетов и слетал воздушным стрелком на бомбежку крупного промышленного центра. Здесь заглянул в глаза «даме с косой», но встреча закончилась для меня благополучно — остался жив...

День Победы для всех, кто до него дожил, был необыкновенным, неповторимым праздником. Возникшие при этом чувства нельзя описать словами. Радость, легкость, появившаяся в результате свалившегося тяжелого груза войны, и вместе с тем безмерное горе и печаль невосполнимых потерь и утрат — все это смешалось в одном стремительном вихре ликования, слез и ярких огней.

Но быстро подошли будни с их постоянными заботами, проблемами и неприятностями. Ни я, ни большинство людей, выигравших изнурительную трагическую войну, не знали, что началась новая война, которую назвали «холодной», но которая оказалась не менее напряженной и «прожорливой», чем Великая Отечественная. Это была трудная война коллективного интеллекта, средств массовой информации и больших денег. Это были гонка вооружений, политические интриги, предательства.

Цепочка случайностей, то есть судьба, привели меня в институт, и я стал напряженно учиться, набираться знаний, овладевать методами анализа и обобщений, чтобы

разобраться в огромном клубке логичных и противоречивых событий и попытаться ответить на трудные вопросы: почему германские войска докатились до Сталинграда и Кавказа; за счет каких факторов Советской Армии удалось переломить ход войны и не только очистить свою территорию от оккупантов, но и освободить Восточную Европу от фашизма, дойти до Берлина; почему возникла «холодная война», первый этап которой мы выиграли, второй проиграли и в настоящее время боремся, с переменным успехом, за благополучный исход ее третьего этапа; что нас ждет в XXI веке?

Попытаюсь кратко изложить свое понимание этих событий, как один из свидетелей и участников случившегося.

Прежде всего, о причинах серьезного поражения Советской Армии на первом этапе войны. В этой связи следует отметить, что в тот период Германия по сравнению с Советским Союзом имела три важных преимущества: 1) более мощный производственный потенциал; 2) традиционно высокий уровень профессиональной подготовки ученых, инженерно-технического состава, менеджеров, а также мастеров и рабочих; 3) сильную, хорошо вооруженную и организованную армию, сконцентрированную на трех главных направлениях (клиньях), которая довольно быстро, неожиданно для нашего командования прорвала рыхлую оборону, захватила Киев, вплотную подошла к Москве и Ленинграду.

Хотя войны с Германией напряженно, с нарастающей тревогой ждали все, в том числе и первые лица государства, но никто не предполагал, что она будет развиваться по такому трагическому сценарию. Открывая в конце мая 1941 года расширенное заседание Политбюро, в котором участвовал высший командный состав Красной Армии, Сталин прямо сказал о том, что обстановка обостряется с каждым днем, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии.

И все же война началась неожиданно, даже для Сталина, который понимал, что страна не готова к ней. В узком кругу Сталин неоднократно говорил о том, что нам не хватило для подготовки к войне года-полутора. Поэтому он очень хотел и надеялся оттянуть ее начало любыми способами. В течение нескольких лет России удавалось с помощью дипломатии и армии умело маневрировать в сложной и напряженной международной обстановке, которая сложилась в мире в конце 30-х годов, особенно после прихода к власти Гитлера и быстрой милитаризации Германии.

12 июня 1941 года, то есть за десять дней до начала трагических событий, А. Лавров, один из помощников Сталина, ведавший разведкой, докладывал: «Начиная с конца июля 1940 года, к настоящему времени германскому Генеральному штабу удалось сосредоточить на наших западных границах огромную армию вторжения — 190 дивизий (в том числе 45 танковых и моторизованных): 152 дивизии немецкие (из 224 дивизий, имеющих у Германии к лету 1941 года), 18 финских, 18 румынских и две венгерские. Общая численность около 5,5 миллиона человек.

В правящих кругах Японии сегодня борются между собой две группировки. Основной спор идет по вопросу — на кого следует в первую очередь напасть. Напасть ли на Советский Союз или на США, чтобы прибрать к рукам колонии в районе теплых морей.

Квантунская армия в Маньчжурии насчитывает в своих рядах около миллиона ста тысяч человек, что составляет 35% всей японской армии, около половины ее

военно-воздушных сил, две трети танков. Помимо этого в Китае в японских войсках состоит миллион пятнадцать тысяч человек. В их распоряжении находятся свыше 3 тысяч артиллерийских орудий, около тысячи танков и более тысячи самолетов. В случае нападения на нас Японии эти части легко можно перебросить на помощь Квантунской армии.

Однако скорее всего экспансия Японии будет направлена в район южных морей, под которыми подразумеваются все территории к востоку от Бирмы. Большинство членов Тайного совета Японии, по данным разведки, не доверяют Гитлеру. Один из них на заседании совета поделился результатами своих исследований: „Еще ни одно государство не извлекло пользы из союза с Германией и ее предшественницей Пруссией“. Из информации Лаврова Сталин делает следующий вывод: «Судя по всему, в случае нападения на нас Германии, на востоке, даже если не будет открытого нападения Японии на нас, будем иметь второй фронт» (13 апреля 1941 года с Японией был подписан договор о нейтралитете. Каждая из сторон реализовала в нем свои интересы. — Р.Б.).

«Сталин: Что с Турцией?»

Лавров: Не исключено, что Турция готовится к нападению на нас вместе с Германией. Турецкие журналы и газеты открыто и настойчиво призывают к войне с Советским Союзом. Заявляют, что граница Турции должна проходить далеко за горами Кавказа, за Каспийским морем... Премьер-министр турецкого правительства Сарджоглу в беседах с немецкими дипломатами откровенно заявляет: „Как турок я страстно желаю уничтожения России. Российская проблема может быть решена Германией, только если будет убита, по меньшей мере, половина всех живущих в России“.

Турецкое наступление на Советский Союз предполагается начать через Иранское плоскогорье по направлению к Баку.

Сталин: Значит, нам нужно еще сорок дивизий, теперь уже на Юге. Получается уже три фронта. Прямо скажем — многовато. <...> Что в Румынии и Финляндии?

Лавров: Гитлеровцы надеются использовать Финляндию и Румынию для прикрытия флангов своих войск на случай войны против СССР. Гитлер уже договорился с Антонеску о совместном нападении. Румынский премьер обещал выступить на стороне Германии, как только ее войска вторгнутся в пределы Советского Союза. <...>

Что касается правящих кругов Финляндии, то их поражение в советско-финляндской войне не пошло им впрок. Мирный договор, заключенный с нами 12 марта 1940 года, они рассматривают как временное перемирие и ждут лишь удобного случая, чтобы свести счеты с Советским Союзом <...>

Гитлер обещает удовлетворить в случае своей победы все территориальные претензии Финляндии к нам.

Сталин: Итак, четвертый фронт. У тебя все?

Лавров (передавая Сталину тексты донесений): Вчера получил сообщения, еще раз подтверждающие, что этим летом Гитлер обязательно нападет на нас. Положение действительно очень тревожное. К июню 1941 года в 208 дивизиях и частях Германии насчитывается более 8 миллионов 500 тысяч солдат и офицеров. У нас же всего 5 миллионов.

Сталин: Что нового об американцах?

Лавров: По-прежнему спят и видят, как втянуть нас в войну с Японией, самим же остаться в стороне. <...> Отсюда известная беспечность в отношении возможного внезапного нападения Японии на США. Более чем удивительно, получив сообщение о готовящемся японцами нападении на Перл-Харбор, лица, от которых зависит оборона США, отнеслись к этому сообщению более чем равнодушно, считая его очередной дезинформацией. <...>

Сталин: А знаешь, в случае нападения на нас Германии и Японии американцы и англичане против своей воли окажутся нашими союзниками. К такому повороту событий нам следует быть готовыми. У них просто нет другого выхода. Поэтому будут наверняка стараться разделаться с Германией и Японией нашими руками. Иначе им не выстоять».

Таковы общие контуры позиций отдельных стран, противоречий и взаимодействия их интересов на мировой арене накануне войны, как они виделись советской разведке и руководству страны. Из этого доклада-беседы видно, что И. Сталин своевременно получал достаточно полную информацию о реальной, весьма изменчивой и двойственной международной обстановке, в том числе на границах СССР. Он не мог не доверять этой информации и понимал, что страна находится в крайне опасном положении — высока вероятность войны на четыре фронта. Такой вариант был не по силам России.

Зимняя война с Финляндией (1939–1940 гг.) наглядно показала, что советские войска были недостаточно вооружены современной боевой техникой. Подготовка командиров и бойцов не отвечала всем требованиям войны моторов, брони, автоматов и крупнокалиберных артиллерийских орудий. Высшее командование допустило немало ошибок, не владея достоверной информацией о противнике и устойчивой связью с частями, действовавшими в боевой обстановке.

Противостоять быстро растущей угрозе войны на четырех фронтах для России в то время не представлялось возможным, в том числе в сфере экономики.

Официальная советская статистика при сопоставлении объемов валовой продукции довоенной промышленности СССР и Германии отдала первое место России.

Возможно, так это и было применительно к 1937 году. Однако в 1940 году по объему накопленного национального богатства в расчете на душу населения, а также по ключевым, натуральным показателям развития промышленности Германия имела заметное преимущество. Дело в том, что во время кризиса 1929–1932 годов большинство немецких предприятий не получали крупных заказов, поэтому значительная часть мощностей оставалась незагруженной. Семь миллионов квалифицированных рабочих и дипломированных специалистов в течение многих лет были на положении безработных. Более 20 миллионов человек оказались за чертой бедности. Профсоюзные организации возмущались, иногда организовывали забастовки и демонстрации протеста, но практически ничего изменить не могли.

После прихода Гитлера к власти положение начало улучшаться. В сентябре 1936 года на съезде нацистской партии фюрер объявил о принятии четырехлетнего плана крупномасштабного расширения и милитаризации народного хозяйства страны.

Еще до принятия этого плана, нарушая условия Версальского договора 1919 года, Германия начала развивать свою гражданскую и, скрыто, военную авиацию. В двадцатые годы в стране начали работать модернизированные авиационные заводы «Фоке-Вульф», «Хейнкель», «Юнкере», «Мессершмитт» и другие. Немецкие фирмы построили также несколько заводов по производству моторов и самолетов в СССР. Их конструкторы знакомили русских коллег со своими разработками и использовали их новинки, поэтому примерно одновременно и в России, и в Германии появились цельнометаллические монопланы со свободнонесущим крылом, убирающиеся шасси, винты с меняющимся в полете шагом.

Германский промышленный и банковский капитал, рассматривая нацистскую партию и ее фюрера как фактор, способный придать немецкой экономике устойчивость, а затем и рост, конструктивно поддержал четырехлетний план и широко финансировал программы создания и массового производства современных для того времени видов военной техники. У. Черчилль напишет позже в своих воспоминаниях о середине 30-х годов: «Важнейший факт заключался в том, что немцы опередили нас как в авиации, так и в военном производстве, если даже учесть, что мы были вправе рассчитывать на Францию, на французскую армию и французскую авиацию. Уже не в наших силах было опередить Гитлера или восстановить равенство в воздухе. Уже ничто не могло помешать немецкой армии и немецкой авиации стать сильнейшими в Европе».

Парадокс заключался в том, что противоречия и в то же время тесное переплетение взаимных интересов американского, английского, французского и немецкого капиталов привели к тому, что они активно способствовали возрождению не только экономики, но и милитаризма в Германии. К середине тридцатых годов Германия получила в свое распоряжение в форме зарубежных кредитов и прямых вложений примерно 20 млрд марок. Например, «Дженерал Моторе» владел в то время 80% акций «Опеля». Хариман купил акции концерна «Гиша», установив таким образом связи с «Контигаз». «Фиат» купил в 1929 году один из заводов НСУ. «Сименс» обменялся акциями со своим дочерним предприятием в Англии. В то же время германские фирмы свободно реализовали свои ценные бумаги на зарубежных рынках.

«Отныне, — отмечал Черчилль, — Гитлеру оставалось только пустить на полный ход свои заводы и летные школы, чтобы не только сохранять превосходство в воздухе, но и неуклонно увеличивать его. Все те неизвестные и неизмеримые опасности, которыми грозило Лондону нападение с воздуха, становились отныне определенным, неотвратимым фактором, подлежащим учету во всех наших решениях. К тому же мы не в состоянии были догнать Германию, или, по крайней мере, правительство не сумело этого сделать. <...> Когда началась война, численность нашей авиации едва достигала половины германской».

За короткий срок имеющийся промышленный потенциал Германии был реконструирован и расширен — построено более 300 крупных военных заводов. Выпуск военной продукции в Германии по сравнению с 1932 годом увеличился в 22 раза. Всего, по данным министерства финансов рейха, за время после прихода Гитлера к власти и до начала войны (01.09.1939) на перевооружение армии было израсходовано около 62 млрд марок.

Это не означает, что в германской военной промышленности не было крупных сбоев, ошибок и провалов. Мешали делу частные интересы отдельных компаний, а также интриги на всех этажах власти. Например, Геринг, ведавший выполнением четырехлетнего плана и развитием люфтваффе, завидовал и, где это было возможным, мешал министру экономики Шпееру. Борман на высокие должности в министерстве вооружений в первую очередь «проталкивал» своих людей.

Но все же германская военная промышленность быстро развивалась как в количественном, так и в качественном отношении. При этом расширение военного производства сопровождалось быстрым подъемом смежных отраслей. Выпуск энергии, сырьевых материалов, продукции машиностроения, в том числе транспортных средств, начал динамично расти, перед самой войной обгоняя Советский Союз по соответствующим показателям.

Производство отдельных видов продукции тяжелой промышленности в Советском Союзе и Германии накануне войны: СССР — 1940 г., Германия — 1938 или 1939 г. (вместе с Австрией)

Вид продукции	Страна	
	СССР	Германия
Уголь, млн т	166,0	385,0*
Кокс, млн т	21,0	45,0
Нефть, млн т	31,0	0,6
Бензин, млн т	4,4	1,5
Электроэнергия, млрд кВт*ч	48,3	58,3

Вид продукции	Страна	
	СССР	Германия
Чугун, млн т	14,9	18,6
Сталь, млн т	18,3	22,4
Прокат черных металлов, млн т	13,1	16,2
Медь рафинированная, тыс. т	115,0	311,0
Алюминий, тыс. т	50,0	195,0
Цинк, тыс. т	70,0	193,0
Серная кислота, тыс. т	1,6	20,0
Азотная кислота, тыс. т	232,0	800,0
Металлорежущие станки, тыс. шт.	58,4	124,6
Автомобили грузовые, тыс. шт.	136,0	65,0
Тракторы, тыс. шт.	31,6	27,9
Цемент, млн т	5,7	15,9
Занятые в промышленности, млн чел.	11,0	7,4**

* Включая бурый.

** Только рабочие.

Цифры говорят о многом. И прежде всего о том, что СССР перед войной не удалось достигнуть уровня Германии по выпуску важнейших сырьевых продуктов (кроме нефти), если даже считать их производство в границах 1938 года. Но для перевооружения немецкой армии использовался также огромный производственный потенциал союзников Германии и оккупированных ею европейских стран. В общей сложности в 1940 году эти страны произвели 24 млн т стали, 163 млн т угля, 2 млн т бокситов. Румыния добыла более 6 млн т нефти, из которой было получено 1,5 млн т бензина, то есть столько же, сколько произвела его Германия. Кроме того, было освоено производство синтетического бензина на базе переработки бурого угля. Значительное количество железной руды, черных металлов, шарикоподшипников и военной техники немцы ввозили из нейтральной Швеции.

Большое значение имело и то обстоятельство, что народное хозяйство Германии было лучше вооружено энергетически. Ее производство электроэнергии превышало уровень СССР более чем на 20%. Это, в свою очередь, было одним из факторов преимущества немецкой промышленности в производительности труда.

Объемы производства стали и проката в двух сравниваемых странах, казалось бы, отличались друг от друга не столь существенно. Но разрыв увеличивался, если учитывать качество продукции. Значительная часть стали, выплавляемой в России, была не пригодна для производства брони и легированного проката. На долю электроста-

ли приходилось лишь 5,5% всей продукции сталеплавильного производства. В общем выпуске проката высококачественные сорта составляли только 22%.

Отставание от Германии было весьма существенным, особенно по техническому уровню и качеству выпускаемых машин. Дефицитными были мощные молоты и прессы, крупные обрабатывающие станки. Не хватало электромоторов, насосов, гидравлики. Таким образом, к лету 1941 года Германия реально располагала более широкой сырьевой, энергетической и машиностроительной базой для развития военного производства и оснащения армии современными видами вооружений.

Советский Союз в течение трех довоенных пятилеток поддерживал объем капитальных вложений на запредельном уровне в условиях существенного отставания в развитии производства товаров для населения, в том числе продовольствия. Практически, он не имел экономических возможностей перейти на массовый выпуск новейших видов боевой техники и приступить к широкому вооружению такой техникой всех войсковых частей. В 1941 году этот процесс находился на этапе, когда конструкторы создали новые образцы самолетов, танков и других видов вооружений, начали запускать их в серийное производство, но в армии многие летчики еще не видели новых истребителей, танкисты — Т-34, артиллеристы — «Катюши». Нехватка новой боевой техники — одна из причин, по которой сдерживалось формирование новых армейских подразделений. Начальник Генерального штаба Г. Жуков довольно подробно доложил об этом на расширенном заседании Политбюро в конце мая 1941 года (отдельные части этого доклада он включил в свои «Воспоминания и размышления»).

«Стрелковые войска. В конце марта сего года из запаса, чтобы пополнить состав стрелковых дивизий и другие рода войск, призвано 800 тысяч красноармейцев и сержантов. В апреле 1941 года для стрелковых войск введен штат военного времени. По этим штатам дивизии надлежало иметь 14 с половиной тысяч человек, 78 полевых орудий, 66 минометов крупного калибра, 16 легких танков, 13 бронемашин, более трех тысяч лошадей. Это идеал. На сегодня же в приграничных округах из ста семидесяти дивизий и двух бригад — 19 дивизий укомплектованы до 5–6 тысяч человек, 7 кавалерийских дивизий в среднем по 5–6 тысяч человек, 144 дивизии имеют численность по 8–9 тысяч. Во внутренних же округах большинство дивизий содержится по сокращенным штатам, многие же стрелковые дивизии только начали формироваться». Таким образом, весной 1941 года даже в приграничных округах ни одна стрелковая дивизия не была укомплектована до полного, а многие — до половины штатного состава.

«Бронетанковые войска. Работу танковой промышленности отличают высокие темпы развития и совершенствования конструкций отечественных машин. Создаются танки с более мощной броневой защитой и вооружением при высокой подвижности и надежности в эксплуатации (средние танки Т-34 и тяжелые „КВ“). В то же время нельзя не отметить, что некоторые танковые заводы план не выполняют, вооружение войск танками „КВ“ и Т-34 идет крайне медленными темпами. Практически, новые танки только со второй половины 1940 года начали поступать в бронетанковые училища и в войска приграничных округов. <...> Мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности. Для полного укомплектования новых мехкорпусов требуется 16,6 тысяч танков только новых типов,

а всего около 32 тысяч. Такого количества машин в течение одного года практически взять неоткуда. Недостает для этого и технических, и командных кадров.

Артиллерия. Войсковая артиллерия приграничных округов в основном укомплектована орудиями до штатных норм. Начали формироваться 27 артиллерийских полков и 10 артиллерийских противотанковых бригад резерва Главного командования.

В настоящее время мы располагаем шестьюдесятью гаубичными и четырнадцатью пушечными артиллерийскими полками Главного командования. Они, безусловно, сыграют решающую роль в отражении танковых атак фашистской Германии, если она все же решится напасть на Советский Союз. В то же время нельзя не признать, что артиллерии резерва Главного командования у нас недостаточно. К тому же артиллерийская тяга плохой проходимости не позволяет осуществлять маневрирование вне дорог.

Хочу также отметить, что Главное артиллерийское управление недооценивает такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 („Катюши“). Необходимо, товарищ Сталин, немедленно принять решение об их срочном серийном производстве. Нужно сделать все возможное, чтобы войска как можно скорее получили это грозное оружие.

В существенном ускорении нуждается производство 82-мм и 120-мм минометов. Пока что они поступают в части явно в недостаточном количестве. Вопрос об обеспечении воинских частей артиллерийскими снарядами и минами также стоит очень остро. Не хватает гаубичных, зенитных и противотанковых снарядов. Особенно плохо с боеприпасами для новейших артиллерийских систем.

Войска связи, инженерные войска. Железные и шоссейные дороги. Количество инженерных войск мирного времени не может обеспечить их нормальное развертывание на случай войны. <...> Крайне слабым нашим местом являются войска связи, в которых не хватает современных средств связи. Фактически отсутствуют мобилизационные и неприкосновенные запасы имущества связи.

Радиосеть Генштаба обеспечена современными радиостанциями на 39%, радиостанциями других типов — на 60%, зарядными агрегатами — на 45%. Приграничный Западный военный округ располагает радиостанциями только на 27%, Киевский военный округ — на 30%, Прибалтийский военный округ — на 52%. Подземной кабельной связи, необходимой для обслуживания оперативных и стратегических инстанций, нет вообще».

В своих воспоминаниях Жуков писал: «И.В. Сталин недостаточно оценивал роль радиосредств в современной маневренной войне, а руководящие военные работники не сумели своевременно доказать ему необходимость организации массового производства армейской радиотехники. Конечно, это дело не одного года. Каждому ясно, что этим надо было заниматься за много лет до войны, но этого сделано не было».

История повторялась, и тоже трагично. В 1914 году провалилось успешно начатое наступление русских войск в Восточной Пруссии. Наступающие части были предоставлены самим себе — связь с ними была нарушена. В результате — окружение, тяжелые потери, поражение.

В первые месяцы после нападения Германии на СССР, в Западных военных округах проводная связь была разрушена, а радиостанций было крайне мало. Управление войсками было потеряно. В высших инстанциях не знали, что делается на фронтах, а советские дивизии, охваченные с флангов немецкими танковыми

клиньями, гадали — куда податься в такой ситуации. Пробовали сами пробиться из окружения. Несли большие потери.

Вернемся к докладу Жукова на заседании Политбюро: «Важной проблемой является строительство укрепленных рубежей вдоль государственной границы. К строительству новых укрепленных районов на западной границе приступили в начале 1940 года. На сегодняшний день удалось построить 2500 железобетонных сооружений. Из коих 1000 вооружены уровской артиллерией, а остальные 1500 — только пулеметами. Строительство укрепленных районов не завершено, и с этой стороны новая граница крайне уязвима. В связи с этим считаю своим долгом заявить, что предпринятое по предложению товарищей Кулика, Шапошникова и Жданова разоружение укрепленных районов на старой нашей границе явно ошибочно. Они еще могут пригодиться.

Сталин: Вы что же считаете, что мы будем отступать до старой границы?

Ворошилов: Товарищ Жуков здесь явно переоценивает будущего противника и недооценивает наши силы.

Жуков: На войне все бывает, товарищ Сталин. Я же привык всегда готовиться к худшему. Тогда не бывает неожиданностей. Что же касается замечания товарища Ворошилова, то его недооценка противника уже однажды дорого обошлась нашим вооруженным силам во время финской кампании.

Сталин: Так вы считаете, товарищ Жуков, что разоружать старые укрепленные районы, чтобы снятым с них вооружением оснастить укрепленные районы на новой границе, не следует? Я вас верно понял?

Жуков: Совершенно верно, товарищ Сталин.

Сталин: Хорошо, мы подумаем, продолжайте товарищ Жуков.

Жуков: Сеть шоссейных дорог в западных областях Белоруссии и Украины в очень плохом состоянии. Многие мосты не выдержат веса средних танков и артиллерии, проселочные же дороги требуют капитального ремонта.

Приграничные железнодорожные районы мало приспособлены для массовой выгрузки войск. Об этом свидетельствуют следующие цифры. Железнодорожные пути немцев, идущие к границе Литвы, имеют пропускную способность 220 поездов в сутки, а наша Литовская дорога, подходящая к границам Восточной Пруссии, — только 84. Не лучше обстоит дело на территории западных областей Белоруссии и Украины: здесь у нас почти вдвое меньше железнодорожных линий, чем у противника. Железнодорожные войска и строительные организации в течение 1941 года явно не смогут выполнить те работы, которые нужно провести.

Военно-воздушные силы. С 1 января 1939 года по настоящее время (конец мая 1941 года) Красная Армия получила от промышленности 17 745 боевых самолетов, из них 3719 новых типов. В количественном отношении в ВВС преобладают машины старых конструкций. По данным специалистов, примерно 75–80% общего числа машин по своим летно-техническим данным уступают однотипным самолетам фашистской Германии. Материальная часть новых самолетов только осваивается, современной авиационной техникой мы успели перевооружить не более 21% авиационных частей.

В целом наши военно-воздушные силы находятся на стадии реорганизации, перехода на новую материальную часть и переучивания летно-технического состава. Через год-полтора наша авиация может предстать в совершенно обновленном, мощном, боевом виде.

Войска противовоздушной обороны. В настоящее время силы ПВО орудиями среднего калибра обеспечены примерно на 85%, малого калибра — на 70%. Некомплект по истребителям составляет 40%, укомплектованность зенитными пулеметами — 70%, по аэростатам, заграждениям и прожекторам — до половины. Насущной задачей в деле усиления противовоздушной обороны является формирование истребительных корпусов для защиты Москвы и Ленинграда.

Военно-морской флот. На сегодня в составе нашего флота более 600 боевых кораблей. Среди них три линкора, семь крейсеров, 49 эсминцев, 218 подводных лодок и более 300 различных малых кораблей и катеров. Военно-морская авиация насчитывает 2529 самолетов.

Мне известно, что личный состав ВМФ подготовлен хорошо, командование флотами, флотилиями и их штабы готовы к боевым операциям. Среди недостатков главным является отсутствие должного внимания к береговой и противотанковой обороне, минно-торпедному вооружению».

Таковы были анализ и оценка количественного и качественного состояния Вооруженных сил Советского Союза в мае 1941 года, сделанные, пожалуй, наиболее информированным и профессионально разбирающимся в таких делах специалистом — Георгием Жуковым. Общий вывод из его доклада таков: Красная Армия и имеющаяся военная инфраструктура пока не подготовлены к войне с Германией в ее новых масштабах и качестве 1941 года. Вывод был крайне неприятным и в какой-то степени неожиданным для руководства страны.

На заседании Политбюро Молотов сразу же стал искать виновных: «Непонятно, почему Генеральный штаб долго мирился с такими большими недостатками в подготовке к обороне страны, о которых нам сегодня доложил Жуков?»

Ответил ему Сталин: «Подожди, Жуков — начальник Генерального штаба всего несколько месяцев. Он не может отвечать за оставленное наследство. Этот вопрос, пожалуй, следует прежде всего задать нам с тобой». (Вероятно, в этой связи в мае 1941 года Сталин стал председателем Совнаркома, а Молотов — только его заместителем и наркомом иностранных дел.)

Конечно, политика и другие субъективные факторы оказывали существенное влияние на масштабы и характер подготовки Советской Армии к быстро надвигающейся угрозе новой войны. Но решающее значение в этом деле все же имела экономика, то есть объективные обстоятельства. Такой вывод можно проиллюстрировать данными о производстве стали. В отличие от Первой мировой войны, где главными действующими родами войск были пехота и артиллерия, во Второй мировой войне на первое место выдвинулись авиация и танковые соединения. В этой связи производство металла и эффективность его использования во многом предопределяли военную мощь действующей армии.

Исходные позиции Советского Союза в этом отношении были не самыми лучшими.

Как видно из приведенных данных, если накануне войны объемы выплавки черных металлов в СССР и Германии были примерно на одном уровне, то в 1942–1943 годах это соотношение стало 1:3 в пользу Германии. При этом выплавка стали в Германии практически не увеличивалась, колеблясь в пределах 20,5–20,8 млн т, в то время как в СССР она сократилась больше чем в два раза.

Производство стали в СССР и Германии, млн т (Германия в границах 1937 года)

Страна	Год				
	1940	1941	1942	1943	1944
Германия	19,1	20,8	20,5	20,7	18,3
СССР	18,3	17,9	8,1	8,5	10,9
СССР, %	96,0	86,0	39,0	41,0	59,0

Главные причины такой динамики: потеря мощностей, оставшихся на оккупированной территории, и острый дефицит кокса. Кузбасс смог лишь частично выправить образовавшийся провал. Для российских металлургов период войны остался в памяти как кошмарный сон, полный крутых срывов и героических свершений. Однако стоит отметить, что хотя до конца войны преодолеть отставание отечественной черной металлургии удалось лишь частично, оборонка все же сумела обогнать Германию по выпуску военной техники.

По оценке немецких специалистов, общий объем военного производства в Германии в 1940 году превышал уровень СССР на 20%. В 1941 году СССР сумел изменить это соотношение в свою пользу: «счет» стал 100:140. В последующие два года Германия, лишив Советский Союз топливной и металлургической базы на юге страны, сумела догнать его по валовому выпуску военной продукции.

При этом относительно устойчивое снабжение советских оборонных отраслей металлом стало возможным лишь благодаря определенной степени оптимизации распределения и перераспределения его основных видов через центральные органы управления и снабжения.

Поставки проката черных металлов в годы войны, млн т

Поставки	Год					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Народному хозяйству, всего	12,4	10,9	5,6	6,0	7,8	8,6
В том числе оборонной промышленности	1,6	2,4	2,7	2,8	3,6	1,7
Ее удельный вес, %	12,8	22,2	49,2	46,4	46,2	20,2
Качественного проката	3,2	3,5	3,4	3,7	4,7	4,2
В том числе оборонной промышленности	1,1	1,8	2,3	2,4	3,1	1,5
Ее удельный вес, %	34,6	51,1	67,7	64,2	65,3	35,7

Приведенные данные отражают напряженное состояние баланса черных металлов на всем протяжении Великой Отечественной войны. Уже в 1941 году было отмечено

сокращение поставок проката черных металлов народному хозяйству на 1,5 млн т. На следующий год — провал более чем на половину объема предыдущего года. Затем следуют стагнация и довольно медленный подъем. Однако довоенного уровня производства и поставок металла не удалось достигнуть и в 1945 году.

В это же время поставки качественного проката продолжали устойчиво расти, особенно быстро в отрасли, выпускавшей военную технику и заготовки для снарядов. В 1944 году они превысили довоенный уровень почти в три раза. Удельный вес оборонных предприятий в потреблении качественного проката поднялся до 65,3%, то есть почти удвоился. Основным потребителем качественной стали в годы войны выступала авиационная промышленность, на втором месте было производство боеприпасов, на третьем — танковая промышленность. При этом половина металла использовалась для изготовления снарядной заготовки, пятая часть — для производства листовой брони.

Напряженная гонка в области производства военной продукции между СССР и Германией началась еще в конце 30-х годов. В результате на короткое время обе страны ушли далеко вперед в сравнении с США, Англией и Францией. Причем в 1940 году Германия в некоторых отраслях обошла СССР. Однако сравнительно легкие победы над Францией и другими западноевропейскими странами вскружили голову немецким руководителям, которые явно завысили оценку своей военной мощи и недооценили возможности России. Рост германской военной промышленности затормозился. Так, производство вооружения и военных материалов в 1941 году по сравнению с предыдущим годом увеличилось всего на 1–2%, а выпуск боеприпасов даже уменьшился. Конечно, сказывались нехватка топлива и некоторых видов сырья, а также трудности с квалифицированной рабочей силой. Но главным был субъективный фактор — для руководителей Германии «конец войны казался ощутимо близким». В это же время экономика СССР напряглась до предела, чтобы резко ускорить выпуск, прежде всего, новой военной техники и выравнивать свой военный потенциал по отношению к вероятному противнику. В целом эту задачу удалось решить. По оценкам немецких специалистов, предназначенным для служебного пользования, объем военного производства СССР в 1941 году существенно превысил уровень Германии.

Объем военного производства отдельных стран в 1940–1943 гг., млрд долл., в ценах 1944 года

Страна	Год		
	1940	1941	1943
США	1,5	4,5	37,5
Англия	3,5	6,5	11,1
СССР	5,0	8,5	13,9
Германия	6,0	6,0	13,8

Эти данные были рассчитаны для служебного пользования немецким институтом экономических исследований. В силу сложности самих расчетов они не могут претендовать на высокую степень точности, но позволяют видеть контуры, характер и общие результаты гонки вооружений в ходе Второй мировой войны.

Высокие темпы роста своего военного производства СССР мог обеспечить только путем обширных структурных сдвигов в народном хозяйстве и соответствующего маневра в распределении материальных ресурсов. Произошедшие изменения были осуществлены весьма решительно и быстро, а потому болезненно для экономики и населения.

И до войны долю группы «Б» в объеме промышленной продукции нельзя было назвать высокой. В 1942–1944 годах она сократилась еще вдвое — до одной пятой, что могли выдержать только народы Советского Союза. Причем и в группе «А» изделия гражданского назначения выпускали либо в ограниченном количестве, либо вообще снимали с производства. Так, изготовление металлорежущих станков и кузнечно-прессовых машин снизилось за эти годы вдвое, а угольные комбайны вообще сняли с производства. Почти полностью свернули выпуск турбин и генераторов для электростанций. Выпуск магистральных паровозов сократился в 100 раз. Грузовых вагонов за первые два года войны выпустили всего 200 штук. В 10 раз сократилось производство тракторов и прицепных орудий к ним. На нулевой отметке застрял выпуск зерновых комбайнов. В три-семь раз снизилось производство стройматериалов.

Таким образом, жесткая установка «все для фронта» серьезно деформировала структуру промышленности и межхозяйственные связи, но военные производства относительно устойчиво расширялись. При этом на протяжении всех военных лет сохранялся острый дефицит практически всех видов сырья и энергоносителей.

Как уже отмечалось, особенно трудным, в том числе для предприятий оборонной промышленности, был период конца 1941-го — начала 1942 года.

Крутое падение военного производства в первые месяцы войны вызвано отступлением наших войск и необходимостью срочно эвакуировать основную массу предприятий оборонных отраслей. Только к лету 1942 года авиационная и танковая промышленность сумели выбраться из провала, превзойдя уровень производства июня 1941 года больше чем в 1,5 раза.

Даже иностранные авторы признают: «Немцы, американцы и англичане, все вместе, долго разделяли роковое заблуждение относительно достижений Советов. <...> Советский Союз представляет странное сочетание низкого уровня жизни с блестящими техническими достижениями, что противоречит западным понятиям и приводит к огромному количеству ошибок при оценках. <...> Советский Союз во многих отношениях был лучше подготовлен к войне, чем Британия в 1939 или Соединенные Штаты в 1941. В России велась специальная подготовка резерва обученных пилотов. Аналогичные меры по развертыванию массового производства самолетов в 1941 продвинули его настолько далеко, что русские смогли быстро оправиться от сокрушительных потерь июня — июля 1941».

Выпуск боевых самолетов в СССР и Германии во время войны, тыс. шт.

Страна	Год				
	1941	1942	1943	1944	1945
СССР	8,2*	21,7	29,9	33,2	19,1**
Германия	9,5	12,9	22,1	34,4	2,5***

* Второе полугодие.

** Январь — август 1945 года.

*** Январь 1945 года.

Стоит отметить, что в 1940 году немецкая промышленность выпустила 8,1 тыс. боевых самолетов, так что в момент нападения на СССР немецкая армия имела определенные преимущества по новым самолетам. Поскольку гитлеровское командование рассчитывало в течение двух-трех месяцев захватить весь потенциал русской авиационной промышленности (поначалу некоторые самолетостроительные заводы России даже не включались в число целей воздушных налетов люфтваффе), производство боевых самолетов в Германии в 1941–1942 годах расширялось относительно медленно. В 1943 году обстановка на фронтах круто изменилась. Германская авиационная промышленность, несмотря на начавшиеся разрушительные налеты английских и американских бомбардировщиков на военные объекты, делает отчаянный рывок вперед. Но уже поздно. Преимущество в производстве военной техники и господство в воздухе, как на Западе, так и на Востоке, переходит к союзникам.

Аналогичные изменения произошли и в области производства танков. В 1941 году — первом полугодии 1945 года в СССР было произведено 95,1 тыс. танков и САУ, в Германии — 53,8 тыс. машин.

Советские танкостроители опередили немцев не только по количеству выпущенных машин, но и по качеству: примерно 2/3 танков в СССР приходилось на легендарный средний танк Т-34.

Так, известный специалист по танкам, генерал Ф. Мелленгин в своей книге «Танковые сражения» признает, что одним из главных факторов, почему Германия упустила победу, «явились высокие качества русских танков. В 1941 году ни один из наших танков не мог сравниться с Т-34, имевшим 50-мм броню, 75-мм пушку с большой начальной скоростью снаряда и обладавшим довольно высокой скоростью при прекрасной проходимости». При этом он ссылается и на Гудериана, который сделал для себя важный вывод после танкового боя под Орлом: «Множество русских танков Т-34 приняли участие в бою и нанесли тяжелые потери немецким танкам. Качественное превосходство, которое мы имели до сих пор, отныне перешло к противнику».

Эти два примера из военной истории авиационной и танковой промышленности свидетельствуют, насколько расчетливо и эффективно использовала ограниченные ресурсы металла, топлива и электроэнергии для победы в войне наша централизованная планово-директивная система.

Был и еще один фактор наших успехов: кому-то может показаться неправдоподобным, но в жесткой гонке создания новейших вооружений победил творческий интеллект советских конструкторов.

Однако главную роль в материальном обеспечении Победы все же сыграли «простые» люди: их умение, стойкость и полная самоотдача. В этой связи стоит привести пример из практики эвакуации оборонных заводов в 1941 году. Прежде всего надо отметить, что эвакуировать только один самолетный или моторный завод — значит демонтировать и погрузить 3–5 тысяч единиц оборудования, в том числе гидравлические прессы, котлы, прецизионные станки, и 10–15 тысяч, а то и более, работающих, а с семьями — до 50 тысяч человек. По сути, только с одним заводом перебрасывали в тыл население небольшого города. А в авиационной промышленности под эвакуацию попало более ста заводов.

«При этом люди работали до изнеможения, иногда буквально засыпали на ходу. Если бы до войны спросили о сроках переброски завода на новое место, ответ был бы один — не менее года. Практически за десять дней октября мы отправили из Москвы не менее восьмидесяти процентов оборудования. Трудовое мужество опрокинуло все. Но на новом месте ждали еще более суровые испытания. Достаточно назвать только одно — мороз ниже сорока градусов, а у большинства не было ни теплой одежды, ни благоустроенного жилья, а о питании и говорить нечего. Работали от темна до темна там, где не было освещения. И посменно, круглые сутки, если электросеть уже проведена. Страшно неловко себя чувствуешь, — вспоминал нарком А. Шахурин, — зная, что при такой напряженной работе не можешь дать людям не только нормального отдыха в тепле, но даже не имеешь возможности накормить их горячей едой».

Все, что свершили эти люди в 1941 году и в начале 42-го, послужило материальной основой перелома в ходе Великой Отечественной войны.

Однако сразу же после ее окончания, без какой-либо паузы, недавние союзники втянули Советский Союз в «холодную войну», которая продолжалась несколько десятилетий и не закончилась до сих пор. При этом американские «ястребы» разработали около 20 планов атомных ударов по ключевым центрам СССР и его союзников. Первый из них намечалось осуществить в конце 1949 года. Однако создание в СССР атомной, а вскоре и водородной бомбы парализовало эти планы. «Холодная война» приобрела форму напряженной и изнурительной гонки новых вооружений.

Несмотря на то что национальный доход СССР был примерно в два раза меньше, чем в США, опираясь на свои преимущества, в 70 годы Советский Союз догнал, а на некоторых направлениях опередил лидера блока НАТО. Это позволило достигнуть и в течение 10–15 лет сохранять военно-стратегический паритет с главным противником в «холодной войне». Впервые по запасам атомного оружия СССР превзошел США в 1978 году (соответственно 25,4 тыс. атомных бомб, ядерных головок для ракет и артиллеристских снарядов против 24,4 тыс. у США). Самый высокий уровень таких запасов в арсеналах России зафиксирован в 1986 году — 45 тыс. единиц: в случае нападения на СССР — больше чем достаточно для «убедительного» ответного удара по США и соответствующим странам НАТО в Европе.

Достижение этой стратегической цели вновь потребовало напряжения всех сил народа. И вновь оно сопровождалось опасной перегрузкой экономики. Но главное —

удалось парализовать американские планы атомных ударов по городам, промышленным и научным центрам СССР, то есть сохранить не только мир, но и само существование Европы.

Вместе с тем к концу XX столетия страна стала качественно другой по сравнению с годами войны. В короткие сроки в СССР были созданы или модернизированы все современные отрасли гражданской и военной промышленности, транспорта и связи. В 1990 году доля рабочих с их семьями достигла двух третей всего населения (против 1/3 в 1940 году). Доля интеллигенции повысилась с 16 до 26%. За то же время удельный вес крестьянства снизился с 51 до 12%.

Практически все взрослое население стало грамотным. В 1990 году девять рабочих из десяти имели среднее, а иногда и высшее образование (законченное и незаконченное), среди крестьянства — семь человек, среди интеллигенции — 99%.

На базе высокого уровня образованности населения в СССР весьма динамично развивалась наука. Так, в 1990 году численность научных работников в стране возросла почти до двух миллионов (1986 тыс. против 163 тыс. в 1950 году). Таким образом, количество специалистов, выполнявших исследовательские, проектно-конструкторские и технологические разработки, за 30 лет возросло более чем в 12 раз. Огромный коллективный интеллект России позволял решать самые сложные задачи того времени в области науки, техники, медицины и в других сферах деятельности человека.

Важно также, что в стране сформировался новый, здоровый образ жизни. Резко возросли потребности людей и расширились возможности их удовлетворения. Объем национального дохода в 1990 году по сравнению с довоенными показателями возрос в 17 раз, розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли — в 16 раз. Все слои населения стали лучше питаться и одеваться. Заметно увеличилась средняя продолжительность жизни.

Возросший уровень образованности населения, а также «оттепель» 60-х годов создали благоприятную обстановку для развития самостоятельного, критического мышления и неоднозначных оценок как прошлого, так и настоящего. Большинство понимало, что радикально изменившиеся условия жизни людей, продолжающееся возрастание их потребностей, мощный интеллектуальный потенциал страны — все это обуславливает необходимость адекватного обновления конкретных форм и механизмов социально-экономических и политических отношений. Но такое обновление задерживалось.

Морально и физически устаревшая верхушка политической и государственной власти оказалась не способной разработать концепцию соответствующих реформ «сверху». Нереальная программа Хрущева — до конца века экономически обогнать США и построить коммунистическое общество — только дискредитировала наше руководство. Преемники Хрущева также не поняли, что страна стала другой и ее социальные институты нуждаются в обновлении. Они были в постоянном напряжении из-за непрекращающейся борьбы за власть. Партийно-государственная система стала узким местом обновления и развития страны.

В то же время все заметнее проявлялся противоречивый процесс обособления элитных звеньев партийного и государственного аппарата. Для них была создана особая система льготного обеспечения жильем, транспортом, дефицитными това-

рами, медицинскими и санаторными услугами. Это, в свою очередь, порождало карьеризм и бюрократическое отношение к делу. Работника аппарата больше всего волновала проблема, как в условиях постоянной «тряски» удержаться в удобном кресле. Реальное положение дел на участке, за который он формально отвечал, волновало меньше. Такой чиновник боялся любых перемен и реформ, особенно, если они предлагались «снизу». В конце 80-х годов около половины партийных аппаратчиков были карьеристами и откровенными циниками, которые и в общественных делах руководствовались своими, выгодными для них нормами морали и этики.

Произошедшие качественные изменения в структуре Советского Союза, а также реальная угроза мощного, разрушительного ответного удара заставили США и их союзников менять тактику «холодной» и информационной войн. С одной стороны, они пошли на переговоры и соглашения по ограничению гонки вооружений, а с другой — резко активизировали подрывные действия против СССР и стран Восточной Европы с помощью денег, средств массовой информации и других «мирных» инструментов. США и их союзники умело использовали возникшие противоречия между партийно-государственной элитой и широкими народными массами. Особое внимание уделялось целенаправленной обработке лидеров и влиятельных лиц в странах Варшавского договора с помощью лести, дорогих подарков, других соблазнов, точно рассчитанных на человеческие слабости. Одновременно нашлись богатые спонсоры и специально созданные фонды, которые финансировали националистические круги, диссидентов, других потенциальных и реальных оппозиционеров советской системы. Через них осуществлялось влияние на политику правительств и настроение определенных слоев населения. С особым успехом антисоветские силы использовали борьбу за власть в верхнем эшелоне и региональных органах партийной и государственной систем. В конце концов, с помощью «удельных князей» им удалось расколоть СССР на «суверенные» части, что, в свою очередь, существенно ослабило экономику и оборонную мощь страны.

Весной 1991 года состоялся референдум, в котором подавляющее большинство участвовавшего в нем населения высказалось за сохранение Советского Союза. Игнорируя четко выраженную позицию народа, тремя республиканскими президентами: Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем — 8 декабря 1991 года было подписано Беловежское соглашение о роспуске СССР. Менее чем через 20 дней после этого печального события Горбачев сложил полномочия президента СССР и без долгих разговоров был выдворен из Кремля.

Б. Ельцин вышел победителем в длительной борьбе за власть. Но он не был подготовлен для того, чтобы взять на себя руководство главной базой страны — народным хозяйством. Между тем экономическая реформа, начатая еще в середине 60 годов А. Косыгиным, ждала своего продолжения. После почти десятилетнего перерыва процесс реформирования экономики и социальной системы, со срывами и остановками, вновь пришел в движение. В конце 80-х — начале 90-х годов обсуждались два возможных варианта рыночной реформы. Первый был рассчитан на десять лет. Предполагалось постепенное внедрение в хозяйственную практику рыночных отношений и новых форм собственности. Второй — план «шоковой терапии» Г. Явлинского — был рассчитан на 500 дней. Предусматривались реставрация капитализма и свертывание социальных программ.

При проведении экономических реформ в 80-е и 90-е годы руководителями страны было допущено немало ошибок, среди которых наибольший ущерб повлекли за собой следующие четыре.

1. В процессе «разгосударствления» и приватизации был разрушен фундамент главных преимуществ советской системы хозяйствования — общенародная собственность на средства производства и землю. В результате государство как субъект общественной собственности и главный управляющий всем народным хозяйством лишилось основного источника бюджетных доходов, а значит, реальной власти и возможности надежно обеспечивать национальную безопасность, своевременно обновлять структуру и повышать качество производительных сил страны, поддерживать высокий уровень развития науки, культуры и образования, а также охраны здоровья населения.
2. Был сломан такой важный инструмент управления структурными, то есть качественными сдвигами в экономике, как стратегическое народно-хозяйственное планирование. Это привело к потере экономического эффекта, который создавала плано-директивная система централизованного распределения и использования имевшихся, чаще всего ограниченных ресурсов.
3. Бюджетные доходы российского государства упали до уровня ниже его «прожиточного минимума», поэтому оно не в состоянии полностью выполнять свои функции, связанные с обеспечением национальной безопасности страны, благосостояния народа, охраны труда и здоровья людей.
4. Переход к капиталистической системе присвоения и использования доходов резко снизил эффективность воспроизводственных процессов и качество жизни основной массы населения, что сразу же отрицательно сказалось на уровне его культуры, здоровья, на продолжительности жизни.

Войска НАТО вышли на границы России, а военные базы США разместились на территории бывших союзных республик. Таков горький итог и урок второго этапа «холодной» и информационной войн.

В настоящее время страна находится на третьем этапе противостояния. Бывшие «друзья» стремятся к тому, чтобы добиться дальнейшего ослабления и распада России: отделения от нее районов Дальнего Востока, Кавказских республик и Калининградской области. Их политика направлена также на то, чтобы с помощью денег захватить ключевые позиции в высокодоходных отраслях народного хозяйства России, сделать ее зависимой от импорта наукоемкой продукции, продовольствия.

Подводя итоги так называемых рыночных реформ и возврата к капитализму в России начиная с 1992 года и до начала нового столетия, отметим следующее.

За 1991–2003 годы физический объем ВВП России существенно сократился. Реальная зарплата в народном хозяйстве снизилась почти в 2,5 раза. Обвальное обесценивание рубля привело к многократному сокращению инвестиций в производственные фонды и человеческий капитал. Это, в свою очередь, сопровождается быстрым износом и старением материально-технической базы страны, ухудшением ее структуры, а также снижением квалификации и качества ее работников. Тем самым движение экономики России переведено на рельсы сужающегося воспроизводства, которые ведут к неминуемой катастрофе.

Произошло резкое расслоение российского общества на богатых (10–20% населения) и бедных (30–35% россиян). Соотношение доходов 10% наиболее обеспеченных и наиболее нуждающихся семей к концу 90-х годов увеличилось и составило 14:1. Россияне становятся больной нацией: число наркоманов и больных СПИДом достигло угрожающих размеров. Смертность превышает рождаемость. Все это обуславливает устойчивую, имеющую тенденцию к росту социальную напряженность, что таит в себе возможность серьезных осложнений в обозримом будущем.

С разных сторон разрушается производственный, интеллектуальный, в том числе научный и духовный потенциал россиян, то есть одно из главных богатств и преимуществ России, накопленных в течение многих десятилетий.

Государство раздало свою собственность, часто случайным людям. А теперь не имеет денег, значит, не имеет реальных возможностей радикально изменить ситуацию в важнейших сферах своей деятельности. К тому же коррупция и активность криминальных структур приобрела угрожающие масштабы.

В процессе так называемых рыночных реформ Россию превратили в сырьевой придаток США и Европы, а также в дополнительный источник долларовых доходов для стран «золотого миллиарда». Причем ограбление населения и государственных органов власти в России происходит открыто и почти законно. Вывоз награбленных ценностей осуществляется в основном в форме превышения экспорта над импортом. Сумма вывезенных из нашей страны материальных ценностей и валюты в течение последнего пятилетия сравнялась с годовым объемом ВВП.

Реставрированная в России капиталистическая система на практике показала свою низкую экономическую и социальную эффективность. Производительность национального труда — соотношение объема ВВП и количества занятых в народном хозяйстве — по сравнению с уровнем 1990 года снизилась. В этой связи стоит напомнить, что после семи лет мировой и гражданской войн Советская Россия в течение 5–6 лет достигла уровня 1913 года в промышленности и сельском хозяйстве, а разрушения после Великой Отечественной войны удалось преодолеть за одну пятилетку. И все это во многом за счет роста производительности труда.

В последние годы идет «ползучая» оккупация экономики России иностранным капиталом, который постепенно, но целенаправленно захватывает нефтяные и другие промыслы, крупнейшие заводы, торговые центры. Привлекает то, что на один реальный рубль зарплаты российский рабочий создает прибыли в два-три раза больше, чем американский или европейский. При этом американские фирмы в массовом порядке вывозят к себе лучших специалистов, молодых ученых и талантливых конструкторов, врачей, организаторов производства.

Россия потеряла статус великой державы и существенно сузила свои возможности успешно вписаться в резко меняющиеся условия начавшегося столетия. Перемен много, а сколько-нибудь заметного улучшения в жизни основной массы населения нет. Напротив, на каждом шагу сталкиваешься с дефицитом, коррупцией, спекуляцией. Люди оказались сбитыми с толку. Многие ничего не могут понять и уже одинаково мало верят как ложным, так и правильным оценкам, обещаниям, программам. А между тем без веры в самих себя, без доверия друг к другу, без твердого убеждения в том, что народ имеет надежную историческую

перспективу, выход из затянувшейся смуты и вхождение в новый цикл человеческой цивилизации будет затяжным и мучительным.

Основные публикации профессора Р.А. Белоусова

1. Белоусов Р.А. Развитие тяжелой промышленности ГДР. М., 1958.
2. Белоусов Р.А. Общественно необходимые затраты труда и уровень оптовых цен. М., 1969.
3. Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. Изд. 2-е, доп. М., 1987.
4. Белоусов Р.А. НЭП: политика, логика, методы // Вопросы экономики. 1987. № 7.
5. Белоусов Р.А. Становление и развитие теории и практики управления в СССР // Основы научного управления социально-экономическими процессами: Учебник. М., 1989.
6. Белоусов Р.А. Две крестьянские реформы 1861 и 1907 гг. // Экономист. 1992. № 9.
7. Белоусов Р.А. У истоков аграрной реформы // Государственная служба. 2000. № 1.
8. Белоусов Р.А. С. Витте — финансист века // Финансы. 2000. № 2.
9. Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. В 5 кн. Кн. 1: На рубеже двух столетий. М., 1999; Кн. 2: Через революцию к НЭПу. М., 2000; Кн. 3: Тяжелые годы роста и обновления. М., 2002; Кн. 4: Экономика России в условиях «горячей» и «холодной» войн. М., 2004; Кн. 5: Драматический кризис в конце столетия. М., 2006.

Р.А. Белоусов,
доктор экономических наук, профессор

**Дмитрий
Васильевич
Валовой**

БОРЕЦ С ВУЛЬГАРИЗАЦИЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ¹⁰⁷

Имя Дмитрия Васильевича Валового — участника Великой Отечественной войны, кавалера четырех орденов и пятнадцати медалей; доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, лауреата премии Правительства Российской Федерации в области образования хорошо известно не только в кругах ученых-экономистов. Четырнадцать лет он был первым заместителем главного редактора еженедельника ЦК КПСС «Экономическая газета», а в 1976–1992 годах — заместителем и первым заместителем главного редактора газеты «Правда». Яркий публицист, он прославился вдумчивыми и глубокими статьями о проблемах советской экономики, о бездарном реформаторстве периода М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, о современном времени «безвременья». Автор более десятка книг и сотен статей общим объемом около 750 печатных листов. Его аналитические работы привлекают внимание сообщества экономистов как в России, так и за рубежом. Работы Валового стали современной классикой. Около 30 из них представлены в библиотеке Конгресса США, что говорит об их востребованности независимо от времени опубликования.

Дмитрий Васильевич Валовой родился в городе Белореченск 30 мая 1927 года. Его отец, Василий Петрович, в то время работал бухгалтером в железнодорожном депо, а мама, Татьяна Васильевна, была домохозяйкой. Мама — коренная кубанка — не скрывала своего желания вернуться в родной хутор, но папа был «иностранцем»: в поисках лучшей доли его родители перебрались на Кубань с Черниговщины. Когда началась коллективизация, 15 хуторов были объединены в колхоз имени Сталина, а Василий Петрович как грамотный («владеющий счетом») и порядочный человек был приглашен на должность колхозного счетовода. Так семья Валовых оказалась в одном из дальних хуторов — в Некрасове.

Колхоз имени Сталина был самый большой в районе, но объединял он довольно небольшие по числу домов поселения: из 15 хуторов половина имела от 30 до 50 дворов, а другая половина — от 4 до 10. Зимой и в распутицу связь малых хуторов с внешним миром прерывалась. Хутора, как и деревни, села, ставились вдоль речек. Через хутор Некрасов протекала речка Гончарка, впадавшая в реку Белую, приток Кубани. Весной она сильно разливалась, а летом пересыхала так, что в ней нельзя было напоить коров.

На все 15 хуторов было только две школы: одна трех-, а другая — четырехклассная. Средняя школа была за шесть километров — в селе Воронцово-Дашковское. Летом и осенью хуторские ребята дважды в день преодолевали это расстояние пешком, а зимой приходилось снимать жилье на месте, неподалеку от школы.

«Известие о войне дошло до нас в день, — вспоминал Дмитрий Васильевич, — когда мы, как обычно в летние каникулы, работали в колхозе. 22 июня 1941 года мы на лошадях возили зерно от комбайнов на ток. И здесь во время разгрузки возница, доставивший с хутора воду, рассказал, что по радио передали о начале войны.

¹⁰⁷ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки / [редкол.: О.В. Иншаков (отв. ред.) и др.]; Рос. акад. наук. Ин-т экономики, М-во образования Российской Федерации, Волгоградский гос. ун-т. — Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, Вып. 10. — 2014, с. 6–18. При создании очерка использованы материалы книги Д.В. Валового «Реформы» (М.: ИД «АТИСО», 2012).

Кто не связан был с работой комбайнов, поспешили в правление колхоза, чтобы разузнать все поподробнее. Вскоре отца призвали и отправили на фронт. Затем, в 1943 году, наступил черед старшего брата Алексея, а в 1944 году наступил черед и мой».

Дмитрия, как и многих его земляков, сначала направили в школу снайперов Северокавказского военного округа, располагавшуюся на окраине Майкопа. Школа имела добрые традиции: многие ее выпускники уже были героями Советского Союза, их портреты украшали Ленинские комнаты, где проводились политзанятия. Курсанты жили в бывших конюшнях, поскольку до войны в помещении школы располагался кавалерийский полк. Деревянные нары в три этажа, матрасы и подушки, набитые соломой. Зима была холодная, а «отопление» естественное: согревались, прижимаясь друг к другу. Когда рота выстраивалась на плацу, трудно было представить, как все втискивались в эту небольшую казарму. Подъем затемно, в шесть часов. Физзарядка и умывание ледяной водой в реке Белой. После завтрака — на стрельбище за три километра. После обеда — чистка оружия, теоретические и политические занятия.

Поскольку перелом в войне уже наступил, курсанты слышали от своих наставников, что, возможно, некоторым из них посчастливится штурмовать Берлин. И они по-настоящему мечтали о такой возможности. Сразу по окончании школы новоиспеченных снайперов перевезли на Малую землю под Новороссийском, о героизме защитников которой они были наслышаны. Перед отправкой на фронт туда прибыли на формирование выпускники многих других школ и училищ Северокавказского и Закавказского военных округов. Первые весенние месяцы 1945 года были теплыми. Жили в палатках и землянках. Однажды ночью налетел шквальный Нордост — такое нередко бывает в Новороссийске — и буквально смел с земли палатки. Многие остались вообще без обмундирования и документов, даже в землянках мало что уцелело. Дальнейшее формирование подразделения оказалось практически парализованным: требовалось время, чтобы восстановить всю документацию, доставить новое обмундирование. Временно новоиспеченным бойцам вернули со складов ту самую амуницию, в которой они учились ползать по-пластунски, будучи курсантами. Внеплановая поставка нового снаряжения серьезно задержалась, а когда наконец-то формирование завершилось, то наши войска уже окружили Берлин и молодым снайперам, почти ребятам, там делать было нечего. Такой поворот событий многих расстроил, некоторые, в том числе и Дмитрий, не скрывали слез. Этот эпизод настолько ему запомнился, что даже сейчас, вспоминая его как нелепицу, помешавшую вовремя попасть на фронт, где ковалась окончательная победа над фашизмом, Дмитрий Васильевич не скрывает своих переживаний.

Однако вскоре сформированное подразделение погрузили в товарняки, и состав направился совсем в другую сторону, куда не объявили, но поезд уверенно двигался на юг. Бойцов и технику выгрузили в Баладжарах, под Баку. Установили походные кухни, разбили лагерь и дней через десять пешим строем отправили в порт Баку, на погрузку. Уже на пароходе было объявлено, что транспорт направляется в Иран. Сначала это всем показалось странным: ведь Иран не участвовал в войне. Однако заместитель командира по политической части объяснил, что в Иран заброшено много фашистских военных специалистов и ряд подразделений.

Начиная с 1942 года, когда немцы попытались прорваться через Кавказ и захватить Бакинские нефтяные промыслы, число их здесь неуклонно росло.

Советские войска сделали все, чтобы не допустить немцев в Азербайджан. Баку оборонялся не менее упорно, чем Москва и Ленинград. Потерять Баку означало резко ухудшить положение на фронте, поскольку этот нефтеносный район, с легкими фракциями нефти, оставался практически главным и единственным поставщиком горючего для авиации и автомобильного транспорта. Поэтому, несмотря на все попытки гитлеровцев прорваться к азербайджанской столице, на нее не то чтобы вражеский снаряд, ни одна бомба не упала. Район Баку — это сплошной лес нефтяных вышек, которые располагались буквально в 20–30 метрах одна от другой. В старых нефтяных районах мелкие качалки располагались еще ближе друг к другу. В окрестностях города, в районах нефтепереработки, нефть текла по улицам. Небольшая искра — и сплошной огненный факел горел бы не один месяц. Кроме бомб, не меньшую опасность представляли вражеские диверсии. Диверсантам, конечно, было проще попасть в этот стратегически важный район через Иран, а не через линию фронта, поэтому Советским Союзом были приняты меры для защиты Баку с юга. А с 1942 года эта мера приобрела международный характер и была одобрена Союзниками еще и потому, что через Иран в Советский Союз пошли поставки военной техники и тылового снаряжения по ленд-лизу.

Согласно договору о дружбе и сотрудничестве между СССР и Ираном, подписанного в 1925 году; предусматривалось, что в случае угрозы суверенитету Ирана или при возникновении угрозы СССР с территории Ирана (в случае изменения там обстановки) Советский Союз имел право ввести туда войска. Поскольку по данным советской и английской разведок в Иране стали концентрироваться немецкие группировки, то на его территорию было введено особое подразделение (армия) под командованием генерала А.А. Лучинского. В конце войны правительство Мосаддыка попросило у СССР помощи в ликвидации иранской фашистской партии. Эта акция была проведена скрытно, поэтому долгие годы военнослужащих вновь введенных подразделений, в том числе и Дмитрия Васильевича, не причисляли к участникам войны. Тем не менее, советские войска покинули Иран, как и обусловлено было договором, только через год после официального окончания Второй мировой войны.

Пароход доставил подразделение, в котором служил Д.В. Валовой, в Бендер-Шах. Здесь, в лагере для карантина, как он вспоминал впоследствии, бойцы понесли первые потери... от тропической малярии. Не обошла она стороной и его. Болезнь была настолько тяжелой, что если бы санитар, грузивший трупы, не обнаружил, что Дмитрий еще живой, на этом бы и закончилась история о молодом солдате, погибшем на чужбине, но не от вражеской пули. Очнулся он только в госпитале в Сари, где дислоцировалась одна из советских дивизий в Иране. Присутствие советских войск было там необходимо, но молодые солдаты находились под впечатлением боевых подвигов на фронтах Великой Отечественной, поэтому это время тянулось неимоверно долго. Оно заполнялось обычными воинскими делами: учениями, политзанятиями и обеспечением мероприятий по безопасности района. Вскоре дивизию отправили морем в Махачкалу на расформирование. Основную часть личного состава направили на Курилы, а группа примерно в двести

человек, в которой находился рядовой Валовой, занималась еще несколько месяцев ликвидационными делами. Затем его направили в танковый полк, размещавшийся в Сальянских казармах на тогдашней окраине Баку, которая ныне достигла Бададжар. Формировался этот полк в Тбилиси, поэтому подавляющее большинство личного состава были грузины, а командовал полком полковник Колхидашвили. На вооружении были новейшие самоходные установки Су-152 и тяжелые танки «Иосиф Сталин». Первоначально полк предназначался для возможного отражения нападения со стороны Турции, которая, как и Япония, обещала Гитлеру вступить в войну на стороне Германии после взятия немцами Сталинграда.

Однажды в штабе полка Дмитрий встретил капитана Бондарева, который, помня еще по Ирану ответственность и исполнительность сержанта Валового, представил его на должность старшины батальона. Через несколько месяцев капитан Бондарев отрекомендовал своего старшину начальнику снабжения полка майору Склярору на должность заведующего продовольственными складами. А еще через несколько месяцев, когда на его начальника пришел вызов на новое место службы, старшину Валового назначили временно на майорскую должность.

Семь лет, с 1944 по 1951 год прослужил в Советской Армии Дмитрий Васильевич Валовой. По окончании службы работал в плановом отделе строительно-монтажного управления, где со временем стал его начальником, затем — заместителем управляющего союзного треста «Азнефтеэлектромонтаж». Одновременно заочно учился в экономическом институте. Поступил в аспирантуру по кафедре политической экономии. Его диссертация «Об измерении экономического роста и оценке хозяйственной деятельности предприятий», где доказывалась неэффективность показателя валовой продукции для измерения темпов роста объемов производства, производительности труда и оценки работы производственных коллективов, была новаторской для своего времени. Эта тематика не только надолго определила круг научных интересов автора диссертации, но и способствовала выбору, если можно так выразиться, дальнейшей профессиональной ориентации.

Валовой стал одним из ведущих профессионалов в сфере экономической научной публицистики. За 30 лет научной и журналистской деятельности им были опубликованы сотни статей и десятки книг. О широте кругозора автора и затрагиваемых им в опубликованных материалах проблем дает представление монография Д.В. Валового «Экономика: взгляды разных лет. Становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма», вышедшая в 1998 году в издательстве «Наука» под редакцией академика В.Г. Афанасьева. Книга состоит из трех частей — крупных исторических очерков, в которых проведены параллели с современностью времен горбачевской перестройки.

Первая часть названа «Создание и развитие затратной системы хозяйствования». В ней показаны объективные трудности, которые встали перед первым в мире государством рабочих и крестьян после завоевания политической власти. Как управлять национализированными предприятиями? Чем измерять результаты их работы? Как оплачивать труд рабочих и служащих? Как оценивать состояние народного хозяйства в целом и динамику его развития? Когда, как и почему у нас сложилась затратная система хозяйствования? Каковы пути преодоления этой системы и создания противозатратного механизма хозяйствования?

Во второй части «Экономические законы. План и товарное производство» автором обобщены дискуссии экономистов — «товарников» и «нетоварников». По его материалам можно и сейчас изучать историю политической экономии социализма в СССР. Очень подробно Дмитрий Васильевич показывает отличие подходов московской экономической школы, с ее признанным мэтром Н.А. Цаголовым, и ленинградской, негласными лидерами которой были Н.Д. Колесов и В.А. Пешехонов.

В третьей, заключительной части «Вал против интенсификации и эффективности» собраны материалы, раскрывающие противодействие господства вала интенсификации производства и повышению его эффективности. В ней помещены статьи, опубликованные Валовым в 1977 году в газете «Правда». Они тогда вызвали большой общественный резонанс, и редакция получила на них более двух тысяч откликов. Подобный интерес широких народных масс к проблемам отечественной экономики сложно себе представить в наше «рыночное» время.

В очерке о жизни и деятельности экономиста-фронтовика не совсем уместно рассуждать о том, прав или не прав был Дмитрий Васильевич в своей непримиримой борьбе с показателем валовой продукции. Наверное, когда перед советской экономикой стояла задача снижения себестоимости производства, наполнения рынка предметами первой необходимости, этот показатель выполнял свою функцию. По мере роста запросов населения на качество и ассортимент производимых товаров, возможно, сыграл положительную роль и показатель нормативно-чистой продукции. Вне всякого сомнения, прав был Дмитрий Васильевич в заключительных частях своей книги, когда пришел к выводу, что вряд ли такое сложное и многоотраслевое хозяйство, которым является экономика нашей страны, может «управляться» на основе какого-либо одного показателя. Однако, видимо, такова была реальность планового хозяйства СССР, которое довольно успешно могло развиваться при «диктатуре вала», но и довольно быстро было разрушено многочисленными экспериментами по поиску «философского камня», способного заменить Госплан и Госнаб, попытками внедрить в Кремле «кибермозг», способный лишь на основе АСУ (автоматизированных систем управления), без умного генсека управляться с человеческими нуждами и заботами. Много фантастических идей было внедрено в 1980–1990 годы в сознание советских людей, прежде чем они подвергли сомнению веру в коммунизм и справедливость и поверили в чудодейственные свойства Программы «500 дней», чубайсовскую «народную» приватизацию и вновь реанимированную капиталистическую экономику, которая привела «старую» Россию к краху...

Отдельно следует сказать о статье Д.В. Валового «Экономика в человеческом измерении», опубликованной в газете «Правда» 19 января 1988 года. Как вспоминает сам Дмитрий Васильевич, поскольку он был в это время еще и членом Комитета народного контроля СССР, реакция на нее «сверху была мгновенной».

Была «создана комиссия в составе первого заместителя председателя Госплана СССР С. Ситаряна, председателя Госкомстата СССР М. Королева, заведующих отделами Управления делами Совета Министров СССР В. Кириченко и П. Кочура, директора Института экономики АН СССР академика Л. Абалкина и заведующего сектором экономического отдела ЦК КПСС Б. Плышевского. Столь авторитетной комиссии поручено рассмотреть поставленные в статье вопросы».

Комиссия признала справедливой критику практики использования показателя не нормативно-чистой, а товарной (то есть «объемной», по-прежнему — валовой) продукции в планировании и оценке результатов хозяйственной деятельности предприятий. Ее вывод состоял в том, что «этот показатель является расчетным и используется только в аналитических целях, а не для оценки хозяйственной деятельности комплексов и министерств». Однако Дмитрий Васильевич стоял на своем: «Как можно объявлять показатель расчетным, если на его базе определено и утверждено повышение темпов от достигнутого уровня? Это же до сих пор является показателем номер один, свидетельствующим о ходе выполнения годовых и пятилетних планов на всех уровнях хозяйствования».

Анализ основных положений записки этой комиссии показывает, считал Валовой, что перспектива отказа от погони за объемом в рублях и пресечения связанного с этим все возрастающего уровня расточительства является пока весьма туманной. На эту грустную мысль его наводил вывод комиссии о том, что «принятый в настоящее время общеметодологический подход к использованию на народнохозяйственном уровне системы обобщающих показателей представляется обоснованным».

С началом перестройки, как считал Дмитрий Васильевич, у Горбачева были хорошие идеи, но он стал вводить и так называемое ускорение. Это был аналог нынешнего удвоения ВВП, то же нагнетание произведенной продукции «по валу». Он писал в записке на имя Горбачева, что уже «40% продукции на самом деле нет. Это мнимая величина». Реакции на нее не было. Тогда он опубликовал в «Правде» статью. Горбачев устроил коллективный разнос и осуждение ее на заседании Политбюро. Хотели, таким образом, критику спустить на тормозах. На заседании Политбюро были представлены справки Центрального статистического управления и Экономического отдела, что все у нас, дескать, замечательно. Однако справки были фальсифицированные. В конечном счете, Д.В. Валовой доказал свою правоту и заявил тогда, что советская экономика развалится в середине 1990-х годов, а из-за горбачевского курса на ускорение, который не отменили, это случилось несколько раньше...

Принципиальность и честность экономиста Д.В. Валовой не утратил и при новой власти. В феврале 1992 года он опубликовал в «Правде» статью «Гайдаровская „бомба“ для экономики», в которой утверждал, что «шоковая терапия» в России побьет все мировые рекорды по спаду производства, росту безработицы и падению жизненного уровня. К сожалению, и на этот раз его прогноз подтвердился. Прошло 20 лет, а уровень экономики 1990 года до сих пор не восстановлен.

В СССР, по мнению Дмитрия Васильевича, собственность была общественная и государство задавало не просто цифры, как сейчас, а натуральные показатели, которые спускались заводам: сколько сделать стали, машин, продовольствия и т.д. Сегодня частному бизнесу принадлежит львиная доля экономики России, и советский метод работать не может в принципе. Даже госкомпании (точнее, компании с участием государства) ориентируются уже не на производство, скажем, газа, а на достижение финансовых показателей — прибыль, дивиденды и прочее.

При этом очень важно понимать, что советская система была совершеннее современной. И все-таки даже она развалилась. Почему? Потому что заводы прежде

всего были нацелены на выпуск дорогой продукции, дешевая им была невыгодна. Чтобы свести концы с концами, Госплан постоянно расширял товарную номенклатуру. В какой-то момент система просто потеряла управляемость. В связи с реформами Горбачева началась плановая анархия. Все знают, что это завершилось пуском экономики на самотек. И тут власть взяли рыночники, которых интересовала только приватизация собственности. Новых хозяев заводов и фабрик интересует не выпуск продукции, а накручивание стоимости. Эта ситуация патовая, поэтому наши беды сейчас куда глубже советских и оздоравливать нашу экономику так, как можно было еще оздоровить советскую, не получится.

Свои взгляды на состояние современной российской экономики в связи с прошлыми упущениями Д.В. Валовой изложил в книге «Реформы». В ней представлена экономическая панорама российских реформ, начиная от сталинской эпохи и заканчивая так называемой «Стратегией 2020». В «Стратегии 2020», по мнению Дмитрия Васильевича, также все построено на измерении фиктивного ВВП. Фактически речь идет о мыльном пузыре, когда одни и те же доходы считаются несколько раз. Кроме того, в объем ВВП включаются доходы сфер, где новая стоимость не создается (шоу-бизнес, финансовые услуги и т.д.).

За 20 лет в России фиктивный ВВП вырос в 2,5 раза, и если мы будем и дальше тешить себя иллюзиями, то к 2020 году в России, как уже сегодня в США, только четверть ВВП будет создаваться в реальном секторе, остальное — «липа». Д.В. Валовой твердо убежден, что существует веками проверенный классический метод подсчета. В него следует включать только доходы реального сектора экономики, но, как пишет Д.В. Валовой, «чтобы скрыть отток капитала из реальной экономики в спекулятивную сферу, американский экономист Саймон Кузнец предложил включать в ВВП повторный счет доходов и объемы непроектных услуг. В итоге такого измерения с 1950 года реальный ВВП США уменьшился в три раза, но за счет доходов юристов, дизайнеров, шоу-бизнеса он как бы вырос. Это, однако же, маскировка. Когда она рухнет, все прежние дефолты покажутся детской шалостью. Поэтому можно четко сказать, что ныне в экономической науке господствует мошенничество!» Наши либералы — главные застрельщики так называемых рыночных реформ — зашорены, они не хотят видеть и слышать то, что делается вокруг, и снова тянут нас к краху. В 1990 году в реальной экономике создавалось 78% ВВП, а в 2010-м — 46,9%, но по их подсчетам, произошло увеличение ВВП в 2,5 раза. Если они и дальше будут определять нашу экономическую политику, к 2020 году мы придем к новому дефолту. Жаль, это понимают не все. Именно поэтому в своей книге «Реформы» Дмитрий Васильевич специальный раздел посвятил азам политики.

Дмитрий Васильевич Валовой по-прежнему полон сил и энергии. Он преподает в Академии труда и социальных отношений, где возглавляет кафедру экономической теории. Побывал в фирмах и корпорациях Европы, США, Японии, Китая, встречался со многими главами государств и правительств, известными зарубежными учеными. Свой богатый теоретический и практический опыт он передает подрастающему поколению. Хочется надеяться, что труды Дмитрия Васильевича положены на благодатную почву и вырастет поколение экономистов, которое сможет восстановить былой престиж и потенциал России.

Основные публикации профессора Д.В. Валового

1. *Политическая экономия социализма: учебник.* — М.: Экономика, 1969. (Член редколлегии и авторского коллектива).
2. *Хозяйственная реформа в СССР.* — М.: Правда, 1969. (Член редколлегии и авторского коллектива).
3. *Беседы об экономических законах.* — М.: Экономика, 1974.
4. *Поиск. Экономическая повесть.* — М.: Молодая гвардия, 1983.
5. *Экономика в человеческом измерении (очерки, размышления).* — М.: Политиздат, 1988.
6. *Экономика: взгляды разных лет.* — М.: Наука, 1989.
7. *Экономика абсурдов и парадоксов.* — М.: Политиздат, 1991.
8. *От застоя к развалу.* — М.: Наука, 1991.
9. *Тайны Овального зала Кремля.* — М.: Правда, 1991.
10. *Рыночная экономика: возникновение, эволюция и сущность.* — М.: Инфра-М, 1997.
11. *Политэкономия: учебник / под ред. Д.В. Валового.* — М.: Интел-Синтез, 1999. (Второе издание учебника в 2002 г. удостоено премии Правительства Российской Федерации в области образования. В 2010 году вышло пятое издание учебника).
12. *Экономическая теория.* — М.: АТиСО, 2000.
13. *Реформы.* — М.: АТиСО, 2012.

Н.К. Фигуровская,

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Центра
исследований методологических
и историко-экономических проблем
Института экономики РАН

И.А. Благих,

доктор экономических наук, профессор
кафедры истории экономики
и экономической мысли экономического
факультета Санкт-Петербургского
государственного университета

**Александр
Алексеевич
Вознесенский**

ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ¹⁰⁸

В первом томе «Экономической энциклопедии» об Александре Алексеевиче Вознесенском (05.03.1898–28.10.1950) кратко, как и полагается в подобных изданиях, сказано (здесь — с небольшими уточнениями), что это советский экономист, деятель науки и культуры, профессор (1939). Член КПСС с 1927. Окончил Петроградский (Ленинградский) государственный университет (1923). С этого времени преподавал, а затем и заведовал кафедрами политической экономии в вузах Ленинграда. Организатор и декан факультета политической экономии (позднее — экономического) ЛГУ; в 1941–1948 ректор Ленинградского, а в 1942–1944 одновременно и Саратовского государственных университетов. В 1948–1949 министр просвещения РСФСР. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва. Вице-председатель Общеславянского комитета. Автор ряда работ по вопросам теории и методологии политической экономии, а также методики ее преподавания. Далее в энциклопедии приводятся (далеко не полные) список его сочинений и перечень литературы о нем. А в этой книге мне, старшему сыну Александра Алексеевича, предложено рассказать о нем несколько подробнее.

Об отце с самого моего детства и до последнего мгновения, когда он вышел из дома, чтобы поехать в отпуск в Сочи, а оказалось — там же, в Сочи, на горе Ахун был арестован, а через год с небольшим уничтожен по так называемому ленинградскому делу, у меня (и у многих других знавших его людей) сохранилось впечатление как о необычайно солнечном, светозарном человеке. Он мог быть сосредоточенным, сдержанным, озабоченным, но не раздраженным или угрюмым. Из ясных глаз — это видно даже на чудом сохранившихся фотографиях и прижизненном живописном портрете — лился свет, свет радости бытия, общения с людьми, творчества в любом деле, которым он был занят. Красивая белоснежная (последствие 1937 года) голова венчала великолепную, словно вышедшую из рук скульптора фигуру. Позднее он чуть «посолиднел», но состариться так и не успел: его убили в 52 года.

Вот кое-что из воспоминаний сестры моей матери, относящихся к знакомству Лидии Васильевны с ним в 1926 году: «Моя первая мысль была: „Какой солнечный!“ — так от него повеяло бодростью, свежестью, энергией, вообще чем-то радостным... Каким запомнился мне Александр Алексеевич? Это был высокий, очень стройный блондин... Густые светлые волосы, ясные серо-голубые глаза. Для лица было характерно выражение какой-то особой доброжелательности и живого интереса к окружающему, к собеседнику, к рассказу. Быстрые движения, упругая походка, исключительная аккуратность в одежде. Он преподавал в четырех вузах, в том числе в Военно-морской академии, и обычно носил военную форму, которая ему очень шла... Кроме преподавания он выступал с лекциями, участвовал во всевозможных комиссиях, писал статьи. Справляться со всем этим ему помогала высочайшая организованность — весь день у него был заранее спланирован до минут, и план строго выполнялся. Иногда, проработав допоздна, он на следующий день

¹⁰⁸ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки / [редкол.: О.В. Иншаков (отв. ред.) и др.]; Рос. акад. наук. Ин-т экономики, М-во образования Российской Федерации, Волгоградский гос. ун-т. — Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, Вып. 11. — 2014, с. 30–58. В основу очерка положены фрагменты книги: Вознесенский Л.А. Истины ради... — М.: Республика, 2004.

забегал отдохнуть, при этом клал передо мною часы и говорил: „Разбуди меня через двадцать три минуты“, и когда я сообщала: „Двадцать три минуты прошли“, — ментально вставал, одевался и уходил на очередную работу».

(Сохраняю это небольшое совпадение с моими наблюдениями, чтобы добавить маленький эпизод: после такого короткого сна отец, поставив ногу на край жесткого стула, быстро и ловко пропускает шнурки через крючки, заменявшие на форменных морских ботинках традиционные отверстия; в это время в комнату с блокнотом в руках неторопливо wpłyвает его младшая сестра и так же «врастяжку» говорит: «Сашенька, я сейчас пишу такой-то параграф диссертации — какие вопросы надо там осветить?» И отец, не отрываясь от своего занятия, отвечает: «Пиши...», молниеносно набрасывает ей перечень проблем в их последовательности и взаимосвязи и стремительно исчезает. Наверное, контраст в темпе жизни собеседников, в особенностях их психологии был настолько разителен, что врезался даже в детскую память. Что же касается Валентины Алексеевны, то спокойный характер не помешал ей стать успешным ученым и вузовским преподавателем).

«Несмотря на такую напряженность, работал он, — продолжает свои воспоминания Лидия Васильевна, — по-моему, с удовольствием: вероятно, этому способствовало удовлетворение от хорошо выполненной и всеми признаваемой большой работы... Меня поражало его умение работать в проходной комнате — очевидно, он настолько уходил в работу, что не замечал окружающего... Думаю, что для него, как и для Николая Алексеевича (его младшего брата. — Л. В.)¹⁰⁹, жизнь — это была работа, которой отдавалось все, а остальное — друзья, женщины, удовольствия были иногда приятным, но не обязательным довеском...

В университете Александра Алексеевича не просто любили, но и восхищались им. На его лекциях аудитория всегда была полна. Читал он без всяких бумажек, очень легко (без «э-э»), логично и убедительно. Я сама слушала его курс и видела, с каким интересом относилась к лекции аудитория».

О жизни и творчестве моего отца можно прочесть в многочисленных воспоминаниях о нем, а я приведу сверх опубликованных лишь несколько фактов.

Как-то мне довелось лечиться на Украине, в Трускавце, где в промежутках между процедурами мы «сражались» на теннисном корте с кем-то из приехавших туда по той же причине. И вот однажды, «умаяв» друг друга, присели на скамью и разговорились. Оказалось, что мой «соперник» — капитан первого ранга в отставке, командир дивизиона торпедных катеров. Естественно, он поинтересовался, чем занимаюсь я. Зная, что многие люди, мало знакомые или вовсе не знакомые с экономической теорией, думают о ней совсем не так, как она того заслуживает, я ответил:

— Скудной наукой — политической экономией.

И тут на меня обрушился водопад справедливого гнева:

— Что вы! Как можно так говорить?! Я сорок лет назад слушал лекции по политической экономии в Военно-морской академии и помню их чуть ли не слово в слово до сих пор! Эту науку я полюбил на всю жизнь...

¹⁰⁹ Мой очерк о Н.А. Вознесенском опубликован в книге: Война и мир в судьбах ученых-экономистов. — Волгоград, 2004. — Вып. 4. — С. 5–49.

Горло у меня перехватило, и я с трудом ответил:

— Если это было сорок лет назад и в Военно-морской академии, то вы слушали лекции моего отца...

Так и оказалось.

Прошли еще годы и годы, и однажды в комнату (тогда я работал в Отделе пропаганды ЦК партии) буквально ворвался мой коллега — доктор экономических наук, профессор Э.П. Плетнев, со словами:

— Лев! Ты не можешь себе представить, какой потрясающий комплимент я сегодня получил! После лекции ко мне вместе с другими слушателями подошел, опираясь на палку, какой-то очень пожилой человек и дребезжащим голосом заявил публично: «Я слушал лекции академика Тарле, лекции Александра Алексеевича Вознесенского, и должен сказать вам, молодой человек: у вас тоже кое-что получается!..»

Эрик Пантелеймонович прямо-таки светился от этой похвалы, хотя сам был опытным лектором. Я невольно вспомнил и рассказал ему об одном случае из лекционной практики отца. Было это, скорее всего, во второй половине 20-х годов. Однажды к нему, только что прочитавшему лекцию по политической экономии, подошел один из слушателей — вчерашний рабочий, ставший студентом университета, и сказал:

— Товарищ профессор, после вашей лекции хочется взять дубину и с ней пойти на капитализм!

Я услышал об этом от отца уже после войны, в 40-х годах. К тому времени он был признанным профессионалом, достигшим вершин педагогического мастерства, и все же заключил свой маленький рассказ так:

— С тех пор прошло лет двадцать, но знаешь, никогда и ничто, никакие награды и другие знаки признания для меня, преподавателя, не были так дороги, как эти слова простого рабочего паренька: я понял, что на сторону нашего дела завоеваны не только разум, а и сердце человека, и завоеваны навсегда.

Как студент, не раз слушавший лекции отца, могу свидетельствовать: они всегда были не только содержательными, но и образными, эмоционально насыщенными. В них не было каких-то голословных призывов и анафем в адрес буржуазного устройства общества, в них была только логика жизни и логика мысли — и именно это, подобно мощному магниту, привлекало слушателей. Сейчас об отрицании капитализма и защите социализма как исторической перспективы человечества писать не модно, но я хочу показать того, о ком рассказываю, таким, каким он был в действительности, да к тому же мои взгляды и сейчас в принципиальных моментах не расходятся с его суждениями, хотя и содержат много такого, что в то время показалось бы, вероятно, неправильным или даже ошибочным. Ну что же, жизнь идет вперед, и каждый при желании имеет возможность извлекать из нее новые и новые уроки...

Природа далеко не всегда равно одаривает человека внешне и внутренне. В Александре Алексеевиче она сделала такое исключение. Его брат, Николай Алексеевич, общепризнанный обладатель недюжинных способностей, особенно высоко ценил методологическую, если так можно сказать, составляющую его ума, тонкость и точность мышления ученого. Порой, будучи студентом, я спрашивал его,

например, о том, как Маркс трактует такую-то сторону такого-то сложного вопроса. И в ответ мог услышать: «Не помню, но, исходя из таких-то основополагающих позиций, из логики развития мысли, в таком-то месте „Капитала“ (или другой его работы) он должен прийти к такому-то выводу... Проверь». И не было случая, чтобы отец ошибся.

В своих научных работах он не навязывал читателям, как и студентам на лекциях, готовых выводов, не призывал заучивать цитаты из произведений подлинных и мнимых классиков, а прививал аудитории навыки самостоятельного анализа экономических процессов и явлений, проходя вместе с нею весь путь поиска научной истины. «Сомневайтесь!» — призывал он своих учеников, следуя, очевидно, любимому изречению Маркса, взятому им у древних: «Подвергай все сомнению». От незнания — к первичному знанию, от него — к сомнению в его полноте и достоверности, далее — к добытому новому знанию и снова — к сомнению, и т.д. — таковы, на мой взгляд, бесконечные ступени движения научной мысли в процессе познания, анализа окружающего мира и развития самой личности человека. Именно такая или подобная ей позиция и была, строго говоря, его единственным «преступлением», объективно подрывавшим психологические устои тогдашнего режима, который все больше и больше нацеливал людей на механическое усвоение готовых истин, в кавычках и без них, сформулированных Сталиным или приписанных ему, на продиктованное сверху единообразие мыслей и поступков.

На лекции Александра Алексеевича собирались студенты не только политико-экономического, но и других факультетов университета, а о публичных выступлениях в Ленинграде извещали газеты, радио и афиши. И подобно вузовским, городские аудитории тоже всегда были переполнены. Недаром многие из пяти тысяч учебных и полутора тысяч публичных лекций, которые он успел прочитать за свою так рано оборванную жизнь, остались в памяти его слушателей, как пиршество мысли, как выдающиеся образцы творческого применения материалистической диалектики в политической экономии.

Характеристику политико-экономических сочинений А.А. Вознесенского мне хотелось бы дать, объективности ради, исходя из научных публикаций, посвященных их анализу или в какой-то мере связанных с ними. Там говорится, что его теоретические работы, содержащие немало новаторских, свежих для своего времени идей, относятся, главным образом, к этапу становления (20-е — первая половина 30-х годов) советской политической экономии и в связи с этим отражают существовавшую тогда борьбу взглядов по коренным вопросам теории. Именно в 20-е годы, как подчеркивают исследователи, до начала предпринятого Сталиным идейного и организационного погрома в экономической науке и физического уничтожения многих из лучших ее представителей, были заложены основы для появления и развития политической экономии социализма. Внес свой весомый вклад в этот процесс и А.А. Вознесенский. Ярко выраженная особенность его работ — уже упоминавшаяся их глубокая методологичность, что имело исключительно важное значение в условиях, когда еще только вырабатывались принципы научного анализа совершенно новой социально-экономической действительности, а предлагаемые выводы про- верялись суровой практикой жизни.

Так, за два года до начала широкомасштабной дискуссии по этой проблеме Александр Алексеевич в обширной статье «К вопросу о понимании категории абстрактного труда» (1925 год) первым выступил как против механистических, так и против идеалистических ее трактовок, дал в этой и более поздних работах детальный и чрезвычайно ценный анализ этого основополагающего понятия экономической теории Маркса. Заметный след в истории политической экономии советского периода оставили два крупных раздела — «Предмет политической экономии» и «Товар», подготовленные А.А. Вознесенским для вузовского учебника, вышедшего в 1931–1932 годах тремя изданиями. Интегральный характер этих работ, представляющих собой сплав экономического, философского и социологического анализа, позволял студентам пройти школу подлинно научного мышления, когда в центре внимания исследователя оказывались внутренние противоречия, присущие экономическим явлениям и процессам, что и позволяло выявить закономерности их развития и взаимодействия. В его работах дана всесторонняя характеристика предмета и метода политической экономии и их единства, основных составляющих способа производства материальных благ, содержания таких понятий, как производительные силы и производственные отношения, раскрыта диалектика их взаимосвязи.

Как и ряд других экономистов, Александр Алексеевич защищал тезис о научной правомерности и необходимости формирования политической экономии переходного периода и периода социализма и, что особенно ценно, уже в те годы, вопреки весьма распространенным представлениям, говорил о существовании экономических законов его движения и их объективном характере. Основным из них на переходном этапе от капитализма к социализму он считал закон социалистического обобществления, который реализуется через плановую деятельность государства. Она же, по его мнению, может быть успешной только при использовании товарной формы в качестве рычага планирования народного хозяйства. Вместе с тем, подчеркивая товарный характер тогдашнего общественного производства, он впервые проанализировал социально-экономическую природу и роль продукта труда в каждом секторе советского хозяйства в переходный период.

В публикациях, посвященных анализу политико-экономических работ А.А. Вознесенского, отмечается, в частности, и статья «Расширенное социалистическое воспроизводство» (1941 год), где обозначены его важнейшие черты и особенности, и именно такая система взглядов на эту проблему стала затем общепринятой в научной и учебной литературе. В равной степени это относится и ко многим другим новаторским позициям в его сочинениях, рождавшихся в процессе поиска научной истины, преодоления принимавшихся экономистами (в том числе и им) в то время за истину заблуждений и активного участия в коллективной выработке методологических основ и аргументации теоретических выводов нарождавшейся политической экономии социализма.

В высшей степени требовательный к себе во всех отношениях и прежде всего в научном плане, А.А. Вознесенский, добываясь максимальной точности в содержании, в научной разработке тех или иных идей, умел изложить их просто и доходчиво. Именно с этих позиций он не был удовлетворен хорошо известным в те годы весьма полезным при всех его недостатках четырехтомником «Комментариев» Д. Розенберга к «Капиталу». Александр Алексеевич считал, что раскрыть логику

и содержание этого основополагающего труда можно и нужно глубже, точнее, доходчивее. И при всей своей сверхзанятости практическими делами он все же делал наброски для такого издания. К сожалению, они, как и фактически законченные рукописи двух книг: «Логика и основные идеи „Капитала“ К. Маркса и современность» и «Динамика стоимости рабочей силы при капитализме», были уничтожены вместе с их автором. (Основное содержание первой книги изложено в статье доцента С.Д. Зака «Об одной неопубликованной рукописи А.А. Вознесенского»¹¹⁰ и в машинописном варианте подготовленной им же брошюры, находящейся в моем фонде в Российском Государственном архиве социально-политической истории — РГАСПИ.)

Прирожденный, как многие считали, администратор, блестящий организатор, Александр Алексеевич Вознесенский, тем не менее, остро переживал то, что служебные и общественные обязанности отвлекали его от чисто научной и преподавательской деятельности. Однажды, в пору самых высоких официальных признаний эффективности его работы на посту министра, он с ноткой горечи сказал:

— Все, что я делал и делаю в сфере управления, очень скоро после того, как я уйду из нее, забудется. Останется лишь то, что принадлежит науке.

К счастью, отец все же недооценил человеческую способность помнить добрые дела независимо от того, к какой сфере жизни они относятся. В 1998 году, почти полвека спустя после гибели Александра Алексеевича, было тепло и уважительно, несмотря на новую реальность в стране, отмечено 100-летие со дня его рождения: в бывшем Ленинградском, теперь Санкт-Петербургском государственном университете прошли заседание Ученого совета и Всероссийская научная конференция, посвященные памяти его бывшего ректора, от правительства поступила содержательная телеграмма, в которой, в частности, подчеркивалось, что «известный ученый-экономист, министр просвещения Российской Федерации, он внес крупный вклад в историю университета, высшего и среднего образования в стране». В «Российской газете» опубликована статья «Просвещенный век профессора Вознесенского», в нескольких журналах также появились статьи и очерки. Ну, а по поводу относительной долговечности любого реального вклада в науку он был не далек от истины. Конечно, общественные науки вообще, а уж в сталинское время тем более, были крайне уязвимы с точки зрения их объективности. И все же лучшие достижения советских философов, экономистов, историков не потеряли своей значимости и для современной общественной мысли, и для ее развития в дальнейшем, если, конечно, подходить к ним «по-хозяйски». Я уже не говорю о том, что, как известно, в науке отрицательный результат есть тоже результат, порой не менее значимый, чем положительный, ибо только так достигается ее движение вперед, к истине.

Активное творческое начало было одной из главных черт характера и многогранной деятельности Александра Алексеевича. Он стал одним из основателей специального высшего экономического образования в стране — организатором и деканом первого экономического (повторю, тогда он назывался политико-эко-

¹¹⁰ См. в кн.: Ученый-коммунист. К 75-летию со дня рождения А.А. Вознесенского. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. — С. 30–42.

номическим) факультета, заведовал кафедрами по этой дисциплине в ряде вузов Ленинграда, в том числе, конечно, в своем родном университете. Став его ректором через две недели после начала войны, он сделал все возможное и сверхвозможное как для организации работы, так и для спасения коллектива в условиях блокады Ленинграда и в эвакуации. Этой теме — ЛГУ и универсанты в период Великой Отечественной войны — посвящены многочисленные исторические исследования и яркие, живо передающие героизм и трагизм пережитого мемуары. Приведу здесь лишь несколько выдержек из воспоминаний, посвященных непосредственно ректору университета:

...в грозное время Великой Отечественной войны... в блокадном Ленинграде коллектив университета под руководством А.А. Вознесенского продолжал функционировать и выполнял большую научно-исследовательскую работу оборонного значения. Ученые-обществоведы в осажденном, голодающем, замерзающем городе читали лекции и создавали работы, которые ректор университета охарактеризовал как «те же снаряды по врагу, а иногда и более меткие». Сам А.А. Вознесенский не только вел большую устную пропагандистскую работу, но и опубликовал в это труднейшее время две пламенные, проникнутые глубочайшей верой в нашу победу брошюры: «Организованность, дисциплинированность и самоотверженность советских патриотов — залог быстрой победы над врагом» (1941 год) и «Ленин и оборона социалистического Отечества» (1942 год).

Профессор С.И. Тюльпанов

...Все мы знали: в университете есть лидер, вокруг которого сплочен наш коллектив. Этому лидеру можно было верить, он беспредельно предан общему делу, является мудрой и светлой личностью. Каждого он напутствует на большой труд, с каждого строго спрашивает за результаты работы, каждого поймет. Главное — он сам среди нас, все делит с нами, никакие личные чувства его не одолевают...

Неистощимую веру во всех вселял наш ректор. Все службы университета работали четко. Бережно сохранялись бесценные культурные сокровища. Создавались стационары для лечения ослабевших. Коллектив ученых продолжал свои исследования, читал в осажденном городе лекции, проникнутые патриотизмом, уверенностью в нашей победе. Александр Алексеевич, похудевший, горевший внутренним неистребимым огнем, был повсюду. Он провожал нас в армию, посещал госпитали, добывал хлеб и дрова для ученых и студентов...

Профессор В.С. Торкановский

Любили мы А.А. Вознесенского не только как профессора, но и как ректора. В самое мрачное время, когда «падал ленинградец на желтый снег

пустынных площадей» (О. Берггольц), студенты университета не чувствовали себя забытыми в промерзших зданиях и общежитиях. Из комнаты в комнату несло: «Вознесенский приходил к нам в общежитие, расспрашивал. Бодрый, белый воротничок»; «У нас в лаборатории был ректор»; «Ректор говорил, что в главном здании скоро будет кипяток». И действительно, вскоре мы могли выпить кружку драгоценного кипятку, согреться. В конце ноября 1941 года фугасной бомбой был взорван флигель нашего общежития на 5-й линии, дом 66. Много народу погибло. День и ночь шло спасение заваленных обломками. Вдруг узнаем: ночью приезжал Вознесенский. Разговаривал с теми, кого спасли, укрывал их одеялами.

Как-то само собой к имени нашего ректора стало добавляться слово «папа». «Папа Вознесенский переводит нас на филологический факультет!» — разнеслась однажды весть. Это было спасение. В нашем общежитии царили холод и мрак — ледяные батареи, фанера на окнах, а на филфаке — печи, светлые аудитории. «Папа» распорядился топить печи мебелью, и мы получили благодатное тепло. «Папа Вознесенский нас эвакуирует, он добьется, он спасет нас». И он добивался всего, чего можно было добиться; спасал тех, кого можно было спасти, — студентов, профессоров, сотрудников, университет.

Доцент Л.Л. Эльяшова

Вспоминаются дни эвакуации университета из Ленинграда в Саратов в марте 1942 года. Нелегкое это было дело. Когда наш эшелон подъезжал к Саратову, городским медицинским организациям было дано указание подготовить 300 санитарных носилок для прибывших. И действительно, из вагонов выходили люди, ослабевшие не только физически, но и глубоко травмированные морально, потерявшие или оставившие в осажденном Ленинграде своих близких...

На вокзале нас встречал А.А. Вознесенский, хотя и осунувшийся, но все такой же энергичный и решительный. На первом же собрании коллектива университета он бросил лозунг, который был быстро подхвачен всеми и вселял новые силы в наши души: «В грозные дни, которые переживает Родина, мы приехали сюда, в Саратов, чтобы работать лучше, чем могли это делать в Ленинграде. Первого сентября начать занятия на всех факультетах и подразделениях университета!» Что мы и выполнили с гордостью! А Вознесенский, чтобы облегчить согласованность общей работы, стал одновременно ректором и Саратовского университета.

Профессор К.Ф. Огородников

В годы эвакуации университет жил как одна семья, и главой ее был ректор А.А. Вознесенский. Для студентов, оторванных от дома и близких, ничего о них

в то время не знавших, он стал самым родным человеком. Его называли отцом, и даже песня у нас была такая: «Наш папаша — ректор Саша». Александр Алексеевич помог нам сохранить оптимизм, веру в победу, научил не бояться трудностей, помогать друг другу и, главное, быть патриотом своей страны, университета, прекрасного города Ленинграда. «Мы — ленинградцы, а это значит, что не страшно для нас ни горе, ни беда...» — таков был наш гимн.

Профессор С.М. Фирсова

За выдающиеся заслуги в развитии советской науки и культуры, за большие успехи в подготовке высококвалифицированных кадров Ленинградский университет, его ректор и еще ряд ученых в 1944 году были награждены орденами Ленина. Большую группу работников университета Правительство отметило другими орденами и медалями. Вскоре, в том же году, возвратился ЛГУ на свою «малую родину». Начался период не только его восстановления, но и бурного развития. Ректор внес в эти процессы огромный и поныне не забытый новыми поколениями универсантов вклад, и вскоре его alma mater потеснила на вершине системы высшего образования Московский университет. За время «ректорства» Александра Алексеевича в ЛГУ дополнительно появились четыре факультета, сорок шесть кафедр, двенадцать научно-исследовательских институтов, и на первых же послевоенных выборах в Академию наук СССР сразу шестеро ученых университета были избраны ее действительными членами и девятнадцать — членами-корреспондентами.

Крупные и плодотворные изменения произошли и в качественных характеристиках научной, преподавательской и воспитательной работы. Многие начинания А.А. Вознесенского приобрели общесоюзное значение и способствовали прогрессу всего высшего образования в стране. В публикациях об А.А. Вознесенском отмечалось, что в центре его внимания всегда были вопросы развития науки и подготовки высококвалифицированных кадров для нее, для системы высшего образования в стране и для народнохозяйственной практики. Вместе с тем ректор полагал, что университетское образование должно держаться на трех китах: кроме научной и учебной он предлагал считать государственной функцией университетов научно- и культурно-просветительную деятельность, потребность в которой особенно остро ощущалась в послевоенное время, ибо как никогда ранее наука реально становилась одним из важнейших факторов развития общества. (Судьба страны, сказал он мне, когда, демобилизовавшись в 1946 году, я выбирал свою будущую профессию, зависит прежде всего от прогресса физики, биологии и экономической теории.) Не удивительно, что Александр Алексеевич входил в число инициаторов и организаторов Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний и руководил его Ленинградским отделением. Однако успешно нести их в самые разные слои населения могли только люди, имевшие как серьезную научную подготовку, так и широкий общекультурный кругозор. Некоторое, пусть и не полное представление о том, как решалась тогда эта проблема в ЛГУ, даст фрагмент воспоминаний Народного артиста СССР И.О. Горбачева:

В год окончания Великой Отечественной войны я стал студентом Ленинградского университета. Время было прекрасное и трудное. Оно было прекрасно не-

передаваемым чувством нашей Победы, завершения войны, возможностью мирно жить, учиться. Но было немало послевоенных трудностей: еще не восстановленные здания, бедная, голодная жизнь. Именно в это время я стал студентом философского факультета университета, ректором которого был Александр Алексеевич Вознесенский.

Атмосфера университета тех лет была проникнута торжеством мысли, поэзии, искусства, духом интересных общений. Мы поднимались над трудностями жизни, над бедным бытом. Гуманитарные факультеты университета блистали созвездием крупных ученых: Михаил Васильевич Серебряков, Александр Алексеевич Вознесенский, Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов, Константин Николаевич Державин, Борис Герасимович Ананьев и многие другие профессора представляли русскую советскую интеллигенцию, обладали прекрасными качествами учителей.

А.А. Вознесенский поддерживал в первую очередь лучшие традиции Петербургского университета, его вольнолюбивый дух, напряженную работу мысли. Он не признавал школярства, поощрял дискуссии, споры. Я слышал, как он говорил: «Сомневайтесь. Чем больше вы сомневаетесь, тем глубже постигаете верность идей. Выстраданные истины станут вашими». Он обладал лучшими качествами учителя: колоссальной эрудицией, широтой кругозора. Он прекрасно знал литературу, искусство.

Александр Алексеевич любил нас, молодежь, студентов, это была любовь к будущему. Охотно, с интересом он общался с нами, и мы не чувствовали той огромной разницы, которая разделяла нас. Он никогда не подчеркивал своей исключительности, разговаривал с нами на равных. После бесед с ним мы получали заряд духовной бодрости, нравственно очищались. Но его любовь к нам сочеталась со строгостью. Он не был мягким человеком. Он умел сказать «да» и «нет» и отвечал за сказанное. Двусмысленности в его словах быть не могло. Он умел верить студенту и умел прощать ошибки. Но если человек не оправдывал доверия, с такими он был крут.

А.А. Вознесенский понимал важность искусства в деле нравственного развития человека и опасность эстетической глухоты... Лучше других он сознавал, что наше будущее должно быть духовно богатым, великодушным, совестливым, и что этому способствует искусство. Оно учит клеймить низменное в человеке и поднимать возвышенное, формировать подлинного человека в человеке. Подобные высказывания я слышал от А.А. Вознесенского неоднократно... А.А. Вознесенский — крупный ученый, организатор, пропагандист науки — всячески покровительствовал искусству в университете. Но это было не меценатство, а сознательное эстетическое и этическое воспитание студентов. Какие прекрасные вечера проводились на факультетах, какие капустники! Смелые, веселые университетские вечера. Для них снимались помещения в домах и дворцах культуры. На них царила атмосфера поэзии, чистых, благородных чувств. Наш ректор посещал многие концерты и, сидя в первых рядах, живо реагировал и смеялся, когда я играл Хлестакова.

Я счастлив, что прошел прекрасную университетскую школу под руководством А.А. Вознесенского, что общался с этим мудрым, светлым, замечательным человеком, в которого все мы, студенты, были влюблены.

Подлинная интеллигентность и широкая эрудиция (недаром его называли «Луначарский нашего времени»; отец, правда, совершенно искренне полагал,

что такая параллель неправомерна, в связи с чем рассказал мне о действительно достойных восхищения способностях своего далекого предшественника) позволили ему, после назначения министром просвещения РСФСР, творчески подойти и к проблемам среднего образования. Но сначала — несколько слов об обстоятельствах его назначения на этот пост. Еще до войны, когда Николай Алексеевич стал снова работать в Москве, братья договорились о том, что Александр Алексеевич раз и навсегда остается в Ленинграде. Это совершенно устраивало обоих, и на неоднократные предложения занять тот или иной пост в Москве отец отвечал отказом, а если дело вопреки его желанию, с которым тогда не очень-то считались, доходило до подготовки решения, Николай Алексеевич как кандидат в члены и позднее член Политбюро всегда накладывал свое «вето» (для этого ему было достаточно написать на опросном листе без всяких объяснений одно слово: «Возражаю»), Так этот механизм и действовал до тех пор, пока Жданов и Кузнецов не согласовали со Сталиным назначение отца на пост министра просвещения. Тут «вето», а оно на этот раз было выражено еще более жесткой формулировкой «Категорически против», сработать уже не могло...

Научный, творческий подход к любому делу, помноженный на неиссякаемую энергию и еще раз — на высочайшую организованность, позволили А.А. Вознесенскому за короткое время решить или подготовить решение множества вопросов жизни всей системы народного образования (просвещения) не только в Российской Федерации, но и в масштабах страны. В частности, ему удалось привлечь внимание творческой интеллигенции, ученых, вообще широкой общественности к проблемам школы, организовать совместно с Союзом советских писателей весьма представительную дискуссию о преподавании литературы, провести Всероссийское совещание заведующих соответствующими кафедрами педагогических вузов. На базе этих обсуждений были коренным образом переработаны учебные программы, усовершенствованы учебники, созданы пособия для учителей. Аналогичная работа была выполнена и по другим предметам с тем, чтобы повысить качество обучения, знаний школьников, чтобы преподавание велось на уровне современной науки, с учетом ее последних достижений, чтобы оно сближало школу с жизнью, с практикой повседневного труда людей. Отзвуки его идей, предложений и решений как в сфере высшего, так и среднего, школьного образования, в области воспитания молодежи, распространения научных знаний во всех слоях общества были слышны и через десятки лет после его гибели.

Ограничусь этими краткими сведениями о кипучей и плодотворной деятельности Александра Алексеевича на посту министра просвещения, не касаясь других ее сторон. Упомяну лишь еще о том, что именно при нем началась, так сказать, психологическая подготовка ликвидации раздельного обучения мальчиков и девочек. Во время войны оно было введено Сталиным, и это обстоятельство требовало особенно тонкой политики для формирования общественного мнения и изменения позиции, как тогда было принято говорить, ЦК партии, то есть на деле — того же «вождя». Отец бывал очень доволен, когда тем или иным образом удавалось подтолкнуть мысли и населения, и педагогов, и организаторов народного образования в сторону возвращения к нормальной, общей для мальчиков и девочек системе обучения и воспитания.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, похоже, окончательно убедила Сталина (если у него вообще когда-нибудь были в этом сомнения) не просто в своей гениальности, но и в непогрешимости, в совершенстве своего мышления. Однако для того, чтобы это было понятно любому случайно уцелевшему скептику внутри страны и, конечно, гражданам и руководителям зарубежных государств, все, что появлялось под эгидой его имени, должно было быть непревзойденным и в этом качестве сохраняться, в зависимости от назначения, на долгие годы и десятилетия, а то и на века. Я столкнулся с этим, когда отец попросил меня внимательно прочитать подготовленный специальной комиссией, еще до его прихода в министерство, очередной проект свода правил русской орфографии и пунктуации. Не могу сказать, что он был идеален: я обнаружил в нем 121 ошибку. Что и как, прочитав книгу после меня, поправил в ней перед отправкой Сталину Александр Алексеевич, не знаю, но когда я спросил отца о перспективе выхода в свет этой работы, он ответил:

— Думаю, как было уже неоднократно, Сталин не даст на нее никакого ответа и тем самым снова «заморозит» это нормативное издание на годы, хотя нужда в нем очень остра.

— Но почему? Ведь книга уже подготовлена на уровне, вполне достаточном для практического использования. Если филологи позднее «изобретут» что-то существенное, можно будет внести это в новое издание.

— По сложившемуся порядку ни одно мало-мальски заметное событие в любой области жизни не может произойти без личной санкции Сталина, в том числе и издание наших «Правил». Но раз что-то выходит в свет с его благословения, то это должно быть выше любой критики, соответствующим тому, что именуется «сталинским гением». Поэтому-то с довоенных времен переделывается по указаниям Сталина, но до сих пор не может родиться учебник политической экономии — нет уверенности в его безупречности, в том, что какие-то сформулированные там положения не будут поставлены под сомнение ходом жизни. Казалось бы, «Правила» с этой точки зрения менее уязвимы, но думаю, что их постигнет такая же судьба.

К сожалению, Александр Алексеевич оказался прав: учебник политической экономии только с 1937 по 1941 год переделывался 15(!) раз, после войны работа продолжалась еще несколько лет, и появился он лишь в 1954-м, а «Основные правила орфографии и пунктуации» и того позднее — в 1956-м...

Напомню, что речь идет о 1948–1949 годах, когда все круче замешивалось насквозь, от начала до конца, сфальсифицированное «ленинградское дело». 12 июля 1949 года Сталин подписал постановление Политбюро об освобождении А.А. Вознесенского от работы, а за несколько дней до этого отца вызвал Маленков. Между ними состоялся любопытный разговор:

— Александр Алексеевич, надо оставить пост министра.

— Разве у ЦК есть какие-то претензии к моей работе? До сих пор партийная печать весьма высоко оценивала то, что делает министерство, и поддерживала нас в этом.

— Да, претензий, действительно, нет, но... не пойдет у вас это дело, не пойдет... А что касается претензий, то вы, как коммунист, должны помочь Центральному

комитету: подумайте и сообщите нам, какие недостатки в вашей работе могут быть вам предъявлены...

Цинично, конечно, но хотя бы откровенно... И вот мы, сидя на даче министерства (пока она еще оставалась за отцом), придумывали вдвоем эти «самообвинения». Например, я говорил:

- Может быть, ты бывал иногда резок в разговоре с сотрудниками?
- Наверное, если работа того требовала. Давай запишем.

В общем, объединенными усилиями набрали «целых» шесть недостатков, которые затем и были предъявлены Александру Алексеевичу на заседании коллегии министерства.

Исполнить это было поручено его ярым недоброжелателям — Дубровиной и Михайлову. «Она» заведовала сектором школ в аппарате ЦК и пыталась командовать работой министерства, а отец не любил чьего-либо непрошеного вмешательства в свои prerogatives. «Он» же был первым секретарем ЦК ВЛКСМ и тоже стремился постоянно ввязываться в вопросы, входившие в круг обязанностей прежде всего министерства просвещения. Разумеется, отец должен был считаться с этими организациями, но садиться себе на голову никому не позволял. Именно этим людям Маленков и поручил провести упомянутое расширенное заседание коллегии. Александр Алексеевич был приглашен в президиум, и после его доклада состоялись заранее намеченные выступления участников заседания. И тут произошло нечто совершенно неожиданное: выходившие на трибуну один за другим с явно неподобающим случаю воодушевлением говорили о том, как кардинально изменилась работа министерства, какие новые и благие веяния произошли во всей системе просвещения, в школах, интернатах, институтах... Михайлов некоторое время был буквально в шоке, а потом опомнился и стал требовать от выступавших:

- Скажите, кто мешал вам в работе?
- Никто. Мы работали очень интенсивно и дружно, без помех.
- Нет, вы все-таки чего-то не понимаете... Скажите, кто именно мешал вашей работе?

Выступающий молча мнетя на трибуне. Михайлов поворачивается к нему всем корпусом, вытягивает обе руки в сторону Александра Алексеевича и, потрясая ими, восклицает:

- Так кто же, в конце концов?!
- Понурился, выступающий вынужден выдать из себя требуемое:
- Министр...

Рассказывая мне об этом, отец не столько удивлялся методам Михайлова, сколько радовался выступлениям своих коллег, тому энтузиазму, с которым они говорили о пройденном пути и о новых, еще не решенных задачах.

Дубровина и Михайлов получили вполне «заслуженные» ими поощрения: она стала заместителем министра просвещения РСФСР, а он через некоторое время — секретарем ЦК КПСС, позднее — министром культуры СССР. Тем министром, который говорил, например, так: «Что Вы мне о нем рассказываете? Он же гурман в искусстве!» Видно, путал слегка это понятие с другим, более привычным — турман... Документы, стаканы и т.п. — тоже из его лексикона. Бедная наша культура — ей далеко не всегда везло на действительно культурных руководителей.

Ну, а когда отец предупредил меня о предстоящем освобождении его от должности, я ответил ему:

— Папа, не переживай! Мы же любим тебя не за то, что ты — министр. Станешь заведовать кафедрой — проживешь на десять лет дольше, и это будет нашей самой большой радостью.

Увы, в то время я еще не понимал, что происшедшее — первая ступень не к нормальной человеческой жизни, а к спуску в ад, из которого возврата нет. Он был прозорливее, конечно, и после ареста по будущему «ленинградскому делу» Марии Алексеевны, сестры братьев Вознесенских (а именно с нее начались эти «изъятия» людей), отец, объяснив мне цели и методы деятельности Берии, Маленкова и Кагановича по дискредитации Николая Алексеевича, сказал:

— Нас всех могут физически уничтожить. Но что бы со мной ни случилось, знай всегда: перед партией и государством я не виноват ни на йоту.

К слову, в то время, когда отец пришел на работу в министерство, в ЦК партии сложилось резко критическое отношение к деятельности Академии педагогических наук и ее президента И.А. Каирова. Александру Алексеевичу даже было предложено параллельно с министерством взять на себя и руководство Академией. Он отказался, заявив, что поможет президенту в течение полугода выправить положение. И действительно, они постоянно, даже по воскресеньям (тогда был один выходной день в неделю), чаще всего в доме отдыха «Сосны», работали над проблемами Академии до тех пор, пока вопросы к ней не были сняты. И когда отца освободили от должности министра, а Ивана Андреевича назначили на нее, он сказал: «Александр Алексеевич, я не имею к Вам никаких претензий, ничего, кроме благодарности».

Когда отец сообщил мне об этом разговоре, я спросил его:

— Как ты думаешь, Каиров долго продержится на этом посту?

— Да, — ответил отец. — Он совершенно безынициативен и никогда не выдвигает никаких новых идей. А именно такие люди, как видно, сейчас и нужны.

И правда, уж не знаю, по этой ли, по другим ли причинам, но Иван Андреевич, кажется, действительно поставил рекорд длительности пребывания на этом весьма горячем участке государственной работы.

В течение всех четырнадцати месяцев, пока до гибели своей отец находился в тюремных казематах, а брат и я оставались еще на свободе, мы почему-то получали на домашний адрес письма ему как депутату Верховного Совета СССР. Видимо, их пересылал кто-то из этого госаппарата, где они были уже не нужны, потому что эти письма содержали не просьбы, а удивительно теплые слова бесконечной благодарности Александру Алексеевичу за реальную помощь людям, порой уже отчаявшимся когда-нибудь решить свои проблемы. Больше всего меня поражала парадоксальность ситуации: среди обращений к нему, находящемуся в тюрьме и притом явно накануне гибели, были письма тех, кто освободился по его ходатайству из заключения, или их родных и близких, а ведь в то время это казалось почти невозможным. К слову, даже во время войны, еще не будучи депутатом Верховного Совета, он умудрялся решать подобные головоломки. Помню, он как-то упомянул, что сумел тогда вырвать из ссылки В.В. Виноградова — будущего академика, будущее светило отечественной филологии. Впрочем, вся административно-управ-

ленческая работа отца и в Ленинграде, и в Саратове, и в Москве была ежедневно пронизана, среди других дел, конкретной заботой о конкретных людях, множество примеров чего приводится в воспоминаниях тех, кто не забыл и этой стороны его деятельности в университете и министерстве.

Не могу не упомянуть вкратце о еще одной ипостаси Александра Алексеевича: он был вице-председателем Славянского комитета СССР и Общеславянского комитета, избранного первым послевоенным Славянским конгрессом, состоявшимся в Белграде в конце 1946 года. Как представитель Советского Союза в этом Комитете, он внес большой вклад в объединение славянских народов, направленное на искоренение остатков фашизма, противодействие тенденциям его возрождения, на борьбу за мир и безопасность во всем мире, против угрозы новой войны. Интересно отметить, что движение это (может быть, в значительной мере на волне еще не остывшего энтузиазма, вызванного Победой над гитлеровской Германией и ее союзниками и военным сплочением стран, боровшихся с ними) очень активно поддерживалось, как говорится, простым народом во всех славянских странах. После ареста отца навсегда (для семьи, по крайней мере) исчезли фотографии гигантских, до ста тысяч человек, митингов на площадях Польши, когда он выступал перед этим людским морем, бесконечного человеческого потока, до отказа заполнившего центральный проспект столицы Югославии, с плывущей над ним на руках студентов Белградского университета фигурой Александра Алексеевича — представителя русского народа, великого Советского Союза. Невозможно было без волнения смотреть на счастливые, взволнованные лица и молодежи, и ветеранов, охваченных единым порывом. Такое искусственно не создашь, по заказу не организуешь... Был даже период, когда руководство одной из славянских стран прощупывало возможность ее вхождения в СССР на правах 17-й союзной республики. Сталин такую идею отклонил — видимо, из геополитических соображений. Но все это говорит о том, что в те годы братство славянских стран и народов крепло. Можно только горько пожалеть, что уже через какие-то два-три года в результате диктаторской, великодержавной политики Сталина, приведшей, в частности, к разрыву с Югославией, славянское движение надолго пришло в упадок. Оно потеряло свой поистине массовый, а в некоторых странах по существу всенародный характер, перестало быть заметной общественной силой. А ныне, через полвека, и того хуже: единокровные народы разъединены не только политически, но во многом и духовно.

Тогда же, после войны, даже при сильно и откровенно звучавшей политической составляющей этого движения, именно духовному, культурному единству славянства придавалось особенно важное значение. По инициативе Александра Алексеевича и при активной поддержке его личных друзей — президентов Белградской Академии наук Александра Белича, Пражской Академии наук Зденека Неедлы и Болгарской Академии наук и искусств Тодора Павлова, других коллег из славянских стран — были установлены разнообразные контакты между учеными, получили новый импульс исследования по славяноведению (научная сессия в этой области знания прошла с участием советских и зарубежных специалистов в Ленинградском университете уже летом 1946 года) и развернулась подготовка к проведению в Москве первого послевоенного Общеславянского конгресса ученых-славистов. Отец был избран председателем Организационного комитета, проделал большую

работу в этом направлении. К Конгрессу, намеченному на весну 1948 года, активно готовилась научная общественность Болгарии, Польши, Советского Союза, Чехословакии, Югославии, но по указанию Сталина трижды переносились его сроки. В итоге он так и не состоялся из-за упомянутых внешних и отчасти из-за внутренних (создание «ленинградского дела») политических событий 1948–1949 годов.

Теперешняя наша жизнь вновь актуализировала проблему единства славянских народов. Пожалуй, она даже стала или может стать в недалекой перспективе еще более значимой, а во многом и более сложной, чем в первые послевоенные годы. Подчеркну в связи с этим другую сторону вопроса: при всей важности укрепления духовного, культурного единения славян эта тематика и тогда не была самоудовлетворяющей. То было, повторю, движение общественно-политическое, прежде всего нацеленное на солидарность и всестороннее сотрудничество славянских народов. И последнее: «общий, принципиальный момент», говоря словами Александра Алексеевича, в укреплении содружества славян состоял в том, чтобы «не противопоставлять себя другим народам, а наоборот, не допускать ничего такого, что могло бы быть основанием или хотя бы поводом к такому противопоставлению». Иными словами, это движение по сути своей было интернационалистическим.

Идеи и практические задачи всемерного укрепления содружества славян Александр Алексеевич не только пропагандировал в своих выступлениях в печати и по радио, на массовых митингах и в научных аудиториях, на заседаниях Общеславянского комитета и Славянского комитета СССР, но и обсуждал их с руководителями Болгарии, Польши, Чехословакии, с ведущими деятелями Югославии — И. Тито, Э. Карделем, М. Джиласом. О ставшем позднее известным писателем и политиком Миловане Джиласе он говорил с особенным уважением. В свою очередь Джилас в книге «Беседы со Сталиным», вышедшей в 1961 году, тепло вспоминая о встречах с Александром Алексеевичем и Николаем Алексеевичем, написал: «Со старшим Вознесенским у меня были очень интересные дискуссии во время Всеславянского съезда в Белграде зимой 1946 года. Мы с ним сошлись на том, что официально признанная теория „социалистического реализма“ является узкой и односторонней. Еще более единодушно мы считали, что в социализме, вернее коммунизме, после создания новых социалистических стран замечаются новые явления и что в капитализме есть перемены, еще теоретически не изученные. Вероятно, и его красивая умная голова пала в безумных чистках»...

В заключение рассказа об Александре Алексеевиче — еще несколько штрихов к его духовному облику. После ареста отца во время обыска в квартире находился мой младший брат, которому проводившие эту «операцию» задавали интересующие их вопросы:

- Где ваши золото и драгоценности?
- У нас их никогда не было.
- А деньги?
- Вот — остаток от последней заработной платы отца. Это все, что есть.
- Ну, а машина где стоит?
- Машины у нас нет.
- Так что же у вас тогда есть?
- Как — что? Книги...

— И это — министр? Вот мы арестовывали министра лесной промышленности, так у него!..

И дальше взхлеб пошел рассказ о том, что, по мнению обыскивавших, должно быть у «настоящего» министра.

К слову, поскольку в то время союзного министерства и, соответственно, министра просвещения СССР не было, Александр Алексеевич фактически выполнял и его функции. Понимая это, Сталин предложил назначить ему «союзную» заработную плату — отец, однако, от этого отказался. Конечно, мы не бедствовали, но денежные проблемы нас стороной не обходили. Принося заработную плату, он прежде всего делил ее на части и говорил мне:

— Отправь, пожалуйста, это бабушке, это — ребятам (сначала трое, а позднее двое из детей оставались в Ленинграде. — Л. В.), из этого заплати за квартиру.

И, с сомнением глядя на остаток, обычно добавлял:

— Ну, а это нам на жизнь...

Для нас не было проблемы в том, что я ходил в университет в перелицованном отцовском костюме или в своей военной форме, но, правда, имел один «личный» костюм — для театра или какого-либо иного торжественного случая. Это не очень-то соответствовало стандартам жизни семей руководителей подобного ранга, однако, никого из нас такие «отклонения» не волновали и даже не интересовали. С полным основанием могу сказать, что больше всего отец боялся быть запятнанным каким-нибудь непорядочным поступком, чем-то корыстным. Недаром, переехав в Москву, он сразу предупредил близкого ему человека: «Ни одного гвоздя из министерства!» А позднее, когда тот же человек умолял Александра Алексеевича не пытаться спасти арестованную к тому времени Марию Алексеевну («Что ты делаешь?! Ты сам каждую ночь ждешь ареста!»), отец непривычно резко ответил:

— Ты что, не понимаешь: мне легче умереть, чем чувствовать себя подлецом!

Вскоре эту жизненную позицию ему пришлось подтвердить на практике самым трагическим образом. Меня и брата пригласили к ответственному сотруднику КПК при ЦК партии, расследовавшему среди прочих и «ленинградское дело». По его сведениям, Александра Алексеевича на протяжении 14 месяцев подвергали жесточайшим пыткам, стараясь поочередно создать вокруг него «дела» по Ленинградскому университету, по министерству просвещения, по Общеславянскому комитету. И наш собеседник сказал:

— Я рассматривал материалы и допрашивал тех, кто так или иначе был связан с организацией основных довоенных и послевоенных процессов, в том числе Маленкова, Булганина, тогдашних руководителей «органов» и даже следователей, создававших «дела» вашего отца и других ваших родственников. И должен сказать прямо: чудовищные пытки и издевательства применялись практически ко всем, попавшим в сталинские застенки, но два человека вынесли то, что вообще выходит за пределы любого воображения, — Александр Алексеевич и Мейерхольд. И если бы я рассказал о том, что пришлось пережить вашему отцу, вы бы сошли с ума. Так что об этом даже не пытайтесь меня расспрашивать...

И тут невольно вспомнился злобный выкрик «моего» следователя: «Смеешься? Твой отец больше года смеялся нам в лицо, когда мы называли его врагом народа! Теперь, наверное, смеется в другом месте!» Не знаю достоверно, почему именно

на долю великого режиссера (он был арестован и погиб в 40-м году) выпали такие пытки, а об отце могу сказать словами сотрудника КПК: выдержав все, он не запятнал ни одного человека и спас многих от верной гибели, не позволив создать никакого нового громкого процесса.

Что же объединяло двух столь разных, даже не знакомых друг с другом, погибших в разное время людей? Десятки лет задавал я себе этот вопрос и нашел ответ, сугубо предположительный, конечно, только в одном: общей для них была, наверное, истинная интеллигентность (которая, как многие знают, судя по «интеллигенции» наших дней, далеко не равнозначна образованности) с присущим ее носителям, в частности, обостренным до самоотвержения, до готовности идти на муки и гибель ощущением собственной Совести как императива, высшего нравственного Закона, как верховного Судии... Наверное, у людей, без лозунгов, фанфар и самолюбования посвятивших свою жизнь великой Идее (в чем бы она ни состояла) и своим современникам, вырабатывается какая-то нестандартная иерархия ценностей, особый кодекс чести, в котором самые высокие требования предъявляются прежде всего и главным образом к самому себе. Это и придает им духовную силу, делающую их лидерами не столько по должности, сколько по их внутренней сущности.

Закончу этот рассказ двумя небольшими цитатами из статей об отце: «Александр Алексеевич остался в памяти знавших его как яркая, светлая личность, как энергичный, деятельный, мыслящий, любивший жизнь и людей человек с отзывчивым, горячим и благородным русским сердцем»; «Он был одним из самых достойных сынов России».

Основные научные труды профессора А.А. Вознесенского

1. *Избранные экономические сочинения (1923–1941 гг.). — М.: Наука, 1985.*

Л.А. Вознесенский

**Евгений
Семенович
Городецкий**

ЧЕЛОВЕК. УЧЕНЫЙ, ВОИН¹¹¹

Евгений Семенович Городецкий родился 5 января 1919 года в городе Умани Черкасской области. В 1939 году окончил в Киеве среднюю школу и поступил в Московский институт инженеров связи. Со второго курса института был призван в ряды Красной Армии и служил в 1-м полку связи Московского Военного округа (МВО). С декабря 1941 года по июль 1943 года — слушатель военного факультета при Московском институте инженеров связи (МИСИ). После его окончания был направлен в 370-й артиллерийский полк 230-й стрелковой дивизии старшим радиотелеграфистом. Воевал на 1-м и 4-м Украинских фронтах, Южном, 1-м и 3-м Белорусских фронтах в составе 18-й и 5-й ударной армий. В марте 1945 года был тяжело ранен под Кенигсбергом. Награжден орденом Отечественной войны I степени и медалями.

После демобилизации гвардии сержант Е. Городецкий был признан инвалидом III группы, негодным к воинской службе, и отправлен в свободное плавание. Позднее III группа была заменена на II группу инвалида Отечественной войны.

Контузия и осколочное ранение левой скулы убили глазной нерв. Работающим остался один глаз. Врачи категорически запретили поступление в институт под угрозой полной потери зрения. Но он ринулся в мирную жизнь, как в бой, с предельным напряжением сил. И до последнего дня своей жизни оставался в строю.

В 1945 году в солдатских обмотках и шинели, худющий, голодный и счастливый Евгений Городецкий переступил порог экономического факультета МГУ, ставшего для него родным на всю жизнь: студент, аспирант, преподаватель, профессор.

Уже со второго курса у студента Городецкого формируется вкус к экономической науке, в которой есть и белые пятна, и черные дыры, и ответы не на все вопросы. Но отвечать надо. Время тяжелое, необходимо восстанавливать и поднимать экономику страны, накормить народ. И вот студент-горожанин выбирает в качестве объекта научного интереса аграрные проблемы, ибо в развитии сельского хозяйства и росте его эффективности — ключ к общему подъему народного хозяйства.

Однако в сельском хозяйстве того периода господствуют натуральные показатели, что не дает возможности оценивать и сравнивать экономическую эффективность его отраслей и предприятий, тогдашних колхозов и совхозов, научно обосновывать размещение производства сельскохозяйственных продуктов, объективно формировать цены на продукцию села. И вот первые шаги Евгения Городецкого в науке связаны со Сталинградской землей. В течение нескольких лет там работали экспедиции студентов и аспирантов экономического факультета МГУ. Одним из руководителей такой экспедиции был аспирант Е. Городецкий.

Необходимо было, отталкиваясь от практики, преодолевать господствующее мнение о том, что в колхозах не могут быть использованы категории стоимости и себестоимости продукции. А ведь именно это приводило к необоснованно низким ценам на закупки государством у колхозов их продукции и, как следствие, экономически слабым колхозам и низкому уровню оплаты труда.

¹¹¹ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки / РАН, Ин-т экономики, ВолГУ; редкол.: О.В. Иншаков (отв. ред.) [и др.]. — Вып. 5. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005, с. 131–140.

Перед ребятами стояла трудная задача: разработать основы расчета определения себестоимости. Для этого были выбраны прямые материальные затраты (семена, горючее, корма и т.д.), которые распределялись по видам продукции пропорционально прямым затратам труда. Пропорционально прямым затратам труда распределялись и различного рода общепромышленные и общехозяйственные расходы. Это был значительный шаг к определению и использованию в хозяйственной практике категории себестоимости.

Нужно сказать, что руководители колхозов живо интересовались результатами расчетов себестоимости разных видов продукции. Они сравнивали их с ценами обязательных поставок, которые были ниже себестоимости, закупочными и рыночными ценами. Последние были несколько выше себестоимости по большинству видов земледельческой и животноводческой продукции. Руководители хозяйств просили рассчитать прибыль колхоза для определения рентабельности хозяйства и сравнения с ценами на технику, стройматериалы. Интересны были для руководителей колхозов и межхозяйственные сравнения — что выгоднее в одних колхозах, а что в других.

Сначала расчет себестоимости производился на основе первичных материалов бухгалтерии. Но затем Е. Городецкий предложил методику расчета себестоимости на основе годовых отчетов колхозов, что сразу расширило сферу расчетов. Одновременно участники экспедиции знакомили бухгалтерских работников колхозов со своей методикой для того, чтобы и в последующие годы они могли самостоятельно рассчитывать себестоимость, прибыль, рентабельность.

На основе расчетов себестоимости продукции колхозов более обоснованными стали рекомендации по размещению сельского хозяйства: в каких зонах экономически целесообразнее сосредоточить выращивание зерна, картофеля, овощей или бахчевых культур; как сочетать в группе районов пойменные и степные угодья; как совершенствовать специализацию конкретных хозяйств. Сравнительный анализ структуры себестоимости позволял обосновывать меры по ее снижению за счет механизации тех или иных работ, применения более дешевых кормов, сокращения сроков откорма скота, изменений в технологии, или же отказа от выращивания некоторых культур, не приспособленных к местным условиям.

На основе работы экспедиции была написана и опубликована статья «Специализация колхозного производства Ленинского района Сталинградской области» (Вестник Московского университета. Серия экономическая. 1958. № 2). Она вызвала широкий отклик у руководства тех хозяйств, на опыте которых были осуществлены данные разработки.

Детальное ознакомление с реальной практикой сельскохозяйственного производства выявило необходимость углубленного изучения проблем ренты, хозрасчета и цены в сельском хозяйстве. К началу 60-х годов большинство экономистов-теоретиков признавали существование дифференциальной ренты при социализме, но были серьезные различия во взглядах на ее условия и причины: наличие двух форм собственности, ограниченность земли и монополию на землю как на объект хозяйствования, товарное производство и монополию на землю как на объект хозяйствования — и другие точки зрения, которые являлись определенной комбинацией перечисленных взглядов. Но среди ряда общих теоретических вопросов ренты

особое значение имел расчет величины ренты как важнейшее условие для руководства хозяйствами и оптимизации их развития. В ряде работ Е.С. Городецкого, опубликованных в 60-е годы, в том числе и в его докторской диссертации, были предложены и практически осуществлены расчеты дифференциальной ренты с использованием методов линейного программирования. Это сложные расчеты, и вряд ли есть смысл приводить их здесь тем более, что теперь использование современных технических средств и вычислительных методов в значительной степени упрощает задачу. Но в то время эти расчеты позволили выработать объективно обоснованные схемы распределения продуктов и доходов между государством — собственником земли, колхозами и отдельными производителями. Эти разработки шли в авангарде аграрных реформ, продолжавшихся не одно десятилетие, вплоть до начала хозяйственной реформы 1965—1970 годов и последующих экономических экспериментов в промышленности в 70-е и 80-е годы. Это направление научной деятельности Е.С. Городецкого нашло свое отражение и логическое завершение в монографиях, имевших серьезный общественный резонанс: «Закон стоимости в колхозном производстве» (1967), «Общественно необходимые затраты труда, стоимость и цена в колхозном производстве» (1970).

Наряду с глубокими теоретическими разработками аграрных проблем много работ Е.С. Городецкого посвящено теории и практике товарно-денежных отношений. Начиная с середины 50-х и на протяжении 60-х годов в обществе не затихали дискуссии по проблемам товарно-денежных отношений и о характере их использования при социализме. Часть экономистов еще долго отстаивала точку зрения о полной, абсолютной несовместимости социализма и товарного производства. Продукт труда при социализме, утверждали они, уже не принимает форму товара и действие закона стоимости уже полностью преодолено. Вместе с тем продукты общественного производства реализуются как товары, деньги исправно выполняют свои функции, реализация материального интереса осуществляется в стоимостной форме, а сравнительный анализ эффективности огромного многообразия отраслей, предприятий, подразделений можно провести лишь посредством стоимости, в которой угасает огромное разнообразие конкретного труда, а затраты на производство становятся сопоставимыми.

В соответствии с теоретическим пониманием роли товарно-денежных отношений и должен разрабатываться хозяйственный механизм социализма. Отсюда с неизбежностью, снова и снова, возникает вопрос об углубленной работе над системой законов, категорий и механизмов товарного производства, функционирующего на базе общественной собственности. Только на этой основе возможно совершенствовать управление производством, поднимать его эффективность, переходить на интенсивные формы воспроизводства, менять структуру производства в соответствии с новым объемом и характером общественных потребностей.

Перу Е.С. Городецкого принадлежат одни из самых интересных работ в области новых исторически определенных форм общественно необходимых затрат труда. Шаг за шагом он исследует все новые стороны и аспекты этой фундаментальной проблемы экономической науки, связанной с формированием издержек производства, анализом и учетом затрат труда, ценообразованием, стимулированием работников и трудовых коллективов в соответствии с оценкой эффективности

работы, управлением на основе экономических интересов. Именно в той области существовали прямо противоположные точки зрения и велись горячие дискуссии между представителями различных научных школ и направлений. Чтобы подойти к научному определению цены, он пишет работы «Количественная определенность общественно необходимых затрат труда и стоимости» (1971), «Соотношение количественного и качественного анализа в политической экономии» (1972), «О применении математики в экономических науках» (1974) и, наконец, «Хозяйственный механизм: его природа и направления совершенствования в условиях ускорения социально-экономического развития» (1986).

Уже в преддверии нового витка экономических экспериментов и назревших реформ вышли монографии, в которых во многом обобщены итоги научных дискуссий 70-х годов: «Общественно необходимое рабочее время и проблемы планового ценообразования в условиях развитого социализма», «Плановая цена: ее природа и использование при социализме» (1980). Последняя монография была совместным проектом советских и чехословацких ученых, вдохновителем и инициатором которого был Е.С. Городецкий. Совместно с чехословацким коллегой М. Йиргесом он был и научным редактором издания. Именно в этих работах было предложено оригинальное понимание двойственной природы плановой цены, которая, с одной стороны, в условиях централизованной государственной экономики носила черты планового норматива, инструмента планирования и учета и, с другой стороны, сохраняла свою природу и функции как форма стоимости. Она в форме определенной модификации стоимости, так называемой цены воспроизводства, способствовала определению и соизмерению затрат труда, включая их фондовую составляющую, а также сравнению различных вариантов эффективности инвестирования и производства, возмещению издержек производства и формированию прибыли предприятий. На этой основе формировались критерии оценки эффективности работы предприятий и соответствующие системы стимулирования трудовых коллективов.

Будучи специалистом в области товарно-денежных отношений, Е.С. Городецкий долгие годы сотрудничал с НИИ цен при Государственном комитете СССР по ценообразованию. Позднее, уже в конце 80-х, эти теоретические положения и разработки были заложены в основу позиции, связанной с необходимостью проведения генерального пересмотра цен, по сути, реформирования основ ценообразования как части радикальной реформы хозяйствования, концепция которой сформировалась в период 1984—1987 годов (см.: Городецкий Е.С. Теоретические предпосылки планомерного пересмотра цен // Вопросы экономики. 1987. № 3). Как ученый-ценовик Евгений Семенович стал лидером одного из известных направлений в развитии ценообразования. Его перу принадлежит более 80 научных трудов в этой области, изданных и известных не только в нашей стране, но и за рубежом — в Болгарии, Польше, Чехословакии, Китае, Японии.

Научная деятельность Е.С. Городецкого во многом связана с таким широко известным в нашей стране и за рубежом научным центром, как Институт экономики РАН (ранее — Институт экономики АН СССР). Работая в Отделе политической экономии, он много сделал для обоснования современного понимания природы и способов функционирования хозяйственного механизма, базирующегося в том числе и на использовании рыночных методов хозяйствования. Эти разработки

нашли свое отражение в научных трудах Института и личных публикациях Е.С. Городецкого. Но важно отметить то, что научный прогноз о перспективах развития хозяйственного механизма, с учетом как реформационного опыта предшествующих лет, так и реформационного вызова грядущих 90-х годов, в разработке которого Е.С. Городецкий принимал самое деятельное и непосредственное участие, вошел составной частью в Комплексную программу научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий до 2000 года. Эта программа была подготовлена Институтом экономики и предложена руководству страны как научно обоснованная и реалистическая стратегия развития на предстоящие 25 лет.

Конечно, в коротких биографических заметках, посвященных памяти ученого-воина, не раскрыть всего богатства его мысли, всей значимости его исследований для развития экономической теории и практики. Но хотелось бы посмотреть на его многолетний труд в целом, в совокупности.

Он был тонким методологом в области марксистской школы политической экономии, прекрасно знал работы предшественников К. Маркса. Он очень глубоко знал труды наших отечественных историков экономической мысли, особенно ценил работы Д. Розенберга. Е.С. Городецкий очень внимательно изучал работы А. Грамши, Лукача, в которых искал возможности современного, не dogматического прочтения творческого наследия марксизма. Во времена реформ 60-х годов, когда советская экономическая мысль начала интенсивно знакомиться с ведущими авторами зарубежной экономической науки, Е.С. Городецкий очень внимательно изучал разработки школы неоклассического синтеза, в частности работы П. Самуэльсона. Хорошо знал работы Д. Гэлбрейта. В сфере его внимания находились труды по математической экономии Р. Алена, К. Ланкастера, по линейному программированию Д. Данцига, Д. Гейла, У. Баумоля, по эконометрике Г. Тинтнера. Е.С. Городецкий был одним из тех политэкономов, которые очень серьезно, с интересом и пониманием относились к развитию отечественной математико-экономической школы, возглавляемой тогда Н.П. Федоренко, к теории СОФЭ, разработанной в ЦЭМИ РАН (тогда ЦЭМИ АН СССР). Все это, несомненно, обогащало методологический багаж ученого, усиливало доказательность и убедительность его теоретических выводов. Владение диалектическим методом исследования в соединении с современным методологическим инструментарием экономической науки, освоение математических методов анализа делали исследования более строгими, приближая их по объективности и достоверности к точным наукам. Поэтому работы Е.С. Городецкого и теперь весьма актуальны. Самые сложные мысли в них выражены ясно и доступно, но без упрощенчества, а современность и новизна делает их до сих пор интересными.

Следует отметить, что почти все работы ученого имели непосредственный и скорый выход в экономическую практику.

Большая и плодотворная научная работа становилась базой и источником педагогического мастерства. Евгений Семенович был прирожденным педагогом, интересным, артистичным и темпераментным лектором, человеком большой эрудиции и высокой культуры. Добавим сюда и огромный жизненный опыт фронтовика, гражданина, главы большой и дружной семьи. Он был любимцем студенческой аудитории, был популярен как интересный и продвинутый научный руководитель аспирантов. Сегодня многие сложившиеся и состоявшиеся ученые считают себя учениками про-

фессора Е.С. Городецкого. Под его руководством подготовлены сотни дипломных работ, защитили диссертации более 50 аспирантов и докторантов.

Е.С. Городецкий не дожил до 50-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, а он так мечтал об этом. Поэтому закончить эти заметки хочется проникновенными словами, с которыми в связи с 70-летием обратился к нему коллектив кафедры политэкономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, коллектив друзей и единомышленников, с которыми плечом к плечу он прошел путь длиной в 44 года, с 1950-го по 1994-й.

«Дорогой Евгений Семенович!

Мы поздравляем Вас, нашего коллегу и друга, ветерана Великой Отечественной войны, ветерана экономического факультета МГУ, ветерана кафедры политической экономики с 70-летием!

Работая с Вами долгие годы, мы находились и находимся под обаянием Вашей необыкновенной личности настоящего гражданина своей страны. Вы приняли на себя все тяготы военного времени, когда с оружием в руках защищали наше Отечество. В период мирного социалистического строительства Вы отдавали все силы своего ума и духа на осмысление процессов нашего экономического бытия, воспитывали многие поколения честно мыслящих исследователей-экономистов. Во всех направлениях научных исследований, в которых Вы принимали участие, заметен Ваш весомый, яркий вклад. Всегда и во всем Вы сохраняли Ваши прекрасные, очевидно, идущие из Вашей военной молодости качества: честность, порядочность, искренность, дружелюбие, бескорыстие, неравнодушие к тому, что происходит как в стране, так и на экономическом факультете, готовность принять личное участие в решении самых сложных и ответственных задач.

Мы не можем не отметить, что во все времена Вы никогда не шли на компромиссы и отстаивали те идеи, которые считали верными. Мыслями и делами именно таких, как Вы, людей готовилась перестройка. От Вашего деятельного участия зависит ее судьба.

Мы желаем Вам большого здоровья, его обязательно должно хватить для решения ответнейших для нашего будущего задач.

Желаем также здоровья и благополучия Вашей семье, которая является Вашим надежным тылом. Но и свою родную кафедру Вы также можете рассматривать как Вашу семью, которая Вас бесконечно ценит, крепко любит и очень Вами дорожит».

Далее следуют подписи-автографы более чем 50 коллег.

Пусть эти пожелания станут прощальным воинским залпом в память о необыкновенном Человеке, ученом, воине.

Основные труды профессора Е.С. Городецкого

1. *Хозрасчет и рентабельность колхозного производства*. М.: Изд-во МГУ, 1963.
2. *Закупочные цены и их роль в развитии колхозного производства*. М.: Знание, 1964.
3. *Закон стоимости в колхозном производстве*. М.: Изд-во МГУ, 1967.
4. *Общественно необходимые затраты труда, стоимость и цена в колхозном производстве*. М.: Экономика, 1970.
5. *Количественная определенность общественно необходимых затрат труда и стоимости* // Вестник Московского университета. Серия Экономическая. 1971. № 5.
6. *Соотношение качественного и количественного анализа в политической экономии* // Вестник Московского университета. Серия Экономическая. 1972. № 3.
7. *Условия образования дифференциальной ренты и ее социальная природа* // Курс политической экономии. Т. II. Глава 36. М., 1974.
8. *О применении математики в экономических науках* // Вестник Московского университета. Серия Экономическая. 1974. № 4.
9. *Использование рентных платежей в стимулировании эффективного использования природных ресурсов* // Вопросы совершенствования хозрасчетных отношений в СССР. М.: Наука, 1976.
10. *Общественно необходимое рабочее время и проблемы планового ценообразования в условиях развитого социализма*. М.: Высшая школа, 1979.
11. *Плановая цена: ее природа и использование при социализме* / Под ред. Е.С. Городецкого и М. Йиргеса. М.; Братислава: Экономика, Правда, 1980.
12. *Соотношение непосредственно общественных и товарно-денежных отношений при социализме*. М.: Изд-во ИЭ АН СССР, 1983.
13. *Хозяйственный механизм: его природа и направления совершенствования в условиях ускорения социально-экономического развития* // Вестник Московского университета. Серия Экономическая. 1986. № 3.
14. *Теоретические предпосылки планомерного пересмотра цен* // Вопросы экономики. 1987. № 3.

Е.Я. Ефремова,

кандидат экономических наук;

С.И. Половенко,

кандидат экономических наук

**Виталий
Алексеевич
Жамин**

ПАМЯТИ ВОИНА И УЧЕНОГО¹¹²

Вот уже 15 лет как Виталий Алексеевич ушел из жизни — из жизни, но не из памяти тех, кто знал его. Об этом свидетельствуют не только личные воспоминания людей, близких ему, но и некоторые публикации последних лет: «Ректоры МГПУ» (2000); «В.А. Жамин — декан экономического факультета» (Вестник МГУ. Серия экономика. 2001. № 3), а также открытие в 1999 году в Московском городском педагогическом университете на экономическом факультете музея В.А. Жамина, расположенного по адресу Москва, ул. Фабрициуса, 21.

Везде, где работал Виталий Алексеевич, а ему пришлось руководить большими коллективами людей — ученых, аспирантов, студентов, он оставил о себе светлую память, потому что обладал редкими для руководителя чертами — выдержкой и глубоким уважением к любому человеку: он никогда не позволял себе раздражительного, повышенного тона с подчиненными. Его везде знали как человека кристально честного, принципиального, при этом доброго, мягкого, интеллигентного, готового внимательно выслушать и помочь. Виталий Алексеевич сумел реализовать не только талант ученого, опубликовав более 200 печатных работ, но и другие свои таланты. Он с детства любил рисовать, а позднее и учился живописи, у него много работ, написанных маслом, акварелью. Он сочинял стихи, участвовал в самодеятельности, любил петь, танцевать, занимался переплетным делом, фотографией, снимал домашнее кино, сохранившее хронику его многочисленных путешествий и командировок.

Полнее раскрыть личность Виталия Алексеевича можно, познакомив читателя с биографией этого замечательного человека. Рассказать о нем мне поможет не только память, но и автобиографическая повесть в форме «писем к внуку», начатая Виталием Алексеевичем в 1980 году в больнице Академии наук в Успенском, где он тогда находился после первого инфаркта. К продолжению повести он возвращался еще много раз, вплоть до последних дней жизни.

Родился Виталий Алексеевич 24 марта 1920 года в селе Петухи Алтайского края. Первые воспоминания относятся примерно к 1925–1926 годам.

Отец — Алексей Степанович, вернувшись из Красной Армии, решил жить самостоятельно, но дома своего не было, и он временно арендовал баню. Как вспоминает Виталий Алексеевич, отец, на его взгляд, был несколько бесшабашным, неунывающим и веселым, но все же старательно искал свой путь в жизни. Семья несколько раз переезжала. Сначала в Гуляйполе, а затем вместе со всем колхозом в Барнаул, где природные условия были лучше. Алексей Степанович пользовался уважением среди односельчан, был одним из организаторов потребительской кооперации, а затем и ТОЗа (Товарищества по обработке земли) — впоследствии колхоза. Он был одним из наиболее грамотных крестьян (пять классов образования), и поэтому его послали на курсы трактористов. Работая трактористом, Алексей Степанович активно участвовал в жизни колхоза, и часто собрание правления проходило в доме Жаминых.

¹¹² Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 4. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. — С. 74–99.

Мама — Агриппина Игнатьевна — дочь кузнеца из украинских переселенцев была грамотной женщиной, она читала детям книги (у Виталия была маленькая сестренка — Дина), рассказывала сказки и прекрасно пела. Это была красивая, ласковая, добрая женщина. Виталий Алексеевич очень любил маму, всегда очень тепло и нежно вспоминал о ней. Лучшие черты характера матери перешли по наследству к Виталию. Его отец, дяди и тети были хорошими певцами и музыкантами. Когда они собирались вместе, то пели под аккомпанемент гитары, мандолины или гармошки русские и украинские народные песни, романсы.

Живой, впечатлительный мальчик рано потянулся к рисованию, стараясь отобразить то, что его окружало. По его собственным воспоминаниям, он часами мог рисовать, дорожил каждым клочком бумаги, пусть даже оберточной, и каждым «огрызком» карандаша. Позднее, будучи уже школьником, он рисовал плакаты, оформлял доску показателей работы колхозных бригад. Учился он хорошо, жадно впитывал, как губка, все новое, интересное. Навсегда он запомнил наказ умирающего дедушки: «Витенька, учись, учись хорошо — это тебе пригодится на всю жизнь».

Творческая натура мальчика проявилась и в клубной, колхозной самодеятельности. Лет в девять состоялся его «театральный дебют», когда в изготовленном родителями костюме чертенка он неожиданно выскочил на сцену, пугая исполнителей и приводя благосклонную колхозную публику в неопишуемый восторг. С юмором он вспоминал: «Позже, когда я учился в техникуме, в институте, я не раз участвовал в самодеятельных постановках, но такого оглушительного успеха, как в первом деревенском выступлении, не имел уже никогда».

Любую возможность Виталий Алексеевич использовал, чтобы получать знания. Одно время его мама работала почтальоном. Виталий, помогая ей разносить почту, читал газеты и журналы, а затем о самом интересном рассказывал односельчанам. Таким образом он вместе со всеми переживал изменения, которые происходили в те годы в деревне, разделял и горести, и радости соседей. Выпало на долю Виталия пережить и жестокий голод 30-х годов.

В 1932 году семья переезжает в город Бийск, где Виталий начинает учиться рисовать у профессиональных художников. Он мечтает поступить в Томское художественное училище, но отец отговаривает. Виталий соглашается с его доводами, которые подкреплялись и собственными впечатлениями подростка от безалаберной жизни знакомых художников, никогда не имевших постоянного заработка и живших от заказа до заказа, от халтуры до халтуры. В это время жизнь мальчика была омрачена двумя трагедиями: смертью матери и младшей сестры, обеих он очень любил.

Вскоре отец женился, его новая жена стала настоящей мачехой для Виталия. Он уходит из дома, оканчивает школу-интернат, а затем поступает в Бийский сельскохозяйственный техникум. В семью Виталий больше никогда не вернется — в войну его отец погибнет на фронте. В 14 лет все жизненные заботы ложатся на его юношеские плечи, все решения он теперь принимает самостоятельно. Стипендия на I—II курсах техникума была 30 рублей, а на III—IV — до 50 рублей. Из этой суммы до 25 рублей платили за столовую, надо было что-то покупать из обычных вещей, а на мыло, книги и тетради оставалось всего рублей 5–6. Летом Виталий ездит

подрабатывать в совхозы, чтобы на полученные деньги купить обувь и зимнюю одежду.

Все эти трудности его не сломали. В техникуме он по-прежнему учится с большим прилежанием и удовольствием. Он любит ботанику, но не только за возможность получить знания о жизни растений, но и за то, что надо много рисовать. С большой теплотой он вспоминает о своих педагогах по зоологии, химии, истории, политэкономии, русскому языку и литературе, а также по специальным предметам, в частности по курсу механизации сельского хозяйства. На втором курсе Виталий приобретает первый педагогический опыт, преподавая в школе агротехников, где учились молодые колхозники. Но не одна учеба входила в круг его интересов. Виталий активно участвовал в драматическом кружке, который ставил пьесы Н. Островского и современных авторов, занимался в школе балетных и русских танцев. Когда в техникуме стали выпускать художественный журнал, его оформлением занялся Виталий.

В 1937 году техникуму предоставили право послать на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву одного преподавателя и трех студентов. В их число попал и Виталий. В Москве они были всего неделю, но кроме осмотра павильонов выставки много времени посвятили знакомству со столицей — побывали в Большом театре, на Красной площади и в других памятных местах.

Наконец, защита диплома, и в счет пяти процентов от числа отлично окончивших техникум студентов Виталию Жамину предоставляется право поступать в институт. Летом он принял участие в экспедиции, организованной техникумом с целью изучения кормовых ресурсов Алтая. В своих воспоминаниях Виталий Алексеевич отмечает, что много поездил он по разным странам, но «никогда не забыть алтайские луга и горы».

Техникум дал Виталию Алексеевичу первый жизненный опыт и во многом сформировал его отношение к творческой, педагогической и научно-практической работе.

В 1938 году Виталий поступает в Новосибирский сельскохозяйственный институт на агрономический факультет, где его избирают секретарем комитета комсомола института. Когда же началась специализация при изучении аграрных дисциплин, пытливого студента ждало разочарование, он понял, что все это ему уже преподавали в техникуме, и тогда, после некоторых колебаний, он перешел на второй курс географического факультета Новосибирского педагогического института.

Учебу прервала война. В эти суровые для Родины дни Виталий Жамин твердо решил, что его место в армии. Сложность заключалась в том, что он был снят с воинского учета из-за слабого зрения. Много раз он обращался в военкомат и просил призвать его в армию. Наконец, уговорив медицинскую комиссию признать его «годным с коррекцией», был призван!

Сначала он комсорг Новосибирского госпиталя, затем, в декабре 1941 года, его направили на учебу в Военно-педагогический институт в Ташкенте. Как вспоминает Виталий Алексеевич, «только теперь началась для меня настоящая армейская жизнь». Проходили строевые учения, курсанты овладевали оружием, учились тактике, слушали лекции о военной стратегии, о формах и методах политической работы в армии и о многом другом, необходимом для службы в войсках.

Занятия проходили по ускоренной программе подготовки, и в июне 1942 года младший политрук В.А. Жамин был отправлен в Москву в распоряжение Главного Политического управления Красной Армии за назначением. Он получил приказ выехать в Казань, где формировалась 6-я отдельная лыжная бригада. Сначала он был назначен комсоргом 1-го батальона, а перед самой отправкой на фронт — заместителем по политической части Отдельной лыжной разведроты.

Бригада влилась в состав Воронежского фронта, войска которого в декабре перешли замерзший Дон и вступили в бои за освобождение деревень и сел, лежащих вдоль реки. В конце января наши разведчики подошли к городу Старый Оскол, который предстояло брать. В тяжелых боях был убит командир роты, а потом ранен его заместитель. Командование ротой Виталий взял на себя. Одетые в маскхалаты бойцы продолжали упорно продвигаться вперед. Противник вел интенсивный огонь, укрывшись за снежными валами. Подбирались к ним только ползком. Вдруг Виталий ощутил сильнейший удар по ногам (Виталий Алексеевич впоследствии рассказывал, что у немцев были отличные снайперы, они стреляли по черным сапогам, хорошо выделявшимся на снегу). Связной роты и сержант скрепили пару лыж, ползком вывезли своего командира из-под огня с поля боя и доставили в санбат.

Это было 27 января, а 29 января 1943 года всех раненых погрузили на розвальни и повезли в тыл. Уже на санитарном поезде Виталия Алексеевича доставили в Уфу, где он и пролежал в госпитале до 5 мая 1943 года. Ранение ноги оказалось с тяжелыми последствиями (до конца жизни левая нога у Виталия Алексеевича часто подворачивалась и «прихлопывала» при ходьбе), и медицинская комиссия решала — либо полностью отстранить молодого командира от воинской службы, либо, если он желает, признать «ограниченно годным» и оставить в армии. Виталий выбрал второй вариант и получил направление в город Чкалов (ныне — Оренбург) комсоргом военного госпиталя № 359.

В Чкалове он прослужил 2,5 года комсоргом, потом начальником клуба и старшим пропагандистом. В госпитале помимо работы продолжалось трудное лечение. Оно закончилось в Крыму в городе Саки, на знаменитых сакских грязях. По окончании лечения Виталию Алексеевичу было предложено либо остаться в армии, либо демобилизоваться. В январе 1946 года был подписан приказ о демобилизации, и Виталий Алексеевич поехал в Новосибирск. Надо сказать, что, еще будучи в чкаловском госпитале, Виталий поступает на третий курс местного пединститута на географический факультет заочного отделения, успешно его оканчивает и получает диплом с отличием.

Демобилизовавшись, Виталий Алексеевич работает преподавателем кафедры экономической географии Новосибирского пединститута, лектором горкома партии. В 1947 году, получив рекомендацию горкома, он поступает в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС в Москве. Однако через три недели более 10 первокурсников, среди которых и В.А. Жамин, были отчислены с формулировкой о недостаточности опыта на руководящей партийной работе, а по существу, эти места передавались высоким партийным «боссам», пожелавшим поучиться.

Уезжать из Москвы не хотелось, уже был серьезный настрой на учебу, и Виталий поступает в аспирантуру на кафедру политэкономии экономического факультета МГУ. Пришлось настойчиво и основательно изучать первоисточники по политиче-

ской экономики, философии, заниматься английским языком. В результате упорного труда за один год был сдан весь кандидатский минимум. Настала пора вплотную заняться работой над диссертацией. Была выбрана близкая Виталию Алексеевичу тема, связанная с сельским хозяйством, тема весьма актуальная, в духе того времени. Она звучала так: «Сталинская теория коллективизации сельского хозяйства». Через год, в 1950-м, диссертация была успешно защищена, и аспирантура, таким образом, была окончена не за три, а всего за два года.

За время, проведенное в аспирантуре, в личной жизни Виталия Алексеевича произошли серьезные изменения. В декабре 1948 года он женился на студентке 5-го курса экономического факультета Владимировой Ирине Матвеевне, которая в 1949 году окончила МГУ, получив диплом с отличием, и была рекомендована в аспирантуру. В помещении столовой общежития на Стромынке, где они оба тогда жили, состоялась скромная и очень веселая студенческая свадьба. Теперь вставал вопрос о работе и квартире. Выбор работы был — Виталия Алексеевича ждали на химическом факультете МГУ, где он преподавал еще во время обучения в аспирантуре, в Библиотечном институте, наконец, его ждали в Новосибирске. Но и на экономическом факультете МГУ не захотели отпускать подающего надежды молодого ученого, пообещав в будущем решить его квартирный вопрос, поскольку уже началось строительство нового здания Университета на Ленинских горах.

После защиты кандидатской диссертации Виталия Алексеевича сразу же назначили заместителем декана экономического факультета по учебной работе. В начале 1951 года его неожиданно пригласили в Министерство высшего и среднего образования СССР, попросили заполнить анкету, а потом предложили выехать в Китайскую Народную Республику для работы преподавателем. В феврале 1950 года между СССР и КНР был подписан договор о дружбе, союзе и взаимопомощи, во исполнение которого большая группа советских специалистов выезжала в Китай для оказания помощи в области образования, экономики и в других сферах жизни.

В.А. Жамин был командирован в только что основанный Пекинский Народный Университет (ПНУ). Главная задача советских специалистов состояла в подготовке китайских преподавателей как для самого ПНУ, так и для других вузов страны. Особенно важно было не только донести до китайских коллег содержание учебных дисциплин, но и научить их методике раскрытия узловых проблем, правильной постановке вопросов, логике изложения.

В Народном Университете издавался журнал «Теосяндго», где В.А. Жамин опубликовал ряд статей, в частности «Значение курсовых и дипломных работ», «О методике проведения спецсеминаров». Параллельно шло издание брошюр по отдельным темам политэкономики: «Значение марксистско-ленинской теории экономических кризисов» (1952 г. — 2,5 п.л.), «Переходный период от капитализма к социализму» (1954 г. — 2,5 п.л.), «Материально-производственная база социализма» (1954 г. — 2,5 п.л.).

В СССР В.А. Жамин в соавторстве с И.М. Владимировой издали одну из первых научно-популярных книг «Успехи экономического строительства в КНР (М.: Госполитиздат, 1953 г. — 5 п.л.), которая позже была переведена на немецкий и болгарский языки и издана в ГДР и Болгарии. Кроме курса лекций по политэкономии, в Китае В.А. Жамин читал лекции по истории экономических учений, которые были

изданы ротاپринтным способом, а затем, уже в 1956 году — типографским, в виде двух книжек (17 и 15 п.л.), а в 1957 году было осуществлено второе издание уже в виде одного томника.

За работу в ПНУ Государственный Административный совет Китая наградил В.А. Жамину медалью «Дружба».

С первых дней пребывания в КНР Виталий Алексеевич определил направление своих научных исследований (изучение сельского хозяйства), которое было наиболее актуальным, поскольку китайская экономика переживала в то время переходный период. Он постоянно встречался с китайскими товарищами из Министерства сельского хозяйства КНР, занимавшимися проведением аграрной реформы, консультировался с советскими специалистами, работавшими в Министерстве сельского хозяйства КНР.

Научная добросовестность, всегда присущая Виталию Алексеевичу, «заставила» его изучать китайский язык, чтобы самому читать статьи в китайской периодической печати, самому подбирать статистические материалы, знакомиться с передовой мыслью китайских ученых. В результате упорного труда по изучению языка В.А. Жамин перевел на русский язык работу известного китайского экономиста Чен Бода «Аграрные отношения в Китае». Писать и запоминать иероглифы Виталию Алексеевичу помогали не только переводчики, но и то, что он по натуре был художником. Надо сказать, что он в то время был единственным специалистом, овладевшим китайским языком во время пребывания в КНР.

Летом 1954 года, по возвращении из Китая, В.А. Жамин работает заместителем заведующего кафедрой политэкономии экономического факультета МГУ. Он ведет преподавательскую работу и одновременно пишет докторскую диссертацию. В 1957 году ему предлагают устроиться на полставки заместителем главного редактора журнала «Вопросы экономики».

В научном плане Виталий Алексеевич продолжает трудиться над материалами, собранными в КНР и используемыми им в работе над диссертацией. Выходят из печати его монографии «Социалистическое преобразование сельского хозяйства в КНР» (М.: Советская наука, 1957. — 4,5 п.л.), «Социально-экономические преобразования в сельском хозяйстве Китая» (М.: Сельхозиздат, 1958. — 18 п.л.). В сентябре 1958 года на заседании Ученого совета экономического факультета МГУ В.А. Жамин защитил докторскую диссертацию, став самым молодым в то время доктором наук.

В 1958 году В.А. Жамин возглавил кафедру экономики зарубежных стран и руководил ею до 1966 года. По его предложению коллектив кафедры разработал общий курс экономики зарубежных стран. Было подготовлено учебное пособие, первая часть которого «Экономика зарубежных стран. Капиталистическая система хозяйства после второй мировой войны» вышла под редакцией В.А. Жамина, а вторая — «Экономика зарубежных стран. Мировая социалистическая система», где он был автором нескольких глав, была издана в 1967 году.

В это же время на кафедре складывалось новое направление работы: углубленное изучение языка той или иной страны и ее экономики. Была организована аспирантура, где учились, в числе прочих аспирантов, иностранцы из Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Китая, ГДР.

В 1959 году Виталий Алексеевич избирается деканом экономического факультета МГУ, но на этой должности он пробыл недолго — до 1963 года. Однако именно в эти годы факультет стремительно набирал силу в области научных исследований и подготовки новых научных кадров. В этот период под руководством В.А. Жамина на факультете в 1960 году было открыто экономико-математическое отделение, а в 1962 году — кафедра ММАЭ, которую возглавил выдающийся экономист и статистик, академик АН СССР В.С. Немчинов. Была создана кафедра планирования народного хозяйства, первым заведующим которой стал в 1963 году лауреат Государственной и Ломоносовской премий профессор Л.Я. Берри. Таким образом, В.А. Жамин проявил себя дальновидным организатором науки, руководителем, обладавшим интуицией в выборе новых перспективных направлений развития науки и образования. Отметим, что декан пользовался авторитетом и искренним уважением в коллективе. После его ухода факультет долго не мог остановиться ни на одной кандидатуре и два года вообще не имел декана.

В один из апрельских дней 1963 года Виталий Алексеевич был приглашен на Старую площадь к ответственному работнику ЦК КПСС Е.М. Чехарину, который предложил ему возглавить МГПИ. Так состоялось его новое назначение, и 30 мая 1963 года приказом министра просвещения РСФСР В.А. Жамин был утвержден в должности ректора МГПИ. Это был один из крупнейших вузов страны — более тысячи профессоров и преподавателей, более двенадцати тысяч студентов и аспирантов. Исторически сложилось так, что МГПИ не имел своей относительно компактной территории. Его факультеты располагались более чем в 110 помещениях, разбросанных в семи районах Москвы, кроме того, за городом, в Подмоскovie было две агробиологических станции. Отметим, что в это время о коллективе МГПИ по Москве шла недобрая слава: бесконечные сплетни, ругательные письма и доносы, неудовлетворенные амбиции профессуры, конфликты на кафедрах философии и психологии и т.п. В этих условиях новый ректор считал необходимым выяснить общую ситуацию, познакомиться с преподавательским коллективом, выявить его проблемы, на основе изучения конструктивных предложений и пожеланий выработать у всех членов коллектива единый подход к решению главной задачи высшего учебного заведения — подготовки и воспитания высококвалифицированных специалистов. Поставив такую цель, В.А. Жамин два месяца посвятил знакомству с институтом, объезжая все его факультеты, лаборатории и хозяйственные объекты. За первые полгода ему удалось, используя свою твердую и принципиальную позицию, последовательно провести кадровые изменения, которые способствовали улучшению морального климата в коллективе института. Произошли позитивные сдвиги в организации работы ректората, было укреплено руководство кафедрами, созданы нормальные условия для профессионального роста научно-педагогических кадров.

Большое внимание уделялось реорганизации учебного процесса. В Министерстве высшего образования удалось решить вопрос о переходе МГПИ на новые пятилетние учебные планы, до этого было четырехлетнее обучение, уже не отвечавшее требованиям современности. Был осуществлен переход от подготовки многопрофильных специалистов к подготовке учителей-предметников, институт получил твердое штатное расписание, и был установлен план по приему абиту-

риентов. Много времени и сил было потрачено ректором на реализацию попытки решить вопрос о строительстве нового современного здания пединститута, которое вмещало бы все факультеты. Но в то время эту задачу решить не удалось.

Несмотря на огромную загруженность административной работой, В.А. Жамин продолжал оставаться действующим ученым. С переменой места работы соответствующим образом изменяются и его научные исследования, получающие новое направление.

В 1964 году по его инициативе впервые в СССР при МГПИ была создана проблемная лаборатория «Социально-экономические исследования в области народного образования». Это положило начало созданию у нас в стране нового научного направления. Немало было хлопот: от поиска помещения, создания материальной базы до утверждения штатов и привлечения перспективных кадров. В проекте участвовали и некоторые педагогические институты страны, а также работники Минпроса РСФСР, республиканских министерств, органов образования в краях и областях, проводились специальные обследования, организовывались научные конференции.

По вопросам, обсуждавшимся на первой конференции, была издана книга под редакцией В.А. Жамина — «Актуальные вопросы экономики народного образования» (М.: Просвещение, 1965). Немного позже на базе научных материалов лаборатории, в соавторстве с Г.А. Егизаряном была написана и издана монография «Экономическая эффективность квалифицированного труда» (М.: Экономика, 1968. — 14 п.л.). Затем в соавторстве со своим учеником С.Л. Костаняном Виталий Алексеевич издал учебное пособие «Экономика образования (вопросы теории и практики)» (М.: Просвещение, 1969. — 22 п.л.).

В этом пособии характеризуются предмет и методы экономики образования как науки, приводятся коэффициенты определения экономической эффективности, дается ряд других практических установок и положений. Все это имело немаловажное значение для признания данной науки (о том, что признание состоялось, свидетельствует переиздание этого пособия в 1986 году уже как учебника в издательстве «Просвещение»), для организации обучения специалистов по данной дисциплине, а также для постановки и изучения ее научных проблем на постоянной основе.

Правильность такого подхода подтверждает создание в составе АПН СССР Института по проблемам экономики и управления народным образованием, а несколько ранее — Института проблем высшей школы при Минвузе СССР. Благодаря усилиям лаборатории уже в середине 70-х годов во всех педагогических институтах был введен обязательный спецкурс по экономике образования, в ряде педагогических вузов открылись экономические факультеты, аспирантуры по подготовке высококвалифицированных специалистов в области экономики образования.

Знаменательно то, что работа лаборатории по экономике образования получила и международное признание по линии ЮНЕСКО. В.А. Жамин был членом комиссии ЮНЕСКО по экономике образования. Это дало ему возможность принимать активное участие в международных симпозиумах, публиковаться в странах ЮНЕСКО, а также иногда посещать их. Например, «Размещение образовательных школ», работа, написанная в соавторстве с Ножко, Усальевым, Костаняном, издана на французском языке (ЮНЕСКО. Международный институт планирования и об-

разования. Париж, 1978. — 7 п.л.), «Планирование общего и среднего образования», глава из книги «Планирование образования в СССР», также опубликована в Париже (ЮНЕСКО. Париж, 1967. — 2 п.л.) на французском и английском языках. Доклад на Московском международном симпозиуме 1968 года «О взаимодействии науки и образования» был издан на английском языке (Экономика и образование. Лондон, 1966. — 1 п.л.).

Большое научное значение имели и командировки В.А. Жамина в различные страны. Он часто ездил во Францию (штаб-квартира ЮНЕСКО всегда была в Париже), посещал и другие страны, например, Италию, Швецию, Финляндию, Канаду, США, Индию. Особенно много впечатлений, как говорил Виталий Алексеевич, оставило посещение США (5 марта — 5 мая 1965 г., города Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго, Кембридж), так как там состоялось непосредственное знакомство с организацией работы педагогических колледжей, факультетов управления бизнесом и экономических отделений разного рода. О результатах поездки В.А. Жамин сообщил ЦК КПСС в обстоятельном докладе, в котором был проведен анализ, сделаны выводы и разработаны предложения, касающиеся необходимых мер по совершенствованию системы образования, его экономики и подготовки кадров в СССР в целом на основе использования опыта работы американских высших и средних школ. Увы, руководители страны всегда находят дела поважнее образования — никто не вызвал профессора Жамина, не выслушал, а скорее всего, даже не прочитал его доклада. А жаль. Как оказалось, через 30 лет страна вплотную столкнулась с проблемами, которые были решены в США уже в 60-е годы и которые, хотя бы частично, можно было начать решать еще в СССР.

Начальники, обещавшие ректору всемерную помощь в организации эффективной работы МГПИ, с бюрократической изворотливостью уходили от решения основополагающих, важнейших вопросов жизни института. Его громадное хозяйство, кадровые проблемы, поток всякого рода бумаг, хождение по начальству, необходимость доказывать то, что было очевидным для специалиста, — все это невозможно было выдержать ученому, да и просто нормальному человеку. Виталий Алексеевич сильно подорвал свое здоровье, начались постоянные приступы гипертонической болезни, разрушавшей его сердце. Поэтому в 1966 году В.А. Жамин принимает предложение Л.М. Гатовского, директора Института экономики АН СССР, который знал его еще по журналу «Вопросы экономики», стать его заместителем.

Как заместитель директора института экономики В.А. Жамин курировал большинство отделов: общих проблем политической экономии, эффективности капитальных вложений, проблем воспроизводства, теории развития советской экономики и экономической мысли. Но его как ученого по-прежнему продолжают интересовать проблемы экономики образования. В сборнике «Факторы экономического развития в СССР», вышедшем под редакцией А.И. Ноткина, была помещена глава «Образование и квалификация кадров», а в книге «НТП и социальный прогресс» глава «Изменение характера труда в условиях научно-технического прогресса и подготовка квалифицированных кадров», написанные В.А. Жаминим. В 1971 году вышла его книга «Наука и экономика социализма» (М.: Экономика. — 14 п.л.), которая была переведена на польский язык. В издательстве «Знание» выходит брошюра «Производительная сила науки» (3,3 п.л.).

Работая в Институте экономики АН СССР, В.А. Жамин стал сотрудничать с Отделом истории народного хозяйства, руководителем которого был И.А. Гладков. В книге «Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», вышедшей в свет в 1970 году, он написал главу «Образование, здравоохранение, наука и культура».

В.А. Жамин в эти годы занимался организаторской деятельностью по созданию нового журнала «Известия АН. Серия экономическая». Дело в том, что журнал отражал только состояние естественнонаучных исследований, а экономическое направление тогда отсутствовало. По просьбе секретаря Отделения экономики АН СССР академика Т.С. Хачатурова Виталий Алексеевич занялся поисками помещения, подбором кадров и другими организационными вопросами. Журнал начал выходить в издательстве «Наука» в 1970 году с периодичностью шесть номеров в год, и до 1972 года В.А. Жамин оставался его главным редактором.

В 1972 году В.А. Жамин был командирован для работы во вновь созданный Международный институт экономических проблем мировой социалистической системы при СЭВ. Институт был очень молодым (год создания — 1971), в нем использовалась система организации по отделам и проблемным группам. Проблемную группу по структурам народного хозяйства возглавил В.А. Жамин. В группу входили ученые Болгарии, Польши, Монголии, ГДР, ЧССР. В соавторстве со Стояновым была написана книга «Структурные изменения в экономике стран — членов СЭВ», которая вышла на болгарском языке в Варне (12 п.л.). Одновременно с подготовкой ряда докладов для Исполкома СЭВ группа работала над монографией «Структурные сдвиги в народном хозяйстве социалистических стран» (18 п.л.), опубликованной в Москве издательством «Мысль» в 1976 году.

В названных работах впервые удалось поставить сложные теоретические вопросы о сущности оптимальной структуры, об основных структурообразующих факторах, дать классификацию структур, решить некоторые другие вопросы. В Секретариат СЭВ был представлен доклад «Комплексный анализ процесса сближения и выравнивания уровней экономического развития стран — членов СЭВ за 1960–1975 гг.». В связи с разработкой этой темы в соавторстве с математиком В. Перевертайло В.А. Жамин опубликовал статью в журнале «Вопросы экономики» (1976, № 4).

Одним из преимуществ работы в этом институте были довольно частые поездки по странам, входящим в состав СЭВ, причем без длительной процедуры оформления документов, так как сотрудники имели постоянные выездные визы в целый ряд государств.

В 1976 году В.А. Жамину поступило предложение от руководства Института экономики вернуться на должность заведующего отделом истории экономической мысли и обобщения опыта социалистического строительства. Это совпало с окончанием срока командировки в МИЭП МСС, где тогда же ему предлагали перейти в Секретариат СЭВ. Учитывая свои творческие планы и отсутствие склонности к работе чиновника, Виталий Алексеевич решает вернуться в Институт экономики.

Итак, снова работа в Институте экономики АН СССР. В вышеназванном отделе было четыре сектора: истории народного хозяйства (зав. сектором Ю.Ф. Воробьев), русской и советской экономической мысли (зав. сектором В.В. Орешкин),

критики буржуазных теорий и ревизионистских теорий социализма (зав. сектором Ю.Я. Ольсевич), развития политической экономии в социалистических странах (зав. сектором В.А. Жамин). Всего в отделе работало около ста человек.

Большого внимания в то время требовал к себе фундаментальный труд института «История социалистической экономики СССР», издаваемый в четырех томах. Уже был издан первый том и подписан к печати второй. Приходилось интенсивно работать, обсуждая подготовленные рукописи следующих томов, организовывать их перепечатку, вносить исправления, рецензировать и делать многое другое, что обычно сопровождает труд большого коллектива ученых.

К 1980 году были изданы все четыре тома, в каждом из которых В.А. Жаминым были написаны главы по истории науки, образования, культуры, находившихся в тесной связи с развитием экономики. За эту работу, в числе других авторов, В.А. Жамину было присвоено звание лауреата Государственной премии СССР.

Приближалось 50-летие Института экономики, и было задумано написать его историю. Составили план, распределили задания по всем отделам, выбрали авторов. Виталий Алексеевич отредактировал всю рукопись, которая была сдана в издательство и уже пошла в производство. И вдруг, летом 1979 года, рукопись отзывали: дирекция сочла, что эту книгу издавать нецелесообразно, причем никакой серьезной аргументации такому решению дано не было. Это сильно сказалось на моральном состоянии Виталия Алексеевича, очень его обидело. И впервые он почувствовал серьезные проблемы в работе сердца.

В марте 1980 года Виталию Алексеевичу исполнилось 60 лет. При обсуждении того, как отмечать юбилей, он сказал: «В ресторан я могу пригласить 20–30 человек, но я этого делать не хочу, я приглашу всех сотрудников института». В день юбилея в отделе организовали выставку картин Виталия Алексеевича, женщины накрыли столы с грузинским вином и закуской. В конференц-зале прошло заседание Ученого совета. Было множество поздравлений. А потом Виталий Алексеевич всех пригласил на банкет. В институте до сих пор никогда и никто так демократично юбилей не отмечал.

На юбилейных торжествах Виталий Алексеевич встретился с С.Р. Микульским, которого и раньше хорошо знал, тот предложил ему перейти в Институт истории естествознания и техники АН СССР, где он был директором, в качестве его заместителя. Он обещал все устроить с оформлением перевода через Президиум АН СССР, так как было ясно, что дирекция Института экономики В.А. Жамин не отпустит. В своих воспоминаниях Виталий Алексеевич отмечал, что работа в Институте естествознания (в период с 1980 по 1985 год), на которую он тогда согласился, была одной из самых интересных и ярких страниц в его жизни.

В Институте естествознания В.А. Жамин возглавил отдел науковедения, а также курировал отдел кадров, бухгалтерию, иконотеку, библиотеку и группу по изучению памятников науки и техники. При отделе науковедения по инициативе Виталия Алексеевича был создан Совет отдела, который обсуждал планы работы секторов, готовые монографии, для Ученого совета института давал рекомендации на издание работ. С учетом своих научных интересов В.А. Жамин писал отдельные разделы коллективных работ, а также был ответственным редактором.

Главной его заботой была тогда книга международного коллектива авторов «Основы науковедения». Существовал план всей работы, и уже были написаны отдельные главы. По плану ответственными редакторами были С.Р. Микульский и В.А. Жамин, который написал еще две главы, сделал ряд важных дополнений, а главу о международных связях переписал заново. Книга была сдана в редакцию, но вышла в свет только в 1985 году, уже после ухода В.А. Жамина из института. Правда, в окончательном варианте из книги оказались вычеркнутыми фрагменты, посвященные вопросам эффективности научных исследований, а также большая часть формул и целый ряд экономических характеристик. К сожалению, Виталий Алексеевич не получил поддержки у директора института в деле организации сектора по изучению экономических проблем науки, по вопросам повышения эффективности научных исследований, по разработке методологии их объективной оценки, включающей оценку научной значимости, экономической и социальной эффективности.

В повседневной суете по поводу решения бесконечных околонаучных проблем института Виталий Алексеевич не оставляет истинно научной работы и начинает в 1980 году писать монографию «Научно-техническая политика», которая сдается им в издательство «Советская Россия» и выходит в свет в 1985 году. В печатном виде эта книга также претерпела значительное сокращение.

Ухудшение здоровья Виталия Алексеевича (он уже перенес первый инфаркт) не позволяло работать с прежней интенсивностью, особенно в условиях постоянного совмещения административных обязанностей и собственно научного труда, и он принимает поступившее от декана экономического факультета МГУ В.Н. Черковца предложение возглавить кафедру истории народного хозяйства и экономических учений.

Привлекало в этом предложении еще и то, что экономический факультет находится на Ленинских горах, рядом с Главным зданием МГУ, недалеко от которого находилась квартира Виталия Алексеевича, а значит — на работу можно было ходить пешком. В условиях ухудшавшегося здоровья (болело сердце и пошаливала раненая нога) это решение было оптимальным. В январе 1985 года профессор В.А. Жамин вернулся в МГУ, круг его наиболее значительных должностных перемещений замкнулся.

Кафедра, доставшаяся профессору, в это время переживала трудное время. Коллектив погряз в конфликтах и распрях, а эмоциональное напряжение достигло высшей точки и практически остановило научные исследования. Новый заведующий сразу же его погасил, сказав: «Мы будем работать, писать статьи и учебник, а в работе пройдут или станут незаметными и незначительными все раздоры». Неввероятно, но так и произошло. Будто чудом с его приводом улучшилась рабочая атмосфера на кафедре и возник соответствующий научному учреждению настрой.

Стали публиковаться учебники, монографии, под редакцией В.А. Жамина вышло учебное пособие «Экономическая история социалистических стран» (1985); первые тома шеститомной «Всемирной истории экономической мысли»; под редакцией В.А. Жамина и Е.Г. Василевского была выпущена первая часть учебника по истории экономических учений (1989).

Это были первые годы перестройки, когда открылся доступ к новым архивным материалам, произошел всплеск интереса к экономической мысли 20-х годов. В.А. Жамину была заказана статья «Экономические взгляды Н.И. Бухарина», закончить которую Виталий Алексеевич не успел, помешали болезнь и смерть.

Виталий Алексеевич, когда почувствовал себя хуже, не стал держаться за свой пост и, оставшись профессором на кафедре, передал заведование ею молодому ученому А.Г. Худокормову, а сам продолжал читать лекции, оставался научным консультантом. Однако силы были на исходе, случился второй инфаркт, затем, с небольшим перерывом, третий, и 21 сентября 1989 года Виталий Алексеевич ушел из жизни.

Коллеги и близкие тяжело переживали его уход. Все, кто работал с Виталием Алексеевичем, относились к нему с искренним уважением. Сила В.А. Жамина как ученого и руководителя заключалась в том, что он был прекрасно эрудирован, имел основательную научную подготовку, постоянно пополнял свои знания, предпочитал периодически менять направление деятельности, чтобы исключить творческий застой, умел хорошо систематизировать рабочий материал, редактировать тексты, легко воспринимал предложения подчиненных, постоянно занимался со студентами и аспирантами, воспитывал молодых ученых и никогда не боялся их продвигать.

Анализируя деятельность Виталия Алексеевича, невольно задаешься вопросом: как мог он успешно совмещать огромную административную работу по руководству большими коллективами, которая требует ежедневных многочасовых затрат времени, с не менее трудоемкой творческой работой по написанию монографий, статей, брошюр, докладов? А ведь кроме этого он постоянно преподавал, читая курсы лекций, консультируя аспирантов, участвовал в работе нескольких ученых советов и делал еще многое другое, что сопутствует труду ученого. Результатом его педагогической деятельности стала защита под его руководством множества кандидатских и докторских диссертаций (только кандидатские диссертации защитили 53 его аспиранта).

Секрет состоит в том, что Виталий Алексеевич всегда вставал в 5–6 часов утра и занимался своими научными трудами, а потом уже ехал на службу. Такая интенсивная работа не могла не сказаться на здоровье, несомненно подорванном уже в детстве и на войне.

Деятельность В.А. Жамина высоко оценена правительством. Он был награжден орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовую доблесть» и еще шестью медалями, а также ему присуждена Государственная премия СССР.

Познакомившись с основными вехами жизни В.А. Жамина, необходимо дать оценку его творческому наследию с точки зрения сегодняшних изменений в обществе. Произошел коренной поворот к созданию нового общественно-политического строя в нашей стране. В конце XX — начале XXI века стало формироваться общество, основанное на частной собственности и частной инициативе, что не исключает развития государственной собственности, демократизации общественной жизни с целью создания высокоразвитой экономики, обеспечивающей стабильность и подъем жизненного уровня всех социальных слоев общества.

Виталий Алексеевич является основоположником новой отрасли прикладной экономики, а именно — экономики образования. Интерес к проблемам образования и науки он пронес через всю свою жизнь — от создания научно-исследовательской лаборатории, учебника по теории и практике экономики образования до разработки теории эффективности науки, оценки ее влияния на производительные силы

общества, на образование и культуру. Теоретические положения его исследований подтверждались в процессе руководства такими научными коллективами страны, как экономический факультет МГУ, МГПИ, в процессе работы в Институте экономики АН СССР, Институте естествознания и истории техники АН СССР, и нашли отражение в опубликованных научных трудах.

Сегодня все они имеют немаловажное значение для нашей страны. Образование, наука — это мозг любой нации, любого государства. В современных развитых странах проблемы образования занимают значительное место при разработке экономических теорий и применении их на практике. Чтобы добиться экономического и культурного подъема страны, необходимо, прежде всего, решить проблемы образования и науки. Однако по-прежнему государственным бюджетом России на эти цели отпускаются весьма скромные средства, поэтому особенно остро встает вопрос их эффективного использования. Этой проблематике и посвящены многие основополагающие работы В.А. Жамина. Но его ценный вклад в науку — это не только опубликованные труды, Виталия Алексеевича по праву можно считать основателем научной школы, опираясь на идеи которой в настоящее время трудятся сотни тысяч людей, в их числе и множество его воспитанников. Возглавляет эту научную школу ученик В.А. Жамина академик АПН России, академик Нью-Йоркской АН, академик Академии менеджмента в образовании и культуре — М.Л. Левицкий.

Виталия Алексеевича отличало не только умение работать, но и умение отдыхать. Он посетил много стран, и всегда находил время познакомиться с интересующими его в этих странах культурно-историческими памятниками, музеями, художественными выставками. Он умел органично совмещать полезное и приятное, чему помогала его высочайшая организованность и стремление планировать любую свою деятельность. Он объездил все республики СССР, ученики и друзья с радостью принимали его, будь он на Кавказе или в Прибалтике. Бывал он и на Украине, в Белоруссии, Средней Азии и во многих других местах.

Свою любовь к путешествиям он прививал и домашним. Летом всей семьей с родственниками и друзьями на машине мы колесили по необъятному Союзу. Особенно запомнилась поездка в Сибирь, на Алтай, в его родные края. Удивительные красоты Телецкого озера, Чуйского тракта, городов Горно-Алтайска, Бийска, Новосибирска Виталий Алексеевич старался запечатлеть в своих рисунках, на фотографиях, а позднее — и снимая кино. Дома он с большим удовольствием систематизировал и монтировал отснятые материалы и непременно приглашал широкий круг зрителей на просмотры с обязательными комментариями и пояснениями, отнюдь не лишенными замечательного юмора.

Отдыхал он также и за рисованием (обычно во время отпуска или болезни), любовь к живописи сопровождала его всю жизнь. Не обладая навыками профессионала в этой области, он компенсировал их отсутствием оригинальным видением мира и тем, что вкладывал в рисунки всю свою широкую сибирскую душу. Красоту природы и свое понимание мира он обычно отражал в пейзажах. Однако бывало, что на различных заседаниях и собраниях он рисовал дружеские шаржи, которые затем с удовольствием раздаривал «прототипам».

Лишившись в юном возрасте семьи, Виталий Алексеевич безмерно любил свою семью и дорожил ею. Даже будучи очень занятым, в выходные дни, в каникулы

всегда гулял с дочерью и сыном, сочинял для них книжки, где главными героями были выдуманные персонажи, например, Тип-Топчик. Вместе с дочерью они выпустили несколько «номеров» стенгазеты, которая называлась «Пчелка» и имела два соответствующих раздела: «Мед» и «Жало». Его постоянным увлечением была организация Новогоднего праздника с шуточной лотереей, фотовыставкой, чтением стихов собственного сочинения и тому подобным. Фотовыставки устраивались и по другим поводам, например, по случаю 40-летия свадьбы, и всегда к фотографиям добавлялись смешные подписи.

Стихи профессора иногда бывали далеки от высокой поэзии, чего от них, с его точки зрения, никогда и не требовалось, зато были всегда искренни, от сердца, наполненные добрым юмором. Посвящались они родным и друзьям, например, Е.И. Капустину и его жене Нелли, полковнику медицинской службы Н. Симонову и его жене М. Осьмовой, лечащему врачу Т.В. Косоноговой и многим другим.

Виталий Алексеевич всегда был душой компании, обладал прекрасным чувством юмора, часто обращенным исключительно на себя, был зачастую тамадой, сам пел и танцевал.

Таковы лишь штрихами обозначенные черты его многогранной творческой личности, в которых проявлялось жизнелюбие, доброта и уважение к людям.

Основные труды профессора В.А. Жамина

1. *Значение марксистско-ленинской теории экономических кризисов.* М., 1952.
2. *Социально-экономические преобразования в сельском хозяйстве Китая.* М.: Сельхозиздат, 1958.
3. *Актуальные вопросы экономики народного образования / Под ред. В.А. Жамина.* М.: Просвещение, 1965.
4. *Планирование общего и среднего образования // Планирование образования в СССР.* Париж: ЮНЕСКО, 1967. (На французском и английском языках.)
5. *Экономическая эффективность квалифицированного труда.* М.: Экономика, 1968. (В соавторстве с Г.А. Егизаряном.)
6. *Экономика образования (вопросы теории и практики).* М.: Просвещение, 1969. (В соавторстве с С.Л. Костяняном.)
7. *Образование, здравоохранение, наука и культура // Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–45 гг.* М.: 1970.
8. *Наука и экономика социализма.* М.: Экономика, 1971. (Переведена на польский язык.)
9. *Производительная сила науки.* М.: Знание, 1971.
10. *Структурные сдвиги в народном хозяйстве социалистических стран / Под ред. В.А. Жамина.* М.: Мысль, 1976.
11. *Научно-техническая политика.* М.: Советская Россия, 1985.

И.М. Владимирова,
вдова В.А. Жамина

**Максим
Матвеевич
Загорулько**

ПОРТРЕТ СОЛДАТА, УЧЕНОГО, ЧЕЛОВЕКА¹¹³

В нашей стране всегда считалось, что армия из юноши делает мужчину, а солдат, прошедший горнило войны, становится сильным духом. Жизненный путь доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, первого ректора Волгоградского государственного университета М.М. Загорулько — яркий тому пример.

Максим Матвеевич родился в станице Старонижестеблиевской Краснодарского края. Рос в многодетной казачьей семье. Старший среди братьев и сестер, он неизменно был главным организатором их семейного труда и детских игр. В ту пору в казачьих станицах взрослые обычно большую часть дня работали в колхозе, а забота о приусадебном хозяйстве, огородах, которые были главным подспорьем в жизни семьи, целиком ложилась на плечи стариков и детей. Именно в это время формировалось одно из главных качеств М.М. Загорулько — умение так организовать труд, чтобы достичь реальных результатов.

Возвращаясь мысленно к своему отрочеству и юности, в кругу друзей Максим Матвеевич иногда говорил, что если руководствоваться формальной логикой, то можно считать, что сама жизнь делала из него врага Советской власти. 15 марта 1930 года его отец, Матвей Степанович, был несправедливо осужден пресловутой «тройкой» по статье 58-П УК за участие в повстанческой организации и вместе с семьей выслан в село Дивное Ставропольского края. Жизнь лишенных гражданских прав ссыльных поселенцев была полна унижений и обид. Легко было озлобиться и искалечить жизнь себе и близким, но родители Максима Матвеевича никогда в семье не хулили власть, не высказывали своих обид и так построили отношения с детьми, что, несмотря на все произошедшее, из них выросли достойные граждане, патриоты Отечества.

В 1941 году Максим Матвеевич пошел в десятый класс, но учиться не пришлось, так как юношей и девушек сразу же направили на строительство оборонительных рубежей. В 1942 году толком недоучившиеся мальчишки получили повестки. У директора школы хватило мудрости без выпускных экзаменов, в нарушение инструкций, выдать ребятам аттестаты об окончании школы. Лишь немногим удалось впоследствии ими воспользоваться. В том же году Максим Матвеевич смог вступить в комсомол.

Обстановка на фронте была такова, что призывников некогда было серьезно готовить к боям. Их «лишь подучили, как винтовку держать». Всем было ясно, что вот-вот их бросят в бой. И тут произошло событие, которое, по словам Максима Матвеевича, в одночасье заставило его повзрослеть, стать мужчиной. Один из его сослуживцев, посланный рубить дрова, решил на членовредительство, чтобы избежать отправки на передовую. Вечером того же дня его, на основании приказа № 227, известного как «Ни шагу назад!», осудили и публично расстреляли.

А вскоре еще не нюхавший пороха командир отделения М.М. Загорулько попал на передовую на подступах к Сталинграду. Первые залпы артиллерии противника

¹¹³ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 3. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. — С. 56–71.

накрыли молодых солдат. Максим Матвеевич был контужен и оказался в госпитале. Тогда он не знал, что средняя продолжительность жизни солдата в Сталинградской битве составляла всего один день.

После выздоровления Максим Матвеевич был направлен в школу снайперов, которую успешно закончил, но на фронт не попал, поскольку командование решило оставить солдата, имевшего каллиграфический почерк, при штабе и вменить в обязанность подготовку конспектов учебных занятий. Никакие просьбы и рапорты об отправке в действующую армию не помогали. Положение «нецелованного» паренька стало отчаянным, когда очередной набор курсантов в школу оказался целиком девичьим. Было бы счастье, да несчастье помогло! После обострения заболевания, вызванного недавней контузией, М.М. Загорулько вновь оказался в госпитале. Здесь ему удалось уговорить врачей направить его на фронт.

Максим Матвеевич, пройдя ускоренную подготовку в Саратове, был распределен в полк САУ 7 Механизированного корпуса РГК наводчиком орудия. Боевой путь корпуса начался с форсирования Днепра у Днепропетровска. С боями брали Кривой Рог, Знаменку, Кировоград, Первомайск, Кишинев, Тирасполь, Леушены. Затем было участие в операциях по освобождению Румынии, Болгарии, Венгрии, Словакии, Чехии. Кровавопролитные бои за Дебрецен, Будапешт, у озера Балатон, бои за Брно и Прагу. Пять раз М.М. Загорулько горел в боевой машине. Метко бил из орудия. Вступал в рукопашные. Терял боевых друзей. Сам неоднократно был ранен.

После одного из боев Мелания Исаевна получила на сына похоронку. По словам матери, она «вымолила» своего первенца у Бога. Максим Матвеевич остался жив, получил звание старшего сержанта и окончил войну в Праге командиром САУ, имея боевые награды: орден Красной Звезды, медали «За Отвагу», «За взятие Будапешта», «За взятие Праги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В послевоенное время М.М. Загорулько был награжден орденом Отечественной войны I степени и медалями.

На фронте Максим Матвеевич вступил в члены ВКП(б). Принимал его в партию И.В. Порох, в послевоенные годы один из видных советских историков. К несчастью для кандидата накануне в бою у него сгорел комсомольский билет, и решение по вопросу о принятии красноармейца в партию было отложено на год. Встречаясь с Игорем Васильевичем уже после войны, они с улыбкой вспоминали этот эпизод, положивший начало их многолетней дружбе. В одном из писем Максиму Матвеевичу И.В. Порох так выразил свои чувства: «Общение с Вами всегда для меня было приятным. Вы человек увлеченный, деятельный, обаятельный, очень доброжелательный. Оставайтесь и впредь таким же!».

8 мая 1945 года Максим Матвеевич написал матери: «Цветов очень много! Машина вся в букетах, не в бой ехать, а только на парад!». В тот день вечером словак, хозяин дома, где квартировал экипаж М.М. Загорулько, неожиданно разбудил постельщиков и, пригласив их в свой цветущий сад, предложил выкопать бочку вина и отметить долгожданную Победу!

К сожалению, участвовать в Параде Победы Максиму Матвеевичу Загорулько и его товарищам не довелось. Их погрузили в эшелон и, минув Москву, отвезли на Дальний Восток, где бывалые фронтовики получили новое обмундирование и молодое пополнение. Затем был бросок через Большой Хинган на Таоань и Шэньян

(Мукден). Войну с Японией М.М. Загорулько закончил в Порт-Артуре. На груди старшего сержанта появилась медаль «За победу над Японией».

Домой солдат вернулся только в марте 1947 года. Как человека партийного, буквально на следующий день после прибытия его направили работать секретарем Апанасенского РК ВЛКСМ в селе Дивном. «Здесь как никогда, — впоследствии вспоминал Максим Матвеевич, — почувствовал, что нужно учиться». Хотелось осмыслить пережитое, сохранить память о подвигах товарищей по оружию. Вот когда Максим Матвеевич добрым словом вспомнил директора школы, который выдал всем выпускникам аттестаты!

К лету того же года выбор был сделан. Двадцатитрехлетний фронтовик поступил на исторический факультет Ставропольского педагогического института. Он спешил жить. Досрочно сдавал сессии. Участь на первом курсе, влюбился в сокурсницу Викторину Гавриловну Березовскую и вскоре женился. Подрабатывал, как мог, чтобы содержать свою семью и помогать родителям, брату, трем сестрам. Голод и сон отгонял куревом. Ему удавалось досрочно на отлично сдавать все экзамены, но платой за успехи было крайнее истощение. Староста группы, моряк-фронтовик Л. Чернавин, рассказал обо всем в парткоме. Максима Матвеевича направили в санаторий, где двойные обеды сделали свое дело. Затем его приняли на работу лаборантом на одну из кафедр.

Четыре курса института и аспирантуру М.М. Загорулько окончил за шесть лет. Увлечение экономической историей привело к тому, что выпускник-историк в 1953 году успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Роль электрификации в организационно-хозяйственном укреплении колхозов». В 1950–1955 годы вышли первые научные и газетные статьи молодого исследователя, посвященные вопросам электрификации сельского хозяйства.

В 1955 году М.М. Загорулько с семьей переехал в Смоленск, поскольку был назначен на работу в Смоленский педагогический институт старшим преподавателем кафедры политической экономии. 27 декабря 1956 года ему было присвоено ученое звание доцента. Вскоре коллеги избрали его деканом историко-филологического факультета. Выполняя учебные поручения и организуя жизнь факультета, Максим Матвеевич по мере сил продолжал научную работу, нащупывая тему своих будущих исследований. Он писал научные статьи, рецензии, выступал в газетах по вопросам оптимизации производства, повышения производительности труда, поиска резервов, популяризировал марксистское экономическое учение.

В 1957–1958 годы ученый был кандидатом в члены Смоленского обкома КПСС, а в 1959–1961 годы перешел на работу в Смоленский обком КПСС заведующим лекторской группой, но по-прежнему преподавал и в вузе. В эти годы М.М. Загорулько, по его словам, приобрел богатый опыт общения с людьми из разных социальных слоев. Он познакомился с П.К. Пономаренко, А.Ф. Юденковым, Н.И. Макаровым, В. Картуновым, В. Марковым и многими другими людьми, сыгравшими значительную роль в его жизни. Сам Максим Матвеевич не затерялся среди преподавателей института. Один из его смоленских учеников, М.И. Овечкин, спустя тридцать семь лет после отъезда Максима Матвеевича, так написал о своем учителе: «Все эти годы пронес добрую память о Вас, стремился учиться у Вас жизненному оптимизму, ра-

ботоспособности, энтузиазму, умению быть масштабным в любой среде. Сердечное спасибо Вам за все, мой добрый учитель! Горжусь тем, что был Вашим учеником!».

На рубеже 50–60-х годов о себе напомнила контузия, полученная в первом бою. Врачи предупредили Максима Матвеевича о том, что ему нужно срочно менять место жительства и перебираться в город с ярко выраженным континентальным климатом. Таким местом оказался только-только поднявшийся из руин Волгоград, в котором в начале 60-х годов возрождалась высшая школа.

В 1962 году доцент М.М. Загорулько был избран заведующим кафедрой политической экономии Волгоградского политехнического института и проработал в этой должности девять лет. Он читал общий и специальные курсы по политической экономии капитализма и социализма. Публиковал статьи и брошюры по вопросам организации и функционирования совнархозов, определению роли партийного контроля, повышению эффективности труда на различных предприятиях Волгограда. Под его руководством было выполнено несколько крупных хозяйственных проектов: «Анализ производительности труда по факторам по заводу нефтяного машиностроения им. Петрова Нижневолжского Совнархоза в 1958–1961 гг.», «Анализ фактической эффективности оргтехмероприятий, направленных на повышение производительности труда за 1963–1964 гг. на предприятии п/я 14 Нижневолжского Совнархоза», «Совершенствование ценообразования на продукцию машиностроения, поставляемую в порядке международной специализации и кооперирования» и другие. В 1963 году М.М. Загорулько стал одним из авторов весьма востребованной в то время коллективной монографии «СССР от XXI к XXII съезду партии» (М., 1963). Не порывал он связей со Смоленском, где вышли его брошюра и несколько статей по вопросам социально-экономического развития области. Ездил в командировки на научные конференции в Финляндию (1965), Югославию (1966), США (1967), ФРГ (1970), ГДР (1970).

Проводимые М.М. Загорулько научные исследования способствовали выбору темы докторской диссертации — изучение экономики фашистского оккупационного режима на территории СССР. В 1967 году вышла его первая статья по этой проблеме «Структура фашистского военно-экономического ограбления оккупированных территорий СССР». Три года спустя в соавторстве с А.Ф. Юденковым в издательстве «Экономика» была опубликована его монография «Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР», которая вскоре была переведена на чешский язык. В 1970 году Максим Матвеевич был награжден медалью «За доблестный труд».

В 1971 году М.М. Загорулько был назначен ректором Волгоградского педагогического института и проработал в этой должности девять лет. Новая работа опять поставила ученого-фронтовика в жесткие условия: нужно было завершать докторскую диссертацию, чтобы затем сосредоточиться на очень непростой работе руководителя одного из известных вузов Российской Федерации.

В 1974 году вышло второе существенно дополненное и доработанное издание книги «Крах плана „Ольденбург“», объем которого вырос на 10 печатных листов. В 1975 году в диссертационном совете Ленинградского государственного университета М.М. Загорулько защитил докторскую диссертацию «Экономическая политика фашистской Германии на оккупированной территории СССР и ее крах». Официальными оппонентами выступили профессор С.И. Тюльпанов, профессор Н.Д. Колесов,

профессор Ф.В. Грачев, ведущей организацией была кафедра экономической истории Ленинградского финансово-экономического института. Совет пришел к заключению, что диссертация М.М. Загоруйко «представляет собой глубокое научное исследование малоизученной проблемы Второй мировой войны. <...> Автор показывает механизм и объемы хищнического ограбления Советского Союза, насаждения государственно-монополистического капитализма на советской территории». В 1976 году Загоруйко получил аттестат профессора.

Наиболее важным достижением ректора ВГПИ М.М. Загоруйко было то, что он первым среди руководителей педагогических вузов страны организовал целевую подготовку учителей для села. Его коллеги вспоминают, что по инициативе Максима Матвеевича модернизировался учебно-научный комплекс института: было построено общежитие, реконструированы столовая и зоологический музей, заложен современный учебный корпус. В эти годы в число студентов ВГПИ влилось много юношей и девушек из зарубежных стран, широко развивался обмен преподавателями и аспирантами, проводились международные научные конференции. Максим Матвеевич много раз ездил в ЧССР, ГДР, ВНР, возглавил общество чехословацко-советской дружбы. Ученый совет Остравского педагогического университета высоко оценил вклад М.М. Загоруйко в развитие образования ЧССР, избрав его в 1975 году почетным профессором и наградив памятной медалью Яна Амоса Коменского.

Многие ученики Максима Матвеевича вспоминают о бурной общественной жизни ВГПИ в то время: о многочисленных конференциях, семинарах молодых ученых, аспирантов, студентов, о политических диспутах, всевозможных творческих конкурсах, непременным участником и вдохновителем которых был ректор. Выпускники отмечают его уважительное отношение к молодым ученым, умение работать с ними на равных, высокую самодисциплину, которая сочеталась с общительностью, способность увидеть и поддержать новое в науке, образовании, общественной жизни.

В 1972 году Максим Матвеевич был избран членом Волгоградского горкома КПСС, а в 1973 году — депутатом Волгоградского горсовета. Наукой занимался урывками. Тем не менее совместно с А.Ф. Юденковым было подготовлено третье издание монографии «Крах плана “Ольденбург”», которое вышло в 1980 году на русском и чешском языках в Москве и Братиславе. Большинство написанных в то время статей было посвящено вопросам учебно-методической и организационно-методической работы. В эти годы Максим Матвеевич был награжден почетным знаком «Отличник просвещения» и почетными грамотами Министерства просвещения РСФСР.

В феврале 1980 года М.М. Загоруйко решением Волгоградского обкома КПСС был рекомендован Минвузу на должность руководителя ректорской группы создаваемого в Волгограде государственного университета. Ректорская группа состояла из одного человека — руководителя, которому выделили стол и стул в отделе науки Волгоградского обкома КПСС. В одночасье человек, управлявший крупнейшим вузом города, оказался один на один с собой, снова нужно было начинать все почти с нуля. «Это, — говорит Максим Матвеевич, — нужно было пережить, это далось не просто, но позже пришло осознание того, что судьба подарила уникальный шанс: совершить большое дело — руководить созданием в Волгограде классического университета».

1 сентября 1980 года первые 250 студентов единственного факультета естественных и гуманитарных наук приступили к занятиям по пяти специальностям в только

что сданном учебном корпусе университета. Коллеги-единомышленники из «первого университетского призыва» и сам Максим Матвеевич рассказывают много историй о том, как начинался университет. Но это тема для мемуаров, а в небольшом очерке ограничимся лишь тем, что подведем основные итоги пятнадцатилетней работы профессора М.М. Загорулько в должности ректора ВолГУ. В 1995 году учебно-научный комплекс университета состоял из пяти учебных корпусов, общежития, столовой. Строился спортивный корпус и было заложено здание библиотеки. На шести факультетах по 19 специальностям обучалось 6423 студента, 97 аспирантов. В университете были сформированы 34 кафедры, работали 372 преподавателя, из них 18 докторов и 145 кандидатов наук. Успешно функционировали четыре совета по защитах кандидатских диссертаций. Книжный фонд библиотеки насчитывал 509 тысяч томов, а парк ПЭВМ — 444 станции. Объем госбюджетных и хоздоговорных НИР достиг 510 тысяч рублей. Университет успешно сотрудничал с вузами и научными учреждениями Чехословакии, Германии, США, Бельгии, Буркина-Фасо (Республика Верхняя Вольты).

С 1983 по 1995 год М.М. Загорулько возглавлял совет ректоров вузов Волгограда. С 1984 по 1989 год являлся членом обкома КПСС. Работал членом экспертного совета ВАК РФ. В 1993 году был избран действительным членом Международной академии высшей школы, через год — Экологической академии и Академии гуманитарных наук. В 1994 году избран Почетным профессором Волгоградского государственного университета. В 1995 году вошел в состав Научно-технического совета Госкомвуза Российской Федерации.

В 1984 году труд первого ректора ВолГУ М.М. Загорулько был отмечен и правительственной наградой — орденом Дружбы народов. В 1994 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», в 1995-м — «Почетный работник высшего образования». М.М. Загорулько не раз был награжден почетными грамотами Министерства образования СССР и РСФСР, Госкомвуза РФ, ВАК РФ. В 1996 году Указом Президента Российской Федерации «за особые заслуги в деле развития российского образования» ему была назначена персональная пенсия. В 1998 году Максим Матвеевич Загорулько стал почетным гражданином Волгограда.

В 1995 году М.М. Загорулько оставил должность ректора университета и был назначен на пост директора НИИ Проблем экономической истории России XX века ВолГУ, института, который еще предстояло создать. Сложность состояла в том, что специальность «Экономическая история России» в 90-е годы переживала не лучшие времена. Ученых, занимавшихся этими проблемами, не то что в Волгограде, но и во всей России становилось все меньше. Не было и достаточных источников финансирования, но была реальная помощь со стороны Госкомитета РФ, вскоре преобразованного в Минобрнауки Российской Федерации, со стороны руководства университета, коллег из разных вузов и научно-исследовательских институтов страны, учеников. В процессе обсуждения возможных выходов из сложившейся в науке ситуации родилась идея построить работу института на основе дистантной модели организации научного сотрудничества.

В рамках предложенной модели в Волгоградском государственном университете был впервые создан НИИ нового типа — минимальный по численности коллектив, который взял на себя функции по обеспечению организационной, финансовой, информационной и издательской поддержки научных исследований. Конкретные

научные разработки выполнялись учеными из разных городов страны по трудовому соглашению. Под руководством М.М. Загоруйко разработана межвузовская научно-исследовательская программа «Актуальные проблемы экономической истории России XX века», которая получила поддержку Министерства образования РФ, а отдельные проекты — поддержку Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), фонда «Открытое общество». По итогам исследований под редакцией М.М. Загоруйко стал выходить российский научный ежегодник «Экономическая история России: проблемы, поиски, решения» (Вып. 1–5. Волгоград, 1999–2004. — Издание продолжается). Институт выступает одним из организаторов ежегодной международной научной конференции «Вековой поиск путей хозяйственного развития России». Несколько лет спустя успешный опыт историко-экономических разработок был перенесен на регион.

В НИИ были разработаны и региональные научно-исследовательские программы «Геополитические и этнокультурные особенности экономической истории Приазовья и Прикаспия», «Изучение и использование историко-культурного и природно-ландшафтного наследия Волгоградской области». Институт стал выпускать под редакцией М.М. Загоруйко региональный научный ежегодник «Стрежень» (Вып. 1–4. Волгоград, 2000–2004. — Издание продолжается). НИИ является одним из организаторов Волгоградских областных краеведческих чтений. Помимо этого, в процессе реализации конкретных исследовательских проектов был подготовлен полный «Библиографический указатель Трудов Вольного экономического общества» (Т. 1–2. М., 2000), выполнены исследования по экономической истории казачества на Волге и Дону, по истории религиозных организаций в Нижнем Поволжье в первой половине XX века.

По инициативе директора НИИ совместно с историческими факультетами Санкт-Петербургского и Волгоградского университетов были организованы Волгоградские областные юношеские чтения, по итогам которых выходит сборник «Сталинградская битва в истории России» (Вып. 1–8. СПб; Волгоград, 1997–2004. — Издание продолжается). По существу, были предложены новые формы патриотического воспитания молодежи через приобщение к исследовательскому труду. Сегодня некоторые из участников первых чтений стали уже аспирантами.

Постепенно в институте из учеников профессора М.М. Загоруйко: докторантов, аспирантов, соискателей — начала складываться научная школа, основными направлениями исследований которой стали изучение экономики немецкого оккупационного режима, разработка проблем, связанных с использованием иностранного капитала в народном хозяйстве СССР в 1920–1940 годы, проблем, касающихся трудового использования военнопленных в СССР в 1939–1956 годы, изучение истории Сталинградской битвы. Приоритетным направлением работы института стало издание источников по экономической истории СССР, таких как многотомные собрания документов «Военнопленные в СССР в 1939–1956 гг.» (Т. 1–2. М.; Волгоград, 2002, 2003), «Отечественный опыт концессий» (Т. 1. М., 2003), «Царицын — Сталинград — Волгоград. Документы и материалы» (Т. 1–2. Волгоград, 2002–2003), тематические сборники «Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX в. (Волгоград, 1998)», «Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX в.» (Волгоград, 2002).

Многие научные идеи М.М. Загорулько нашли продолжение в исследованиях его учеников: он был научным консультантом в работе над докторскими диссертациями Ю.М. Бусурина, В.Н. Косторниченко, О.Ю. Редькиной, С.Г. Сидорова, руководил написанием кандидатских диссертаций А.С. Бондаренко, В.В. Булатова, О.В. Воробьевой, Э.В. Искренко, Ю.А. Исаева, Ю.Н. Константинова, Э.В. Кузьминой, И.В. Митрофановой, В.В. Тараканова, Г.В. Тимофеевой и других.

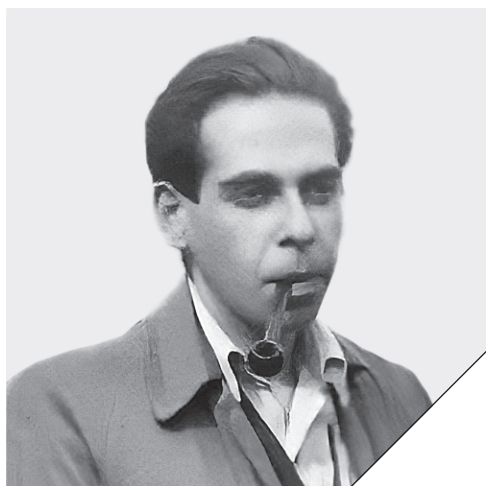
Перечисленное — лишь малая толика работ, проектов, реализуемых директором института и его единомышленниками. А сколько еще идей, задумок, планов! Представляется, что в последнее десятилетие в полной мере раскрылся талант Максима Матвеевича Загорулько как организатора и вдохновителя научных исследований, талантливый педагога, закладывающего в Волгограде основы новой научной школы, исследующей экономическую историю России XX века.

В своей жизни М.М. Загорулько, как большинство советских солдат, пришедших с фронта, успел сделать столько, что хватило бы на несколько жизней, жизней тех, кто остался на полях сражений Великой Отечественной войны, тех, кто не дожил до долгожданной Победы.

Основные труды профессора М.М. Загорулько

1. Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1970.
2. Zaborulko M.M., Judinkov A.F. Krach planu «Oldenburg». Praha, 1973.
3. Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург». О срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР. М., 1974.
4. Загорулько М.М. Предисловие, темы 2, 9, 10, 12, заключение // Основы экономической теории и практика рыночных реформ в России / Под ред. М.М. Загорулько, О.В. Иншакова, В.Н. Овчинникова. М., 1997.
5. Загорулько М.М. Ежегодник «Экономическая история России: проблемы, поиски, решения» — новый этап реализации Всероссийской научно-исследовательской программы «Актуальные проблемы экономической истории России XX века» // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. I. Волгоград, 1999. С. 10–23.
6. Загорулько М.М., Иншаков О.В. Концессии в годы НЭПа: исторические корни, принципы и механизмы реализации (научно-методические основы исследования): Препринт # WR/2002/16. Волгоград, 2002.
7. Загорулько М.М. Материалы судебных процессов начала 1930 гг. как источник по истории народного хозяйства СССР (по фондам архива Управления Федеральной службы безопасности России по Волгоградской области) // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. II. Волгоград, 2000. С. 372–374.
8. Загорулько М.М. Вступительная статья / Военнопленные в СССР (1939–1956 гг.) / Под ред. М.М. Загорулько. М., 2000.

И.О. Тюменцев,
доктор исторических наук, профессор

**Клементий
Германович
Камушер**

МУЖЕСТВО В ЖИЗНИ, ПРОСВЕТЛЕННОСТЬ В НАУКЕ¹¹⁴

Выпускники советских вузов послевоенных лет, пришедшие с войны! Они были разные: внешне, по человеческим качествам, по темпераменту, способностям выполнять общественные дела (это действительно были «дела», а не «нагрузка», как тогда это называлось). У всех — разные судьбы: и в военное время, и в мирной жизни. Слава Богу, кому-то посчастливилось, и он вернулся с войны на вид здоровый, хотя понятно, что раны были внутри, и были они у всех. Эти внутренние раны перевоплощались в одухотворенность, в желание жить, страстно и жадно пить из чаши знаний. Это было счастье, которое они завоевали своим военным прошлым.

Среди той яркой плеяды студентов-фронтовиков был Клементий Камушер, поступивший на экономический факультет МГУ в 1945 году и окончивший его в 1950 году. Он был необычен, как необычна его биография. Вот страница из нее — типичная и в то же время логичная и естественная для нашей бывшей огромной страны, которую теперь многие из нас вспоминают и недостижимо величают «потерянной Империей». Теперь мы знаем, что такое жить в Империи, а не в разорванном по законам древности мире анклавов.

Клементий Германович Камушер родился 23 ноября 1924 года в столице Эстонии Таллине в семье состоятельного еврейского предпринимателя — банкира. Мать работала врачом. Мальчик рос очень способным. Будучи учеником гимназии приобщился к передовым демократическим идеям и стал их активным защитником. Уже в те годы он проявлял интерес к проблемам социального и экономического характера. В гимназии нередко возникали на политической и идейной почве стычки между учащимися, доходившие подчас до драк. Камушер был их непременным участником и всегда выступал на стороне правды и справедливости.

После начала Великой Отечественной войны (Эстония к этому времени уже была присоединена к СССР) Климентий Германович и вся семья были эвакуированы в Узбекистан. Вскоре он вступил в Советскую Армию и сражался в действующих частях до конца 1944 года, когда был тяжело ранен.

Каким он был на факультете? Ярким! По своим знаниям. По интеллекту. «Западник!», пропитанный мировой культурой, свободно владеющий европейскими языками. Нам, представлявшим на факультете другое поколение — «школьное», всегда казалось, что в этом сильно хромящем студенте с орлиным взглядом, в европейском костюме, а не в сохранившемся с войны френче защитного цвета, — и Фауст, и Бах, и Бетховен, Кейнс и «Капитал» Маркса! Таким он нам виделся. И мы ничего не можем поделать с этим нашим восприятием. Ему наши «пятерки» на экзаменах, наверное, казались детской игрой. Что ему «пятерки»? Он был посвященным в науку глубоко — не за отметки. И не за отметки слыл истинным гуманистом.

...То было пока еще «карточное время». На Стромынке, в общежитии, случилась беда. Одна из студенток курса потеряла продуктовые карточки. Кто помнит, тот знает, что это такое. Но были же рыцари! Камушер отдал сокурснице свои карточки!

¹¹⁴ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 11. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. — С. 122–127.

Он был закаленный войной эстет и гуманист. (Кто скажет, что сам он в это время был на грани голода.)

Вот таким он был.

Добрый, воспитанным, гуманным! После окончания университета — преподаватель политической экономии, в соответствии с записями в наших дипломах, сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. Непременный и активный участник научных конференций, проводившихся в рамках ИМЭМО и вне его. Он спешил насладиться своей профессиональной работой.

Но самого его судьба не пощадила. Война следовала по пятам. Сказывалось тяжелое ранение, полученное им в 1944 году в одном из боев с фашистами. Порожденная жестокой болезнью, начавшейся с раненой ноги, неподвижность постепенно сковывала тело... Дошло и до зрения. Это была страшная судьба физического тела. Но и она не коснулась мозга, не изменила страстного желания интеллектуального постижения мира. До конца его жизни.

Все бrenно! Кроме памяти о людях ушедших и кроме идей, которые удалось сохранить. Книги — лучший резервуар памяти, остающейся о человеке. Клементий Германович Камушер успел издать книгу: «Государственные расходы и проблемы рынка в США» (М.: Наука, 1965. — 134 с.). В основу работы была положена кандидатская диссертация. Сегодня данное издание, видимо, стало библиографической редкостью. Однако нам удалось обнаружить книгу в Российской государственной библиотеке в Москве.

Научная тема, которой занимался Камушер, по тем временам была новаторской. Официозная теория отрицала возможность регулирования экономики буржуазным государством. Это и сегодня так (уже у нас!). В современном российском официозе отвергается необходимость вмешательства государства в хозяйственные процессы, проводится линия надежды на «вездесущую руку рынка». Какое, однако, заблуждение!

Автор был прозорлив. Он многое увидел и о многом заставляет задумываться вновь (уже нас, сегодня). Поэтому мы сочли нужным немного сказать о его книге. Не в порядке рецензии, а в порядке демонстрации того, какие были люди! Как мыслили! В какое подвижничество превращали свою жизнь!

Работе над книгой К.Г. Камушер посвятил несколько лет. Она написана на основе тщательного изучения большого количества американских источников. Исследовательские усилия автора были сосредоточены на периоде после Второй мировой войны и особенно на этапе 1953–1964 годов, когда шла подготовка к непосредственному вторжению американской военщины во Вьетнам, начавшемуся после спровоцированного со стороны США Тонкинского конфликта (август 1964 года). Читая книгу сейчас, чувствуешь ее актуальность и сегодня. Война во Вьетнаме! Она была не единственной причиной роста американского милитаризма. Тогда мы часто произносили слова о том, что Соединенные Штаты Америки готовили новый мировой конфликт с применением ядерного оружия. (Кажется, это не было преувеличением так думать.) В работе показано, что именно данное обстоятельство и привело к колоссальным военным расходам, составившим огромную часть государственных расходов правительства США.

С позиций сегодняшнего дня интересно оценить тогдашний уровень понимания сути проблемы. Анализируя долю государственных расходов до и после войны, К.Г. Камушер приходит к выводу, что расходы правительства на антикризисные мероприятия 30-х годов в соответствии с рекомендациями Кейнса были ничтожно малы в сравнении с тем, что тратилось на милитаризм и подготовку к новым военным акциям. И это при том, что экономический кризис 1929–1933 годов был самым тяжелым и разрушительным из всех, что до сих пор известны в истории. Согласно расчетам автора, правительство США отнимало у трудящегося населения гораздо больше, чем выплачивало госслужащим в виде жалования, а также в виде пенсий и пособий нуждающимся. Рычагами такого изъятия служило огромное прямое и косвенное налогообложение, которое выросло на порядок в сравнении с довоенным временем. Однако и производство гигантски выросло, особенно во время Второй мировой войны. Книга констатирует, что Соединенные Штаты Америки изрядно нажились на бедах народов СССР и других европейских стран, попавших под безжалостный каток гитлеровского вермахта.

Таков капитализм: при колоссальном обогащении американского бизнеса налоги на тружеников США были беспрецедентными по объему и размаху. Даже отнюдь не бедное население Америки испытывало огромные тяготы. Оно вынуждено было жить в условиях постоянного «урезания» потребительской корзины в интересах расширения старых и создания новых каналов военных закупок. Все это заметно деформировало внутренний рынок США. С одной стороны, новые условия рынка, формировавшиеся американским правительством, означали крутой «поворот» денежных каналов по направлению к крупнейшим корпорациям, наживавшимся на казенных поставках. С другой стороны, новые рыночные условия уменьшали (как относительно, так и абсолютно) потребительскую силу населения.

Такое двойное влияние государства на рыночные отношения «искривляло» структуру платежеспособного спроса. Как показывает автор, подобный процесс не мог пройти бесследно. Он оказывал существенное влияние на общественную структуру производства, обнаруживаясь в милитаризации экономики и искусственном сокращении производства гражданской продукции. Народное хозяйство приобретало «милитаристский флюс», болезненно отражавшийся на выпуске гражданской продукции.

Поскольку все эти процессы осуществлялись с помощью налогового пресса, К.Г. Камушер не мог не уделить внимания исследованию бюджетной системы США — ведь основу доходов бюджета всякого демократического государства, как известно, составляют налоги. Поэтому проблема обострения рынка во второй трети XX столетия становилась крайне актуальной.

Проблемы, затронутые в книге, крайне актуальны сегодня. Интересно, что когда мы спросили в библиотеке работу Камушера, ее долго не могли найти: «Ну, что уж вам эта книга так понадобилась. Ведь она вон когда написана». В том-то и дело! Читаешь сегодня, и кажется, что она и была написана к сегодняшнему (нашему!) дню. Уже не каким-то иностранным государством с чуждой нам экономической системой, а нам самим необходимы эти знания о ходе исторических процессов. Отчасти и мы переживаем их сегодня.

К сожалению, нынче у нас исчезла и сама политическая экономия как наука: даже в академических институтах ее все пытаются обойти как-то, заменить другими «красивыми» названиями. Зря, конечно. У нас и были, и, наверное, еще есть пророки в собственном Отечестве. Извлеченная нами из библиотечных архивов книга К.Г. Камушера — тому подтверждение. Она пронизана и идеями, и актуальностью. И сам образ автора видится светящимся и сегодня.

Н.К. Фигуровская,

Т.К. Дзокаева

**Владимир
Александрович
Караваев**

УЧЕНЫЙ И ПОДВОДНИК¹¹⁵

В.А. Караваев родился 11 июня 1922 года в Можайске, в семье, которая была своеобразным олицетворением тех бурных революционных лет. Его отец — Александр Андреевич Караваев — устанавливал в Можайске в 1917–1918 годы советскую власть и к моменту рождения сына был секретарем Можайского уездного комитета ВКП(б). Мать — Лидия Михайловна Караваева (в девичестве Фивейская) — из семьи почтового чиновника. Она была учительницей, выводила своих учеников на революционные демонстрации. Вскоре после рождения сына, осенью 1922 года, семья переехала в Москву, поскольку отца Владимира Александровича направили на работу в Московский комитет ВКП(б) и на учебу в Институт красной профессуры. Детство и юность В.А. Караваева прошли в самом центре Москвы, в доме у Никитских ворот, на пересечении Тверского и Суворовского бульваров. Владимир Александрович вспоминал свои детские годы как тревожные и не очень сытые. Он рассказывал, что в 20-е годы в Москве было много беспризорников и они ночевали в котлах, в которых днем варили асфальт для покрытия московских улиц, примыкающих к Никитским воротам, рядом со знаменитой церковью, где венчался А.С. Пушкин. А как самое большое лакомство своего детства В.А. Караваев вспоминал гоголь-моголь из сырых яиц и распаренную пшеничную кашу с сахарным песком. В июне 1940 года В.А. Караваев окончил среднюю школу № 79 Москвы и уже в сентябре 1940 года был призван в армию. Владимир Александрович рассказывал, что когда их привели из военкомата на вокзал и погрузили в теплушки, он, как и все призывники, даже понятия не имел о месте будущей службы, не знал, что будет ехать две недели через всю страну на Дальний Восток и прослужит там семь лет в береговой службе и на подводном флоте, а затем еще будет воевать в Корее.

В 1940 году в Европе уже шла война, но с Германией был подписан пакт о ненападении, а восточным границам СССР активно угрожала милитаристская Япония. После военного столкновения с японской армией летом 1939 года в районе Халхин-Гола началось активное укрепление дальневосточной границы. И хотя 13 апреля 1941 года был подписан советско-японский пакт о нейтралитете, в течение всей Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке в полной боевой готовности содержались и несколько дивизий сухопутных вооруженных сил, и Тихоокеанский военно-морской флот, наличие которых помешало Японии напасть на СССР в течение четырех военных лет. И еще, конечно, нельзя забывать, что именно победой над Японией 2 сентября 1945 года закончилась Вторая мировая война. Семь лет В.А. Караваев прослужил на Тихоокеанском флоте: с 1940 по 1942 год он учился в школе связи и служил матросом в береговой охране; с 1943 до конца 1945 года был радистом на подводной лодке «Ленинец-12» и принимал участие в боевых действиях против Японии; в 1946 году участвовал в боевых действиях на территории Кореи и демобилизовался только в конце 1946 года в звании старшины 1-й статьи.

Это были трудные и суровые годы. В.А. Караваев говорил, что у тех моряков, которые служили на подлодках, боевых ранений не было, потому что в случае по-

¹¹⁵ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 7. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. — С. 227–234.

падания в подлодку торпеды или глубинной бомбы погибал весь экипаж. И еще он рассказывал, что в день, когда американцами были сброшены атомные бомбы на японские города, их подлодка получила приказ идти к Хиросиме, всплыть и вести наблюдение. Поэтому, как я полагаю, он был в числе первых российских военных, подвергшихся радиоактивному облучению.

У В.А. Караваева девять военных наград, в том числе орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Японией (1945 г.)», а также медаль Нахимова, которой он был награжден за отвагу и мужество, проявленные в боевых действиях в Корее.

В 1947 году В.А. Караваев вернулся в Москву и поступил в Московский государственный экономический институт на общеэкономический факультет, который успешно окончил в 1952 году по специальности «Политическая экономия» с квалификацией экономиста и в звании капитан-лейтенанта запаса. Следует сказать, что именно в институте у Владимира Александровича сложился круг друзей, с которыми он был близок всю свою последующую жизнь, и именно в институте он встретил свою будущую супругу, Зинаиду Григорьевну Сергееву, с которой счастливо прожил 40 лет.

После окончания МГЭИ в течение четырех лет В.А. Караваев работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где принимал активное участие в подготовке второго полного издания собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса под руководством академика П.Н. Поспелова.

В этой работе В.А. Караваев проявил себя как талантливый молодой ученый и через четыре года после окончания института по решению ЦК КПСС в 1956 году был командирован на учебу в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1961 году он защитил кандидатскую диссертацию «Товарность сельскохозяйственного производства и государственные заготовки» по специальности «Политическая экономия».

И хотя в дальнейшем В.А. Караваеву пришлось заниматься проблемами отраслевой экономики, он всегда считал себя ученым-политэкономом и вел свои исследования, опираясь на фундаментальные знания в области теории собственности, трудовой теории стоимости, теории развития общественных отношений в связи с изменением технического уровня производства, с учетом целей и задач производственного процесса.

Вся дальнейшая творческая деятельность В.А. Караваева как ученого-экономиста была связана с экономикой сельского хозяйства, а более конкретно — с разработкой проблем экономики заготовок сельскохозяйственной продукции. На протяжении более чем 20 лет (с 1965 по 1986 год) он возглавлял научные отделы во Всесоюзном научно-исследовательском институте экономики сельского хозяйства Министерства сельского хозяйства СССР и в Центральном научно-исследовательском институте Министерства заготовок СССР, на базе разработок которых практически была сформирована государственная система заготовок сельскохозяйственной продукции в СССР.

В течение всего периода с 1965 по 1986 год под руководством В.А. Караваева разрабатывались методические рекомендации по составлению годовых и пятилетних планов государственных заготовок сельскохозяйственной продукции в СССР

и Союзных республиках, а также по разработке планов государственных закупок в областях, краях и автономных республиках. Научные подразделения под руководством В.А. Караваева осуществляли аналитические исследования по результатам выполнения пятилетних и годовых планов заготовок и сложившейся системы сбыта и реализации сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов.

К основным направлениям исследований В.А. Караваева следует отнести:

- разработку научной методологии системы государственных заготовок и совершенствование методов организации и размещения государственных закупок сельскохозяйственной продукции;
- экономическое обоснование организационных форм реализации малотранспортабельной и скоропортящейся сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов;
- развитие договорных отношений колхозов и совхозов с заготовителями сельскохозяйственной продукции;
- формирование и развитие государственной системы материально-технической базы заготовок сельскохозяйственной продукции;
- развитие системы договоров — контрактации как новой формы организации государственных заготовок и связующего звена между планами промышленного и сельскохозяйственного производства.

Следует отметить, что развитие экономических методов контрактации реализации сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов способствовало становлению совершенно новой для 60-х — начала 70-х годов XX века формы экономических отношений, направленной на максимальный учет интересов как поставщиков, так и заготовителей сельскохозяйственной продукции с использованием системы материальной ответственности обеих сторон.

В своей работе «Государственные заготовки и сбыт сельскохозяйственной продукции» В.А. Караваев писал: «Договор контрактации, в отличие от плана, должен иметь более широкую (по объему производства и реализации) экономическую базу, должен в то же время быть важным инструментом материального стимулирования сельскохозяйственного производства, а его условия должны обеспечивать и материальную ответственность, и материальную заинтересованность сторон в выполнении договорных обязательств в полном объеме. В договорах контрактации должны найти отражение не только показатели государственного плана заготовок, обязательные как для производителей продукции, так и для заготовителей, а и сверхплановая продажа, в которой заинтересованы и хозяйства, и государство».

Такая позиция в условиях жесткой регламентированной ила новой экономики, несомненно, была новаторской.

И все же наиболее интересным, не утратившим своего значения и сегодня научным достижением В.А. Караваева стала разработанная им методология организации прямых связей между производителями сельскохозяйственной продукции (колхозами и совхозами) с обрабатывающими и торговыми организациями в системе государственных заготовок.

В.А. Караваев рассматривал прямые связи как экономическую категорию, определяющую характер отношений между хозяйствами — поставщиками продукции — и ее потребителями (промышленными предприятиями, магазинами, пред-

приятиями общественного питания и т.п.), без посреднических перевалочных баз и организаций, на основе договоров-контракций.

Преимущества прямых связей В.А. Караваев разделял на организационные и экономические. К первым он относил непосредственность связей поставщика и заготовителя, ясность требований во взаимоотношениях сторон, оперативность и многовариантность решений, наикратчайший путь реализации продукции, возможность реализации продукции хозяйствами непосредственно в отдаленные районы. К преимуществам экономического характера он относил льготные условия реализации при сбыте скоропортящейся продукции в торговую сеть или на предприятия общественного питания, получение дополнительных доходов за счет сведения к минимуму транспортных расходов и потерь, максимальную возможность учета сортности продукции, получение дополнительных доходов при продаже продукции в отдаленных районах.

Даже сегодня, когда прямые связи между производителями и реализаторами сельскохозяйственной продукции стали нормой экономических отношений, в трудах В.А. Караваева можно найти перспективные идеи для развития этой сферы хозяйственной деятельности. Однако во второй половине 60-х — начале 70-х годов эта тема так и не смогла найти ни широкого признания в экономической литературе, ни широкого применения при заготовках и реализации сельскохозяйственной продукции. Плановая государственная заготовка и закупка в максимальной степени была ориентирована на развитие сети посреднических организаций и торговых баз, хранилищ, сортировочных организаций, необходимых в условиях планового распределения, но в то же время закономерно формирующих условия для плановых потерь сельскохозяйственной продукции. А ведь именно на создание экономической системы, способной минимизировать, а возможно и полностью ликвидировать потери сельскохозяйственной продукции, повысить качество сырья, увеличить доходы производителя, и была направлена основная концепция формирования прямых связей в рамках государственных заготовок продукции сельскохозяйственного производства.

В круг научных интересов В.А. Караваева входили также проблемы формирования и реализации стратегических государственных запасов сельскохозяйственной продукции; создания системы договорных цен между производителями и непосредственными потребителями (торговыми, заготовительными, перерабатывающими организациями) сельскохозяйственной продукции; создания экономических условий для развития перерабатывающих предприятий на базе непосредственного производителя сельскохозяйственной продукции.

Очевидно, что и сегодня все эти темы являются актуальными в ряду приоритетных государственных программ экономического развития России.

В.А. Караваев вел значительную педагогическую работу: под его научным руководством были написаны дипломные работы и кандидатские диссертации, он читал лекции в обществе «Знание» и системе послевузовского образования. В 1966 году решением ВАК ему было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника.

В последние годы своей жизни В.А. Караваев работал над докторской диссертацией, посвященной поиску новых принципов формирования системы государ-

ственных заготовок сельскохозяйственной продукции, которую он практически завершил, но не успел защитить в связи с быстро развивающимся заболеванием сердца и сосудов. В.А. Караваев умер 18 сентября 1990 года, через четыре года после выхода на персональную пенсию. Он похоронен в Москве на Николо-Архангельском кладбище вместе со своей супругой Зинаидой Григорьевной Караваевой. И только после его смерти родные узнали, что всю свою жизнь он прожил, имея тяжелый порок сердца. Сам он об этом никогда не говорил. Сердце В.А. Караваева все годы, в течение которых он воевал, служил на подводной лодке, учился, работал, растил двоих детей, трудилось с увеличенной нагрузкой. Можно сказать, что В.А. Караваев прожил свою жизнь не только за себя, но и за всех тех своих ровесников, которые ушли с ним в сентябре 1940 года в армию, воевали и остались на полях сражений Второй мировой войны — на Западном и на Восточном фронтах. Этот тяжелейший груз он пронес через всю свою жизнь и пронес достойно. Все его друзья и родные, те, кто учился, работал и жил рядом с ним, знали В.А. Караваева как глубоко порядочного, честного, отзывчивого человека. В самые трудные моменты жизни за помощью обращались именно к нему.

Основные публикации старшего научного сотрудника В.А. Караваева

1. *Товарная продукция и товарность колхозного производства И Социалистическое сельское хозяйство и вопросы аграрной теории*). М.: Изд-во ВПШ, 1960.
2. *О социально-экономической структуре производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов в СССР // Экономика сельского хозяйства*. 1964. № 9.
3. *О научной разработке основных проблем заготовок // Экономика сельского хозяйства*. 1967. № 4.
4. *Государственные заготовки и сбыт сельскохозяйственной продукции*. М.: Экономика, 1971.
5. *Прямые связи колхозов и совхозов по реализации произведенной продукции с заготовителями*. М.: ЦНИИТЭИ Минзага СССР, 1972.
6. *Методические рекомендации по планированию закупок сельскохозяйственных продуктов на 1966–1970, 1971–1975, 1976–1980, 1981–1985 гг.* М., 1965, 1970, 1975, 1980.
7. *Прямые связи и пути их дальнейшего развития // Экономика сельского хозяйства*. 1971. № 4.
8. *Эффективность прямых связей // Кадры сельского хозяйства*. 1981. № 6.

И.В. Караваева,
доктор экономических наук, профессор

**Адо́льф
Иосифович
Кац**

УЧЕНЫЙ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ¹¹⁶

Адольф Иосифович Кац родился 13 апреля (31 марта по старому стилю) 1913 года в городе Ботошаны (Румыния) в состоятельной семье трудового служащего. После окончания гимназии в 1930 году он поступил на экономико-юридический факультет Бухарестского университета, который окончил в 1933 году.

Уже на первом курсе университета А.И. Кац вступил в ряды Коммунистической партии Румынии, которая в то время находилась в подполье. В 1931 году в Яссах и в 1935 году в Бухаресте он подвергался аресту за революционную деятельность. По окончании университета и вплоть до 1940 года, когда Бессарабия была присоединена к СССР, занимался партийной работой, находясь на нелегальном положении. Затем в советские годы (1940–1941) работал старшим научным сотрудником Московского НИИ экономики, истории и языка академии наук Молдавской ССР. В этот период им написана монография «Бессарабия под властью румынских бояр» (М.: Госполитиздат, 1945), которая была защищена как диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук.

С началом Великой Отечественной войны Адольф Иосифович был мобилизован в Красную Армию, воевал в пехоте, защищая Одессу, был в Крыму и на Северном Кавказе. После тяжелого ранения, весной 1943 года, был отозван по прежнему месту работы. Его институт в начале войны был эвакуирован и находился в то время в Бугуруслане.

В ноябре 1943 года А.И. Кац был направлен в Москву в качестве главного редактора румынской редакции Издательства литературы на иностранных языках, где проработал до апреля 1948 года — момента ликвидации румынской редакции. С этого времени до 1951 года занимался самостоятельной творческой работой. Постоянно выступал в печати под псевдонимом А. Кашкаров. Им опубликован ряд крупных статей в журнале «Новое время». В их числе «План Маршалла без прикрас», «Две линии экономического развития в Европе», «Обнищание трудящихся в капиталистических странах», «План Маршалла и гонка вооружений».

С сентября 1951 года по июнь 1952 года А.И. Кац работал старшим преподавателем политэкономии в Московском полиграфическом институте, а с 3 марта 1952 года был зачислен на должность старшего научного сотрудника Института экономики Академии наук СССР (ИЭ АН СССР). Это был сложный период так называемой борьбы с космополитизмом, который негативно отразился и на судьбе Каца. В марте 1955 года он был уволен из института «за грубые извращения марксистско-ленинской теории» в рукописи работы «Разложение капитализма», а также за «несоответствие его теоретической подготовки и деловой квалификации требованиям, предъявляемым к сотрудникам ИЭ АН СССР». Работа не была опубликована и сохранилась только в рукописи с правкой автора. Она содержит две части. Одна из них посвящена разложению мирового капиталистического хозяйства в период между Первой и Второй мировыми войнами, другая — циклу суженного капиталистического воспроизводства 30-х годов XX века.

¹¹⁶ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 11. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. — С. 128–131.

В 1955–1956 годах ученый вновь оказался без работы — занимался самостоятельной научной деятельностью, а в апреле 1956 года был принят в научно-исследовательский Институт труда (НИИ Труда) на должность старшего научного сотрудника. За время работы в этом НИИ А.И. Кацем был написан ряд научно-исследовательских статей о сравнении экономических показателей социалистических и капиталистических стран, а также сделан доклад на тему «Производительность труда в СССР и в главных капиталистических странах», изданный отдельной брошюрой.

В 1962 году А.И. Кац перешел в Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР (ИМЭМО АН СССР), где им была защищена докторская диссертация «Положение пролетариата США при империализме», вышедшая монографией в издательстве «Наука» в том же году.

С 1973 года и до выхода на пенсию А.И. Кац трудился на ниве экономической науки, судьба вновь связала его с Институтом экономики АН СССР: он работал старшим научным сотрудником Сектора системы экономических законов и категорий социализма, а затем в той же должности в отделе Общих проблем политической экономии социализма. После выхода на пенсию в спорах и дискуссиях А.И. Кац продолжал работать в Институте экономики в качестве старшего научного сотрудника-консультанта до 1992 года. В этот период им было написано несколько статей по проблемам экономики социализма. Особо следует сказать о монографиях того периода: «Конечный общественный продукт» (1983, 549 с.), «Оптимизация общественного накопления» (1987, 450 с.), «Эффективность и объективный хозрасчет при социализме и коммунизме» (1993–2003, в 4 ч., 1791 с.). К сожалению, они не были опубликованы, но сохранились в рукописях с правкой автора. Данные рукописи и другие документы ученого хранятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ, фонд № 9598, Коллекция документов экономистов и деятелей статистики). Среди документов содержатся письма Л.И. Брежневу, Ю.В. Андропову, К.У. Черненко, М.С. Горбачеву и в ЦК КПСС. Они посвящены проблемам коренного усовершенствования хозяйственного механизма советской экономики. Данная тема представляет собой центральное звено научных поисков ученого.

Адольф Иосифович Кац был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и юбилейными медалями. Скончался ученый 4 апреля 2003 года. Похоронен на Хованском кладбище.

*Н.К. Фигуровская,
доктор экономических наук, профессор*

**Яков
Абрамович
Кронрод**

С ФРОНТА ВОЕННОГО НА ФРОНТ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ. ЭПОХА И ЛИЧНОСТЬ¹¹⁷

Всякий крупный экономист советского периода, а тем более такой выдающийся теоретик экономической науки, как Яков Абрамович Кронрод, неотделим от своей эпохи, своего времени, своей страны. И многие типичные черты эпохи, особенно ее идеологии, проявлялись в научном творчестве Я.А. Кронрода.

Родился будущий ученый в 1912 году в небольшом городке Алексин Тульской области. В 1930 году окончил среднюю школу в Москве. Затем — учеба на философском факультете МГУ. Параллельно с этим — работа в Госплане СССР, Мособлплане и в ЦСУ СССР — с 1931 года. С 1940 по 1984 год, до конца жизни, Яков Абрамович работал в Институте экономики АН СССР (ныне Институт экономики РАН). Именно в институте проявились все могучие способности Якова Абрамовича, здесь он написал все свои основные теоретические работы, которые сделали его одним из ведущих теоретиков страны в области политической экономии.

Сегодня очень сложно оценить политическую экономию советского периода, а стало быть, и вклад Я.А. Кронрода в ее развитие. Но этим заниматься надо, ибо экономическая теория советского периода, то есть теория советской экономики, при всех ее недостатках и упущениях, все-таки обеспечила развитие экономики государства в такой степени, что страна смогла выдержать Великую Отечественную войну и победить фашистскую Германию. Однако о роли Я.А. Кронрода в развитии экономической науки мы поговорим немного позже, а сейчас коснемся его участия в защите отечества на фронтах Второй мировой войны.

Я.А. Кронрод первые же дни нападения Германии на СССР записался добровольцем в народное ополчение Москвы и прошел всю войну, с 1941 по 1945 год, от Москвы до Берлина. Все свои правительственные награды он получил только за участие в боевых действиях: ордена Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медали «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда» и другие. Сохранилось 170 писем Якова Абрамовича с фронта, которые представляют сегодня чрезвычайный интерес. Благодаря усилиям профессора И.В. Можайсковой выдержки из этих писем были опубликованы и стали доступны широкому кругу читателей.

Эти письма показывают, как молодой советский интеллектual воспринимал войну, фронт, задачу защиты Родины. Тут много поучительного.

Защита отечества

Начнем с характеристики, которую дал Я.А. Кронроду начальник политотдела 24-й армии полковник Д.Т. Шепилов, который, кстати, перед войной также работал в Институте экономики заведующим сектором, а впоследствии стал крупным политическим и общественным деятелем советского периода. Итак:

¹¹⁷ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 2. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 36–51.

Характеристика

Тов. Кронрод Я.А. с первых дней Отечественной войны добровольцем вступил в ряды Красной Армии и с этого времени непрерывно находится на передовой линии фронта в 173-й московской стрелковой дивизии сначала в качестве рядового бойца, затем политпросветработника 1311 сп, зам. редактора и, наконец, отв. редактора дивизионной газеты «Боевое Знамя»,

Тов. Кронрод Я.А. — активный участник боевых операций по разгрому немцев на подступах к Москве и под Сталинградом. Боевой и мужественный политработник.

Самоотверженным трудом тов. Кронрода и руководимым им коллективом создана боевая, пользующаяся огромной популярностью в войсках дивизионная газета «Боевое Знамя». Эта газета, благодаря ее оперативности, боевой направленности, теснейшей связи с массами, оказывала и оказывает серьезнейшую помощь командованию в деле обеспечения наступательного порыва войск, боевой выучки рядового и командного состава.

Лично тов. Кронрод — высококвалифицированный журналист, фронтовик и хороший массовик-организатор. Глубоко предан партии Ленина-Сталина.

За боевые заслуги награжден медалью. Представлен ко второй правительственной награде.

Имеет все данные для продвижения на более ответственную газетную работу.

*Начальник политотдела 24-й армии
полковник Д. Шепилов. Действующая армия.
24 февраля 1943 г.¹¹⁸*

Надо сказать, что такие блестящие характеристики, которые давали Якову Абрамовичу на фронте, в науке он никогда не получал. Так, например, в характеристике, данной Я.А. Кронроду руководством Института экономики АН СССР от 11 апреля 1972 г., можно прочесть следующее: «В материалах комиссии, изучавшей по поручению ЦК КПСС деятельность партийной организации института, и на партийных собраниях института подвергались критике отдельные ошибочные формулировки, изложенные в статье Я.А. Кронрода в журнале „Известия АН СССР“, № 3, 1971 г. Я.А. Кронрод не во всех случаях занимал правильную позицию в отношении теоретических ошибок, допущенных некоторыми сотрудниками руководимого им сектора».

¹¹⁸ Судьба ученого и трагедия науки: (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М., 1992. С. 60–61. Материалы о жизни Я.А. Кронрода см. также: Я.А. Кронрод: личность ученого, политическая ситуация и экономическая теория. М., 1996; Яков Абрамович Кронрод. Библиографические материалы. М., 1999.

Так же и правительственные награды Яков Абрамович получал только на фронте, в других странах он тоже был только во время войны, с действующей армией. В период «развитого социализма» Я.А. Кронрод считался «не выездным», хотя его неоднократно приглашали в страны «соцлагеря» на различные научные конференции.

Но вернемся к военной поре. Я.А. Кронрод, несмотря на старания того самого Д.Т. Шепилова выдвинуть его на более ответственную работу, так и прошел всю войну от Москвы до Берлина в должности редактора дивизионной газеты.

Яков Абрамович пошел на фронт добровольцем, записавшись вместе с другими сотрудниками Института экономики в народное ополчение в самом начале войны. «6 июля 1941 года я надел солдатскую шинель», — пишет Я.А. Кронрод в одном из писем. В 1941 году предстояли тяжелые бои под Москвой, отступление, окружение, прорыв через линию фронта к своим и, наконец, остановка немцев на подступах к Москве. В этих этапных сражениях Яков Абрамович принимал самое непосредственное участие.

Во всех военных эпизодах Я.А. Кронрод проявил себя не просто с наилучшей стороны, а так, как он проявлял себя и в дальнейшем: инициативным, уверенным, энергичным, умным деятелем. Вот один из военных эпизодов, о котором рассказывал Яков Абрамович в письме той поры (6 ноября 1941 г.): «Мне пришлось взять на себя командование батальоном, так как командир оказался тем, за кого мы его всегда и почитали. Я пришел к нему. Он решительно ничего не смыслил, перепугавшись известий об обходе. Собственной властью пришлось отстранить его, взять командование на себя. Это мне-то! Уйдя с глаз долой от этого негодяя с трясущимися от страха руками, решил все менять. Уже под сильным огнем поменял боевые порядки, расстановку орудий. Это была буквально удача, которая спасла нас от обхода и танковой атаки. Мы остались одни и прикрыли отход всех частей. Дальше последовал еще бой, а затем отряд пришлось вести по глубоким немецким тылам. 15 дней мы выходили из окружения... В боях я лично ничего не „переживал“, я просто „работал“, спокойно, исправно, ну точно у себя за столом, и соображал „по-военному“, оказывается, также быстрее других. Когда выходили долгими днями из окружения, у меня и тени сомнения не было — выйду ли?» Вот это «без тени сомнения» очень характерно было для всего научного творчества Якова Абрамовича Кронрода.

И еще несколько выдержек из писем со Сталинградского фронта: «30 августа. Представь себе широченную степь. Куда ни повернешься — всюду степь, степь сухая, покрытая ковылем и уходящая куда-то в бесконечность. Степь, степь, степь, насколько хватает глаз. Я проехал вчера больше сотни километров машиной, и хоть бы один стоящий холм, хоть деревцо: то пески, то ковыль. Вот и все. Земля ровная, что поднос. А небо синее, ни облачка. И только самолеты. Гул почти не стихает. Наши, немецкие. Воюют друг с другом, атакуют землю. Швыряют бомбы. Сотрясается, стонет степная земля. Гром канонады. Артиллерия, минометы грохочут. Гул сливается».

Надо сказать, что уже по этому отрывку можно почувствовать силу литературной одаренности Якова Абрамовича: немногими скупыми словами и особым ритмом предложения передается грозная атмосфера Сталинградского фронта.

Еще отрывок из письма от 28 сентября: «Тут только мы все, провоевавшие пятнадцать месяцев, узнали, что есть в самом деле современная война, война танков, авиации, артиллерии. Жарко, крепко, тяжело. Очень много людей стоит война...».

И, наконец, из письма от 2 апреля 1943 г.: «На днях вручили мне орден Красной Звезды, потом — грамоту Сталинградского гарнизона и горсовета. Это за оборону Сталинграда».

Однако Якова Абрамовича все время тянуло к книгам и к научным проблемам. Читал он всегда и очень много. Постоянно жаловался: «Читать решительно нечего». И в следующем письме: «Напропалую читаю: Шекспир, Боевой Устав, Психология, Физиология и все прочее, что придет под руку». С непреодолимой силой тянуло и к науке.

Уже в марте 1945 года, находясь в действующей армии в Восточной Пруссии, Я.А. Кронрод садится за книгу о деньгах. В письме от 8 марта он пишет: «Меня приковывает к столу всякую свободную от войны минуту». И несколько дальше: «Какая скверная доля — ощущать в себе хоть сколько-нибудь живой мозг и чувствовать, как он излучается в ничто». Действительно, живой мозг ученого требовал не войны, а науки.

Экономическая теория

Я.А. Кронрод принимал самое активное участие почти во всех основных экономических дискуссиях советского времени: о товарном производстве и законе стоимости при социализме (1958 г.), о концепциях ценообразования — «трудо-вая версия стоимости» (1957 г.), о воспроизводстве и законе преимущественного роста средств производства (1958–1962 гг.), о сфере материального производства и непроизводительном труде (1958 г.), об основном законе социализма (1961 г.), о собственности как особом производственном отношении (1962 г.), об экономической реформе (1964 г.), о методологических проблемах политической экономии социализма (1966 г.) и по многим другим проблемам. Легче, наверное, перечислить дискуссии, в которых Я.А. Кронрод не принимал участия. Конечно, далеко не всегда Яков Абрамович в этих дискуссиях занимал самые прогрессивные или радикальные позиции. Например, он довольно интересно и умело отстаивал закон преимущественного роста средств производства, который уже и тогда являлся анахронизмом. Но по большинству вопросов ученый занимал более творческие, новаторские позиции, что вызывало критику как со стороны научного начальства, так и со стороны партийных органов.

К 1965 году Я.А. Кронрод стал, пожалуй, одним из самых крупных советских политэкономов. К этому периоду вышли из печати многие его основные труды. В этот же период он выполнил целый цикл фундаментальных работ по проблемам хозяйственного механизма и товарной природы советской экономической системы. Эти работы послужили теоретической основой экономической реформы 1965 года, получившей название «косыгинская реформа». Основные проблемы, затронутые в этих работах, можно охарактеризовать как обоснование товарно-денежных отношений, закона стоимости, определенной экономической свободы хозяйственных предприятий.

Еще в 1960 году, возражая против идеи о том, что «социалистическое хозяйство не имеет специфического закона, управляющего ценами», Я.А. Кронрод писал: «Тот факт, что цена есть выражение стоимости, что движение цены определяется

или регулируется движением стоимости, и означает, что как в условиях товарного производства вообще, так и в условиях социалистического товарного производства в частности, закон стоимости и есть закон цен, т.е. закон, регулирующий цены»¹¹⁹. В этот же период Я.А. Кронрод пришел и к общему методологическому выводу, и сегодня вполне верному и актуальному: «Существуют некоторые объективные факторы, которые, независимо от сознания и желания, объективно вынуждают людей соотносить свою хозяйственную деятельность с экономической необходимостью»¹²⁰. Однако кронродовская постановка теоретических проблем экономического реформизма в конце концов оказывалась в противоречии с господствующими в то время идеологическими установками «марксизма-ленинизма». Это же глубинное противоречие и не позволило «косыгинской реформе» стать долговременным фактором экономического развития страны. Как известно, к концу 60-х годов реформа была свернута.

В отличие от многих политэкономов, которые крепко держались за спущенные сверху партийные формулы или достаточно абстрактные теоретические построения марксизма, что, конечно, было много интереснее первого, Я.А. Кронрод, напротив, исходил из жизни и пытался теорию подправлять под практику. Поэтому-то он и внес много нового в теорию, постоянно рождая у своих читателей сомнения в истинности официальной догматической науки. В целом его теоретические построения были много ближе к практике, но при этом — дальше от сталинистских политэкономических формул и догм. Я.А. Кронрод последовательно выступал за развитие рыночных отношений, товарного производства, закона стоимости, за экономическую демократию и т.д. Однако это не были категории сугубо социалистических отношений, и все это очень трудно совмещалось с господствующими социалистическими императивами.

С уровня сегодняшнего знания мы вправе утверждать, что Я.А. Кронрод оказался в клещах теоретических противоречий, которые вообще были присущи всем нашим прежним политэкономическим конструкциям. Более того, я бы сказал, что Я.А. Кронрод лучше и глубже многих выразил эти несоответствия. Может быть, он был более противоречивым, чем все остальные советские политэкономы. Это хорошо видно на примере его положения о двух формах народно-хозяйственных связей (прямой, непосредственно планомерной, и косвенной, товарной). Здесь ученого в равной мере обвиняли в непоследовательности и рыночники (более близкие ему исследователи), и «планомерники». Однако лучше было бы не обвинять, а понимать, почему в этом уме сформировалась такая противоречивая конструкция. Сегодня можно все это дело представить более ясно. Например, две формы связи, по терминологии Я.А. Кронрода, это иная трактовка известной теории двух регуляторов Е. Преображенского. Но Е. Преображенский разрабатывал эту теорию для переходного хозяйства, не имея в виду социалистическое общество. Так что в сегодняшнем понимании вопроса две формы связи могли бы означать переходный характер и того общества, в котором жил Я.А. Кронрод. И это было много ближе к реальности,

¹¹⁹ Кронрод Я.А. Стоимость и цена в условиях социалистической экономики // Проблемы политической экономики социализма. Вып. 1960 г. М., 1960. С. 92–93.

¹²⁰ Кронрод Я.А. О некоторых теоретических основах хозяйственной реформы // Совершенствование планирования и управления народным хозяйством. М., 1967. С. 68.

чем другие менее противоречивые построения. По сути дела, две формы народно-хозяйственных связей сейчас рассматриваются как совмещение (дополнение) рыночного «самодействия» и государственного регулирования экономики. Так, оказывается, что самые современные достижения экономической науки восходят к разработкам Я.А. Кронрода, сделанным еще 40 лет тому назад.

Вопросы методологии

Говоря о Я.А. Кронроде, трудно удержаться, чтобы не рассказать о той или иной постановке проблемы, предложенной Яковом Абрамовичем, о той или иной дискуссии, где Яков Абрамович был одним из активных участников. Но это выходит за рамки небольшой статьи.

Однако на одном принципиальном вопросе, обсуждение которого было инициировано работами Якова Абрамовича, нужно остановиться. Тем более что он предварил дискуссию о социализме как особом (отдельном от коммунизма) способе производства, которая была последней дискуссией, начатой Яковом Абрамовичем в 1970 году, причем административно прерванной.

В университетском «Курсе политической экономии», и не только в нем, в 60-е и 70-е годы проводилась идея о необходимости изучения коммунистического способа производства в целом и как такового. Анализ же производственных отношений социализма, согласно «Курсу», следовало начинать с выявления общекommунистических основ: «Исходным в анализе системы производственных отношений при социализме является изучение экономических категорий и законов, общих для коммунистического способа производства в целом»¹²¹. Социализм, таким образом, предполагалось изучать, опираясь не на то, что было в реальности, а на то, что будет в будущем коммунистическом обществе. Предполагалось идти от идеальной конструкции, как она формировалась в работах наиболее авторитетных ученых. Это был «субъективный метод», доведенный до крайности. Сейчас об этих подходах странно читать, но тогда это была серьезная и довольно массовая установка. Выступать против осмеливались лишь единицы.

Я.А. Кронрод, на мой взгляд, очень толково ответил на эти теоретические потуги: «Пытаться же чисто умозрительно, а priori установить всеобщие экономические формы коммунизма — значит, создать науку реальных отношений до того, как возникнут сами отношения, т.е. создать отражение объекта до самого объекта»¹²².

Читая работы Я.А. Кронрода в хронологическом порядке, можно наблюдать, как автор шаг за шагом пробивается к более обобщенному и более богатому пониманию социализма в отличие от сталинистской его трактовки. Сначала это были отдельные положения, частичная ревизия некоторых сторон традиционной трактовки, введение новых элементов в теорию социализма.

¹²¹ Курс политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. Т. 2: Социализм. М., 1963. С. 108.

¹²² Кронрод Я.А. Законы политической экономики социализма. Очерки методологии и теории. М., 1966. С. 163.

Так, ученый выделяет в социализме целый комплекс противоречий, в том числе и антагонистических. Известна его дискуссия на этот счет с И.И. Кузьминовым, который для социализма на место противоречия ставил единство как источник развития.

В теории социализма Я.А. Кронрод выдвигал концепцию товарного, производства. Здесь также много интересного. Известен спор Якова Абрамовича с Н.А. Цаголовым по поводу рассмотрения социалистического производства как разновидности товарного производства. Интересны предложенная Яковом Абрамовичем трактовка основного закона социализма (хотя и весьма спорная), в отличие от основного закона коммунизма, и постановка проблемы неравенства в социалистическом обществе.

Есть и другие интересные положения, которые развивал или в дискуссиях отстаивал Яков Абрамович. Обо всем сразу и не скажешь.

Если постараться как-то сложить все оригинальные разработки Якова Абрамовича по поводу социализма, то получается цельная концепция, основанная на признании товарного характера социалистического производства, регулирующей роли закона стоимости, цены как балансирующего средства спроса и предложения, необходимости конкуренции (позднее он был вынужден писать об экономическом соревновании между предприятиями), фактического неравенства между участниками социалистического производства как его объективно необходимого момента. При этом рассматривался комплекс противоречий, конституирующих и «импульсирующих» социалистическое общество. Налицо были почти все характеристики рыночного социализма.

Но для того, чтобы в методологическом плане обосновать рыночный социализм, не называя его именно так, следовало сделать еще один, пожалуй, решающий шаг. Необходимо было «вырвать» социализм из коммунизма, довольно четко их отделить друг от друга. И ученый такой шаг сделал.

Я имею в виду дискуссию 1970 года о социализме как способе производства, которая проходила в Институте экономики АН СССР, и после которой решением ЦК КПСС институт был полностью реорганизован. Я.А. Кронрод из заведующего сектором был переведен в «исполняющего обязанности» старшего научного сотрудника. Политический режим в этом затянувшемся романе с Яковом Абрамовичем поставил точку.

К сожалению, после этой дискуссии и последующих административных выводов Я.А. Кронрод не смог в полной мере вернуться к работе. Он долго болел, очень переживал свое отстранение от руководства группой сотрудников, невозможность печататься и т.п.

Я весь этот процесс хорошо помню. Тогда мы, сотрудники сектора, которым руководил Яков Абрамович, были обескуражены явной, как нам казалось, несправедливостью. Я.А. Кронрода, блистательного ученого, живущего наукой и для науки, яркого марксиста, пламенного патриота, попросту не допустили участвовать в конкурсе на должность старшего научного сотрудника в институте, которому он отдал почти всю свою творческую жизнь. Однако сегодня я удивляюсь другому — как долго политический режим терпел Якова Абрамовича.

Ведь Я.А. Кронрод обосновывал экономическую теорию социализма, то есть нечто мало похожее на то, чем пробавлялись политические власти того времени. Когда ученый выстраивал отдельные категории и параметры социалистического

здания, хотя бы в какой-то мере отвечающего здравому смыслу и требованиям современной науки, его терпели. Но когда он приступил к соединению всего им построенного, то стало очевидно, что получается совсем не то, о чем было написано не только в документах КПСС, но и во многих трудах классиков марксизма-ленинизма. (Хотя, как марксист, Я.А. Кронрод не отбрасывал и не собирался отбрасывать все работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина.)

Чем же, собственно говоря, Я.А. Кронрод напугал политические власти. Возьмем его доклад на конференции 1970 года.

Здесь он, например, пишет о получивших именно сегодня развитие (правда, иногда довольно своеобразное) таких предметах, как выделение и отделение от государственной политической организации общества «всеобщей общественной негосударственной... экономической его организации»; об экономическом соревновании между предприятиями и регулирующем значении в этом процессе закона стоимости («расширение материально стимулируемого экономического соревнования, повышения его эффективности через отмену фондирования и замену его планомерной торговлей»); наконец, о необходимости экономической демократии, об «экономической свободе личности непосредственного производителя»¹²³.

Главную проблему Яков Абрамович определил так: «Перед наукой во весь рост стал принципиальный общий определяющий вопрос: что представляет собой социалистическая фаза коммунизма — есть ли это лишь относительно исторически кратковременная начальная ступень развития коммунистического способа производства или же это есть исторически особая длительная полоса развития человеческого общества, опирающаяся как на свой экономический фундамент — на социалистический способ производства, представляющий собой особый, по сравнению с развитым коммунизмом, способ производства, специфически исторический способ производства, открывающий эру коммунистического развития человечества, но являющийся еще именно социалистическим способом (в отличие от прогрессивно друг друга сменяющих в процессе будущего общественного прогресса способов производства полного коммунизма). Другими словами, встал вопрос: представляет ли социализм как низшая начальная фаза коммунизма, т.е. как этап его становления, самостоятельный способ производства?»¹²⁴

Казалось бы, ну и что здесь такого особенного? Где же тут ревизия, отступничество, ересь? На первый взгляд представляется какая-то очень абстрактная конструкция поиска общности и различий между социализмом и коммунизмом. Сегодня с популярной, бытовой точки зрения эта схема может казаться вообще какой-то утопической схоластикой.

Но не то было 32 года назад. Нужно отметить недюжинные умственные усилия советских экономистов времени тоталитарного режима, которым приходилось скрывать за обыкновенными словами необыкновенное содержание.

И на этот раз наиболее талантливые критики Я.А. Кронрода все поняли. Вот что писал И.И. Кузьминов по поводу вышеприведенных положений концепции

¹²³ Кронрод Я.А. Основы развитого социалистического способа производства // Тезисы докладов на институтской научной конференции по проблеме «Марксистско-ленинская теория развития социалистической экономики». М., 1970. С. 16, 33, 41.

¹²⁴ Там же. С. 6.

Якова Абрамовича: «В этой схеме общие черты социализма и коммунизма смазаны, а на первое место выдвинуты специфические, в первую очередь, товарно-денежные. Автор обосновал наличие глубинных различий между социализмом и коммунизмом, в то время как в действительности следует исходить из их глубинных общих основ. Не случайно некоторые последователи Я.А. Кронрода, восприняв его концепцию, сделали из нее логические выводы, провозглашая необходимость конкуренции при социализме, толкуя распределение по труду, по существу, как распределение по рыночным условиям, рассматривая закон стоимости чуть ли не как основной экономический закон социализма и т.д. Такая трактовка социализма, естественно, не укладывается в рамки первой фазы коммунизма. Но именно это-то обстоятельство и служит убедительным доказательством ее непригодности»¹²⁵.

Я думаю, что И.И. Кузьминов в целом был прав. Концепция Я.А. Кронрода «не укладывалась» не только «в рамки первой фазы», но и в рамки официальной трактовки государственного социализма. Поэтому была естественной и закономерной жесткая критика Якова Абрамовича, снятие его с микроскопической административной должности заведующего сектором, резкое сужение публикационных возможностей.

Но ведь сегодня всем совершенно очевидно, что тогда был прав именно Я.А. Кронрод.

Итоги

Сейчас принято говорить, что все мы дети своей эпохи. Однако всегда были и есть люди, которые говорили и писали не в угоду своему конъюнктурному времени, а в расчете на общечеловеческие ценности, научную истину. Я.А. Кронрод был как раз тем, кто писал и говорил для науки, по совести. А ошибки, заблуждения, противоречия, которых у Якова Абрамовича было много, может быть, очень много, свойственны настоящему научному поиску. Он так считал, так думал. Авторитет Я.А. Кронрода среди экономистов, а тем более среди его учеников и сотрудников был огромный. Добавьте сюда колоссальную эрудицию, почти недостижимый интеллект, большое обаяние его ума. Понятно, что не принять какую-либо теорию, положение, пусть даже ошибочное, было очень трудно. Так было, например, с положением об общественной собственности на рабочую силу при социализме, наиболее глубоким разработчиком и пропагандистом которой был Я.А. Кронрод. Можно привести еще немало положений в концепции ученого, которые не только сегодня, но и тогда не отличались новаторством или свежестью.

Но у Я.А. Кронрода было и другое. То, за что его беспощадно и постоянно критиковали. То, что и сегодня читается с интересом и пользой. То, что выстраивается в основную линию учения Я.А. Кронрода об экономической теории социализма. Эта теория не была до конца разработана. Например, в последние годы Яков Абрамович много занимался изучением проблем демократии и бюрократизма. Ряд его разра-

¹²⁵ Кузьминов И.И. Очерки политической экономики социализма. От социализма к коммунизму. М., 1980. С. 20.

боток по этой теме многое объясняет в понимании нашего прошлого, настоящего и, возможно, будущего. Я.А. Кронрод переходил к изучению интегральных проблем развития общества, поднимался над экономической тематикой. Но завершить эти интегративные обществоведческие исследования он не успел.

Так, пытаясь ответить на вопрос «А не зря ли Я.А. Кронрод потратил жизнь на изучение различных проблем экономической теории социализма и насколько все это нужно сегодня?», можно сказать следующее. Нет, не зря, ибо многие научные разработки исследователя сделали более глубоким и полным понимание этой теории. По крайней мере, убедили в том, что трактовка экономической теории социализма в советской официальной интерпретации («марксизм-ленинизм») с научной точки зрения оказалась несостоятельной. Это, конечно, не должно означать отсутствие такой теории. Только понимать ее надо иначе. И здесь работы Я.А. Кронрода могут стать основополагающими.

Я бы выделил три аспекта влияния исследований Я.А. Кронрода на развитие экономической науки.

Один из них более очевиден. Я.А. Кронрод и его сторонники, обосновывая необходимость товарного производства при социализме, действие закона стоимости, теоретически и методологически способствовали развертыванию всякого рода экономических реформ, развитию рынка в стране. Понимание социализма в том числе, а может быть, и в первую очередь, под влиянием работ Я.А. Кронрода уточнялось, углублялось: прибавлялись фазы или этапы развития социализма, социализм отделялся от коммунизма. В общем, формировался новый взгляд на экономический процесс вообще, что приводило к пониманию необходимости перемен во многих сторонах жизни нашего общества. Без таких ученых, как Я.А. Кронрод, по-видимому, трудно говорить о новом, сегодняшнем этапе демократического развития.

Другой аспект менее очевиден. Я.А. Кронрод своими работами продолжил формирование особой культуры научного мышления в области экономической теории вообще и социализма в частности. Трудно сказать, является ли это специфически русским интеллектуальным явлением, но нигде в мире мы не увидим столь мощного развития экономической теории (ее социалистической ветви) в условиях тоталитарного и авторитарного режима.

Многие советские экономисты, сформировавшиеся в довоенное время, восприняли русскую культурную традицию представителей «серебряного века». Я.А. Кронрод считал себя учеником известного меньшевика и глубокого знатока и интерпретатора экономической теории марксизма И.И. Рубина, много о нем рассказывал, советовал читать его работы. С полным основанием можно утверждать, что Я.А. Кронрод продолжил дело тех российских мыслителей, которых дал нам «серебряный век». Такие ученые, как Я.А. Кронрод, выросли на отечественной интеллектуальной «почве», пропитанной марксизмом и социализмом еще с конца XIX века, и это закономерное явление развития русской общественной мысли. А значит, некорректна сама постановка вопроса о годах, якобы зря потраченных на исследование социалистической доктрины. Я. А Кронрод не мог поступить иначе: раз он заинтересовался социальными проблемами, то к ним можно было подходить в России только через марксизм, только в социалистической трактовке. Таков императив российских общественных условий и развития общественной мысли.

Наконец, третий аспект — это наша история. Негоже забывать ее, и тем более перечеркивать. Историю экономической мысли в СССР невозможно представить без имени Я.А. Кронрода, без его трудов, его борьбы. И наше сегодняшнее отношение к трудам и идеям Я.А. Кронрода, к его личности в целом характеризует не его, а нас самих.

Основные труды доктора экономических наук Я.А. Кронрода

1. Кронрод Я.А. Укрепление денежного обращения СССР, инфляция в странах капитализма. М., 1950.
2. Кронрод Я.А. Основы хозяйственного расчета: (На примере социалистической промышленности). М., 1952.
3. Кронрод Я.А. Социалистическое воспроизводство. М., 1955.
4. Кронрод Я.А. Общественный продукт и его структура при социализме. М., 1958.
5. Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР / Под ред. Я.А. Кронрода. М., 1959.
6. Кронрод Я.А. Деньги в социалистическом обществе. Очерки теории. 2-е изд., перераб. М., 1960.
7. Кронрод Я.А. Законы политической экономики социализма. Очерки методологии и теории. М., 1966.
8. Кронрод Я.А. Система общественных потребностей. Закономерности их формирования и развития в условиях социализма. М., 1966.
9. Кронрод Я.А. Закон стоимости и социалистическая экономика. Некоторые актуальные проблемы. М., 1970.
10. Кронрод Я.А. К вопросу о социалистическом способе производства и стадиях его развития // Известия АН СССР. Сер. экономическая. 1971. № 3. С. 82–99.
11. Кронрод Я.А. Об экономическом оптимуме в свете методологических принципов политической экономики социализма // Плановое хозяйство. 1975. № 10. С. 87–97.
12. Кронрод Я.А. Золото, денежные и валютные системы, инфляция // Деньги и кредит. 1982. № 4. С. 22–35; № 6. С. 16–26.
13. Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная собственность. М., 1987.
14. Кронрод Я.А. Плановость и механизм действия экономических законов социализма. М., 1988.
15. Кронрод Я.А. Процесс социалистического производства. М., 1989.
16. Кронрод Я.А. Очерки социально-экономического развития XX века. М., 1992.

М.И. Воейков,

доктор экономических наук, научный
сотрудник Института экономики РАН

**Владимир
Федорович
Майер**

ЖИЗНЬ В НАУКЕ¹²⁶

Автобиографическая справка

Родился в 1922 году в семье служащих. Вырос в Череповце. Там же в 1940 году с отличием окончил среднюю школу. В этом же году был призван в армию.

С октября 1940 года служил в Мурманске в стрелковом полку. Всю войну воевал на Мурманском направлении сначала солдатом, а затем сержантом, был пулеметчиком, командиром пулеметного расчета. Участвовал в июньских боях 1941 года в так называемой «Долине смерти». В феврале единолично (остальные члены пулеметного взвода расчищали в этот момент дорогу после пурги) сбил немецкий истребитель «Мессершмитт-109», штурмовавший красноармейскую колонну.

В декабре 1941 года наша дивизия была преобразована в гвардейскую. В 1944 году участвовал в наступательной Петсамо-Киркенесской операции. Демобилизовался в октябре 1946 года в звании старшего сержанта.

После демобилизации вернулся в Череповец, где до осени 1947 года работал комсоргом в комсомольской организации пристани Череповец (был освобожденным работником).

В сентябре 1947 года поступил на экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, который окончил в 1952 году. В 1955 году окончил аспирантуру МГУ и защитил кандидатскую диссертацию. По итогам военной подготовки в МГУ получил звание лейтенанта ВМФ; снят с воинского учета по возрасту в звании старшего лейтенанта.

С 1955 года до конца 1961 года работал в Государственном Комитете Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы старшим экономистом, начальником сектора, заместителем начальника отдела.

С 1962 года по июнь 1983 года работал в Научно-исследовательском экономическом институте при Госплане СССР (ныне Институт макроэкономических исследований Министерства экономического развития и торговли РФ) старшим научным сотрудником, заведующим сектором, заведующим отделом, заместителем директора.

В 1967 году защитил докторскую диссертацию, в 1969-м — получил звание профессора.

С 1983 по 1990 год работал на экономическом факультете МГУ заведующим кафедрой планирования народного хозяйства и до 1993 года оставался профессором на этой кафедре.

С 1993 года по настоящее время — главный научный сотрудник во Всероссийском центре уровня жизни при Министерстве труда Российской Федерации. Работу в государственном аппарате и НИЭИ совмещал с преподавательской деятельностью в МГУ, подготовил более 40 аспирантов.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, «Знак Почета», медалью «За отвагу» и многими юбилейными медалями.

Женат, имею трех взрослых сыновей и двух внуков.

¹²⁶ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 2. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 132–143.

Основные направления и результаты исследований

Выполнено большое количество научных исследований теоретического и прикладного характера по проблемам экономического и социального развития страны и государственного регулирования экономики.

Во второй половине 50-х и начале 60-х годов принимал активное участие в работах по совершенствованию организации заработной платы в народном хозяйстве СССР (так называемое «упорядочение заработной платы»).

Упорядочение заработной платы началось с четвертого квартала 1956 года и осуществлялось постепенно по отраслям промышленности и народного хозяйства. В промышленности одновременно с переводом рабочих и служащих на новую систему ставок и окладов сокращался рабочий день.

Упорядочение заработной платы закончилось в производственных отраслях народного хозяйства в 1962 году, в непроизводственных — в 1965 году. В результате этого в народном хозяйстве была создана новая система ставок и окладов заработной платы.

В процессе этой работы в значительной мере была преодолена множественность тарифных условий и разницей в оплате одинакового труда, улучшена система планирования, обеспечены возможности для более эффективного применения форм и систем заработной платы в целях стимулирования производства. В результате повысился средний уровень заработной платы при преимущественном ее повышении у низкооплачиваемых работников (подчеркнем, что это относится к периоду строгой централизации государственного регулирования экономики).

В процессе упорядочения была сформирована и новая система районного регулирования заработной платы, дополненная обновлением порядка предоставления льгот работающим на Крайнем Севере. Для меня это направление деятельности стало главным в тот период.

При работе в системе Госплана СССР я занимался проблемой совершенствования методики государственного планирования и подготовкой научных материалов по обоснованию плановых решений.

В составе коллектива авторов участвовал в подготовке Методических указаний к составлению государственного плана развития народного хозяйства СССР. Много сил приложил к совершенствованию методики планирования реальных доходов и построению потребительских бюджетов населения.

Актуальность работ по методам расчета реальных доходов населения в то время определялась тем, что в практику статистики и планирования показатель реальных доходов был включен только в конце 50-х годов.

Научные организации и планирующие органы нашей страны приобрели большой опыт по разработке и использованию нормативных потребительских бюджетов. Среди них так называемый рациональный потребительский бюджет, который должен был показать в обобщенном виде научно обоснованную гипотезу уровня и структуры потребностей населения в условиях высокого уровня производства материальных благ и широко развитой системы обслуживания. Этот бюджет также должен был создать эталон, сопоставление с которым текущих доходов и потребления населения позволяло наметить конкретные экономические мероприятия, обеспечивающие полное и всестороннее удовлетворение потребностей населения.

Первые варианты рационального потребительского бюджета были разработаны и применены в плановых расчетах в конце 50-х — начале 60-х годов. Работа по уточнению нормативов рационального потребления вновь была развернута только с начала 70-х годов. К этому делу был привлечен широкий круг научных организаций. Уже на первом этапе (в 1972 году) Научно-исследовательским институтом Госплана СССР был подготовлен новый, тщательно обоснованный вариант рационального потребительского бюджета.

Наряду с рациональным потребительским бюджетом разрабатывались потребительские бюджеты для отдельных групп населения и районов страны.

Нормативные бюджеты для работников различных отраслей преследовали цель обосновать ставки и оклады для работников соответствующих отраслей народного хозяйства и промышленности. Бюджеты, разрабатываемые в территориальном разрезе, использовались, в частности, при обосновании размеров районных коэффициентов к заработной плате.

Нами была предложена оригинальная модель дифференцированного баланса доходов и потребления населения.

Первые авторы дифференцированного баланса строили его на выборочных данных статистики семейных бюджетов населения. В наших же работах обосновывалась необходимость строить дифференцированные балансы на народнохозяйственных макроэкономических данных. Результаты таких расчетов использовались при обосновании плановых решений. Мне довелось принимать участие в исследованиях, проводимых группой экономистов (А.Н. Ефимов, А.И. Анчишкин, В.Н. Кириченко и др.), которые в начале 60-х годов выступили с предложением об организации систематических разработок экономических прогнозов в качестве научной базы управленческих и плановых решений и приняли активное участие в практической реализации своих идей.

Одним из важных направлений реализации идеи о развитии экономического прогнозирования стала, как известно, разработка долгосрочных комплексных программ научно-технического прогресса СССР.

Комплексные программы научно-технического прогресса разрабатывались силами научных организаций на 20 лет с разбивкой по пятилетиям. В советский период было разработано четыре таких программы: первая — на период 1971–1990 гг.; четвертая — на 1991–2010 гг. Программы создавались как исходные документы в системе планирования экономического и социального развития страны и являлись комплексными прогнозами экономического и социального развития на базе научно-технического прогресса.

Непосредственным организатором и руководителем разработки программ был специально созданный при Президиуме АН СССР и Государственном комитете СССР по науке и технике Научный совет. Я был членом этого совета и вместе с академиком С.С. Шаталиным председателем проблемной комиссии «Социальные проблемы, повышение народного благосостояния и развитие культуры».

В конце 90-х годов в составе коллектива ВЦУЖ активно участвовал в подготовке методических рекомендаций по определению уровня и объема доходов населения. Так, в процессе проводившихся исследований были проанализированы доходы населения как часть дохода общества, рассмотрены неточности использовавшихся

сводных макроэкономических показателей доходов населения и намечены пути устранения этих неточностей.

Причина неточных оценок показателей доходов населения лежала в области плохой организации учета (бухгалтерского и статистического). В частности, наибольшие сложности возникали при определении доходов индивидуальных предпринимателей и наиболее обеспеченных слоев населения, занятых во вновь образованных рыночных структурах. Эти группы населения систематически скрывали свои доходы, чтобы не платить налогов или платить их не полностью. Исчерпывающей информации об их доходах не имели ни статистические органы, ни налоговая служба. Не было должной ясности в оценке индивидуальных натуральных доходов населения: все ли в этом случае учтено и нет ли повторного счета?

Рекомендовалось принять решительные меры к повышению действенности бухгалтерского и статистического учета и последовательному внедрению его во все без исключения звенья экономики.

Перед Правительством Российской Федерации был поставлен ряд задач: а) о том, чтобы поручить Госкомстату совместно с министерствами экономики, финансов, труда и социального развития и другими-заинтересованными федеральными ведомствами уточнить методику расчетов денежных и натуральных доходов населения; б) с целью повышения полноты и точности отчетности усилить требовательность к органам — получателям бухгалтерской, статистической и финансовой отчетности, а также к юридическим и физическим лицам, обязанным по действующему законодательству представлять такую отчетность; в) восстановить в системе статистических показателей уровня жизни населения показатели совокупных доходов населения. Такие показатели длительное время разрабатывались нашей статистикой, и ими широко пользовалась государственная налоговая служба, так как подоходный налог с физических лиц взимается с совокупного дохода.

Ставился вопрос о необходимости в полной мере использовать отчетность Государственной налоговой службы при формировании Госкомстатом Российской Федерации рядов распределения населения по уровню доходов, особенно в части оценки доходов наиболее обеспеченных слоев населения.

Применительно к условиям смешанной экономики некоторые экономисты выдвигали концепцию отказа от единого распределения и замены его «смесью» распределений на основе предварительного разбиения населения на группы (страты), отличающиеся внутренней однородностью. Сторонники этой идеи формулировали ее, как правило в общей форме, не доводя до изложения в общедоступном виде соответствующего механизма проведения практических расчетов с использованием данных выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проводимых Госкомстатом России.

На завершающем этапе подготовки методических рекомендаций коллективом ВЦУЖ были разработаны соответствующие пакеты программ для ЭВМ и проведены экспериментальные расчеты. При этом была выявлена возможность упрощения сбора предварительной информации, которая необходима для расчетов распределения населения по уровню доходов при условии применения новой методики.

Новая методика конструирования плотности полиномиального закона распределения населения по уровню денежного дохода с использованием результатов

выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств была реализована для персональных компьютеров с помощью современного программного комплекса. Архитектура этого комплекса позволила выполнять оценивание параметров плотности, задаваемой на интервале доходов, и необходимые вычисления в интерактивном режиме, при визуальном контроле промежуточных и итоговых результатов.

Проверка работоспособности предложенной методики и разработанного программного обеспечения выполнялась на основе данных выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств за I, II, III, и IV кварталы 1996 года, проведенных Госкомстатом России. Использовались эмпирические частоты (частоты), равные долям численности членов домашних хозяйств, имеющих среднедушевые денежные доходы из 15 заданных доходных интервалов.

Для каждого интервала были найдены оценки параметров плотности. Наилучшее приближение плотности к имеющимся частотам для 16 доходных интервалов было получено при степени многочлена $t = 15$.

Расчеты позволили выяснить, что результат оценивания плотности, представляемый в виде графика этой функции, устойчив относительно выбора значения (t) в указанном диапазоне, но удовлетворяет условию неотрицательности в узких диапазонах значений параметров многочлена, описывающего распределение. Таким образом, диапазон доходов, в котором полиномиальная плотность моделирует имеющиеся выборочные данные, определяется с высокой точностью, хотя параметр (t) может выбираться в широких пределах. При уменьшении (t) достигаемая степень соответствия полиномиальной плотности эмпирическим данным ухудшается, но ее характерные особенности сохраняются. Под характерными величинами — показателями плотности $p(x)$ понимаются: число ее локальных минимумов и максимумов, их координаты, число точек перегиба и их координаты. Совпадение или близость этих характеристик при различных (t) рассматривались как свидетельство существования у искомого теоретического закона распределения общих свойств, проявляющихся вне зависимости от выбора допустимых значений параметров функции распределения.

Для значений ($t = 11$) полиномиальная плотность грубо приближала исходные данные, изменяя свое поведение так, что в ней не отражаются характерные особенности выборочных данных, в частности проявляющиеся при малых и больших среднедушевых доходах.

Разработанное программное обеспечение позволяло рассчитывать (помимо параметров плотности) следующие характеристики теоретического распределения, предполагаемого полиномиальным:

- теоретические частоты для заданных доходных интервалов;
- их отклонения от эмпирических частот;
- средние доходы в этих интервалах;
- средний доход для выборочной совокупности домашних хозяйств, получаемый с помощью полиномиальной плотности;
- границы децильных доходных групп и средние доходы для этих групп;
- значения доходов, соответствующие локальным минимумам, локальным максимумам и точкам перегиба плотности распределения, и значения плотности в этих точках;

- дисперсию и стандартное отклонение для полиномиального закона распределения;
- частоты и средние доходы для любых доходных интервалов, не совпадающих с исходными доходными интервалами и интервалами для децильных групп.

Поведение плотностей иллюстрировалось выводимыми на экран дисплея и на печать графиками.

С целью получения закона распределения населения по уровню денежного дохода, имеющего задаваемое значение среднедушевого дохода, был разработан метод и программное обеспечение для корректировки плотности распределения. Предполагалось, что задаваемое значение среднедушевого дохода (x^*) определяет одним из двух способов.

Во-первых, значение (x^*) может быть принято равным среднему доходу x (ОБДХ), вычисляемому непосредственно по данным обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) и публикуемому Госкомстатом России в его изданиях. Если $x^* = x$ (ОБДХ), то после корректировки плотность $p(x)$ превращается в плотность, имеющую средний доход x (ОБДХ) и потому сравнимую с логнормальной плотностью, конструируемой также по данным выборочного обследования, однако более полно и точно передающую характерные черты выборочных данных.

Во-вторых, значение (x^*) может быть принято равным среднедушевому денежному доходу, получаемому из Баланса денежных доходов и расходов населения (БДРН). Предварительно этот доход может корректироваться, например, с целью устранения в нем результатов повторного счета и сближения определений денежных доходов, используемых при макроэкономическом (в БДРН) и микроэкономическом (в ОБДХ) уровнях описания социальных и экономических процессов.

При заданном среднем доходе x^* плотность полиномиального распределения корректируется с помощью того же приема, которым Госкомстат России конструирует логарифмически-нормальную плотность распределения населения страны (генеральной совокупности).

Оценивание параметров полиномиальных плотностей распределений населения по уровню денежного дохода было выполнено для четырех кварталов 1996 года с использованием результатов выборочного обследования бюджетов домохозяйств.

Основные характеристики распределений, моделируемых с помощью полиномиальных плотностей, вычисленные для квартальных данных 1996 года, позволяют сделать следующие выводы.

Для всех четырех кварталов выделяются диапазоны низких и высоких доходов, при которых плотности распределений имеют четко выраженные локальные максимумы. Интервал доходов до первого локального минимума можно называть интервалом доходов наименее обеспеченного (бедного) населения. Интервал доходов, начинающийся от первого (локального) минимума функции (p), можно называть интервалом доходов наиболее обеспеченного (богатого) населения.

Средний доход (x^*) распределения с плотностью (p) несколько меньший, чем средний доход, получаемый непосредственно по данным ОБДХ, составлял от x (ОБДХ) по кварталам 1996 года 94,3%, 94,2%, 92,5%. Расхождение является следствием того, что средний доход x (ОБДХ) представляет собой простое выборочное среднее, определяемое непосредственно по данным обследования, то есть без ис-

пользования информации о характере изучаемого распределения, содержащейся в сгруппированных выборочных данных. Средний доход (x^*), напротив, получается с помощью обработанных данных выборочного обследования.

Относительная устойчивость соотношения средних доходов может рассматриваться как свидетельство близости теоретического и эмпирического (выборочных) распределений, характеризующихся не только почти точным совпадением их частостей для рассматриваемых доходных интервалов, но и близостью их важнейших характеристик — средних доходов. Сопоставление отношений доходов для I и X децильных групп, получаемых непосредственно из данных выборочных обследований (без использования логнормальной плотности) и с помощью полиномиальной плотности, показало, что так называемый фондовый коэффициент дифференциации доходов населения получает большее значение, если используются обработанные выборочные данные. Этот факт может интерпретироваться как свидетельство большей дифференциации населения по доходам, по сравнению с дифференциацией, определяемой без аналитического учета неоднородности исследуемого распределения.

Удельный вес I и X децильных групп в доходах, оцениваемый с помощью полиномиального распределения, оказывается меньше, чем вес, получаемый непосредственно по выборочным данным.

В то же время удельный вес групп населения с доходами ниже прожиточного минимума, определенный для кварталов 1996 года с помощью корректировки полиномиальной плотности $p(x)$ при использовании среднего дохода x (БДРН) по Балансу доходов и расходов населения, оказывается существенно больше, чем аналогичный вес, вычисленный Госкомстатом России с помощью логнормального распределения.

Обращает на себя внимание выявленная тенденция (для 1996 года) уменьшения среднего дохода населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, при переходе от 1-го к последующим кварталам при одновременном уменьшении их доли в общей численности населения страны. Однако для наименее обеспеченного населения динамика доли его численности и его среднего дохода не повторяет динамику аналогичных показателей для I децильной группы и для населения с доходами ниже прожиточного минимума.

Экспериментальные расчеты показали, что использование полиномиального закона распределения населения по уровню денежного дохода позволяет более адекватно характеризовать изучаемое распределение, выявлять с учетом специфики имеющихся данных расслоение населения по доходам, рассчитывать характеристики такого расслоения, которые не могут быть определены с помощью логнормальной модели.

Для построения распределения населения страны по уровню денежного дохода (или расхода) достаточно знать (иметь) следующие данные, получаемые из двух статистических источников:

- удельный вес (доли) численности членов обследуемых домашних хозяйств, имеющих среднедушевые денежные доходы (расходы) из задаваемых доходных (расходных) интервалов (при числе интервалов не менее 12–15) в общей численности обследуемых домохозяйств (берутся из данных выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проводимого Госкомстатом России);

- среднедушевой денежный доход (расход) по Балансу доходов и расходов населения, разрабатываемому Госкомстатом России и, желательно, скорректированному так, чтобы он мог обеспечить большую сопоставимость денежного дохода (расхода), определяемого по этому балансу и по данным выборочного обследования (например, устранить повторный счет из-за учета в балансе покупок валюты населением в виде брутто, а не нетто).

Отметим, что знание выборочного среднего дохода или суммы денежных доходов (расходов) для обследуемых домохозяйств не требуется. Поэтому при проведении выборочного обследования достаточно фиксировать принадлежность денежного дохода (расхода) домохозяйств к одному из доходных (расходных) интервалов. В условиях трудности и получения точных данных о денежных доходах (расходах) обследуемых домохозяйств применение предлагаемой методики построения распределений делает возможным упрощение сбора первичных данных, повышение их надежности.

Полиномиальный закон распределения доходов населения целесообразно использовать при построении рядов распределения населения России по доходу, опираясь на данные выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств. В этом случае распределение генеральной совокупности формируется с заменой среднедушевого дохода, полученного по данным выборки, среднедушевым доходом — по данным баланса денежных доходов и расходов населения.

Аналогичный подход может быть применен и при прогнозировании распределения всего населения по доходу путем замены среднедушевого дохода за отчетный период на величину прогнозируемого среднедушевого дохода.

Основные труды профессора В.Ф. Майера

1. Майер В.Ф., Аганбегян А.Г. Заработная плата в СССР. М., 1959.
2. Майер В.Ф. Заработная плата в период перехода к коммунизму. М., 1962.
3. Майер В.Ф. Планирование народного потребления в СССР. М., 1964.
4. Майер В.Ф. Планирование реальных доходов населения. М., 1966.
5. Майер В.Ф. и др. Дифференцированный баланс доходов и потребления населения и его использование в планировании. М., 1971.
6. Майер В.Ф. Прогнозы повышения народного благосостояния // Научные основы экономического прогноза. М., 1971.
7. Майер В.Ф. Уровень жизни населения СССР. М., 1977.
8. Майер В.Ф. Планирование социального развития и повышение уровня жизни народа. М., 1988.
9. Майер В.Ф. О системе минимальных социальных гарантий // Доклад на заседании Научного совета Министерства труда Российской Федерации. 1994.

В.Ф. Майер,
доктор экономических наук, профессор

**Алексей
Николаевич
Малафеев**

КОМАНДИР СТРЕЛКОВОЙ РОТЫ И ПРОФЕССОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ¹²⁷

Алексей Николаевич Малафеев родился 10 апреля 1915 года в деревне Габордуса Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии (ныне Оятский район Новгородской области). Отец его, Николай Александрович, был учителем физики и математики, окончившим в 1910 году на собранные «миром» деньги Новгородскую учительскую семинарию; мать, Елизавета Ивановна, заведовала библиотекой.

Привычку к строгости рассуждений Алексей Николаевич выработал еще в детстве, рано пристрастившись к шахматам. В 11 лет он стал чемпионом города Тихвина по шахматам среди взрослых, мог играть «вслепую», сочинял шахматные задачи, некоторые из них были опубликованы во всесоюзной газете «Пионерская правда». Получив первый разряд на университетских соревнованиях, Алексей Николаевич позднее выступал на первой доске от различных ленинградских вузов на городских чемпионатах. В начале 70-х годов он вместе с двумя другими перворазрядниками ЛГУ, профессором математико-механического факультета А.А. Никитиным и профессором географического факультета С.Б. Лавровым, организовал сеанс одновременной игры с тогдашним чемпионом мира А.Е. Карповым, бывшим в то время студентом экономического факультета. Но студент А. Карпов оказался плохим дипломатом и «вчистую» обыграл всю тройку уважаемых профессоров.

Шахматы и городки, по которым он тоже имел первый разряд, не мешали Алексею Николаевичу успешно учиться в восьмилетней школе Тихвина, а затем (1930–1933 гг.) в лесном техникуме (пос. Березовик), где он был избран секретарем комсомольской организации. Будучи студентом техникума, Алексей за год окончил трехгодичный Комвуз (комсомольское отделение), получив за это премию — три тома «Капитала» К. Маркса. В период коллективизации комсомолец с 1930 года Леша Малафеев вместе с другими учащимися техникума агитировали крестьян ближних деревень вступать в колхоз. В характеристике, выданной А.Н. Малафееву по окончании техникума, в частности, отмечается: «По своим личным качествам т. Малафеев может быть охарактеризован как очень способный и развитый. Учебную работу выполнял аккуратно, в учебном материале разбирается быстро и самостоятельно. Дисциплинирован и весьма активен. В учебе был ударником и, кроме того, выполнял ряд общественных нагрузок, как то: редактор стенной газеты, ответственный секретарь ячейки МОПРа, бригадир в деревне, ответственный секретарь ячейки ВЛКСМ, помощник руководителя коллектива ВЛКСМ. Политически развит очень хорошо. Заочник Комвуза. На 1 января 1933 г.т. Малафеев по академической успеваемости занял 1-е место в техникуме».

Интерес к лесному хозяйству Алексей Николаевич проявил под влиянием своего дяди по материнской линии Александра Ивановича Григорьева, который был крупным лесопромышленником и пользовался в селе большим авторитетом и уважением. После Октябрьской революции 1917 года А.И. Григорьев передал советской

¹²⁷ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 2. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 52–70.

власти 5 млн руб. золотом из швейцарских банков, два дома в Петрограде и три парохода и продолжил свое любимое дело в качестве десятника на лесосплаве. Когда в дни «красного террора» за А.И. Григорьевым пришли трое в кожаных куртках, его рабочие повернули их назад.

Тем не менее для университетского образования Алексей Николаевич выбрал другую специальность. Во время учебы в школе и техникуме он проявлял особые способности к физике и математике, поэтому учитель настоятельно рекомендовал ему поступать в университет. По прибытии в Ленинград, Алексей Николаевич обнаружил, что в числе прочих нужно сдать экзамен по химии, которая в техникуме не преподавалась. Выкроив из скудного бюджета средства на покупку нескольких книг, он за короткое время выучил курс химии и, успешно сдав экзамены, был зачислен в 1933 году на географический факультет ЛГУ, выбрав специальность «Экономическая география».

На протяжении всех пяти лет учебы в ЛГУ Алексей Николаевич был членом комсомольского бюро факультета и руководителем кружка ленинизма. Как отличник, в течение четырех лет обучения он имел свободное расписание. Пользуясь этим, посещал лекции на историческом и физическом факультетах. Будучи студентом, открыл счет своим публикациям: в газете «Ленинградский университет» от 7 января 1937 года есть его заметка «Одна из лучших», в которой он тепло отзывается о преподавателях кафедры экономической географии и ее заведующем В.М. Штейне. «Его лекции, — писал студент Малафеев, — демонстрируют, что экономическая география есть глубоко теоретическая наука, не сводящаяся, как думают некоторые студенты, к скучному перечислению фактов и географических названий». В заметке отмечалось также, что кафедра «провела огромную работу по реализации постановления ВКП(б) и СНК СССР о высшей школе», в частности, был введен учебный курс «Теория планирования», для чтения которого был приглашен профессор Оранский.

Среди соседей Алексея Николаевича по общежитию были: А. Вистелиус — впоследствии известный в мире специалист по математической геологии; Н. Матвеев, ставший известным математиком, автором популярных учебников по теории дифференциальных уравнений; Ф. Первеев — будущий зав. кафедрой органической химии; Б. Аратов — обладатель феноменальной памяти и способностей к устному счету, с ним в голодные годы Алексей Николаевич подрабатывал сеансами одновременной игры по путевкам шахматного клуба. Поскольку шахматы приносили очень скромные доходы, то чаще Леша вместе с братом Левой, бывшим на три года его младше, но физически более развитым, к тому же обладавшим первыми спортивными разрядами по боксу, гимнастике, бегу и лыжам, ходили на разгрузку вагонов. (В финскую войну Л.Н. Малафеев был ранен разорвавшейся в ногах миной, в последующие годы работал начальником филиала «Гипроникеля» на Урале.)

Однажды, когда Алексей Николаевич учился на третьем курсе, сосед по комнате, большевик с большим стажем, десятью годами старше его, заинтересовался содержанием замечаний, которые Алексей Николаевич делал на полях читаемых им книг. Они показались соседу недостаточно почтительными, и он сообщил об этом «куда надо». На общем комсомольском собрании третьего курса факультетский секретарь бюро ВЛКСМ А.Г. Милейковский (в то время ассистент кафедры

экономической географии, во время войны — работник политуправления армии, а позднее — академик, директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР) объяснил присутствующим, что Леша Малафеев — человек для дела партии полезный, творчески мыслящий, активно изучающий труды вождей с карандашом в руках, помехой на пути ко всемирной гармонии не окажется. В результате на этот раз Алексей Николаевич отделался устным предупреждением. Но инцидент не прошел бесследно. В дипломе А.Н. Малафеева на фоне столбца оценок «отлично» выделяется строка «Ленинизм» с оценкой «удовлетворительно».

В 1938 году Алексей Николаевич по окончании университета получил путевку Наркомпроса на работу учителем средней школы в город Златоуст. Но по прибытии на место назначения оказалось, что в приезде учителя школа не нуждается. Тогда Алексей Николаевич решил поступать в аспирантуру. Сдав все экзамены на отлично, 4 ноября 1939 года он был зачислен в аспирантуру географо-экономического факультета. Однако вхождение в советскую экономическую науку оказалось для него нелегким, а весь пройденный в ней путь — очень тернистым.

В 1938 году был арестован, а затем расстрелян отец Алексея Николаевича — заведующий опытно-показательной школой при педагогическом техникуме и учитель-инспектор в Тихвине и Бокситогорске. Вместе со 152 другими «заговорщиками» из различных регионов страны он был обвинен в попытке организовать убийство И.В. Сталина посредством разветвленного заговора, руководителями которого были эсерка с дореволюционным стажем Копейкина и некий Тихомиров. В первые же месяцы после «разоблачения культа личности И.В. Сталина» в 1956 году отец Алексея Николаевича был полностью реабилитирован.

В декабре 1939 года директор ЛГУ Золотухин вызвал Алексея Николаевича к себе и под предлогом того, что он не отработал по распределению, потребовал вернуть недавно полученное удостоверение аспиранта. В Василеостровском райкоме ВЛКСМ вспомнили о студенческом конспекте Алексея Николаевича на полях учебника и возобновили дело, по результатам которого 8 января 1940 года было принято следующее решение: «т. Малафеев на полях книги «История ВКП(б)» сделал ряд замечаний, в которых выразил свое несогласие с важнейшими положениями истории ВКП(б), они явно направлены на дискредитацию учебника, одобренного ЦК ВКП(б), и являются попыткой ревизовать учебник. Бюро РК ВЛКСМ отмечает совершенно нетерпимое, вызывающее поведение т. Малафеева при решении его дела. Это свидетельствует о том, что он не понял политической вредности поступка. В связи с вышеизложенным Бюро РК ВЛКСМ постановляет: исключить т. Малафеева из рядов ВЛКСМ».

До начала Великой Отечественной войны Алексей Николаевич сменил несколько мест работы: экономист Конторы изысканий и проектирования ГДУ при СНК РСФСР, и.о. заведующего лекционным бюро Наркомпроса Удмуртской АССР, школьный преподаватель географии в Ижевске. В сентябре 1940 года Алексей Николаевич женился на Раисе Дмитриевне Веретенниковой, 18-летней работнице Наркомпроса.

28 июня 1941 года Алексей Николаевич был мобилизован в ряды РККА. В должности командира стрелковой роты первой гвардейской стрелковой бригады Северо-Западного фронта в боях под Старой Руссой он получает первое тяжелое

ранение: сквозное пулевое ранение грудной клетки. С 25 мая по 27 июня 1942 года находится на излечении в госпиталях № 1356 и № 3151 в Ульяновске.

С июля по сентябрь 1942 года А.Н. Малафеев командует 258-й стрелковой ротой 499 стрелкового полка на Юго-Западном фронте под Сталинградом. После второго ранения и прохождения лечения в госпитале направляется вначале слушателем, а затем преподавателем огневой подготовки на Приволжские курсы ВЫСТРЕЛ (Высшие стрелково-тактические курсы), где он проработал до демобилизации из рядов Советской Армии. В декабре 1943 года был принят в КПСС. За боевые заслуги награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Германией».

В 1945 году Алексей Николаевич вернулся в Ленинград. С 1 января 1946 года он зачислен в аспирантуру экономического факультета ЛГУ; научным руководителем аспиранта А.Н. Малафеева назначен профессор В.В. Рейхардт. 7 апреля 1949 года молодой ученый защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ценообразование в СССР в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–25 гг.)». Официальными оппонентами были доктор экономических наук, профессор А.И. Ротштейн и кандидат экономических наук Е.Д. Каганов.

После окончания аспирантуры Алексей Николаевич работал преподавателем политэкономии в Ленинградском электротехническом институте инженеров сигнализации и связи (ЛЭТИИСС). По времени это совпало с началом «ленинградского дела» — очередной кампании по борьбе с «уклонистами», в ходе которой наряду с большим числом административных и партийных руководителей Ленинграда были репрессированы профессора экономического факультета ЛГУ, включая профессора В.В. Рейхардта. 26 июня 1950 года решением Ученого совета ЛГУ защита кандидатской диссертации А.Н. Малафеева была аннулирована. Повод для увольнения его с работы искать пришлось недолго. Один из сотрудников обратил внимание на то, что на институтской конференции Алексей Николаевич выступил по докладу студентки с идеологически невыдержанным замечанием о капиталистическом окружении в связи с послевоенными изменениями в соотношении сил социализма и капитализма.

После нескольких месяцев поиска места работы Алексей Николаевич был принят на Химфармзавод, где три года проработал в должности старшего экономиста. С осени 1953 года Алексей Николаевич снова на преподавательской работе в Холодильном институте на кафедре политэкономии, возглавляемой тогда М.А. Раппопортом. Уже осенью следующего года повторно защищает прежнюю кандидатскую диссертацию в Ленинградском финансово-экономическом институте. С 1956 по 1959 год Алексей Николаевич работает доцентом на кафедре политэкономии текстильного института, а с 1959 по 1966 год заведует кафедрой политэкономии Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ) и работает над докторской диссертацией. Но демон «уклониста» продолжает преследовать его и в это время. В начале 60-х годов преподаватель кафедры с дореволюционным партийным стажем П.Г. Мелихов обнаружил в лекциях, публикациях, установках, которые Алексей Николаевич давал на кафедре, ошибочные положения, отклоняющиеся от линии партии и от учения марксизма-ленинизма. Об этом он сообщил в обстоятельных письмах, направленных в партком, райком, горком, ЦК КПСС,

Министерство высшего образования и Министерство финансов, с настоятельной просьбой снять А.Н. Малафеева с работы. Очередное «дело Малафеева» подробно излагалось в институтской газете «Электрик» № 3 (111) от 20.01.1964. Продолжительное разбирательство завершилась вызовом к секретарю обкома КПСС Ф.Р. Козлову, который, не обнаружив в действиях Алексея Николаевича «антисоветчины», ограничился кратким поучением: «Запомни, Малафеев, ты — не классик».

В 1963 году ученый представил к защите в ЛФЭИ свою докторскую диссертацию «История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.)». Одновременно эта работа была включена в план издательства «Мысль» на 1964 г., который в то время не утверждался без одобрения ЦК КПСС. Оппонентами на защиту были утверждены профессора А.И. Буковецкий, В.Л. Штипельман, Е.Д. Каганов. Однако в назначенный день защита не состоялась из-за неявки одновременно заболевших всех трех оппонентов. И лишь после выхода из печати в 1964 году монографии «История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.)» Алексей Николаевич смог, наконец-то, 21 мая 1965 года успешно защитить докторскую диссертацию в ЛФЭИ.

В следующем году А.Н. Малафеева избирают заведующим кафедрой политической экономии Ленинградского инженерно-экономического института. Он становится членом межведомственного совета по ценообразованию Государственного комитета цен при Совете министров СССР, заместителем председателя государственного совета по политэкономии министерства высшего и среднего образования РСФСР, членом экспертной комиссии ВАК и членом Ученого совета ленинградского филиала института экономики мировой социалистической системы.

Список научных публикаций А.Н. Малафеева содержит 132 наименования общим объемом около 185 п.л. Главными из них являются две фундаментальные монографии: уже названная «История ценообразования в СССР» (М.: Мысль, 1964) и «Прошлое и настоящее теории товарного производства при социализме» (М.: Политиздат, 1975).

В методологии исследований экономических явлений А.Н. Малафеев предпочитал индукцию дедукции. «Задача экономической науки, — часто повторял он, — заключается в выявлении тенденций». Этим можно объяснить его приверженность к экономической истории.

Появление «Истории ценообразования» А.И. Малафеева стало большим событием не только в советской, но и в мировой экономической науке. Эта работа была переведена на английский и японский языки. Один из всемирно известных зарубежных специалистов по экономике СССР, почетный профессор университета города Глазго Алек Ноув, так написал о появлении этой книги: «Помню, как в 1964 году прибыла к нам в Глазго его книга „История ценообразования“, с каким увлечением я ее тогда читал. Ведь это было для тех времен уникальное явление. Я тогда начинал собирать материал для моей „Экономической истории СССР“, которая полна цитат из этой работы Малафеева. В особенности это относится к сложному периоду так называемого „великого перелома“, где среди многого другого была переломлена и система ценообразования. Алексей Николаевич был незаменимым проводником в дебрях многочисленных форм цен того времени. В этой книге он приводит массу ранее недоступных примеров и данных о ценах на средства производства и предметы потребления в предвоенные и первые послевоенные годы.

Конечно, он не мог все опубликовать и должен был давать „отповедь“ западным исследователям, не соглашаясь с ними в том, что „социалистическая индустриализация подчиняет потребление накоплению“, так как национальный доход вырос на 82%. Я совершенно уверен, что он прекрасно знал, что это не соответствовало действительности, и внимательный читатель его книги должен был видеть, насколько повышение цен в 1930–1935 гг. превышало рост заработной платы. Ведь в 1933 г. голод унес жизни миллионов крестьян. Тогда об этом писать было просто запрещено. Очевидно, что Алексей Николаевич мог делать лишь возможное; мы должны быть ему признательны за то, что он все-таки смог предать гласности такие данные — в то время это был настоящий научный подвиг»¹²⁸.

Исследования А.Н. Малафеева по истории ценообразования воплотились не только в его монографии, но и в шести увесистых томах «Истории ценообразования в СССР. Документы и материалы», общим объемом около 5000 страниц, подготовка и издание которых были им осуществлены совместно с ведущими теоретиками и практиками планового ценообразования на протяжении 1970–1982 гг. Документы и материалы сборника обработаны в соответствии с правилами публикации исторических документов и сгруппированы по следующим разделам:

1. Общие вопросы ценообразования и политики цен.
2. Формирование и деятельность советских органов ценообразования.
3. Цены на продукцию тяжелой промышленности.
4. Тарифы транспорта и связи.
5. Ценообразование на товары народного потребления и услуги.
6. Цены на сельскохозяйственную продукцию.
7. Статистика цен.

Внутри каждого раздела документы расположены в хронологическом порядке.

Результаты этой огромной работы могут служить надежной основой научных разработок и сегодня. Особая значимость труда обусловлена тем, что ценообразование является центральным звеном товарно-денежных отношений, которые в соответствии с планом построения коммунистического общества необходимо было ликвидировать¹²⁹. Наблюдение за тем, как шло выполнение этой задачи на различных этапах развития советской экономики, позволяет рассмотреть сущность и роль рыночного механизма в национальной экономике в особом преломлении. Проиллюстрируем это двумя примерами, данные по которым представлены в «Истории ценообразования в СССР» А.Н. Малафеева.

После не увенчавшейся успехом «кавалерийской атаки» на товарно-денежные отношения, проведенной в период военного коммунизма, вследствие которой цены на товары народного потребления возросли почти в 200 раз, было решено вернуться к товарному обращению на основе твердого, обеспеченного золотовалютными резервами рубля («червонца»). В результате рынок быстро наполнился товарами

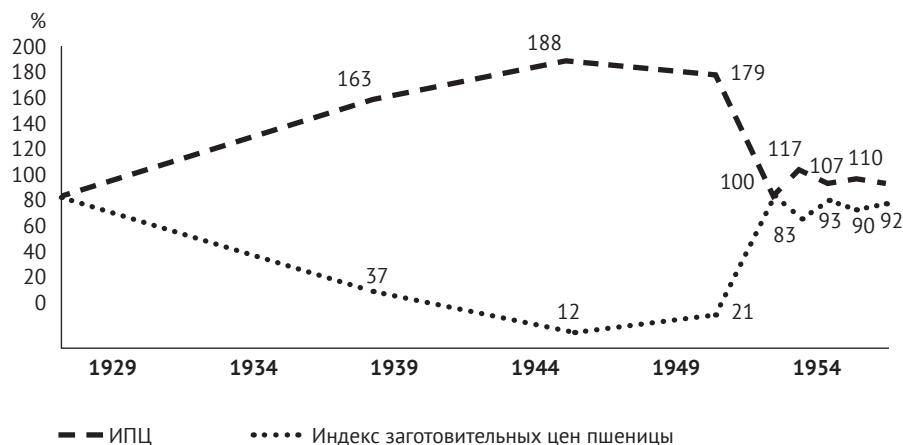
¹²⁸ Алек Ноув. Письмо в редакцию журнала «Экономическая школа» 25.11.1990 // Экономическая школа. Т. 1. Вып. 1. 1991. С. 5–6. Рецензия А. Ноува на книгу А.Н. Малафеева «История ценообразования в СССР», опубликованная в журнале «Soviet Studies» сразу после выхода ее из печати, приведена в приложении.

¹²⁹ В.И. Ленин, в частности, писал: «РКП будет стремиться к возможно более быстрому проведению самых радикальных мер, подготавливающих уничтожение денег» (Полн. собр. соч. Т. 38. С. 100).

при стабильных ценах. В 1925/26 хозяйственном году «розничные цены на ситец в частной торговле возросли с 50,4 коп. до 56,7 коп., на мыло с 46,46 до 50,61 коп., на керосин с 12,09 до 12,7 коп., а розничные цены в целом за год поднялись на 10–11%»¹³⁰. Это показалось из ряда вон выходящим событием, и власти забили тревогу. 14 апреля 1926 года Совнарком СССР принимает постановление «Об образовании межведомственных комиссий по снижению розничных цен». Через три месяца выходит постановление СТО при СНК СССР «О снижении розничных цен». И наконец, состоявшаяся в конце октября — начале ноября XV партийная конференция в своих резолюциях отмечает необходимость осуществления мероприятий по снижению цен.

Отношение к ценам коренным образом меняется уже через два года, когда в 1929–1932 гг. начался переход от нэпа к строительству социализма (от рынка к плану). За этот период объем денежной массы возрос в пять раз, и 27 января 1932 года комитет цен при СТО принимает постановление «Об изменении отпускных и розничных цен на некоторые товары», в соответствии с которым государственная цена хлеба возросла на 133%, сахара — на 150%, масла — на 180%, керосина — на 209%, ситца — на 257%¹³¹.

Другой пример иллюстрирует структурную деформацию советской экономики в результате «выдавливания» товарно-денежных отношений. В соревновании социалистической экономики с капиталистической наибольшее отставание всегда обнаруживалось по сельскому хозяйству. Приводимая ниже диаграмма, представленная в книге А.Н. Малафеева¹³², позволяет увидеть коренную причину этого.

В книге «Прошлое и настоящее теории товарного производства при социализме» А.Н. Малафеев в той мере и теми средствами, которые не выходили за рамки официальной доктрины, обосновывал необходимость использования товарно-денежных отношений в экономике социалистических стран. К моменту издания этой

¹³⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов. Ч. II. С. 182.

¹³¹ Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. С. 172.

¹³² Там же. С. 286.

книги отечественные экономисты оказались разделенными на два не равных по численности лагеря: «товарников» и «антитоварников». Составлявшие меньшинство «товарники» пытались доказать, что основные недостатки социалистической экономики проистекают из замены рыночного механизма директивным централизованным планированием. И хотя при обосновании этого положения они не добавили ничего существенно нового к научной аргументации таких известных адептов рыночного хозяйства, как Б. Бруцкус, Ф. Хайек или Л. Эрхард, значение их работ для теории и практики советского хозяйства не следует принижать. То, что выходило из-под пера «буржуазных» экономистов, было либо недоступно основной массе наших читателей, либо воспринималось ими как заведомо клеветнические измышления. Для понимания специфики дискуссии советских экономистов о товарно-денежных отношениях в социалистическом хозяйстве необходимо иметь в виду, что в те годы сомнение в преимуществах общественной собственности на средства производства нельзя было высказать даже в порядке научной гипотезы. Теоретическое обоснование целесообразности частной собственности не только не прошло бы в печать, но и читатели сочли бы автора «не нашим», соответствующим образом отнесясь к его выводам.

В 80-е годы ленинградские «товарники» сотрудничали в возглавляемой Алексеем Николаевичем Малафеевым проблемной группе Северо-Западного совета Минвуза РСФСР «Товарно-денежные отношения и ценообразование при социализме». На регулярных заседаниях этой группы обсуждались актуальные проблемы совершенствования хозяйственного механизма отечественной экономики, по результатам которых публиковались сборники научных статей и монографии. Работа этого коллектива чем-то обеспокоила органы государственной безопасности, и его членов по одиночке стали приглашать для собеседования во Фрунзенский районный отдел КГБ. После такой профилактики собрания проблемной группы со временем прекратились. Однако наиболее активные молодые ее участники организовали в конце 80-х годов дискуссионный клуб «Перестройка», в котором обсуждался тот же круг проблем. Многие из участников этого клуба (А.Б. Чубайс, С.М. Игнатьев, А.Н. Илларионов, А.Л. Кудрин, С.А. Васильев, Д.В. Васильев, М.Е. Дмитриев) составили костяк экономического блока правительства Е.Т. Гайдара, успешно осуществившего первый, решающий шаг России от централизованного планирования к рынку, а некоторые из них занимают важные правительственные посты до сих пор.

Несомненной заслугой А.Н. Малафеева является то, что вокруг него, авторитетного и всемирно известного ученого, сплотились отечественные «рыночники», оказавшиеся в оппозиции к официальной экономической науке. Поддержка видного ученого имела для них не только большое моральное значение, но и давала возможность развивать и даже публиковать свои исследования.

Последние десять лет жизни Алексей Николаевич прожил, казалось бы, спокойно, но он очень переживал за судьбу своей кафедры, поскольку ученому пришлось помимо его воли отказаться от должности заведующего. Вскоре кафедру покинули ведущие преподаватели и она превратилась в заурядную идеологическую ячейку, члены которой продолжали читать студентам марксистско-ленинскую политэкономию вплоть до середины 90-х годов.

Умер А.Н. Малафеев внезапно 18 августа 1988 года в светлой березовой роще, собирая грибы. Один из его близких друзей, профессор экономического факультета ЛГУ В.А. Пешехонов, с печалью заметил: «Трудно заказать себе лучшую смерть».

Как истинный ученый, А.Н. Малафеев всей своей жизнью на деле подтвердил правоту Дантона, который советовал: «Следуй своему пути, и пусть люди говорят, что хотят!».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рецензия А. Ноува на книгу «История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.)» А. Малафеева, опубликованная в журнале «Soviet Studies» (January 1965. Vol. XVI. № 3. P. 334–339)¹³³.

Новая стадия в исследовании советской экономики

Все непредубежденные исследователи советской экономической мысли приветствуют неуклонный и впечатляющий количественный и качественный рост работ советских экономистов. Дискуссии о законе стоимости, ценообразовании, роли математических методов, о стимулирующем значении прибыли, административной реформе, оптимальных пропорциях и многие другие отразили их заботу о том, чтобы найти решение проблемы эффективности и роста производства. Однако если не считать немногих исключений, то объективных исследований по экономической истории советского периода было мало. Особенно мало написано о ценах. Правда, были опубликованы работы Кондрашева и Майзенберга, но ни тот ни другой не использовали значительного оригинального материала. Поэтому приветствовать появление книги Малафеева, выпущенной социально-экономическим издательством «Мысль», — дело, несомненно, приятное. Для меня имя этого ученого является новым, но его книга поистине замечательна. В ней многое заслуживает быть отмеченным, и не знаешь с чего начать.

Во-первых, Малафеев приводит множество таблиц, данных, постановлений, цифр, ссылок. Некоторые получены из опубликованных данных, включая значительное количество малоизвестных и ранее недоступных; некоторые относятся к архивным материалам. Представлено большое статистическое приложение и приложение документов, дающее в хронологическом порядке перечень декретов и распоряжений о ценах с 1917 года до наших дней. Все это — золотое дно для глубоких научных исследований. В тех случаях, когда те или иные цифровые данные отсутствуют, автор указывает на это, выражая желание, чтобы таковые были более доступными (см. с. 233, 373). В тех случаях, когда он этого не делает, вполне очевидно, что и он был одной из жертв преднамеренной засекреченности статистических данных. Показателен пример с уровнем зарплаты после 1940 года. Малафеев открыто не высказывает недовольства засекреченностью этих данных или, если он

¹³³ На русском языке публикуется впервые.

это делал, то его редактор исключил этот фрагмент из работы. Как бы то ни было, на с. 407 Малафеев печатает таблицу, в которой приводятся различные показатели за период с 1928 по 1960 год, а данные по зарплате лишь до 1940 года, что говорит само за себя. Кстати, каждый должен обратить внимание на то, что продолжающийся неофициальный отказ публиковать данные статистики заработной платы создает одновременно большие трудности при рассмотрении многих других вопросов.

Во-вторых, Малафеев первый из мне известных советских авторов, так же обстоятельно, как и динамику цен до 1928 года, показывает их непрерывный крутой рост в последующие семь лет. Приводятся точные ссылки на источники, свидетельствующие о таких важных и неприятных фактах, как рост государственных розничных цен в закрытых и коммерческих магазинах, чрезвычайно высокие «взвинченные» цены на свободном рынке в 1922–1933 годах, различия между сельскими и городскими ценами и их территориальные разрывы, резкое увеличение денежной массы в обращении, объема и уровня налога с оборота. Автор также не удерживается от того, чтобы не сделать кое-какие собственные, не лишённые яда критические замечания: к примеру, он отмечает, что комитет товарных фондов и регулирования торговли, призванный снижать цены, «не только не выполнил эту задачу, а наоборот, в течение всей своей короткой жизни (с апреля 1932 г. по 25 августа 1934 г.) систематически повышал цены» (с. 356).

Малафеев также впервые поднимает вопрос о падении реальной заработной платы после 1928 года. Правда, он делает это, одновременно споря с теми западными учеными, которые, как он утверждает, сильно преувеличивают это падение. Малафеев призывает нас вычестить из средней заработной платы в 1928 году определенную сумму, чтобы учесть существование безработицы. Но даже при предположении, что для расчета должны быть взяты только цены государственной и кооперативной торговли, его индекс в 1932 году по отношению к 1928 году составил 255, в то время как заработная плата возросла лишь до 226. При этом индекс реальной заработной платы равен 88,6. Так как на предыдущей странице ученый привел данные о том, что в первой половине 1932 года цены неорганизованного рынка составили 578% по отношению к ценам обобществленной торговли и отражают наличие дефицита в товарах, то всем его читателям должно быть ясно: действительное падение реальной заработной платы было много больше, чем 11,4%. Он не делает аналогичных расчетов для 1934 года, когда вследствие очень большого роста цен в обобществленной торговле картина была бы весьма неприглядна; кроме того, из-за множественности цен и карточной системы такие расчеты было бы трудно сделать. Но он оставляет читателя в убеждении, что цены и налоги в те годы круто поднимались вверх. Индекс розничных цен для 1937 года, приводимый Малафеевым, равен 536, индекс средней заработной платы равен 430 или 482, если учесть существование безработицы в базисном 1928 году. Совершенно ясно каждому, кто может читать, что данные были намного хуже в 1934–1935 годах, когда заработная плата была ниже, а цены выше.

Интересно сравнить индекс Малафеева с индексом, рассчитанным Жанет Чепмен. С весами 1937 года ее индекс стоимости жизни составил 478, а с весами 1928 года — 699. Индекс Малафеева расположен между этими двумя цифрами,

но его расчет основан только на ценах в розничной торговле, то есть ученый пренебрегает услугами и сводным рынком, которые, судя по данным Чепмен, благоприятно отразились бы на результатах его расчетов. Не объясняет Малафеев и того, какие веса он берет для своих расчетов. Индекс розничных цен обобществленной торговли (даже с весами 1937 года) мистрис Чепмен составил более 600, и кому хотелось бы видеть детальное сопоставление двух методов расчета, тот убеждается, что статистические методы Малафеева не особенно утонченны, и, по-видимому, ясно, что надо отдать предпочтение мистрис Чепмен. Тем не менее Малафеев обращает внимание на падение реальной заработной платы и рассматривает его причины. Он также сопоставляет крутой подъем розничных цен с заготовительными ценами, выплачиваемыми крестьянству за зерно и мясо, подчеркивая это графическим изображением контраста. Его таблицы заготовительных цен за различные периоды чрезвычайно ценны для изучающих их систему.

Представляет интерес одна из его таблиц, относящаяся к ценам частного рынка в 1929 году. Это, напомним, был год, в котором началась массовая коллективизация, но не сразу. Однако средние цены за год были уже почти в 2,5 раза выше их уровня в 1928 году, в то время как цены обобществленной торговли оставались фактически постоянными. Причина такого положения должна быть выяснена. Были предприняты меры для того, чтобы вытеснить уцелевшие частные предприятия, а первый пятилетний план способствовал образованию дефицита товаров народного потребления. Можно допустить, что нехватка потребительских товаров играла главную роль в повышении цен, и что этому способствовало решение Сталина начать великое наступление против крестьянства.

Большую ценность представляет глава о политике цен в годы войны. Здесь автор также обнаруживает самостоятельность. Используя архивные материалы, он отмечает: Н. Вознесенский в своей книге допустил ошибку, утверждая, что розничные цены на нормированные потребительские товары, исключая алкогольные напитки и табачные изделия в 1941–1943 годах, не повышались. В действительности цены на основные продовольственные товары возросли на 11,6% и на промышленные товары — на 26,4%. Цены неорганизованного рынка, естественно, возросли очень сильно, достигнув максимума в 1943 году (индекс в июле 1941 г. = 100, в июле 1943 г. = 1873).

Архивные материалы использованы для того, чтобы показать масштабы территориальных различий в ценах колхозного рынка. Так, общетоварный индекс в 1943 году был в районах центра 2120, а в Закавказье — 1205 (1941 г. = 100). По отдельным продуктам различие было еще больше. В июле 1934 года ржаная мука стоила от 45 до 300 рублей за килограмм. Таблица, приведенная на с. 232, показывает, что даже на 15 июня 1941 года, то есть перед войной, территориальные различия были почти такими же значительными, как и в годы войны (например, один килограмм ржаной муки стоил от 1 руб. 20 коп. до 7 руб.). Удивительно, как велик территориальный разрыв и сегодня, на весьма несовершенном колхозном рынке. Для 1945 года Малафеев дает взвешенный индекс розничных цен (государственная торговля и колхозный рынок) равный 325 (1940 — 100) и подсчитывает исходя только из этого реальную заработную плату (40% к уровню 1940 года), снова игнорируя услуги. Это значит, что средняя номинальная заработная плата в 1945 году со-

ставила 5270 рублей (130% к 1940 году), хотя Малафеев не мог привести эти данные. Среди других данных есть такие, которые представляют часть его объяснения падения производительности труда в угольной промышленности во время войны. «При норме военного времени 4 кв. м (жилой площади) на одного человека, в угольной промышленности она упала до 1,3 кв. м» (с. 225).

Источник этих данных — снова архивы. Поразмыслим немного над тем, что означает 1,3 кв. м жилой площади, и в памяти невольно возникнут картины испытаний, которые выпали на долю гражданского населения России во время войны.

Что касается послевоенных лет, то здесь Малафеев менее оригинален, но только потому, что по этому периоду больше опубликовано другими авторами. Взаимосвязанные изменения оптовых и розничных цен в послевоенные годы охарактеризованы весьма обстоятельно, и каждый, кто изучает этот период, получает большое удовлетворение от расчетов, приведенных в книге Малафеева. Повышения оптовых цен в 1949 году, необходимые для ликвидации системы дотаций, сочетались с их снижением в 1950 году (двукратным) и в 1952 году. Малафеев отрицает, что в 1950 году было сколько-нибудь значительное изменение в политике цен, доказывая, что целью повышения цен в 1949 году было обеспечение возможности получать минимальную прибыль, но что на практике во многих случаях цены были установлены в 1949 году на высоком уровне главным образом вследствие тенденции некоторых министерств навязать Госплану такие завышенные цены. Автор характеризует массовые снижения цен, осуществленные после середины 1947 года, и отмечает, что в 1948 году цены свободного рынка на продовольственные товары упали ниже государственных, хотя после 1950 года имело место усиливающееся обратное расхождение, которое объясняется чрезмерным снижением цен обобщественного рынка. Так, цены свободного рынка были выше государственных цен в 1952 году на 20%, и в 1954 году — на 34% и, очевидно (если судить по графику на с. 342), около 44% в 1956 году, хотя в 1960 году расхождение уменьшилось до 37%. Среди многих данных, относящихся к сельскому хозяйству, заслуживают внимания средние заготовительные цены на зерно: в 1940 году они составили 8 руб. 63 коп. за центнер, а в 1953 году, как это ни странно, были несколько ниже — 6 руб. 25 коп. Себестоимость зерна в совхозах (которая была ниже, чем в колхозах, замечает Малафеев) составляла соответственно 29 руб. 70 коп. и 62 руб. То, что себестоимость резко возросла — факт весьма показательный, так же, как и противоестественное (хотя и хорошо известное) несоответствие заготовительных цен ее уровню.

Значительно больше места в книге, и особенно на страницах, относящихся к 20-м годам, включая период «ножниц цен», уделено вопросу о доле частной торговли в различные периоды, изменению расхождения между ценами частного рынка и обобщественной торговли.

В работе дана убедительная характеристика причин заготовительного кризиса 1927/1928 года. Ясно, что главной причиной заготовительного кризиса 1927/1928 и 1928/1929 годов, были чрезмерно низкие заготовительные цены, особенно потому, что они не соответствовали ценам на технические культуры и продукты животноводства. Частная торговля зерном в 1928/1929 году еще легальная, осуществлялась по ценам, более чем в два раза превосходившим цены предыдущего года.

В целом это превосходная книга, и все ученые, работающие в этой области в России или на Западе, должны быть благодарны автору за его труд.

Основные труды профессора А.Н. Малафеева

1. Малафеев А.Н. *Режим экономии — важнейший рычаг развития народного хозяйства СССР*. Л., 1956.
2. Малафеев А.Н. и др. *Что такое фонд социалистического накопления?* Л., 1961.
3. Малафеев А.Н. *История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.)*. М., 1964.
4. Малафеев А.Н. *Хозяйственная реформа и вопросы ценообразования*. Л., 1967.
5. Малафеев А.Н. *Актуальные вопросы ценообразования в СССР*. Л., 1974.
6. Малафеев А.Н. *Цена и хозяйственный расчет в системе управления социалистической экономикой*. Л., 1975.
7. Малафеев А.Н. *Прошлое и настоящее теории товарного производства*. М., 1975.
8. Малафеев А.Н. *Пути совершенствования экономики, организации и управления общественным производством*. Л., 1977.
9. Малафеев А.Н. *Теория и практика ценообразования в СССР*. Л., 1983.
10. Малафеев А.Н. и др. *Политическая экономия: Учебник для технических училищ*. М., 1984.
11. Малафеев А.Н. и др. *Политическая экономия: Учебник для ПТУ*. М., 1987.

П.И. Гребенников,
доктор экономических наук, профессор

О.А. Малафеев,
доктор экономических наук, профессор

**Ефим Львович
Маневич**

БОЕВОЙ И НАУЧНЫЙ ПУТЬ¹³⁴

Ефим Львович Маневич, 1914 года рождения, как и многие сотрудники Института экономики АН СССР, в первые дни войны пошел добровольно в армию, несмотря на то, что был освобожден от воинской обязанности из-за плохого зрения. В Москве останется его жена с малолетними детьми, мать, которую он больше не увидит: она умрет в 1942 году далеко от Москвы, в эвакуации. Он оставит свою интересную работу в Институте экономики, где, войдя в число пяти первых аспирантов, выдержавших при поступлении конкурс семь человек на место, успешно защитит в 1940 году кандидатскую диссертацию и будет заниматься своей любимой темой — вопросами теории и организации заработной платы в промышленности СССР.

Всему этому предшествовал долгий и трудный путь — учеба в начальной школе в белорусской деревне Голынка, где их семья (мать и четверо детей) похоронила отца; переезд в Крым и учеба в гимназии в сорока километрах от дома; приезд с фанерным баульчиком в Москву, где он, полуголодный, скитаясь по общежитиям, с отличием закончил ФЗУ, политехникум, химико-технологический институт и получил право сразу (без трех лет работы) сдавать экзамены в аспирантуру.

Судьба распорядится так, что из 12 000 человек, вышедших из Москвы в июле 1941 года с дивизией народного ополчения, вернется только 205¹³⁵, в числе которых будет и Ефим Львович. Начав войну солдатом, Маневич пройдет от Москвы до Вены и закончит ее гвардии майором, будет награжден четырьмя орденами и 16 медалями.

После войны он вернется в Институт экономики, где проработает еще 43 года. Станет высококвалифицированным специалистом в области политической экономики, экономики труда и трудовых ресурсов, в 1951 году защитит докторскую диссертацию, в 1953 году получит звание профессора. Опубликует научные труды (свыше 250 п.л.), в том числе 25 книг и брошюр, 80 статей, многие из которых, и прежде всего монография «Проблемы общественного труда в СССР», будут высоко оценены в нашей стране и за рубежом и переведены на иностранные языки. Наряду с научно-исследовательской работой в Институте экономики Е.Л. Маневич будет преподавать в высших учебных заведениях страны. За 28 лет работы в Высшей школе профдвижения он примет участие в подготовке более 2000 специалистов по труду, первыми из которых будут его ровесники-фронтовики, а в итоге, примерно 30 его аспирантов успешно защитят диссертации, станут кандидатами и докторами наук.

Но это будет потом.

21-ю стрелковую дивизию, в которую был зачислен Е.Л. Маневич, называли «профессорской». В ее составе было много научных работников из разных академических институтов: истории, философии, мирового хозяйства и мировой политики, экономики, права, из Института Маркса—Энгельса—Ленина. Не только в политотделе, но почти во всех батальонах и ротах этой «профессорской» дивизии были люди, имевшие ученые степени, звания и служившие политруками, журналистами, солда-

¹³⁴ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 4. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. — С. 205–218.

¹³⁵ Эти данные приведены председателем Комитета ветеранов дивизии полковником А.Ф. Меденниковым.

тами. Были также артисты театра им. Евгения Вахтангова и Мосфильма, работники Хладокомбината и других предприятий и учреждений Киевского района Москвы.

Впоследствии, когда в дивизию влились новые солдаты, командиры и политработники (не только москвичи, но и жители других мест, а также бойцы из разгромленных соединений), ее еще долго по-прежнему будут называть «профессорской».

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своих воспоминаниях о битве под Москвой напишет, что первой дивизией, начавшей контрнаступление под Москвой, была ополченческая 21-я стрелковая дивизия. Если общее контрнаступление началось 6 декабря, то для 21-й дивизии это событие наступило 26 ноября 1941 года.

В эти дни дивизия получила новый номер: отныне и до Сталинградской битвы она стала называться 173-й стрелковой дивизией. Она участвовала в освобождении ряда городов, многих деревень, сел и поселков. За первые две недели наступления (с 26 ноября до 9 декабря), упорно сражаясь в боях на Каширском направлении, она так и не впустила врага в Каширу и в составе кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова освободила 78 населенных пунктов, в том числе города Венев, Белев, Мордвес. Дивизия захватила 29 танков, 34 орудия, а также много грузовых и легковых машин, мотоциклов.

12 декабря 173-я стрелковая дивизия приказом командующего Западным фронтом была переброшена на Алексинское направление и подчинена 49-й армии генерала И.Г. Захарова. Здесь дивизия прорвала оборону немцев, форсировала Оку, захватила станцию Алексин. Немецкие части начали беспорядочное отступление на Запад.

Со 2 января 1942 года дивизия вела бои за Полотняный Завод — бывшее владение семьи Гончаровых, где прошло детство Натальи Николаевны — жены А.С. Пушкина, а теперь там создан музей. На Алексинском и Детчино-Покровском направлении дивизия освободила 223 населенных пункта, в том числе Полотняный Завод, захватила 28 танков, 16 орудий и много других трофеев. Противник оказывал все большее сопротивление, росли потери с обеих сторон. В двух полках дивизии к концу января осталось 146 человек.

В составе 24-й армии 173-я стрелковая дивизия будет участвовать в разгроме врага под Сталинградом и станет одной из первых гвардейских дивизий.

Ефим Львович Маневич, который непродолжительное время находился в московском госпитале на лечении ослепшего глаза, вернется в политотдел 24-й армии в качестве старшего инструктора по политинформации. Здесь он снова встретится с однополчанами, с редакторами газеты «Боевое знамя» Кронродом, Арчинским, Березко и другими друзьями. В это время он получит свой первый орден — орден Красного Знамени.

После ожесточенных, кровопролитных боев под Курском дивизия участвовала в форсировании Днепра, в освобождении Молдавии и Украины. За счет мобилизации населения освобожденных районов Украины, которое охотно шло в Красную Армию, дивизию удалось пополнить.

Она сыграла активную роль в освобождении от фашистов Румынии, Польши, Венгрии, во взятии Будапешта и Вены и закончила войну на Эльбе, где встретилась с 9-й американской армией. (После 1954 года Е.Л. Маневич снова посетит эти страны уже в качестве участника научных конференций, в том числе проводимых Между-

народной организацией труда.) Дивизия стала именоваться «77-я Гвардейская Черниговская ордена Ленина, ордена Красного Знамени, ордена Суворова II степени стрелковая дивизия».

В книге «От Сталинграда до Вены», написанной Е.Л. Маневичем совместно с капитаном И. Бенедиктовым сразу после войны и высоко оцененной Маршалом Советского Союза А.М. Василевским, а также в последней рукописи «Воспоминания о Родине, войне и мире», подготовленной к печати уже в Израиле, куда он в 1992 году по семейным обстоятельствам вынужден был уехать, подробно рассказано о боевом пути дивизии, не только о ее победах, но и о тех трудностях, которые ей пришлось испытать.

Описан и бой при подходе к деревне Бизюкино в конце 1941 года, когда бойцы попали под интенсивный немецкий обстрел из автоматов, минометов, артиллерийских орудий. Был убит командир и ранен политрук роты. Маневич, оставшись единственным командиром, поднявшись с криком: «За мной!», вывел из-под обстрела десятки бойцов, которым удалось прорваться сквозь сплошной огонь противника и добежать до деревни.

Не смогла дивизия в канун Нового, 1942 года выполнить приказ — подготовиться к переходу в глубокий тыл противника: при пересечении линии фронта немцы обнаружили наших бойцов. Дивизия заметно поредела. Приходило пополнение, но и оно быстро выбывало из строя. Так, прибыли новобранцы из Узбекистана — более 200 необученных, никогда в армии не служивших солдат, многие из них ни слова не понимали по-русски.

***

Любовь к Родине Е.Л. Маневич докажет и в мирное время, неустанно трудясь на благо своего народа и на посту секретаря партийной организации Института экономики АН СССР, и в качестве руководителя его подразделения (заведующего сектором), и в должности первого заместителя директора Института труда при Госкомитете по труду, куда он был командирован на три года (с 1955 по 1958-й). Интеллигентность, эрудиция, внимательное и доброжелательное отношение к людям снискали Ефиму Львовичу уважение и авторитет у всех, кто с ним встречался, работал, у его учеников.

Такие свойственные ему черты характера, как смелость, честность, принципиальность, проявленные на войне, Е.Л. Маневич проявит и в своих научных исследованиях, в открытых публикациях и в многочисленных научных записках и докладах, ежегодно направляемых в плановые и директивные органы и содержащих закрытую информацию об экономической ситуации в стране, обосновывающих необходимость хозяйственных реформ. Ученый придавал огромное значение практическому решению народно-хозяйственных проблем.

В 1951 году Е.Л. Маневич примет самое активное участие в дискуссии по проекту первого учебника политической экономии. В дальнейшем он нередко будет аргументированно спорить по целому ряду вопросов с выдающимися учеными — С.Г. Струмилиным, Я.А. Кронродом, Б.Ц. Урланисом, открыто говорить при встречах с руководителями государства Л.М. Кагановичем, А.И. Микояном, Д.Т. Шепиловым о порочной тарифной системе, системе планирования «от достигнутого», о наличии излишней рабочей силы на предприятиях и о других недостатках.

После войны Е.Л. Маневич познакомится и будет общаться со многими известными деятелями науки и культуры: историком России профессором П.А. Зайончковским, литературоведом Л.А. Зильберштейном, поэтами С. Маршак, Д. Самойловым, Б. Слуцким, а дружбу с товарищами по оружию (в том числе с Д.Т. Шепиловым, Я.А. Кронродом) он пронесет через всю жизнь, останется верен им до конца и в трудную минуту окажет поддержку.

После окончания войны, вернувшись в Институт экономики, Е.Л. Маневич продолжает работу над проблемой заработной платы — одной из самых актуальных проблем послевоенного времени. Дополнив материалы своей кандидатской диссертации, он, при полном одобрении С.Г. Струмилина, представляет рукопись в издательство. В 1947 году монография Е.Л. Маневича «Вопросы заработной платы в промышленности СССР» выходит в свет. В то время книга была единственной работой по проблемам заработной платы в Советском Союзе. Она стала фактически учебным пособием во всех экономических институтах и на экономических факультетах учебных заведений страны.

Исследовательскую работу в Институте экономики Е.Л. Маневич сочетает с педагогической, читая по совместительству лекции в Высшей школе профдвижения, сначала на кафедре политической экономии, а затем на кафедре экономики труда, которая была здесь основной, профилирующей, так как ВШПД выпускала профессиональных работников и экономистов по труду.

Занимаясь теоретической подготовкой будущих специалистов, Ефим Львович большое внимание уделяет и практическим вопросам. Так, во время преддипломной практики, которая проводилась на предприятиях всех отраслей народного хозяйства, студенты собирали материалы по разработанной Е.Л. Маневичем программе. Эти материалы, по его признанию, дополняли то, что было собрано им в министерствах, Госплане, ВЦСПС, и были использованы при подготовке докторской диссертации «Организация заработной платы в промышленности СССР», защита которой состоялась в мае 1951 года.

На основе докторской диссертации Е.Л. Маневич подготовил докладную записку в политбюро ЦК КПСС (за подписью К.В. Островитянова — директора ИЭ АН СССР), где обосновал необходимость проведения в стране реформы заработной платы.

Однако проведение реформы начнется только через пять лет, когда будет создан Государственный комитет по вопросам труда и заработной платы при Совете Министров СССР. В 1955 году в связи с обсуждением проекта создания этого комитета Е.Л. Маневич выступил на совещании у Л.М. Кагановича с критикой проекта, отметил несправедливость возложения вины за недостатки в организации заработной платы на предприятия и министерства, поскольку вся система заработной платы строго централизована и предприятия не имеют возможности и права вносить какие-либо изменения в систему. Нарушения же в устаревшей системе организации труда, особенно в ее тарифной системе, обусловлены низким уровнем тарифных ставок, не обеспечивающем прожиточного минимума работника.

Ефим Львович активно участвует и в обсуждении вопросов организации Института труда, его структуры. Он принял предложение Л.М. Кагановича занять должность первого заместителя директора по научной работе в новом институте и временно покинул Институт экономики.

За сравнительно короткое время работы в НИИ труда Е.Л. Маневич проявил себя как хороший организатор научно-исследовательского процесса; ему удалось укомплектовать институт научными кадрами, прежде всего специалистами, имеющими опыт практической работы (чему он придавал исключительно важное значение), наладить необходимые связи с министерствами и предприятиями, создать хорошую институтскую библиотеку.

В институте начали издаваться сборники «Вопросы труда» под редакцией Е.Л. Маневича, а также бюллетени с официальными материалами по труду и заработной плате, в которых публиковались исследования сотрудников института. Ефим Львович являлся также членом редколлегии журнала «Социалистический труд», в котором работники НИИ труда принимали самое активное участие. Институт представлял в Госкомтруд доклады и записки о необходимости реформ, подготовил и целый ряд тарифно-квалификационных справочников для различных отраслей народного хозяйства. Изучался также опыт организации заработной платы и труда в европейских государствах — наших союзниках по социалистическому лагерю, с научными учреждениями которых, прежде всего с институтами труда, были установлены тесные контакты.

Возвращение Е.Л. Маневича в Институт экономики в апреле 1958 года связано с новыми научными планами: теперь объектом исследований ученого становятся не только вопросы организации заработной платы (чему, главным образом, были посвящены прежние работы), а проблемы труда в целом. Он ставит задачу на основе анализа большого фактического материала раскрыть причины снижения эффективности труда в народном хозяйстве и в этой связи показать пагубность недооценки личной материальной заинтересованности, уравниловки, определить недостатки в планировании на всех уровнях хозяйствования, приводящие, в частности, к массовым припискам, выявить негативные последствия так называемой «скрытой безработицы», то есть содержания на производстве излишней рабочей силы.

Итогом его многолетней работы станет монография «Проблемы общественного труда в СССР», которая с невероятными трудностями, пройдя много инстанций (вплоть до отдела ЦК КПСС), была опубликована в 1966 году в издательстве «Наука».

Наряду с положительными рецензиями книга вызвала публикацию ряда дискуссионных статей в журналах «Вопросы философии», «Вопросы экономики» и других. Главным предметом научных споров был вопрос о критериях определения уровня заработной платы¹³⁶.

В своей монографии Е.Л. Маневич обосновывает всеобщий закон возмещения затрат рабочей силы, согласно которому «объективным фактором, определяющим уровень заработной платы, является необходимость обеспечения рабочих и служащих средствами существования в объеме, потребном для воспроизводства рабочей

¹³⁶ В советское время в книгах и учебниках по политической экономии утверждалось, что при социализме не действует закон стоимости рабочей силы, ибо владельцы рабочей силы — свободные граждане, и они не владеют средствами производства. А поскольку рабочая сила у нас не товар, то и уровень заработной платы определяется якобы в «плановом порядке» государством; он зависит от развития производительных сил в стране и решения конкретных политических и экономических задач на том или ином этапе.

силы»¹³⁷ (в то время нельзя было утверждать, что в нашем обществе действует закон стоимости рабочей силы и что уровень заработной платы работников определяется необходимостью воспроизводства рабочей силы, поскольку это означало бы признание возможности эксплуатации и в условиях социализма).

Книга стала заметным явлением в экономической жизни второй половины 60-х годов. Она была переведена на немецкий, польский, чешский, румынский и другие языки. В 1970 году была переиздана в Венгрии.

В 1980 году Ефим Львович Маневич опубликовал в издательстве «Наука» работу «Вопросы труда в СССР», которую посвятил исследованию ряда проблем, имеющих большое народно-хозяйственное значение, среди них: организация труда и его производительность, научно-техническая революция и подготовка рабочих кадров, совершенствование распределительных отношений, демографическая политика и воспроизводство рабочей силы. Рассматривая спорные в науке положения по этим вопросам, он подверг обоснованной критике концепцию С.Г. Струмилина о новом разделении труда в коммунистическом обществе (уже не между людьми, а между машинами), о новой организации труда и быта членов этого общества в «изолированных коммунах». Е.Л. Маневич дискутировал с Б.Ц. Урланисом по поводу замены единой демографической политики СССР дифференцированной, отмены выплат пособий на детей и по многим другим вопросам.

Успешная научная и педагогическая деятельность, большой профессиональный опыт, организаторские способности, авторитет позволили профессору Е.Л. Маневичу в 1967 году ускорить реализацию давно назревшего решения о создании в ИЭ АН СССР сектора проблем труда и возглавить этот сектор. С этого момента и до конца 1984 года (с перерывом в несколько лет, вызванным изменениями в организационной структуре института) он совмещает свою исследовательскую работу с руководством научным коллективом, заведующим сектором проблем труда и с 1977 года — сектором использования трудовых ресурсов.

Благодаря укомплектованию сектора в основном сотрудниками, изучавшими в других подразделениях Института экономики те или иные проблемы труда, удалось в короткие сроки развернуть большую исследовательскую работу. Членами сектора стали ведущие ученые Института — доктора экономических наук Н.С. Маслова, М.Я. Сонин, Б.Ц. Урланис.

Будучи членом бюро созданного в 1969 году Научного совета «Социально-экономические проблемы народонаселения» при Президиуме АН СССР и возглавив в Совете секцию «Социально-экономические проблемы рационального использования трудовых ресурсов в СССР», Е.Л. Маневич налаживает устойчивые научные контакты с учеными-трудовиками институтов АН союзных республик и ряда союзных ведомств, в частности Госкомтруда, Госплана, Госпрофобра, а также Госкомитета по использованию трудовых ресурсов РФ. Исследовательские планы сектора увязываются с запросами этих государственных структур, а служащие аппарата госкомитетов приглашаются к обсуждению научных работ сотрудников сектора.

¹³⁷ Этот закон Е.Л. Маневич впервые вывел еще в 1959 году в статье «Актуальные вопросы теории и организации заработной платы в СССР», опубликованной в сборнике «Проблемы политической экономии социализма в СССР» (М.: Наука, 1959).

В этот период результаты исследований научного коллектива, руководимого Е.Л. Маневичем, и разработки самого ученого публикуются в ряде коллективных монографий и в научных сборниках. Среди них необходимо отметить, прежде всего, вышедшие под редакцией Е.Л. Маневича и получившие высокую оценку научной общественности монографии: «Основные проблемы рационального использования трудовых ресурсов в СССР» (М.: Наука, 1971) и «Проблемы повышения эффективности использования рабочей силы в СССР» (М.: Наука, 1983).

В первой работе был поднят широкий круг теоретико-методологических и практических вопросов воспроизводства рабочей силы, использования трудовых ресурсов, динамики и структуры населения, баланса труда, занятости и использования рабочей силы. Значительное место отводилось обоснованию необходимости активизации демографической политики в связи с выявившейся тенденцией старения населения, снижения рождаемости и сокращения в целом по СССР темпов роста численности населения и трудовых ресурсов. Большое внимание было уделено нехватке рабочей силы в связи с ее неэффективным использованием и большими потерями рабочего времени. Был сформулирован вывод о существовании устойчивой избыточности работников на предприятиях и о содержании сверхплановой их численности как главной причине возникновения дефицита рабочей силы в стране. Обосновывались меры по ускорению научно-технического прогресса и совершенствованию хозяйственного механизма, высвобождению излишнего персонала.

Все главы второй монографии увязывались с решением актуальной задачи того времени — повышением эффективности производства за счет более эффективного использования рабочей силы и увеличения производительности труда. С этих позиций раскрывались вопросы, касающиеся методов стимулирования экономии живого труда и высвобождения работников, совершенствования системы управления, организации перераспределения рабочей силы, изменения государственной системы трудоустройства населения, регулирования миграционных процессов.

Большое внимание Е.Л. Маневич уделял научному редактированию — под его редакцией вышел в свет и ряд индивидуальных монографий сотрудников сектора, среди них книги Б.Ц. Урланиса «Проблемы динамики населения СССР» (М.: Наука, 1974), Т.А. Бараненковой «Высвобождение рабочей силы и улучшение ее использования при социализме» (М.: Наука, 1974), И.С. Масловой «Экономические вопросы перераспределения рабочей силы при социализме» (М.: Наука, 1976), Н.В. Панкратовой «Закон народонаселения при социализме» (М.: Наука, 1983).

Считая важным именно практическое решение народнохозяйственных проблем, Е.Л. Маневич как руководитель авторских коллективов и автор активно участвует в подготовке для плановых органов страны многочисленных докладов и научных записок по актуальным вопросам труда и использования трудовых ресурсов.

Возглавляемый профессором Маневичем сектор был ответственным за блок «Трудовые ресурсы и занятость» в КП НТП и принимал непосредственное участие в координации научных исследований по проблеме использования трудовых ресурсов, проводил большую работу по подготовке и повышению квалификации научных кадров: в секторе обучались стажеры, докторанты, аспиранты из разных республик и городов всего Советского Союза. В 1978 году сектор привлекается к органи-

зации и проведению Всесоюзной научно-практической конференции «Основные направления повышения эффективности использования трудовых ресурсов в свете решений XXV съезда КПСС», которая проходила под эгидой АН СССР, Госкомтруда СССР, Госплана СССР, ГКНТ, ВЦСПС, Минвуза СССР. Е.Л. Маневич и другие сотрудники сектора выступили с основными докладами. В качестве организатора и докладчика Е.Л. Маневич принимает участие в ряде зарубежных экономических конференций и симпозиумов, состоявшихся в 1967, 1968, 1971, 1984 годах в Швейцарии, ГДР, Венгрии.

В период с 1985 по 1991 год Е.Л. Маневич — ведущий научный сотрудник Института экономики — продолжал активно участвовать в научной жизни страны. Он приветствовал начавшуюся перестройку, выступал с докладами, публиковал статьи в центральной печати, в том числе в журнале «Вопросы экономики», посылал докладные записки в правительство, где, в частности, писал о необходимости подготовки страны к легализации безработицы (перевода ее из скрытой в явную форму), к установлению и выплате пособий по безработице, созданию бюро по трудоустройству населения.

В журнальных статьях «Пути перестройки хозяйственного механизма» (1986) и особенно в последней — «Заработная плата в условиях рыночной экономики» (1991) — он подробно описал недостатки централизованной системы управления, которая привела страну к катастрофическому положению, обосновал необходимость скорейшего проведения радикальной реформы, призванной осуществить всестороннюю революционную перестройку экономической, политической и социальной жизни страны.

Впервые в открытой печати он писал, что в СССР фактическая заработная плата многочисленных слоев трудящихся, занятых на государственных предприятиях и в учреждениях, была существенно ниже прожиточного минимума и не обеспечивала нормального воспроизводства рабочей силы. Ученый считал, что наряду с «госкапиталистическим» существовали и другие виды эксплуатации: почти без всякой оплаты трудились колхозники, которые были лишены элементарных гражданских прав — не могли покинуть деревню и вынуждены были для поддержания жизни дополнительно трудиться в личном подсобном хозяйстве; существовал, по сути, рабский труд заключенных в сталинских лагерях. Была показана пагубность достигшей громадных размеров разницы в уровне жизни рабочих и служащих, реальная заработная плата которых снижалась, и руководящих кадров, у которых она из года в год повышалась как за счет ее номинальной части, так и за счет большого количества натуральных благ.

Ефим Львович в этот период продолжает и редакторскую работу: после смерти своего старого фронтового друга — профессора Я.А. Кронрода — он стал соредактором его трех посмертно изданных книг.

В последние годы жизни, находясь на заслуженном отдыхе, будучи тяжело больным, Е.Л. Маневич «оставался в строю», продолжал неустанно трудиться. Он написал книгу воспоминаний, в которой подвел итоги своего жизненного пути.

Ефим Львович Маневич скончался в возрасте 83 лет в израильском городе Кирьят-Шмона, но мы всегда будем помнить этого незаурядного ученого, умного и хорошего человека.

Основные труды профессора Е.Л. Маневича

1. *Вопросы заработной платы в промышленности СССР. М., 1947.*
2. *Проблемы общественного труда в СССР. М.: Наука, 1966.*
3. *Вопросы труда в СССР. М.: Наука, 1980.*
4. *Основные проблемы рационального использования трудовых ресурсов в СССР / Под ред. Е.Л. Маневича. М.: Наука, 1971.*
5. *Проблемы повышения эффективности использования рабочей силы в СССР / Под ред. Е.Л. Маневича. М.: Наука, 1983.*
6. *Заработная плата в условиях рыночной экономики // Вопросы экономики. 1991. № 7.*

Т.А. Бараненкова,

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Института экономики РАН

**Абрам
Аронович
Мейлахс**

ДОРОГАМИ ТРЕХ ВОЙН И ПОСЛЕВОЕННОГО МИРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА¹³⁸

Чем глубже познаешь жизнь, тем более интересными и поучительными становятся истории жизни людей, прошедших войну, да еще и не одну. Даже в мирное время случаются катаклизмы, которые изламывают людей, делают их несчастными. Как же сложно было людям, которые по воле неких неизвестных им сил были ввергнуты в жесточайшие войны, в трагические события планетарного масштаба. И хотя, как писал Ф. Тютчев, «счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые», не каждому дано было достойно пережить такие минуты.

Абрам Аронович Мейлахс (старший научный сотрудник Института экономики РАН) относился именно к тому поколению людей, становление которых пришлось на годы Великой Отечественной войны. Он родился 9 ноября 1921 года в Киеве, в семье рабочего, а в 1923 году семья вместе с сыном переехала в Москву. В 1939 году А.А. Мейлахс окончил Московскую десятилетку, где в 1937 году, как и большинство подростков того времени, вступил в ряды Всесоюзного ленинского комсомола. К началу Великой Отечественной войны ему было неполных 19 лет.¹³⁹

Война с Финляндией застала его в Ленинграде, где он начинал свою службу в армии по призыву 1939 года. В этом году впервые призывались окончившие школу десятиклассники и студенты-первокурсники. Тогда этот призыв называли «Ворошиловским». Был призван и Абрам Аронович, который уже являлся студентом первого курса Московского института инженеров коммунального строительства.

Первые три месяца службы прошли в запасном стрелковом полку, который располагался в «суворовских казармах», недалеко от Витебского вокзала. После принятия присяги была отобрана небольшая группа, которую отправили во 2-й полк связи. Так Абрам Аронович попал в радиороту. Началась армейская служба: строевая подготовка, политзанятия и интенсивная учеба по специальности. Основное время уходило на изучение материальной части, освоение специальности радиста.

В феврале 1940 года в полк приехало большое начальство, и было приказано срочно построить роту. К солдатам обратился один из старших офицеров и сообщил, что в Финляндии начались боевые действия и нужны добровольцы, умеющие хорошо стрелять и ходить на лыжах: «Кто хочет — должны сделать шаг вперед». Вся рота сделала шаг вперед. И тогда он поблагодарил солдат, но отметил, что ему нужны только те, кто имеет значки «ГТО» («Готов к труду и обороне»), «Ворошиловский стрелок». Было отобрано 12 человек. Абрам Аронович и его товарищи получили теплые вещи, оружие, две переносные радиостанции — «6-ПК», сухой паек на несколько дней и были направлены в распоряжение штаба кавалерийской дивизии, расположенной на финской границе. Начались военные будни: дежурства на радиоузле, охрана радиостанции, караульная служба. Шла усиленная подготовка к штурму «линии Маннергейма», которую финское командование считало неприступной. Дивизия получила приказ двигаться во втором эшелоне вслед за танки-

¹³⁸ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 7. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. — С. 182–194.

¹³⁹ При создании очерка использованы неопубликованные военные мемуары А.А. Мейлахса.

стами и пехотой и подавлять оставшиеся разрозненные огневые точки. Ночевали в лесу, рыли небольшие окопы, спали, завернувшись в палатки. Иногда вступали в перестрелку с небольшими отрядами финнов. После прорыва оборонительных укреплений передовые части заняли Выборг. Через несколько дней был подписан мирный договор, и группа связистов снова вернулась в Ленинград. Каждый получил по 300 рублей наградных и личную благодарность от командующего фронтом. Кроме того, ребятам предоставили трехдневный отпуск в Москву повидаться с родными.

Международная обстановка все усложнялась. Немецко-фашистские войска оккупировали Польшу. Советские части вступили на территорию Прибалтийских стран, после чего эти страны вошли в состав Советского Союза в качестве союзных республик. Летом 1940 года в полку была сформирована группа связистов, которую направили в столицу Эстонии Таллин для обслуживания штаба смешанной авиадивизии (ЧСАД). Абрам Аронович получил новую форму с голубыми петлицами.

Группу разместили в центре города и каждый день возили на аэродром дежурить на радиостанции «11-АК», которая поддерживала связь с Москвой.

Во время пребывания Абрама Ароновича в Таллине началась Великая Отечественная война. 22 июня 1941 года группу подняли ночью по тревоге и зачитали приказ Верховного главнокомандующего о вероломном нападении Германии на СССР. В этот же день советские аэродромы, на которых располагались военные самолеты, подверглись бомбардировкам с воздуха. Бомбили основные и резервные аэродромы, было уничтожено много самолетов, готовых к вылетам. Среди летного состава потерь почти не было. Через несколько дней был получен приказ двигаться в сторону Ленинграда. Ехали только ночью. Днем во время стоянок рыли щели, маскировали машины, готовили еду. Не доезжая Гатчины, получили приказ двигаться на Старую Руссу и еще южнее, в район города Осташкова. Группа оказалась в лесном массиве вблизи города Калинин. Там уже шли ожесточенные бои. Полк связи обслуживал штаб фронта, и радистов направляли в дивизии, где они обеспечивали связью подразделения, действующие на калининском направлении.

17 октября 1941 года немецкие войска захватили Калинин. Командный пункт, к которому был прикомандирован Абрам Аронович, оказался в окружении. Больше месяца пришлось провести, зарывшись в землю, без горячей пищи, организовав круговую оборону. Выводил из окружения сам командующий фронтом Г.К. Жуков. 16 декабря Калинин был освобожден. Началось крупное наступление советских войск Западного фронта при содействии Калининского и Юго-Западного фронтов, а 22 января 1942 года была полностью освобождена Московская область. В начале марта 1942 года наши войска взяли Юхнов. В ходе Ржевско-Вяземской операции противник был отброшен на 80–250 километров и наши войска вышли на подступы к Смоленску и Витебску.

Полк, в котором служил Абрам Аронович, был переброшен под Воронеж, где формировалась 41-я армия под командованием генерала Колпакчи. В этот период поступала новая техника: американские «Студебеккеры», радиостанции «SCR», «Додж 3/4», на котором была смонтирована и рация — РСБ. Экипаж радиостанции был интернациональным: шофер-украинец, механик — Гагарин, радист — еврей, начальник рации старшина Иван Фадеев, русский. Экипаж был очень дружный. Ос-

ваивали новую технику, обучали прибывающее пополнение, ремонтировали рации, которые нуждались в замене деталей и отдельных узлов.

В начале лета 1943 года, перед контрнаступлением наших войск на Курской дуге, их рацию направили в распоряжение генерала С.И. Конева, который разрабатывал план наступления войск Степного фронта (операция «Полководец Румянцев»).

Битва под Курском победоносно завершилась освобождением Харькова, и наши войска устремились к Днепру (об этом Абрам Аронович написал в одном из сохранившихся писем к родным с фронта).

В дальнейшем рация была передана разведгруппе, которая готовила плацдарм для форсирования Днепра. В состав группы входили рота автоматчиков на «Виллисах», саперы и «Додж 3/4» с рацией. Разведгруппа должна была проникнуть в тыл противника, заминировать подходы к переправам, передать сообщения о передвижениях отступающих немецких войск. Ей удалось без потерь проникнуть в тыл немцев, подойти почти к самой реке и сообщать о движении немцев к переправе, указывать цели артиллеристам и авиации. Эта операция продолжалась трое суток, а затем группа вместе с передовыми частями переправилась на другой берег Днепра. К концу сентября было создано 23 плацдарма на протяжении 750-километрового фронта по линии Днепра.

За форсирование Днепра экипаж Абрама Ароновича был награжден медалями «За отвагу». И снова спидометр наматывал километры пройденных дорог: деревни, города, командировки в дивизии на передовую. С боями пересекли всю Украину, Молдавию и вышли на государственную границу СССР с Румынией. Это произошло в конце марта 1944 года, а 22 августа 1944 года войска 2-го Украинского фронта, в которых обеспечивала связь рация Абрама Ароновича, перешли в наступление при поддержке массированными ударами артиллерии и авиации, прорвали сильную, глубоко эшелонированную оборону противника и штурмом овладели городами Яссы, Клуж и другими мощными опорными пунктами обороны противника. Через неделю группа уже была в столице Румынии — Бухаресте. Затем долгие и упорные бои под Будапештом, который был взят 13 февраля 1945 года (медали «За взятие Будапешта» была вручена Абраму Ароновичу в феврале 1946 года). Наши войска продолжали наступать, и 12 апреля 1945 года была взята столица Австрии — Вена, а затем советские войска вошли в Чехословакию.

О капитуляции фашистской Германии группа Абрама Ароновича узнала одной из первых, поскольку обеспечивала радиосвязь штаба фронта и наступающих частей. Их отдельный Клужский Орден Суворова и Кутузова полк связи располагался в Иеглаве, небольшом словацком городке недалеко от Братиславы. 2 мая 1945 года по рации сообщили о взятии Рейхстага, а 8 мая была получена радиограмма о безоговорочной капитуляции Германии. Так пришло известие об окончании войны. Однако еще несколько дней продолжались стычки с разрозненными группами немецких солдат, которые пытались оказывать сопротивление. Многие целыми подразделениями сдавались нашим войскам. Центральная площадь города была заполнена тысячами пленных. Радость Победы, мысли о скором возвращении домой переполняли сердца. Но судьба готовила бойцам новые испытания.

В мае — июне 1945 года большая часть войск 2-го Украинского фронта была переброшена на Дальний Восток для ликвидации последнего очага мировой войны и устранения постоянной угрозы нападения японских милитаристов на нашу страну. Были образованы Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты. Командующим Забайкальским фронтом был назначен маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский.

Эшелон проследовал через всю Сибирь к границе с Монголией. Так радисты оказались в Чойбалсане, где разгрузились, пересели на свои «Студебеккеры» и другие машины и направились к месту дислокации наших войск. Установили палатки прямо на песке. Жара достигала 40 градусов, воду экономили, радовались каждому дождику, редко баловавшему солдат. 9 августа советская авиация нанесла мощные бомбовые удары по укрепленным районам, аэродромам, военно-морским базам и железнодорожным узлам противника. В первые же дни наступления наши войска, преодолевая сопротивление противника, подошли к Большому Хингану, а затем, пройдя перевал, вышли на Центральную Маньчжурскую равнину. Стремительное совместное наступление наших войск, частей и соединений Монгольской армии и 4-й Китайской народно-освободительной армии под руководством Чжу-Де вынудило главнокомандующего Квантунской армии противника отдать приказ о капитуляции.

Для того чтобы ускорить разоружение японских войск, а также немедленно освободить такие важные центры Северо-Восточного Китая, как Мукден, Чан-Чунь, Гири и Харбин, были высажены воздушные десанты. В Чан-Чуне 19 августа десант захватил аэродром, а бойцы 6-й Гвардейской танковой армии вошли в город. Полк, в котором служил А. Мейлахс, разместился в центре города и стал разворачивать узлы связи, готовить к работе радиостанции. Начались обычные трудовые будни: дежурства на радиоузле, охрана наших объектов, патрулирование в городе и редкие минуты отдыха, когда можно было написать весточку своим родным и близким, сфотографироваться.

Одними из первых 2 сентября 1945 года радисты узнали, что японское правительство подписало акт о безоговорочной капитуляции. Верховный главнокомандующий нашей армии издал приказ, в котором объявил благодарность всем войскам, участвовавшим в разгроме вооруженных сил милитаристской Японии. Через месяц группа покинула Чан-Чунь и переехала в Хабаровск, где А. Мейлахс прослужил до 24 июля 1946 года, затем был демобилизован и возвратился в Москву.

За плечами остались годы войны, тысячи километров фронтовых дорог, суровые армейские будни, горечь поражений, радость малых и больших побед... и награды.

Абрам Аронович Мейлахс вернулся с фронта с пятью боевыми наградами: медалью «За отвагу», медалями «За взятие г. Будапешта», «За взятие г. Вены», «За Победу над Германией» и «За Победу над Японией». Впоследствии ему были вручены также медали «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооруженным силам СССР», «60 лет Вооруженным силам СССР», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Юбилейные медали за службу в советской армии и участие в Великой Отечественной войне Абрам Аронович получал и все последующие годы вплоть до своей

смерти 26 декабря 2005 года. В общей сложности он был награжден за свою достаточно долгую жизнь четырнадцатью медалями и орденом Отечественной войны II степени.

Абрам Аронович Мейлахс закончил войну старшим сержантом запаса. Ему было в ту пору всего 26 лет. И судьба сохранила ему здоровье. Впереди было большое и, как тогда обещали, светлое будущее. Это был уже закаленный в испытаниях, серьезный человек. Он не стал тратить времени попусту и в 1946 году поступил в Московский экономико-статистический институт, который успешно окончил в 1951 году и в котором в 1950 году вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза. На последнем курсе института Абрам Аронович женился и счастливо прожил со своей женой Ниной Яковлевной до последнего 84 года своей жизни. В 1952 году он стал счастливым отцом — родился сын Лев. После окончания института Абрам Аронович получил специальность экономиста по проблемам экономической статистики. В течение почти 10 лет он работал на практической работе — инженером-экономистом, начальником планового отдела. В 1961 году судьба привела его в Институт экономики Академии наук СССР, где он и проработал до последних дней своей жизни — около 44 лет в качестве старшего научного сотрудника, причем без ученой степени. Абрам Аронович не ставил своей задачей достичь высокого положения, продвигаясь по профессиональной карьерной лестнице или в сфере партийного руководства. Он так же, как и на фронте, просто служил своему делу, добросовестно выполнял все свои обязанности. К осени 1961 года в самый разгар хрущевской оттепели, когда Институт экономики переживал пору своего расцвета, возвращались из лагерей репрессированные ученые и продолжался набор молодых специалистов, подающих большие надежды, было сформировано новое подразделение — отдел научной информации, в котором помимо уже работающей группы зарубежной информации был создан сектор информации по советской экономике. Предполагалось, что новый отдел будет вспомогательным научным звеном, призванным снабжать экономической информацией научных сотрудников Института. В целях обеспечения полноты и достоверности информации была поставлена задача организовать обзор всех печатных, в том числе периодических изданий — от союзных и республиканских до местных, и выпускать информационные бюллетени, отражающие фактическое состояние советской экономики в центре и регионах. Для сбора необходимой в научных исследованиях статистической информации большое внимание уделялось налаживанию связей с ЦСУ СССР и ЦСУ РСФСР.

Руководство отделом было поручено молодому, энергичному сотруднику Института Дмитрию Дмитриевичу Москвину. Он сумел создать дружный, слаженный молодой коллектив, в котором было немало выпускников экономического факультета МГУ. На должность своего заместителя, а фактически — руководителя сектором советской экономики, он пригласил Абрама Ароновича Мейлахса, с которым вместе учился в институте. Выбор был сделан чрезвычайно удачно, поскольку как бы ни менялись руководители отделом, неизменным и незаменимым его фактическим руководителем более 40 лет был Абрам Аронович Мейлахс. Отличные деловые качества, высокая квалификация, чрезвычайно развитое чувство ответственности, пунктуальность сочетались в нем с доброжелательностью, так-

тичностью и мягкостью, вызывая у всех, кто с ним сталкивался по работе, только положительные эмоции.

В немалой степени благодаря Абраму Ароновичу информационное обеспечение Института совершенствовалось с каждым годом. Он сумел наладить тесные деловые отношения с сотрудниками ЦСУ СССР и получать необходимую информацию, а в те годы это было довольно сложно сделать, поскольку существовал негласный запрет на пользование статистической информацией вне стен Управления (имеются в виду так называемые «материалы для служебного пользования»). Он постоянно и как бы исподволь вел подготовку специалистов в области научной информации и экономической статистики. Из молодых неопытных сотрудников получилась достойная смена, на этих специалистов можно было полностью опереться.

Система отношений с ЦСУ СССР, в том числе и благодаря стараниям А.А. Мейлахса, была окончательно оформлена в 1972 году путем разработки совместного соглашения между ЦСУ СССР, ИЭ РАН СССР и Центральным экономико-математическим институтом АН СССР, изложенного в «Положении о порядке получения ИЭ и ЦЭМИ статистических материалов и участия этих институтов в подготовке программ обследования итогов основных статистических работ».

Ежегодно с участием Абрама Ароновича изучался «План статистических работ ЦСУ СССР» и выявлялись экономико-статистические показатели, необходимые для осуществления плановых научных исследований отдельных подразделений ИЭ АН СССР. Затем составлялась заявка на получение для института необходимого статистического материала, а также справочных статистических изданий. Всего ежегодно в результате деятельности А.А. Мейлахса ИЭ АН СССР получал около 500 статистических источников по развитию советской экономики в целом, отдельных отраслей ее народного хозяйства, материалов, посвященных достижениям научно-технического прогресса, состоянию финансов и социальному развитию в стране. Организовались также консультации для сотрудников института по вопросам статистики, методологии расчетов.

Под непосредственным руководством А.А. Мейлахса велись ежегодное наблюдение и контроль за поступающими материалами, их систематизация.

В 80-е годы были налажены тесные контакты с информационными подразделениями академических институтов и отраслевых НИИ по обмену опытом информационной работы: с отделом координации информационной работы ИНИОН, отделом автоматизированных систем ИНИОН, отделом научной информации НИИ ЦСУ, ученым секретарем Института проблем АПК (г. Саратов), отделом избирательной информации «Информэлектро», Уральским научным центром АН СССР, секторами научной информации институтов экономики Белорусской АН, Азербайджанской АН, Латвийской АН.

И в 90-е годы Абрам Аронович принимал посильное участие в обновлении информационной системы института, создании компьютерной базы данных.

А.А. Мейлахс старался участвовать не только в научной жизни Института экономики, а также в решении его организационных, хозяйственных и бытовых проблем. В течение многих лет он являлся заместителем председателя профсоюзного комитета института, председателем экспертной комиссии отдела, партгрупоргом сектора.

Абрам Аронович обладал организаторскими способностями, пользовался авторитетом среди сотрудников. К нему шли за советом, за помощью — и всегда находили доброжелательный отклик, искреннее участие и непритворное сочувствие. Любой праздник, торжественное мероприятие, дни рождения, юбилеи не проходили без его активного участия, он всегда был в центре компании, к нему тянулись люди, неизменно получая душевное тепло и доброту. А такой неподражаемой, застенчивой и в то же время лукавой улыбки у других мы не замечали. «Щедрой души был человек!» — когда-то могли воскликнуть наши предки, и мы восклицаем сейчас вслед за ними: «Светлая память этому замечательному человеку!».

Хотелось бы закончить очерк словами самого Абрама Ароновича: «Сегодня, когда уже состоялось 60-летие Великой Победы, я, старший сержант запаса, участник трех войн, оглядываясь на прошедшие годы, хочу верить, что мы, ветераны войны, всегда будем хранить честь и достоинство фронтовиков, никто так глубоко не заинтересован в обновлении страны, ее демократическом развитии. Мы — за правовое государство и истинную демократию, которые основаны на уважении к своему отечеству и своему народу, за обновление, которое не ухудшает, а улучшает жизнь людей».

Что касается вклада А.А. Мейлахса в развитие экономической науки, то необходимо отметить: о чем бы ни писал Абрам Аронович, все его работы базировались на обстоятельном использовании серьезнейших статистических материалов. Более того, многие из его работ носят статистический характер. Этим в большинстве своем отличаются его статьи, написанные до наступления перестройки.

С начала 90 годов А.А. Мейлахс становится как бы летописцем происходящих в стране событий. Под его редакцией и при его непосредственном участии, в большинстве случаев совместно с Н.А. Мухиной, Центром научной информации ИЭ РАН с 1995 года ежегодно, вплоть до 2005 года, издаются статистические альбомы, содержащие самые основные данные по важнейшим проблемам экономики страны, собранные из официальных и различных других источников. В них приводятся статистические данные по макроэкономическим индикаторам экономического положения России, динамике цен, финансовому развитию страны, ее институциональным преобразованиям и формированию рыночных структур, по развитию социальной сферы, структурным преобразованиям в стране, по развитию науки и инноваций в условиях России, развитию внешней торговли.

Данные по России дополняются показателями развития стран СНГ и других зарубежных стран. Первый из таких альбомов вышел в 1995 году под названием «Три года экономических реформ в России». Последний, вышедший в 2005 году, называется «Тринадцать лет экономических реформ в России» (1992–2004 годы).

Статистические работы А.А. Мейлахса данного периода дополнялись многочисленными научными обзорами, затрагивающими самые различные проблемы современной жизни России, в которых одновременно можно было найти нужный для других исследователей статистический материал. Все научные обзоры издавались на ротапринтной базе Института экономики РАН. Хотелось бы перечислить хотя бы те, которые относятся к последнему пятилетию жизни А.А. Мейлахса, живо откликавшегося на важнейшие события экономической жизни России.

Основные публикации старшего научного сотрудника А.А. Мейлахса

1. *Реформирование российского образования*. М.: ИЭ РАН, 2000. (В соавторстве с Н.А. Мухиной.)
2. *Миграционные процессы в России. Аналитический обзор*. М.: ИЭ РАН, 2001. (В соавторстве с Н.А. Мухиной.)
3. *Ресурсы и кадры российской науки*. М.: ИЭ РАН, 2003. (В соавторстве с Н.А. Мухиной.)
4. *Лесопромышленный комплекс России. Итоги и перспективы*. М.: ИЭ РАН, 2004. (В соавторстве с Н.А. Мухиной.)
5. *Дети России. Экономико-статистическое обозрение*. М.: ИЭ РАН, 2004. (В соавторстве с Н.А. Мухиной.)
6. *Малое предпринимательство в России. Итоги и перспективы*. М.: ИЭ РАН, 2005. (В соавторстве с Н.А. Мухиной.)
7. *Административная реформа в России. Первые шаги и перспективы*. М.: ИЭ РАН, 2005. (В соавторстве с Н.А. Мухиной.)

В.Д. Калинин,

кандидат экономических наук,
заведующий Сектором информационного
обеспечения Центра информации ИЭ РАН,

Э.Д. Матвиевская,

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Центра информации ИЭ РАН

**Игорь
Иванович
Орлик**

ПАРТИЗАН, ФРОНТОВИК, ПРОФЕССОР¹⁴⁰

Ветераны Великой Отечественной войны, как правило, не очень любят рассказывать во всех деталях о пережитом ими в военные годы. Только отмечая очередной День Победы, вспоминают отдельные эпизоды, драматические ситуации. Да и это бывает в узком кругу друзей и близких, коллег по работе. Вот и в данном случае краткий рассказ о боевом пути будущего профессора Игоря Ивановича Орлика «склеен» из его отрывочных воспоминаний, ответов на вопросы друзей, а также из двух опубликованных им документальных мемуарных очерков.

Игорь Иванович Орлик родился 4 ноября 1925 года в деревне Колбасное Рыбницкого района Молдавской АССР в семье сельского учителя Ивана Фотиевича Орлика, мама Вера Иосифовна работала медсестрой. Его детские и школьные годы прошли в небольшом городке Балта на севере Одесской области. Здесь в июне 1941 года застала его война.

Для 15-летнего Игоря Орлика, всего лишь несколько дней тому назад сдавшего последний экзамен за 8-й класс средней школы, война началась буквально с первого дня — 22 июня.

В тот же день жители города оборудовали бомбоубежища в заброшенных подвалах домов, большинство из которых было построено из глинобитных кирпичей и вряд ли могло служить какой-либо защитой во время бомбежек, что подтвердилось при первом же вражеском авианалете.

К концу недели был сформирован истребительный батальон для поимки немецких диверсантов, регулярно забрасываемых по ночам в лес и поля за городом. Но что могли сделать безоружные ребята-старшеклассники (в том числе и Игорь Орлик), из которых в основном и состоял батальон, возглавляемый всего двумя вооруженными милиционерами?

Военные действия велись уже в 100–120 километрах от города, то есть в Молдавии, но сведений о них не было никаких. О том, что фронт приближается, стало ясно только недели через две, когда все население Балты было направлено на строительство оборонительных сооружений на западных окраинах города. Это были не линии окопов, а глубокие и довольно широкие, до 3–4 метров, противотанковые рвы. В течение нескольких дней одними примитивными домашними лопатами тысячи людей — и стар и млад — рыли многокилометровый противотанковый ров, который должен был сдерживать немецкие танки. Но весь этот тяжелый труд оказался напрасным: немцы вошли в Балту... с востока.

22 июля город подвергся жестокой бомбардировке. Ночью вместе с отступавшими красноармейцами толпы жителей, бросив все свое имущество, двинулись на восток, к Бугу, надеясь, что там, за рекой, они будут в безопасности. Если бы они ушли на два–три дня раньше, возможно, успели бы избежать страшных испытаний, которые им грозили. Но на все обращения к руководителям города и вопросы «Что делать?», «Как быть?» следовал грозный ответ: «Не паниковать! Паникеров арестовывать!»

¹⁴⁰ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 4. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. — С. 156–173.

А в то же время семьи городских начальников ночью тайком вывозились на восток, а за день до бомбежки Балты все руководство также тайно бежало, бросив население города на произвол судьбы, даже не предупредив о надвигавшейся опасности. Поэтому сотни и сотни людей в полном неведении и страхе после бомбардировки города покидали его по проселочным дорогам, ведущим на восток, надеясь уйти от наступавших вражеских частей.

Но через несколько дней тяжелого пути надежды беженцев были разрушены. Пройдя пешком десятки километров, Игорь с матерью и двумя ее сестрами, вместе с тысячами балтских жителей были остановлены румынскими солдатами.

Начался дикий грабёж, издевательства, а затем тяжелое возвращение в Балту.

Так закончилась эта неудачная эвакуация, и начался мрачный период (2 года и 8 месяцев) жизни и борьбы на оккупированной врагом территории. Это время Игорь Иванович называет своим «первым фронтом», так как именно тогда он вместе со своим старшим братом Виктором принимал активное участие в борьбе против оккупантов в составе довольно разветвленной Балтской подпольно-партизанской организации.

Спустя много лет, со скрупулезностью исследователя Игорь Иванович на основе не только своих воспоминаний, но и многочисленных архивных материалов и других документов опубликует в московском журнале «Новая и новейшая история» большой очерк «В Балтском подполье»¹⁴¹. Этот очерк, посвященный «памяти павших товарищей», рассказывает о героических подвигах и трагической судьбе многих балтских партизан — друзей и соратников Игоря Орлика.

Связной партизанского подполья Игорь Орлик выполнял опасные поручения руководителей организации, участвовал в подготовке ряда операций, в распространении среди населения сведений о положении на фронте, а затем и о победах советских войск, приближавшихся к Бугу. Он входил в молодежную группу организации, состоявшую в основном из бывших школьников и бежавших из плена молодых красноармейцев. Вот как в одном из документов подпольщиков характеризовались задачи группы: «сбор материальных средств, медикаментов, оружия, боеприпасов, радиоаппаратуры, радиодеталей; организация диверсий в тылу врага; подготовка базы партизанского отряда, накопление на базе боеприпасов, оружия, медикаментов, продовольствия и по команде — выступление против оккупантов». Это была лишь часть общей деятельности Балтской партизанской организации.

И почти все это было реализовано. Опорная база для вооруженной борьбы была создана в Лесничевском лесу, откуда группы партизан совершали смелые нападения на охрану железнодорожных постов, разрушали железнодорожные пути, выводили из строя семафоры и стрелки на станции Балта, устраивали аварии поездов, приводили в негодность авиа- и автотранспорт, уничтожали фашистских офицеров и чиновников. Шла борьба, которая сопровождалась тяжелыми потерями в рядах балтских подпольщиков. Погибло более пятидесяти партизан, в том числе и многие руководители Балтского подполья.

Через много лет, знакомясь в Одессе с архивными документами о деятельности Балтского партизанского окружка, Игорь Иванович нашел сведения и о балтском «партизанском фронте», к отдельным акциям которого был причастен и он.

¹⁴¹ Орлик И.И. В Балтском подполье // Новая и новейшая история. 1988. № 6.

Несмотря на потери, которые несли балтские подпольщики, в конце 1943-го — начале 1944 года, по мере приближения советских войск к Одесской области, борьба партизан значительно активизировалась. Это подтверждали и донесения балтской румынской жандармерии: «Партизаны хорошо организованы и ожидают прорыва фронта»; «они обезоруживают жандармов и чиновников, прибывающих из Румынии»; «растут многочисленные диверсионные действия в Балтском уезде»¹⁴².

В январе 1944 года к северу от Балты, в Савранском лесу, был сформирован крупный партизанский отряд «Буревестник», насчитывавший более 700 человек. Там было много партизан из Балтского и соседних районов Одесской области. «Буревестник» наносил удары по отступавшим гитлеровцам. Фронт приближался к Балте. После ожесточенных боев 29 марта 1944 года город был освобожден.

И уже через два дня Игорь Орлик был направлен к линии фронта. Нужно было доставить на передовые позиции тысячи единиц снарядов и другого вооружения. Это можно было сделать только вручную, то есть перенести на себе, так как ни грузовики, ни лошади, запряженные в повозки, не могли пройти по черноземному бездорожью. Игоря Орлика назначили командиром большого отряда из 200 человек, который ночью вышел из Балты по направлению к фронту. Каждый боец нес один-два снаряда. Таких отрядов было несколько. И хотя взрыватели у снарядов были сняты, не обошлось без неожиданных взрывов и жертв.

С этого задания начался период, который Игорь Иванович называет своим «вторым фронтом». Вскоре юный партизан был определен в 230-й армейский запасной стрелковый полк 53-й армии 2-го Украинского фронта. Путь молодого солдата, которому только-только исполнилось 18 лет, прошел через Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию и закончился в начале мая 1945 года под Прагой.

Участие в крупных боевых операциях тогда отмечалось благодарностями Верховного Главнокомандующего (они среди солдат назывались «сталинскими благодарностями»), справки о которых вручались каждому участнику боев.

У Игоря Ивановича сохранилось, кроме удостоверений к военным наградам, полтора десятка таких справок, по которым можно проследить весь его фронтовой путь. Вот благодарность «За отличные боевые действия в боях с немецкими захватчиками на подступах к Бухаресту», объявленная 31 августа 1944 года приказом Верховного Главнокомандующего; в октябре благодарность получена за освобождение городов Клуж и Сегед; затем появляются благодарности с названиями венгерских городов, благодарности за «прорыв обороны противника и форсирование Дуная», «овладение городом Будапешт» 13 февраля 1945 г.; с начала марта 1945 года И.И. Орлик получает благодарности за взятие словацких городов (их много, наступление идет стремительно); 26 апреля — за освобождение Брно и, наконец, «за участие в героическом штурме и освобождении Праги» — это уже из удостоверения к медали «За освобождение Праги». Конечно, этот перечень не дает представления о фронтовых буднях, изнуряющих многокилометровых маршах, опасностях, подстерегавших на каждом шагу, да и просто о трудностях солдатской жизни во время войны. Особенно тяжелыми были бои во время Ясско-Кишиневского

¹⁴² Одесская область в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1970.

сражения, при осаде Будапешта, форсировании реки Грон под Брно и при штурме Праги. Но все это, как вспоминает И.И. Орлик, отодвинулось куда-то далеко с приходом Победы. Правда, через три месяца 230-й полк 53-й армии оказался в Монголии, откуда началось наступление против японских войск. После окончания войны с Японией И.И. Орлик служит в Забайкалье, в Сретенском пехотном училище, откуда и демобилизуется в конце 1946 года.

После демобилизации — работа и завершение учебы в средней школе. С сентября 1947 года И.И. Орлик — студент исторического факультета МГУ. Пять лет учебы у профессоров, имена которых сегодня звучат как легенда: М.Н. Тихомиров, С.Д. Сказкин, Б.А. Рыбаков, Е.В. Тарле, И.М. Майский. Да и сам курс набора 1947 года, на треть состоявший из бывших фронтовиков, оказался, как это ощущалось и тогда, незаурядным. В университете была создана благоприятная обстановка для формирования будущих научных работников. Многие из бывших сокурсников И.И. Орлика стали известными учеными, среди которых и три академика¹⁴³.

С января 1951 года (еще до окончания МГУ летом 1952 г.) и вот уже более 50 лет Игорь Иванович работает в Академии наук. После прохождения в Фундаментальной библиотеке общественных наук студенческой практики летом 1950 года его пригласили туда старшим библиографом. Здесь И.И. Орлик приобрел опыт работы с научной литературой по политическим, экономическим и социальным проблемам, в том числе и с литературой на иностранных языках, поскольку на достаточном для библиографа уровне знал три основных европейских языка, а также румынский и венгерский. Все это помогло при подготовке кандидатской диссертации по истории венгерского крестьянского движения, успешная защита которой состоялась в феврале 1956 года. Тогда же появились первые научные публикации Игоря Ивановича: в шестом томе «Всемирной истории», в журналах «Известия Академии наук СССР», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории».

Весной 1958 года И.И. Орлик получил интересное и престижное по тем временам предложение поехать на работу в Прагу заведующим отделом критики и библиографии международного журнала «Проблемы мира и социализма». Здесь Игорь Иванович приобрел знания и опыт исследователя современных международных отношений. Это была хорошая школа для молодого научного работника, недавно защитившего кандидатскую диссертацию. В составе первого коллектива редакции, возглавляемой известным ученым-экономистом (будущим академиком и вице-президентом Академии наук СССР) Алексеем Матвеевичем Румянцевым, были молодые, тоже тридцатилетние кандидаты наук (позже ставшие академиками, известными политиками): Н.Н. Иноземцев, Г.А. Арбатов, А.С. Черняев, К.Н. Брутенц, Т.Т. Тимофеев, А.А. Искандеров, Е.А. Амбарцумов, Л.П. Делюсин, В.В. Загладин, Ю.Ф. Карякин.

Все они составляли «ядро» советской части редакции. Конечно, в таком коллективе (а туда входили не менее интересные представители из других стран) было чему поучиться. Поэтому Игорь Иванович с особой теплотой вспоминает Прагу конца 50-х — начала 60-х годов, считая, что именно там, в «Проблемах мира и социализма» он из историка по образованию превратился в специалиста-международника (или обществоведа-политолога), которому приходилось по роду служеб-

¹⁴³ Орлик И.И. Наш курс. Истфак в 1947–1952 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 6; 2003. № 1.

ных обязанностей вникать в сложные политические, экономические, социальные и другие общественные проблемы. Но главным образом — в международно-политические.

Кстати, многие его коллеги по работе в Праге также были по образованию историками, а позже стали специалистами более широкого гуманитарного плана. Очевидно, это было требование времени — времени, когда создавались новые направления в обществоведении. Не случайно именно тогда стали многоплановыми в научном отношении институты Отделения экономики Академии наук СССР: Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС).

С этими двумя институтами на протяжении почти 45 лет связана и жизнь, и творческая деятельность Игоря Ивановича Орлика.

В конце 1960 года заместитель директора ИМЭМО Н.Н. Иноземцев предложил И.И. Орлику перейти на работу в институт. Там открывалась перспектива новых интересных исследований. С октября 1960 года И.И. Орлик возглавляет секретариат редколлегии фундаментального трехтомного труда «Международные отношения после второй мировой войны». Здесь Игорь Иванович работает под руководством директора ИМЭМО А.А. Арзуманяна и его заместителя Н.Н. Иноземцева, который возглавил редколлегию трехтомника. Среди авторов издания были уже сложившиеся ученые и молодые талантливые научные сотрудники: А.Г. Милейковский, Д.Е. Меламид, Д.Г. Томашевский, В.Л. Тягуненко, В.В. Размеров, Ю.М. Мельников, Г.А. Арбатов, А.Д. Никонов, С.А. Микоян. Со многими из них у Игоря Ивановича завязываются не только тесные рабочие контакты, но и теплые дружеские отношения на долгие годы.

За время работы в ИМЭМО И.И. Орликом был подготовлен целый ряд публикаций по проблемам международных отношений в Восточной Европе и политике западных держав. Его монография, вышедшая в 1968 году, стала основой докторской диссертации «Основные этапы и направления политики западных держав в отношении социалистических стран Восточной Европы 1945–1969 гг.», защищенной в МГУ в апреле 1971 года.

И.И. Орлик первым среди отечественных ученых в комплексном монографическом плане приступил к исследованию отношений между западными державами и восточноевропейскими странами. Можно сказать, что он является основателем этого научного исследовательского направления.

Публикации И.И. Орлика привлекали внимание и высоко оценивались отечественными и зарубежными специалистами, отмечалось стремление их автора объективно осветить сложные международные проблемы в отношениях между Востоком и Западом. Это подчеркивали рецензенты не только из восточноевропейских стран, но и коллеги из западных государств. Так, в авторитетном научном американском журнале «Орбис» в 1971 году была опубликована большая статья, посвященная монографии И.И. Орлика «Империалистические державы и Восточная Европа». Отмечая, что монография И.И. Орлика «содержит значительный объем информации, который лишь частично искажен идеологическими императивами», автор статьи называет этот труд «примером серьезного исследования», содержащего «ряд глубоких откровений»; «политически мотивированные нападки в книге

сведены к минимуму»¹⁴⁴. И.И. Орлик «трезво смотрит на Восточную Европу <...>, в исследовании Орлика скрытым является тезис, что судьба Восточной Европы еще никоим образом не решена, <...> в общем анализе достаточно реализма, и явно недостаточно привычного марксистского оптимизма»¹⁴⁵.

Главное, однако, не в позитивной оценке исследований И.И. Орлика американским научным журналом, а в признании объективного подхода советского исследователя к освещению политики Запада в отношении стран Восточной Европы. Именно тогда, в середине 60-х годов, И.И. Орлик обратил внимание на изменение стратегии Запада в отношении стран социализма, что могло привести (а через два с лишним десятилетия и привело) к последствиям, которые не учитывались (и не предвиделись) советским руководством.

Исследования И.И. Орлика носили, как тогда стали говорить, комплексный характер: он не только изучал взаимоотношения государств двух систем в историческом аспекте, но и рассматривал современные международные политические проблемы, особо выделяя экономические направления этих отношений, роль экономических факторов во внешнеполитической стратегии как Запада, так и Востока. Например, детально рассмотрены в ряде работ И.И. Орлика «план Маршалла», регламентация внешней торговли США с отдельными восточноевропейскими странами, деятельность Координационного комитета, последствия системы «стратегического контроля» для международных экономических отношений, специфика экономической политики отдельных западных держав в отношении стран Восточной Европы.

Подробно изучен процесс «поворота» западных государств в сторону расширения экономических связей с социалистическими странами, признания ими необходимости нормализации отношений с восточноевропейскими партнерами. Вполне аргументирован вывод о том, что дискриминационная внешнеэкономическая политика западных держав, которая привела к ликвидации регулярных торговых связей с Восточной Европой, нанесла существенный ущерб всей системе международного рынка, мешала ее нормальной деятельности. Отказ от этой дискриминационной политики (правда, не сразу) привел к тому, что торговля западных держав к началу 70-х годов существенно изменилась, наблюдалось значительное расширение экономических связей с новыми партнерами.

Одним из первых отечественных исследователей И.И. Орлик обратился к анализу отношений Европейского экономического сообщества со странами-членами СЭВ. При этом он отмечал: «Стремясь к расширению торговли с западными державами, страны Восточной Европы, естественно, заинтересованы в долгосрочных соглашениях и кредитах, что позволило бы обеспечить планирование товарооборота. Такие соглашения могли бы явиться гарантией длительных и нормальных экономических отношений при обязательном соблюдении всех условий соглашений».

Тенденция к установлению тесных отношений с восточноевропейскими странами, отчетливо проявляющаяся во второй половине 60-х годов в политике Запада, — это довольно сложное и противоречивое явление современной международной жизни, подчеркивал И.И. Орлик, делая своего рода прогностический вывод: «В по-

¹⁴⁴ Orbis. Vol. XV. Summer 1971. № 2. P. 697–707.

¹⁴⁵ Там же.

литической области новые черты политики западных держав характеризуются стремлением «приспособить» существующий в Восточной Европе строй к «западной демократии»; выборочным подходом к восточноевропейским странам; ставкой на национализм; поисками приемлемой формы включения восточноевропейских стран в планируемую политическую интеграцию всей Европы».

Напомним, что это положение было сформулировано И.И. Орликом в монографии, вышедшей в свет еще в 1968 году.

Осенью 1969 года в научной судьбе Игоря Ивановича произошел важный поворот. Новый директор Института экономики мировой социалистической системы О.Т. Богомолов, проводя существенную реорганизацию института, пригласил на работу многих «страновиков» — специалистов по странам Восточной Европы.

Многоплановая проблематика исследований восточноевропейских стран привлекла и И.И. Орлика, который ответил согласием на предложение О.Т. Богомолова. С декабря 1969 года, вот уже 35 лет, он работает в Институте экономики мировой социалистической системы (сейчас — Институт международных экономических и политических исследований) сначала заведующим сектором Румынии, с 1973 года по 1987 год — заместителем директора института, а с 1987 года — главным научным сотрудником.

Все это время И.И. Орлик остается верен давно избранному им восточноевропейскому направлению своих научных исследований.

В более поздних публикациях И.И. Орлика не только развиваются многие положения его работ 60-х годов, но и выдвигается ряд новых исследовательских проблем. В монографии «Политика западных держав в отношении восточноевропейских социалистических государств. 1965–1975 гг.», вышедшей в 1979 году, раскрываются новые тенденции во взаимоотношениях государств двух систем. И снова значительная часть книги посвящена экономической политике Запада: показана пагубность системы «стратегического контроля», подробно проанализированы динамика торговли, новые формы экономических отношений, роль СЭВ и Общего рынка в экономических связях Запада с Восточной Европой. При этом подчеркивалось, что «объективный характер западноевропейской экономической интеграции предопределил создание предпосылок для разработки общей политики в отношении стран Восточной Европы».

В этом же исследовательском направлении под руководством и общей редакцией И.И. Орлика выполнен и ряд значительных коллективных работ, вышедших, однако, под грифами «Для служебного пользования» или «Конфиденциально». К таким публикациям относятся, например, «Запад и Восточная Европа», «ФРГ и Восточная Европа». В течение нескольких лет в качестве одного из руководителей И.И. Орлик много внимания уделял международному исследовательскому проекту под символом «Звезда», в котором разрабатывались проблемы отношений стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) с западными державами (особенно экономические аспекты и вопросы обеспечения европейской безопасности).

Игорю Ивановичу принадлежит инициатива подготовки фундаментального трехтомного труда «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века». Вышедший в свет в 2000–2002 гг. трехтомник (главный редактор академик А.Д. Непикелов) является первым в отечественной научной литературе исследованием

важнейших проблем развития стран восточноевропейского региона в течение пяти десятилетий XX века, в котором дана объективная оценка всех сложных процессов социальной, экономической и политической жизни этих государств, их места и роли в бурных международных событиях второй половины прошлого столетия.

Во многих главах, написанных И.И. Орликом на основе новых архивных материалов и других документов, подвергнуты переосмыслению и уточнению существующие оценки сложных преобразований в странах Центрально-Восточной Европы, их участия в международных отношениях. Многие проблемы освещены совершенно по-новому, и тем самым показана неубедительность некоторых традиционных трактовок ряда событий в Центрально-Восточной Европе.

Более десяти лет И.И. Орлик возглавляет важный исследовательский проект «Россия и Центрально-Восточная Европа», в рамках которого под его руководством и при его участии подготовлена серия публикаций, аналитических докладов и рекомендаций для государственных ведомств. Особенно следует отметить монографии и сборники статей: «Россия и Восточная Европа» (1992), «Россия и Центрально-Восточная Европа в первой половине 90-х годов. В 2 частях» (1997), «Экономические и социально-политические трансформации в Центральной и Восточной Европе во второй половине XX века» (1998), «Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в конце XX века» (1999), «Россия и Центрально-Восточная Европа во второй половине 90-х годов XX века. В 2 частях» (2002), «Россия и страны Центральной и Юго-Восточной Европы: взаимоотношения в начале XXI века» (2003). Завершается подготовка двухтомного издания «Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации на рубеже веков».

В многочисленных публикациях последних лет И.И. Орлик подчеркивает, что весьма длительное (более десяти лет) «полужамороженное» состояние отношений между Россией и ее бывшими партнерами по «социалистическому содружеству» в значительной степени определялось внутренними трансформациями в России и странах ЦВЕ. Именно они, эти преобразования, вместе с внешним фактором — переориентацией международной политики — в кратчайшие сроки разрушили былые тесные связи.

Чем объяснить столь долгое равнодушие российского руководства и лидеров стран ЦВЕ (в течение 10 лет!) к установлению нормальных, выгодных взаимоотношений? Это сложный вопрос, требующий рассмотрения целого комплекса объективных, но, главным образом, субъективных факторов. У обеих сторон объективно отсутствовали экономические и политические возможности для взаимодействия в первые годы после распада соцсистемы. Как субъективные факторы можно рассматривать личные стремления каждого из государственных лидеров подчеркнуть полный разрыв с былой системой отношений, а также желание «угодить» в этой связи западным державам.

В итоге эта «пауза» стала столь продолжительной, что нанесла непоправимый ущерб и России, и странам ЦВЕ. Пагубность такого долгого разрыва отношений стала очевидной для всех в начале нового века. Только сейчас проявились первые признаки разумного подхода к становлению новых отношений между Россией и Центрально-Восточной Европой, попытки извлечь уроки из «потерянного десятилетия».

Объективные обстоятельства и схожесть проблем, решаемых в России и других бывших советских республиках, экономическая и геополитическая взаимозави-

симось вынуждают страны Центрально-Восточной Европы восстанавливать сотрудничество с бывшими партнерами. Конечно, такое сотрудничество обусловлено в значительной мере восстановлением внутренней экономической и политической стабильности России. Но это отнюдь не означает, что нужно ждать укрепления этой стабильности в будущем.

Быстро восстановить уровень былого политического и экономического сотрудничества вряд ли удастся даже при самых благоприятных условиях. Если можно будет в ближайшее время существенно увеличить взаимную торговлю, то это позволит создать новую основу экономического российско-восточноевропейского сотрудничества.

Россия очень много потеряла в Центрально-Восточной Европе из-за своей медлительности, неоправданной пассивности и в политике, и в борьбе за сохранение позиций на восточноевропейских рынках, и в общем экономическом и научно-техническом сотрудничестве с бывшими партнерами. В значительной степени это объясняется отсутствием у российского руководства более или менее четкого представления о новом характере и главных направлениях отношений России со странами Центрально-Восточной Европы.

Как считает И.И. Орлик, развитие политических и торгово-экономических отношений России со странами Центральной и Восточной Европы требует разработки концепции применительно к взаимодействию с каждой страной. Последствия распада бывших союзнических отношений продолжают оказывать свое влияние на развитие связей России с Центрально-Восточной Европой. Существенную роль при этом играют изменения во внешнеполитическом курсе России, а также радикальная смена внешнеполитических приоритетов восточноевропейских стран.

России досталось от СССР тяжелое наследство. Создавая новые отношения с каждым из восточноевропейских государств, она должна прежде всего разрешить многие доставшиеся ей проблемы, освободиться от их груза, который не позволяет строить полнокровную и жизнеспособную систему внешнеполитических связей. Старые правовая и организационная инфраструктуры отношений со странами Центральной и Восточной Европы разрушены. Необходимо создать новую инфраструктуру с учетом новых внутренних и международно-политических реалий.

Серьезным просчетом политики России в конце XX века стало фактическое игнорирование стран ЦВЕ как партнеров в решении важных внутренних и международных проблем. Осознание российским руководством необходимости проведения активной политики в регионе ЦВЕ, разработка специальной внешнеполитической концепции применительно к этому региону могут эффективно содействовать решению многих проблем процесса трансформации и в России, и в странах Центрально-Восточной Европы, а также способствовать оздоровлению складывающейся здесь геополитической ситуации.

Исследуя новую геополитическую ситуацию, в которой оказались Россия и Центрально-Восточная Европа, И.И. Орлик приходит и к более широким выводам. Первые годы XXI века не стали обнадеживающими, предвещающими обновление и умиротворение по сравнению с жестоким и драматическим минувшим столетием. Незатухающие кризисы во многих регионах Земли, угроза, а затем и проявления массового терроризма, крупномасштабные военные действия, чреватые не только

реальным противостоянием цивилизаций, но и атомной войной, — все это порождение первых лет XXI века. Человечество не долго отдыхало после окончания холодной войны. Продолжают тлеть непогашенные очаги балканского пожара, возникают новые противоречия, едва вступившие в НАТО новые члены Альянса уже вовлечены в опасный пожар на Ближнем Востоке. И все это рядом с Россией и ее европейскими партнерами по СНГ.

Новая ситуация, сложившаяся в Европе после столь значительного расширения НАТО и ЕС, конечно, требует от России разработки новых концепционных положений для более четкого определения целей и задач ее политики в Европе, в том числе и в отношении Центрально-Восточного региона.

Эти выводы более глобального плана и результаты исследований по отдельным проблемам взаимоотношений России и стран Центрально-Восточной Европы нашли отражение в ряде публикаций И.И. Орлика последнего времени.

Всего Игорем Ивановичем опубликовано более 250 работ. Он является ответственным редактором многих монографических трудов, участником и руководителем международных комплексных проектов.

В разное время И.И. Орлик был членом ученых советов ИМЭМО, истфака МГУ, ИНИОН, председателем Ученого совета по защите кандидатских диссертаций в ИЭМСС, членом Ученого совета Дипломатической академии МИД РФ, членом бюро Научного совета РАН по истории международных отношений, членом Совета по внешней политике России Министерства иностранных дел РФ.

За многолетнюю плодотворную научную деятельность И.И. Орлик награжден в 1975 году орденом Трудового Красного Знамени, а в 1976 году — румынским орденом «Заслуженный ученый». В 1985 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Многоплановую научную работу И.И. Орлик сочетает с педагогической: в 1957–1958 и в 1970–1971 учебных годах он читал спецкурсы в МГИМО, в течение 10 лет являлся профессором Университета дружбы народов и профессором Дипломатической академии. Им подготовлено 27 кандидатов исторических наук — специалистов по международным отношениям.

Не без гордости Игорь Иванович говорит, что среди его бывших учеников есть министр иностранных дел одного из государств СНГ, заместитель министра иностранных дел другого государства СНГ, есть чрезвычайные и полномочные послы, дипломаты высокого ранга, а также доктора наук, профессора, многие талантливые ученые.

***

Завершая подготовку этого очерка, авторы поинтересовались у Игоря Ивановича: «Есть ли прямая связь между непродолжительным, но опасным периодом партизанской и фронтовой юности и последующими многими десятилетиями его жизни?»

Немного задумавшись, Игорь Иванович уверенно ответил: «Да, конечно, есть. Я горжусь тем семнадцатилетним юношей, у которого, как и у его друзей-сверстников, хватило ума, смелости и чести стать подпольщиками-партизанами. Поэтому больше других удостоверений к военным наградам я ценю свой партизанский билет № 9753. Ну, а что касается проблематики моей многолетней научной дея-

тельности, то, возможно, — добавил, улыбаясь, Игорь Иванович, — здесь повлияли медали „За взятие Будапешта“ и „За освобождение Праги“. В целом же, если мысленно охватить мою долгую жизнь от юности до сегодняшних дней, то ее девизом являются слова: „Береги честь смолоду!“»

Основные труды профессора И.И. Орлика

1. Венгерская Народная Республика. Внешняя политика. Международные отношения. М., 1962.
2. Империалистические державы и Восточная Европа. 1945–1965. М., 1968.
3. Политика США в отношении социалистических стран Восточной Европы (1945–1960 гг.) // Американская историография внешней политики США. 1945–1970. М., 1972.
4. Политика западных держав в отношении восточноевропейских социалистических государств (1965–1975). М., 1979.
5. Основные черты новых отношений между Россией и странами Восточной Европы // Россия и Восточная Европа / Отв. ред. И.И. Орлик. М., 1992.
6. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в 40–80 гг. // История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945–1990. М., 1993.
7. Россия и Центрально-Восточная Европа в первой половине 90-х годов. Ч. 1–2 / Отв. ред. И.И. Орлик. М., 1997.
8. Международные экономические отношения в Восточной Европе в первой половине XX века // Восточная Европа: путь в мировой рынок. Информационно-аналитический иллюстрированный альманах. М., 1998.
9. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. I: Становление «реального социализма». 1945–1965 / Отв. ред. и автор 4-х глав И.И. Орлик. М., 2000.
10. Россия и Центрально-Восточная Европа в новой геополитической ситуации // Многоликая Европа: пути развития. М., 2002.

С.П. Глинка,

доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института
международных экономических
и политических исследований РАН;

М.П. Стрепетова,

кандидат экономических наук, ведущий
научный сотрудник Института
международных экономических
и политических исследований РАН

**Анатолий
Карпович
Покрытан**

ИСПЫТАНИЕ¹⁴⁶

I

Среди боевых товарищей он прослыл чрезвычайно везучим человеком. В батарее о нем говорили, что он родился в рубашке. Слухи о его находчивости и неуязвимости вышли за пределы дивизиона. Эта его репутация особенно окрепла во время штурма Великих Лук, когда две его стотридцатидвухмиллиметровые гаубицы в течение трех с лишним недель вели огонь прямой наводкой, ни разу не сменив позиции. Было, что по двум его гаубицам по несколько часов кряду работало до трех минометных батарей. Был и вовсе редкий случай, когда против двух его гаубиц немцы подтащили на прямую наводку две зенитки, но он сумел одну зенитку подавить, а вторую немцы поспешили оттащить с открытой позиции.

Под огнем он работал исключительно хладнокровно и изобретательно. В дивизии рассказывали о том, что один парень умудрился втащить свою двухтонную гаубицу в церковь и оттуда несколько часов методично уничтожал огневые точки передней линии немецкой обороны, не давая немцам поднять головы, но это совсем уже было похоже на солдатскую легенду. Тем не менее это, как говорится, голый факт и можно вполне конкретно указать, где именно это происходило: в деревне Шарапове под Великими Луками, которую немцы хорошо укрепили и за которую шли очень тяжелые бои.

Сам он был одержим верой в то, что его не убьют. На войне эта вера молчаливая. О ней не принято говорить вслух. Он сказал однажды и увидел, как смутились бывалые солдаты. Одержимых убивают чаще — это тоже относится к бытовым военным истинам. Он открыто бросил вызов всем богам войны. Именно после этого — осенью сорок второго и в особенности зимой сорок третьего года — последовали затяжные тяжелые бои в районе Великих Лук, большую часть которых он провел на позициях прямой наводки. Боги войны его вызов не приняли: из этих боев он вышел без единой царапины.

Его мина была не та, что попала в двух шагах от него в ровик у Запорожского шоссе в августе сорок первого. И не та, что разорвала его грудь осколками под Рамушевым весной сорок второго. И не та, что разбила его гаубицу под Новосokolьниками зимой сорок третьего. Среди сотен мин, которые неделями искали его на открытых позициях, его мины тоже не оказалось. Его мина вообще его не искала. Он нашел ее сам.

Ему надо было присмотреть место для будущего капонира, в котором мог бы стоять тягач-«студебеккер», и он решил в качестве котлована использовать глубокую воронку. Он нашел такую воронку в лесу под Новосokolьниками, недалеко от позиций батареи. Подумал: «Повезло». Спустился по заснеженному откосу и стал пробовать лопаткой дно. Раздался сильный взрыв.

¹⁴⁶ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 6. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. — С. 5–28. В сборнике приводятся фрагменты очерка, написанного к 30-летию Победы и опубликованного в журнале «Юность» (1975, № 11).

Это было двадцать третьего марта сорок третьего года.

Наш рассказ — это рассказ о судьбе бойца. И пусть короткая справка о фронтовом прошлом бывшего артиллерийского сержанта Анатолия Покрытана будет прологом к этому рассказу.

II

«Я долго падал. Мне казалось, что я падаю. Но куда я мог падать? Вероятно, меня выбросило из воронки. Я сразу вскочил на ноги и снова, как под Новосокольниками, подумал: „Цел!“ Ощупал тело руками — цел! Боли не ощущал. Тут же сообразил, что ничего не вижу. Засорило глаза. Раздвинул веки пальцами — ничего не вижу. Кто-то набросил мне платок на глаза. Кому-то я отдал свой пистолет. Меня взяли под руки и куда-то повели. Платок пах бензином».

Потом — Великие Луки, Калинин, Иваново. В Иванове сделали первую операцию: вставили распорки и иглой выковыривали из роговиц песок, землю, пороховинки. Результата не было.

В конце июля стали прибывать раненные с Курской дуги. Госпиталь быстро переполнялся. «Вас надо выписывать», — однажды после осмотра сказала ему военврач. «Куда?» — «Ну куда же тебя, родной, выпишешь? Только в дом инвалида...» Покрытан отказался наотрез.

Снова санитарный поезд. Везли долго. Потом объяснили, что поезд прибыл в Иркутск. Покрытан понял, что это его конечный пункт.

Позднее, когда он принял новую реальность как неизбежное, он понял, что в первые недели и месяцы после ранения все еще пытался жить по законам человека зрячего. Все, что произошло с ним, считал он, означало лишь, что мир сжался до масштаба огневой позиции. Возле орудия он бы не мог ошибиться. Конечно, командовать огнем взводом ему уже не под силу, но быть заряжающим или подносчиком — вполне. Надо только добраться до батареи.

Он совершил побег. Товарищ по госпиталю проводил его на вокзал и помог проникнуть в вагон. Однако при первой же проверке документов его обнаружили, сняли с поезда да долго выговаривали за то, что отрывает от дела занятых людей...

Некоторое время он не оставлял мысли о второй попытке. Его прежняя жизнь была еще слишком близка. Она сохранялась в привычках и ощущениях, его мышление по-прежнему опиралось на зрительные образы, которые хранила его память.

Однако его жизнью уже управляли другие законы. Это проявлялось в том, что привычка к действию вытеснялась в нем привычкой к размышлению. Сначала он себе в этом отчета не отдавал и не думал о том, что перемена эта качественная. Все его размышления по-прежнему были направлены на обдумывание действия, суть которого — физическое перемещение в пространстве. Но однажды он понял, что дело не в тактических просчетах. Дело в том, что он уже не может относить себя к людям живущим, работающим, воюющим, читающим...

Он понял это не сразу потому, что ни одному здоровому человеку такое не может прийти в голову. Он понял, что разорвана самая прочная связь, соединяю-

шая любого живущего человека с другими, с миром — тем миром, который есть сама жизнь.

Это была настолько простая и горькая истина, что поначалу он не хотел верить в нее. Сначала он постиг это умом, но затем настал неизбежный момент переживаний, и он сразу ощутил разрыв между своим настоящим и прошлым. Он почувствовал, что падает в бездонную пропасть, что даже разбиться ему не суждено — он будет падать всю жизнь. Десятилетиями стареть, лишь ощущать смену времен года, питать себя воспоминаниями двадцати трех прожитых лет и, наконец, дожить до того часа, когда прожитое уже не будет тревожить.

Все рухнуло в один день. Отчаяние сменилось апатией, полным безразличием ко всему и вялостью. Он ушел в это состояние и наполнился им. В те дни он ничего не знал о целительном смысле отчаяния, не знал, что подобное состояние может пробудить силу, которая всегда таилась в нем и была ему неизвестна, и что эта сила обнаруживается медленно, тяжело и надрывно, и надо оказаться в крайней ситуации, чтобы природа сама бросила на чашу весов твой последний резерв. Крайней ситуацией он привык считать фронт. Для себя — войну с открытых позиций. В той ситуации все сходилось: пока ты был жив — ты был с людьми, а если ты не мог быть с людьми, то и сожалеть уже ни о чем не мог. Мертвые не сожалеют. Других вариантов он в расчет не принимал, во всяком случае для себя не представлял ничего, кроме жизни или смерти, а смерть научился исключать с непостижимым упорством. Но оказалась возможной еще одна ситуация — промежуточная, а об этом он никогда не думал. Он никогда не думал, что можно быть вырванным из жизни и не быть мертвым. И из этой зоны нет ходу ни вперед, ни назад.

III

В свои двадцать три года Покрытан определил ситуацию как полную неспособность действовать и понял, что такое существование раздавит его. Если впоследствии он когда-нибудь говорил, что за время, проведенное в госпиталях, он передумал все, то он был абсолютно точен как человек, полностью отдавший себе отчет о своем положении.

Отныне он не мог больше питать себя иллюзорными надеждами и строить планы, которых он не в силах осуществить. Любую мысль, которая несла какое-то утешение, он подвергал сомнениям, чтобы впоследствии не расплачиваться за ошибку. Он себя не торопил. Единственное, чем он располагал в избытке, — это временем.

Он погружался в такие глубины сомнений, откуда, казалось, невозможно выбраться. Такое может себе позволить только тот, кому нечего терять. Такое можно позволить себе неосознанно, но в тысячу раз труднее позволить себе такое сознательно. Он прошел тот потаенный путь. Уже летом сорок третьего года в этом — пока еще стихийно — начала проявляться его воля. В последующие годы ему приходилось укреплять ее, восстанавливать, тренировать и непрерывно — непрерывно! — подвергать все новым и новым изощренным испытаниям. Но зато каждый вывод, к которому он приходил, становился частью жизненной программы, пере-

смотр которой исключался раз и навсегда. Категоричность его формулировок вовсе не была случайной. Он стал собирателем истин, которые, как он считал, имели смысл только для него самого. Пришло решение: «Надо где-то учиться. Чему — не важно. Важно войти в какой-то процесс».

Он втягивался в немыслимое соревнование на марафонской дистанции, где от него потребовалось бы втрое, впятеро больше сил, чем от любого подготовленного марафонца. А таким «марафонцем» рядом с ним был каждый здоровый человек.

В иркутском госпитале он услышал, что в Ленинграде, в институте имени Герцена, вроде бы создана специальная группа, в которой обучают людей, потерявших зрение. Проверить это наверняка Покрытан не мог и потому решил посоветоваться с начальником госпиталя.

IV

За два года войны начальник госпиталя повидал уже сотни людей, в жизни которых госпиталь стал некой поворотной точкой. Здесь людей все еще объединяло чувство фронтовой общности, здесь они все еще чувствовали себя солдатами, и многим это помогало на первых порах переживать свою беду. И здесь же происходили молчаливые драмы и трагедии, здесь, наконец, наступала полная ясность — каждый постигал, что такое его реальность, одна-единственная, потому что у каждого она была своя. Этот процесс совершался на глазах врача, зачастую отодвигал лечебную работу как бы во второй ряд.

Начальник госпиталя слушал сержанта-артиллериста и думал о том, что в каждом подобном случае он никогда не знает, как ему себя вести. Либо сейчас надо поддержать еще одну неистовую надежду — во что сам он ни на минуту не верил, либо каким-то образом разрушить эту надежду сразу, чтобы потом, когда этот парень окажется бог знает где, его не постигло бы разочарование, с которым человек справиться не в силах. Тут речь шла о пределах человека, конкретного человека, который пришел к нему за советом. Но откуда он мог знать, где эти пределы? Начальник госпиталя слушал и молчал. А потом, когда сержант закончил, сказал так, будто и не слышал ничего:

— Где расположена четырнадцатая палата, знаешь? Сходи туда, найди Иванова и поговори с ним.

И Покрытан, который не знал никакого Иванова и вообще говорил совсем о другом, с недоумением отправился искать четырнадцатую палату.

Это была самая большая палата в госпитале — коек на тридцать. В ней лежали люди, по собственному выражению Покрытана, «до конца осознавшие, что они такое».

Он остановился в дверях.

— Иванов! Есть тут Иванов?

— Есть, — раздалось из глубины. — Кому я понадобился?

— Мне, — автоматически ответил Покрытан. «Мне» должно было прозвучать странно, но Иванов не обратил на это внимания.

— Иди сюда, — сказал этот Иванов спокойно.

— Куда «сюда»? — удивился Покрытан. — Я не вижу.

У Покрытана, по свидетельству врачей, левый глаз сохранил один процент зрения, то есть он различал день и ночь. Мог «увидеть» на фоне белой стены человека в черном костюме — точнее, пятно. Впоследствии при ярком солнце приловчился видеть собственную тень и даже пытался использовать это для ориентации. Но в тот день, когда он впервые вошел в четырнадцатую палату, он сам еще не подозревал, до какой степени беспомощен.

Лейтенант Николай Иванов был ранен в Сталинграде осколком немецкой гранаты. Осколок пробил обе височные кости. Миллиметр определил судьбу лейтенанта. Николай остался жив, но начисто лишился глаз. Услышав, что у Покрытана один процент зрения, лейтенант присвистнул:

— Ну, брат, ты же зрячий человек!

И уверенно приказал:

— Будешь у меня поводырем.

Кое-как добравшись до койки Иванова, Покрытан был изумлен, нащупал какие-то бумаги, картон и даже книги. Вся койка была завалена этим, и Николай поспешно предупредил:

— Осторожней, а то ты мне так все перемешаешь, что я потом за месяц не разгребу...

— Что это ты делаешь? — удивился Покрытан.

— Читаю!

— Что читаешь?

— Дай руку.

Сначала Покрытан ничего не ощутил на шероховатом картоне, но потом нащупал одну точку, другую — весь лист был испещрен едва осязаемыми точками.

— Я тебе сейчас напишу азбуку. Через два дня придешь ко мне — сдашь, — сказал Николай.

Так Покрытан узнал о существовании точечной системы Брайля.

V

Они решили остаться в Иркутске. Дождались дня, когда в госпитале меняли белье, надели чистые пижамы, тапочки и отправились в пединститут. Покрытан шел впереди и держал Иванова за руку.

Они шли, шли, и Покрытан почувствовал, как промокают тапочки. Обращаться к прохожим, спрашивать дорогу они не решались. Покрытан напряженно размышлял, Иванов молчал и терпеливо ждал. Наконец Покрытан решился и пошел напролом. Тотчас же они оказались по колено в воде — очевидно, лужа попалась необозримая. Николай, не проронив ни слова, по-прежнему терпеливо шел следом.

Тот первый маршрут из госпиталя в институт запомнился Покрытану как самый долгий маршрут в его жизни.

Директор оказался на месте. Поговорили. «Хорошо, ребята, — сказал директор, — хотите учиться — будете учиться».

Им выдали справки о том, что они зачислены на первый курс.

В ту пору в институте учебный год начинался в октябре. Иванов выписался из госпиталя раньше, перебрался в общежитие и «забил» койку для Покрытана. Покрытан в оставшийся месяц усиленно готовился — старался натренировать руку. Диктанты ему «закатывал» сосед по койке Василий Голубицкий. На фронте Голубицкий потерял зрение и обе руки. Покрытан знал, что Голубицкий был сапером, и потому ему ни разу не пришло в голову поинтересоваться, чем Голубицкий занимался до войны. А Голубицкий до войны где-то на Алтае преподавал русский язык. И когда Покрытан вернулся из города и объявил, что отныне он студент пединститута, что-то внезапно изменилось вокруг. Какая-то незримая волна прошла сквозь каждого. Тогда и выяснилось, что изувеченный сапер Вася Голубицкий вовсе не сапер. Не сапер! Вася Голубицкий — учитель русского языка... Свой первый диктант Покрытан запомнил на всю жизнь. Тишина стояла в палате. Такая тишина, будто не один Покрытан, а все они, кто там был, старательно выдавливали точки на картоне. И в той тишине слышался лишь голос Васи Голубицкого — негромкий, строгий, внезапно ставший незнакомым: «Проказница мартышка, осел, козел да косолапый мишка затеяли сыграть квартет...»

VI

В первые недели их выручала память. Но объем знаний нарастал, как снежный ком, а они вели счет на абзацы. Оба не владели системой Брайля в совершенстве, оба изнемогали от бесплодных попыток угнаться за своими сокурсниками, оба были не в состоянии хоть чем-то помочь друг другу. Покрытан впадал в отчаяние. Иванов, привыкший все проблемы решать одним махом, злился, немилосердно ругал себя, и Покрытана, и того неизвестного немца, одного из сотен, которому однажды удалось опередить его, Николая, и бросить гранату на несколько секунд раньше. И вслед за этим он снова принимался за себя и Покрытана...

А Покрытан форсировал развитие памяти. Придумывал всякие упражнения. Память была ему и конспектом, и учебником, и библиотекой. Часто ему казалось, что наступает предел: память не выдерживала нагрузки. Он метался в поисках иных вариантов. Иных вариантов не было.

Накануне своей первой сессии — зимней сессии сорок четвертого года — он почувствовал, что никогда еще не стоял на пороге столь серьезного испытания. Первым экзаменом он сдавал традиционный для гуманитариев курс «Введение в языкознание».

Профессора Копержинского переживания студентов не интересовали. Казалось, профессор не обратил никакого внимания на то, что сидящий перед ним студент — Покрытан. Он спрашивал бесконечно долго, наверное, целый час. Это было правильно, считал Покрытан и за это был благодарен профессору. Но все же пятерка ошеломила его. Он «обкатывал» пятерку Копержинского несколько дней и так и этак, стараясь понять, заслуженная она или нет. Ему нужна была точность оценки, прежде всего точность. Оценка была ему единственным ориентиром. Речь шла даже не о знаниях — речь шла о том, как ему вообще распределить свои силы. Он понимал, что люди не беспристрастны и что профессор вовсе не ка-

менный, а значит, мог накинуть лишний бал. Вообще-то Покрытан не всегда был справедлив к людям, относившимся к нему с сочувствием. Он знал это, но позволял себе быть несправедливым, ибо полагал, что за сочувствием часто кроется жалость, а жалость он возненавидел в тот день, когда впервые в ивановском госпитале услышал сострадательное: «Куда же тебя, родной, выпишешь...» Однако же авторитет профессора был чрезвычайно высок, и Покрытан в конце концов «сбалансировал» пятерку. По этому поводу они с Николаем устроили праздник. Но вскоре произошло событие, которое едва ли не стоило Покрытану всех его побед.

Факультет получил возможность выдвинуть двух студентов на именную стипендию. Сейчас просто бессмысленно говорить о том, чем была именная стипендия для студентов сорок четвертого года. Вопрос решался самым демократическим путем на общефакультетском собрании студентов. По предложению профессора Копержинского одну из двух стипендий отдали Покрытану.

Назад, в общежитие, Покрытан шел оглушенный. Впервые за полгода их дружбы не он вел Николая в общежитие, а Николай вел его.

Все полетело к черту: и полученная пятерка, и месяцы дьявольской работы. Значит, Копержинский все-таки обратил внимание на то, что сидящий перед ним студент — Покрытан. Значит, он, Покрытан, все-таки обманулся в своем доверии к авторитету профессора. И, значит, все его труды стоят в лучшем случае тройки, а может, и тройки не стоят! Как он сможет это узнать? Как он сможет вообще узнать, чего стоит его работа, его знания, он сам, в конце концов? Он все время думал о том, как относиться к внешнему миру. Но он ни разу не подумал, что внешний мир всегда по-своему будет относиться к нему и что ему всегда придется делать поправки на это встречное отношение к себе...

Николай ликовал. Николай не хотел или не мог понять его и, кажется, впервые не верил ему. Покрытан снова почувствовал подтачивающее его изнутри одиночество. Общая беда сблизила и сдружила их. На этой общности они хотели построить и общую жизнь. Но у таких разных от природы натур не могло быть общей жизни. Да и существует ли она вообще? У каждого человека жизнь своя. В этом отношении неповторимая индивидуальность человеческой личности — наиболее существенный фактор, более существенный, чем общее несчастье.

Николай радовался. Покрытан думал о новом неожиданном препятствии.

Николай расслаблялся. Покрытан сжимался, как пружина: слишком большая дистанция лежала впереди.

VII

После второго курса Покрытан переехал в Одессу и продолжал учиться в Одесском педагогическом институте. В сорок седьмом году он успешно окончил институт и стал устраиваться на работу. В сорок седьмом году он понял, что учитель без зрения — это не учитель. Конкретнее — что слепой учитель не нужен.

У него вошло в привычку по вечерам анализировать прожитый день. Понятия зрительной памяти для него не существовало. Прожитое, до мелочей, откладыва-

лось в памяти ощущений. Эта память, на которую работали слух и мозг, была беспощадной — она не знала избирательности, она не знала отдыха, ей не на что было переключиться. Она перемалывала все.

По вечерам он вспоминал людей, с которыми днем вел официальные разговоры.

Официальный разговор потому и официальный, что предполагает короткий контакт с целью обмена направленной информацией. Вряд ли хоть одно должностное лицо из тех, с кем приходилось в те дни разговаривать Покрытану, думало о том, сколько сведений о себе оно дает этому человеку. И уж, конечно, ни одному из них не пришло в голову, что веками отработанные приемы и методы ведения официального разговора не столько скрывают, сколько подчеркивают индивидуальные стороны человеческой натуры. Никто из них не подозревал, до какой степени натреновано и обострено восприятие человека, который от порога делал несколько неуверенных шагов к рабочему столу и спокойно задавал свой вопрос, словно заранее знал, что услышит в ответ.

Он сразу информировал их своим неумелым перемещением в мире вещей, позволяя им связать причины и следствия, которые для них были полной информацией о нем. Они сразу предполагали, что знают о нем все — их обманывало зрение! — и потому им оставалось только скрыть свое сочувствие (если оно возникло) и облечь свой вывод в форму вежливого официального отказа. И он, прекрасно понимая примитивный ход их рассуждений, действительно был заранее готов к отказу, ибо он имел дело с людьми заурядными, обладающими стандартным восприятием и стандартным мышлением. Ему надо было встретить человека незаурядного, но это такая редкость!

В конце концов можно было рассчитывать и на обыкновенное сочувствие, которое в каком-то одном человеке вдруг окажется сильнее всех сложившихся в нем чиновничьих стереотипов и заставит того человека поступить неправильно, то есть принять Покрытана на работу. В этом расчете на сочувствие Покрытан видел отход от ранее принятых им жизненных позиций. Отход чисто тактический. Тем не менее Покрытан не сразу на это решился.

Поначалу он пытался доказывать, спорить, ругаться, то есть вел себя так, как и должен вести себя человек, взявший за правило жить на равных с остальными. Но так как это ни к чему не приводило, он понял, что на сей раз дело не в нем. Оставалось только рассчитывать на человеческую слабость, на сочувствие.

...По вечерам он давал себе волю поразмышлять об этом. Это было отдыхом. На что-то надо было переключиться, чтобы с утра делать очередную попытку.

Каждый вечер, перед тем как лечь спать, он говорил себе то же, что привыкла говорить себе героиня известного романа, которой в жизни выпало больше испытаний, чем может их выпасть на долю одного человека. Тяготы каждого дня — если мысленно представить их все сразу — могли бы внушить мысль о тщетности всяческих усилий, и поэтому героиня романа каждый вечер произносила одну фразу: «Об этом я успею подумать завтра». Покрытан никогда не читал этого романа, ничего не знал о той героине, но мысленно придерживался такого же правила. В этом выражалась стихийная философия предела, когда человек живет одним днем, живет в постоянном напряжении всех своих сил и каждую минуту знает, что рассчитывать может только на то, чем он располагает именно в эту минуту.

Один резерв у него все-таки был. Он не думал о нем почти пять лет. Впрочем, это нельзя было считать резервом. Это был путь отступления. После пяти лет борьбы он оставил позиции. Он стал искать работу в обществе слепых.

Он опять сидел в каком-то кабинете и заполнял анкету. Кажется, в этой артели делали булавки.

Впервые его ни о чем не расспрашивали из вежливости для того, чтобы была видимость разговора, и видимость размышления, и видимость колебания перед тем, как сказать заранее решенное «нет». Он пришел устраиваться на работу, и ему дали заполнить анкету. Он примкнул к своей общине, от которой так долго отказывался и к которой вернулся, как блудный сын, издевавший тщету скитаний.

Здесь были свои гении, свои ремесленники и свои неудачники. Здесь была своя система жизненных ценностей, которую он почувствовал сразу.

Он заполнил анкету и двинул ее на другой край стола. Привычно, не особенно вдумываясь в содержание, начальник отдела кадров пробежал ее взглядом, споткнулся на чем-то, прочитал еще и еще раз.

— У вас высшее образование? — как-то не слишком уверенно спросил он. Покрытан отметил эту неуверенность, не совсем понимая, чем она вызвана.

— Да.

— Высшее образование... — растерянно пробормотал начальник.

Покрытан возвращался в свою комнату, невесело усмехаясь. «Не можем... С высшим образованием не имеем права... Поймите, у нас будут неприятности...» «Понятно, конечно... Не так трудно понять», — усмехался Покрытан. Нет, он вовсе не хотел доставлять неприятности начальнику отдела кадров. Правда, Покрытан никогда не знал, что человек с высшим образованием, оказывается, не может делать булавки. Это категорически исключено. Просто невозможно. Лорд может есть из глиняной посуды. Граф — пахать сохой. Это их разнузданная прихоть. С этим покончено. Человек с высшим образованием не может делать булавки, спички, карандаши. Он не может быть шофером, кондуктором, почтальоном, токарем, слесарем, служителем в зоопарке. Но шофер, кондуктор, почтальон, токарь, слесарь, служитель в зоопарке могут получать высшее образование. Пожалуйста. Туда — да. Обратно — нет. Невозможно...

До поры до времени Покрытан думал, что человека в его стремлениях может ограничить болезнь. Ранение. Сложная житейская ситуация. Смерть, в конце концов. Теперь же к этому прибавилось еще высшее образование... Правда, иногда высшее образование трудно реализовать. А иногда от него никому нет никакого проку — бывает же, что человек ошибся в выборе профессии и мается только потому, что получил не тот диплом. Или потому, что вообще получил диплом. А что делать с жизненным опытом, который заранее не приобретешь? А он между тем корректирует жизнь человека, даже получившего высшее образование. Что это такое?!

Непостижимая логика несовместимости высшего образования и производства булавок занимала его на всем обратном пути к общежитию. Бог знает отчего иной раз человека может уберечь чувство юмора и бесценная привычка находить удовольствие в размышлении!

VIII

После неудачной попытки устроиться в общество слепых Покрытан почти не покидал своей комнаты. Он предавался мрачным раздумьям, стал раздражителен, избегал друзей. Время шло, он ничего не мог придумать и все больше и больше замыкался в себе.

Тому, кто мыслит — надо излагать свои мысли.

Тому, кто пишет — надо печататься.

Тому, кто стал учителем — надо растить учеников.

Лишите мыслящего возможности излагать мысли, пишущего — возможности печататься, актера — сцены, учителя — учеников, и вы не просто осложните человеку жизнь, вы поставите вопрос о его физическом существовании. Такова роль обратной связи для всего живого в природе. Такова же она и в обществе. Если в этом механизме что-то нарушается, человек попадает в замкнутое состояние, разрушительная сила которого огромна. Развитой тренированный ум ищет этому состоянию объяснение и не находит его потому, что уже обращен внутрь себя, обращен как раз в тот момент, когда единственное спасение — выход на контакт с внешним миром. Остальное — мысли о бесполезности накапливать знания, о тщетности попыток что-то доказывать кому бы то ни было, даже себе, об эфемерности аргументов...

В тот период Покрытан стал хуже себя чувствовать. Нет более тяжелой и изнурительной нагрузки, чем привычное стремление мыслить, мыслить вообще, без всякой конкретной цели и меры, перемалывать и перемалывать материал жизни, никак не соединяя его, не отбирая и не умея ничем от него заслониться.

Он часто ложился и подолгу лежал, не шевелясь и не меняя позы. Засыпал, но сон его был недолог и неглубок. А когда просыпался, все начиналось заново, с нарастающей силой, и уже сон не давал ему кратких промежутков отдыха. Одна фраза, слышанная им когда-то, долго держалась в его памяти. «Я решительно не могу предположить ситуации, когда умный человек не мог бы найти себе занятия» — эта фраза или другая, очень похожая на нее, занимала его некоторое время. Он пытался вспомнить, кто мог написать это и в какую ситуацию мог попасть человек, сохранивший веру в себя и не пожелавший объяснить эту веру публично. Он пытался сделать эту чужую веру своей и часами думал о том, чем бы еще он мог заняться в жизни, чтобы это занятие могло кормить и все-таки было бы любимым занятием. Но нельзя стать сильным чужой верой. Очень скоро Покрытан ее лишился и только острее почувствовал тяжесть своего положения. В таком состоянии его и застала бывшая сокурница.

— Я слышала, ты ищешь работу, — запросто сказала она, словно не замечая, в каком он настроении.

— Да, — сказал Покрытан.

— Я могу тебе помочь.

— Помоги, — сказал Покрытан.

— В учетно-кредитном техникуме нужен преподаватель политэкономии. У меня полторы ставки. Я могу уступить тебе полставки.

Покрытан улыбнулся. Если б дело было в том, чтобы найти ставку или полставки...

— Ну, вот что, — сказала она, — завтра пойдем к директору разговаривать. Только он не должен знать, что ты не видишь.

Покрытан развел руками. Но она была готова идти к цели напролом. И он, имевший правилом все делать самостоятельно, вдруг подчинился ей с неожиданной легкостью, не желая больше думать и рассуждать. И они пошли.

Она разговаривала, а он сидел слегка отвернувшись, с тем отрешенным видом, с каким и должен сидеть молодой специалист, подающий надежды, но еще не слишком уверенный в своих силах. Скромность и сдержанность Покрытана произвели неплохое впечатление. Он был зачислен на полставки в штат сотрудников техникума.

О том, что Покрытан не видит, директор не догадался.

Покрытан понимал, что долго держать в неведении своих коллег и студентов не сможет. Да ему и не надо было держать их в неведении долго. Важно было, чтобы к нему привыкли и перестали смотреть на него, как на человека нового или, что еще хуже, случайного. И, как часто бывает в подобных ситуациях, подвела его мелочь. Пустяк.

Когда его вызвал к себе заведующий учебной частью, он еще не знал, о чем пойдет речь. Но как только вошел в кабинет и почувствовал дыхание заведующего на своем лице, он с тоской подумал, что настала минута неизбежного объяснения.

— Я вот сейчас сознательно сел к вам поближе, — начал заведующий с вызовом, — а... запаха спиртного не чувствую, — с удивлением закончил он.

Покрытана затрясло от смеха. Он был готов ко всему, но не к такому повороту темы.

Заведующий истолковал реакцию Покрытана по-своему. Обиделся и повысил голос:

— Странно как-то получается... Я видел, как вы не раз пытались выровнять свою... гм... походку... Как вы задели плечом печку и едва устояли на ногах... И это в коридоре, где всегда полно студентов. Может быть, вы объясните мне? Я думаю, что вы выпиваете, но... не чувствую запаха... Так почему же?

Проклятая печка! Когда он впервые зацепил ее, он решил отсчитать шаги, чтобы знать расстояние наверняка. Но в коридоре всегда были люди, и он не стал заниматься этим на глазах у всех. Об этой печке он вспоминал каждый раз, когда толкался в нее плечом — она была окрашена под цвет стен и совершенно для него неразличима. Так почему ж от него не пахнет водкой?

— Я знаете ли, не вижу.

— Как? То есть... как не видите?!

— То есть, — раздельно выговаривая слова, отвечал Покрытан, — не вижу я этой проклятой печки, пока не стукнусь о нее!

— Ради бога... извините меня... совершенно не предполагал... — заведующий был ошеломлен.

— Да, — подтвердил Покрытан.

— Помыслить не мог...

Но именно потому, что теперь заведующий учебной частью знал все, Покрытан первым пошел к директору. Он уже многому был научен.

Его оставили в техникуме. Он уже успел себя зарекомендовать как хороший преподаватель.

IX

Покрытан работал в техникуме и продолжал заниматься трудоустройством: полставки — это всего полставки. В конце концов в своем же педагогическом институте он был утвержден ассистентом на кафедре политэкономии, но обстоятельства сложились так, что ему пришлось сразу начать читать курс лекций для студентов четвертого курса. Впоследствии обком партии дополнительно направил его читать лекции в строительный институт. Экономистов — или, как тогда говорили, «политэкономов» — в ту пору в вузах города не хватало. Таким образом, в очередной раз без его вмешательства свершился выбор его дальнейшей судьбы. Он принял этот путь как окончательный. Он стал экономистом. Сделавшись преподавателем вуза, Покрытан понял, что его багажа знаний ему хватит ненадолго. Перед ним открылся путь, идти по которому можно до бесконечности. И на этом пути сильнейшим был тот, кто в течение жизни успевал пройти дальше других. Это был путь к вершинам профессионального труда, и тут Великий Учитель Брайль уже ничем не мог помочь ему.

X

В Одессе есть Староконный рынок. Там продают все. Покрытан был на Староконном рынке двадцать пять лет назад. Двадцать пять лет назад Покрытан приобрел на рынке лупу. Лупа была увесистая и, значит, хорошая — по-другому оценить ее он не мог — он поднес ее к своему «зрячему» глазу и ничего не увидел. Но расстаться с ней не захотел, и лупа перекочевала в его комнату.

Как уже говорилось, левый глаз Покрытана сохранял один процент зрения. Покрытан купил лупу после того, как принял решение заставить этот процент работать. Вопрос о том, возможно ли это вообще, Покрытаном не анализировался в силу безусловной праздности такого вопроса.

Вернувшись с рынка, он сел к окну, залитому солнцем, положил перед собой текст, достал лупу и стал постепенно напрягаться. Он не пытался сразу же напрягать зрение. Он напрягал тело, постепенно подводя напряжение к глазным мышцам. И в тот момент, когда глаз заволочло слезой, он успел заметить печатный знак. Как насекомое — мелькнула и тут же пропала буква. Была смыта слезой. Одна-единственная. Он даже не успел увидеть, какая это была буква. Но это была буква, а не пятно: у нее были очертания.

Он долго отдыхал. Он отдыхал, как штангист, сделавший неудачную попытку взять рекордный вес.

Со второй попытки он рассмотрел букву. И снова ее размывло слезой. Но он уже успел ее запомнить. Снова отдыхал не менее четверти часа. Ломило все тело, будто он и впрямь работал с тяжестями. Потом он еще раз увидел букву и больше в тот день не работал.

За весь следующий день он прочитал одно предложение.

Когда он одолел несколько десятков страниц, сложив их из букв, он почувствовал, как постепенно погружается в дотоле неизвестный ему мир подлинного исследования, и понял, что теперь в его жизни не будет никакой другой работы и что никакой другой работы ему не надо. Он обрел самую сильную страсть, которую, может быть, можно сравнивать только со страстью жить. Он по-прежнему читал студентам лекции, но теперь это шло привычно, как бы само собой. Освободившись от дел, которые для большинства из нас являются работой, требующей ежедневного напряжения и воспитывающей в нас уважение к себе, он садился за стол и занимался своей работой. Он болел, чувствовал, как истощаются его физические силы, понимал, что в любой день может доработаться до кровоизлияния, но его один процент уже повиновался ему. Остальное было делом его выносливости.

XI

К концу сорок девятого года Покрытан сдал кандидатский минимум по политэкономии. В пятидесятом году при Киевском университете открылся институт повышения квалификации преподавателей вузов. Тогда в подобных заведениях занятия длились год. Институт набирал две группы. Первая — более многочисленная — состояла из тех, кто собирался сдать кандидатский минимум. Второй была группа диссертантов — за год надо было написать диссертацию и защититься.

В то время в Одессе с ее шестнадцатью вузами набралось бы от силы пять-шесть кандидатов экономических наук. Отбор желающих попасть в группу диссертантов проводился жестко. Покрытану не отказали потому, что его настойчивость не могла не импонировать. Через Одесский обком партии его документы были направлены в Киев.

Когда приемная комиссия в Киеве рассматривала документы, поступавшие из разных городов республики, Покрытан лежал в клинике Владимира Петровича Филатова. Это была пятая по счету операция, и делал ее сам Филатов. Перед операцией Владимир Петрович предупредил, что она носит предварительный характер и что только после нее можно будет судить, надо ли делать следующую, есть ли вообще шансы на частичное восстановление зрения. «Вам надо воздержаться от любой работы, утомительной для глаз» — с таким напутствием великого хирурга Покрытан выписался и тут же отбыл в Киев.

Из Киева вернулся раздосадованный. «У нас люди с отличным зрением из месяца в месяц работают по тринадцать часов в сутки и не могут за год сделать диссертации», — сказал директор.

Это была реальность. Покрытан не мог обвинить директора в черствости. Директор принадлежал к тем деятельным и знающим людям, которые всегда вызывали у Покрытана уважение. Это был культурный, умный человек и, что особенно нравилось в нем Покрытану, человек твердых убеждений. Директор был убежден, что работа в такие жесткие сроки Покрытану не под силу. Покрытан был убежден в обратном, но ничего не мог доказать. А иных способов воздействия на оппонента нет. Иных способов Покрытан и не признавал. Вспомнив, как он вытащил лупу,

в которую директор, заинтересовавшись, пытался что-то рассмотреть и, конечно, с непривычки не мог ничего увидеть, Покрытан злился на себя за ошибку. Ну что значила эта лупа для человека, обладающего нормальным зрением? Что значат эти четыре буквы для того, кто безо всякого напряжения сразу может увидеть строку? Пытаясь обосновать свою силу, он только расписался в своей слабости. Мир вещей никогда не может служить аргументом в его пользу. Он давно это усвоил, но именно тогда, когда от разговора с директором так много зависело, он совершил такой промах! В конце концов, речь шла об умении Покрытана работать, но ведь этого не выразишь на стол в качестве вещественного доказательства! А все, что знал директор института, строилось как раз на обратном: надо по тринадцать часов в сутки работать глазами. Глазами. И он, Покрытан, который даже не видел лица собеседника, утверждал, что сможет прочитать тысячи страниц текста (не говоря уж о том, что еще надо и написать кое-что, и это «кое-что» — диссертация!).

И ничего лучшего не придумал, как вытащить лупу...

Конечно, директор должен был смотреть на него, как на фанатика. Как на одержимого маниакальной идеей. Конечно, он должен был думать, что Покрытан не отдает себе отчета в том, чего добивается. Но он, директор, должен отдавать себе отчет в подобных случаях, хотя в такой ситуации ему, вероятно, довольно трудно было настаивать на своем...

Так рассуждал Покрытан, глядя на себя с позиций директора института, и не знал, что можно этому противопоставить. Ничего нельзя противопоставить. Только свою веру. Но его вера — это его вера...

Очень жаль, что утеряна такая возможность... Всего только год, пусть сверхтяжелый, но только год. Этот год нужен был Покрытану еще и как чрезвычайно жесткая ситуация: именно в таких ситуациях он чувствовал себя уверенно и его работоспособность была безгранична.

Он ходил в институт, читал лекции, вечерами надевал свой самодельный окуляр и вгрызался в текст, физически чувствуя его гранитную плотность, и эта непомерно тяжелая физическая работа помогала ему постигать плотность мысли. Он перестал думать о неудачной поездке в Киев. Время шло, набор пятьдесят первого года в Киевском институте повышения квалификации уже приступил к работе. И вдруг он получает из Киева письмо. Что там могло быть, в этом конверте?

«...Решением комиссии... зачислены в группу диссертантов...!» «Предлагается безотлагательно выехать в Киев...» Буквы прыгали, и он никак не мог собрать их в фокусе.

XII

Взяв товарища под руку, Покрытан молча шел по крутому спуску, ощущая под ногами ненадежный подтаявший снег. Работать и впрямь приходилось по тринадцать-четырнадцать часов. Нагрузка была столь велика, что сбросить ее по окончании работы не удавалось. Спал он плохо и каждое утро чувствовал остаточное напряжение минувшего дня. Он и раньше, бывало, взвинчивал себя до последней степени, но всегда мог отключиться на несколько дней — у него был некоторый

запас времени. Он отсыпался, отдыхал, проходило несколько дней, и ему не хватало прежней нагрузки. Это означало, что он снова готов к работе. Но здесь, в Киеве, он не мог дать себе нескольких дней передышки. Этих дней у него не было. Все было брошено на кон. Редко человек в такой внешне спокойной и тихой ситуации может столько и разом бросить на кон. После нескольких недель непрерывной работы он позволил себе отложить книги в середине дня. Он отправился с товарищем на прогулку, чтобы отключиться на несколько часов, чувствовать только скользкий снег под ногами, думать только о том, чтоб не упасть, и больше ни о чем.

Спуск кончился. «Бессарабка», — сказал товарищ. Они повернули налево, и Покрытан понял, что они идут по Крещатику. Покрытан не запоминал ничего из того, что товарищ говорил. Он вбирал в себя уличные шумы, ощущая соседство большого города, от которого он наглухо отгородился с первого же дня. Сейчас он впервые не сопротивлялся ощущениям, которые считал полузабытыми или вовсе забытыми. Они словно дождались своего часа и теперь брали его штурмом, как какую-нибудь крепость, много лет простоявшую в осаде. Он прислушивался к тому, что творилось в его душе, с удивлением и растерянностью.

Комбат Дзеба до войны жил в Киеве. Почему это вспомнилось именно теперь, Покрытан не знал. Его товарищ, которого он подбил на прогулку, так и не понял, отчего их бесцельное блуждание по городу вдруг обрело направленность, но в желании Покрытана почувствовать неведомый ему смысл и послушно повернул к горсправке. Впервые вспомнив о том, что командир батареи киевлянин, Покрытан так же впервые подумал, что для Дзебы война ведь не кончилась в марте сорок третьего года. Он непроизвольно сбавил шаг, но товарищ уже сказал: «Горсправ-ка», и Покрытан сам своими незрячими глазами посмотрел в маленькое окошко.

— Дзеба, Григорий Маркович. Тысяча девятьсот восемнадцатый год рождения. Он думал, что если Дзебы в Киеве нет, значит, его вообще нет.

Через двадцать минут ему дали адрес.

Потом Покрытан услышал шаги за дверью и почувствовал, как перед ним открывается дверь.

— Мне нужен Григорий Маркович Дзеба.

— Дзеба — это я.

«Это ты», — внезапно успокаиваясь, подумал Покрытан.

— Здравствуй, Гриша.

— Здравствуйте...

Покрытан вздохнул и сделал шаг вперед. Он почти ткнулся лицом в стоящего перед ним человека, пробормотал: «Прости...» — и положил руку ему на плечо. Дзеба не отстранился.

— Что же ты, Гриша... — сказал Покрытан и снова вздохнул. — Неужели не помнишь?

— Не припоминаю...

— Но, может быть, — сказал Покрытан, — может, ты помнишь командира взвода, который воевал с открытых позиций?

Едва он сказал «командира взвода», едва он произнес эти два слова, он почувствовал, как под его рукой напряглось плечо комбата. Что-то Дзеба хотел сказать, но воздух комом свернулся у него в груди, и оттого что он ничего не смог сказать,

Покрытан снова обеспокоился и крепче сжал плечо друга — ему показалось, что Дзеба покачнулся.

— Покрытан...

— Да, — сказал Покрытан.

Теперь уже Дзеба держал его и не двигался с места. Так они и стояли в дверях, может быть, минуту, а может, и дольше — Покрытан потерял всякое представление о времени. Потом Покрытан сказал:

— Где у тебя окно? У тебя есть большое окно?

Идти было неудобно потому, что Дзеба по-прежнему не отпускал его. И когда выходил в кухню или в другую комнату, каждый раз говорил: «Ты сиди, сиди здесь», — и тут же возвращался, словно опасаясь, что Покрытан исчезнет так же неожиданно, как и возник.

Он рассказывал Покрытану, как его искали. Сам командир дивизии искал. Искали долго и безуспешно. Покрытан думал о том, что его нельзя было найти. Ему давно уже казалось, что он превратился в невидимку. Только сам он мог вернуться назад. Это был долгий путь, но он вернулся.

XIII

В январе пятьдесят второго года Покрытан вышел на защиту. Директор института приехал из командировки, когда Покрытан собирался отбывать домой. Покрытан зашел к директору попрощаться. Директор поднялся ему навстречу.

— Слышал. Уже слышал! Очень рад!

— Ну, вот... Теперь наш спор исчерпан, — сказал Покрытан.

— Да-да... Признаться, я сомневался... — И директор крепко пожал ему руку.

Из трех или четырех экономистов, посланных из Одессы год назад в Киев, кандидатом наук стал один Покрытан.

Друзья поздравляли его. Злые языки намекали на его «особое» положение. Люди осторожные пожимали плечами и высказывались в том духе, что чудеса-де иногда бывают, но вообще-то этот Покрытан, конечно, ненормальный...

Все подтверждалось: реакция людей на свершившийся факт уже не может ничего прибавить к этому факту и ничего убавить от него — в этой реакции проявляется человек реагирующий, который перед свершившимся фактом всегда стоит как перед зеркалом.

Покрытан принимал все с радостью и щедростью человека, изведавшего полноту счастья. Только он один и знал до конца, чем был для него этот прожитый в Киеве год. Все же ему было грустно, когда он сталкивался с людьми, изменившими к нему отношение. Он оставался самим собой. Он слишком хорошо знал, что, как бы ни поворачивалась жизнь, надо оставаться самим собой.

Собственно, здесь рассказ о человеке, который до конца был верен себе, можно считать законченным. Для очерка биографического содержания здесь не хватает нескольких заключительных штрихов.

После возвращения из Киева Анатолий Карпович Покрытан перенес еще несколько операций. Самая результативная из них была сделана в пятьдесят пятом

году: Покрытану было возвращено десять процентов зрения. Что такое десять процентов после одного — вероятно, ни один человек с нормальным зрением ощутить не может.

Через несколько лет Покрытан снова приехал в Киев. На сей раз ему предстояла защита докторской диссертации. Ход защиты был традиционный, но когда оппоненты сказали свое слово, когда были взвешены и оценены достоинства диссертации и, наконец, можно было поздравлять теперь уже доктора наук Покрытана, пришлось несколько отступить от традиций. С некоторым опозданием слова попросил пожилой человек, находившийся в зале, и ему было дано право выступить, он удивил ученых первой же фразой, заявив, что никогда не был специалистом в области политекономии, но, тем не менее, хочет выразить свое отношение к происходящему. И прежде чем собравшиеся успели принять неожиданность такого выступления, Покрытан узнал его. Узнал по голосу.

Говорил генерал, командир дивизии, для которого спустя двадцать лет после войны Покрытан все еще оставался его бойцом. Он говорил о том, что знал он, и чего в этой аудитории, кроме него и Покрытана, не знал никто. Он рассказал историю солдата — историю командира огневого взвода с гаубичной батареи. В аудитории собрались люди вовсе не склонные к бурным проявлениям эмоций, но те аплодисменты, которыми закончилась эта защита, заглушили даже испытанный бас.

Александр Данилов

**Анатолий
Карпович
Покрытан**

ПОДВИЖНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ¹⁴⁷

60 лет прошло после окончания Великой Отечественной войны. Миллионы жизней унесла она, все меньше остается ее героев. До сих пор она отдается болью в сердцах всех переживших грозные годы. С трепетом, волнением, глубоким уважением новое поколение чтит тех, кто прошел эту войну, вернулся и продолжал трудиться во благо счастливого будущего.

Эта статья посвящается Анатолию Карповичу Покрытану, ученому и воину, участнику Великой Отечественной войны, который все свои силы и здоровье отдал освобождению родного народа и страны от фашизма. Целью его жизни было служение свободе и науке. Это его стремление отразилось не только в военных подвигах, но и в научных трудах, педагогической деятельности. Свое горячее сердце, свои помыслы он отдал служению людям. Анатолий Карпович Покрытан никогда не забывал о своем долге перед народом, перед его будущим.

Родился А.К. Покрытан 2 декабря 1920 года в селе Китай-город Тростянецкого района Винницкой области в семье сельских учителей, где ценили науку, учили самостоятельно добывать знания и зарабатывать на хлеб насущный. Со временем вся семья переехала в райцентр Гельмязиво Полтавской области (сейчас Черкасская область). Здесь он окончил среднюю школу и в 1938 году поступил в Одесский государственный университет имени И.И. Мечникова.

После окончания первого курса в 1939 году А.К. Покрытан был призван в ряды Красной Армии, где стал курсантом полковой школы, командиром орудия. Но неожиданно началась Великая Отечественная война, которая разрушила все его планы на будущее. Вместе с другими защитниками родной земли А.К. Покрытан уже с первых дней войны принимал участие как командир орудия в кровопролитных боях действующей армии и борьбе против фашистских полчищ на Юго-Восточном фронте, в 1942 году был тяжело ранен.

С июня по август 1942 года он лечился в военных госпиталях Калинина, Костромы, Саранска. После выздоровления в августе 1942 года А.К. Покрытан снова вернулся в действующую армию Северо-Западного фронта командиром взвода. 23 марта 1943 года в жестоком бою под Новосokolьниками он был во второй раз тяжело ранен, потерял зрение, был на грани жизни и смерти. Находясь после ранения с конца марта 1943 года в военных госпиталях Калинина, Иванова, Иркутска, он думал, что война и потеря зрения в 23 года не оставили ему никаких шансов на будущее, но волевой характер и поддержка фронтовиков помогли перебороть отчаяние.

Попав в иркутский госпиталь, старшина-артиллерист изучает систему Брайля для слепых, решает учиться дальше и поступает в Иркутский педагогический институт, а потом переводится в Одесский педагогический институт имени К.Д. Ушинского, который успешно оканчивает в 1947 году.

В ноябре этого же года талантливый ученый-экономист был приглашен в Одесский институт народного хозяйства на должность заведующего кафедрой поли-

¹⁴⁷ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 6. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. — С. 29–33.

тической экономии. С июля 1968 года Анатолия Карповича единогласно избирают на должность профессора, заведующего кафедрой политэкономии Одесского института народного хозяйства.

Почти 50 лет трудовой деятельности отдал ученый-экономист развитию экономической теории и реформированию высшего экономического образования. Работая на должности заведующего кафедрой общей экономической теории, он зарекомендовал себя талантливым педагогом, плодотворным научным деятелем, умелым организатором учебно-воспитательной работы с одаренной научной молодежью.

Он был выдающимся ученым в области политической экономии, создал известную на Украине и за ее пределами одесскую школу экономистов, вел большую научно-исследовательскую работу по вопросам теории и методологии анализа производственных отношений в обществе.

Он опубликовал 120 научных работ, в том числе 12 монографий, из которых три переведены и изданы в Германии, Чехии, Словакии, Болгарии.

Под его научным руководством подготовлены и защищены 40 кандидатских и 10 докторских диссертаций. Он был неизменным членом специализированного ученого совета по присуждению научных степеней и присвоению ученых званий. Известный ученый-экономист постоянно находился в водовороте научной жизни. Под его влиянием воспитаны и работают в высших учебных заведениях Украины десятки известных экономистов. Многие из его учеников стали ведущими преподавателями и научными работниками, высококвалифицированными специалистами производства, руководителями предприятий и учреждений. А.К. Покрытан был членом редколлегии журналов «Экономические науки», «Экономика Украины» и членом Международной ассоциации национальных счетов при ЮНЕСКО.

За личный вклад в отечественную науку и образование он награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовое отличие», медалью «За заслуги» II степени.

А.К. Покрытан был основателем и идейным лидером одесской экономической школы, в которую входили и входят известные ученые-экономисты. В своей научной концепции А.К. Покрытан исходил из материальности экономических отношений, которые создают объективное содержание собственности. Последовательное разграничение им права собственности и ее экономического содержания было полемически направлено против официальной концепции, принятой в то время. Сугубо научный подход, предложенный А.К. Покрытаном, позволил сделать вывод о том, что советский строй объективно вообще не был социализмом по своему экономическому содержанию и мог официально декларироваться таким только с точки зрения права собственности. Этот методологический подход был раскрыт А.К. Покрытаном в ряде фундаментальных монографий, некоторые из которых опубликованы в 1960–1980-е годы в отечественных и зарубежных издательствах. В то время он продолжал осмысление процесса развития экономической науки, исследование методологических основ анализа товарных отношений при социализме, внес весомый вклад в разработку экономических законов и категорий политэкономии, методологии исследования производственных отношений, проблем собственности и механизмов ее создания, воспроизводства общественного продукта.

В 1990-е годы профессор А.К. Покрытан выдвинул фундаментальную концепцию трансформационного процесса на Украине как процесса перехода от одной экономической формы общества к другой, обосновав при этом свое видение исходного и конечного пункта этого процесса, характера институционных изменений на Украине, путей решения проблем, противоречий, социально-рыночных преобразований, процессов разгосударствления и приватизации.

Как завещание звучит сегодня обращение Анатолия Карповича к студентам, будущим выпускникам-экономистам и ко всем участникам Международной научной конференции «Проблемы трансформации рыночной экономики Украины», посвященной 80-летию ученого: «Самое большое мое желание состоит в том, чтобы молодежь относилась к своей профессиональной деятельности как к делу всей своей жизни, как к делу первоочередной важности, потому что пренебрежительное отношение к своей специальности приводит к последствиям, которые мы ощущаем сегодня. Тем более что стопроцентная отдача на работе является наибольшим удовлетворением, с которым ничто не может по-настоящему конкурировать в жизни, поскольку ощущаешь себя человеком». Он не только ощущал себя человеком, но был и остается в нашей памяти настоящим Человеком, Воином, Учителем и Ученым, легендарным героем.

Пример жизни настоящего патриота, верного сына Родины и неутомимого подвижника отечественной экономической мысли, научной и педагогической деятельности побуждает каждого из нас к упорному и самоотверженному труду, разработке затронутых ученым вопросов дальнейшего развития экономической науки.

Сохраняя до последних дней жизни ясный ум и критическое мышление, А.К. Покрытан призывал своих единомышленников и последователей к разработке стратегии и перспективных путей постоянного социально-экономического развития Украины, к повышению качества подготовки будущих специалистов по экономике и предпринимательству, обеспечению их конкурентоспособности в современном глобализованном мире.

Он выдержал все испытания. Судьба послала ему тяжелые ранения, потерю зрения на фронте. Он пересилил и эту тяжесть в процессе самоотверженной систематической научной работы. Это был человек высокой духовной пробы. И все достигнутое им в области научной мысли продолжает жить, утверждает торжество духа над небытием.

Основные труды профессора А.К. Покрытана

1. *Социалистическая собственность при переходе к коммунизму*. М., 1964. 152 с. (В соавторстве.)
2. *Вопросы социалистического воспроизводства общественного продукта*. Киев, 1965. 188 с.
3. *Производственные отношения и экономические законы социализма: (Очерки метода анализа и теории)*. М., 1971. 247 с.
4. *Produktionsverhältnisse und ökonomische Gesetze des Sozialismus. Eine methodische Studie zur Analyse und zur Theorie*. Berlin: Akad. Verl., 1973. 294 s.

5. *Историческое и логическое в экономической теории социализма. М., 1978.*
6. *Восхождение от абстрактного к конкретному в политической экономии социализма. М., 1982. 120 с. (В соавторстве.)*
7. *Экономическая структура социализма: функционирование и развитие. М., 1985. 263 с.*
8. *Развитие метода политической экономии: (Отрывки из текстов) / Под общ. ред. А.К. Покрытана. М., 1986. 269 с.*
9. *Экономикс: Учеб. пособие / Под ред. А.К. Покрытана, М.И. Збарского. Одесса, 1994. 347 с.*
10. *Политическая экономия. Одесса, 2002. 348 с. (В соавторстве.)*

М.И. Зверяков,

доктор экономических наук, профессор

**Михаил
Васильевич
Солодков**

СОЛДАТ, УЧЕНЫЙ И УЧИТЕЛЬ¹⁴⁸

Михаил Васильевич Солодков родился 28 мая 1921 года в деревне Вичири, находящейся рядом с Серпуховом. Она располагалась в пойме Оки, регулярно заливалась водой во время весеннего половодья и славилась замечательными заливными лугами.

Его отец Василий Дмитриевич Солодков был старшим сыном в семье из пяти детей. Он осиротел в 10 лет, когда его отец, механик на фабрике в Серпухове, удержав на руках сорвавшийся при монтаже паровой котел, погиб.

Василий Дмитриевич оказался ответственным за жизнь своих близких уже в таком юном возрасте. Он устроился на работу на московский завод «Манометр», откуда был мобилизован, воевал в Первую мировую войну, попал в плен в Австро-Венгрии. Три раза бежал, причем два раза неудачно. Оба раза его в наказание подвешивали за руки. Последний раз побег удался.

Мать Анна Федоровна Солодкова окончила церковно-приходскую школу. Кроме Михаила в семье был старший брат Павел и младшая сестра Серафима.

После возвращения из плена, Василий Дмитриевич опять стал работать на «Манометре», а семья продолжала жить в деревне.

Михаил рос обычным деревенским парнем, очень любил ходить в ночное, кататься на лошадях без седел, отбивая себе пятую точку, а лучший способ лечения таких ушибов, как рассказывал потом отец, — это посидеть пострадавшим местом в пыли.

В конце 20-х годов семья переселилась в Москву на улицу Нижняя Масловка и разместилась в одной длинной комнате в деревянном бараке с удобствами во дворе.

Михаил Васильевич очень любил занятия спортом, часто бывал на находившемся рядом с домом стадионе «Динамо». Отец всегда с удовольствием ходил на футбол, очень любил катание на лыжах и был чемпионом района по скоростному бегу на коньках. Поскольку с братом Павлом они учились в разных школах, то зачастую соревновались друг с другом, представляя разные команды.

Весной 1939 года Михаил Васильевич окончил 210-ю среднюю школу, находившуюся на 5-й Тверской-Ямской улице. Отец обладал сильным характером, и в школе, по мнению родственников, был лидером. Летом 1939 года он поступил в институт стали и сплавов, однако к учебе так и не приступил, так как в августе 1939 года вышло постановление Верховного Совета СССР о мобилизации всех учащихся 10-х классов. Михаил Васильевич попал под мобилизационный призыв.

Он очень хотел, памятуя о своей деревенской молодости, оказаться в кавалерии, а попал в саперную часть, которая размещалась под Харьковом, в городе Чугуеве. Когда началась Финская война 1939 года, его часть перебросили на север. Как говорил сам Михаил Васильевич, на этой войне он отличиться не успел, поскольку к моменту прибытия части на место дислокации война успела закончиться, и часть вернули в Чугуев.

¹⁴⁸ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 5. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. — С. 86–99.

После ввода советских войск в будущую Советскую Прибалтику отец оказался сначала в Латвии, а потом в Литве. По его рассказам, встречали советские части в Прибалтике очень тепло. Особо Михаилу Васильевичу запомнилось, что местные девушки танцевали в деревянной обуви, и когда девушка раскручивалась в танце с партнером, то деревянные башмаки разлетались в стороны с жутким треском. Специально отец литовский язык не учил, но у него на всю жизнь остались в памяти отдельные литовские фразы, которые он использовал во время наших поездок в Прибалтику в 70-е годы, удивляя всех окружающих.

После Литвы саперную часть перевели в местечко Кальвария, которое находилось на границе с Восточной Пруссией.

И вот здесь произошла достаточно странная история, связанная с началом Великой Отечественной войны, потому что, по словам отца, в его части объявили 16 или 18 июня о том, что 22 июня начнется война с Германией. После чего их вывели в поле и, поскольку часть была саперная, они стали строить полевые укрепления и строили их вплоть до утра 22 июня, хотя примерно двести километров восточнее находилась линия Сталина, подготовленная к обороне в течение многих предвоенных лет.

22 июня началась атака немцев. Часть вступила в бой на самой границе. Затем было долгое и тяжелое отступление, в ходе которого часть три раза оказывалась во вражеском кольце, при этом из окружения выходили с оружием и со знаменем. Часть дошла до Ржева, где немцы были окончательно остановлены. Здесь я хочу сделать оговорку. Михаил Васильевич не любил рассказывать о войне. Он всегда говорил, что война очень грязное дело и лучше об этом не вспоминать. О военной жизни отца я узнавал от сослуживцев, друзей и его студентов, а сам он не терпел подобных рассказов. Слишком тяжелым был его военный опыт, тем более, что к началу войны отцу только исполнилось 20 лет.

Он очень критически отзывался о фильмах о Великой Отечественной, отмечая, что они слишком приукрашивают действительность. Так, например, в фильмах советские войска передвигаются на грузовиках, а он от границы Восточной Пруссии до Ржева дошел пешком, никто его никогда в ходе отступления не подвозил. Он сталкивался с тем, что выдавалась одна винтовка на троих, и люди шли в атаку, — одни с винтовкой, а остальные ждали, когда кого-то убьют, чтобы эту винтовку подобрать. А ведь где-то рядом были еще до войны оборудованные склады с вооружением и амуницией.

Отец служил в кадровой части, которая умела воевать, а рядом с ними были ополченцы, зачастую даже не прошедшие курса молодого бойца. По его воспоминаниям, части, укомплектованные ополченцами, редко выживали в зоне боевых действий более одной недели. Потери были чудовищны.

Когда отец оказался под Ржевом, отступление было остановлено и началась долгая позиционная война. Как говорил отец, сапер всегда первым наступает, поскольку надо делать проходы в минных полях, и последним отступает, так как надо минировать пути отступления и взрывать мосты.

Я помню достаточно смешной эпизод, как отец познакомился со своим лучшим фронтовым другом Анатолием Рукавишниковым. Часть стояла в небольшой деревне, питание не подвозилось, и в каком-то погребе солдаты обнаружили замороженную

картошку, попробовали ее отварить, но она оказалась на вкус противной и сладкой. Тут кому-то в голову пришла светлая идея, что сладкую картошку можно перегнать на самогон, что и было сделано. В момент, когда самогон был уже готов и вся компания уселась за стол отпраздновать это событие, пришел особист части Анатолий Рукавишников с проверкой. Налицо было явное нарушение устава. Рукавишников спросил: «Чем вы тут занимаетесь?» Саперы рассказали правду и предложили ему выпить. Особист не смог устоять, ему налили, потом еще раз, затем завязалась дружба, которая продолжалась всю их жизнь.

Сапер, как известно, ошибается один раз. Михаилу Васильевичу повезло самому ни разу не ошибиться, но ошибся его друг. Зимним днем, когда они шли на задание, сработала мина-ловушка. Друг погиб, а Михаила Васильевича ранило в ногу, и из-за вражеского обстрела он пролежал в поле всю светлую часть дня. Вынесли его только ночью. Когда отца привезли в полевой госпиталь, у него уже началась газовая гангрена. Ногу ампутировали, и после этого отца перебросили в тыловой госпиталь в город Ковров. Показательно, что все деньги, полученные в госпитале, а это было около 80 рублей, по тем временам крупная сумма, он переслал домой, не оставив себе ни копейки.

Сестра Михаила Васильевича Серафима, навестив его в госпитале в Коврове, была поражена тем, что Михаил Васильевич, 1921 года рождения, среди раненых, лежавших там, был одним из самых старших. Все остальные, по сути мальчишки, которые были танкистами, летчиками, пехотинцами, обожженные и покалеченные, были младше его.

Но даже в госпитале жизнь шла своим чередом. Эти раненные мальчишки, по-другому их назвать нельзя, несмотря на свои раны спускались на простынях из окон и отправлялись на городские танцы, где пользовались неимоверным успехом у местного женского населения.

Нога у Михаила Васильевича не срасталась, и врач по фамилии Шалабула принял решение делать вторую операцию, причем под местной анестезией вместо общего наркоза, которого просто не было. Под местной анестезией понимался неразведенный медицинский спирт. Отцу выдали стакан со спиртом и сказали: «Выпей, и как станет хорошо, начинай пить». Как только он запел, тут ему ногу второй раз и отпилили. После чего, слава Богу, заживление пошло более-менее благополучно.

В 1943 году отец демобилизовался из армии и оказался дома в Москве. Хотел восстанавливаться в институте стали и сплавов, но узнал, что в МГУ открылся экономический факультет, куда с огромным желанием принимают бывших фронтовиков. Он забрал свои документы из института стали и сплавов и поступил, а по сути, переводом был зачислен на экономический факультет МГУ, который окончил в 1948 году.

В 1947 году Михаил Васильевич женился на моей матери Эльмире Павловне, в девичестве Блохиной, своей однокурснице. Сразу справлялись две студенческие свадьбы: Солодковых и Станисов, которые были большими друзьями.

Семья в то время продолжала жить на Нижней Масловке. Дом, по старой московской традиции, был всегда открыт для гостей. Приезжали друзья-однополчане, брат Павел Васильевич, который служил в авиации в Иркутске, однополчане Павла Васильевича, желанными гостями там были Е.И. Капустин, В.Ф. Станис, Ю.М. Рачинский, все однокурсники.

Вся жизнь Михаила Васильевича, так или иначе, оказалась связана с экономическим факультетом МГУ. Окончив факультет, он поступил в аспирантуру на кафедре политической экономии, которую возглавлял Анатолий Игнатьевич Пашков. Тему диссертации отец выбрал по теории прибавочной стоимости. Успешно защитившись, он стал вести семинарские занятия и читать лекции по курсу политической экономии.

В то время на факультете работали выдающиеся ученые, среди которых хотелось бы выделить академика, вице-президента АН СССР Константина Васильевича Островитянова, заведовавшего кафедрой политической экономии с 1943 по 1948 год, заслуженного деятеля науки РСФСР Дмитрия Васильевича Савинского, одного из основателей советской статистики, создателя экономического факультета МГУ профессора Ивана Дмитриевича Удальцова, одного из создателей кафедры и в целом направления анализа хозяйственной деятельности предприятий профессора Сергея Кузьмича Татурса.

Учитывая специфику того времени, и то, что реальная власть концентрировалась в партийных органах, Михаил Васильевич одновременно делал и партийную карьеру. Он был членом партийного бюро экономического факультета, членом парткома МГУ, а в 1962–1964 годы — секретарем парткома МГУ. Однако от предложения стать секретарем Ленинского райкома партии и членом горкома отец отказался, объясняя, что он не хочет разрывать своей связи с МГУ.

В конце 50-х — начале 60-х годов он выпустил работы «Капитал и прибавочная стоимость» (М., 1959), «Социалистическое расширенное воспроизводство в условиях строительства коммунизма» (М., 1961), «Крупное машинное производство» (М., 1962) и др. Книга «О некоторых закономерностях распределения труда между производственной и непроизводственной сферами в СССР» (М., 1960) была переведена в Японии.

За участие в создании двухтомного курса политической экономии под редакцией Николая Александровича Цаголова (М., 1963) он получил вместе с другими авторами Ломоносовскую грамоту.

М.В. Солодков занимался проблемами экономики непроизводственной сферы. В те годы это было достаточно нетрадиционно, поскольку непроизводственная сфера считалась вторичной относительно сферы материального производства. Михаил Васильевич считал, что поскольку непроизводственная сфера создает нематериальные блага в форме услуг и в обществе происходит сдвиг в пользу потребления услуг, а не товаров, то именно через нее должен реализоваться основной экономический закон социализма. Он неоднократно отмечал, что по мере развития общества, доля занятых в непроизводственных отраслях экономики будет расти быстрее, чем в сфере материального производства, поскольку в непроизводственной сфере тенденция замещения живого труда овеществленным выражена гораздо в меньшей степени, чем в материальном производстве. Данное утверждение противоречило существовавшей в то время парадигме о приоритете развития сферы материального производства.

Помню, когда мне было 10 лет, как-то на прогулке отец объяснил мне концепцию трех факторов производства, а также рассказал, из каких частей состоит национальный доход. Особенно мне было непонятно, зачем нужен фонд возмещения

в совокупном общественном продукте. Отцу пришлось объяснять это на примере земледельца, который делит урожай зерна на три части: одна остается на семена для существующей пашни, другая съедается и выменивается на необходимые продукты, а третья остается на возможное расширение посевов.

М.В. Солодков уделял большое внимание категориям производительного и непроизводительного труда, их соотношению. Причем вопрос производительности труда обычно рассматривался в контексте с проблемами соответствия данного труда способу производства. С этой точки зрения труд кустарей или частных репетиторов при социализме признавался трудом непроизводительным.

Услугу отец рассматривал вне каких-либо исторических рамок, отмечая, что и при капитализме, и при социализме она связана с потреблением созданного дохода.

Михаил Васильевич Солодков стал, по сути дела, основоположником нового направления в экономической науке СССР — экономики непроизводственной сферы. Сейчас очевидно, что стоимость услуг должна включаться в произведенный ВВП. Однако в то время услуги никаким образом не учитывались. Он предложил относить к сфере нематериального производства все отрасли и виды деятельности, не обеспечивающие непосредственного обмена веществ между человеком и природой.

Михаил Васильевич выступил инициатором создания на факультете кафедры экономики непроизводственной сферы, которую он возглавлял с 1971 по 1979 годы. При кафедре имела лаборатория по социально-культурным отраслям, которой руководил профессор Евгений Николаевич Жильцов.

В 1972 году под редакцией М.В. Солодкова был издан первый университетский учебник «Экономика непроизводственной сферы», в котором обосновывались значимость нематериального производства и необходимость приоритетного его финансирования.

За серию книг и монографий по экономике непроизводственной сферы отец был удостоен Ломоносовской премии. Среди первых аспирантов М.В. Солодкова хотелось бы выделить В.П. Панкратову, Р.Н. Самара и Л.И. Якобсона, являющегося в настоящий момент первым проректором ГУ-ВШЭ.

Михаил Васильевич очень тесно и неформально работал со своими аспирантами, причем не только в университете, но зачастую и дома. Велись научные дискуссии, каждый отстаивал свою точку зрения, после чего все дружно садились за обеденный стол. Интересно, что если на работе Михаил Васильевич был максимально демократичен, то дома он являлся абсолютным диктатором. Его решение всегда было окончательное, хотя и в этом случае оно всегда подлежало обсуждению и критике.

С 1965 года в течение 12 лет он являлся деканом экономического факультета. Мне сложно оценивать отца как декана, но сейчас я встречаюсь со многими людьми, которые старше меня, и несмотря на то, что я заведу кафедрой и являюсь директором института, они узнают во мне, прежде всего, сына Михаила Васильевича, что, безусловно, очень приятно. Человек оставил большую и долгую память о себе.

По словам моих преподавателей, многие из которых были студентами и аспирантами Михаила Васильевича, двери его кабинета были всегда открыты. Люди приходили с самыми разными вопросами, которые возникают в нелегкой студенческой

жизни, и он по возможности старался им помогать. Домой отец возвращался достаточно поздно, и при этом телефон никогда не умолкал.

Полученные на войне раны и тяжелая инвалидность не изменили его жизненного характера. Из личных воспоминаний я могу сказать, что каждое утро Михаил Васильевич в любую погоду ходил делать так называемую физзарядку. Что это означало? Кроме упражнений еще и трехкилометровую пробежку на протезе. Я не поддерживал его темпа. Когда он приходил домой и снимал протез, то было страшно смотреть на его больную ногу. Зимой каждое воскресенье мы всей семьей ехали кататься на лыжах. Он очень любил лыжные соревнования, которые проводились на факультете. Сколько я себя помню, я наблюдал практически все соревнования, которые проходили в подмосковных лесах, а также болел за сборную факультета по водному поло.

Михаилу Васильевичу очень нравились регулярные поездки в деревню Вичири. Там собиралась вся родня, пели за столом старые песни, начиная еще с солдатских XIX века, купались на озере, ходили в лес за грибами и в овраг, где бил ключ с очень вкусной питьевой водой.

Отец с детства приучил меня к грибной охоте, знал все грибы, которые растут в подмосковных лесах. Он никогда не охотился с ружьем, а любая рыбалка приводила к тому, что раз забросив снасти, мы затем распутывали их весь день.

В доме было два чулана, в которых мы обычно спали. Перед сном наступало самое интересное: гасился свет, и Михаил Васильевич начинал рассказывать сказки, которые он тут же и придумывал. Основными сюжетами были взаимоотношения простого солдата и Змея Горыныча. Мы с сестрой Машей и моим двоюродным братом Володи слушали эти истории раскрыв рот и всегда требовали продолжения.

Отец, когда было время, еще до работы любил ездить на машине в Рублево купаться. Причем эти купания продолжались вплоть до первого льда. Прекрасно помню, как я, одетый, на берегу, а Михаил Васильевич раздевается и раздвигая только-только появившиеся льдинки, отдуваясь и свистя, как морж, плывет по этой холодной воде.

Он был настоящим коммунистом, причем коммунистическая идеология означала для него в отличие от существующей сейчас интерпретации следующее: всегда первым закрывать своим телом амбразуру; всегда честно и открыто говорить людям, что ты о них думаешь даже в том случае, если это может быть очень нелицеприятно для них и повлечет тяжелые последствия для тебя; никогда не пытаться подыгрывать начальству, а отстаивать свою точку зрения; если коллектив, по твоему мнению, не прав, то пытаться доказать, что коллектив движется в неверном направлении; и самое главное — всегда быть честным перед собой и перед другими за все свои поступки.

60-е годы и начало 70-х годов — период бурного роста экономической науки. Многие сотрудники факультета принимали непосредственное участие в подготовке «Косыгинской» реформы 1965 года, которая должна была изменить закостеневшую структуру советской экономики. Большое значение приобрели прикладные исследования. Михаил Васильевич активно поддерживал предложение профессора Дмитрия Игнатьевича Валентея о создании лаборатории народонаселения, на базе которой в конечном итоге возник учебно-научный центр по изучению проблем народонасе-

ления. Таким образом, на экономическом факультете МГУ, по сути, с конца 60-х годов получило развитие новое направление экономической науки — демографии.

В 1957 году отец пригласил в МГУ из Института экономики профессора Николая Александровича Цаголова, который затем стал заведующим кафедрой политической экономики, хотя отношения с ним складывались не всегда просто. Но при этом мы продолжали дружить семьями.

В 1962 году благодаря содействию Михаила Васильевича, который в тот момент был секретарем парткома МГУ, на факультете была открыта кафедра математических методов анализа в экономике, которую возглавил Виталий Алексеевич Жамин.

С Гавриилом Харитоновичем Поповым, руководившим кафедрой планирования народного хозяйства, Михаил Васильевич был очень дружен вплоть до конца 70-х годов. Я до сих пор благодарен Гавриилу Харитоновичу за организацию захождения отца.

Наш дом был всегда открыт для гостей. Приходили аспиранты Михаила Васильевича, профессора экономического факультета, друзья самых разных рангов и званий. Причем все дружили семьями. Прекрасно помню Геворга Ашотовича Егиозаряна, Игоря Павловича Фаминского, который в данный момент руководит факультетом международных отношений ГУ-ВШЭ, Женю Нагибина, аспиранта Михаила Васильевича, к сожалению, очень рано ушедшего из жизни, Василия Петровича Колесова, уже «бессменного» декана экономического факультета, Ахматбека Суттубаевича Суюмбаева, председателя Совета министров Киргизской ССР, Алексея Парамонова, известного футболиста и тренера «Спартак», Юрия Михайловича Рачинского, Ивана Леонтьевича Величко, командующего Прибалтийским военным округом, Алексея Яковлевича Никитина, мастера мастерских физического факультета МГУ, Олега Дмитриевича Проценко, нынешнего проректора Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Всех перечислить практически невозможно.

Последние годы жизни отца мы часто спорили по поводу изменений в стране и мире. По сути, происходило крушение того мира, за который он всю жизнь боролся.

Он был, безусловно, за перемены, за анализ ошибок, а не за тотальное отрицание и переписывание истории. Прекрасно помню его интерпретацию убийства С.М. Кирова, основанную на связи Кирова с женой Николаева. Он возмущался, когда это дело пытались трансформировать в заказное убийство, где заказчиком выступал Сталин.

Это не означает, что он поддерживал ту систему, которая существовала в нашей стране до 1985 года. Ему откровенно было стыдно за страну, когда Л.И. Брежнев появлялся на трибуне в последние годы жизни и пытался что-то сказать. Более того, в своей докторской диссертации, представленной к защите в 1976 году, он ни разу не процитировал Брежнева, что по тем временам было недопустимо (любая публикация тех лет начиналась с цитаты «дорогого» Леонида Ильича). Этим фактом Михаил Васильевич искренне гордился.

Отец знал Брежнева начала 60-х годов и встречался с ним по вопросу строительства нового корпуса гуманитарных факультетов. Отцу запомнилось, что он, придя в Кремль вместе с ректором МГУ Петровским, открыл дверь в кабинет, и Леонид Ильич вышел из-за стола и встретил их около дверей. Для чиновника такого ранга это было в высшей степени необычно и означало проявление большого уважения

к гостям. Состоялась очень хорошая беседа, и было принято решение о строительстве нового корпуса МГУ, в котором в дальнейшем разместился и экономический факультет.

Когда начался период разрядки, то отец впервые в жизни побывал в США. Там он встречался с деканом Гарвардской школы бизнеса Томасом Пайпером. Они нашли очень много общего и как-то в ходе дружеских посиделок приняли решение о том, что сын декана Гарвардской школы бизнеса будет учиться в МГУ на экономическом факультете. Но время такое, что для одобрения подобного рода решений необходимо было получить согласие ЦК КПСС. Приехав в Москву, Михаил Васильевич данного согласия не добился, и ему было очень стыдно за то, что он пообещал, и, к сожалению, не смог обеспечить такой простой вещи, как приезд в СССР одного американского студента, правда, сына декана Гарвардской школы бизнеса. Уже позднее, зимой 1992 года, я встречался с Пайпером и объяснил, почему его сын так и не получил обещанного приглашения.

Михаил Васильевич, будучи истинным патриотом, всегда говорил об экономических преимуществах советской системы. Говорил с юмором. Обычно он приводил один простой аргумент: «Вот посмотрите, у СССР ВВП приблизительно в 2 раза меньше, чем у США. Очевидно, что наши затраты на оборону адекватны затратам США, не надо забывать и затраты Западной Европы, которые сравнимы с затратами США. Мы при этом обладаем военно-стратегическим паритетом с блоком НАТО. Да, мы не платим нашим солдатам столько, сколько платят в США. Но с точки зрения вооружений, у нас больше подводных лодок, больше танков, больше стратегических ракет наземного базирования, у нас нет авианосцев, но в целом военно-стратегический паритет есть. А это означает, что финансовые затраты вполне сопоставимы. Однако СССР в состоянии поддерживать систему бесплатного здравоохранения, бесплатного образования, бесплатного предоставления жилья пусть не сразу и не хорошего качества. Все это свидетельствует о преимуществах экономической системы социализма».

После ухода с экономического факультета МГУ отец стал директором НИИ Госснаба СССР, а затем перешел в Институт экономики Академии наук. Но он живо интересовался жизнью экономического факультета МГУ, продолжал поддерживать прежние контакты и всегда оставался в курсе событий.

Отец даже уже в почтенном возрасте был человеком богатырского здоровья. В его гараже регулярно возникала проблема: таявший на крыше снег протекал, превращаясь на входе в гараж в монолитный лед, который не позволял открыть ворота. Лед постоянно требовалось скалывать. Как выяснилось позже, первого января 2000 года у отца случился инфаркт, о чем он не знал, и пошел долбить лед около гаража, поскольку он не мог оставаться без машины, которая предоставляла ему необходимую свободу передвижения. Сколов лед, он пришел домой, сел смотреть телевизор, ему стало плохо. Моя сестра Маша вызвала скорую помощь, но приехавшие через 15 минут врачи уже, по сути, констатировали смерть.

Гражданская панихида состоялась в здании экономического факультета МГУ, куда пришло более тысячи человек. Время было тяжелое, и организовать поминки нам помогли администрация экономического факультета МГУ, руководство Академии народного хозяйства, Университета дружбы народов. Мы жили в большой че-

тырехкомнатной квартире МГУ, которая стала тогда поминальным залом. Мы были поражены, как много людей восприняли смерть отца близко к сердцу. Пришли все те, с кем он работал и дружил долгие годы. Большое им спасибо.

После смерти Михаила Васильевича прошло более десяти лет, а я до сих пор часто сталкиваюсь с людьми, которые знают и помнят моего отца. К примеру, недавно я встретился с Павлом Алексеевичем Медведевым, депутатом Государственной Думы Российской Федерации, членом комитета по кредитным организациям. Я попросил его выступить перед слушателями моего института на одном из занятий. К моему удивлению, выступление Павел Алексеевич начал с воспоминаний о том, как он работал на экономическом факультете МГУ под руководством Михаила Васильевича и как тепло к нему относился.

Я горжусь тем, что моим отцом был сильный добрый человек, солдат, ученый и учитель, оставивший о себе такую долгую и светлую память.

Основные труды профессора М.В. Солодкова

1. *О некоторых основных вопросах марксистско-ленинской теории национального дохода капиталистического общества // Вестник МГУ. Сер. Экономика и право. 1954. № 11.*
2. *О некоторых закономерностях распределения труда между производственной и непроизводственной сферами в СССР // Вопросы политической экономии социализма. М.: МГУ, 1960. (Переведена в Японии.)*
3. *Методология исследования производительного и непроизводительного труда при социализме. М.: МГУ, 1969.*
4. *Против одностороннего понимания категории «производительный труд» // Экономические науки. 1971. № 9.*
5. *Теоретические проблемы услуг и непроизводственной сферы при социализме. М.: МГУ, 1972. (В соавторстве.) (Переведена в ГДР.)*
6. *Понятие непроизводственной сферы, критерии определения ее границ // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1973. № 5.*
7. *Непроизводственная сфера в системе экономических отношений // Экономические науки. 1973. № 9.*
8. *Солодков М.В. Экономические проблемы непроизводственной сферы // Экономические науки. 1974. № 10.*
9. *Роль непроизводственной сферы в общественном производстве при социализме. М.: МГУ, 1976.*
10. *Роль непроизводственной сферы в повышении жизни уровня населения // Социализм и народное благосостояние. М.: Мысль, 1976.*

В.М. Солодков,
сын М.В. Солодкова

**Владимир
Францевич
Станис**

ВОИН, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ПОЛИТИК, РЕКТОР¹⁴⁹

И вечный бой, покой нам только снится...

А.А. Блок

Владимир Францевич Станис — доктор экономических наук, профессор.

Период 30-х — 60-х годов XX века — эпоха в истории нашего Отечества, вместившая в себя гигантские изменения во всех сферах экономики и общества, невиданное по масштабам сражение за свободу с фашистскими захватчиками, восстановление разрушенного хозяйства. В такие времена на передний план выдвигаются люди совершенно особого склада характера, люди, наделенные не только талантом, организаторскими способностями, но и огромной волей.

Судьбе было угодно провести Владимира Францевича Станиса через самые сложные испытания, которые сделали его гражданином, активным творцом нового мира, принципам строительства которого ученый был верен всю жизнь.

Владимир Францевич Станис родился в городе Нежин Черниговской области 12 июля 1924 года. Его дед — выходец из Литвы — был рекрутом царской армии, после окончания военной службы остался в Киеве. Отец Владимира — Франц Адамович — родился в Киеве, работал в переплетной мастерской, очень много читал, обладая феноменальной памятью, заучивал наизусть поэмы А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Мама будущего ученого до замужества была сельской учительницей.

Весной 1938 года отец Владимира Францевича был репрессирован, выдержал все пытки и не предал своих товарищей, не изменил своим убеждениям, а после освобождения продолжал активную деятельность по воспитанию военных кадров для Советской Армии. Этот период жизни семьи достаточно сложно отразился на судьбе Владимира Станиса. Для того чтобы продолжить учебу в своей школе, ему приходилось на пригородном поезде каждый день добираться в другой конец Харькова.

Начало войны застало Владимира Станиса в городе Вольске Саратовской области, куда было переведено военное училище, в котором служил его отец. Владимир Станис участвовал в строительстве оборонительных сооружений. В феврале 1942 года он добровольно вступил в Красную Армию и стал курсантом артиллерийского училища. Будущий ученый закончил училище отличником боевой и политической подготовки и написал заявление с просьбой отправить его на Сталинградский фронт. С самого начала и до завершения Сталинградской битвы, положившей начало великому перелому в войне и предопределившей победу советского народа, он командовал взводом 1103-го пушечного полка в составе 62-й Армии.

В этой битве, ставшей переломной не только в Великой Отечественной войне, но и в истории мировой цивилизации в XX веке, Владимир Станис сражался за будущее своего народа, за возможность для всего мира вернуться к нормальной жизни.

¹⁴⁹ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 1. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 62–69.

После Сталинграда его полк воевал на Северо-Западном фронте, а в начале лета 1943 года был отправлен на переформирование. Девятнадцатилетний Владимир Станис назначен командиром батареи 172-го Гаубичного полка 134-й Артиллерийской бригады, и в составе 6-й Гвардейской артиллерийской дивизии прорыва резерва Главного командования участвовал в боях на 2-м Прибалтийском фронте. Его воинское звание теперь — майор.

За боевые заслуги В.Ф. Станис награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

После окончания войны Владимир Станис экстерном за три месяца завершает обучение в десятом классе школы. Желание восстанавливать разрушенную войной страну, стремление к созиданию и творческому труду привели В.Ф. Станиса на экономический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, который он окончил с отличием в 1950 году. Во время учебы студент-фронтовик избирался секретарем бюро комсомола и секретарем партийного бюро экономического факультета.

Сразу после завершения учебы в университете Владимир Францевич поступил в аспирантуру на кафедре политической экономии. Но его направили на партийно-политическую работу в Алтайский край. С 1950 по 1952 год начинающий ученый работал заведующим лекторской группой Алтайского крайкома ВКП(б), секретарем Барнаульского горкома ВКП(б), параллельно учился в заочной аспирантуре экономического факультета МГУ и в 1955 году защитил кандидатскую, а в 1974 году — докторскую диссертации.

С 1960 по 1961 год В.Ф. Станис находился на научно-педагогической работе в Ханое, а после возвращения в Москву работал сначала ассистентом, а потом доцентом кафедры политической экономии гуманитарных факультетов Московского государственного университета. Дважды избирался председателем объединенного профкома МГУ; в 1962 году был заместителем секретаря профкома Московского университета.

В течение целого ряда лет Владимир Францевич работал инструктором идеологического отдела, отдела науки ЦК КПСС, заведующим сектором отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, заместителем министра высшего и среднего специального образования СССР. По мнению коллег, В.Ф. Станис, занимая высокие руководящие посты, проявил себя как человек, умеющий стратегически мыслить, принимать ответственные решения. Коллеги также отмечают его уникальную способность пробуждать в людях интерес к самостоятельной творческой, научной и организаторской деятельности.

Особый период в жизни В.Ф. Станиса связан с работой в Университете дружбы народов. В.Ф. Станис последовательно сумел реализовать концепцию развития университета как научно-исследовательского центра, готовившего кадры для развивающихся стран, ставшие опорой глубокой структурной перестройки экономики этих государств. Одним из важных направлений воспитания специалистов для стран третьего мира В.Ф. Станис считал развитие у них мировоззренческой позиции, в которой сочетались бы такие качества, как профессионализм, патриотизм, понимание углубляющегося интернационального характера мировой экономики.

В.Ф. Станис сумел отстоять духовные основы университета, его традиции, его общественно-политический статус и в противоречивых условиях 90-х годов, когда в России начались рыночные реформы. В этот период ярко проявились его черты крупного общественно-политического деятеля. Он не только сохранил университет, но и обеспечил его переход на новые принципы экономической деятельности.

В.Ф. Станис — строгий, требовательный руководитель. Но коллеги всегда отмечают его жизнелюбие, чувство юмора, спортивность. Владимир Францевич и сегодня, несмотря на уважаемый возраст, выполняет большую работу в качестве Президента РУДН, одновременно возглавляя кафедру политической экономии. Он полон энергии, энтузиазма, новых идей, он — старейшина и душа коллектива.

Все годы своей профессиональной деятельности В.Ф. Станис занимается научной работой. Основное направление его исследований — анализ эволюции советской образовательной системы. Он последовательно развивает идею о необходимости постоянного совершенствования созданной в Советском Союзе четырехступенчатой единой образовательной системы, которая включала в себя следующие уровни: общеобразовательная школа, обязательная для всех; профессионально-техническое образование; среднее специальное образование; высшая школа.

После начала рыночных реформ в России В.Ф. Станис одним из первых высказал идею о недопустимости полной коммерциализации российского образования и раздробления единой образовательной системы. Под руководством В.Ф. Станиса в РУДН впервые в России была внедрена двухступенчатая система высшего образования. Владимир Францевич участвовал в фундаментальных исследованиях эволюции форм организации и управления высшей школы России в условиях рыночных реформ экономики, в которых ставилась задача найти наиболее эффективные социально-экономические и управленческие решения, позволяющие не только удержать высшую школу России от развала, но и обеспечить рост престижа высшего образования. В этой связи актуальными представляются предложения В.Ф. Станиса по изменению структур и форм управления университетами и высшей школой в целом, установлению возможно допустимых уровней коммерциализации высшей школы. В 1993 году В.Ф. Станис был главным редактором и научным руководителем проекта «Сравнительный анализ уровней образования России и зарубежных стран и обеспечение взаимного признания дипломов о высшем образовании, ученых степеней и званий» в рамках программы «Университеты России».

Еще одним направлением научной деятельности В.Ф. Станиса является анализ практики экономического развития Советского Союза, стран Центральной и Восточной Европы, развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Основное внимание ученый уделял политэкономическим аспектам социально-экономического развития государств. В своих научных статьях В.Ф. Станис доказал необходимость практического воплощения в экономике социалистической модели хозяйственного строительства с учетом конкретных условий каждой страны. В основе его теоретических рассуждений лежит идея о необходимости разумного сочетания интересов всех участников хозяйственного процесса. В.Ф. Станис — последовательный сторонник такой модели социалистического хозяйства, в которой, во-первых, существуют различные формы товарного хозяйства и товарных отношений, а во-вторых, методами государственной экономической политики обес-

печивается эффективное сочетание плановых и рыночных методов управления экономикой.

В.Ф. Станис выступает против упрощенного представления о рынке как мифической невидимой руке, налаживающей нормальное функционирование экономики. Он доказывает, что эффективная экономика создается в результате деятельности определенных социально-экономических сил в союзе с государством, скрепленном конструктивной целью и идеей, каковой для России он считает очищенную от различного рода извращений и догматизма социалистическую идею. В рамках политэкономического исследования современной экономики В.Ф. Станис уделял большое внимание анализу аграрных преобразований в СССР, странах Центральной и Восточной Европы, развивающихся странах. Им последовательно обосновывалось положение о том, что важнейшим инструментом повышения эффективности аграрной сферы является производственное кооперирование.

Научные интересы В.Ф. Станиса связаны также с исследованием экономической политики России в период рыночных реформ. Одним из первых В.Ф. Станис, признавая в целом необходимость рыночного реформирования экономики, высказал мысль о том, что методы проведения политики реформирования не обеспечивают социальных целей реформ. Это проявляется во все увеличивающейся пропасти между богатыми и бедными, в нарастании социальной напряженности. В.Ф. Станис показал в своих статьях, что отсутствие консенсуса по поводу перехода к рынку и в обществе, и среди экономистов свидетельствует об отсутствии ясной целевой установки проводимых преобразований, об отсутствии ключевой, понятной большинству людей идеи такой перестройки. Этим проблемам была посвящена серия статей ученого, среди которых особенно важное место занимает работа «О двух переходных периодах в России», опубликованная в Вестнике РУДН в 1998 году. В.Ф. Станис также занимался разработкой научных основ восстановления системы планирования с корректировкой на новые условия развития страны.

Предложенные в трудах В.Ф. Станиса подходы к решению различных экономических проблем представляются перспективными, идеи ученого развиваются в работах его учеников. Под руководством Владимира Францевича защищено 15 кандидатских и восемь докторских диссертаций по проблемам социально-экономического развития стран Азии, Африки, Латинской Америки, их взаимоотношений с развитыми капиталистическими странами в различных сферах, по аграрным проблемам развивающихся государств.

Владимир Францевич на протяжении многих лет активно участвовал в общественно-политической и культурной жизни нашей страны. Он избирался делегатом XXV и XXVI съездов КПСС, неоднократно избирался Депутатом Моссовета, членом Черемушкинского райкома КПСС, Московского горкома КПСС, был членом Коллегии Министерства высшего и среднего специального образования СССР, членом Президиума ССОД, членом Президиума Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, членом Советского комитета защиты мира, президентом Общества дружбы «СССР — Бангладеш», членом Совета ректоров вузов Москвы и председателем его Комиссии по работе с иностранными учащимися, членом Всесоюзного совета научно-технических обществ.

За многолетний плодотворный труд В.Ф. Станис награжден орденом Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, медалями «Ветеран труда», «В память 850-летия Москвы», многими другими орденами и медалями России и зарубежных стран. В.Ф. Станис — заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный академик Международной академии наук Высшей школы, почетный профессор Российского университета дружбы народов, почетный профессор Гуаякильского университета (Эквадор).

Вся непростая жизнь и столь многогранная деятельность В.Ф. Станиса — яркий пример подлинного служения Родине, делу профессиональной подготовки и формирования нового поколения. Через его руки прошли тысячи и тысячи советских, российских и иностранных выпускников университета, работающих в более чем 160 странах мира. И не будет преувеличением сказать, что в каждом из них есть частица широкой души и доброго сердца Владимира Францевича, человека, отдающего всего себя служению людям.

Основные труды профессора В.Ф. Станиса

1. Станис В.Ф. Социалистические преобразования сельского хозяйства. М., 1971.
2. Станис В.Ф. Возникновение и становление экономики социализма. М., 1980.
3. Станис В.Ф. Экономические закономерности становления социализма: Учеб. пособие для экон. спец. вузов. М., 1985.
4. Станис В.Ф. Экономические проблемы развития стран социалистической ориентации. М., 1986.
5. Станис В.Ф. Некоторые проблемы переходного периода. Актовые речи ученых Университета дружбы народов. М., 1989.
6. Станис В.Ф. Экономическая политика США в Африке. М., 1990.
7. Станис В.Ф. О некоторых направлениях деятельности вуза в условиях перехода к рынку // Вуз и рынок. Т. I. М., 1992.
8. Программа «Университеты России». Научное направление IV. Интеграция университетов в общемировую систему университетского образования и науки. Сравнительный анализ уровней образования России и зарубежных стран и обеспечение взаимного признания дипломов о высшем образовании, ученых степеней и званий / Главный редактор — научный руководитель проекта В.Ф. Станис. М., 1993.
9. Станис В.Ф. Социально-экономические проблемы переходного периода и основные направления структурных преобразований экономики России. М., 1997.
10. Станис В.Ф. О двух переходных периодах в России // Вестник РУДН. М., 1998.

М.Д. Розатов,
ученик В.Ф. Станиса,
кандидат экономических наук,
доцент

**Николай
Владимирович
Хессин**

БЕСКОМПРОМИССНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАРКСИЗМА¹⁵⁰

Ученые бывают разными. Одни живут в мире чистой науки и принципиально не хотят замечать изменений в общественной жизни, оставаясь в сфере чистых эмпирей. Среди экономистов таких мало. Другие более или менее искренне изменяют свои взгляды (а вместе с тем и теоретико-методологическую ориентацию своих исследований) в соответствии с изменением политико-идеологического курса властей (или самих властей), а то и просто в связи с появлением новой научной моды. Таких среди экономистов едва ли не большинство. Но есть и редкая порода тех, кто бескомпромиссно отстаивает свои теоретические позиции, выработанные в процессе исследовательской деятельности. Эти ученые встречаются редко, но помнят о них долго. Надолго остаются для потомков не только их научные труды, но и воспоминания об их жизни, о твердой жизненной позиции. Именно к этому кругу замечательных людей, достойных включения в известную серию «ЖЗЛ», принадлежит и Николай Владимирович Хессин¹⁵¹.

Очерк первый. Жизнь (вместо вступления)

Путь Николая Владимировича Хессина в науку и в науке был во многом типичным для человека его поколения. Он родился 22 мая 1922 года в Красноярске, в семье рабочего-печатника. После окончания средней школы в 1939 году поступил на первый курс МИФЛИ (Московского института философии, литературы и истории) — учебного заведения, давшего нашей стране немало выдающихся имен в сфере гуманитарных наук и в литературе.

Когда началась Великая Отечественная война, Николай Владимирович сначала работал на строительстве оборонительных сооружений, затем был направлен на курсы военных переводчиков, а в декабре 1941 года — в действующую армию. Во время войны он служил сначала переводчиком, затем помощником начальника разведотдела штаба дивизии. В войсках Западного фронта (61-я армия), а затем 1-го Белорусского фронта участвовал в крупных военных операциях (под Москвой, в районе Пинских болот, под Смоленском, на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, в Польше, в Восточной Пруссии). Принимал участие во взятии Берлина. Закончил войну в звании капитана. Боевые заслуги Николая Владимировича были отмечены двумя орденами Красной Звезды (а эта награда не зарабатывалась одним лишь сидением в штабах), орденом Отечественной войны, медалью «За боевые заслуги»

¹⁵⁰ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 6. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. — С. 34–53.

¹⁵¹ Авторы, конечно же, субъективны в этих кратких очерках и не претендуют на сухую биографичность и исчерпывающе полное отражение огромного научного наследия Н.В. Хессина. Мы поставили перед собой иную задачу — показать наиболее значимые, актуальные, востребованные и ныне разработки нашего учителя, в частности, те, что служат важнейшей основой наших исследований.

и еще девятью медалями. После войны еще год ему довелось служить в Группе советских войск в Германии.

По окончании военной службы, как и многие другие фронтовики, чья учеба была прервана войной и кому посчастливилось уцелеть в эти тяжелейшие для страны годы, Николай Владимирович продолжил учебу на экономическом факультете МГУ (куда во время войны был передан экономический факультет МИФЛИ). Сибиряк, с первой попытки поступивший в один из самых престижных московских вузов, он прекрасно проявил себя во время учебы и был оставлен в аспирантуре. Затем он был принят на работу преподавателем экономического факультета, где и проработал с 1952 года до конца своей жизни.

Его научная деятельность начиналась с исследования истории русской экономической мысли. В особенности Н.В. Хессина интересовал вклад Н.Г. Чернышевского в развитие экономической теории. В середине 1950-х годов, когда стало возможным более свободное обсуждение фундаментальных теоретических и актуальных экономических проблем развития СССР, Николай Владимирович обращает свое внимание на методы исследования в экономической теории, вопросы теории товара и стоимости, проблемы товарно-денежных отношений в плановой экономике.

С 1957 года, когда кафедру политической экономии на экономическом факультете возглавил Н.А. Цаголов, Николай Владимирович становится одним из активных участников той группы политэкономов, которые впоследствии получили имя цаголовской (или университетской) школы. Именно эта группа создала первый в стране учебный курс политической экономии, значительно отличавшийся от канона, заданного учебником 1954 года, созданного под заметным влиянием И.В. Сталина. В новом учебнике была заявлена самостоятельная позиция авторов по многим теоретико-методологическим проблемам.

Хотя Николай Владимирович работал в коллективе, который во многом являлся коллективом единомышленников (несмотря на различие позиций по тем или иным вопросам, доходившее подчас до острой полемики), однако его путь в науке протекал отнюдь не гладко. Защитив в 1967 году докторскую диссертацию, Н.В. Хессин более трех лет дожидался ее утверждения ВАК СССР. С точки зрения тогдашней официальной идеологии диссертации Н.В. Хессина нельзя было предъявить никаких претензий, но «всего лишь» заявление о ясной и недвусмысленной собственной научной позиции пришлось не по вкусу начальникам от науки, предпочитавшим шарахаться от дискуссионных вопросов, замазывать разногласия и обходить острые углы.

Николай Владимирович был одним из наиболее любимых студентами преподавателей кафедры политической экономии: он активно сотрудничал со студентами в области научной работы, вел заседания студенческого научного кружка, прививая начинающим исследователям вкус к высокой методологической культуре в сфере теоретических изысканий. Именно благодаря Н.В. Хессину многие студенты познакомились с выдающимся советским философом Э.В. Ильенковым и с его работами о методе «Капитала» К. Маркса.

В октябре 1979 — октябре 1981 года Николай Владимирович работал в Польше, в Силезском университете города Катовицы. Это было время первой волны выступлений «Солидарности», острого внутреннего кризиса в Польской объединенной рабочей партии, что закончилось введением военного положения. Н.В. Хессин ока-

зался в гуще этих событий, не оставшись в стороне от обсуждения поднимавшихся его слушателями острых теоретических и политических вопросов.

Подобное поведение не соответствовало нравам, установленным тогда в СССР партийной верхушкой. Любой намек на политическую инициативу, даже находившуюся в русле официально одобренной политической линии, сразу же брался под подозрение. По возвращении из Польши Николая Владимировича не раз вызывали, как тогда говорилось, «на ковер», чтобы он отчитался о своих делах. После одного из таких отчетов мучившая его долгие годы гипертония нанесла удар. Инсульт, последовавшие за ним частичный паралич и серьезное расстройство речи лишили его возможности активной преподавательской работы. Однако и после этого Н.В. Хессин упорно стремился восстановить физическую работоспособность, чтобы продолжать научные исследования. Он знакомился с новинками научной литературы, печатал на машинке свои заметки, даже публиковался. К сожалению, судьба не отвела ему много времени...

***

Основные достижения профессора Хессина в наибольшей степени связаны с тремя направлениями его работы: во-первых, это исследования по истории экономической мысли (главным образом анализ творчества Н.Г. Чернышевского); во-вторых, это исследования в области применения диалектического метода к изучению политико-экономических проблем и, в частности, метода «Капитала» К. Маркса, теории товара и стоимости; в-третьих, это рассмотрение проблем политической экономии социализма.

Очерк второй.

История и методология политической экономии.

Н.Г. Чернышевский и теория «клеточки»

В начале 1980 годов Н.В. Хессин издал книгу «Н.Г. Чернышевский в борьбе за социалистическое будущее России» (М.: Мысль, 1982), где подвел итог своим многолетним исследованиям и в который раз показал, что Чернышевским были сделаны существенные шаги за пределы утопического социализма и сформулирован ряд идей, приближавших его к научному социализму. В частности, Чернышевский отвергал тезис, что русская община может послужить готовым основанием для социалистического общества, и выдвигал концепцию длительного переходного периода, в течение которого мелкокрестьянское общинное производство будет преобразовано в крупное коллективное.

Н.В. Хессин впервые обратил внимание на то, что в ходе критики буржуазной политической экономии того времени (Джона Стюарта Милля) и в развитии позитивного взгляда на возможности движения России к социализму Н.Г. Чернышевский значительно продвинулся в систематизации научных категорий, призванных обрисовать контуры социалистического производства.

Следует заметить, что именно эти моменты в творчестве Чернышевского вызвали интерес со стороны классиков марксизма и послужили для них отправным

пунктом разработки собственной концепции движения к социализму относительно отсталых стран.

Более подробно хотелось бы охарактеризовать вклад нашего учителя в методологию и теорию марксистского исследования товара, стоимости и того, что ныне называют «рынком», введя в оборот науки понятие «экономическая клеточка».

В своих известных работах¹⁵² профессор Хессин выступал как последовательный диалектик, ведя исследования в режиме непосредственного диалога с другим известным специалистом в области марксистской методологии — Э.В. Ильенковым (этот диалог был, в том числе, очным, поскольку Н.В. Хессин и Э.В. Ильенков были хорошо знакомы; никогда не забудем того впечатления, которое на нас произвели выступления Николая Владимировича и Эвальда Васильевича на заседании студенческого кружка, куда мы первый раз попали еще первокурсниками...).

К числу основных тезисов, отстаивавшихся Н.В. Хессиным, принадлежит тезис о диалектической природе экономических систем. Она трактовалась нашим учителем как генетическое разворачивание всего богатства отношений исторически конкретной системы производственных отношений (например, капиталистической) из исходного противоречия, или, используя известное выражение К. Маркса, «клеточки» этой системы. Само понятие «экономическая клеточка» было развито Н.В. Хессиным по аналогии с биологическими системами, где из «клеточки» вырастает весь организм, «генетический код» которого задан этим исходным пунктом. В социально-экономическом развитии — утверждал профессор Хессин — процессы развиваются сходным образом. Так, «генетический код» капитализма уже задан в его исходном моменте, «клеточке», которой является товар с присущими ему внутренними противоречиями. Именно эти противоречия и обуславливают разворачивание в истории всего богатства отношений капитализма, а в теории — системы категорий «Капитала».

Примечательно, что в отличие от большинства исследователей-марксистов, сводивших противоречия товара к отношению стоимости и потребительной стоимости и двойственному характеру труда, с разделением последнего на абстрактный и конкретный, Н.В. Хессин развивал это понимание до выделения противоречия между трудом общественным (но общественным опосредованно) и частным, в основе чего, в свою очередь, лежит противоречие обособленности производителей и общественного разделения труда. Такая постановка вопроса была во многом связана с тщательным исследованием профессором Хессиным как ленинских работ¹⁵³ (основанных, кстати, на обобщении обширного эмпирического материала), так и реалий советской экономики. И в том, что касалось реалий столетней давности, отраженных в работах В.И. Ленина, и в случае отношений «реального социализма», исследовавшихся

¹⁵² См.: Хессин Н.В. Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1964; Он же. Некоторые методологические вопросы «Капитала» К. Маркса// Экономические науки. 1976. № 8.

¹⁵³ К сожалению, в коротком тексте нет возможности сколько-нибудь подробно остановиться на всех достижениях нашего учителя, поэтому здесь мы лишь упомянем то, что книга и статьи Хессина, посвященные ленинскому исследованию товарного производства, чрезвычайно интересны не только как методолого-теоретические исследования, но и как интереснейшие работы в области истории экономической мысли (см.: Хессин Н.В. В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: Изд-во МГУ, 1968).

самим Хессиним, практика показывала: чем глубже обособленность производителей в системе общественного разделения труда, тем активнее развивается товарное производство и, далее, капитализм.

Последний тезис требует особого комментария. В своих методологических работах Н.В. Хессин и его единомышленники (которых, к сожалению, было немного) раскрыли историко-логическую генетическую взаимосвязь между товаром, его противоречиями и развитием капиталистических производственных отношений, существенно обогатив классическую марксистскую идею о том, что товарное производство рождает капитализм постоянно и в массовом масштабе из самого себя как «клеточки» буржуазного строя. Этот вывод оказался не просто теоретически важным, но и чрезвычайно актуальным в настоящее время, когда рыночные «реформы» очень быстро, из своей внутренней объективной логики породили капитализм.

Мы еще вернемся к этой проблеме, равно как и к спору «товарников» и «нетоварников» советской эпохи, его актуальности, а сейчас заметим еще одну важную особенность хессинских работ по методологии. Он постоянно настаивал на двух, часто «забывавшихся» даже в советские времена и почти полностью утраченных ныне, тезисах.

Первый — о необходимости постоянного тщательного исследования диалектической двойственности, внутренних противоречий производственных отношений и отражающих их экономических категорий, без чего нет и не может быть проникновения в сущность явлений, отображения их как живых, развивающихся процессов.

Второй — о необходимости последовательно использовать в экономических исследованиях методы восхождения от абстрактного к конкретному и диалектического единства исторического и логического. Н.В. Хессин и Э.В. Ильенков, их коллеги-философы и политэкономы (среди последних обязательно упомянем А.И. Юдкина, хотя были и многие более молодые коллеги, ученики) вели по этим вопросам открытую полемику с В.А. Вазюлиным, В.П. Шкредовым, К.П. Треневым и другими весьма талантливыми учеными, игравшими заметную роль в развитии проблем метода. При этом Н.В. Хессин и его товарищи аргументированно настаивали на том, что метод восхождения от абстрактного к конкретному несводим к узко понимаемой гносеологии, что сама экономическая система развивается от своего простого состояния («клеточки») ко все более и более сложному, что это развитие имеет свою логику, закономерности (в отличие от всего многообразия «зигзагов» особенной истории особенных стран). Этот исторический подход к экономике, акцентирующий внимание на процессах генезиса особенных производственных отношений, оказался особенно актуален ныне.

Очерк третий.

Вклад в политическую экономию социализма. Плановость

Наиболее спорными и одними из наиболее важных для нынешней науки являются, пожалуй, хессинские исследования по проблемам социализма.

Политическая экономия социализма существовала на протяжении долгих десятилетий. Теперь политической экономии социализма как бы нет. И то, что она ушла в прошлое, является не просто констатацией факта, а вызовом для специ-

алистов в области политической экономии. В этих условиях возникает вопрос: что для нас, ученых, осталось от этой науки? Он должен решаться в достаточно широком контексте.

Начнем с некоторых предварительных замечаний.

Мы постараемся отметить актуальность основных разработок именно Н.В. Хессина как одного из авторов, принадлежащих к кругу ведущих представителей так называемой университетской школы. Между тем политическая экономия социализма существовала (пусть не имея тогда своего имени) еще в предсоветскую эпоху (в виде некоторых положений, обобщающих объективные тенденции рождения новой, посткапиталистической экономики); существовала и существует политическая экономия социализма, развивавшаяся вне мировой социалистической системы. В настоящее время на многих языках мира публикуются книги по экономической теории социализма (особенно часто дискутируется проблема, которую можно обозначить как «рынок и социализм»), значительное количество работ на эту тему вышло не только в Китае, Вьетнаме, на Кубе, но и в США, странах Западной Европы. Наконец, работы по экономической теории социализма продолжают вестись и публиковаться в современной России.

Все это составляет исторический и современный контекст, в котором «живут» работы профессора Хессина по политической экономии социализма.

Утверждение о сохранении политической экономии социализма как актуальной для нашей современной теории имеет определенное значение, по крайней мере, в трех смыслах:

1. Эта наука полезна и необходима для понимания природы экономики «реального социализма» — той экономической системы, которая существовала в СССР и других странах мировой системы социализма.
2. Эта наука полезна для понимания будущего, которое называют постиндустриальным, информационным или даже постэкономическим обществом.
3. Она полезна и необходима для понимания природы трансформационной экономики.

Обосновывая эти тезисы, проанализируем так называемую «клеточку» экономической системы социализма, которой Н.В. Хессин считал планомерность. Именно в определении планомерности в качестве исходного пункта историко-логического генетического развертывания системы отношений (и категорий политической экономии) социализма лежит ключ к пониманию многих проблем и «реального социализма», и нынешних трансформационных процессов, и теоретической модели социализма будущего.

Начнем с того, что в работах Н.В. Хессина и его коллег по МГУ, как уже отмечалось, был сделан акцент на исходном пункте развития и исследования системы, так называемом «исходном производственном отношении» (или, в терминологии Хессина, «экономической клеточке»¹⁵⁴), характеризующем взаимосвязь производителя и потребителя, форму продукта и определенную социально-экономическую

¹⁵⁴ О сущности и значении понятия «экономическая клеточка» для политической экономии социализма см.: Хессин В.Н. Понятие «экономическая клеточка» и его значение для политической экономии социализма // Вопросы экономики. 1964. № 7.

форму труда. Университетская школа политической экономии предполагала, что для социализма это планомерная форма связи производителя и потребителя, непосредственно общественный или непосредственно обобществленный (были разные трактовки) характер труда и, соответственно, такая же форма продукта.

Такая трактовка проблемы оказалась на удивление важной для понимания природы экономической системы вообще. В самом деле, ход радикальных реформ, сломав старую систему, обнаружил ее структуру. Этот слом и логика либеральных реформ, как ни странно, доказали правоту университетской школы политической экономии. В самом деле, с чего начинались радикальные преобразования? С замены планомерности товарной системой отношений или либерализации — лозунга, который повторяли все, в том числе и те, кто никогда не был знаком с университетской школой политической экономии...

Тем самым слом экономики советского типа и логика радикальных реформ волей-неволей повторили тезис о планомерности как «клеточке» социализма (в современной терминологии данное понятие можно трактовать как способ координации, аллокации ресурсов).

С этих позиций можно рассмотреть и конкретные достижения Н.В. Хессина и его коллег по университетской школе в области политической экономии социализма и, прежде всего, планомерности. Что показывала планомерность как исходная характеристика нашей предыдущей экономической системы? Что эта система была плановой. Сколько бы мы ни спорили о природе экономики мировой системы социализма, сейчас для нас очевидно, что она в исходном пункте была именно плановой. И разработка (причем не только теоретическая, но и доведенная до практических рекомендаций) системы методов и форм народнохозяйственного планирования при всех его противоречиях была одним из реальных достижений нашей теории.

Эти исследования также показали, хотя и в крайне идеализированной форме, что плановая система обладает довольно сложной внутренней структурой. Сегодня это принято забывать, причем даже простейшие тезисы. Так, до сих пор повторяется, что плановая экономика нежизнеспособна, потому что из одного центра нельзя спланировать двадцать миллионов видов продукции, однако почти забыты общепринятые когда-то положения о том, что, во-первых, это была иерархическая система планирования, включавшая много уровней; во-вторых, планировалось производство только важнейших видов продукции; в-третьих, эта система предполагала наличие договорных отношений и определенной самостоятельности предприятий и т.п. Сегодня забыто и то, что говорилось о необходимости определенной системы общественного контроля за органами централизованного планового управления, что в наиболее интересных разработках писалось об отношениях самоуправления на всех уровнях (от бригады до народного хозяйства в целом) и механизмах, обеспечивающих функционирование системы органов управления как представителя общества в целом и т.п.

Что касается специфически хессинского вклада в разработку проблем планомерности, то помимо общеметодологической аргументации в пользу именно планового типа экономики как исходного, системного качества социализма нашим учителем было проведено немало других исследований.

В частности, Н.В. Хессин писал о наличии различных развивающихся и исторически, и логически форм плановости, выделив планирование как высшую, но не единственную форму этого отношения. К числу же исторически простейших форм он относил учет и контроль граждан, включая контроль за функционированием государственных органов (не столько в печатных работах, сколько в устных выступлениях, особенно неформальных, Николай Владимирович много и очень страстно говорил о проблеме бюрократической деформации плановости в условиях реального социализма как подлинной угрозе тогдашней системе изнутри). В работах ученых советского периода, и прежде всего нашего учителя, было показано, что плановая система не есть механическая конструкция, она возникла и развивалась как естественно вырастающий организм — от простейших отношений учета и контроля до более сложных отношений планирования — и не сразу возникла как готовое целое.

Не менее важен был и тезис о противоречии централизма и самостоятельности как внутреннем противоречии плановости. Вообще системное раскрытие природы самостоятельности хозяйственных звеньев как собственного внутреннего для плановости (наряду с централизованным управлением и низовым контролем) способа хозяйствования, отличного от обособленности производителей как черты товарного производства, следует, на наш взгляд, признать как одно из важных достижений профессора Хессина.

Возвращаясь к вопросу об актуальности исследования плановости для сегодняшней науки и практики, заметим, что оно сегодня необходимо для понимания экономики прошлого, при этом нужно учитывать, что это идеализированная картина прошлого. Проникновение сквозь покровы идеализации позволяет увидеть реальные черты нашей экономики: механизмы бюрократизма, планового фетишизма, блата, плановой сделки, ведомственности, местничества и многое другое. Все это было описано в рамках политекономии социализма сначала в 1920-е годы, а потом вновь начало исследоваться в 1981–1982 годах, импульсом к чему послужили как нарастающие проблемы экономического развития СССР, так и работы Я. Корнай и других авторов. Нельзя забывать и о том, что такие ученые, как Н.В. Хессин, еще в 1970-е годы указывали на многие из этих проблем, но не могли в силу особых цензурных условий говорить о них прямо. Этот аспект крайне важен для понимания экономики нашего прошлого, реального осознания того, в какой мере и как развивалась система отношений планирования.

Обратимся к сегодняшней экономической ситуации. Видимо, в трансформационной экономике сохраняются элементы этих отношений, но вот вопрос: в каком виде? В связи с этим возникает проблема сохранения бюрократических пережитков системы отношений централизованного управления: ведомственности, местничества, коррупции и т.д.

Второй вопрос, касающийся сегодняшнего дня. Указанные выше исследования Н.В. Хессина и его коллег показали, что кроме плановой и рыночной систем существуют и другие способы координации. В частности, в отличие от нынешней *main stream* ученые не забывали о такой форме координации, как натуральное хозяйство. При анализе способов координации в переходной экономике выделение

как минимум этих трех форм (а лучше бы — и сложных переходных состояний) принципиально значимо. Более того, возможность появления натурально-хозяйственных связей как результата перехода от плана к рынку теоретически можно было прогнозировать, но только в том случае, если мы понимаем историзм развития форм координации (форм связи производителя и потребителя).

С точки зрения важности исследования планомерности для будущего надо учитывать, что здесь существует как бы водораздел. Для одних ученых есть рыночная экономика и только. Иными словами, для них характерен абсолютный внеисторизм и рассмотрение только рыночной системы. Точно так же как единственной религией для человека средневековья в Западной Европе было христианство (католичество), а все остальное воспринималось как ересь, которая подлежит уничтожению, так и ныне господствует «маркетцентрическая» ориентация экономической науки, при которой все остальные подходы рассматриваются как вредная ересь.

Принятие же во внимание исторического подхода позволяет понять, что существуют и другие типы координации: дорыночные и пострыночные. Если мы ставим вопрос о том, что существует пострыночный способ координации, то хессинские исследования позволяют показать, что система рыночной координации в определенный период возникла, следовательно, можно предположить, что в определенный период она отомрет. А значит, мы можем поставить проблему: как взаимосвязаны реальная практика нерыночной в своей основе экономики мировой системы социализма (и идеализирующая, но отражающая ее теория планомерности) с будущей пострыночной координацией?

Уже сама по себе постановка этой проблемы существенно изменяет трактовку нынешней экономики. И в этом случае правомерен вопрос: нерыночные механизмы координации, которые существуют сегодня в развитых экономических системах (такие как государственное регулирование, регулирование со стороны общественных организаций, сложная интернациональная система нормативов в области труда, качества продукции, затрат, экологических ограничений и т.д.), — это лишь элементы рыночной системы в ее развитии или зародыши нового пострыночного способа координации?

Такие компоненты, как планирование и программирование, государственное регулирование при помощи прямых и косвенных методов, прямые отношения между фирмами, ориентированные на технологически устойчивые связи и социальные результаты, система интернациональных и общегосударственных нормативов и другие, в политической экономии социализма (и, в частности, в трудах Н.В. Хессина) считались чертами новой формы связи производителя и потребителя, то есть новой формы координации. Если эта трактовка принимается (или принимается хотя бы то, что существует пострыночная форма координации), можно утверждать, что эти реальные черты сегодняшней экономики есть зародыши будущего пострыночного механизма связи производителя и потребителя, о которой немало было сказано по существу. Следовательно, многое из того, что писал Н.В. Хессин о планомерности (используя современную терминологию — пострыночном способе координации), может быть использовано в процессе критического анализа рождающейся сегодня практики будущего.

Очерк четвертый.

План и рынок

Еще более интересным этот вопрос становится, если мы вспомним знаменитый спор о планомерности и товарном производстве при социализме. Здесь Николай Владимирович был известен как один из наиболее последовательных и активных сторонников нерыночной природы социализма и критиков идей «рыночного социализма». Ныне принято считать всех сторонников планомерности апологетами «генеральной линии ЦК КПСС», но в действительности ситуация была иной. Хессин, в отличие от лукавствовавших сторонников неопределенно-умеренных взглядов, пытавшихся примирить социализм и рынок, открыто называл вещи своими именами, показывая, что рыночные элементы можно и должно использовать в определенной мере и в новом обществе, но как подчиненный элемент плановых начал, ибо социализм и рынок противоположны. Н.В. Хессин доказывал, что развитие обособленности производителей и других рыночных начал вызывает дифференциацию, порождает товарный и денежный фетишизм и т.п. По мнению профессора Хессина, товарные отношения использовать можно и должно, но, во-первых, понимая, что они могут быть очень опасны, контролировать их и, во-вторых, постепенно вытесняя их собственное содержание новым, сохранять от товарных отношений только форму. Этот взгляд противоречил официальной линии, в соответствии с которой все, что было в СССР, включая и рыночные начала, беспроblemно объявлялось социалистическим. В результате наш учитель стал таким же «диссидентом», как и «товарники» (только Хессина, в отличие от Лисичкина и К°, обвиняли в чрезмерной левизне).

На первый взгляд, те споры уже далече. Однако это не совсем так. По большому счету, Н.В. Хессин и его товарищи, утверждавшие противоположность плана и рынка, оказались правы: неслучайно разрушение плановых начал стало первой задачей реформаторов-рыночников — они точно выбрали первый объект атаки. Хессин никогда не отказывался от своего критического отношения к рынку и подчеркивал это, наблюдая, в частности, кризисные процессы в Польше начала 1980-х годов и выступая не за консервацию старой системы, а за иной, демократически-плановый путь развития экономики наших стран. Все это еще раз позволяет нам говорить о последовательной и бескомпромиссной позиции Николая Владимировича как ученого и гражданина.

***

Несмотря на всю значимость и высокий уровень достижений нашего учителя мы, как ученые, считающие его работы не мертвым памятником эпохе, а элементом непрекращающегося научного диалога, не можем не отметить и тех противоречий, которые были характерны для всей советской политической экономии и для работ Н.В. Хессина в частности.

В этой связи нельзя не повторить: прежде чем использовать какие-либо достижения советской политической экономии социализма, мы должны проделать тяжелую, но абсолютно необходимую работу по нелицеприятной критике нашей науки как ненаучной в той мере, в какой она ориентировалась на обслуживание

идеологии правящего класса при советской системе. Эта теза в наименьшей, на наш взгляд, мере относится к работам Н.В. Хессина, но мы все были частью системы... Другое дело, что выше мы постарались выявить, прежде всего, позитивные достижения нашей науки, хотя никогда не забывали оговорить реальные противоречия прошлого.

В то же время не следует впадать в чрезмерную эйфорию, останавливаясь лишь на внешней характеристике прежней системы как плановой, опирающейся на общественную собственность и якобы пропорциональной. Не столько сравнение с абстрактным идеалом (кстати, и этот идеал был не придуман, а главным образом абстрагирован из реальных процессов и явлений), сколько анализ реальных отношений экономики «реального социализма» показывает, что она была полна глубоких противоречий, в том числе и тех, что тормозили технический, социальный и гуманитарный прогресс. Противоречие централизованного планирования и плановых сделок, бюрократизма, ведомственности; ростки гармоничного развития личности и чудовищные провалы в сфере личного потребления; опережающее развитие ключевых отраслей и повсеместный дефицит — все это практика нашей экономики прошлого, адекватно отображавшаяся лишь в некоторых полудиссидентских работах, открыто появившихся в малотиражных научных изданиях только в начале 1980-х годов (нельзя не отметить в этой связи, что Николай Владимирович, вернувшись в это время из командировки в Польшу, много беседовал с нами на данные темы, но опубликовать сколько-нибудь развернутых материалов так и не смог).

Очерк пятый.

Н.В. Хессин: уроки для политической экономии XXI века (вместо заключения)

В небольших очерках мы стремились показать лишь то, что в доставшемся нам в наследие багаже Николая Владимировича Хессина и других лучших представителей советской политической экономии есть немало методологических инструментов и теоретических гипотез, при помощи которых можно начать исследовать новую реальность, по ходу такой работы корректируя и, если необходимо, пересматривая первоначальный инструментарий и гипотезы. Это правило всякой фундаментальной общественной науки, имеющей в своем исследовательском арсенале метод и научные абстракции вместо приборов. Кроме того — и это мы готовы еще и еще раз подчеркнуть, — советская политическая экономия (огромный вклад в которую внес профессор Н.В. Хессин) есть не более (но и не менее!) чем одна из (наряду со многими другими отраслями знаний) необходимых предпосылок опирающегося на анализ практики исследования, во-первых, советской экономики, во-вторых, трансформационной экономики и, в-третьих, процессов рождения новой, посткапиталистической системы.

Наследие наших учителей может и должно быть использовано нами (сугубо диалектически, критически!) как элемент в рамках достаточно сложной системы эко-

номических знаний, в том числе политэкономии в широком смысле слова, которая отчасти существует, отчасти продолжает формироваться. Осмысление научного наследия прошлого станет одним из важных компонентов избавления политической экономии в широком смысле слова от «рыночноцентрической» парадигмы, рыночноцентрической модели экономической жизни.

Эта тема, конечно же, заслуживает особого рассмотрения (и авторы уже обращались к этому вопросу), но и здесь позволим себе несколько слов, ибо в центре научной деятельности нашего учителя было доказательство и развертывание важнейшего для современной науки тезиса: «рынок» (товарное производство) есть исторически ограниченная система производственных отношений, и наука, ее изучающая, столь же исторически конкретна и ограничена. Вот почему мы, будучи учениками Николая Владимировича, опираясь на его идеи и развивая их, можем и должны критически отнестись к рыночноцентрической парадигме экономической теории. В этом мы видим одну из важнейших задач по развитию наследия Н.В. Хессина.

Между тем в конце XX — начале XXI века в мире продолжала (а в России начала) господствовать именно эта парадигма, ставящая рынок в центр и экономической жизни, и экономической теории. А ведь эта теория в большинстве случаев — посмотрите на американские учебники экономики — в принципе не способна (или как минимум «забывает») разграничить рынок и экономику вообще, не учитывает или, в лучшем случае, лишь отмечает наличие нерыночных экономических систем.

Конечно же, это не случайно, как не случайно и господство на протяжении столетий геоцентрической модели строения Вселенной: и в том, и в другом случае правящие силы отторгают вредное для них знание (правда, критиков рыночноцентрической парадигмы пока еще — тьфу-тьфу-тьфу — не тащат на костер). Для сохранения господства глобальной гегемонии капитала и «рыночного фундаментализма» (Дж. Сорос) опасна активная пропаганда теоретических представлений, показывающих, что рынок как экономическая система, обслуживающая большую часть транзакций большей части человечества (кстати, экономика «видит» только развитые системы, а то и вообще исключительно американскую экономику), окончательно победил только в... конце XIX — начале XX века, а до этого человечество много столетий мучительно пыталось перейти к рынку и капитализму ценой колониального угнетения, кровопролитнейших революций и войн (чего стоит хотя бы самая кровавая война XIX века — между Севером и Югом в США, да и Первую мировую войну явно не большевики развязали).

Еще более опасно тривиальное рассуждение о том, что если рынок есть особая форма координации, одна из многих исторически существовавших форм распределения ресурсов, если он когда-то (как господствующая форма — всего лишь сто-двести лет назад) возник, то это означает, что рыночная экономика — не более чем исторически ограниченная, имеющая не только начало, но и конец, экономическая система. И уж совсем вредоносным станет серьезный теоретический анализ (к тому же анализ самокритичный, указывающий на собственные ошибки и грехи апологетики) реальных ростков реальных пострыночных и посткапиталистических отношений. Именно так анализировал экономическую реальность наш учитель

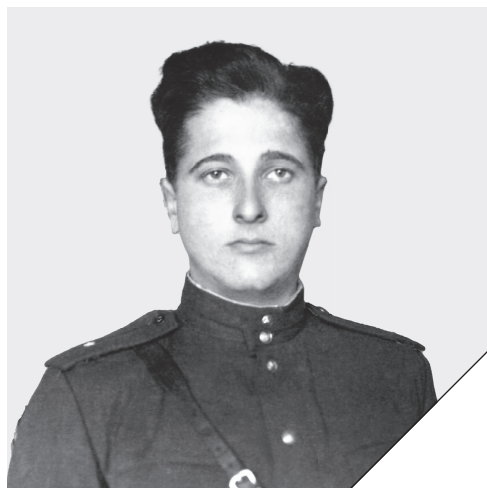
много десятилетий назад. Именно так сегодня можем и должны анализировать ее мы — его ученики. Вот почему мы можем и должны ныне, не боясь плыть против течения, не боясь анафемы, развивать теоретические и методологические достижения выдающегося ученого нашей страны профессора Хессина, сделав шаг вперед в экономической теории, отказываясь от апологетики рыночных начал и развивая историкосистемный взгляд на экономическую жизнь.

Основные труды профессора Н.В. Хессина

1. *Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1964. (10 п.л.)*
2. *Понятие «экономическая клеточка» и его значение для политической экономии социализма // Вопросы экономики. 1964. №7. (1,25 п.л.)*
3. *В.И. Ленин о сущности и основных принципах товарного производства // Сельская жизнь. 1969. 5 февр. (0,6 п.л.)*
4. *Ленинские идеи НЭПа и их международное значение // Вестник МГУ. Серия экономическая. 1971. № 3. (1 п.л.)*
5. *О двух основных направлениях анализа собственности и ее месте в системе производственных отношений // Вестник МГУ. Серия экономическая. 1973. № 3. (1,25 п.л.)*
6. *Об одной трактовке метода политической экономии // Вестник МГУ. Серия экономическая. 1975. № 6. (0,1 п.л.)*
7. *Некоторые методологические вопросы «Капитала» К. Маркса // Экономические науки. 1976. № 8. (1 п.л.)*
8. *О применении генетического подхода к исследованию производственных отношений // Актуальные проблемы политической экономии. М.: Изд-во МГУ, 1979. (0,9 п.л.)*
9. *Развитие теории планомерной организации социалистического производства и проблемы ее совершенствования // Вестник МГУ. Серия экономическая. 1979. № 1. (1 п.л.)*
10. *Н.Г. Чернышевский в борьбе за социалистическое будущее России. М.: Мысль, 1982. (20 п.л.)*

А.В. Бузгалин,
доктор экономических наук,
профессор МГУ

А.И. Колганов,
доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник МГУ

**Георгий
Николаевич
Худокормов**

ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ¹⁵⁵

Жизненный путь

Мой отец, Георгий Николаевич Худокормов, родился 25 июня 1922 года в Москве в семье Николая Васильевича Худокормова, занимавшегося торговлей. Дед отца, Василий Иванович Худокормов, до революции был известным предпринимателем, имел на Благущей (район станции метро «Семеновская») крупную по тем временам фабрику по производству красок. Мать отца Мария Яковлевна (урожденная Браун) происходила из немцев Поволжья. В предреволюционные годы ее семья жила в городе Елань, где дед отца со стороны матери был управляющим крупной мельницей.

Для будущего специалиста по политической экономии такое социальное происхождение было самым невыгодным. Г.Н. Худокормов вообще не любил касаться этой темы, а моя мама иногда шутила, что я — их сын — всем обязан Октябрьской революции: не будь ее, Георгий Николаевич не смог бы встретить мою мать и тем более жениться на ней, так как она была дочерью комиссара Витебско-Рижской железной дороги и происходила из рабоче-крестьянской среды.

Дом, в котором жила семья Худокормовых, стоял на углу Пресни и нынешней Дружинниковской улицы. В конце января 1924 года мимо их окон шли рабочие демонстрации, и одними из первых слов отца были: «Ликина хороняют» — то есть «хоронят Ленина». Родителя своего Георгий Николаевич вспоминал редко еще и потому, что в конце 1920-х годов тот ушел из семьи и, как писал мой отец в автобиографии, «больше о нем никаких сведений не поступало».

Мария Яковлевна вскоре вышла замуж за двоюродного брата своего первого мужа — Дмитрия Ивановича Билибина, которого затем перевели на работу в Челябинск. Там и прошли, в основном, детство и юность моего отца. По его воспоминаниям, семья жила не богато, и свой первый в жизни костюм из грубошерстной ткани отец надел на выпускной вечер в школе.

В челябинской жизни бывало всякое — и хорошее, и плохое. Однажды ночью в их квартиру постучали сотрудники НКВД — пришли арестовывать брата Дмитрия Ивановича (он жил в соседнем подъезде), но ошиблись адресом. Впрочем, и самого брата вскоре выпустили: мост, который он должен был взрывать (по доносу) оказался не построенным. Семья Билибиных — Худокормовых жила в доме военного завода, где шли повальные аресты. В результате, как вспоминал отец, на заводе «замели всю верхушку» и директором огромного военного предприятия стал вчерашний выпускник вуза. Но дети есть дети. Из всего они готовы сделать игру, даже из самого страшного. Каждый вечер подростки — уличные товарищи отца и он сам — садились на лавочку и ждали, когда приедет очередной «воронок».

Были в молодой жизни отца и школа, дружба, первая любовь. В школе литературу преподавал выдающийся педагог (отец называл его по имени, но я не запом-

¹⁵⁵ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 5. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. — С. 112–130.

нил), на уроках читал стихи, когда декламировал Некрасова, мог, по выражению Георгия Николаевича, «пустить ревака», то есть заплакать навзрыд.

Выпускной бал в школе состоялся накануне 22 июня 1941 года. Началась война, и мой отец, наивный, как большинство комсомольцев тех лет, склеил себе карту Польши и Германии, надеясь, как он потом мне рассказывал, что «сейчас наши рванут вперед!». На деле, как мы знаем, получилось по-другому: почти все товарищи отца по школе погибли, а ему самому чудом удалось уцелеть.

Обладатель золотого аттестата, пасынок совслужащего, комсомолец Георгий Николаевич Худокормов поехал в Ленинград поступать в Высшее военно-морское училище им. Дзержинского. Конкурс был такой, что, несмотря на золотой аттестат, ему пришлось сдавать экзамены. После успешного прохождения конкурса, Георгий Николаевич был зачислен на паросиловой факультет. И на первых же занятиях, как он сам мне потом рассказывал, почувствовал, что техника — не его стезя: в отличие от своих товарищей, готовых ощупывать каждый винтик, он оставался к ней равнодушен.

В училище отца ждало первое жизненное потрясение. По метрикам обнаружилось, что он — сын немки, то есть по национальности, как считалось тогда, не русский, а немец. А таких, по приказу Сталина, ни в войсках, ни в военных училищах не оставляли. Предки моей бабушки приехали в Россию при Екатерине II, отец воспитывался в советской школе и был «советским человеком» до мозга костей, но выдающийся специалист по национальному вопросу, товарищ Сталин, решил, что таким людям доверять нельзя.

Отца отчислили и отправили в Поволжье, кажется, под Сызрань. Душевное состояние у него было — хуже некуда. Таких, как он, там собралась целая команда. И вот отец стал писать письма в ЦК ВКП(б) с просьбой отправить его на фронт защищать Родину. Дело разбирал сам секретарь ЦК А.А. Андреев. Решение оказалось положительным, и вскоре отец попал в действующую армию на Воронежский фронт.

Еще в Поволжье он освоил профессию шофера и на фронте первое время был шофером. По его рассказам, эта доля — одна из самых тяжелых на войне. Техника латанная-перелатанная, часто отказывает, ломается, а за все в ответе — военный водитель. Особенно трудно было по ночам: фары в прифронтовой полосе зажигать не разрешалось; первым в колонне ставили самого опытного шофера — «зубра», на красный огонек его задней лампочки ориентировался второй водитель, за ним третий, и так шла вся колонна.

Днем было ненамного лучше. Однажды с отцом случилась история, едва не стоившая ему жизни. Он ехал по наведенной переправе через большую реку. Противоположный берег был крутой. На середине подъема машина заглохла. Тормоза были слабые, не сдержали, и вся она с грузом стала сползать вниз к реке. Сползла и встала поперек, закрыв переправу. Как говорится, ни туда, ни сюда.

С другого берега подходит танковая колонна. Командир колонны кричит: «Сбросить машину!». А это значит — отцу трибунал, штрафбат, а то и что похуже. И здесь начальник переправы, видимо, пожалел двадцатилетнего парнишку: «Переправа, — говорит, — закрыта. Объезд 8 километров!» Танкист полез на него с пистолетом: шум, крик, мат-перемат, но начальник переправы был, видимо, твердый мужик — не поддался. Когда отца вытащили, он ехать дальше не мог, добрался кое-как до ближайшего жилья и проспал около суток. Как-то все потом обошлось.

Когда их часть расформировали и отца перевели в минометную роту, он вздохнул свободнее. Таскать тяжелую минометную плиту показалось ему много легче, чем крутить баранку и гаечный ключ. Но война — всегда война. Она не отпускает человека ни на час, а облегчение дает лишь временное. По рассказам отца, психологически самые тяжелые минуты были на рассвете, когда строили роту и зачитывали приказ с задачей дня: «И вот стоишь и думаешь — вернешься ты из боя, или нет. Очень тягостное занятие. А в бою думать об этом уже некогда. Знай — вертись, увертывайся от пули, от осколка!»

Зимой 1942 года отец на короткое время попал в окружение, но плена избежал. Дело было так.

Стояли они около села Малый Суходол: вокруг степь, изрезанная балками. Немецкая пехота, поддержанная танками, атаковала наши позиции и захватила их. Отец, тогда уже комсорг роты, и группа бойцов вынуждены были отступить и укрылись в ближайшем овраге (балке). Подошел немец, осмотрел балку, поглядел направо, потом налево, но наших бойцов не увидел. Отец рассказывал: «Я сидел с автоматом как раз напротив него, гляжу снизу и думаю: только открой рот — сразу получишь пулю!» Немец так и ушел, повезло нашим.

Но надо как-то выбираться. Ночью выставят сильные патрули, а патроны на исходе. И сделали так: дождались сумерек, построились в колонну по одному и прошли прямо по краю главной улицы, через все село. Немцы видят: идет какая-то группа, а что за группа — не разберут: уже довольно темно было. Так и вышли за околицу. Часовой кричит: «Хальт! Хальт!», а сам трусит, за стенку хоронится. Ну и вышли к своим, получилось, что ни дня на оккупированной территории не задержались.

А вскоре отца ранило. Случилось это во время нашей атаки на немецкие позиции. Ранение было тяжелое. Моя мама — медик и помнит точно: ранение верхней доли левого легкого, чуть выше подключичной артерии. Попросту говоря — несколько миллиметров выше сердца. Отец чувства юмора никогда не терял и рассказывал об этом так: «Упал я, подбегают ко мне три „верных друга“ — нести в тыл; подошел командир роты и говорит: „Что-то многовато вас — санитаров; один — оставайся с ним, остальные — вперед, в цепь!“» Из госпиталя отца забрали в школу младших лейтенантов. Еще бы: полное среднее образование, боевое ранение. Такие кадры при формировании офицерских курсов тогда не пропускались. Зачислили, несмотря на полунемецкое происхождение.

Этот злосчастный пункт в метрике еще долго мучил отца. Их поколение было воспитано в таком духе, что надо быть честным и искренним перед «Родиной и партией», то есть, говоря по-русски, самому докладывать о себе куда следует. Отец так и делал. По прибытии на новое место службы рассказывал честь-честью, что, мол, так и так, мать — немка, но секретарь ЦК ВКП(б) тов. Андреев счел возможным и т.д. Среди начальников попадались нормальные люди. Один, например, после такой «исповеди» сказал отцу: «Ну что ты мне здесь поешь! Иди, войей хорошо, вот и будет все ладно!» Но были и такие, что принимали меры. Однажды, уже в школе младших лейтенантов, отец заметил, что ему в друзья активно набивается один из курсантов: давай выпьем, давай поговорим. А затем этого «ситного друга» часто замечали беседующим с особистом.

Но всего обиднее и несправедливее то, что после таких «исповедей» отца регулярно вычеркивали из наградных списков. Единственный свой орден — Отечественной войны — он получил уже после Победы¹⁵⁶. Несмотря на все это, у отца никогда не было не то что озлобленности, даже какой-то обиды на тогдашний общественный строй, или, как говорили, на Советскую власть. И заявление в партию он подал в самое тяжелое время — в 1942 году, и всегда подчеркивал, что состоял в партии не ради постов и наград, а, как говорится, по велению души.

Я сам, как историк, замечаю, что советское общество описывается в современной литературе крайне однобоко, односторонне. Сколько я ни беседовал с людьми военного поколения, все в один голос (мне лично исключений не встречалось) утверждали, что они сражались не просто за Родину, но за Родину социалистическую, не только за Отчизну, но и за то общество, которое их воспитало и вырастило. Мы хорошо видим теперь, что в этом обществе было всякое, но было, видимо, и нечто такое, что побуждало двадцатилетних мальчишек воевать и умирать за него.

Неправда, что так было всегда. Первая мировая война была проиграна Россией не только из-за «подрывных действий большевизма», как думают некоторые, но и потому, что российское общество было социально расколото и разобщено, солдаты не хотели воевать за чуждые им интересы.

Могут сказать, что военное поколение было оболванено сталинской пропагандой. Но без подготовленной социальной почвы никакая пропаганда не даст всходов. Вообще у меня лично создается впечатление, что люди, делающие карьеру на критике преступлений сталинизма, говорят о них и только о них, чтобы отвлечь внимание общества от острейших проблем, неурядиц и несправедливостей сегодняшнего дня. А на жертвы прошлого им, в сущности, наплевать.

Курсы младших лейтенантов отец окончил с отличием и был зачислен уже в состав преподавателей. Учебные результаты его выпускных взводов всегда были самые высокие. Лейтенант Худокормов прибегал к военной хитрости: на выпускных экзаменах сначала отвечали слабые курсанты. Комиссия, опасаясь провала, ставила им тройки, а иногда и четверки. И только в конце в дело вступали лучшие — курсантская гвардия — сплошь отличники. Члены комиссии только головами качали: «Хитрый ты! Обманул нас!»

День Победы отец встретил в городе Лигниц, тогда это была территория Германии, теперь, видимо, Польши.

Демобилизовался, вернулся в Челябинск и на вопрос отчима, что думаешь делать дальше, ответил — хочу учиться. Поехал в Ленинград, забрал документы и, вернувшись в Москву, подал заявление сначала на философский факультет МГУ. Случайно встретившийся товарищ уговорил отца, что называется «за компанию», переменить решение и подать на экономический. Отец вспоминал, что сам декан-философ уговаривал его остаться. Но решения отец не изменил, и осенью 1946 года он как фронтовик, имевший золотой аттестат, стал студентом-экономистом.

¹⁵⁶ Г.Н. Худокормов был награжден также медалями «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Вооруженным силам СССР», «70 лет Вооруженным силам СССР».

Учился, как и везде, только на отлично. Один раз случился сбой по философии: на экзамене преподаватель из-за плохого освещения принял его за «космополита» и после долгого допроса на философские темы нашел, к чему придраться, и поставил четверку. Пришел бдительный собрат Аристотеля и Маркса сдавать экзаменационную ведомость в деканат, а ему и говорят: «Что же Вы нашего парторга завалили?» (Отец к тому времени был уже парторгом курса). Пришлось недотепе самому срочно зазывать студента Худокормова на пересдачу.

Почти сразу же отца, как фронтовика, избрали в партком МГУ. Заседали тогда всерьез, допоздна. Отпрашиваться не полагалось. В результате, мой родитель просидел на парткоме весь вечер своего свадебного дня — 25 января 1947 года. Вообще, его брак с моей матерью, как я теперь это могу оценить, был на редкость удачным и счастливым.

На старших курсах отец получал Сталинскую стипендию и всегда очень гордился этим; много лет спустя показывал мне номер газеты «Московский университет» с рубрикой «Лучшим из лучших».

На студенческой скамье будущий экономист, отец молодого семейства Г.Н. Худокормов провел, по его словам, одни из лучших лет своей жизни. Помимо человеческих радостей, настоящим счастьем стала для него учеба, по которой он буквально «изголодался». Но так учились тогда почти все его фронтовые товарищи.

В 1951 году отца рекомендовали в аспирантуру экономического факультета. Но незадолго до этого его вызвали в райком партии и предложили пойти на работу инструктором. Отец отказался, заявив, что хочет продолжить учебу. И тогда секретарь райкома по фамилии Сухоруков посулил, что не забудет этого. Так оно и случилось.

Все поступающие в аспирантуру по специальности «политэкономия» должны были получить рекомендации партийных органов. Партком МГУ рекомендацию дал, горком партии тоже, а из райкома пришел отказ. Дело было нешуточное, пахло политическим недоверием. И тогда отцу помогли хорошие люди: декан экономического факультета И.Д. Удальцов отказался вычеркивать его из списков поступающих, отложив решение до окончания разбирательства. Помог и один из инструкторов горкома партии — бывший моряк, фамилии которого я, к сожалению, не помню. С лета 1951 до марта 1952 года отец ходил без работы и зарабатывал на жизнь раскрашиванием женских платков (было такое кустарное надомное производство). Лишь в марте его вопрос был решен, и И.Д. Удальцов выписал ему аспирантскую стипендию за все прошедшие месяцы. Отец любил вспоминать, как, получив деньги, он зашел в пельменную (где-то в подвале нынешнего Детского мира), заказал три порции пельменей (видимо, наголодался) и сто граммов водки.

Дальше у отца пошла нормальная «государева служба». Насколько я помню, после окончания аспирантуры и защиты диссертации он работал в Министерстве Высшего образования, дослужившись до начальника отдела. Некоторое время работал ученым секретарем ВАК СССР. Параллельно преподавал в МГУ на экономическом факультете, сначала на полставки, а потом (после ухода из Министерства) на полной ставке доцента. Помню, как я — восьмилетний ребенок — спросил его, что означает слово «доцент»? Отец ответил: «Это значит — очень умный». Вообще он воспитывал меня в нужном духе с младых ногтей. Однажды, помню, набравшись рискованной информации на улице, я поинтересовался, правда ли, что американские

рабочие живут лучше русских? Ответ был таким: если американцы имеют работу, то, действительно, живут пока что лучше, но в Америке много безработных и т.д., и т.п.

По-моему, в 1962 году отца вызвали в высокие партийные инстанции и предложили перейти в формировавшийся тогда Институт общественных наук — официальное название Ленинской школы, где готовили кадры для международного коммунистического движения. Наша страна была тогда сверхдержавой, вела активную внешнюю политику и нуждалась в активной поддержке со стороны зарубежных компартий. Хорошо запомнил, что уходил отец из университета с большой неохотой. Но, во-первых, тогда существовала такая вещь, как партийная дисциплина, а во-вторых, на новом месте работы обещали дать отдельную квартиру, а мы тогда жили впятером в двух комнатах в коммуналке.

Полностью с университетом отец не порывал никогда. Он, например, был членом авторского коллектива университетского курса политической экономии (под редакцией Н.А. Цаголова). После защиты в 1972 году докторской диссертации вновь стал работать на полставки профессора на экономическом факультете МГУ, вел семинар по политической экономии социализма.

В Ленинской школе отец прослужил верой и правдой сначала в должности заместителя заведующего кафедрой политэкономии, а затем — профессора и заведующего группой вплоть до выхода на пенсию в начале 1991 года. Тогда горбачевскому руководству было уже не до коммунистического движения, да и к руководству школой пришли такие люди, которые по своим убеждениям были ближе буржуазным либералам, чем коммунистам. Работать под такими начальниками отец не мог.

Человек крепких убеждений, он с горечью переживал крушение социализма и Советского Союза, хотя не был наивным адептом советской системы, и, в общем, ясно видел ее слабости и пороки. Последние годы жил на скромную пенсию, но больших материальных неудобств не испытывал, так как, во-первых, получал надбавку как инвалид Великой Отечественной войны (по ранению), а во-вторых, и в лучшие годы отличался умеренностью и не привык к какому-либо подобию роскоши.

Умер мой папа в больнице от инфаркта — во сне: уснул и не проснулся. Было это 2 апреля 2001 года.

Научная деятельность: характеристика основных публикаций

Все мы знаем о той противоречивой роли, которую сыграла в развитии нашего общества политическая экономия социализма, вопрос этот в достаточной мере освещен в литературе¹⁵⁷ и обращаться к нему здесь специально не имеет смысла. Но в данной публикации речь идет не просто о научной интерпретации работ прошлого периода. Здесь сын смотрит на наследие отца. И это обязывает нас к особой осторожности в оценках и выводах.

¹⁵⁷ См., напр.: История экономических учений (современный этап): Учебник / Под общ. ред. А.Г. Худокормова. М.: Инфра-М, 2002. С. 4–5.

Научной специализацией Г.Н. Худокормова в широком смысле была политэкономия социализма, а в узком плане — теоретическая проблематика аграрного сектора, особенно в ценообразовании.

Первой серьезной работой для него стала кандидатская диссертация, написанная под руководством доцента (впоследствии — профессора) Ивана Иосифовича Козодоева. Известно, что И.И. Козодоев был неординарной и непростой в общении личностью, но отец всегда относился к нему с глубоким уважением, чтил его как учителя и всегда говорил, что заниматься политической экономией под руководством «Козодоича» было очень и очень интересно.

Кандидатская диссертация Г.Н. Худокормова называлась «Формы реализации товарной продукции колхозного производства». 1955 год, год ее защиты, был в значительной степени переломным и для науки, и для всего нашего общества. В реферате диссертации, например, ни разу не упоминалось имени Сталина, а из советских руководителей процитирован только Н.С. Хрущев. Начавшаяся оттепель чувствуется и в том, что формы реализации товарной продукции колхозов анализируются не абстрактно, а на примере укрупненных колхозов (в количестве одиннадцати), входивших в зону Ленинской МТС Московской области. Ветер перемен ощущался и в критике «серьезных недостатков» и «грубых нарушений», в частности, погектарного принципа исчисления обязательных поставок, когда «передовые» колхозы (I группа — три колхоза из изучаемых одиннадцати) в 1952 году сдали государству продукции полеводства в расчете на 1 га пашни в пять раз, а продукции животноводства в расчете на 1 га всех угодий на 32,7% больше, чем колхозы II группы (так называемые «рядовые») ¹⁵⁸. На всем этом сказались прагматические решения Сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, которые, как указывалось в реферате, привели, кроме всего прочего, к снижению норм обязательных поставок колхозной продукции государству, повышению заготовительных и закупочных цен, применению встречной продажи колхозам промышленных товаров ¹⁵⁹.

Вместе с тем в автореферате ощущается давление устаревших теоретических положений, а также влияние фактора, который позже получил наименование «лукавой цифры». Так, анализируя три формы реализации колхозной товарной продукции — обязательные государственные поставки, продажа сельскохозяйственных товаров по закупочным ценам, реализация их в порядке колхозной базарной торговли, — автор не указал и, наверное, не мог указать, по каким именно ценам осуществлялись эти поставки и торговля, как соотносились между собой заготовительные закупочные и базарные цены на колхозную продукцию. Конечно же, не могло быть и речи о научной оценке общей ситуации в послевоенных колхозах и положении колхозного крестьянства в целом. Для демонстрации роста благосостояния колхозников приводились только относительные данные ¹⁶⁰, абсолютная цифра (71,4 руб.) характеризовала лишь расходы колхозов указанной выше зоны (на одного трудоспособного колхозника) по удовлетворению совместных культурных потребностей, включая подготовку кадров.

¹⁵⁸ См.: Худокормов Г.Н. Формы реализации товарной продукции колхозного производства: Автореф. дис... канд. экон. наук. М., 1955. С. 8.

¹⁵⁹ Там же. С. 9–11.

¹⁶⁰ «В 1952 году, например, реальные доходы крестьян в СССР по расчету на одного работающего были выше, чем в 1940 г., примерно на 73%». (См.: Указ, источник. С. 18).

Вместе с тем, как ни странно, автореферат не производит впечатления агитационно-пропагандистского документа. Пишущему эти строки приходилось защищать кандидатскую диссертацию в разгар 1970-х годов. Тема была более «боевая»: «Критика экономических воззрений французского ревизионизма», и давление идеологических факторов сказывалось гораздо сильнее, да и устаревших (с позиций сегодняшнего дня) положений было побольше. Так что к публикациям минувших дней следует, видимо, относиться как к историческим документам и в их оценке руководствоваться мудрой формулой: «Не судите, да не судимы будете!»

Следующей заметной публикацией Г.Н. Худокормова стала брошюра «Материально-производственная база социализма» (1957), написанная в форме материалов лекций по курсу политической экономии. Период, в рамках которого появилась данная работа, был одним из наиболее удачных в развитии советского планового хозяйства, и это заметно сказалось на содержании брошюры. Здесь, в частности, давались общая характеристика материально-производственной базы советского хозяйства; характеристика социалистической промышленности, сельского хозяйства, транспорта; описание путей технического прогресса, принципов размещения в СССР производительных сил. Во всех разделах ощущается вполне искренний (не казенный и не поддельный) исторический оптимизм автора, от которого мы так отвыкли за последние «реформаторские десятилетия».

Один из горьковских персонажей говорил, что в карете прошлого никуда не уедешь! И это правильно: невозможно вернуться к отжившим свое плано-хозяйственным методам руководства экономикой. Но нельзя не видеть и другого: огульная критика плановой практики и всего, что было с нашей хозяйственной системой в социалистический период, далека от исторической правды. Припоминается, что даже такой недоброжелатель советских порядков, как бывший «экономист» и кадет С.Н. Прокопович, в одной из своих последних работ начала 1950-х годов предлагал различать те мероприятия коммунистической власти, которые диктовались «национальными интересами», от тех, что порождались специфической «большевистской идеологией» (в негативном смысле этого слова).

Характерной чертой советской плановой системы в тот период была нацеленность на экономический рост. Последний осуществлялся, как показывает Г.Н. Худокормов, прежде всего за счет нового строительства: в СССР за период с 1929 по 1955 годы было вновь построено и восстановлено свыше 29 тысяч крупных промышленных предприятий¹⁶¹. (За последние 15 лет в сфере материального производства России завершены и то не полностью две крупные стройки: Зейская ГЭС и замыкающая часть дальневосточного участка автотрассы Москва — Владивосток). При этом источником роста являлся также научно-технический прогресс. Направления последнего, указанные в брошюре, заключались в электрификации всех отраслей народного хозяйства и ускоренном развитии электроэнергетики¹⁶², внедрении новой техники и технологии (точное литье, точные методы штамповки, бескисло-

¹⁶¹ Худокормов Г.Н. Материально-производственная база социализма. М.: Советская наука, 1957. С. 6.

¹⁶² Именно во второй половине 1950-х годов достраивались Самарская (Куйбышевская) и Волгоградская (Сталинградская) ГЭС на Волге, начиналось строительство Братской ГЭС на Ангаре и подготовительные работы по строительству Красноярской ГЭС на Енисее.

родный метод нагрева заготовок и др.), а также механизации и автоматизации производства¹⁶³, его химизации и т.д.

Само содержание брошюры Г.Н. Худокормова показывает, что во второй половине 1950-х годов экономическая мысль в СССР становилась год от года смелее: в брошюре, в частности, осуждалась бездумная гигантомания, критиковались работы экономистов, отрицавших моральный износ при социализме, указывалось на недостатки в области планирования, которые обусловили нарушение ритмичности в работе предприятий, штурмовщину, простой оборудования, распыление средств по многим вновь начинаемым стройкам и т.д. Практически на каждой странице, наряду с успехами, положительными результатами в хозяйственной эволюции страны, вскрывались и крупные проблемы, недостатки, причем не с абстрактно-общих, а с конкретных, фактически подтвержденных позиций¹⁶⁴. В целом создается впечатление, что экономисты времен «хрущевской оттепели» пользовались гораздо более высокой (хотя, конечно, ограниченной) степенью академической свободы, чем экономисты периода брежневского застоя, когда на публикацию практически любого «негатива» о советском хозяйстве налагался строгий запрет.

Первая значительная по объему (примерно 7 п.л.) монография Г.Н. Худокормова была написана на еще более «значительную» тему: «Товарное производство и закон стоимости при социализме» (1962). Работа появилась накануне экономической реформы, и ее тематика была более чем актуальной.

По обсуждаемой проблеме в советской экономической литературе имелись самые разнообразные точки зрения. Экономисты рыночники (Я. Либерман, затем — Г. Лисичкин, Я. Кронрод), в сущности, интерпретировали социализм как разновидность товарного производства, а плановому регулированию отводили (в более или менее замаскированной форме) подчиненную роль. Их взгляды предвосхищали экономические идеи «Пражской весны» (1968 г.), а если говорить о современной практике — идеи «социализма с китайской спецификой» с его рыночно-плановой моделью экономики (но планы предлагаемых ими реформ были настолько смелыми и еретическими, что оценить их по достоинству ни руководящие инстанции, ни большинство специалистов по политической экономии социализма в общей своей массе не могли).

Противоположных позиций придерживалась группа специалистов (И.С. Малышев, позднее Н.В. Хессин), отрицавших саму возможность существования товарного производства внутри планового социалистического хозяйства. Они опирались как на цитаты классиков марксизма-ленинизма, так и на тот факт, что товарно-денежные отношения в нашей стране, конечно же, не были таковыми в точном политико-экономическом смысле этого слова.

¹⁶³ В брошюре приведен следующий пример: автоматизация прокатного стана «300» на Магнитогорском металлургическом комбинате привела к повышению производительности труда на 41% и сокращению расхода топлива на 16%. (Указ. соч. С. 39).

¹⁶⁴ После описания положительных результатов комбинирования и специализации в брошюре следует, например, такой пассаж: «В г. Ленинграде ежегодно за пределы города вывозилось до 100 тыс. тонн чугуна и стального литья, до 40 тыс. тонн поковок и обратно завозилось из других районов до 500 тыс. тонн литья и 20 тыс. тонн поковок. В 1953 г. с Юга на Урал и в Западную Сибирь было перевезено 743 тыс. тонн металла. В то же время в обратном направлении — с Урала на Юг проследовало 634 тыс. тонн и из Западной Сибири — 213 тыс. тонн металла». (Указ. соч. С. 17).

Большинство же советских экономистов придерживались промежуточной, центристской точки зрения: товарно-денежные отношения и товарное производство при социализме существуют, но носят в большей или меньшей степени подчиненный характер по отношению к плановому регулированию, социалистической планомерности. К этой центристской группировке принадлежал и Г.Н. Худокормов. В его монографии 1962 года на первой же странице дается формула III Программы КПСС — о наличии при социализме «товарно-денежных отношений с новым содержанием»¹⁶⁵. Сам же автор придерживается идеи о том, что «товарное производство при социализме — это товарное производства особого рода»¹⁶⁶, поскольку оно: 1) основывается не на частной, а на общественной собственности; 2) характеризуется действием планомерного развития народного хозяйства; 3) имеет ограниченную сферу распространения (не являются объектами купли-продажи земля, фабрики, заводы, совхозы, РТС, колхозы и другие предприятия)¹⁶⁷.

Причины товарного производства и товарно-денежных отношений интерпретировались также в соответствии с общепринятой тогда точкой зрения¹⁶⁸.

Кроме того, в монографии 1962 года специальные разделы (Стоимость — закон цен (IV), Использование закона стоимости в производстве (V) и в сфере обращения товаров (VI)) посвящались теоретическим вопросам ценообразования. При этом Г.Н. Худокормов широко использовал категорию «плановой цены», основу которой он усматривал «в плановом отклонении цен от стоимости»¹⁶⁹. Особое внимание при этом уделялось теоретическим вопросам ценообразования в сельском хозяйстве. Квинтэссенция авторской позиции выражалась следующим образом: «Отклонение закупочных цен от стоимости позволяет решить еще одну важную задачу: распределить между колхозами и государством дифференциальную земельную ренту, создаваемую в колхозном производстве. С этой целью расчетные закупочные цены дифференцируются по зонам страны. Для колхозов, хозяйствующих в менее благоприятных почвенно-климатических условиях, они планируются на максимально высоком уровне. Именно эти цены следует считать наиболее близкими к общественным издержкам производства сельскохозяйственной продукции»¹⁷⁰.

Указанные идеи развивались Г.Н. Худокормовым и в период 1970–1980-х годов, в частности, в докторской диссертации, защищенной на Ученом совете экономи-

¹⁶⁵ См.: Худокормов Г.Н. Товарное производство и закон стоимости при социализме. М.: Высшая школа, 1962. С. 3.

¹⁶⁶ Там же. С. 19.

¹⁶⁷ Там же. С. 20–22.

¹⁶⁸ «Товарно-денежные отношения при социализме обусловлены специфическими особенностями непосредственно общественного труда на первой стадии коммунистического общества, а именно его различной степенью зрелости в государственном и кооперативном секторах народного хозяйства. Последнее же имеет своей основой существование двух форм социалистической собственности на средства производства. Поэтому спор среди некоторых экономистов о том, что является причиной товарного производства при социализме: две формы собственности или специфика непосредственно общественного труда, по нашему мнению, является беспочвенным». (Там же. С. 17).

¹⁶⁹ «По нашему мнению, плановое отклонение цен от стоимости есть одновременно использование закона стоимости и его ограничение». (Там же. С. 53).

¹⁷⁰ Там же. С. 99–100.

ческого факультета МГУ в 1971 году¹⁷¹, а затем — в подготовленной на ее основе монографии «Общественная стоимость и закупочные цены» (1973).

Эти публикации появились в условиях непрекращающейся дискуссии между товарниками и антитоварниками, «рыночниками» и «планомерщиками». Сторонники последовательно рыночной позиции выступали тогда за переход к единой рыночной цене на основные виды однородной сельскохозяйственной продукции. В самой цене они предлагали повысить удельный вес фактора, который теперь именуется «оценкой используемой земельной площади». Г.Н. Худокормов, хотя и называл себя «товарником», но реально был им лишь в смысле признания товарного производства при социализме. В основном же он, как и прежде, придавал товарному производству подчиненную роль по отношению к плановому регулированию.

Не удивительно, что теория ценообразования выстраивалась им в соответствии с принципом плановой цены — как устойчивого, планового отклонения последней от общественной стоимости. Но раз на первом месте стоят отношения планового управления, значит, для определяющей основные пропорции единой рыночной цены места попросту не остается: закупочные цены должны ориентироваться на дифференцированные условия ведения сельского хозяйства по различным регионам страны.

И в реферате диссертации, и в монографии 1973 года Г.Н. Худокормов обосновывал порядок образования сельскохозяйственных ценовых зон. По его мнению, «внутри районов специализации необходимо [было] выделить зоны, для которых характерно преобладание определенных типов почв, наличие более или менее одинаковой нормы выпадения осадков, сходство температурного режима. В каждой из этих зон следует провести экономическую оценку земель, на основании которых и создавать сельскохозяйственные ценовые зоны»¹⁷². Более того, в диссертации автор защищал тезис о целесообразности создания внутри основных ценовых зон микрозон¹⁷³, поскольку реально установленные ценовые зоны часто оказывались слишком обширными. Г.Н. Худокормов особенно гордился тем, что проведенная им работа по микрозонированию территории Татарской АССР получила позитивную оценку партийного и государственного руководства республики.

Что же касается конкретной основы цен, то Г.Н. Худокормов, не отрицая полезности применения экономической оценки земли в качестве вспомогательного показателя, главным показателем считал все же среднюю многолетнюю себестоимость сельскохозяйственных продуктов¹⁷⁴. Это положение обуславливалось его позицией и в более общем вопросе — определении общественно необходимых затрат труда, общественной стоимости в аграрном секторе не худшими, как считало большинство экономистов, а средними условиями производства того или иного вида товарной продукции.

В монографии 1973 года позиция автора по данной проблеме выражена, в частности, так: «Общественно необходимыми затратами труда на производство сельско-

¹⁷¹ См.: Худокормов Г.Н. Политико-экономические принципы планирования закупочных цен: Автореф. дис... д-ра экон. наук. М., 1971.

¹⁷² Там же. С. 32.

¹⁷³ Там же. С. 34–35.

¹⁷⁴ Там же. С. 32–34.

хозяйственной продукции при социализме являются средние затраты»¹⁷⁵. И далее: «Колхозам, хозяйствующим в худших природных условиях, так же как и совхозам, государство обеспечивает нормальные условия воспроизводства путем перераспределения через механизм закупочных цен части стоимости, созданной в хозяйствах, находящихся в лучших природных условиях»¹⁷⁶.

В сущности, отстаивалась последовательно «плановая» позиция: не спонтанная рыночная цена, а, в первую очередь, государство должно было обеспечить общественно-нормальные условия воспроизводства и во всей экономике, и в секторе сельского хозяйства. Но в этом, как считалось в те годы, и состояла последовательно марксистская теоретическая точка зрения.

***

Мой отец, Георгий Николаевич Худокормов, принадлежал к «погибшему поколению». Из его сверстников с полей сражений вернулись очень и очень немногие. Но и в последующие мирные годы бывшие солдаты-фронтовики остались верными идеалам своей юности. И на поле брани, и в мирной жизни каждый из них служил прежде всего общим интересам нашей страны. Все военное поколение целиком и каждый из них в отдельности могли бы сказать о себе:

*Свой добрый век
Мы прожили как люди;
И — для людей.*

Нескончаемая им за это благодарность и долгая, пока мы живы, память.

Основные труды профессора Г.Н. Худокормова

1. *Формы реализации товарной продукции колхозного производства. Автореф. дис... канд. экон. наук. М., 1955.*
2. *Материально-производственная база социализма. М.: Советская наука, 1957.*
3. *Товарное производство и закон стоимости при социализме. М.: Высшая школа, 1962.*
4. *Политико-экономические принципы планирования закупочных цен. Автореф. дис... д-ра экон. наук. М., 1971.*
5. *Общественная стоимость и закупочные цены. М.: Мысль, 1973.*

А.Г. Худокормов,
доктор экономических наук, профессор,
сын Г.Н. Худокормова

---

¹⁷⁵ Худокормов Г.Н. Общественная стоимость и закупочные цены. М.: Мысль, 1973. С. 81.
¹⁷⁶ Там же. С. 81.

**Николай
Анатольевич
Чеканский**

КРАСНАЯ НИТЬ¹⁷⁷

*Времена не выбирают, и умирают.
В них живут и умирают*

Александр Кушнер

«Времена и впрямь не выбирают, да и время-то, если внимательно разобраться, какое ни возьми, ни одно не сахар, и все же умереть хотелось бы в другом, не таком жестоким и горьком», — так или примерно так размышлял светлым июньским вечером 1954 года молодой человек в вагоне поезда «Москва — Ленинград». И то сказать, уж больно тяжким испытаниям подвергло время его поколение. Вспомнить только, что его сверстникам, родившимся в первую мировую и гражданскую, в начале двадцатых, самим пришлось пройти через кровавую и смертоносную бойню, называемую когда-то постылым, а ныне нейтральным, или, вернее, ставшим от частого употребления затертым и привычным, а потому и не вызывающим у тех, кто остается от нее в стороне, особых эмоций, банальным словом «война». А ведь были еще и голод двадцатых, и голод тридцатых годов, раскулачивание и борьба с религией, послевоенные разруха и голод, проходившие все это время политические чистки и репрессии. Мало кому удалось выжить в этой дьявольской мясорубке, а вот ему повезло.

Молодой человек вышел в тамбур и закурил папиросу. Да, ему «повезло», и черная перчатка, выглядывавшая из-под рукава кургузо сидевшего на нем москвовшевского пиджака, словно знак судьбы, свидетельствовала об этом. Руки он лишился в апреле сорок третьего года, когда на кавказском направлении еще шли ожесточенные бои, но в обстановке, казалось бы, не предполагавшей таких тяжелых последствий.

Поздним вечером в густых южных сумерках он, башенный стрелок танка Т-34, направлялся с донесением в штаб батальона, как вдруг недавно наступившее затишье нарушил артиллерийский залп. Один из снарядов с диким свистом пролетел прямо над головой шедшего по тропинке танкиста, упал где-то совсем неподалеку, и в следующее мгновение — дикая, нечеловеческая боль, какой он никогда не испытывал, ни до, ни после той страшной минуты. Он посмотрел вниз и влево, откуда исходила боль, и увидел, что осколок снаряда резанул его по руке, чуть ниже локтя, но не оторвал ее совсем: нижняя ее часть висела, как ему показалось, лишь на не перерубленной до конца кости и куске кожи. Из раны хлестала кровь, и на миг он потерял сознание, но тут же пришел в себя и, повинувшись какому-то прежде не проявлявшемуся инстинкту, побежал дальше. По счастью, до штаба оставалось немного, и вскоре его подхватили и, не мешкая, отправили в медсанбат. В полевой госпиталь он попал поздним вечером, едва ли не ночью и, испытывая сильнеешие муки, ждал прихода врача.

Обход совершала бригада во главе с весьма миловидной блондинкой с добрым и ясным взглядом, в форме капитана медицинской службы. Она долго и внимательно осматривала поврежденную руку, и он, сквозь боль чувствуя ее теплые прикосновения, решил, что все обошлось. Догадку подтвердила и капитан, сказав, что нужды

¹⁷⁷ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки / РАН, Ин-т экономики, ВолГУ; редкол.: О.В. Иншаков (отв. ред.) [и др.]. — Вып. 5. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005, с. 182–197.

в немедленной операции нет, а о возвращении двигательных способностей можно будет говорить только после нее.

Всю ночь боль преследовала его, то затихая, то возвращаясь с удвоенной силой, и, может быть, она лишила его последних сил и воли, а, может, он просто спасовал перед напором докторши-майора, заступившей на дежурство с утра. «Резать!» — едва взглянув на рану, сказала она голосом корифея, который привык к тому, что изрекает истину в последней инстанции, и потому ни в чем не сомневается сам и не допускает сомнений по поводу своих суждений у других. Танкист, правда, пытался промямлить что-то о вечернем разговоре с принимавшим его врачом, но докторша сухо и твердо ответила полувопросом: «Ты что, гангрену получить хочешь?!» И тогда он окончательно сдался под напором ее начальственного голоса и не стал писать отказ от ампутации, хотя имел на это все права. Последними словами, которые он услышал, будучи еще двуруким человеком, были «На стол!».

А вечером, когда боль в несуществовавшей уже руке все продолжала совершать свои кульбиты, к ней добавилась боль другого свойства, и раздражение на себя за собственную покорность судьбе, нерешительность и безволие. И эта боль мучила его едва ли не сильнее, чем физические страдания. Эти чувства возникли после того, как совершавшая обход вчерашняя бригада врачей подошла к его кровати, у доктора-капитана враз погасли добрые огоньки в глазах.

— Ампутировали? — спросила она, не поверив в случившееся.

— Да, — упавшим голосом выдавил он из себя.

— Жаль, ведь руку-то можно было спасти, — обращаясь уже не к нему, а куда-то в пространство, а, может быть, и к себе самой, тихо произнесла она и перешла к следующей койке.

Ну так что — повезло ему или нет? Рок ли это, судьба или что еще? А сделай он в то мгновение полшагом больше? Не разорвись случайный снаряд в тот вечер, где гарантия, что подобного не случилось бы на следующий день, через неделю, месяц, год? А ведь спустя несколько месяцев их отдельную танковую бригаду перебросили на Курскую дугу — там-то у танкистов шансов выжить было еще меньше. А если вспомнить, что и осенью сорок второго судьба хранила их часть — командование отправило бригаду на кавказское направление, где тоже шли ожесточенные бои, хотя и не такие зверские, как неподалеку — в Сталинградском пекле, где из оборонявших город в живых остались лишь единицы. Да и отыщется ли на передовой такое место, где бы ты не был смертен ежедневно, ежечасно, ежесекундно?! Что ж, выходит, ему действительно повезло. Повезло в эти жуткие времена, в которых жить, кажется, нельзя и предпочтительнее умереть. Ну, а ежели не хочешь умирать, значит, остается только выживать. Господи, где ж они брали силы жить? И ведь они жили, да, жили, а не просто выживали.

Молодой человек снова вышел в тамбур и закурил еще одну папиросу. За окном в ясном — хоть газету читай — свете проносились подмосковные станции — Химки, Фирсановка, Малино, звенящие свежей листвой пристанционных и дачных поселков, придававшей убогим в массе своей жилым и иным постройкам оттенок благообразия на фоне пусть и неброской красоты пейзажа. Но мысли уводили его в другие края, где в это время суток уже совсем темно, в края, где он родился, рос и где ему пришлось воевать.

В тех краях своя красота, где-то не Бог весть какая, где-то величественная, но красота! Правда, что есть красота, каждый понимает по-своему. К тому же, вернее, потому-то она еще и изменчива. Боже, каким красивым становится в любви освещаемое неземным внутренним светом лицо дурнушки. Впрочем, нет, нет никаких дурнушек на свете, надо только уметь разглядеть их красоту. Все нерукотворное красиво. И как ни старается человек — по незнанию ли, по глупости ли, сознательно ли — разрушать красоту, а она все равно остается. Говорят, что и в разрушении есть своя красота. Сомнительно! Правда, она может присутствовать в разрушенном когда-то, не на твоих глазах: красивы развалины старой крепости на холме над Бугом! А разве не красива помидорная плантация на самом юге Ставрополя, на краю которой в рощице, служившей еще и лесозащитной полосой, почти на две недели остановился твой танковый батальон летом сорок второго?! Встанешь утром — и сколько глаз хватает, видишь только красный ковер, лишь на краю окоема прерывающийся чертой синего неба. А ближе к вечеру этот ковер приобретает сперва нежно-салатный, потом бледно-зеленый оттенок, затем вовсе сливается с зеленеющими в сумерках небесами и, наконец, пропадает в потемках. Вот вам красота на любой вкус!

А если завтра на этом поле появятся танки и, превращая тяжелыми бездумными траками в грязное месиво землю, ее плоды и спасающихся бегством пехотинцев — так что после боя не разобрать, то ли сок помидорный на гусеницах, то ли кровь человечья. Но ведь танки просто так — без приказа — не остановятся, нет, они пойдут дальше, они вырвутся на пригорок, и люди, сидящие в них, начнут палить по врагу, в кураже боя ничуть не думая о том, что за спиной у противника дома, в подвалах которых прячутся женщины с детьми, женщины, любимые не тобою, но их лица тоже светились неземным внутренним светом, когда они любили своих суженых — твоих товарищей, однополчан, соотечественников. Нет в этом разрушении красоты, и нет ему оправдания.

Да, грязное и подлое это дело — война. Но на фронте все ясно: перед тобою враг, и ты бьешься с ним, чтобы защитить от него своих родных и близких, свои города и села, Родину, наконец, как бы высокопарно это ни звучало. Но ведь не меньше гадости и мерзости творилось за спиной. Да, попадались среди своих предатели и трусы, но почему в предательстве и трусости надо подозревать всех? Говорили, что в тылу репрессии вроде бы поутихли, да и понятно, иначе некому было бы работать на военных заводах, некому идти в армию — и так уже скребли по сусекам. Но чем объяснить отсутствие доверия к тем, кто воевал на передовой? В сорок втором и начале сорок третьего на Кавказском направлении бои шли не менее напряженные, чем на Сталинградском. Бывало, населенные пункты и позиции переходили из рук в руки по нескольку раз в течение считанных дней. Сколько их было, таких, что попадали в плен всего на сутки, но мало кто из них возвращался в свои части, большинство же ждала участь штрафников, а то и еще более горькая судьба.

Потому-то и жила в сердце надежда на то, что после войны все будет по-другому. Да-да, самое главное победить, уничтожить врага, а уж потом между собой как-нибудь разберемся. Наверное, именно эта надежда и помогала им жить по-человечески в нечеловеческих условиях.

Молодой человек вернулся в купе, и его мыслям пришлось обратиться в будущее: в Ленинград он ехал с миссией, не вызывавшей у него притяия. Умерла одна

из тетушек жены, вдова известного архитектора и коллекционера, но в простое, казалось бы, дело о наследстве вмешалось чужое лицо — некий друг покойной, в годы после смерти архитектора скрашивавший ее существование. Вот московские и архангелогородские родственники, направлявшиеся на похороны, и попросили оказать содействие — как же, фронтовик, инвалид войны, преподаватель МГУ.

При мысли о предстоящем молодой человек тяжело вздохнул. Он еще не знал, что эта поездка станет для него рубежной, разделит его жизнь на две части, и потому просто решил: будь что будет. Да и в отношении прошлого, есть ли смысл выяснять, повезло или нет? Что было, то было, и какая разница, рок ли так судил или что еще, главное, что все это стало свершившимися фактами, фактами твоей биографии.

И вот лишь некоторые из них. Николай Анатольевич Чеканский родился 26 апреля 1922 года в городе Каменец-Подольский Хмельницкой области в семье священнослужителя Анатолия Ефтихиевича Латинского. Страх перед насаждавшейся большевиками системой, охвативший все общество, дал знать о себе в первые же дни после появления на свет малыша. В условиях жесткой обструкции церкви родство, причем самое близкое, как тогда уже презрительно выражались, со служителем культа могло впоследствии сильно навредить мальчику, и чтобы хоть как-то замаскировать происхождение, родители записали его под фамилией матери — Валентины Леонтьевны Чеканской — в тамошней орфографии — Чоканской. Надо, правда, сказать, что отец Николая Анатольевича принял сан не по своей воле (он мечтал о военной карьере), а под давлением обстоятельств: он сделал это после смерти отца — протоиерея, чтобы унаследовать жилье. Но кто будет в этом разбираться, коли дойдет до дела?

Детские годы Николая прошли в городе на Буге, но в начале тридцатых, когда в результате коллективизации в стране свирепствовал голод и Украину охватил настоящий мор, семья в поисках лучшей доли переехала в Сочи, однако прожила там недолго. Вскоре отца Николая сослали в Петрозаводск. Впрочем, ссылка, что удивительно, оказалась не очень долгой, и через полтора года семья воссоединилась в Архангельске, одном из городов, где Анатолию Евтихиевичу разрешено было проживать и где он устроился на работу бухгалтером.

Архангельск — город юности — стал для Николая Анатольевича родным городом. Там он встретил первую любовь, там окончил среднюю школу, там же осенью 1940 года был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. Службу он проходил неподалеку от родных мест, на западной границе, и с первого же дня войны оказался в самом пекле событий.

То, что происходило с нашей армией в первые месяцы войны, вряд ли можно назвать просто отступлением. Это было похоже скорее на тотальное, паническое бегство. Вот и часть Николая Анатольевича дважды оказывалось в окружении, но, слава Богу, в обоих случаях им удавалось выйти из него в более или менее организованном порядке. Глубокой осенью сорок первого их часть направили на переформирование, и сорок второй год он встретил в качестве башенного стрелка «тридцатьчетверки» 2-го танкового батальона 63-й отдельной танковой бригады, находившейся в распоряжении Юго-Западного фронта.

В апреле 1942 года в бою погиб комсорт батальона, и на эту должность рекомендовали Николая Анатольевича — наверное, за заслуги (его ратный труд отмечен ме-

далями «За отвагу» и «За боевые заслуги»), за то, что пользовался авторитетом, ведь должность эта предполагала наличие офицерского звания и партбилета, чего у него не было. Так он стал младшим лейтенантом и членом РКП(б). Отметим немаловажный факт: при вступлении в партию он записал в анкете, что отец его является бухгалтером одной из архангельских лесобирж.

Весной и летом сорок второго обстановка на Юго-Западном фронте складывалась не в нашу пользу. Немцы развивали наступление на Сталинградском и Северо-кавказском направлениях. При отступлении за Дон экипажу танка Николая Анатольевича пришлось утопить машину, поскольку немцы разбомбили наведенную было понтонную переправу.

Потом — жесточайшие бои в Ставрополье и на Северном Кавказе, а когда — после завершения Сталинградской битвы — стало казаться, будто самое страшное позади, в апреле сорок третьего — тяжелое ранение во время случайного артобстрела, приведшее к ампутации левой руки.

Руку ему отрезали в госпитале в дагестанском городе Хасавюрте, после чего на дальнейшее лечение его отправили в Баку. Лечение затянулось, и только в марте сорок четвертого Николая Анатольевич вернулся в Архангельск.

И тут ему наконец-то действительно повезло. Он сразу же устроился на работу военруком в одну из средних школ города, где и пробыл-то всего два-три месяца, оставшихся до конца учебного года, но за это время успел познакомиться со своей будущей женой, преподававшей в той школе русский язык и литературу. Ухаживал он за ней, по нынешним меркам, непозволительно долго — почти три с половиной года. Летом того же сорок четвертого он уехал в столицу.

Проблемы в том, что делать дальше, не было. Еще в госпитале он решил, что будет учиться в Москве. Вопрос заключался только в том, какую профессию выбрать. С детства он мечтал стать хирургом, но с таким ранением, как у него, эту мечту пришлось оставить. Кое-кто скажет, мол, некоторые и без ног летали и воевали. Да, были такие, без всякой иронии, герои, но, по большому счету, они отвечали только за себя. А в руках у хирурга чужая жизнь, и одной рукой за нее не поборешься.

Он все-таки зашел в медицинский, где ему популярно объяснили, что удел таких, как он, — только эпидемиология. Решил, что эпидемиология — скучное занятие, и подал документы на только что созданный факультет международных отношений — будущий МГИМО. Но и тут загвоздка: советская власть вообще не любила инвалидов или, скажем, стеснялась их, конечно, выплачивала им какую-то пенсию, но в остальном делала все, чтобы они не особенно попадались на глаза, или, скорее, не делала ничего, чтобы они могли чувствовать себя полноценными членами общества. А тут дипломатия — как же может человек с таким увечьем представлять интересы страны на международной арене?! В общем, понятно, по какой причине в принятии документов на факультет международных отношений инвалиду Великой Отечественной войны отказали.

Времени на размышления оставалось немного, и по совету отца, считавшего экономикой одной из наиболее перспективных отраслей гуманитарного знания (к точным наукам у Николая Анатольевича склонности не было), он поступил на экономический факультет МГУ.

Москва сразу захватила его своей энергией и ритмом жизни, да и, что греха таить, несравнимо лучшим, чем где бы то ни было еще в СССР снабжением. Для человека, которого после перенесенных в детстве и отрочестве лишений чувство голода преследовало постоянно до самого конца жизни, факт немало-важный. Учеба давалась, и угнетало лишь отсутствие возможности жить рядом с любимой женщиной.

С одиноким существованием было покончено в конце 1947-го — он наконец оформил отношения со своей избранницей — Ольгой Сергеевной Гранди-левской. Переезд жены в Москву и рождение в августе следующего года сына создали проблемы житейского свойства: пришлось снимать комнату в полуподвале на набережной Яузы, помещении сыром и для жилья мало приспособленном, стены — летом ли, зимой ли — были украшены слизью. Но делать нечего — семейным студентам общежитие не полагалось.

Оставался один путь — поступать в аспирантуру. В сорок девятом он блестяще (с одной лишь оценкой «хорошо» — разумеется, по высшей математике) оканчивает экономический факультет и подает документы в аспирантуру на кафедре политэкономии — кафедре самой престижной и к тому же предоставлявшей, по его мнению, наилучшие возможности проявить себя в экономической теории, вообще в науке.

Но тут в партком факультета поступило заявление, в котором указывалось, что, вступая в партию в апреле 1942 года, Чеканский Николай Анатольевич скрыл тот факт, что его отец — священнослужитель. Получился скандал, правда, опять же на удивление, не очень громкий — видимо, сказалось, что Николай Анатольевич был не только одним из лучших студентов, но и любимцем факультета. Короче говоря, дело ограничилось простым выговором, что не помешало рекомендации в аспирантуру на кафедре статистики. Политической экономией заниматься разрешалось только политически же «чистым». Забавная деталь: как выяснилось, донос на него написал его сокурсник и однополчанин, которого Николай Анатольевич в конце 1942 года спас от штрафбата.

Впрочем, нет худа без добра: на кафедре статистики Николай Анатольевич попал в умелые и добрые руки «шефа», как он сам его называл, то есть научного руководителя — профессора, доктора экономических наук Дмитрия Васильевича Савинского, человека дореволюционного воспитания и образования, отзывчивого и внимательного, настоящего русского интеллигента.

С его и Божьей помощью Николай Анатольевич защитил в июне 1954 года кандидатскую диссертацию, но хотя и не успел сделать этого в положенный срок, еще до защиты был принят в штат кафедры статистики МГУ на должность преподавателя. Так же еще до защиты он — впервые в жизни — получил собственное жилье: комнату размером 19 м², в которой до конца 1959 года проживали он с женой, двое их сыновей (второй сын родился в мае такого счастливого для него пятьдесят четвертого), а еще няня, присматривавшая за детьми и помогавшая по хозяйству. Впрочем, все семь семей, проживавших в квартире с одной уборной и ванной комнатой, были примерно в одинаковых условиях — в доме, в котором до революции жила одна семья — семья ректора Московского университета.

А через несколько дней после защиты он и отправился в Ленинград, в поездку, с которой мы начали наш рассказ. Как и предполагал Николай Анатольевич, ничем особенно хорошим она для него не обернулась. Что-то он сделал не так, смыкнулся с противной стороной, в результате чего часть наследства ушла в чужие руки, — так посчитали тетушки жены, и в благодарность за сделанное наградили его антикварной настольной лампой с зеленым абажуром и очередным заявлением о его родственных связях со служителем культа, которое одна из них направила в парторганизацию экономического факультета МГУ.

Однако времена к той поре изменились, и дело не получило дальнейшего развития, наоборот, через несколько месяцев Николая Анатольевича избрали секретарем парткома факультета. И действительно, в воздухе запахло талым снегом, но, как, выяснилось потом, оттепель не стала предвестницей весны — она так и осталась типичным для русской зимы эпизодом.

И тем не менее эта поездка и вправду словно бы на две части разделила жизнь Николая Анатольевича Чеканского. Позади остались самые грозные времена, времена лишений, страданий и грез, позади остались ошибки и сомнения, а впереди вырисовался более или менее ровный путь, на котором тоже случилось много всякого, но уже не было таких, как прежде, ухабов и поворотов.

До конца своих дней Николай Анатольевич Чеканский оставался доцентом кафедры статистики экономического факультета МГУ, читал курсы общей теории статистики и экономической статистики, под его руководством несколько десятков аспирантов защитили кандидатские диссертации. Он был больше педагог, чем теоретик, хотя никогда не оставлял мысли о крупной работе, как сказали бы тогда, «нетленке», готовил материалы к ней, но цельного теоретического труда создать так и не успел.

Тем не менее его перу принадлежат несколько десятков статей, опубликованных в журналах «Вестник статистики» АН СССР и «Вестник МГУ» (Серия экономики), а также большие главы в капитальных учебниках, где он был соавтором таких крупных ученых, как А.Я. Боярский, Е.Г. Ясин и других.

И все же педагогическая и практическая жилка брала верх (именно за плодотворную педагогическую деятельность он был удостоен ордена «Знак почета»), и в университете Николай Анатольевич был больше известен как заместитель декана экономического факультета, каковым он являлся в 1968–1970 годы, как секретарь парткома экономического факультета, член парткома МГУ. Недаром В.Н. Ягодкин, тоже выходец с экономического, секретарь парткома университета на рубеже шестидесятых-семидесятых, став в 1974 году вторым секретарем МГК КПСС, говорил ему: «Колька, давай защищай докторскую — ты мне нужен».

Докторскую Николай Анатольевич Чеканский написать так и не успел. В ночь с 25 на 26 апреля 1976 года он скончался во сне. Говорят, что так умирают праведники.

***

Перечитал написанное и сначала решил, что слишком много взял на себя, замкнул историю жизни отца на себе. Но потом, поостыв, подумал, что сделал правильно,

может быть, излишне эмоционально, но ведь и он был человеком эмоциональным, даже страстным, просто умел, вернее, время научило его эмоции сдерживать. А что до мыслей, идей, так это же он вложил их в меня, как и в головы многих десятков и даже сотен, а может, и тысяч своих учеников.

Он был педагог от Бога, нет, не просто педагог, а Учитель с большой буквы, наставник, я бы даже сказал «пастырь», если бы в данном контексте это не прозвучало не столько напыщенно, сколько просто неуместно.

Конечно, он был превосходным преподавателем, иначе один из его студентов не произнес бы сакраментальной фразы: «А что Чеканский? Чеканский — это поэт статистики».

Особым красноречием он отличался только на лекциях, когда был уверен, что подготовлен на все сто. И никаких особых методических приемов не применял. Так в чем же секрет? Секрет в том, что он всегда оставался самим собой, таким, каким родился и каким его воспитали родители. А диктуемое временем наносное и чуждое, что проникало в него на какой-то период, он постепенно изживал в себе благодаря своим моральным устоям, которые никоим образом не были совместимы с угодничеством и предательством, распространившимися на всех ступеньках социальной лестницы.

Он установил довольно высокую этическую планку, ниже которой никогда не позволял себе опускаться, хотя, конечно, как и любому человеку, ему были свойственны слабости. Но при этом он умел прощать людей, действия которых не дотягивали до этой планки и были направлены против него. А вот если против других — тогда все, с такими людьми он никогда больше не здоровался.

Он просто жил и учил своим примером — наверное, это лучшая методика на свете. И вот она, красная нить, которой сшита эта его главная в жизни методическая брошюра — неумение и нежелание поступиться перед совестью, благородство, человеколюбие, и самоирония, да-да, самоирония, ибо без нее нет сомнений в себе, а отсутствие сомнений в себе ведет к произволу.

«Бедный отец» — сколько раз посещала меня такая мысль, особенно в первое время после его ухода из жизни, да и сейчас еще не оставляет. «Бедный» — потому что скончался безвременно, потому что столько несчастий выпало на его долю, потому что не сбылись детские мечты, не осуществились надежды, появившиеся в зрелом возрасте, и не удалось вырваться из цепких лап глухого и жестокого времени.

«Бедный» — имею ли я право так говорить о нем? Не уверен, однако, даже если имею, никогда не забуду одного: он не был страдальцем, хотя страдал немало, но, страдая, он знал, за что.

А вот в чем я уверен, так это в том, что мне повезло. Мне повезло еще до рождения, когда апрельским вечером сорок третьего мой будущий отец не сделал лишнего шага или, может быть, полшага, и остался в живых, и еще раз, когда через год, вернувшись в Архангельск, он встретился с моей будущей матерью. Но больше всего мне повезло в том, что мой отец был одним из самых порядочных людей, которых я когда-либо знал. Нет, в этом смысле мне повезло даже вдвойне, потому что жена моего отца, моя мать — Ольга Сергеевна Чеканская — принадлежала к тому же роду людей.

И хотя любительские стихотворные строки формально посвящены памяти отца, они в равной степени относятся и к ней.

Памяти отца

I

О подвигах, о доблести, о славе...

А. Блок

*Я не знаю Войны Отечественной:
Год рождения — сорок восьмой.
Но — осколками искалеченный —
Мой отец возвратился домой.
Был он вправе звенеть медалями
И навинчивать ордена,
Только байками госпитальными
Не кормил своего пацана.
Не о подвигах, доблести, славе —
О полях и домах в дыму,
О расстрелянной переправе,
Где машины топили в Дону,
О станицах пустых, полустанках
Он рассказывал — голос тих —
И о том, как бросались под танки,
И о том, как бежали от них,
И о том, что в умах миллионных:
Не в тылу ли опаснее враг?
И в каких уголках укромных
От обстрелов прятался страх.
Эта школа была не в тягость:
Кожей впитывал я слова,
И от майских победных стягов
Не кружилась хмельно голова.
Но всего брала за душу прежде
Навевавшая дружные сны
О несбывшемся быть, о надежде
На заветное «после войны».
Нам, выходит, свинцом
не отмеченным,
Брать — ничью ли? — на плечи вину
Я не знаю войны Отечественной,
Я отцовскую помню войну.*

1978 г.

II

*Отец, за меня не волнуйся:
Пусть время не тронется вспять,
Я нашей Стромынкою-улицей
Сегодня прошелся опять.
Так много она сохранила
От облика той старины,
Которой название было
«Надежда на после войны».
За годы до крови и пепла
Из страхов она возросла,
Под пулей и бомбой окрепла
И с голоду не умерла.
Но в камне ей не воплотиться,
В граните ли, стали, стекле,
В рекордах на поле пшеницы,
В заздравной газетной строке.
От смерти она не спасала —
Не карточка на житье.
Своих под наветы бросала
Порою во имя свое.
Не пьянка с друзьями до рвоты,
Не мелочная кутерьма,
Но тяжкая сердца забота,
В предел напряженья ума.
Надежда возросла, да рядом,
Знакомым взметая быльем,
Вершилось иного заряда,
Идеи иной бытие.
И вот — помаячила вроде,
Да так и не вылилась в явь.
Солдаты надежды уходят,
Но выросли их сыновья!
Отец, за меня не волнуйся:
Как ты в стародавнем году,
Я нынче Стромынкою-улицей
С надеждою нашей иду.*

1982 г.

А.Н. Чеканский,
заведующий кафедрой скандинавских языков
МГИМО МИД России

**Натан
Иосифович
Шехет**

ВСЕГДА НА ПЕРЕДОВОЙ¹⁷⁸

В школьные годы Нотик был всеобщим любимцем, ярким, общительным, очень способным, блестящим учеником, знал наизусть множество стихов. На Новогоднем балу в Колонном зале Дома союзов во время встречи 1941 года он читал стихи и получил приз. По окончании школы собирался поступать на философский факультет МГУ.

Хотел внести свой вклад в передовую марксистскую философию. Ему было только семнадцать. Но началась война. Выпускной вечер десятиклассников их школы состоялся 21 июня. Утром мальчики, накануне выпившие впервые, еще очень скверно себя чувствовали, когда вдруг узнали, что началась война. Почти все они ушли воевать, и мало кто из них вернулся. В июле Нотик провожал своих близких в эвакуацию. В октябре, когда его мама приехала к родным на Урал, он уже был в армии. По его словам, эти первые армейские недели были едва ли не самыми трудными в его жизни. Москвич, интеллигентный еврейский юноша, очень маленького роста, он оказался практически в «пересыльном лагере», который мало чем отличался от известных нам лишь из литературы сталинских пересыльных лагерей. Может быть, в последних было больше интеллигенции да свирепее охрана. С обмундированием, особенно его размера, было плохо. Начались жестокие холода 1941 года. Еду можно было добыть только в смертельной борьбе, а побеждали всегда самые сильные и отчаянные банды. Еще немного, и он бы погиб от голода и холода. Его отправили на Финский фронт. В это время однополчане уже звали его Толей, а в его красноармейской книжке он был записан как Натан Иосифович. Дело в том, что писарь, который оформлял его документы, сказал ему, что имени Нот (сокращенное от «Научная организация труда», как решили назвать его родители) не существует, это кличка, а есть хорошее еврейское имя Натан, так его и записал.

Уже в эшелоне у него появились друзья, его сразу оценили. Он был определен в роту автоматчиков, которые, в частности, сопровождали рейды разведчиков в тыл врага. Это была опасная работа. Кроме того, выяснилось, что он один из немногих не только грамотный, но еще и немецкий язык знает. Поэтому время от времени его вместе с немцем-антифашистом посылали выдвинуть громкоговорители поближе к окопам противника и под ужасным обстрелом читать через них агитационные материалы. Доводилось мерзнуть всю ночь в засаде, по пояс в ледяной воде в болоте. Однажды попали в окружение, с боем прорвались к своим, в полном изнеможении в темноте расположились у пригорка на отдых, только уснули — и тут же были разбужены жуткой канонадой. Оказалось, они выбрали место для отдыха рядом с батареей катюш, а ночью начался артобстрел. Натан стойко переносил все тяготы войны. К счастью, за всю войну он был лишь несильно ранен и немного обморожен.

В конце войны началось наступление и на их фронте, в Норвегии, в районе Петсамо. Бои там были не самые тяжелые, Красная Армия уже вела сражения в Германии, а Петсамо — самый дальний северо-восточный район Норвегии. Но климат там ужасный и местность невероятно трудная.

¹⁷⁸ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 7. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. — С. 43–52.

К этому времени Нотика уже приняли в партию, он по-прежнему выполнял функции комсорга. Однажды его вызвали в командование и спросили, хочет ли он повидать свою маму (она уже вернулась в Москву, а ему предлагали отправиться туда с письмом в Округ). Приехав в Москву, он действительно встретился с мамой, а затем сразу же был откомандирован в Ивановское военно-политическое училище. Между тем война кончилась, а из училища он вышел лейтенантом и уже не подлежал демобилизации. У него были другие планы в жизни, а он вдруг стал кадровым армейским политработником и должен был служить дальше. Как отличник, он имел приоритетное право выбрать из имеющихся вакансий военную часть для прохождения службы. Он, таким образом, оказался комсоргом в подмосковной авиационной части — хотя бы регулярно можно было заезжать к маме. Увы, счастье было недолгим. У летчиков случилось какое-то ЧП, часть расформировали, а Нотика послали комсоргом в другую летную часть, но уже на Сахалине. Он по-другому видел свою жизнь, он очень хотел учиться. За время службы на Сахалине он не менее трех раз пытался поступить в военные академии. Это были мрачные годы конца 40-х — начала 50-х. Космополиты, Еврейский антифашистский комитет, «дело врачей». После окончания школы прошло уже около 10 лет — война, послевоенная служба, но все экзамены, даже Уставы, которые нужно было знать для поступления в военные академии, он сдавал только на «отлично». У него были отличные рекомендации и характеристики из части. Тем не менее Натана Иосифовича Шехета отвергали аттестационные комиссии под самыми разными предлогами. Однажды — даже по состоянию здоровья, которое не мешало служить в армии, тем более на Сахалине, а вот учиться якобы могло помешать. В то время лететь, а тем более ехать в Москву с Сахалина было долгим и трудным делом. Он добирался каждый раз измученный трудной дорогой, долгими ожиданиями в аэропортах и на вокзалах, иногда простуженный. Его ожидали в Москве не только трудные экзамены и безнадежная борьба с аттестационными комиссиями, но и встреча с мамой, любящими близкими, уцелевшими одноклассниками. Для них его приезд был праздником и подарком. Он всегда был очень ярким, интересным, интеллигентным, чутким, деликатным. Он и в армии оставался таким, его любили и уважали.

Самым трудным для него был приезд в Москву, когда его известили телеграммой, что мама очень тяжело больна. Он успел прилететь и ухаживал за ней в больнице последние несколько недель ее жизни. Она умерла у него на руках. Отец умер вскоре после его рождения, а теперь он остался и без матери.

Его жизнь круто изменилась, когда Хрущев решил, что пришло время ракетных войск и авиация в прежнем количестве больше не понадобится. В этот период под демобилизацию попало много военных. Ему было чуть за тридцать, когда он стал военным пенсионером. На эту крошечную половинную пенсию ему, в основном, и предстояло крутиться в годы последующей учебы. Для Нотика сразу открылась перспектива пойти учиться в институт. Он выбрал экономический факультет МГУ. Очень высокий барьер для любого абитуриента. У Нотика была, правда, льгота участника войны, да еще «рабочий стаж». Но попробуй, выдержи соревнование со свежееиспеченными абитуриентами-выпускниками школ, да еще с такими, которые решили идти в МГУ, если твоя школа кончилась еще до войны, уже более 10 лет назад. Он ВСЕ (!) экзамены сдал на пятерки! Хотя чтобы поступить, ему

достаточно было получить лишь тройки. Он сразу был удостоен Сталинской стипендии. Ее потом переименовали, но повышенную он получал все годы учебы в университете. У него и не было других отметок, кроме «отлично». А после защиты дипломной работы ему предложили остаться в аспирантуре на кафедре политэкономии. Далеко не всем удается выполнить диссертационную работу и защитить диссертацию в установленные три года. Нотик уложился, написал прекрасную работу, и после ее защиты ему предложили остаться работать на кафедре политэкономии. Было несколько предложений, но он выбрал МГУ. Еще работая над диссертацией, он прибегал к эконометрике, применял математические методы и понятия в экономике. В последующие годы он углублял эти подходы, все больше убеждался в необходимости новых механизмов для выработки оптимальных экономических решений, в необходимости использования рациональных моментов рыночной экономики. В то время далеко не все разделяли эту точку зрения. Начиналась пора жарких дискуссий. Они происходили и на конференциях, и на страницах научных и общественно-политических журналов, и на кафедре.

В работе со студентами он также не боялся и не избегал острых вопросов, допускал дискуссии. Его лекции и семинарские занятия всегда были интересными. Студенты его любили не только за это, но и за его безграничную и искреннюю доброту.

В экономической науке всегда требуется проведение долгого, внимательного и непредвзятого анализа происходящих процессов. Весь период между кандидатской и докторской диссертациями и был этим заполнен. Он работал над методиками анализа, исследовал доступные статистические материалы, читал научную литературу, писал статьи. К сожалению, многие тогда придерживались консервативных взглядов, защита докторской диссертации отодвигалась. И все-таки она состоялась до перестройки.

Когда началась перестройка, Нотик от души радовался приходу перемен, для которых работал и которые так долго ждал. Партию он покинул — увидел, что их пути разошлись. А когда возникла опасность для молодой демократии — путч ГКЧП, почти 70-летний Нотик пошел защищать Белый дом. В это время он уже был серьезно болен, хотя и не хотел сдаваться, работал, сколько мог, писал новые статьи. И все-таки болезнь брала свое, он должен был уехать из Москвы в деревню, где на первых порах ему даже стало лучше. Натан Иосифович умер 1 апреля 2001 года.

Мальчишкой он ушел на войну. Всю войну прошел солдатом, хорошим солдатом. У него было много наград. День Победы для него всегда был самым важным, святым праздником. Он очень серьезно относился к этому празднику. Ни война, ни трудные последующие времена не смогли сбить его с избранного пути. Он хотел работать для будущего, он стал ученым и в конечном счете внес свой существенный вклад в то, чтобы страна выбралась из тупика.

Война и мир... Мирную жизнь Натан Иосифович посвятил науке и подготовке новых поколений экономистов. Он опубликовал более 100 научных работ общим объемом свыше 150 печатных листов. Он печатался в лучших журналах того времени: «Вопросы экономики», «Экономические науки», Известия Академии наук, Вестник Московского университета. Но суть, конечно, не в престижности изданий и не в количестве публикаций, а прежде всего в их качестве. У него нет двух оди-

наковых или близких по содержанию статей с разным названием, что характерно для большинства университетских профессоров. И это был принципиальный подход: каждая публикация, будь то двухстраничные тезисы доклада на конференции, обязательно содержала новые, прогрессивные и смелые идеи.

И за них приходилось биться. На кафедральных дискуссиях, на конференциях. А оппоненты использовали не только теоретические аргументы. Не случайно на защиту докторской диссертации доцент Шехет смог выйти лишь через пять лет после ее написания.

В то время страна жила за «железным занавесом». Насквозь идеологизированная советская политическая экономия была совершенно оторвана от мировой экономической науки. И Натан Иосифович был одним из немногих, кто имел научную смелость привносить в косную теорию плановой экономики свежесть рыночного подхода.

Он одним из первых начал использовать эконометрические методы и математические модели для анализа политико-экономических проблем. А сейчас без этого не может обойтись ни одно серьезное исследование по экономической теории.

В 60-е годы Натан Иосифович был в числе пионеров, выдвинувших идею о двойственности важнейших производственных отношений социализма, в частности плановой цены. И сейчас, перечитывая его классическую работу 1972 года «Плановая цена в системе экономических категорий социализма», отчетливо понимаешь, что противоречие планового и товарного содержания цены, в соответствии с логикой автора, неизбежно должно было разрешиться крушением административно-командной экономической системы.

И только в наше время стало очевидно, что предложение Шехета строить цены по замыкающим затратам было попыткой использовать в экономической теории принципы маржинального анализа, на которых базируется современная микроэкономика.

Функция общественной полезности, описанная в первой главе его монографии, многими тогда воспринималась как некий научный изыск, по тем временам весьма опасный с точки зрения личной научной карьеры. Это теперь мы понимаем, что нас познакомили с идеями современной экономической теории благосостояния.

Классические учебники по микро- и макроэкономике в Советском Союзе были совершенно недоступны. И мы, студенты и аспиранты экономического факультета МГУ, постигали основы рыночной экономики по трудам профессора Шехета. Это написанная им глава в третьем издании знаменитого университетского «Курса политической экономии» впервые познакомила нас с кривыми спроса и предложения, паутинообразной моделью, понятием эластичности спроса. И в том, что в 90-е годы нам, уже 40–50-летним его ученикам, удалось достаточно быстро расстаться с замшелыми догмами политэкономии социализма и овладеть современным инструментарием микро- и макроэкономического анализа, большая заслуга Натана Иосифовича Шехета.

Да и сам он сразу и на самом высоком уровне «вписался» в новую парадигму экономической теории. Об этом красноречиво говорят его блестящие статьи «Завтра — вчера» в «Экономических науках» (1990. № 3), «Социализм — видимость и реальность» в «Вопросах экономики» (1993. № 11).

Опережая свое «научное время», Натан Иосифович был его современником. Как ученый, он вырос на идеях марксизма. Но как же он отличался от большинства университетских профессоров-ортодоксов. Отличался широтой взглядов, гибкостью ума, поистине историческим подходом к решению экономических проблем.

В то время в советской экономической науке безраздельно господствовала восходящая к Марксу идея о том, что труд является производительным только в сфере материального производства. И я помню, как нас, студентов четвертого курса, в далеком 1975 году поразил подход Натана Иосифовича к решению этого вопроса. «Великий Франсуа Кенэ, — говорил он, — считал производительным только труд в сельском хозяйстве. И был прав. Потому что в XVII–XVIII веках именно аграрный сектор экономики, в котором создавались и простейшие средства труда, был основой существования общества. А труд городских ремесленников обслуживал, в основном, праздный класс и существенного значения для экономики не имел. В XIX веке основой экономики наряду с сельским хозяйством стала промышленность, капитальное строительство. И поэтому прав был великий Карл Маркс, распространив понятие производительного труда на всю сферу материального производства.

А сфера услуг не имела тогда существенного значения. Однако во второй половине XX века, когда доля сферы услуг в ВВП развитых стран уже начинает превышать долю материального производства, не замечать этого просто нельзя. Поэтому производительным является всякий общественно-полезный труд, и во всех, в том числе и в «нематериальных» сферах деятельности».

И сейчас, в 2006 году, рассказывая своим студентам о проблеме производительного труда, я излагаю подход Натана Иосифовича практически теми же самыми, его словами. Истинно говорится в Писании: «В начале было Слово», мудрое Слово наших Учителей.

Основные публикации профессора Н.И. Шехета

1. *Оптимальное планирование и цены на средства производства // Проблемы оптимального планирования и управления производством. М.: МГУ, 1963. (1,25 п.л.)*
2. *Трудовая теория стоимости и оценка общественной полезности потребительных стоимостей // Моделирование экономических процессов. М.: МГУ, 1968. (1,2 п.л.)*
3. *Учет предельных и средних затрат в плановом ценообразовании // Известия АН СССР. 1970. № 3. (1,6 п.л.)*
4. *Общественно необходимые затраты труда, стоимость и их использование для стимулирования производства // Экономическое стимулирование социалистического производства. Берлин, 1970. (1 п.л.)*
5. *Экономическое содержание потребительских оценок. Экономика и математические методы. Т. VII. Вып. 6. 1971. (1,1 п.л.)*
6. *Плановая цена в системе экономических категорий социализма. М.: МГУ, 1972. (12,5 п.л.)*
7. *Движение цен в условиях свободной конкуренции // Курс политической экономии: Учебник для вузов. М.: Экономика, 1973. (1,1 п.л.)*
8. *Труд — материальная основа экономических отношений. Вопросы экономики. 1975. № 2. (1,1 п.л.)*

9. *Общественный полезный эффект продукции социалистического производства. Вопросы экономики. 1976. № 12. (1,2 п.л.)*
10. *Противоречия плановой цены // Вопросы экономики. 1988. № 3. (1,2 п.л.)*
11. *Завтра — вчера // Экономические науки. 1990. № 3. (1,1 п.л.)*
12. *Социализм — видимость и реальность // Вопросы экономики. 1993. № 11. (1,2 п.л.)*

А.Н. Чеканский,

доктор экономических наук

Г.А. Котова,

кандидат экономических наук

Б.З. Торлин,

доктор физико-математических наук

**Владимир
Петрович
Шкредов¹⁷⁹**

---

¹⁷⁹ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 1. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 144–158.

Шкрёдов Владимир Петрович (1925–1996) — профессор, доктор экономических наук. Родился в г. Ргичево Саратовской области. Участник и инвалид Великой Отечественной войны, командовал батареей в составе Войска Польского.

Награжден орденом Отечественной войны 1-ой степени, юбилейными медалями «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооруженных сил СССР», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет Вооруженных сил СССР», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также медалью Польской народной республики.

В 1950 году В.П. Шкрёдов закончил Всесоюзный юридический заочный институт. В 1946–1951 годах — старший инспектор, начальник облфинотдела г. Фрунзе, в 1951–1952 годах — преподаватель кафедры политэкономии Киргизского мединститута (г. Фрунзе), в 1952–1960 годах — старший преподаватель, доцент кафедры политэкономии Киргизского госуниверситета (г. Фрунзе). С 1960 по 1978 год — доцент, профессор кафедры политэкономии экономического факультета МГУ. С 1978 по 1996 год — профессор Академии народного хозяйства при СМ СССР (с 1992 года — АНХ при СМ РФ). Автор свыше 60 научных работ, в том числе шести монографий. Книга «Экономика и право» вышла тремя изданиями, а работа «Метод исследования собственности в „Капитале“ К. Маркса» была переведена на японский язык. За многолетний плодотворный труд награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд».

Вклад В.П. Шкрёдова в экономическую науку связан с его новаторским подходом к обоснованию места и роли собственности в системе экономических отношений, исследованием генезиса денежной формы, а также природы рентных отношений.

В 1967 году, то есть на излете так называемой косыгинской экономической реформы, в обстановке постепенного свертывания дискуссий по теоретическим вопросам в экономической науке, в своей монографии «Экономика и право» ученый сформулировал и дал развернутую аргументацию необходимости признания социалистического предприятия в качестве одного из субъектов права собственности, что противоречило господствующим в экономической науке того времени взглядам, так как по существу являлось обоснованием товарного характера «социалистических» производственных отношений. В вышедшей в том же году книге «Социалистическая земельная собственность» В.П. Шкрёдов изложил концепцию, утверждающую не только возможность, но и объективную, обусловленную уровнем развития производительных сил необходимость перехода к аренде земли и платному землепользованию.

В 1985 году, еще до появления концепции перестройки, в коллективной монографии «Политическая экономия социализма и экономическая стратегия КПСС» ученый поднял вопросы, связанные с преобразованием методов хозяйствования и управления, отстаивал необходимость широкого развития торговли и денежного обращения.

Теоретические взгляды В.П. Шкрёдова сформировались на основе принципов теории К. Маркса. В работах 70–80-х годов, прежде всего в монографии «Метод исследования собственности в „Капитале“ К. Маркса» (1973), исследователем дано оригинальное прочтение предмета и метода «Капитала», раскрыт генезис эконо-

мической теории основоположника марксизма через ретроспективный анализ подготовительных рукописей и работы К. Маркса «К критике политической экономии». По существу, В.П. Шкредов, ссылаясь на первоисточники, опроверг вульгарные представления о диалектическом методе в политической экономии, раскрыл исторический характер отношений, а соответственно, категорий и законов экономической теории капиталистического способа производства, показал производный, по отношению к экономической системе, характер собственности как сугубо юридической ее оболочки.

Новизна взглядов В.П. Шкредова на основные проблемы марксовой политической экономии принесла ему известность не только в стране, но и за рубежом, где в 70—80-х годах наблюдался всплеск методологических дискуссий вокруг основных проблем экономической теории с использованием марксистских подходов. Новаторство В.П. Шкредова послужило также причиной яростных нападок со стороны представителей вульгарной марксистской экономической науки, кульминацией которых стали дискуссия по методологическим вопросам, проводившаяся на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ в 1976—1977-м годах с целью «идейного разгрома» концепции В.П. Шкредова, и фактический запрет на изложение собственных воззрений в учебном процессе. В.П. Шкредов вынужден был уйти из МГУ.

О чем шла речь, и почему взгляды ученого отвергались вульгарной марксистской политической экономией? Во-первых, В.П. Шкредов на основе проведенной им реконструкции системы изложения материала в «Капитале» последовательно отстаивал тезис о том, что так называемое восхождение от абстрактного к конкретному не является сугубо мыслительной, познавательной процедурой, а отражает логику самодвижения и самораскрытия предмета, то есть экономической системы буржуазного общества. Такой подход как будто бы не противоречил устоявшимся взглядам, однако, по сути, обосновывал невозможность умозрительного соединения произвольно сформулированных «категорий» так называемой политической экономии социализма в систему адекватных знаний о предмете.

Во-вторых, В.П. Шкредов, основываясь на различных прижизненных изданиях «Капитала» и подготовительных рукописях К. Маркса к нему, доказал, что процесс восхождения от абстрактного к конкретному возможен только на определенной стадии развития самого предмета и отражает эту стадию, а именно — стадию зрелости. В отличие от вульгарной трактовки, согласно которой структура Марксова труда отражает последовательность превращения «простого товарного производства» в капиталистическое, В.П. Шкредов доказал, что в «Капитале» описан процесс, который ежедневно и закономерно совершается только в зрелом буржуазном обществе, а именно, процесс превращения товара в деньги и денег — в капитал.

Развиваемое им понимание связи между категориями и законами политической экономии и стадиями зрелости отображаемого предмета В.П. Шкредов называл, в противоположность господствующим концепциям, «конкретным историзмом». Данная трактовка «Капитала» не позволяла обосновать описательно-историческую логику большинства курсов «политической экономии социализма» (обобществление — общественная собственность — процесс реализации общественной собственности) ссылками на авторитет К. Маркса. Более того, она практи-

чески давала отрицательный ответ на вопрос о возможности появления стройной, внутренне непротиворечивой системы категорий и законов политэкономии социализма на стадии, когда, по мнению сторонников вульгарно-марксистских взглядов, производительные силы общества оставались явно неадекватными потребностям развития социалистических производственных отношений.

В-третьих, В.П. Шкредов выступил как первый институциональный теоретик марксовой школы, раскрыв сложную диалектику взаимосвязи между отношениями собственности и экономическими отношениями. Если в советской экономической и юридической литературе господствующей была точка зрения, согласно которой собственность понималась не как исходная экономическая категория, а как совокупность производственных отношений, то В.П. Шкредов продемонстрировал не только противоречие между таким подходом и взглядами К. Маркса, но и внутреннюю несостоятельность трактовки собственности как экономической категории. Описываемая с помощью категорий владения, распоряжения, пользования и отчуждения, собственность, по мнению ученого, является той внешней юридической предпосылкой, которой капитал овладевает, превращая капиталистическую частную собственность в собственную, им самим положенную предпосылку, то есть в результат процесса капиталистического производства.

Глубокий анализ диалектики собственности и экономической системы, начатый в «Экономике и праве» и продолженный в «Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса», до сих пор является непревзойденным образцом глубокого теоретического осмысления одного из фундаментальных вопросов экономической теории, важным вкладом марксистской школы в развитие политической экономии как науки.

Основываясь на собственном понимании диалектического метода и принципе конкретного историзма, В.П. Шкредов дал глубокий анализ одной из наиболее сложных и запутанных проблем экономической теории — генезиса денег. Он показал не только отличия подхода К. Маркса к трактовке денег как формы стоимости товара капиталистического способа производства, но и выявил некоторую непоследовательность взглядов автора «Капитала», в поздних редакциях которого усложнено описание процесса саморазвертывания простой формы стоимости во всеобщую, денежную форму, что затрудняет верное понимание этого положения.

Вклад В.П. Шкредова в творческое переосмысление экономической теории К. Маркса, двойственной роли, которую сыграли в ее развитии и вульгаризации Ф. Энгельс и В.И. Ленин, исследования в области истории политической экономии Маркса, его предшественников в настоящее время по достоинству оценены и за рубежом, в частности, учеными Германии, Японии.

Наряду с «загадкой» денег, в работах В.П. Шкредова был дан глубокий анализ природы ренты в поземельных отношениях. Основываясь на понимании собственности как юридической оболочки, в которой скрываются сугубо экономические отношения по поводу воспроизводства в сельском хозяйстве, ряде других сфер народного хозяйства, он доказывал их обусловленность прежде всего (хотя и не только) ограниченностью производительных сил, а потому считал неизбежным существование рентных отношений в условиях социализма. Более того, эзопов язык помог ему уже в конце 60-х годов показать, к какой эрозии всего уклада сель-

ской жизни и деградации производительных сил в сельском хозяйстве ведет неучет рентных отношений в практике ценообразования в СССР.

В середине 90-х годов исследователь получил возможность открыто излагать свои взгляды не только по вопросам методологии и истории экономической теории К. Маркса, но и по актуальным проблемам реформирования российской экономики. Его посмертно изданная книга «Деньги, предпринимательство, государство» (1999), в которой предложены оригинальные решения ряда научных вопросов марксистской институциональной теории, стала вкладом в осмысление проблем трансформационной экономики.

В указанном сочинении В.П. Шкредов проводит глубокий анализ экономики советского периода, давший ключ к пониманию причин всеобъемлющего кризиса, из цепких объятий которого отечественная экономика не может выбраться по сию пору. Несмотря на то, что на эту тему, начиная со времени перестройки, было написано немало, ученый выходит на более глубокий уровень анализа, связанный не столько с критикой планового начала в экономике, сколько теми деформациями в фундаментальных пропорциях общественного воспроизводства и разрывом диалектической связи между производством, обменом, распределением, к которым привело (не могло не привести!) господство «противоестественной социально-экономической системы», утвердившейся в СССР. К их числу относятся принудительный и полупринудительный труд, то есть формальное и реальное упразднение свободы труда; подрыв естественных производительных сил «бесплатностью» основных природных факторов производства, развившиеся на этой основе демографический и экологический кризисы; система экономической дезинформации и завеса секретности, как следствие — невозможность анализа реального положения дел в народном хозяйстве и научного прогнозирования; сочетание новейших технологий с полупринудительным ручным трудом; отрыв производства средств производства от реальных потребностей народного хозяйства и граждан.

Результаты проведенного исследования подводят к пониманию подлинной глубины той пропасти, в которой оказалась советская общественно-экономическая система на рубеже 80–90-х годов. В своей критике и конструктивных предложениях В.П. Шкредов далек от разного рода «оптимистов»: и от тех, кто считал, что достаточно устранить некоторые «несовершенства» сложившейся в СССР системы хозяйствования, чтобы обеспечить выход из тяжелой социально-экономической ситуации, и от тех, кто полагал, что в этой ситуации рынок «сам по себе» все расставит по местам.

В условиях глубокого подрыва основ способа производства и его натурализации, обособления производства и распределения, снижения роли обмена, упадка сельского хозяйства, гипертрофированности в военно-промышленном комплексе резко затрудняется выход на путь подъема производства и повышения жизненного уровня населения, неизбежными становятся потери и жертвы, связанные с осуществлением реформ.

Главную роль в преодолении возникших перед российским обществом сложностей отводит В.П. Шкредов возрождению денег во всем богатстве их реальных определений. Обращая внимание на то, что в современной экономической литературе, как правило, вообще не дается научного определения денег, и все усилия ученых на-

правлены на эмпирические исследования количественной массы денег и влияния ее изменений на состояние экономики в целом, сам В.П. Шкредов анализирует деформацию денег в советской экономике и нынешний этап их развития в органической связи с целостной экономической системой отношений, лишь элементом которой они являются. При этом популярный очерк генезиса денежной формы дополняется конспективным изложением истории российских денег, а также идейной подоплеку и практики упразднения денег в СССР.

Исходным аргументом критики В.П. Шкредовым квазиденег периода «социализма» является отнюдь не расхожий тезис о невозможности адекватной оценки благ вне денежной формы, и даже не идея о неизбежном искажении информационных импульсов в нерыночной экономике, а более фундаментальное положение о том, что в отличие от систем личной зависимости людей друг от друга и от власти государства, при которых устанавливаются отношения господства и подчинения, функционирование денег покоится на формальной свободе и формальном равенстве сторон, участвующих в соответствующих отношениях. При этом основной формой денежных отношений является договор. Поскольку в СССР была подорвана основа функционирования денег, то отсутствовали даже формальное равенство и формальная свобода. Подобные экономические системы вступают — не могут не вступать — в противоречие с уровнем развития производительных сил, предполагающим высокую автономию личности в принятии решений, который характерен для современных высокоразвитых обществ. Между тем в СССР в течение десятилетий огромные массы людей, находившиеся вне сферы денежных отношений (пресловутые трудодни в колхозах), были лишены паспортов, — а значит, фактически лишены и свободы передвижения и поселения. Параллельно произошло резкое расширение тех сфер общественной жизни, в которых деньги утратили всякое значение — природные ресурсы, основные фонды. Изгоняя деньги, идеологи «упразднения частной собственности», по мнению В.П. Шкредова, препятствовали тем самым становлению общественной системы, основанной на юридическом равенстве, то есть построили систему, покоящуюся на неравенстве.

Натурализация хозяйства, а вовсе не стабильность и эффективность экономической системы, позволяли в течение длительного времени иметь ограниченную массу денег в обращении, мизерную заработную плату, но и стабильные низкие цены. Инфляция проявлялась не в росте цен, а в вытеснении товаров с магазинных полок и в росте очередей — то есть в увеличении прямых потерь общественно необходимого времени. Опираясь на эти научные положения, В.П. Шкредов поддерживает основную линию реформ 1992 года, направленных на возрождение действительной роли денег. При этом он показывает, что глубина исторически сложившихся и закосневших деформаций (отрыв наличного оборота от безналичного, величины заработной платы от уровня цен и т.д.) такова, что преодолеть их сразу невозможно. Более того, в ходе реформ нерыночная реакция хозяйствующих субъектов на рыночные сигналы может приводить и приводит к усугублению многих негативных моментов квазиденежной системы прошлого.

К числу новых явлений легальной экономики России в условиях реформ В.П. Шкредов относит возникновение фактически «бибумажной», или «бибанкнотной» системы денежных знаков, при которой функции денег выполняют парал-

тельно рубль и доллар. В отличие от подавляющего большинства отечественных экономистов, в том числе и экономистов-рыночников, В.П. Шкредов видит в долларизации денежной сферы в России не только отрицательную, но и положительную сторону.

Использование доллара, считает ученый, надлежит рассматривать как один из необходимых моментов возрождения денежной системы России, основанной на рубле. Во-первых, доллар компенсирует неразвитость рубля как формы реальных денег, во-вторых, косвенно содействует развитию современной инфраструктуры финансового и фондового рынков, в-третьих, создает некоторые предпосылки для активизации инвестиционного процесса, в-четвертых, способствует ускорению интеграции российской экономики в мировое хозяйство. Отрицательные стороны каждого из указанных моментов В.П. Шкредов показывает столь же определенно. Хотя книга написана задолго до финансового кризиса августа 1998 года, ученый критикует недостатки не столько долларизации отечественной экономики, сколько денежной политики властей, их неумение усилить положительные и смягчить ее негативные последствия.

В то же время В.П. Шкредов отнюдь не считает денежную форму стоимости, вообще товарные отношения, вечными и неизменными. Последовательно исходя из принципа конкретного историзма при анализе экономических отношений, в том числе и денег, он рассматривает возникновение системы электронных расчетов и платежей как полную материальную подготовку той стадии экономического развития, когда станет возможно осуществлять производство, распределение, обмен и потребление всего национального продукта и дохода без участия действительных денег, а денежная система по существу превратится в нечто качественно иное — в своего рода систему общественного учета и распределения доходов и продуктов между членами общества. Таким образом, подрыв действительных функций денег происходит на наших глазах в результате развития внутренних диалектических противоречий самой товарной формы продукта труда.

Столь же взвешенным является отношение ученого к экономическим реформам. Начавшиеся после 1992 года преобразования он рассматривает как естественную, вынужденную необходимость, но в то же время выступает против некоторых расхожих представлений о том, в каком направлении они должны развиваться. Во-первых, он подвергает сомнению возможность превращения в тех или иных формах (прежде всего путем приватизации) многомиллионных масс людей в собственников средств производства и противопоставления этого процесса системе наемного труда. В данной связи он критикует две ошибки — иллюзию о возможности таким образом получать в массовом масштабе эффективных собственников, во-вторых, представление о том, что российское общество созрело для того, чтобы отринуть наемный труд как неэффективную систему. Между тем, подчеркивает В.П. Шкредов, если бы удалось перейти от полупринудительного и полударового труда к форме высокооплачиваемого наемного труда (что соответствует законам рыночной экономики), то вопрос о собственности на средства производства с экономической точки зрения потерял бы свою остроту.

Ученый также разделяет мнение о том, что преодолеть диспропорциональность общественного производства можно только путем действия спонтанных, стихий-

ных рыночных сил. Необходимо искусное сочетание государственного и рыночного воздействия на процессы, которые могут ускорить выход России из кризиса.

В.П. Шкредов убедительно доказал, что в нынешних условиях российский рынок не может сформироваться при полном устранении государства от воздействия на процессы производства и товарно-денежного обращения. Поскольку их единство было разорвано насильственно, то его восстановление невозможно без применения государственного принуждения, поставленного, однако, в отличие от прошлого, в строгие рамки законности. Ограничителем экспансионистских поползновений государства должно быть предпринимательство. Придавая большое значение преобразованию отношений государственной собственности на начальном этапе рыночных реформ, исследователь называет опрометчивой мысль о том, будто бы таким путем сам собой возникнет рынок. Отмечая, что было бы односторонне связывать существование рынка с превращением частной собственности в господствующую форму, он критикует ставшие в экономической теории традиционными представления, будто производство продуктов как товаров основано на частной собственности. Глубинные характеристики социально-экономической природы труда и продукта обусловлены не собственностью, а исторически определенной системой общественных потребностей. Иначе говоря, для того, чтобы мог функционировать рынок, вовсе не обязательно, чтобы частная собственность была господствующей формой, достаточно того, полагает В.П. Шкредов, чтобы любой производитель мог свободно распоряжаться своими продуктами и прибылью. Конечно, определенный уровень развития малого предпринимательства в любой современной экономике необходим, поскольку оно обеспечивает конкурентную среду, однако опыт развития современных рыночных экономик показывает, что оптимальным является сосуществование крупных, в том числе монополистического типа, структур и классической частной собственности.

Практика российской приватизации оказалась не свободной от тех фетишистских иллюзий, которые В.П. Шкредов критиковал еще в своих более ранних книгах: она основывалась на смешении собственности на акции с собственностью на часть реального капитала. Именно эта иллюзия лежала в основе благого заблуждения, согласно которому приватизация-де привела к тому, что сложился массовый слой «хозяев», «собственников». Между тем, как убедительно показал В.П. Шкредов, в акционерных обществах собственность на действительный капитал, который функционирует как единое целое, не подлежит в нормальных условиях разделу между акционерами, более того, каждый из них оказывает лишь ограниченное влияние на его функционирование. Что действительно может быть выделено как собственность одного лица, так это акции — притязания на часть прибыли от хозяйственной деятельности данного акционерного общества в виде дивиденда. Поэтому, особенно в условиях инфляции, когда отчетливо обнаруживается, что большинство «хозяев» и «собственников» интересуется главным образом регулярная заработная плата, а не дивиденд, едва ли акционирование откроет путь к всеобщему процветанию и полному единению управляющих и управляемых в рамках трудового коллектива. Иными словами, никакие изменения формы собственности сами по себе не вызывают коренных изменений не только в организации процесса производства, но и в отношении персонала к труду и использованию имущества, подвергшегося

приватизации. Это утверждение справедливо не только в отношении работников, но и в отношении управленцев. Необходима еще революция в самом способе производства.

В работах В.П. Шкредова показано, что ясности в понимании роли собственности нет не только у экономистов, но и у правоведов, о чем свидетельствует проведенный ученым анализ определений собственности в Гражданском кодексе Российской Федерации, которые допускают отделение владения, пользования и распоряжения имуществом от... собственности).

Отсутствие четкости в определении понятия «собственность» ведет к тому, что по действующему ГК границы, отделяющие собственника от не собственника, исчезают. Эта расплывчатость юридических формулировок связана, как подчеркивает В.П. Шкредов, в первую очередь с так называемыми казенными и унитарными предприятиями, которые пользуются и распоряжаются государственной собственностью на правах «оперативного управления» и «хозяйственного ведения». Дело не только в том, что таких казуистических правоотношений нет нигде в мире, но и в том, что если предприятие осуществляет воспроизводственный процесс за счет самостоятельно привлекаемых им ресурсов, то ему должны принадлежать и плоды его хозяйственной деятельности: оно, как доказывает В.П. Шкредов, в конце концов воспроизводит основные фонды, а потому рано или поздно должно стать и собственником этой «недвижимости», то есть разорвать «пуповину», связывающую его с государством. Следовательно, так называемое государственное предпринимательство в тех формах, которые устанавливает действующее законодательство, либо не будет предпринимательством (то есть деятельностью, которая ведется на началах коммерческого расчета), либо должно перестать быть государственным.

Серьезную опасность для политики реформ представляет собой, по мнению В.П. Шкредова, не только безынициативное и склонное к волюнтаризму чиновничество, но прежде всего — сохраняющееся как в обществе в целом, так и у политической элиты отождествление закона и права.

В последней книге ученого дается убедительная трактовка взаимоотношений действительного (обычного) права и закона. Первично, подчеркивает исследователь, действительное, или естественное право, проистекающее из объективных условий деятельности человека в соответствующем обществе. Закон — лишь кодификация права, его ограничение и защита.

В условиях реформ, когда соответствующие устойчивые правовые отношения не сложились, существует соблазн с помощью закона «ускорить» формирование права, адекватного новым условиям. Отсюда — обилие «мертворожденных» законов, причем попытки поправить дело с помощью инструкций, других подзаконных актов являются опасной иллюзией. В.П. Шкредов решительно не согласен с распространенным мнением о том, что законы необходимо дополнять «механизмом» их реализации, тем самым подводя обоснование под негодную практику подмены законодательства ведомственным нормотворчеством — узаконенным произволом. При рассмотрении инструментов и рычагов государственного воздействия на экономику: налоговой системы, бюджета, правового регулирования рынков и факторов производства — автор по существу становится на сторону тех

экономистов и политиков, кто отдает предпочтение рамочному воздействию государства на общеэкономические процессы.

Весьма актуальна критика В.П. Шкредовым длительных и бесплодных споров отечественных экономистов относительно подходящей для России «модели» будущего устройства общества. Отправным пунктом разработки экономической политики государства должен быть, по его мнению, макроэкономический анализ действительности в ее органической связи с прошлым. На этой основе вырабатывается прагматический подход, который может принести положительные результаты и стать предпосылкой научного прогноза более отдаленных изменений и результатов. Такой прогноз невозможен, если руководствоваться некоей абстрактной, умозрительной «моделью». Необходимо идти от фактического состояния экономики, а не от теоретического идеала, какой-либо мысленной конструкции. Только на этом пути может сложиться «российская модель» экономики.

Будучи оригинальным и глубоким мыслителем, Владимир Петрович Шкредов был к тому же выдающимся оратором и прирожденным педагогом, воспитавшим целую плеяду учеников: нынешних государственных деятелей, политиков, финансистов.

Основные труды профессора В.П. Шкредова

1. Шкредов В.П. Социалистическая земельная собственность. М., 1967.
2. Шкредов В.П. Экономика и право. М., 1967. (В 1973 году работа переведена на японский язык.)
3. Шкредов В.П. Процесс упразднения капитала как частной собственности // «Капитал» К. Маркса и проблемы современного капитализма. М., 1968.
4. Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М., 1973.
5. Шкредов В.П. Собственность и система категорий политэкономии // О системе категорий и законов политэкономии. М., 1973.
6. Шкредов В.П. Товар и товарное обращение как предпосылки производства капитала // Экономические науки. 1975. № 2.
7. Шкредов В.П. Исследование формы стоимости в первом издании «Капитала» К. Маркса // Вестник МГУ. Философия. 1976. № 6.
8. Шкредов В.П. Собственность // Экономическая энциклопедия. Т. 4. М., 1980.
9. Шкредов В.П., Виноградов В.Л., Сальковский О.В. Рабочее время в системе производственных отношений современного капитализма // Рабочее время в капиталистических странах. М., 1985.
10. Шкредов В.П. Деньги, предпринимательство, государство. М., 1999.

А.Ю. Чепуренко,
доктор экономических наук

**Николай
Дмитриевич
Колесов**

РЕЧКА ВПАДАЕТ В ИСТОРИЮ¹⁸⁰

В сжатом виде биография Николая Дмитриевича Колесова, крупнейшего ученого-экономиста России, профессора кафедры экономической теории и экономической политики Санкт-Петербургского университета, изложена в его письме в Усть-Бузулукскую школу, из которой он вступил в мир, не суливший будущему ученому легкого жизненного променада. Вот это письмо:

«Дорогие друзья!

Получил ваше письмо и приглашение принять участие в вечере встречи выпускников всех поколений. Извините за задержку с ответом. Вследствие большой занятости и перегрузки командировками не мог сразу ответить. Ваше приглашение принимаю, 22 июля с.г. буду в родной школе.

О себе могу сообщить следующее. Родился 11 декабря 1925 года в хуторе Речка Алексеевского района Волгоградской области. Мои родители и многие родственники живут там и в настоящее время.

В Усть-Бузулукской средней школе учился с 1 сентября 1940 по июнь 1943 года, то есть с 8-го по 10-й класс. После ее окончания ушел на фронт. Воевал на 4-м Украинском фронте, участвовал в освобождении Ворошиловской, Днепропетровской, Донецкой, Запорожской, Херсонской областей. В январе 1944 года на Перекопе в разведке был тяжело ранен, врачам пришлось ампутировать ногу. После демобилизации из Советской Армии по ранению в августе 1944 года возвратился к себе на родину в хутор Речка, где год работал пчеловодом в колхозе.

В сентябре 1945 года поступил учиться в Ленинградский государственный университет на экономический факультет. С тех пор мой труд и жизнь связаны с этим университетом. Здесь я после его окончания в 1950 году поступил в аспирантуру, защитил в 1953 году кандидатскую /диссертацию, работал преподавателем, доцентом. В настоящее время я доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии Ленинградского госуниверситета. Мною опубликовано более двух десятков книг, а всего более 160 научных работ, в том числе ряд популярных учебников по политической экономии. Некоторые мои работы переведены на иностранные языки (английский, французский, немецкий...) и изданы за рубежом...»

Здесь почти все точно, за исключением цифровых данных о научных работах. И виноват в этом сам профессор, точнее — его неугомонная творческая натура. Каждый год наша экономическая наука активно пополняется научными трудами Николая Дмитриевича Колесова, который и в 78 лет не утратил остроты ума, стремления к поиску нестандартных решений, потребности в каждодневном накоплении знаний и щедрому обмену ими со своими коллегами и учениками. Жизнь и труд для Н.Д. Колесова — понятия синонимические. Это очень хорошо подметил профессор Санкт-Петербургского университета В.А. Пешехонов в четверостишии, посвященном Николаю Дмитриевичу:

¹⁸⁰ Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки — Вып. 2. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 19–35.

*Прошу тебя — держись, казак, не старься.
Тебе работать надо, а не просто жить.
Какая собственность сейчас на Марсе?
Ты должен там побыть и доложить!..*

Может быть, именно казачья сила и крепость стали основой характера Николая Колесова, сумевшего преодолеть такие жизненные невзгоды — да еще в ломкие юношеские годы, которые любого могли бы вышибить из седла. Алексеевский казак из хутора Речка удержался...

Он уходил на фронт семнадцатилетним юнцом. Сообщение о начале войны воспринял по-советски патриотично, по-пацаньи оптимистически: через две недели фашисты будут разбиты. «Мы врагов советской власти били, бьем и будем бить...» Внутри страны это получалось более чем удачно. С Германией же дело застопорилось. И хотя он уходил на фронт уже после Сталинградской победы, юношеский оптимизм испытал встряску. Впрочем, исход битвы на Волге подпитывал веру в победу. Воевать Николаю Колесову пришлось в стрелковой дивизии 4-го Украинского фронта. Был автоматчиком, сапером, разведчиком. Как говорится, на передовой линии: жизнь начала проверять юношу на прочность.

Ночью 29 января 1944 года на Перекопе, когда разведчик Колесов вместе с группой в очередной раз брал «языка», судьба показала ему, что он не из ее любимчиков и полагаться нужно только на себя и святое чувство товарищества. Немцы, обнаружив разведгруппу, открыли шквальный огонь. Разрывные пули прошли левую ногу. Боевые друзья вытащили Николая из-под огня и дотащили до своих. Очнулся он на носилках в полевом госпитале.

«А потом, — вспоминает Николай Дмитриевич, — в это, конечно, трудно поверить, носилки со мной и еще одним тяжелораненым подцепили к крылу “кукурузника” и — в госпиталь. Может быть, с той поры и считаю самолет лучшим видом транспорта. В любую командировку по своей стране и за рубеж отправляюсь самолетом».

Из Донецка на санитарном поезде — вновь судьба испытывала разведчика — Колесова отправили в госпиталь в Тбилиси. Началась гангрена. Вернулся в родной хутор на костылях, без левой ноги.

Отец продолжал воевать, а сына списали «вчистую».

Несложно представить ту психологическую ситуацию, в которой оказался отвоевавший фронтовик. Но тут-то и проявился казачий характер Николая Колесова. Пошел на колхозные курсы пчеловодов. Победной весной 1945 года в его саду стояло тридцать ульев. Научился делать рамки, воскотопку. И в первый же год собрал полторы тонны меду.

День победы встречал на пасеке. «Погода была — чудо, — вспоминает профессор. — От цветущих садов аромат стоял пьянящий, было очень солнечно. Часов в одиннадцать прибежал хуторянин, крикнул: „Победа!“»

Для пчеловода с хутора Речка это слово имело не только широкомасштабное, всечеловеческое значение, но и сугубо личное, внутреннее: он победил самого себя, преодолев удар судьбы. Однако, как ни отговаривал его председатель колхоза от принятого Николаем решения, он избежал в буквальном смысле сладкого иску-

шения и отправился в Ленинградский университет на экономический факультет. Тут уж судьба не осмелилась прекословить...

На факультете и в общежитии преобладали фронтовики, блюдущие армейский порядок. И, судя по поэтическим воспоминаниям коллег, Николай Колесов был среди них не на последнем месте:

*У Колесова все учились понемногу,
В душе у каждого он свой оставил след.
Мне лично, как маяк, он освещал дорогу
Еще с младенчества, с далеких школьных лет.
За партией сидя, изучал я не букварь,
Не А, Б, В, Г, Ды,
А Николая Дмитрича труды!*

Потом была аспирантура, первая научная статья «Общественная собственность при социализме», опубликованная в журнале «Коммунист», начало педагогической работы в родном вузе, которая продолжается и по сей день. Уже более полувека!

За время работы в университете Н.Д. Колесов сложился в крупного ученого, известного своими трудами не только у нас в стране, но и за рубежом. Им опубликовано около 300 научных работ, в том числе 50 монографий, книг и учебников. Его книги и учебники издавались во всех центральных издательствах: «Политиздат», «Соц-экгиз», «Экономика», «Мысль», «Высшая школа», а статьи — в журналах «Вопросы философии», «Вопросы экономики», «Коммунист», «Экономические науки», «Международная жизнь» и др. Многие из работ Н.Д. Колесова переводились и издавались на английском, французском, немецком, — испанском, греческом, венгерском, румынском, польском, болгарском, арабском, китайском, корейском, вьетнамском, хинди, лаосском, дари, пушту, суахили, эстонском, киргизском, азербайджанском, таджикском и других языках. Например, его работа «Очерки экономической теории» была издана на 16 иностранных языках. Найдется немного стран, где бы не переводились и не читались его книги. Даже в таких небольших странах, как Польша, Словакия, Венгрия, Монголия, Греция, их тиражи достигали десятков тысяч экземпляров.

Автору приятно получать книгу, только что вышедшую в свет и еще пахнущую типографской краской, но, очевидно, не менее приятно получать обратно свою книгу, хотя и износившуюся, но которую уже восприняли сотни читателей. На юбилейной выставке трудов Н.Д. Колесова была представлена книга по проблемам собственности, изданная в 1961 году на испанском языке, которая побывала в библиотеке на Кубе, где читатели на ее страницах выразили свое отношение к идеям ученого. Книгу изъял из библиотеки из-за ее большого износа и ветхости и прислал автору профессор Д.З. Коровяковский, работавший советником Министерства образования Кубы. Множество разноцветных пометок, восклицательных и вопросительных знаков, письменных замечаний — лучшее доказательство интереса к ней. Не в этом ли самая большая радость преподавателя научного работника?

Имя ученого-фронтовика вошло во многие отечественные и иностранные экономические энциклопедии. О международном признании его научных заслуг свидетельствует и то, что Комитет по Нобелевским премиям предложил выдвинуть

Н.Д. Колесова на премию как ученого, добившегося в экономической науке выдающихся результатов.

Основное направление научной работы Н.Д. Колесова — исследование природы и структуры собственности, ее форм и противоречий, механизмов и перспектив развития, места и роли в экономической системе, чему он посвятил около 40 работ, в том числе шесть книг и брошюр. Основные положения этих работ вошли в учебники и учебные пособия по политической экономии. Например, рассматривая структуру собственности через присвоение, владение, пользование, распоряжение, он показал необходимость применения их к характеристике государственной собственности и при выборе наиболее эффективных форм хозяйствования. Особое значение имело признание экономической обособленности государственных предприятий на основе таких элементов присвоения, как пользование и владение, что позволило бы перейти к планоно-регулируемой рыночной экономике. На идеях структурного и функционального анализа пользования и владения был подготовлен ряд работ учеников Н.Д. Колесова: А.О. Орузбаева, В.Ф. Семенова, М.К. Васюнина, Г.И. Лысенко, Г.И. Климова, П.М. Коловангина и других.

Занимаясь исследованием проблем социалистической государственной собственности, Н.Д. Колесов должен был быть ярким государственным. Однако в центре его внимания находятся прямо противоположные процессы — обособление, отчуждение, приватизация, разгосударствление, экономическая автономия и т.п. Именно поэтому он оказался в числе первых советских экономистов, отстаивающих идею использования и развития товарно-денежных отношений, идею рыночного социализма. Хорошо известны его статьи «Товарно-денежные отношения» (Экономические науки. 1987. № 6) и «Имманентны или чужеродны» (Вопросы экономики. 1988. № 5), а также «Собственность и рынок» и «Объективные и субъективные факторы перехода к рынку» в отдельных изданиях. В дискуссии в Московском государственном университете на тему «Может ли быть социалистическое производство товарным по своей сути или нет?» он снял остроту проблемы шуткой: «Меня не интересует вопрос, является или не является наше производство товарным, меня огорчает, что мало мы производим товаров». Чувство юмора не подвело. Шутка облетела отечественных экономистов и вышла за рубеж. Н.Д. Колесов числился среди первых товарников и ревизионистов и в СССР, и за рубежом. По его предложению впервые в программе Министерства высшего и среднего специального образования СССР по политэкономии появилась тема «Товарное производство и товарные денежные отношения при социализме», а потом и соответствующие главы в учебниках по политической экономии.

Хотя Н.Д. Колесову пришлось «воевать» за продвижение рыночной идеи, он не несет ответственности за те огромные издержки, которые наша страна имеет в связи с трудным переходом к почти не регулируемому рынку, без своевременно и ясно поставленных социальных и экономических целей, стратегии и приоритетов. В его работах отстаивалась идея социально организованного, социалистического рынка с сильными экономическими стимулами и сильным государственным регулированием. В такой постановке проблемы сочетание государственной собственности и регулирования с развитием рыночных отношений стало предвестником теории двухсекторной экономики.

В монографиях «Общественная собственность на средства производства — основное производственное отношение социализма» (1967) и «Закон соответствия произво-

дительных сил и производственных отношений при социализме» (1973) Н.Д. Колесов исследовал одну из самых сложных теоретических проблем политической экономии — вопрос о структуре производственных отношений и формах их проявления посредством овеществления, персонификации, модифицированных и превращенных форм. Он предпринял плодотворную попытку осмыслить взаимосвязи и сопряженности элементов производственных отношений, особенности взаимодействия их с производственными силами при социализме. Глубокое понимание роли каждого элемента, их субординации, этапов и стадий их развития имело важное значение для разработки теории хозяйственного механизма, практической деятельности государства и других экономических субъектов.

Н.Д. Колесов развил теоретический анализ природы и сущности государственной собственности. Новым стал субъектно-объектный подход к ее функционированию, в котором он раскрывает содержание, характер и противоречия общественного присвоения, место и роль производственных коллективов в нем. Благодаря такому подходу было показано, в какой мере предприятия и производственные объединения являются субъектами экономических отношений. Это исследование имело не только теоретическое, но и большое прикладное значение, ибо связано с использованием экономических мотиваций, интересов и стимулов, совершенствованием хозяйственного механизма.

По проблеме собственности и ее различных форм (государственной, кооперативной, акционерной, личной) Н.Д. Колесов успешно выступал с докладами на всесоюзных и республиканских научных конференциях и совещаниях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Ташкенте, Казани, Ростове и других городах большой страны, а также перед немецкими, чешскими, венгерскими экономистами. Признанием его авторитета как исследователя отношений собственности стало его продолжительное руководство соответствующим Научно-координационным советом при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР. За работу по собственности он удостоен премии Ленинградского университета и награжден Дипломом почета ВДНХ.

Н.Д. Колесов плодотворно работает по методологическим и философским проблемам политической экономии. Экономистам страны известны его глубокие по содержанию выступления в печати об особенностях предмета и метода политической экономии, об их подвижности и взаимосвязи, о структуре курса политической экономии, об экономических противоречиях и формах их разрешения.

В течение продолжительного периода в советской социально-экономической литературе социалистическое общество рассматривалось как социальный организм, лишенный противоречий. Но если они и появляются, то случайно или привнесены извне, и общество имеет все возможности для их быстрого разрешения. Рассматривая противоречивое единство присвоения и отчуждения, интеграции и дезинтеграции, Н.Д. Колесов доказывает наличие противоречия во всех экономических явлениях и процессах при социализме. Поскольку любое экономическое отношение предполагает существование не менее двух субъектов, оказывающихся по разные стороны от объекта присвоения (производитель и потребитель, продавец и покупатель, кредитор и заемщик, собственник и арендатор и т.д.), то между ними всегда существуют экономические противоречия. Ученый показал не только всеобщую противоречивость, но и определенную субординацию реальных экономических противоречий

при социализме. С его статьи об основном противоречии социализма на страницах журнала «Вопросы экономики» (1987, № 2) началась острая и длительная дискуссия среди советских экономистов, философов и социологов.

По проблемам экономических противоречий под научным руководством Н.Д. Колесова в Ленинградском университете была создана научная школа, в результате проведенных изысканий были разработаны новые аспекты противоречивости функционирования и развития экономических систем, появились интересные книги, статьи, сборники научных работ, были защищены докторские и кандидатские диссертации (В.Ф. Щербина, МП. Рачков, В.М. Цветаев, А.Ф. Московцев, В.Н. Афанасьев, С.В. Бурков и ряд других). Такие работы, как «Экономические противоречия и формы их разрешения при социализме» (1982) под руководством Н.Д. Колесова и совместно с В.Ф. Щербиной «Разрешение экономических противоречий социализма» (1988), подвели под новую и быстро растущую научную школу солидный методологический и теоретический фундамент.

Важным направлением научной работы Н.Д. Колесова стало исследование теоретических проблем экономики сельского хозяйства и агропромышленных комплексов, аграрных преобразований, экономической оценки земли и т.п. По этим вопросам он неоднократно выступал с докладами на научных конференциях, публиковал книги, статьи. Он одним из первых среди советских экономистов выступил в печати с обоснованными предложениями о введении экономической оценки земли, которая потом была поставлена в качестве практической задачи. Его статьи по этой проблеме были опубликованы в газетах «Правда» от 5 марта 1966 года и «Ленинградская правда» («Земле — экономическую оценку») от 20 марта 1966 года, а идеи, заложенные в них, имели большое значение, так как позволяли обосновать возможность введения в экономический оборот основного средства производства без изменения формы собственности. Одной из первых в осмыслении путей интеграции общественного производства на селе была также книга «Аграрно-промышленные комплексы», написанная ученым в соавторстве с А.Ф. Тарасовым и В.Н. Овчинниковым и вышедшая в 1973 году.

Н.Д. Колесов стоял у истоков почти всех новых научных направлений на экономическом факультете ЛГУ (применение математических методов в экономике, международные экономические отношения, социология). Так, еще в то время, когда социология в СССР не признавалась наукой, он выступил со статьей «Экономическая наука, социология и хозяйственная политика», а совместно с В.Р. Полозовым со статьей «Слово — социологии» в «Экономической газете» № 13 от 31 марта 1965 года и «О комплексном планировании социальных процессов» в «Экономической газете» № 60 от 26 мая того же года. В статьях показывалась необходимость научных исследований и подготовки кадров по экономической социологии, что теоретически и идеологически подготовило базу открытия отделения социологии на экономическом факультете ЛГУ, в отличие от других университетов, где такие отделения создавались на философских факультетах. Кафедра политической экономии под руководством Н.Д. Колесова постоянно готовила новые курсы и научно-педагогические кадры для новых научных направлений.

Руководя Головным советом по политической экономии МВ и ССО РСФСР и кафедрой, Н.Д. Колесов занимается вопросами организации экономической науки в высшей школе. Известны его выступления со статьями «Вуз, хозрасчет и рентабель-

ность» («Правда» от 5 марта 1966 г.) и «Экономические рычаги в вузе» («Экономическая газета» № 40 за тот же год), в которых была показана необходимость и значение коммерциализации некоторых сторон основной и инфраструктурной деятельности научных и высших учебных заведений.

Как вузовский ученый, Н.Д. Колесов уделяет большое внимание подготовке учебников и учебных пособий по политической экономии и экономической теории. Ряд таких работ, подготовленных при участии и под его руководством, получил широкое признание. Учебник «Политическая экономия социализма», подготовленный под его руководством и редакцией и вышедший в издательстве «Высшая школа» в 1974 году, завоевал широкое и заслуженное признание у студентов и преподавателей вузов.

Глубина теоретических исследований коренных вопросов политической экономии и большая практика преподавания в университете позволили Н.Д. Колесову подготовить и издать в «Политиздате» книгу «Политическая экономия социализма в вопросах и ответах», которая выдержала три издания (1975, 1979, 1983) миллионным тиражом и была переведена на 17 иностранных языков. Газета «Правда» писала о его книге: «Книга, отвечающая в популярной сжатой форме на актуальные вопросы помогает глубже изучить политическую экономию социализма. Особенность этой книги состоит в том, что в ней просто и доходчиво объясняются основные вопросы экономической теории. Автор не вступает в полемику с другими экономистами, а отвечает позитивно на острые и сложные теоретические вопросы, показывает конкретные формы использования экономических законов» («Правда» от 1 июля 1975 г.). Н.Д. Колесов готовил, руководил и принимал активное участие в проведении многих всесоюзных и республиканских научных конференций в разных городах, и прежде всего в Ленинграде. Значительными событиями для развития экономической науки страны в начале 70-х годов стали инициированные, возглавленные им конференции и изданные монографии «Предприятие в системе народного хозяйства» (1972) и «Социально-экономические проблемы рабочей силы при социализме» (1972), которые нашли отклик не только в советской, но и в зарубежной печати.

Необходимо отметить стремление Н.Д. Колесова к осуществлению коллективных научных проектов, творческому сотрудничеству с другими учеными и умение руководить научными коллективами. Под его руководством и редакцией были подготовлены (и впоследствии изданы) монографии: «Вопросы повышения экономической эффективности производства» (1965), «Предприятие в системе народного хозяйства» (1972), «Экономические интересы при социализме и формы их реализации» (1971), «Методологические проблемы политической экономии социализма» (1976), «Экономические противоречия и формы их разрешения при социализме» (1982), «Единый народнохозяйственный комплекс и развитие социалистического общества» (1984), «Проблемы совершенствования социалистического хозяйственного механизма» (1984) и др. Актуальность и значение поставленных проблем не вызывают сомнений. Всего под руководством и редакцией Н.Д. Колесова было подготовлено к опубликованию более 30 монографий общим объемом 450 п.л. Он руководил авторскими коллективами и принимал непосредственное участие в выпуске работ, подготовленных совместно с экономистами других стран, в Венгрии, ГДР, Чехословакии. Это свидетельствовало о распространении влияния школы крупного ученого и педагога, незаурядного организатора коллективных научных исследований.

На работы Н.Д. Колесова опубликовано более 50 рецензий как в нашей стране, так и за рубежом, и все они, при некоторых различиях в трактовке, дают самую высокую научную оценку трудам ученого. Так, его книга «Экономический закон соответствия производительных сил и производственных отношений» (1973) была высоко оценена в рецензиях Б. Георгиева (Экономическая газета. 1974. № 21), киевских экономистов Логвиненко и В. Покровского (Экономические науки. 1974. № 9), белорусского ученого И.Д. Прохоренко (Вестник Белорусского университета. Серия ТО. 1975. № 2), ученых ГДР М. Хенчель и К. Рудольфа (Wirtschaft Wissenschaft. 1975. № 5). На книгу «Предприятие в системе народного хозяйства» (1972) были опубликованы рецензии ростовских экономистов В. Овчинникова и В. Тищенко в «Экономических науках», болгарских экономистов в журнале «Экономическая мысль» (1974. № 4) и другие.

Н.Д. Колесов — организатор и руководитель большого научного коллектива. Возглавляемая им в течение 34 лет кафедра стала одной из крупнейших и ведущих в бывшем СССР и России. Под его непосредственным руководством подготовлено и защищено 65 докторских и 148 кандидатских диссертаций. Он и сегодня отдает много сил и времени подготовке студентов и молодых ученых. Отделение политической экономии, на котором он читает специальные курсы, выпускает квалифицированных специалистов для многих вузов страны. Ученый совет Ленинградского университета присуждал ему дипломы и премии «За лекторское мастерство». За успешное руководство научной работой студентов МВ и ССО СССР и РСФСР неоднократно награждали Н.Д. Колесова почетными грамотами и дипломами. Подготовленные им преподаватели по политической экономии работают во многих городах и научных центрах России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Возглавляя более 20 лет Головной совет по политической экономии МВ и ССО РСФСР, Н.Д. Колесов проводил большую работу по улучшению координации исследований вузовских ученых, организации научных конференций и совещаний, повышению квалификации преподавателей вузов. Головной совет осуществил в этом направлении ряд крупных организованных мероприятий (семинары докторантов, школы молодых экономистов и т.д.), что позволило активизировать научные экономические исследования в вузах и повысить их качество. Особое значение для развития вузовской науки имела организация регулярной апробации результатов и координация проблематики проводимых исследований. Он много лет возглавлял Научно-координационный совет Северо-Западного региона, руководил редакционной коллегией «Сборника научных работ преподавателей политической экономии вузов Ленинграда», был много лет членом секции политической экономии научно-технических советов при МВ и ССО и РСФСР, членом экспертного совета ВАК, председателем специализированного совета по присуждению ученой степени кандидата экономических наук по политэкономии. Его организаторский труд неоднократно был отмечен ведомственными наградами.

За боевые и трудовые заслуги Н.Д. Колесов награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, «Знаком Почета» и девятью медалями. Он всегда активен в общественной работе: избирался и работал секретарем партийного комитета Ленинградского университета, членом пленума Василеостровского РК КПСС, депутатом райсовета, а теперь возглавляет Совет ветеранов Санкт-Петербургского го-

сударственного университета, он почетный доктор и член попечительского совета Волгоградского государственного университета.

Рассказывать о научной и общественной деятельности Н.Д. Колесова — не хватит и книги. В эпоху, когда наши «кормчие» занимались даже языкознанием, внося самые непредсказуемые изменения в судьбы ученых-филологов, что уж говорить о науках общественных, которые были «служанкой» партии.

А непокорных не жаловали. «Трудно было отстаивать свои позиции, — признавался Николай Дмитриевич в одном из интервью. — Меня считали ревизионистом и часто били за то, что я отстаивал расширение товарно-денежных отношений еще при социализме. Говорил о необходимом усилении обособленности и самостоятельности предприятий, хоть и на основе плановой системы хозяйствования и большой экономической роли государства».

Но и новая «перестройка» экономической политики, так свойственная российскому менталитету (шарахаться из крайности в крайность), не устраивает алексеевского казака, заслуженного (не по званию, а по призванию) деятеля науки России, который с молодечества привык идти своей дорогой. «Нельзя считать — говорит Н.Д. Колесов, — что та рыночная экономика, которая у нас возникла в результате ряда государственных мер, — это единственно возможный путь. Поголовная приватизация (как раньше была поголовная коллективизация), якобы стихийные цены, отказ от планирования — а в итоге мы имеем падение производства... Поголовная приватизация отнимает у нашего государства целые отрасли, которые в любой другой капиталистической стране никто бы никогда не отдал частным собственникам. Скажем, энергетику, авиацию, алюминиевую промышленность и т.п.».

«Мы практически совсем, — продолжает ученый, — отказались от планирования, которое имело свои сильные стороны в советское время. Японские профессора-экономисты приезжали к нам учиться планированию! А мы разом перечеркнули собственные достижения. В результате — полная анархия. И экономика оказалась заложницей политики».

Как тут не вспомнить один из экспромтов, рожденных на колесовском факультете:

Соискатель бедный ищет рецензентов, Но проходят мимо доктора, доценты. Каждый чем-то занят, чем-то перегружен... «Никому, как видно, я совсем не нужен. Лишь одна надежда — Колесов поможет: Он ведь власть имеет, да и совесть тоже...».

«Да и совесть тоже...». Знаменательная обмолвка самодеятельного поэта! Вот тот компас, так легко утрачиваемый в нашем нравственно развороченном муравейнике, который не дает возможности Н.Д. Колесову сбиться с пути.

За долгие десятилетия своей деятельности ученый воспитал много достойных учеников. Среди них — имя, известное всему миру. Это Анатолий Карпов, на которого Н.Д. Колесов, как говорится, положил глаз еще в студенческие времена. Но уже тогда он был чемпионом мира. «Многие думают, рассказывал, вспоминая об этом времени, ученый, — что если студент — чемпион, то преподаватель „вытягивает“ его на экзаменах. На моей кафедре все было иначе. Если студент отвечает на экзамене в среднем 15–20 минут, то с Карповым мы беседовали по часу-полтора. Я и мои коллеги буквально „гоняли“ чемпиона мира по темам так, что Анатолий бледнел от усталости и напряжения не хуже нас. Но Карпов не жаловался на строгих экзаменаторов, показал очень

серьезную подготовку будущего специалиста по экономике социализма. Написанная на уровне кандидатской диссертации дипломная работа «Свободное время при социализме», сразу же привлекла внимание. Главы из нее публиковались на страницах „Литературной газеты“.

Ученый и ученик не раз вступали в противоборство... за шахматной доской, часто просиживая до глубокой ночи либо в университете, либо у кого-то из двоих на квартире. Чемпион подарил своему наставнику на память шахматную доску. Однажды студенты сфотографировали один из сеансов и наутро факультетская стенгазета поместила любопытную фотографию. На ней — проигрывающий, но улыбающийся профессор и задумавшийся Карпов, по привычке обхвативший голову руками. Шуточная текстовка гласила: «Чемпион мира студент Карпов в трудном положении: выиграть или сдать партию профессору Колесову перед завтрашним экзаменом?».

Мы не случайно еще раз вспомнили о колесовских учениках. Николай Дмитриевич и сейчас остается центром творческого притяжения коллег и учеников, требовательным и доброжелательным учителем в своей обширной, развивающейся школе, закаленным в боях и труде другом и товарищем, образцом преданного служения Родине и науке.

Основные труды профессора Н.Д. Колесова

1. Колесов Н.Д. *Общественная собственность на средства производства — основное производственное отношение социализма*. М., 1967.
2. Колесов Н.Д. *Предприятие в системе народного хозяйства*. М., 1972.
3. Колесов Н.Д. *Социально-экономические проблемы рабочей силы при социализме*. М., 1972.
4. Колесов Н.Д. *Закон соответствия производительных сил и производственных отношений при социализме*. М., 1973.
5. Колесов Н.Д. *Экономический закон соответствия производительных сил и производственных отношений*. М., 1973.
6. Колесов Н.Д. *Политическая экономия социализма: Учебник для вузов*. М., 1974.
7. Колесов Н.Д. *Политическая экономия социализма в вопросах и ответах*. М., 1975; 2-е изд. 1979; 3-е изд. 1983.
8. Колесов Н.Д. *Товарно-денежные отношения* // *Экономические науки*, № 6. 1987.
9. Колесов Н.Д. Щербина В.Ф. *Разрешение экономических противоречий социализма*. М., 1988.
10. Колесов Н.Д. *Имманентны или чужеродны* // *Вопросы экономики*, № 5. 1988.

М.М. Загоруйко,
доктор экономических наук, профессор

Г.Г. Богомазов,
доктор экономических наук, профессор

В.Б. Смирнов,
доктор филологических наук, профессор

Сборник

РАТНЫЙ И ТРУДОВОЙ ПОДВИГ УЧЕНЫХ-ЭКОНОМИСТОВ: ОЧЕРКИ И СТАТЬИ

Издан Вольным экономическим обществом России

Составители: А.В. Петриков, М.И. Воейков, С.В. Котеев

Оформление и верстка: ООО «Экономикс Медиа»

Корректоры: Ольга Марсова, Полина Марсова

Подписано в печать 11 марта 2025 г.

Формат 165 x 235 мм. Бумага офсетная

Выход в свет 25 марта 2025 г.

Тираж 300 экз. Заказ № 336

Отпечатано в типографии ООО «Премиум-принт»

г. Москва, ул. Дубининская, д. 68, стр. 13

ISBN 978-5-94160-240-7

9 785941 602407